ISSN 2223–2982

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

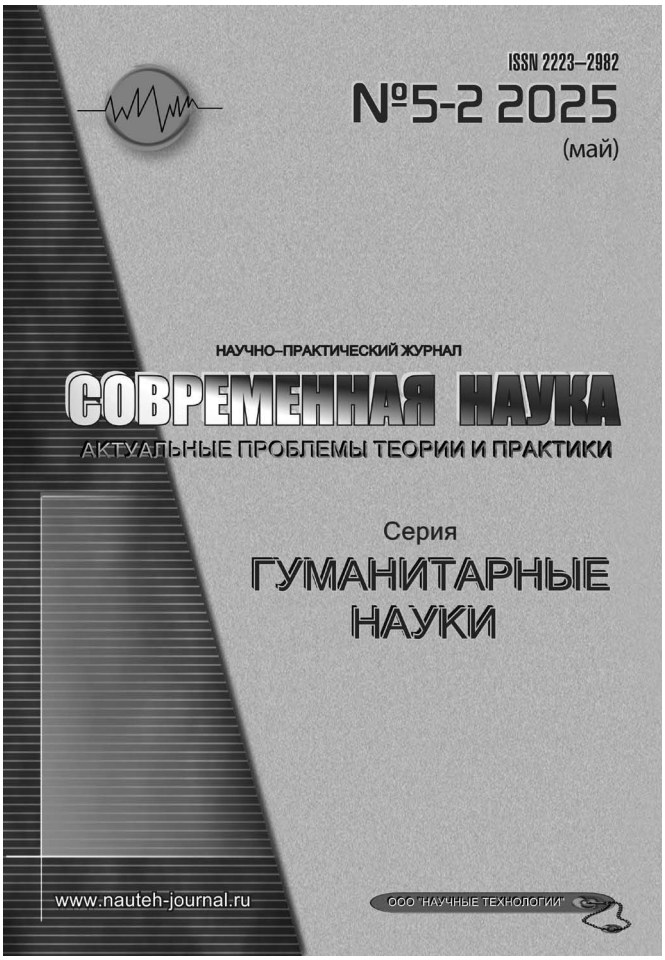
№5–2 2025 (МАЙ)

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК – 5.6.x, 5.8.x, 5.9.x)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»



Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
В.Л. Степанов

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 80015

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10
Тел/факс: 8(495) 755-1913

E-mail: redaktor@nauteh.ru
http: //www.nauteh-journal.ru

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44913 от 04.05.2011 г.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:
Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии
ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296

Подписано в печать 16.05.2025 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2982

© Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики». Серия «Гуманитарные науки».

Редакционный совет

Степанов Валерий Леонидович — д.и.н., профессор, Институт экономики РАН, в.н.с.

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Акульшин Петр Владимирович — д.и.н., профессор, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина

Алиева Эльвира Низамиевна — д.филол.н, доцент, независимый эксперт

Ватлин Александр Юрьевич — д.и.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Воронина Галина Ивановна — д.п.н., профессор, Центр Образования и Компетенций, Бремен (Германия)

Вяземский Евгений Евгеньевич — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Герасименко Наталья Аркадьевна — д.филол.н., профессор, Московский государственный областной университет

Евладова Елена Борисовна — д.п.н., Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования (ИИДСВ РАО)

Какваева Сабрина Бастаминовна — д.филол.н., доцент, Дагестанский государственный медицинский университет Минздрава РФ

Котов Александр Эдуардович — д.и.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Лебедев Сергей Константинович — д.и.н., Санкт-Петербургский институт истории РАН, в.н.с.

Лизунов Павел Владимирович — д.и.н., профессор, Северный (Арктический) Федеральный университет им. М.В. Ломоносова

Миньяр-Белоручева Алла Петровна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Михайлова Мария Викторовна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Осипова Нина Осиповна — д.филол.н., профессор, Московский гуманитарный университет

Петрусинский Вячеслав Вячеславович — д.п.н., профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Печенёва Татьяна Анатольевна — д.п.н., Белорусский государственный университет

Пушкарева Наталья Львовна — д.и.н., профессор, Институт этнологии и антропологии РАН

Рыжов Алексей Николаевич — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Савостьянов Александр Иванович — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Сенявский Александр Спартакович — д.и.н.,, Институт экономики РАН, г.н.с.

Сморчков Андрей Михайлович — д.и.н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Стрелова Ольга Юрьевна — д.п.н., профессор, Хабаровский краевой институт развития образования

Тюпа Валерий Игоревич — д.филол.н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Ханбалаева Сабина Низамиевна — д.филол.н.,, МГИМО МИД России, ст. преподаватель

Щедрина Нэлли Михайловна — д.филол.н., профессор, Московский Государственный Областной Университет

Юдина Наталья Владимировна — д.филол.н., профессор, Владимирский филиал Финансового университета при Правительстве РФ

СОДЕРЖАНИЕ CONTENTS

История

Блохин В.В., Мальшакова П.А. – Россия в исторических трудах американских неоконсерваторов
Blokhin V., Malshakova P. – Russia in the historical works of American neoconservatives 7

Вэнь Сяоцин – Китайско-российское научное сотрудничество в 2015–2025 годах
Wen Xiaoqing – China–Russian scientific cooperation in 2015–2025 12

Галданов Г.А. – Советские строительные тресты в Монголии: роль в индустриализации и экономическом развитии в 1960–1980 гг.
Galdanov G. – Soviet construction trusts in Mongolia: their role in industrialization and economic development in the 1960-1980s 18

Каташев М.С. – Л.А. Сары-Сэп Канзачаков (1891–1937 гг.), организатор создания автономии алтайского народа. судьба общественно-политического деятеля в послереволюционную эпоху
Katashev M. – L.A. Sary-Sep Kanzahakov (1891–1937), organizer of the creation of autonomy of the Altai people. the fate of a public and political figure in the post-revolutionary era. 25

Ли Сяоминь – Сравнительное исследование стратегий аналитических центров КНР в продвижении энергетического сотрудничества с Казахстаном Узбекистаном и Туркменистаном с 2001 по 2025 годы
Li Xiaomin – comparative study of the strategies of the analytical centers of the people's republic of China in promoting energy cooperation with Kazakhstan, Uzbekistan, and Turkmenistan from 2001 to 2025 32

Логачёва Н.В., Григорьева Н.А., Симонова М.А., Миронова А.В. – Благотворительная деятельность церковных хоров в годы Первой мировой войны
Logacheva N., Grigorieva N., Simonova M., Mironova A. – Charitable activities of church choirs during the First World War 37

Логачёва Н.В., Григорьева Н.А., Белановская Ю.Е. – Отражение событий Первой мировой войны на страницах журнала «Хоровое и регентское дело» в 1914–1917 гг.
Logacheva N., Grigorieva N., Belanovskaya Yu. – Reflection of the events of the first world war on the pages of the magazine "Choral and regent affairs" in 1914–1917 41

Мурашев М.А., Гуцалюк А.С. – От казачьей станицы до города воинской доблести: очерк военной истории г. Дальнереченска
Murashev M., Gutsalyuk A. – From a Cossack village to a city of military valor: an essay on the military history of Dalnerechensk 45

Печалова Л.В., Павленко С.А., Печалов А.К. – Проблемы и опыт формирования исторической и социальной памяти у обучающейся молодёжи
Pechalova L., Pavlenko S., Pechalov A. – Challenges and experiences formation of historical and social memory among students 51

Семенченко И.В., Суворова А.В. – Деятельность уральских земств по социальной защите населения в 1900–1918 гг.
Semenchenco I., Suvorova A. – The activity of the Ural zemstvos on social protection of the population in 1900–1918. 56

Смирнова Ю.В., Беспалов А.К. – Факторы феномена массового самопожертвования советских граждан в период великой отечественной войны: историографический аспект

Smirnova Yu., Bespalov A. – Factors of the phenomenon of mass self-sacrifice of soviet citizens during the great patriotic war: the historiographical aspect 59

Сюй Цзин – Анализ миссии и развития студентов, обучающихся в России, в контексте китайско-российских отношений в новую эпоху
Xu Jing – Analysis of the mission and development of Chinese students studying in Russia in the context of Sino Russian relations in a new era 65

Шепелева О.П., Васильев С.А., Бурова А.Ю., Часовская В.В. – История развития некоторых партий в России на рубеже XIX–XX веков
Shepeleva O., Vasiljev S., Burova A., Chasovskaja V. – The history of the development of some parties in Russia at the turn of the XIX - XX centuries 70

Педагогика

Асриев А.Ю., Ондар Ш.О. – Воспитательное пространство кадетской образовательной организации в условиях цифровой трансформации
Asriev A., Ondar Sh. – Educational space of a cadet educational organization in the context of digital transformation 73

Барцаева Е.В., Перепёлкина Е.В. – Организация и содержание логопедической работы по преодолению дислексии у младших школьников с общим недоразвитием речи
Barcaeva E., Perepyolkina E. – Organization and content of speech therapy work to overcome dyslexia in younger schoolchildren with general speech underdevelopment 78

Виноградова Д.С. – Технологии искусственного интеллекта и виртуальной реальности в обучении грамматики английского языка
Vinogradova D. – Using AI and VR for teaching English grammar 83

Гамаюнова А.Н., Бобкова О.В., Ковалева А.А. – Формирование диалогической речи у дошкольников с общим недоразвитием речи
Gamajunova A., Bobkova O., Kovaleva A. – Formation of dialogical speech in preschoolers with general speech underdevelopment 88

Долгополова В.А. – Цивилизационный подход в исследовании коррекционных школ России
Dolgopolova V. – Civilizational approach to the study of correctional schools in Russia 91

Ли Хань – Построение и исследование функций библиотеки ВУЗа как мозгового центра — на примере библиотеки Хэйлунцзянского университета
Li Han – Construction and research on the functions of a university library as a think tank: a case study of the library of Heilongjiang university 94

Новикова В.Н., Азметова Р.Ф. – Роль фоновых знаний как ключ к пониманию «аллюзий» при обучении инстуциональному дискурсу студентов нелингвистических направлений подготовки
Novikova V., Azmetova R. – The Significance of background knowledge as a key to understanding “allusions” in teaching institutional discourse to students of non-linguistic programs 98

Свиридов А.В., Глухов Г.В. – Принципы андрогогики при электронном обучении
Sviridov A., Glukhov G. – Principles of andragogy in e-learning 108

Тоноян Х.А., Немчинов Н.Н., Шепелева Е.С. – Применение VR и AR технологий в учебно-тренировочном процессе тренера в ДЮСШ по видам единоборств
Tonoyan Kh., Nemchinov N., Shepeleva E. – Application of VR and AR technologies in the training process of coaches in youth sports schools and specialized sports schools for martial arts 113

Ховякова А.Л. – Военно-патриотическое воспитание младших школьников на основе вовлечения в проект «Книга памяти военных лет»
Khovyakova A. – Military-patriotic education primary school students on the basis of engagement to the "Book of memory of the war years" project 119

Цуй Сяолинь, Федотова О.Д. – Биографический нарратив в российских педагогических энциклопедиях: оценка вклада Цай Юаньпэя в развитие образования и науки Китая
Cui Xiaolin, Fedotova O. – Biographical narrative in Russian pedagogical encyclopedias: assessing Cai Yuanpei's contribution to the development of education and science in China. 125

Щербакова Н.Е., Кирюшина А.А., Безрукова К.М. – Развитие творческих способностей младших школьников посредством театрализованной деятельности
Shcherbakova N., Kiryushina A., Bezrukova K. – Developing the creative abilities of younger schoolchildren through theatrical activities 129

Яковлева Е.В. – Воспитание студентов при изучении физике в вузе: проблемы и опыт
Yakovleva E. – Student education while studying physics in higher educational institution: problems and experience 133

Филология

Авезова Б.С., Новикова Н.В. – Сравнительно-сопоставительное исследование астронима ‘луна’ в языковой картине мира / на материале английского, таджикского, русского и хинди языков
Avezova B., Novikova N. – Comparative study of the astronym ‘moon’ in the language picture of the world / by the material of the English, Tajik, Russian, and Hindi languages 139

Богатырко А.О., Москвина Ю.А. – Воспитательный аспект христианского (протестантского) дискурса
Bogatyrko A., Moskvina Ju. – The educational aspect of Christian (Protestant) discourse. 144

Гун Мин, Полищук Е.В. – Реализация парных антонимических концептов с помощью цветообозначения в рассказе «Руся» И.А. Бунина
Gong Ming, Polishchuk E. – The realization of paired antonymic concepts using color-terms in the story "Rusya" by I.A. Bunin 148

Демидова Е.В., Аракелова А.Р. – Роль аббревиатур в англоязычных текстах об умной архитектуре и экологичном дизайне
Demidova E., Arakelova A. – The role of abbreviations in English-language texts on smart architecture and sustainable design 151

Кокорина К.А. – Мультимодальность дискурса: особенности интерпретации, основные подходы к анализу
Kokorina K. – Multimodality of discourse: features of interpretation, basic approaches to analysis. 154

Косова И.О. – Лингвокультурные и географические аспекты контента туристических сайтов
Kosova I. – Linguocultural and geographical aspects of the content of tourist sites 159

Кошелева О.Н., Маслова А.Н., Шиндель С.В. – Основные принципы создания тифлокомментариев (на материале фильма "Goodbye, Lenin")
Kosheleva O., Maslova A., Shindel` S. – Basic principles of creating audio commentaries (based on the film "Goodbye, Lenin"). 162

Ли Фэн – История использования зоонимов в русском песенном жанре XVIII–XIX вв
Li Feng – The history of the use of zoonyms in the Russian song genre of the XVIII-XIX centuries 167

Лупина А.Е. – Особенности лексикализации антропонимов во французском языке
Lupina A. – Features of lexicalization of anthroponyms in French 171

Медведева Ю.И. – Инверсия как средство экспрессивного синтаксиса (на материале англоязычной художественной литературы)
Medvedeva Yu. – Inversion as a means of expressive syntax (based on the material of English fiction). . .177

Нго Суан Биен – Символический образ птиц в русской и вьетнамской лингвокультурах
Ngo Xuan Bien – The symbolic image of birds in Russian and Vietnamese lingvocultures 181

Орлова В.В. – Когнитивно-динамическая модель последовательного перевода
Orlova V. – The cognitive dynamic model sequential transfer 186

Степанова Н.Н. – Феномен Другого в романе «Гостья» Симоны де Бовуар в свете философии экзистенциализма
Stepanova N. – The phenomenon of the Other in Simone de Beauvoir's novel "The Guest" in light of the philosophy of existentialism 193

Тумина В.А. – Содержательные особенности американского предвыборного дискурса на материале речей Д. Трампа
Tumina V. – Semantic Features of American Pre-Election Discourse based on D. Trump's Speeches 198

Тянь Мэнчжу – Доминанта «Милосердие» как периферийный компонент концептуального макрополя ЦЕННОСТЬ в русской лингвокультуре
Tian Mengzhum – The dominant "Mercy" as a peripheral component of the conceptual macrofield VALUE in Russian linguistic culture. 208

Химинец Е.М., Мишланова С.Л. – Семантико-когнитивный анализ лексем «guerre» и «mission» в словаре и дискурсе
Khiminets E., Mishlanova S. – Semantic-cognitive analysis of lexemes "guerre" and "mission" in dictionary and discourse 212

Чернобров А.А., Яковлева С.Р. – Использование языка вражды в заголовках англоязычных новостных интернет-статей
Chernobrov A., Yakovleva S. – The use of hate speech in English-language internet news articles headlines 216

Шакалов И.И., Таказов В.Д. – Аксиологические конфликты в медиарепрезентациях молодежных инициатив и их влияние на общественное восприятие
Sakalov I., Takazov V. – Axiological conflicts in media representations of youth initiatives and their influence on public perception 221

Шакалов И.И., Таказов В.Д. – Трансформация традиционных СМИ в освещении вопросов молодежной политики в эпоху глобализации ценностей
Sakalov I., Takazov V. – Transformation of traditional media in covering youth policy issues in the era of globalization of values 226

Шальнова Ю.С., Чигряев А.В. – Образование новых слов в китайском языке: процессы и тенденции
Shalnova Ju., Chigryaev A. – New word-formation in Chinese: processes and trends. 231

Шатилова Л.М., Зубкова Я.В., Орлова С.Н. – Употребление молодёжного сленга и жаргона в немецком языке
Shatilova L., Zubkova Ya., Orlova S. – The use of youth slang and jargon in German 237

Шестакова О.В., Катаева Е.Г., Макаров Н.М. – Особенности машинного перевода эскизов в сфере ракетных двигателей
Shestakova O., Kataeva E., Makarov N. – Features of machine translation of sketches in the field of rocket engines. 243

Шугушева Д.Х., Карданов М.Л. – Своеобразие структуры и семантики фразеологических конфигураций «утыку» (центр) (по произведениям А.П. Кешокова)
Shugusheva D., Kardanov M. – The peculiarity of the structure and semantics of the phraseological configurations of "utyk" (center) (based on the works of A.P. Keshokov) 247

Юсупова Л.Р., Зарипова И.Ф. – Партикуляция как вид конверсии в современной лингвистике
Yusupova L.,Zaripova I. – Particulation as a type of conversion in modern linguistics 250

Информация

Наши авторы. Our Authors. 255

Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 257

DOI 10.37882/2223–2982.2025.05–2.04

РОССИЯ В ИСТОРИЧЕСКИХ ТРУДАХ АМЕРИКАНСКИХ НЕОКОНСЕРВАТОРОВ

RUSSIA IN THE HISTORICAL WORKS OF AMERICAN NEOCONSERVATIVES

V. Blokhin
P. Malshakova

Summary: The article examines the intellectual role of American neoconservative historians R. Pipes and E. Applebaum. The authors show that the theoretical basis for their concept of understanding the history of Russia and the USSR was the patrimonial and totalitarian theories. The totalitarian theory was first used as a tool of the Cold War by Hannah Arendt. Historical science was adopted by representatives of American neoconservatism in the 1970s. The most prominent representative of historical revisionism was R. Pipes, who was not only the organizer of the Cold War institutions, the «Team B», but also the author of key narratives about Russia. A critical analysis of the works of neocon historians allows us to rightfully speak about the deliberate ideologization of historical thinking, double standards in understanding the historical past and intentions of the USSR and Russia.

Keywords: neoconservatism, ideology, totalitarianism and authoritarianism, patrimonial theory.

Блохин Владимир Владимирович
доктор исторических наук, профессор,
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»
blokhin_vv@pfur.ru
Мальшакова Полина Александровна
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»
malshakova-pa@pfur.ru

Аннотация: В статье осмысливается интеллектуальная роль американских историков-неоконсерваторов- Р. Пайпса, Э. Эпплбаум. Авторы показывают, что теоретической основой их концепции осмысления истории России и СССР служили вотчинная и тоталитарная теории. Тоталитарная теория была впервые применена в качестве инструмента холодной войны Ханной Арендт. Историческая наука была взята на вооружение представителями американского неоконсерватизма в 1970-е гг. Наиболее ярким представителем исторического ревизионизма стал Р. Пайпс, который был не только организатором институтов холодной войны, «команды Б», но и автором ключевых нарративов о России. Критический анализ работ историков-неоконов позволяет с полным правом говорить о заведомой идеологизации исторического мышления, двойных стандартах в понимании исторического прошлого и намерений СССР и России.

Ключевые слова: неоконсерватизм, идеология, тоталитаризм и авторитаризм, вотчинная теория.

Вторая половина XX века была отмечена господством в США неоконсервативной элиты, которая внесла огромный идейно-политический «вклад» в развязывание холодной войны и реализацию антироссийской политики США в 1990–2025 гг.

До сих ведутся споры о природе неоконсерватизма как идейно-политического феномена. Одни политологи считают неоконсерваторов представителями определенной идеологии, центральным пунктом которой была идея утверждения мирового доминирования США и победа над «империей зла» СССР. Другие, считают, что неоконсерватизм олицетворял не что иное как лишь неоформленное течение политической мысли, в основе которого лежало ценностное понимание действительности, манихейски черно-белое восприятие жизни как арены борьбы добра и зла. Повсюду неоконы твердили о приоритетности либерально-демократических ценностей и утверждении их посредством силы. Джошуа Муравчик, влиятельный неоконсервативный публицист, подчеркивая «революционный характер» неоконсерватизма и насаждения либерализма посредством «цветных революций», образно констатировал: «Все мы, в сущности, ленинцы!»

Среди источников неоконсервативного мышления необходимо отметить троцкизм, из которого неофиты неоконсерватизма взяли идею экспорта революций, взгляд на Вторую мировую войну как столкновение двух империализмов. [4, с.18] В послевоенное время неоконсервативные интеллектуалы все более были склонны рассматривать борьбу Запада с СССР как непримиримое противостояние добра и зла. [4, с.19]

Начало политического влияния неоконов пришлось на 1970-е гг., когда была создана масштабная инфраструктура холодной войны. Это и «Комитет по насущной угрозе» (КНУ), «Коалиция за мир через силу», «Совет американской безопасности» и др. В это же время формируется один из основных влиятельных по сей день интеллектуальных центров неоконсервативной теории и практики- «Американский институт предпринимательства», в функции которого входила консолидация неоконсервативной элиты. [13, с.54]

«Комитет по насущной угрозе» объединял интеллектуалов из обеих политических партий, республиканцев и демократов. Свою задачу он видел в оказании давления на политические круги для воспрепятствования раз-

рядки и контролю вооружений. На этот период времени пришлось формирование «второго» поколения неоконсервативных кадров. Не будет преувеличением сказать, что одними из самых выдающихся интеллектуалов этой группы были историк Р. Пайпс, философ и политолог Фрэнсис Фукуяма, политолог Леон Арон. К этой группе примыкает и такая исследовательница России, как Эн Эпллбаум, чьи работы отличаются крайней непримиримостью к СССР. Они не только практически участвовали в организации Холодной войны, но и формировали интеллектуальный контекст восприятия России, как геополитического и исторического врага. В этой связи рассмотрение их исторической концепции представляется необходимым.

Ричард Пайпс, безусловно, является ключевым неоконсервативным историком и общественным деятелем. Для него исторические обобщения служили аргументом его политической практики, его непримиримого противостояния с СССР. Важнейшим делом Р. Пайпса стала организация «команды Б», состоявшей из группы интеллектуалов и экспертов, считавшей деятельность ЦРУ («Команда А») по противодействию СССР крайне неэффективной и бездарной. Команда «Б» стала неким альтернативным ЦРУ. Не секрет, что при Дж. Картере либеральная элита США считала невозможной победу в «Холодной войне», а потому рассчитывала на соглашения с СССР, в частности, в вопросах контроля над вооружениями. Для группы Р. Пайпса и Г. Джексона это «миролюбие США» было неприемлемо. [3] Команда «Б» стремилась развернуть общественное мнение США к конфронтации с СССР. Интеллектуалы этой группы обращались к российской истории, чтобы доказать, что, начиная с XVIII века, в России идеализировали войну, в то время как западное сознание, напротив, основано на мирных, индивидуалистических ценностях, несовместимых с войной, которая, по их мнению, является отклонением, ненормальностью для демократических обществ. [13, с.53]

Возглавивший «команду Б» Ричард Пайпс в своих воспоминаниях откровенно позиционировал себя в качестве разрушителя СССР. «В отношениях с СССР были две возможности помимо «холодной войны»: умиротворение, которое способствовало достижению коммунистами своих целей, или война, которая грозила всеобщим уничтожением…». [7, с.207] Пайпс счел необходимым следовать второму курсу. На ежегодном съезде американских историков в 1969 году он выступил с ожесточенной критикой разрядки-никакой компромисс между системами, по мнению Р. Пайпса, был невозможен. Вопрос стоял о победе одной или другой из сторон. При этом американский историк подверг ЦРУ беспощадной критике за непонимание происходивших в СССР. «У меня свои проблемы с ЦРУ. Я возглавлял «команду В», и мы постоянно спорили с ЦРУ. Думаю, они не очень хорошо понимали Россию. У американцев серьезные проблемы с пониманием других цивилизаций. Они обычно полагают, что все остальные в душе американцы, и если бы у них была возможность быть таковыми, то они бы и были. Это ошибка. Такой человек, как я, что родился в многонациональном обществе (а я родился в районе Польши, где были поляки, немцы, чехи, евреи), понимает, что существует огромное многообразие цивилизаций. Большинство американцев этого не понимают». [9, с.35]

Выступление Р. Пайпса было поддержано группой «ястребов», образовавшихся вокруг сенатора Генри Джексона, прозванного за неистребимый антикоммунизм Толкачом. Сам Р. Пайпс считал себя специалистом и экспертом по России, а потому в его мнении как ученого, нуждался Генри Джексон, усилиями которого и была торпедирована разрядка.

Под антисоветский курс была подведена солидная историческая база.

Концепция русской и советской истории Р. Пайпса выстраивалась на основании тоталитарной теории. К сожалению, отечественные истории и гуманитарии весьма упрощают толкование тоталитаризма, сводя его к юридико-правовой природе. [5. с.7] Вместе с тем, при обращении к генезису этой теории упускается внешнеполитический концепт. Тоталитарная теория выполняла инструментальную идеологическую функцию в годы Холодной войны и глобального противостояния США с СССР. Об этом признавалась сама Х. Арендт. Разработку теории тоталитаризма она связывала не столько с окончанием Второй мировой войны, а с процессами, происходившими в СССР. «Очевидно, что конец войны не означал конца тоталитарного правления в России. Напротив, последовала большевизация Восточной Европы, т.е. распространение тоталитарного правления на ее территорию. Наступивший мир означал не более чем важный поворотный пункт, после которого можно было анализировать сходства и различия в методах и институтах двух тоталитарных режимов. Решающее значение имел не конец войны, а смерть Сталина восемь лет спустя». [1, с.9]

В американской литературе отмечается, что Х. Арендт оказала серьезное влияние на возникшую тогда политическую культуру неоконсерватизма. Так, они переняли ее идею, что гитлеризм и сталинизм- две стороны тоталитаризма. [12, с.6]

Этим же внешнеполитическим императивом «защиты западного мира» руководствуется и Энн Эпплбаум, американская исследовательница, относящаяся с крайней ненавистью и к СССР, и к современной России. Энн Эпплбаум входит в неконсервативный Институт американского предпринимательства. «Холодная война тоже окончена…Правые и левые на западе теперь спорят о

другом. Вместе с тем возникновение новых террористических угроз западной цивилизации делает изучение старых коммунистических угроз еще более важным», - пишет она. [10, с.20]

В своих работах Эпплбаум старается провести тезис о войне как свойстве сталинизма. Ее оценки шокируют своей ангажированностью и односторонностью. Так, рассуждая о Второй мировой войне он пишет: «…Сталинизм и лично Сталин были чудесным образом спасены Второй мировой войной. Несмотря на хаос, ошибки, массовую гибель и опустошение, победа укрепила легитимность системы и ее лидера, "доказав" их состоятельность. В ореоле победы и без того почти религиозный культ Сталина достиг новых высот…. Одновременно мировая война предоставила Сталину беспрецедентные возможности для того, чтобы навязать свои представления о коммунистическом обществе соседним территориям. Первый такой шанс выдался в самом ее начале, в 1939 году, когда Советский Союз и Германия подписали пакт Риббентропа — Молотова. Они договорились разделить Польшу, Румынию, Финляндию и Прибалтийские страны на советскую и немецкую зоны влияния. 1 сентября того же года гитлеровские армии пересекли польскую границу с запада, а 17 сентября сталинские войска атаковали Польшу с востока». [11, с.22]

Конечно, в этих обобщениях нет даже намека на контекст 1939 года, а Польша и Запад представлены как жертвы. За смысловыми границами книги остались упоминания о Мюнхенском сговоре, польско-германском Пакте 1934 г., именуемого как Пакт «Гитлер-Пилсудский». Но самое, пожалуй, характерное, как для Эпплбаум, так и для Арендт- умолчание об инициаторах холодной войны, коими были Англия и США, которые и обусловили создание «железного занавеса». СССР первоначально не ставил вопроса об «экспорте социализма». Сталин был прагматиком и намеревался развивать отношения с Западом. Только с курсом администрации Г. Трумэна на холодную войну, СССР и стал формировать «зону безопасности». Эпплбаум, причисляя себя к историкам-ревизионистам, фактически отказывает СССР в освобождении Европы и победе над Германией, методично извращая факты.

Наиболее авторитетным неоконсервативным историком принято считать Р. Пайпса. На чем же выстраивается концепт Р. Пайпса, сделавший его действенным и убежденным противником России и СССР?

По мнению Р. Пайпса, несколько факторов способствовали формированию из России «несвободного» общества. Базовой характеристикой России, по мнению Р. Пайпса, является имперская традиция, своеобразно переломившаяся в истории страны. «Одна из выдающихся особенностей исторического развития России состоит в том, что рост ее как государства-нации (Московское государство) происходил одновременно с развитием ее империи. Когда Иван Грозный в XVI-м веке покорил Казань и Астрахань, получив в свое подданство мусульман и открыв ворота в Сибирь, российское государство лишь начинало процесс сращивания и укрупнения. Это отличало его от ситуации в Западной Европе, где захват колоний происходил после образования государств. В результате западные державы, теряя свои колонии, не испытывали чувства утраты национальной идентичности. Для России же потеря ее колониальных владений в 1991 году стала гораздо более болезненным событием. [9, с.6]

Обращает на себя внимание ложность и политическая предвзятость толкования Р. Пайпсом России как «колониальной державы». В отличие от западных колониальных империй (Британской, Французской, Португальской, Испанской) Россия прирастала в результате мирного присоединения новых территорий. При этом малые народы, входившие в состав Российской империи, сохраняли свои традиции, верования, без проблем вливались в состав российской элиты. Важно отметить, что чертой присоединённых земель было сохранение социального и национального равенства. «Краеугольным принципом национальной политики являлось широкое сотрудничество центрального правительства с нерусскими элитами, которые в большинстве своем получали права русского дворянства, что облегчало для центральной власти управление новой территорией» [6, с.30]

Во-вторых, признавая имперский характер России, Р. Пайпс отказывает ей в историческом величии. «Россия – великая страна, но не великая держава. Это также создает проблемы, потому что Россия сегодня находится в конфронтации с западным миром, она настаивает на том, чтобы с ней обходились как с великой державой, что, на самом деле, не соответствует реальности ни в политическом, ни в экономическом, ни даже в военном отношении». [9, с.10]

Аргумент Пайпса, с этой точки зрения, совершенно неубедителен, поскольку мера величия государства определяется у него отношением с западом. Уже только географический (размеры территории и ресурсы) и геополитический фактор делают страну великой. Это, впрочем, не мешает Р. Пайпсу сознательно умалять и принижать роль России, которая, будучи лишенной зон влияния, по убеждению Пайпса, оказывается в положении изоляции. Ощущение мировой изолированности лежит в основании российской ментальности. «Какой модели должна следовать Россия? Россия, очевидно, не восточная страна. Россия не Китай. Россия не Индия. Россия не Монголия. И это создает чувство изоляции от остального мира. Так было в XV веке, в XIX веке, в XX веке и по-прежнему дело обстоит так сегодня. Для России это ужасная проблема, поскольку она означает отсутствие

модели, которой страна могла бы следовать. За исключением ее собственной «российской» модели» [9, с.10]. По существу, Пайпс отказывает России в ее самобытном суверенном развитии. «Невозможно, чтобы Россия шла собственным путем. Вы старались идти собственным путем во время коммунизма, но это кончилось катастрофой. Экономически сегодня вы находитесь в системе мировых связей, а политически – еще нет» [9, с.12].

Любопытно, но Пайпс сознательно упустил периоды, когда Россия и СССР оказывали решающее воздействие на мир, будь то XIX век, Венская система, или весь XX век, сложившаяся по итогам Второй мировой войны Ялтинская система мира. Теория Р. Пайпса отличается очевидными двойными стандартами, однобоким западно-либеральным видением мира.

И третьим атрибутом российского социума, по мнению Пайпса, является традиция авторитаризма. «Третий результат – убежденность в том, что Россией нужно управлять авторитарными методами» [9, с.11]. Авторитарность модели проявляется в феномене «вотчинного государства». Этот концепт был решающим для Пайпса в его доказательстве несвободы России. Теория «вотчинного государства» широко использовалась Пайпсом для объяснения русского Средневековья и Российской империи, но одновременно она и позволила ему проложить «семантический мостик» к тоталитарному коммунистическому режиму. В основе советского тоталитаризма и вотчинного государства лежит базовая идея – господство государства над ресурсами, отсутствие частной собственности.

«Россия же представляет собой «вотчинное государство», в котором правители владеют страной, а не просто управляют ею. В результате концепция частной собственности как таковой не вырабатывается, потому что все на самом деле принадлежит государству. Россиянам нужно преодолеть те свои негативные традиции, которые сопротивляются свободе и правопорядку». [9, с.19]. Отвечая на вопрос, какой же является Россия, Пайпс утверждает, что в политической системе современной системе России содержатся как советские (тоталитарные), так еще и дореволюционные (авторитарные) черты. [9, с.19]. «В ней имеются элементы обоих образований. Впрочем, Советская Россия была в определенной мере продолжением России царей. У двух государств было много общего. Все это я описал в своей «России при старом режиме», которая так рассердила Солженицына». [9, с.37].

Отличие царского режима и советской власти Пайпс видит в «масштабе репрессивности». «Разумеется, масштаб репрессивных действий обоих режимов несопоставим. Но, несмотря на это, политические системы отличались не так сильно. Возвращаясь к вопросу: мне кажется, что то, что делает Путин, скорее, напоминает царскую, чем советскую Россию. Дореволюционная Россия очень любила сильных лидеров. Своего царя они назвали Иваном Грозным. А ведь в русском языке «грозный» – это положительное определение». [9, с.37].

Несвободу России, ее корни Р. Пайпс связывает с ментальностью русского народа, его восприятием жизни. У русских, по его мнению, не сложилось, характерной для Запада хозяйственной культуры. Русская культура, по мнению Р. Пайпса, аграрная, она не нацелена на достижение взаимной выгоды. «Торговая этика, которую мы получили из Средних веков, учит, что от любой сделки обе стороны, участвующие в ней, должны выиграть, обе стороны должны получить выгоду. Но российская культура – аграрная. И в понимании аграрной культуры выигрыш одного – это потеря другого. В понимании российской культуры сделка – игра с нулевой суммой». [9, с.11].

С таким утверждением трудно не поспорить. Думается, что хозяйственную культуру русского человека (как артельного или культуру старообрядцев) он фактически не знает.

Еще более спорными, на наш взгляд, являются его оценки политической культуры. Осознание несходства русских и американцев приводит Пайпса к парадоксальному выводу об отсутствии уникальности российской цивилизации. «Однако русские реально отличаются от нас, -продолжает Пайпс. Мне даже трудно найти, в чем русские и американцы схожи. Конечно, все люди имеют определенные качества, но, когда речь идет о цивилизации, о культуре, особенно же о политике, разница огромна. Разрешите мне указать на нее. Во-первых, русские антиполитичны. Они не заботятся о правительстве так, как мы… Во-вторых, русские антисоциальны. Они не чувствуют себя частью русского общества, но лишь частью родных и близких друзей. Они даже не считают себя полностью русскими. [9, с.16]. В-третьих, наверное, так же важен тот факт, что они не знают, к кому они принадлежат: к Европе или Азии. Когда их спрашивают, европейцы ли они, то только небольшая часть отвечает положительно – что-то около 14 %... Когда я езжу в Россию, когда провожу лекции, я все время говорю им: «Вы – западники, вы западные люди, вы принадлежите Западу, у вас нет другого выбора! Вы не уникальны, вы не азиаты. Вы западные люди. Но это требует постоянного вдалбливания». [9, с.17-18].

Обозначенные культурные отличия русских, тем не менее, Р. Пайпсом не объясняются. Аполитичность как феномен может быть объяснена как поздним зарождением в России капитализма (пореформенная Россия, начало XX века- реформа Столыпина) и следствием этого несформированностью гражданского общества, являющегося условием существования феномена политиче-

ского, так и религиозным типом сознания большинства русских людей, благодаря которому власть apriori подвержена сакрализации и рассматривается как свыше установленном институтом. В дореволюционной России царская власть воплощала правление «божьего пристава», хранителя «христианской правды», в советское- как делегированное пролетариатом (народом) правительство, реализующее идеи социалистического строительства и коммунистической истины. Тезис Р. Пайпса о «антисоциальности» вообще не характерны для россиян. Скорее это чувство разъединения и антисоциальности стали результатом грабительской и несправедливой приватизации 1990-х гг., заставивших население России выживать в условиях экономического развала и ценностного кризиса.

Выводы Р. Пайпса, не опираются на глубоко продуманные социокультурные предпосылки и, по меньшей мере, являются теоретически и фактически уязвимыми. По этой причине, Пайпс предлагает России рецепт модели зависимого развития- вестернизацию.

«Сегодня ни для одной страны, которая хочет оставаться современной, не существует выбора, альтернативного вестернизации. Потому что Запад первым сформировал современный образ жизни… [9, с.11].

Среди рецептов развития России Р. Пайпс размышляет о необходимости стать «нормальным государством» (известный фетиш либерального мышления), обосновывая необходимость демонтажа российской государственности. «Мне кажется, что Россия слишком большая страна. Вы никогда не были способны управлять этой страной. Было бы гораздо лучше, если бы Сибирь отошла, и вы были бы только Россией. Конечно, это невозможно. Но для вас это большая проблема». На вопрос либерального собеседника, что величина России играет отрицательную роль Пайпс ответил: «Наверное. Пятнадцать лет назад я дал интервью одной вашей газете, в котором сказал, что России лучше было бы быть маленькой страной…» [9, с.14].

По этой причине, Пайпс остается рьяным ненавистником СССР, прославляет процесс распада страны. «Союз показался мне ужаснейшей страной на свете. Бедное, невежественное, изолированное государство. Невежественное в очень базовых вопросах человеческого существования. И все это делало людей – простых, советских, которые серой массой наводняли улицы – несчастными». [9, с.32].

Осознавая, что России нужен сильный лидер, Р. Пайпс подчеркивает, что Россия идет по авторитарному пути развития. Обвинение России в авторитаризме — это общее место мышления неоконсервативных идеологов. [2].

В целом, американская историография неоконсервативного плана отличается крайней степенью идейной непримиримости. Американские историки- скорее идеологи, чем ученые. Манихейское видение России и СССР, как зла, противостоящему «либеральному добру» США- отличительная черта американской неконсервативной исторической мысли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., ЦентрКом.1996.
2. Арон Л. США и Россия: отношения сквозь призму идеологии//Россия в глобальной политике. 2006 №3 май-июнь (http://WWW.globalaffairs.ru/numbers/20/).
3. Блохин К.В. Советско-американские отношения в 1960–70-е гг.: неоконсерваторы США и крах разрядки / К.В. Блохин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2013. – № 2. – С. 64–74. – EDN QBWSQL.
4. Блохин К.В. Американский неоконсерватизм и крах PAX AMERICANA. Роль политической элиты в упадке американского могущества. М., из-во «Весь мир». 2021.
5. Бредихин А.Л., Стахно Р.Е. Советский Союз как «тоталитарное» государство: оценки и выводы// Вестник института права Башкирского государственного университета. 2022.№2. (14) С.7-12.
6. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII- начало XX века) В 2-х томах. Спб.,2003. Т.1.
7. Пайпс Р. Я жил. Мемуары не примкнувшего. М., 2005;
8. Пайпс Р., Тойнби А., Фукуяма Ф. 1000 лет одиночества. Особый путь России. М., «Родина», 2019.
9. Пайпс Р. «Два пути России». М., Алгоритм, 2015.
10. Эпплбаум Энн Гулаг. М., Из-во «Аст», 2016.
11. Эпплбаум Энн. Железный занавес. Подавление Восточной Европы (1944–1956) М., Из-во АСТ: CORPUS, 2024.
12. Balint Benjamin. Running Commentary: the contentious magazine that transformed the Jewish left into the neoconservative right. New York: Public Affairs, 2010.
13. Dorrien Gary Imperial designs. Neoconservatism and the New Pax Americana. New York- London, 2004.

© Блохин Владимир Владимирович (blokhin_vv@pfur.ru), Мальшакова Полина Александровна (malshakova-pa@pfur.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.05–2.07

КИТАЙСКО-РОССИЙСКОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В 2015–2025 ГОДАХ

CHINA–RUSSIAN SCIENTIFIC COOPERATION IN 2015–2025

Wen Xiaoqing

Summary: From 2015 to 2025, China and Russia achieved significant successes in scientific cooperation against the backdrop of deepening mutual political trust and high compatibility of scientific and technical strategies. This article presents an in-depth analysis of the key areas, methods of cooperation, and main achievements of Chinese-Russian scientific cooperation during this period, with an emphasis on fundamental sciences such as mathematics, physics, and chemistry. Through detailed case studies and accurate data, the article demonstrates how both parties achieved major scientific breakthroughs thanks to the complementarity of resources, talent exchange, and joint research projects. This work not only provides theoretical support for understanding the mechanisms and effectiveness of Chinese-Russian scientific cooperation, but also offers practical recommendations for future international scientific collaboration.

Keywords: Sino-Russian scientific cooperation, fundamental sciences, major scientific breakthrough, complementarity of resources.

Вэнь Сяоцин
Аспирант, Российский университет дружбы народов
vensyaotsin@yandex.ru

Аннотация: В данном исследовании проанализировано развитие научного сотрудничества между Китаем и Россией в период 2015–2025 гг. с фокусом на области фундаментальных наук. На основе систематического анализа совместных проектов, научных публикаций и институциональных механизмов выявлены ключевые факторы успеха сотрудничества: политическое взаимное доверие, стратегическая совместимость научно-технических программ и взаимодополняемость исследовательских ресурсов. Исследование показывает, что наиболее значительные результаты достигнуты в математике (алгебраическая геометрия, дифференциальные уравнения), физике (физика конденсированного состояния, физика высоких энергий) и химии (синтез новых материалов, энергетическая химия). Анализ существующих механизмов сотрудничества – совместных лабораторий, программ финансирования и обмена талантами – позволил выявить как их эффективность, так и ограничения. В работе также определены проблемы, препятствующие дальнейшему развитию сотрудничества: несовершенство координационных механизмов, трудности внедрения научных результатов и внешнее давление. На основе проведенного анализа предложены рекомендации по укреплению и расширению китайско-российского научного сотрудничества.

Ключевые слова: китайско-российское научное сотрудничество, фундаментальные науки, крупный научный прорыв, взаимодополняемости ресурсов.

Введение

Развитие научного сотрудничества между Китаем и Россией в период 2015–2025 гг. представляет собой один из наиболее динамичных аспектов двусторонних отношений, отражающий стратегическое значение взаимодействия в области фундаментальных наук для обеих стран. В условиях ускорения глобальных технологических изменений и возрастающей роли фундаментальных исследований как источника инноваций, научное сотрудничество между двумя государствами приобрело новое качество и масштаб.

Данное исследование направлено на комплексный анализ механизмов, результатов и перспектив развития китайско-российского научного сотрудничества в области фундаментальных наук. Актуальность темы обусловлена как растущим значением научно-технологического развития для глобальной конкурентоспособности стран, так и необходимостью систематизации накопленного опыта взаимодействия для определения наиболее эффективных форм и направлений дальнейшего сотрудничества.

Территориальная близость, многолетние традиции научных связей, а также взаимодополняемость научно-исследовательских потенциалов создали благоприятные условия для развития сотрудничества в таких областях, как математика, физика и химия. В рамках исследования рассматриваются не только конкретные научные достижения, но и институциональные основы взаимодействия, включая совместные исследовательские центры, механизмы финансирования и программы обмена научными кадрами.

Методология исследования

Методологической основой исследования является системный анализ китайско-российского научного сотрудничества в контексте двусторонних отношений и глобальных научно-технологических тенденций. В работе использован комплекс взаимодополняющих методов:

1. Анализ документов – изучение межправительственных соглашений, программ сотрудничества, уставов совместных исследовательских центров
2. Статистический анализ – обработка данных о совместных публикациях, патентах, проектах
3. Сравнительный анализ – сопоставление российских и китайских стратегий научно-технологического развития

4. Кейс-стади – детальное изучение наиболее значимых совместных проектов в каждой научной области

Информационную базу исследования составили официальные документы, материалы научных организаций, статистические данные и публикации в научных журналах. Временные рамки исследования охватывают период с 2015 по 2025 гг., что позволяет проследить динамику развития сотрудничества на фоне значимых политических и экономических изменений.

Институциональные основы китайско-российского научного сотрудничества

1. Политическое взаимное доверие как фундамент сотрудничества

Ключевым фактором, обеспечившим устойчивое развитие научного сотрудничества, стало укрепление политического взаимного доверия между двумя странами. Совместная декларация Китайской Народной Республики и Российской Федерации об углублении всеобъемлющего стратегического партнерства, принятая в 2015 году в ходе визита председателя КНР Си Цзиньпина в Россию, заложила стратегические рамки для расширения взаимодействия [17]. Подписанный в 2016 году план китайско-российского сотрудничества в области науки, техники и инноваций определил конкретные направления и механизмы совместной работы.

Функционирование механизма регулярных встреч на высоком уровне обеспечило последовательность и стратегическую направленность сотрудничества. Благодаря политической поддержке удалось преодолеть административные барьеры и ускорить реализацию сложных наукоемких проектов, требующих значительных ресурсов и координации усилий различных организаций.

2. Стратегическая совместимость научно-технологических программ

Анализ показывает высокую степень совместимости национальных стратегий научно-технологического развития Китая и России. Китайская «Стратегия инновационного развития» [18] и российская «Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации на 2017–2025 годы» [10] имеют схожие приоритеты в отношении развития фундаментальных наук и повышения инновационного потенциала.

Обе стратегии рассматривают фундаментальные исследования как основу для технологических прорывов и определяют близкие приоритетные направления в математике (алгебраическая геометрия, дифференциальные уравнения), физике (физика конденсированного состояния, физика высоких энергий) и химии (синтез новых материалов, энергетическая химия). Эта стратегическая совместимость создала основу для целенаправленного сотрудничества в областях, представляющих взаимный интерес.

3. Взаимодополняемость научно-исследовательских потенциалов

Исследование показывает, что важным фактором успеха сотрудничества стала взаимодополняемость научно-исследовательских потенциалов двух стран. Россия обладает сильными позициями в области теоретических исследований, имеет всемирно признанные научные школы и значительные достижения в фундаментальных науках. Санкт-Петербургский государственный университет, Московский государственный университет и институты Российской академии наук сохраняют высокую международную репутацию.

Китай, в свою очередь, располагает растущими возможностями для строительства крупных исследовательских установок, имеет значительные финансовые ресурсы для поддержки научных исследований и обладает эффективными механизмами внедрения научных результатов. Китайская академия наук и ведущие университеты Китая в последние годы существенно укрепили свои позиции в мировой науке.

Комбинация теоретического опыта российских ученых и экспериментальных возможностей китайской стороны создала синергетический эффект, позволивший достичь значимых результатов в совместных исследованиях.

Ключевые направления и результаты сотрудничества

1. Математические исследования

Одним из наиболее успешных направлений сотрудничества стали совместные исследования в области математики. Созданный Китайско-российский математический центр объединил усилия ведущих математиков двух стран и обеспечил платформу для реализации совместных проектов.

Значимым достижением стал проект «Классификация и пространство модулей высоко размерных алгебраических кластеров», реализованный исследовательскими группами Пекинского и Московского университетов. В рамках проекта был разработан новый метод классификации, а результаты исследований были опубликованы в престижном международном журнале «Анналы математики». В области исследования дифференциальных

уравнений совместные команды успешно решили класс нелинейных дифференциальных уравнений, которые длительное время считались неразрешимыми.

Важным результатом сотрудничества стало также создание эффективной системы подготовки математических кадров. Факультет математики и прикладной математики университета МГУ-ПИТ в Шэньчжэне реализует совместную китайско-российскую модель обучения, сочетающую сильные стороны российской математической школы с китайским опытом практического применения математических методов. К 2025 году программа выпустила сотни высококвалифицированных специалистов, многие из которых продолжили обучение и работу в ведущих научных центрах мира.

Китайско-российский математический центр стал также организатором серии международных математических форумов, включая форумы Пекин-Москва, Пекин-Санкт-Петербург и Пекин-Новосибирск. К 2024 году было проведено более 190 форумов с участием более 320 выдающихся математиков из обеих стран [12]. Эти мероприятия не только способствовали обмену научными идеями, но и стали важной платформой для инициирования новых совместных проектов.

2. Физические исследования

В области физики наиболее интенсивное сотрудничество развивалось по двум основным направлениям: физика конденсированного состояния вещества и физика высоких энергий.

Исследования в области физики конденсированного состояния вещества проводились совместными группами Китайской академии наук и Российской академии наук [13]. Регулярно проводились симпозиумы «Границы физики конденсированного состояния вещества», в рамках которых обсуждались последние достижения и формировались планы совместных исследований. Значительным успехом стало обнаружение нового типа сверхпроводящего материала с высокой критической температурой, что открыло новые возможности для применений в области передачи энергии и квантовых вычислений. Результаты исследований были опубликованы в журнале «Nature Physics».

В области физики высоких энергий ключевым проектом стало сотрудничество по проекту NICA (Nuclotron-based Ion Collider Facility). В декабре 2015 года Китай и Россия подписали соглашение об участии Китая в создании сверхпроводящего кольцевого комплекса для изучения столкновений тяжелых ионов [5, с. 20]. Объединение опыта российских физиков-теоретиков с китайскими технологиями в области детекторов и алгоритмов обработки данных обеспечило значительный прогресс в реализации проекта. Этот высокотехнологичный проект не только способствовал продвижению фундаментальных исследований, но и укрепил позиции обеих стран в международном научном сообществе [7, с. 71].

3. Химические исследования

В области химии сотрудничество развивалось по нескольким ключевым направлениям, включая синтез новых материалов и энергетическую химию.

Важным институциональным шагом стало создание в 2017 году Китайско-российской (Чжуцзи) международной лаборатории, основанной Сианьским университетом Цзяотун и Новосибирским университетом [15]. Лаборатория сфокусировалась на исследованиях новых изоляционных материалов и их применений. Одним из значимых достижений стала разработка в 2023 году совместной командой инновационного низкотемпературного материала, сохраняющего прочность при температуре -150°C. Этот слоистый композиционный материал, созданный на основе кристаллических соединений металла и стекла, открывает широкие перспективы для применения в аэрокосмической и криогенной промышленности [16].

В области энергетической химии развивалось сотрудничество, связанное с разведкой, переработкой и транспортировкой углеводородов. Научно-исследовательские институты двух стран реализовали совместные проекты по разработке новых катализаторов, технологий переработки нефти и газа, а также экологически чистых методов производства энергии. Регулярно проводились научные конференции и семинары по нефтехимии и энергетическим технологиям.

Модели и механизмы сотрудничества

1. Совместные лаборатории и исследовательские центры

Основной организационной моделью сотрудничества стало создание совместных лабораторий и исследовательских центров. К ним относятся Китайско-российский математический центр, Китайско-российская международная лаборатория (Чжуцзи), Китайско-российский центр исследования динамики и Шанхайская совместная лазерная лаборатория [http://www.sinoruslab.cn/hsjsgen1.html].

Эти структуры функционируют по модели совместного управления, разрабатывают единые исследовательские программы и координируют работу ученых из обеих стран. Например, Китайско-российский математический центр ежегодно проводит заседания Академического комитета для определения направлений исследо-

ваний и ключевых проектов. Такая модель обеспечивает эффективную координацию работы и позволяет объединять ресурсы для решения сложных научных задач.

2. Механизмы финансирования

Важным фактором успеха сотрудничества стало создание эффективных механизмов финансирования совместных проектов. Национальный фонд естественных наук Китая (НФЕНК) и Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ) разработали систему совместного финансирования и регулярно публикуют конкурсные программы поддержки двусторонних проектов [11].

Созданы специализированные фонды для финансирования сотрудничества в области математики, физики и химии. Эти фонды обеспечивают стабильную финансовую поддержку долгосрочных проектов и способствуют формированию устойчивых научных коллективов. Дополнительные ресурсы предоставляются университетами и научными организациями обеих стран, что расширяет финансовую базу сотрудничества.

3. Программы обмена и подготовки кадров

Третьим ключевым механизмом сотрудничества стали программы академического обмена и совместной подготовки научных кадров. Они включают обмен студентами и аспирантами, стажировки ученых, совместные образовательные программы на уровне бакалавриата, магистратуры и докторантуры.

Совместные образовательные программы предусматривают обучение в университетах обеих стран, прохождение научной практики в ведущих исследовательских центрах и получение дипломов, признаваемых в Китае и России. Дополнительные возможности для научного обмена предоставляют регулярные летние школы, семинары и конференции, направленные на укрепление взаимодействия между молодыми учеными.

Вызовы и ограничения сотрудничества

1. Проблемы координации и управления

Несмотря на создание развитой институциональной основы, сотрудничество сталкивается с определенными координационными и управленческими проблемами. Различия в системах управления научной деятельностью в Китае и России создают трудности в планировании и реализации совместных проектов. Возникают сложности в согласовании графиков работы, распределении ресурсов и координации исследовательских групп.

Финансовые механизмы двух стран не полностью синхронизированы, что затрудняет эффективное использование средств для реализации крупных инфраструктурных проектов, включая строительство совместных лабораторий и закупку дорогостоящего оборудования. Эти координационные проблемы снижают оперативность работы и могут приводить к задержкам в реализации проектов.

2. Трудности внедрения результатов исследований

Важной проблемой остается внедрение результатов фундаментальных исследований в практику. Процесс трансформации научных достижений в коммерческие технологии требует времени и специальных механизмов, которые в рамках двустороннего сотрудничества развиты недостаточно. Отсутствуют эффективные инструменты поддержки трансфера технологий и коммерциализации результатов.

Промышленные предприятия недостаточно вовлечены в научно-исследовательскую деятельность и не всегда готовы инвестировать в развитие перспективных, но рискованных технологий. В результате многие потенциально ценные научные результаты не находят практического применения, что снижает социально-экономический эффект от сотрудничества.

3. Внешнее давление и конкуренция

Китайско-российское научное сотрудничество развивается в условиях усиливающейся глобальной научно-технологической конкуренции. США, страны Европейского Союза и другие технологические лидеры активно развивают исследования в тех же областях, что создает конкурентное давление и требует постоянного повышения качества и интенсивности совместных работ.

Дополнительным фактором, осложняющим сотрудничество, являются внешние ограничения, вводимые некоторыми западными странами по политическим мотивам. Эти ограничения затрудняют международные академические обмены, мобильность ученых и доступ к некоторым технологиям и оборудованию. В результате возрастают внешние риски и неопределенность, что требует разработки дополнительных механизмов обеспечения устойчивости сотрудничества.

Перспективы развития сотрудничества

1. Углубление взаимодействия в традиционных областях

Анализ показывает значительный потенциал для углубления сотрудничества в уже сложившихся областях взаимодействия. В математике перспективными направ-

лениями являются развитие исследований в области алгебраической геометрии, теории чисел и математического моделирования сложных систем. В физике открываются возможности для расширения сотрудничества в области квантовых технологий, физики высоких энергий и астрофизики. В химии перспективными направлениями остаются разработка новых материалов, «зеленая» химия и катализ.

Дальнейшее развитие существующих совместных центров и лабораторий, укрепление их материально-технической базы и расширение исследовательских программ позволит повысить качество и масштаб научных работ.

2. Освоение новых междисциплинарных направлений

Значительные перспективы связаны с развитием сотрудничества в междисциплинарных областях, находящихся на стыке традиционных научных дисциплин. К ним относятся биоинформатика, материаловедение, нанотехнологии, квантовые вычисления и искусственный интеллект. Эти направления характеризуются высоким инновационным потенциалом и возможностью практического применения результатов в различных отраслях экономики.

Для эффективного освоения этих направлений целесообразно создание новых междисциплинарных исследовательских центров, объединяющих специалистов из разных областей науки и обеспечивающих комплексный подход к решению сложных научных проблем.

3. Совершенствование институциональных механизмов

Для преодоления выявленных проблем и повышения эффективности сотрудничества необходимо совершенствование институциональных механизмов взаимодействия. Перспективными направлениями являются:

1. Создание единой координационной структуры для управления крупными совместными проектами
2. Разработка гармонизированных механизмов финансирования, учитывающих особенности научных систем обеих стран
3. Формирование эффективной системы трансфера технологий и коммерциализации результатов
4. Развитие механизмов привлечения промышленных предприятий к участию в научных исследованиях
5. Укрепление правовой базы для защиты интеллектуальной собственности, созданной в рамках совместных проектов

Заключение

Проведенное исследование показывает, что научное сотрудничество между Китаем и Россией в 2015–2025 гг. развивалось динамично и привело к значимым результатам в области фундаментальных наук. Созданная институциональная основа, включающая совместные исследовательские центры, механизмы финансирования и программы обмена, обеспечила устойчивость сотрудничества и позволила реализовать ряд важных научных проектов. Ключевыми факторами успеха стали политическое взаимное доверие, стратегическая совместимость научно-технологических программ и взаимодополняемость исследовательских потенциалов. Эти факторы позволили преодолеть административные барьеры и создать синергетический эффект в совместных исследованиях. Наиболее значительные результаты достигнуты в математике (алгебраическая геометрия, дифференциальные уравнения), физике (физика конденсированного состояния, физика высоких энергий) и химии (синтез новых материалов, энергетическая химия). Помимо научных результатов, важными достижениями стали формирование устойчивых научных коллективов и подготовка нового поколения исследователей, знакомых с научными традициями обеих стран. В то же время сотрудничество сталкивается с определенными проблемами, включая координационные сложности, трудности внедрения результатов и внешнее давление. Преодоление этих проблем требует совершенствования институциональных механизмов и развития новых форм взаимодействия.

Перспективы сотрудничества связаны как с углублением исследований в традиционных областях, так и с освоением новых междисциплинарных направлений. Реализация этих перспектив будет способствовать не только научно-технологическому развитию обеих стран, но и укреплению их позиций в глобальной научно-инновационной системе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Герасимова О.А. Российско-китайское научно-техническое и инновационное сотрудничество // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. №4–1.
2. Голубева Анна Сергеевна китайско-российское научно-техническое сотрудничество: опыт и перспективы // Российско-китайские исследования. 2020. №4.
3. Зарубин Алексей Николаевич, Савкович Евгений Владимирович теория международных режимов при исследовании регионального научно-техническо-

го сотрудничества РФ и КНР в 1990–2020 гг. // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2021. №73.
4. Сырямкин В.И., Янь Б., Ваганова Е.В. Обзор российско-китайского сотрудничества в сфере научно-технической и инновационной деятельности // Инновации. 2011. №6.
5. 曾德凯, 彭肖宇, 魏鑫, 程凯, 季选韬, 朱坤, 屈国普, 胡创业, 王晓冬. 应用于 NICA-MPD的Shashlik取样型电磁量能器性能模拟 [J]. 核技术, 2021, 44(08):18-28.
6. 曾德凯. 应用于 NICA-MPD的Shashlik取样型电磁量能器研究[D].湖南: 南华大学, 2021.
7. 李自国, 李琰. 中俄科技外交与实践[J]. 俄罗斯学, 2021,11(04):53-74.
8. 师成."一带一路"倡议背景下的中俄产能合作研究[D]. 黑龙江大学, 2019.DOI: 10.27123/d.cnki.ghlju.2019.001367.
9. 张肖平."一带一路"背景下中俄科技合作研究[D]. 黑龙江大学, 2018. Веб-сайт
10. Правительство Российской Федерации. (2016). Постановление № 377 "Об утверждении Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2025 года". http://government.ru/docs/
11. 中国国家自然科学基金委员会官网。国际（地区）合作交流项目 - 与俄罗斯基础研究基金会合作 [EB/OL]. http://www.nsfc.gov.cn/publish/portal0/tab434/
12. 中俄数学中心. (2024). 躬耕与收获：图说中俄数学中心的2024. https://www.srmc.pku.edu.cn/xwdt/163793.htm
13. 中国科学院物理研究所. (2022). 首届中俄凝聚态物理前沿研讨会.
14. https://iop.cas.cn/xwzx/snxw/201310/t20131015_3954831.html
15. 中俄联合实验室, http://www.sinorus-lab.cn/hsjsgen1.html
16. 中俄动力学研究中心, 我校中俄动力学中心联合俄科学家研发出抗极寒材料, https://www.cumtb.edu.cn/info/1087/11357.htm
17. 中央政府门户网站 中华人民共和国中央人民政府. (2015年5月9日). 中俄总理定期会晤联合公报. https://www.gov.cn/xinwen/2015-05/09/content_2859385.htm
18. 中共中央, 国务院. (2016年5月19日). 国家创新驱动发展战略纲要. http://www.gov.cn/zhengce/2016-05/19/content_5074812.htm

© Вэнь Сяоцин (vensyaotsin@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.05–2.08

СОВЕТСКИЕ СТРОИТЕЛЬНЫЕ ТРЕСТЫ В МОНГОЛИИ: РОЛЬ В ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ И ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ В 1960–1980 ГГ.

Галданов Галдан Александрович
Учитель, Государственное бюджетное общеобразовательное учреждение «Республиканская Мариинская школа-интернат», г. Улан-Удэ
ggaldan@inbox.ru

Аннотация: Статья посвящена исследованию роли советских строительных трестов в экономическом развитии Монгольской Народной Республики в 1960–1970-е годы. На основе архивных источников и опубликованных материалов рассматриваются формы и масштабы советско-монгольского сотрудничества в сфере промышленного, сельскохозяйственного и жилищного строительства. Особое внимание уделяется строительству объектов «под ключ», развитию инфраструктуры городов Дархан и Эрдэнэт, а также созданию специализированных трестов, занимавшихся возведением энергетических, транспортных и животноводческих объектов. Анализируется деятельность строительных организаций в контексте выполнения пятилетних планов МНР, реализации Комплексной программы СЭВ и стратегической линии СССР на содействие модернизации экономики Монголии. Показано, что советские строительные тресты стали не только механизмом экономической помощи, но и инструментом институционального влияния, обеспечивая передачу технических знаний, подготовку кадров и формирование новой индустриальной инфраструктуры. Материалы статьи позволяют глубже осмыслить роль СССР в трансформации народного хозяйства МНР и в развитии социалистической интеграции в Азии.

Ключевые слова: строительные тресты (СОТы), МНР, СССР, экономического сотрудничество, индустриализация.

SOVIET CONSTRUCTION TRUSTS IN MONGOLIA: THEIR ROLE IN INDUSTRIALIZATION AND ECONOMIC DEVELOPMENT IN THE 1960-1980S

G. Galdanov

Summary: The article is devoted to the study of the role of Soviet construction trusts in the economic development of the Mongolian People's Republic in the 1960-1970s. Based on archival sources and published materials, the forms and scales of Soviet-Mongolian cooperation in industrial, agricultural and housing construction are considered. Particular attention is paid to the construction of turnkey facilities, the development of the infrastructure of the cities of Darkhan and Erdenet, as well as the creation of specialized trusts engaged in the construction of energy, transport, and livestock facilities. The activities of construction organizations are analyzed in the context of the implementation of the five-year plans of the MPR, the implementation of the Comprehensive Program of the Council for Mutual Economic Assistance and the strategic line of the USSR to promote the modernization of the Mongolian economy. It is shown that Soviet construction trusts became not only a mechanism of economic assistance, but also an instrument of institutional influence, ensuring the transfer of technical knowledge, training of personnel and the formation of a new industrial infrastructure. The materials of the article allow us to better understand the role of the USSR in the transformation of the national economy of the MPR and in the development of socialist integration in Asia.

Keywords: construction trusts (CTs), MPR, USSR, economic cooperation, industrialization.

Введение

Во второй половине XX столетия развитие экономической инфраструктуры Монгольской Народной Республики (МНР) стало неотъемлемой составляющей курса на социалистическую модернизацию. В условиях ограниченности внутренних ресурсов и недостаточной технической оснащенности МНР опиралась на комплексную поддержку со стороны стран социалистического лагеря, прежде всего Советского Союза. Одним из наиболее действенных механизмов реализации масштабных инфраструктурных и производственных инициатив стали строительные тресты (СОТы), выступавшие в качестве институциональных единиц, обеспечивавших проектирование, строительство и ввод в эксплуатацию объектов народного хозяйства.

Функционирование строительных трестов охватывало широкий спектр задач, включая возведение промышленных комплексов, жилого фонда, энергетической и транспортной инфраструктуры. Их деятельность носила системный характер и включала логистическое обеспечение, подготовку квалифицированных кадров, поставку оборудования и строительных материалов, а также техническое сопровождение эксплуатации объектов.

Роль строительных трестов в экономике МНР свидетельствует о высоком уровне включенности республики в систему международного социалистического разде-

ления труда, институционализированного в рамках Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ). Эти структуры стали важным элементом транснационального сотрудничества, способствовав не только ускоренной индустриализации и урбанизации, но и формированию новых промышленных центров, таких как Дархан и Эрдэнэт, укрепивших экономический потенциал МНР в долгосрочной перспективе.

Методология и методы исследования

Методологическая основа работы строится на историко-системном подходе, позволяющем рассматривать деятельность советских строительных трестов в МНР как часть процесса социалистической модернизации и интеграции. Принцип историзма обеспечил анализ событий в контексте социально-экономических условий времени, выявляя причинно-следственные связи между стратегическими решениями советской и монгольской сторон.

Применение методов анализа и синтеза позволило сопоставить технические, экономические и управленческие аспекты проектов, а сравнительно-исторический подход — выявить специфику социалистического сотрудничества в строительной сфере.

Результаты исследования и их обсуждение

Во второй половине XX века использование строительных трестов в экономике Монгольской Народной Республики стало важным элементом социалистического сотрудничества. Эти организации, созданные при поддержке Советского Союза и других стран социалистического лагеря, сыграли значительную роль в ускорении экономического развития МНР, особенно в индустриально слаборазвитых регионах. Анализ их деятельности позволяет оценить, насколько эффективно они способствовали достижению стратегических задач республики в условиях социалистической интеграции, а также понять, какие долгосрочные изменения они внесли в социально-экономическую структуру страны.

Показательным примером реализации многостороннего социалистического сотрудничества стало формирование Дарханского промышленного комплекса — приоритетного проекта третьей пятилетки. В целях его реализации в 1962 году был учрежден специализированный строительный трест № 1, осуществлявший комплексную координацию строительных мероприятий. Участие в проекте приняли не только советские специалисты, но и представители ПНР и ЧССР, что иллюстрирует консолидацию усилий стран социалистического лагеря в индустриализации Монгольской Народной Республики.

Организация советских строительных трестов в Улан-Баторе в рамках советско-монгольского сотрудничества представляла собой важный элемент стратегии индустриального и инфраструктурного развития МНР. Так, Трест № 2 специализировался на жилом и культурно-бытовом строительстве в столице, а Трест № 3 осуществлял возведение сельскохозяйственных объектов в различных аймаках страны, что отражает диверсифицированный подход к развитию ключевых отраслей народного хозяйства. Наряду с ними были созданы специализированные организации, ответственные за строительство критически важных объектов энергетики, гидротехнической и транспортной инфраструктуры.

Высокая результативность и технический уровень работ, выполненных этими структурами, были официально признаны: три строительных треста и Управление строительства № 15, занятое сооружением железнодорожной инфраструктуры, были награждены орденами Трудового Красного Знамени МНР. Эффективной реализацией проектных решений во многом обязаны системной деятельности советских инженерно-изыскательских экспедиций, в том числе под эгидой ПНИИС и института «Ленгипроводхоз». Их участие обеспечивало научно обоснованную основу для проектирования, что способствовало успешному воплощению в жизнь масштабных строительных проектов, направленных на ускорение социалистической модернизации Монголии.

Особенно значимой эта работа стала в контексте выполнения четвертого пятилетнего плана народного хозяйства МНР (1966–1970 гг.), в рамках которого активно развивалось жилищное строительство. В Улан-Баторе, благодаря усилиям советских строительных организаций, были завершены крупные жилые массивы в 5-м, 12-м и 15-м микрорайонах, что позволило обеспечить горожан 130 тысячами квадратных метров жилой площади и создать современный центр обслуживания на 14 тысяч человек [1, с. 221]. Параллельно развернулись строительные работы в Дархане, который рассматривался как один из ключевых индустриальных центров страны, а также в ряде промышленных аймачных центров, государственных хозяйств и сельскохозяйственных объединений. Таким образом, комплексный подход к строительным проектам, основанный на инженерных изысканиях и профессиональном проектировании, позволил значительно ускорить процесс урбанизации и модернизации инфраструктуры Монголии.

В 1968 году в рамках расширения советско-монгольского экономического взаимодействия в Монгольской Народной Республике была внедрена новая модель технической и организационной помощи, ориентированная на интенсификацию и структурную модернизацию животноводческого сектора. Советские строительные организации приступили к созданию высокоэффектив-

ных аграрных производственных единиц, оснащённых современной инфраструктурой и рассчитанных на комплексное обслуживание сельскохозяйственных нужд. С целью эффективной реализации данного направления был учреждён специализированный трест по сельскохозяйственному строительству, а также сформированы мобильные строительные подразделения. В течение 1968–1970 гг. в ряде ключевых аграрных регионов страны — таких как объединения «Замар» и «Хэрлэн-Баяр», а также государственные хозяйства «Алтан-Булак», «Дархан» и «Бурун-Хара» — были введены в эксплуатацию современные агропромышленные комплексы. На их территории в кратчайшие сроки были построены жилые зоны, культурно-бытовые объекты и технические сооружения, включая электростанции, котельные и гаражи. Примером успешной реализации проекта может служить СХО «Заамар», где были возведены 247 объектов, рассчитанных на содержание до 7 тысяч голов крупного рогатого скота, 50 тысяч овец и 2 тысяч лошадей. [1, с. 224] Реализация этих инициатив не только обеспечила повышение продуктивности животноводства и улучшение условий жизни сельского населения, но и выступила важным звеном в долгосрочной стратегии модернизации аграрного сектора МНР. Эти преобразования свидетельствуют о высокой степени интеграции сельского хозяйства Монголии в контекст социалистического экономического планирования и демонстрируют результативность советской модели комплексной сельхоз инфраструктуры.

В 1971 году на XVI съезде Монгольской народно-революционной партии были утверждены стратегические ориентиры нового пятилетнего плана социально-экономического развития на 1971–1975 годы. Основные цели и задачи этого периода опирались не только на мобилизацию внутренних ресурсов республики, но и на дальнейшее расширение участия Монголии в системе международного социалистического разделения труда. Важнейшим инструментом реализации намеченных планов стало Соглашение об экономическом сотрудничестве, заключённое между Советским Союзом и МНР 28 декабря 1970 года. Этот документ закрепил приоритетные направления двустороннего взаимодействия и определил механизм координации совместных усилий в рамках пятилетней программы, охватывавшей ключевые сферы народного хозяйства, включая промышленность, сельское хозяйство, строительство и инфраструктуру [2, с. 221].

Советские ведомственные и проектно-строительные организации осуществляли широкий спектр обязательств в рамках советско-монгольского экономического сотрудничества. Они отвечали за выполнение комплексных проектно-изыскательных работ, необходимых для строительства объектов сельскохозяйственного, промышленного и инфраструктурного назначения на территории МНР. Помимо этого, с советской стороны обеспечивались поставки технологического оборудования, транспортных средств, строительной техники и комплектующих, недоступных в рамках внутренних возможностей Монголии. Особое значение придавалось техническому содействию в строительстве новых объектов, а также модернизации ранее введённых в эксплуатацию предприятий, созданных при участии СССР. Это содействие включало не только направленную поставку техники и материалов, но и командирование квалифицированных специалистов, а также подготовку и переподготовку монгольских кадров в специализированных производственно-технических учебных заведениях и на базе предприятий Советского Союза.

В результате достигнутых соглашений Советский Союз принял на себя обязательства по обеспечению значительной части капитальных инвестиций, направленных на развитие различных отраслей народного хозяйства Монгольской Народной Республики. Кроме того, СССР осуществлял непосредственное участие в реализации стратегически важных проектов, включая строительство приоритетных промышленных и аграрных объектов, что стало неотъемлемым элементом советско-монгольского экономического взаимодействия в рамках социалистической интеграции.

Опираясь на предыдущие достижения в области многостороннего взаимодействия, в 1971 году была принята Комплексная программа, ставшая важнейшим документом, регламентирующим дальнейшее углубление экономических связей и совершенствование механизмов социалистической интеграции между государствами — участниками СЭВ. Этот программный акт ознаменовал переход к качественно новому уровню сотрудничества, предполагающему более тесную координацию экономической политики, согласованное планирование и расширение взаимной помощи. Особый акцент в документе был сделан на долгосрочных перспективах развития Монгольской Народной Республики, что подчеркивало её растущее значение как активного участника социалистического экономического пространства и стратегического партнёра в реализации общих интеграционных задач.

Во втором разделе Комплексной программы, направленном на постепенное сближение и выравнивание уровней социально-экономического развития стран — участников Совета Экономической Взаимопомощи, особое внимание было уделено положению Монгольской Народной Республики. В одном из центральных положений документа подчёркивалось, что содействие ускоренному росту и повышению эффективности национального хозяйства МНР является одной из приоритетных задач в рамках общей концепции социалистической интеграции. Такое положение указывало на стратегиче-

ское значение МНР в системе международного разделения труда социалистических государств и отражало стремление стран СЭВ обеспечить её устойчивое развитие через системную экономическую поддержку и углублённое кооперационное взаимодействие [3, с. 15].

В соответствии с положениями Комплексной программы, в целях реализации стратегии ускоренного развития МНР, страны — участницы Совета Экономической Взаимопомощи обязались осуществлять ряд целевых мероприятий. Ключевыми среди них являлись: координированное строительство и эксплуатация промышленных, сельскохозяйственных и инфраструктурных объектов с привлечением финансовых средств, материально-технических ресурсов и рабочей силы государств-членов СЭВ; предоставление долгосрочных кредитов на льготных условиях; организация технического содействия, включая обучение специалистов и модернизацию производственных мощностей. Комплекс этих мер был направлен на активное включение экономики Монгольской Народной Республики в обще интеграционную модель социалистического хозяйствования, а также на обеспечение устойчивого роста её производственного потенциала.

В период пятой пятилетки, благодаря усилиям советских строительных организаций и технической поддержке Советского Союза, в Монголии было возведено около 370 объектов, сыгравших ключевую роль в развитии национальной экономики. Среди наиболее значимых объектов выделяются пищевой комбинат и автоматическая телефонная станция в Чойбалсане, завод по ремонту строительных машин в Улан-Баторе, а также животноводческие комплексы в Орхон-Туле, Эренцаве, Халхин-Голе и Зуун-Хараа. Помимо этого, было построено около 16 тысяч хашанов для овец, пробурено 6,4 тысячи колодцев и расширен флюоритовый рудник Бэрхэ, что существенно укрепило производственный и сельскохозяйственный потенциал страны [1, с. 231].

В период реализации четвёртого пятилетнего плана особое значение в системе советско-монгольского экономического сотрудничества приобрела практика строительства объектов «под ключ», осуществляемая при непосредственном участии советских проектно-строительных организаций. Эта форма взаимодействия являлась рациональным решением в условиях ограниченных трудовых ресурсов и технической базы Монголии, поскольку позволяла ускорить процесс ввода в эксплуатацию крупных производственных комплексов. В рамках данной модели монгольская сторона формировала перечень приоритетных объектов, определяла их размещение, утверждала технико-экономические параметры и проектные задания. Советские организации, в свою очередь, осуществляли полный цикл работ — от проектирования до сдачи готовых предприятий. Первым масштабным примером применения данного подхода стало строительство Дарханского промышленного комплекса. На аналогичной основе в 1966–1970 гг. было реализовано большинство ключевых промышленных проектов, что подтверждает высокую эффективность и воспроизводимость данной формы международного технического сотрудничества.

27 мая 1976 года между МНР и СССР было подписано Соглашение об экономическом сотрудничестве на 1976–1980 годы. [4, с. 1]. Настоящее соглашение, разработанное в русле положений Комплексной программы углубления социалистической интеграции государств — членов СЭВ, было ориентировано на стимулирование ускоренного социально-экономического развития Монгольской Народной Республики. Документ предусматривал проведение широкомасштабных совместных мероприятий в ключевых отраслях — промышленности, сельском хозяйстве, строительстве, транспорте, связи и жилищно-коммунальном секторе. Центральное место в механизмах реализации соглашения занимала финансово-кредитная поддержка со стороны Советского Союза, включая предоставление льготных кредитов. Особо значимой составляющей документа являлось положение о компенсационном возврате части кредита поставками продукции горно-обогатительного комбината «Эрдэнэт», строительство которого стало одним из флагманских проектов советско-монгольского экономического сотрудничества. Наряду с этим продолжалась реализация принципа сооружения промышленных и инфраструктурных объектов «под ключ» советскими строительными организациями, что обеспечивало высокую степень оперативности и технологической эффективности при реализации стратегически важных инициатив и укрепляло интеграционные связи между СССР и МНР.

В соответствии с положениями соглашения о советско-монгольском экономическом сотрудничестве планировалась реализация обширной строительной программы, в которую входило возведение более 240 объектов сельскохозяйственного назначения. Работы осуществлялись при участии советских строительных организаций и монгольских подрядчиков, с привлечением технического содействия со стороны СССР. В числе приоритетных направлений значились строительство государственных, кормовых, племенных и семеноводческих хозяйств, животноводческих ферм, зернохранилищ, оросительных систем и производственных баз. Кроме того, предполагалось освоение 230 тыс. гектаров целинных земель и проведение мероприятий по обводнению 15 млн гектаров пастбищ, что имело важное значение для экстенсивного развития животноводства. Советская сторона также приняла на себя обязательства по поставке оборудования и материалов, необходимых для функционирования 150 сельскохозяйственных объектов и создания оросительных систем на площади 6 тыс.

гектаров [1, с. 234]. Все эти меры были направлены на комплексную модернизацию аграрной инфраструктуры МНР, повышение продуктивности сельского хозяйства и более эффективное использование природных ресурсов страны в условиях социалистической интеграции.

С целью повышения уровня жизни населения Монголии Советский Союз существенно увеличил объем помощи в области жилищно-коммунального строительства, увеличив его финансирование в 2,8 раза В 1976–1980 гг. в рамках реализации советско-монгольского экономического сотрудничества было осуществлено масштабное жилищное строительство при активном участии советских строительных организаций и с их техническим содействием. В указанный период на территории МНР было введено в эксплуатацию около 800 тыс. кв. м жилой площади, обеспеченной необходимыми элементами социальной и инженерной инфраструктуры. Помимо жилых домов, в число возведённых объектов вошли крупные учреждения здравоохранения и различные коммунально-бытовые сооружения, что значительно расширило спектр доступных населению социальных услуг. Для обеспечения бесперебойной реализации жилищной программы предусматривалось создание двух домостроительных комбинатов, суммарная производственная мощность которых должна была составить 210 тыс. кв. м жилой площади в год. Данные мероприятия не только способствовали улучшению условий проживания, но и сыграли значительную роль в развитии социальной сферы и формировании городской среды в Монгольской Народной Республике. [1, с. 234].

В 1976 году советские строительные организации осуществили свыше половины (56%) общего объема строительно-монтажных работ, выполненных на территории Монгольской Народной Республики. Одним из наиболее значимых проектов, реализованных при содействии СССР, стало строительство высоковольтной линии электропередачи ЛЭП-220, соединяющей энергосистему МНР с энергетической системой Сибири через стратегически важные промышленные узлы Дархан и Эрдэнэт. Данная инфраструктура имела решающее значение для обеспечения энергетической устойчивости страны, особенно в периоды пиковых нагрузок, и способствовала более рациональному распределению электроэнергии в рамках единого энергетического пространства социалистического содружества [1, с. 235].

Помимо масштабных инфраструктурных проектов, Советский Союз сыграл ключевую роль в реализации ряда стратегически важных для аграрного и промышленного секторов объектов. В частности, при его содействии были построены животноводческий комплекс «Халхин-Гол», первая очередь Байдракского государственного хозяйства, хлебозавод и кирпичный завод в Улан-Баторе, а также нефтебаза в Алтае и три современных молочных фермы. В рамках расширения сельскохозяйственной инфраструктуры было возведено свыше 1500 специализированных помещений для содержания скота и организовано 1400 водопойных пунктов. Дополнительно были реализованы многочисленные проекты, направленные на развитие производственной базы и улучшение культурно-бытовой среды в различных регионах страны. Существенное внимание уделялось модернизации радиовещания, что не только способствовало информационной интеграции регионов, но и укрепляло социокультурную инфраструктуру МНР, создавая условия для более эффективного социально-экономического развития [1, с. 235].

В 1977 году в результате скоординированных действий советских строительных организаций и монгольских специалистов, при активной технической поддержке со стороны СССР, было успешно завершено строительство порядка 50 объектов [1, с. 235]. Среди завершённых в 1977 году объектов особое значение имели шесть комплексных животноводческих хозяйств и молочных ферм, два образовательных комплекса нового типа, а также ряд производственных предприятий и жилых зданий. Их ввод в эксплуатацию способствовал укреплению производственного потенциала и расширению социальной инфраструктуры, став важным вкладом в социально-экономическое развитие Монгольской Народной Республики.

В указанный период продолжалось активное строительство совместного советско-монгольского предприятия — крупного медно-молибденового горно-обогатительного комбината в Эрдэнэте, первая очередь которого была введена в эксплуатацию в декабре 1978 года. Этот проект не только стал крупнейшим промышленным объектом страны, но и послужил основой для формирования нового города, ставшего третьим по промышленной значимости в Монголии с населением около 35 тысяч человек [5, с. 549]. Эрдэнэт быстро превратился в важнейший центр подготовки квалифицированных рабочих и инженерно-технических специалистов, что сыграло решающую роль в ускорении процессов социалистической индустриализации, расширении экспортного потенциала и вовлечении в экономический оборот богатых минеральных ресурсов региона.

Параллельно с развитием промышленности Советский Союз оказывал помощь Монголии в модернизации инфраструктуры связи. В рамках безвозмездной поддержки была проведена масштабная реконструкция воздушных линий, построены радиостанции и радиорелейные линии. Эти мероприятия существенно повысили уровень телекоммуникационного обеспечения страны, способствуя формированию современной информационной среды и укреплению административной и производственной управляемости.

Л.И. Брежнев образно охарактеризовал масштаб и значение советско-монгольского сотрудничества в рамках реализации шестого пятилетнего плана народнохозяйственного развития МНР, подчеркнув впечатляющий прогресс и новые масштабы взаимодействия: «Мы все помним шестидесятые годы, когда строился Дархан. В то время это была одна из самых крупных строек. Сегодня, при строительстве медно-молибденового гиганта в Эрдэнэте, за один год осваивается объем средств, равный пятилетнему в Дархане. Этот факт ярко демонстрирует возросшие возможности Монголии, новые масштабы нашего сотрудничества и качественно иной уровень совместной работы» [6, с. 2].

Заключение

Строительные тресты сыграли значительную роль в экономическом строительстве Монголии в 1970-1980-е годы, внося ключевой вклад в индустриализацию и модернизацию народного хозяйства страны. Их деятельность охватывала строительство крупных промышленных объектов, развитие инфраструктуры, жилищного фонда и социальной сферы. Советские строительные тресты обеспечили создание производственной базы для Монголии, что позволило реализовать масштабные проекты, такие как Дарханский и Эрдэнэтский промышленные центры, включавшие современные предприятия в горнодобывающей, энергетической, строительной и пищевой промышленности. Одновременно велось масштабное жилищное строительство, что улучшило условия жизни тысяч семей, благодаря возведению благоустроенных микрорайонов в Улан-Баторе, Дархане и Эрдэнэте, оснащённых инженерной и социальной инфраструктурой.

Кроме того, строительные тресты активно участвовали в создании школ, больниц, культурных учреждений и других объектов социальной инфраструктуры, что способствовало не только экономическому, но и социальному развитию страны. Важным аспектом их работы стала подготовка монгольских специалистов, которым передавались передовые методы строительства и управления, что формировало базу квалифицированных кадров для дальнейшего самостоятельного развития Монголии. Особое внимание уделялось гибкости и инновациям в условиях дефицита рабочей силы: методы строительства «под ключ» позволили ускорить запуск новых объектов, а передача ряда проектов монгольским строительным организациям способствовала укреплению их профессиональных компетенций.

Таким образом, деятельность строительных трестов стала основой для формирования индустриальной и социальной инфраструктуры Монголии. Их вклад в советско-монгольское сотрудничество не только ускорил экономический рост и повысил уровень жизни населения, но и создал устойчивую базу для дальнейшего развития страны, демонстрируя значимость взаимной поддержки и координации усилий в рамках социалистического содружества.

ЛИТЕРАТУРА

1. История советско-монгольских отношений / [М.И. Гольман, Б. Ширендыб, Ш. Нацагдорж и др.; Редкол.: Б.Г. Гафуров, Б. Ширендыб (гл. редакторы) и др.]. - Москва: Наука, 1981. - 352 с.
2. Советско-монгольские отношения: 1921–1974. Документы и материалы. – Т. 2. – 1941–1974. – Ч. 2. – Москва: Междунар. отношения, 1979. – 616 с.
3. Комплексная программа дальнейшего углубления и совершенствования сотрудничества и развития социалистической экономической интеграции стран-членов СЭВ [Текст]: [Принята на XXV сессии СЭВ]. - Москва: Секретариат СЭВ: [Прогресс], 1971. - 104 с.
4. Соглашение между Правительством СССР и Правительством Монгольской народной республики об экономическом сотрудничестве в 1976–1980 гг. (заключено в г. Москве 27.05.1976) / [Электронный ресурс] // https://lawrussia.ru/: [сайт]. — URL: https://lawrussia.ru/texts/legal_215/doc215a860x420.htm (дата обращения: 28.03.2025).
5. История Монгольской Народной Республики / [Ш. Нацагдорж, Б. Цэдэн, Б. Ширендыб и др.; Гл. ред.: А.П. Окладников (СССР), Ш. Бира (МНР) и др.]. - М.: Наука, 1983. - 661 с.
6. Правда, 1976, № 294 - Библиотека коммунизма / [Электронный ресурс] // https://marxism-leninism.info: [сайт]. — URL: https://marxism-leninism.info/paper/pravda_1976_294-6551 (дата обращения: 31.03.2025).
7. История социалистической экономики МНР / П. Лувсандорж, С.К. Рощин, Б. Долгормаа и др.; редкол.: Г.Ф. Ким (СССР) и др., П. Лувсандорж (МНР) и др.; АН СССР, Ин-т востоковедения и др. М.: Наука, 1987. 374[1] с.
8. Асонов Б.А., Петров М.А. Экономическое сотрудничество Советского Союза с МНР [Текст] / Б.А. Асонов, Б.М. Петров. - Москва: Экономика, 1971. - 167 с.
9. Гатауллина Л.М. Монгольская Народная Республика в социалистическом содружестве [Текст] / Акад. наук СССР. Ин-т народов Азии. - Москва: Наука, 1964. - 234 с.
10. Матвеева Г.С. Монгольская Народная Республика в системе социалистической экономической интеграции / Г.С. Матвеева; АН СССР, Ин-т востоковедения. - Москва: Наука, 1987. – 244. с.
11. Ганжуров В.Ц. Россия-Монголия (на трудном пути реформ) / В.Ц. Ганжуров; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Бурят. науч. центр, Байкал. ин-т рацион. природопользования, Бурят. гос. ун-т. - Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. - 106 с.

12. Советско-монгольские экономические связи. 1955–1985 гг.: сб. док. – Москва: Фонд «Связь эпох», 2019. – 744 с.

© Галданов Галдан Александрович (ggaldan@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.05–2.13

Л.А. САРЫ-СЭП КАНЗАЧАКОВ (1891–1937 ГГ.), ОРГАНИЗАТОР СОЗДАНИЯ АВТОНОМИИ АЛТАЙСКОГО НАРОДА. СУДЬБА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЯТЕЛЯ В ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННУЮ ЭПОХУ

L.A. SARY-SEP KANZAHAKOV (1891–1937), ORGANIZER OF THE CREATION OF AUTONOMY OF THE ALTAI PEOPLE. THE FATE OF A PUBLIC AND POLITICAL FIGURE IN THE POST-REVOLUTIONARY ERA

M. Katashev

Summary: Biographies of several famous figures of national regions of Siberia of the revolutionary and post-revolutionary generation remain largely poorly studied. This publication examines some pages of the biography of the famous political and state figure of Gorny Altai Leonid Sary-Sep Kanzachakov at the peak of his political career. An attempt was made to supplement biographical information about him based on previously unpublished documents. His contribution to the formation of the Oirot Autonomous Region, which was called upon to provide an ethnopolitical structure for the indigenous population of Gorny Altai - the Altaians, is shown. The conclusion is confirmed that the initiatives of the figures of the national movement of the Turkic peoples of Southern Siberia, aimed at creating a united autonomy, caused sharp rejection on the part of the party apparatus of the RCP(b).

Keywords: post-revolutionary period, Gorny Altai, national intelligentsia, autonomy, national-state construction.

Каташев Максим Степанович
Кандидат исторических наук, Бюджетное научное учреждение «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова»
kms_37@mail.ru

Аннотация: Биографии ряда известных деятелей национальных регионов Сибири поколения революционного и послереволюционного времени остаются во многом малоизученными. В настоящей публикации рассмотрены некоторые страницы биографии известного политического и государственного деятеля Горного Алтая Леонида Сары-Сэпа Канзачакова на пике его политической карьеры. Предпринята попытка дополнить биографические сведения о нем на основе ранее неопубликованных документов. Показан его вклад в образование Ойротской автономной области, которая была призвана обеспечить этнополитическое устройство коренному населению Горного Алтая – алтайцам. Подтвержден вывод о том, что инициативы деятелей национального движения тюркских народов Южной Сибири, направленные на создание объединенной автономии, вызывали резкое неприятие со стороны партийного аппарата РКП(б).

Ключевые слова: послереволюционный период, Горный Алтай, национальная интеллигенция, автономия, национально-государственное строительство.

После восстановления советской власти в Горном Алтае большевики начали привлекать к управлению представителей коренного алтайского населения, в том числе и бывших деятелей Каракорум-Алтайской управы. Представители национального алтайского движения 1917–1918 гг. сыграли значительную роль в выделении Горного Алтая в отдельную административно-территориальную единицу и в дальнейшем, в создании на его территории автономии коренного населения – алтайцев.

Одним из инициаторов создания автономии алтайского народа был Леонид Алексеевич Сары-Сэп Канзачаков. Значительную часть своей сознательной жизни он посвятил реализации идеи самоопределения тюркских народов Южной Сибири. В литературе содержатся эпизодические сведения о его жизненном пути, которые касаются большей частью его работы в партийно-советских органах власти Ойротии. В советское время он характеризовался как националист, а его деятельность оценивалась в негативном ключе. В работах В.А. Демидова рассматривается проблема образования Ойротской автономной области, показан процесс принятия решений по созданию автономии алтайского народа и освещена роль Л.А. Сары-Сэпа Канзачакова в организации новой национальной административно-территориальной единицы [8; 9].

Биография Л.А. Сары-Сэпа Канзачакова в целом восстановлена и изучена Г.П. Самаевым [12]. В данное статье предпринята попытка восполнить биографию этого политического и государственного деятеля Горного Алтая за счет некоторых источников, которые представлены материалами его личного дела.

Л.А. Канзачаков родился 27 апреля 1891 г. в селе Черный Ануй Бийского округа Томской губернии. Семья была большая: мать Мария Анфиловна Канзачакова, сам Леонид, его младшие сестры Капитолина, Анфиса и Калерия [12, с. 86]. Л.А. Сары-Сэп Канзычаков вырос в миссионерской среде. В данных Томской епархии за 1920/1903 гг. значится священник Алексей Александрович Конзычаков, служивший в Осиновском приходе села Осиновского «Барсиатской» инородной управы Кузнецкого уезда. По нашему мнению, это отец Л.А. Сары-Сэпа Канзачакова. В сведениях о священнослужителе приводятся краткие данные: 36 лет, обучался в Бийском катехизаторском училище, был псаломщиком, работал учителем в миссии, рукоположен в дьяконы в январе 1896 г. С 1898 г. поселился в с. Осиновском (ныне Осинники Кемеровской обл.), где учительствовал в местной школе, в декабре 1902 г. стал священником [15: эл. ресурс].

В сентябре 1904 г. Леонид Канзачаков поступил на учебу в Бийское миссионерское катехизаторское училище, где проучился один год и вернулся обратно на родину. Работал у купцов в разных частях Горного Алтая, выполнял обязанности сборщика молока на маслодельный завод. После смерти отца устраивается по протекции архиепископа Макария псаломщиком в селе Челухоевском Бачатского миссионерского стана. Здесь он усиленно занимается самообразованием, в результате в 1909 г. сдает экстерном экзамены за курс Томской учительской семинарии и начинает свою учительскую деятельность в селе Усть-Кан. Вскоре он уходит с преподавательской работы и работает сельским писарем.

В 1915 г. призван на фронт, воинскую службу нес в составе 24 Сибирского стрелкового полка V Сибирского стрелкового корпуса XI армии в пулеметной вьючной команды. Дослужился до звания фельдфебеля, на фронте пробыл до октября 1917 г.

С возвращением на Алтай включается в общественную жизнь и как грамотный человек, быстро занимает видную роль в алтайском национальном движении. С ноября 1917 г. он участвует в работе Кузнецкого отдела Алтайской горной думы и избирается делегатом на Учредительный съезд, созванный Думой на начало марта для обсуждения вопроса об автономии. Став председателем Кузнецкого отдела Каракорум-Алтайской управы, Сары-Сэп Канзачаков переносит, в соответствии с решением съезда резиденцию отдела в село Осиновское. Деятельность Кузнецкого отдела не устраивала местные Советы. Вскоре его Председатель и несколько членов Кузнецкого отдела были арестованы по обвинению в недопущении в инородческие волости переселенцев, в результате Сары-Сэп Канзачаков пробыл некоторое время в заключении [12, с. 87].

Подобные насильственные действия не могли не повлиять на политическую позицию Канзачакова в тот момент. Во время чехословацкого восстания и падения советской власти в Сибири Каракорум-Алтайская управа выступила в поддержку восстания. 11 июня 1918 г. (по новому стилю) управа обратилась с призывом к населению «организовывать отряды и помогать материально для борьбы с ненавистным для всех игом большевизма». В с. Улала организовывались отряды добровольцев из числа крестьян окрестных селений [6, л. 5–6]. В бюллетенях Военно-революционного комитета Каракорум-Алтайской управы, который в июне 1918 г. вышел из подполья и выступил открыто против советской власти, сохранились документы за подписью Л. Сары-Сэпа Канзачакова с призывами вступать в добровольческие отряды и жертвовать денежные средства на содержание «национальной армии». Подобное воззвание, например, он направил 7 августа 1918 г. Мрасской волостной земской управе [6, л. 6об.]. Менее чем четыре года спустя эти сохранившиеся документы послужили компрометирующим материалом на Канзачакова, о чем будет сказано ниже.

Сары-Сэп Канзачаков входил в состав руководства Кузнецким отделом до июля 1918 г. После свержения советской власти работал писарем в селах Кузнецкого уезда, вплоть до начала партизанского движения против власти А. Колчака [12, с. 87]. Во время крестьянского восстания в августе 1919 г. был арестован, но вскоре освобожден и даже принял участие в руководстве партизанским движением [6, л. 8об., 10].

В личной карточке члена Ойротского облревкома говорится, что Л.А. Сары-Сэп Конзчаков на советской службе находился с января 1920 г., дважды избирался в исполком сельского Совета [1, л. 7]. В июне 1920 г. вступил в ряды РКП(б) [7, с. 13]. Учительскую работу прекратил с марта 1921 г. [1, л. 7] К этому времени состоял в браке с Анной Ефимовной Сары-Сэп Конзачаковой, школьной работницей [12, с. 94].

Опираясь на архивные документы его личных дел, Г.П. Самаев приводит сведения о деятельности Сары-Сэпа Канзачакова в период с апреля 1920 г. по июнь 1922 г. В феврале 1921 г. на собрании алтайцев-делегатов, избранных для участия в Первом совещании представителей туземцев Сибири, он рекомендован на должность заведующего алтайским подотделом губернского отдела по делам национальностей в Алтайском губернском исполнительном комитете. Алтайский губернский отдел по делам национальностей начал работать с апреля 1921 г. Сары-Сэп Конзачаков заведовал в нем одновременно двумя подотделами: алтайским и информационным, а затем алтайским и организационно-инструкторским. Одновременно с деятельностью в Алтгубнаце Сары-Сэп Конзачаков в Алтайском губернском отделе народного образования занимал должность председателя совета

по просвещению национальностей, возглавляя алтайскую секцию того же подотдела [12. с. 88].

Летом 1921 г. Сары-Сэп Канзачаков активно инициировал обсуждение идеи объединения тюркских народов Южной Сибири в единую автономную единицу – республику Ойрот. В целом эта идея повторяла основные тезисы доклада сибирского общественного деятеля, близкого областникам В.И. Анучина. Его выступление прозвучало 22 февраля 1918 г. на инородческом съезде в с. Улала, который позже был расценен большевиками как контрреволюционный. В 1921 году дебаты вокруг этой вновь озвученной идеи проходили в течение июня, июля, августа в разных ведомствах: Сибнацотделе (отделе по делам национальностей Сибирского ревкома), Томском губнаце (отделе национальностей Томском губернском исполкоме), Наркомнаце (Наркомате по делам национальностей), организационном бюро ЦК РКП(б) и в Алтайском губкоме РКП(б). Сары-Сэп Канзачаков выступал в качестве председателя комиссии Наркомнаца по изучению вопроса об алтайской автономии, он занимался подготовкой докладов с обоснованием этой идеи [8, с. 84].

В августе 1921 г. представительство Наркомнаца при Сибревкоме созвало совещание, на котором был поставлен вопрос о выделении частей Алтайской, Енисейской и Томской губерний, населенных тюркскими народами, в автономную Ойротскую область. На совещании была избрана делегация, которая выехала в Москву для ходатайствования о признании новой автономии. 31 августа 1921 г. комиссия в составе представителя Наркомнаца при Сибревкоме Г.И. Пинхасика, завотделом нацменьшинств А.О. Плича, заместителя заведующего Алтайским губнацем, бывшим председателем Кузнецкого отдела Каракорумской управы Л.А. Сары-Сэп Канзачакова подали в Наркомнац докладную записку «Ойрат» об объединении Горно-Алтайского, Бийского, Минусинского, Кузнецкого и Ачинского уездов в «Республику Ойрот» [9, с. 124].

Одновременно Сары-Сэп Канзачаков подготовил в Наркомнац еще одну докладную записку, о необходимости амнистии бывшим участникам национальных движений коренных народов Юга Сибири, уже подвергавшихся аресту. В своей докладной записке, касающейся «партийных и культурных работников среди туземцев», он оправдывал их противостояние с советской властью политической незрелостью, «национальным угнетением», влиянием, оказывавшем на их умы «говорунами и разными знатоками этнографического вопроса и сибиреведов-областников», «игравшими на самых больных струнах туземцев и обещаниях в своих красивых речах все блага жизни». Сары-Сэп Канзачаков, как заместитель заведующего Алтайского губнаца, призвал советскую власть простить представителей национальной алтайской интеллигенции, осознавших свои ошибки, учесть «несознательность» «малокультурного народа», который пребывал «под гипнозом речей образованных соглашателей». От лица «работников туземных уездов» Сары-Сэп Канзачаков призвал предать забвению дела их минувшей деятельности в целях продуктивной работы в интересах задач советской власти. Таким образом, как образно подчеркнул Канзачаков, Советское правительство на восточной окраине получит превращение туземцев из «активных Савлов» в «активных Павлов» [3, л. 6].

Пятого сентября 1921 г. доклад Сары-Сэпа Канзачакова об образовании автономной единицы в пределах указанных выше четырех уездов рассматривался на коллегии Наркомнаца. В докладе была приведена обширная информация об историческом прошлом тюркских народностей Юга Сибири, их хозяйственном укладе. Предлагалось объединить волости с преобладанием коренного населения в перечисленных выше уездах: 25 волостей Горно-Алтайского уезда, по 2 волости – Бийского и Кузнецкого уездов, 6 волостей Минусинского уезда и 1 волость Ачинского уезда – всего 36 волостей с общим населением 208890 чел. [3, л. 8]

В докладе отмечается бедственное положение народностей Юга Сибири в результате подрыва скотоводства – основы жизнедеятельности алтайцев, шорцев, хакасов вследствие последствий Гражданской войны и разразившихся эпизоотий. Далее Сары-Сэп предостерегает о таящихся опасностях подобного положения: «Такое экономическое положение края и населения, когда каждый день все ближе и ближе подводит население к голоду, а цветущее скотоводство к гибели, не может служить плодотворной почвой для насаждения идеи коммунизма, а неумелый подход местных работников, незнакомых ни с бытом, ни с культурой туземцев, или же не желающих считаться с таковыми, лишь толкает край по наклонной плоскости». Характеризуя настроения коренного населения, докладчик предупреждает, что население находится в ожидании Мессии – легендарного Ойрот-хана, который принесет избавление от голода и эпидемий. Создание же автономии под названием «Ойрот» могло бы, по мнению Сары-Сэпа Канзачакова, отвести тревожные настроения в народе: «если не пойдем навстречу чаяниям туземцев, это грозит вымиранием и эмиграцией, что еще более увеличит население соседних Урянхая и Джунгарии, последствия которого можно предсказать, учитывая события последних лет. Почва Алтая вулканизирована. Политика местной власти в области разверстки, введения различных повинностей, эпидемии и эпизоотии, унесшие жизни людей, сократившие поголовье скота, благополучное существование сородичей в соседних краях создает условия, при которых заграничная восточная белогвардейщина может этим воспользоваться, в этом сомневаться не приходится. Ибо достаточно опередить нас и начать заигрывать с

Урянхаем и Джунгарией, как это сразу же отзовется и на родственном и географически едином Алтае, также то же самое получится и при обратном явлении, то есть при создании нами лучших условий существования русских тюрков (туземцев Юго-Сибири)» [3, л. 9–10].

Однако предостережения Сары-Сэпа Канзачакова выглядели запоздавшими. В эти дни в начале сентября отряд А. Кайгородова вошел с территории Монголии в пределы Горного Алтая, что положило начало новому витку кровопролития, разорения хозяйства и дальнейшего падения уровня жизни населения.

Девятого сентября 1921 г. Народный комиссариат по делам Национальностей направил в ЦК РКП(б) докладную записку Л.А. Сары-Сэпа Канзачакова и выписку из заседания Коллегии Наркомнаца по этому вопросу, а также докладную записку об амнистии для «культурных работников» из среды коренного населения и проект постановления по этому вопросу, также подготовленный Сары-Сэпом Канзачаковым [3, л. 1].

В итоге Сиббюро ЦК РКП(б) признало проект объединения тюрков Южной Сибири нежизненным и политически опасным ввиду отсутствия экономических связей между Горным Алтаем и Хакасией, географической отдаленностью двух регионов и пограничного расположения. Сиббюро ЦК РКП(б) на заседании 2 октября 1921 г. вынесло решение о нецелесообразности организации автономной единицы, включающей уезды: Горно-Алтайский, Бийский, Кузнецкий, Минусинский, Ачинский [3, л. 2]. В ходе дальнейшей дискуссии Оргбюро ЦК РКП(б), обсудив 15 ноября 1921 г. заключение Сиббюро ЦК и предложение коллегии Наркомнаца, приняло сторону Сиббюро и отвергло идею создания автономии в пределах Юга Сибири. Вместе с тем Оргбюро ЦК допускало возможность создания Ойротской автономии в границах Горно-Алтайского уезда и двух волостей Бийского уезда [8, с. 86].

Коллегия Наркомнаца 27 декабря 1921 г. приняла решение о создании автономии на основе выделения лишь коренного населения Алтая [12, С. 91]. Сары-Сэп Конзычаков был назначен представителем алтайского народа в центральном бюро Наркомнаца в Москве, ему поручалось задание разработать проект будущей алтайской автономии [10, с. 80].

Учитывая опыт участия коренного алтайского населения в Гражданской войне, в Горном Алтае развернулась широкая агитационная кампания в связи с подготовкой образования автономной области. В условиях нехватки кадров к делу строительства автономии призывались и бывшие деятели Каракорума, которым предлагалось «самоотверженной работой искупить вину в прошлом».

13 марта 1922 г. Сиббюро ЦК РКП(б), рассмотрев вопрос о составе Горно-Алтайского облревкома, отвергло предложение представительства Наркомнаца при Сибревкоме о назначении на этот пост председателя облревкома Сары-Сэпа Канзачакова, рекомендовав на эту должность Н.Ф. Меджит-Иванова [8, с. 90]. Сары-Сэп Канзачаков стал одним из пяти членов областного ревкома Ойротской автономной области, включая председателя Н.Ф. Меджит-Иванова. Причина неутверждения Л.А. Сары-Сэпа Канзачакова председателем облревкома при его ведущей роли в создании алтайской автономии заключалась, по мнению А.А. Болдуева, в инициативах идеи о необходимости создания новой автономной единицы, в которую должны были быть включены алтайцы, шорцы, хакасы, другие народы Южной Сибири. В этом Сиббюро ЦК РКП(б) видело отход от национальной политики советского государства [7, с. 13].

Мнение исследователя косвенно подтверждает делопроизводственная переписка между секретариатом ЦК РКП(б) и Наркомнацем. Инициативы Сары-Сэпа Канзачакова об изменении границ уездов в пользу перевода в состав предполагаемой будущей автономии волостей с преобладанием коренного населения вызвали неприятие партийных руководителей этих уездов. 29 марта 1922 г. Кузнецкий уездный комитет РКП(б) направил в ЦК РКП(б) письмо, в котором описывается прошлая деятельность Сары-Сэпа в качестве председателя Кузнецкого отдела Каракорум-Алтайской управы, которую большевики объявили пособником колчаковского режима. Вчерашние противники приводили факты деятельности Сары-Сэпа Канзачакова против советской власти во время пребывания на этом посту в 1918 году [6, л. 4-6об.]. Инициативы же выделения тюрков Южной Сибири в одну автономную единицу рассматривались как продолжение идей Улалинского Учредительного съезда в феврале 1918 г., который расценивался как контрреволюционная авантюра, положившая начало противостоянию с советской властью.

В ЦК РКП(б) заинтересовались письмом и направили в Наркомнац запрос от 8 мая 1922 г. на имя заместителя Наркомнаца Р.М. Д.-А. Гусейнова с просьбой о предоставлении данных о личности Л.А. Сары-Сэпа Канзачакова [6, л. 7]. Материал представил в докладной записке Заведующий Отделом нацменьшинств Наркомнаца О.Ю. Плич, работавший с Канзачаковым в комиссии Наркомнаца при Сибревкоме по вопросу организации автономии тюрков Южной Сибири. Как коллега и товарищ, О. Плич дал положительную характеристику Сары-Сэпу Канзачакову, связав его участие в антисоветской Каракорум-Алтайской управой с «национальным угнетением» алтайцев до революции, сильным влиянием эсеров, стремлением к самоопределению коренного населения. Охарактеризовав Сары-Сэпа Канзачакова как сторонника советской власти, Плич подчеркнул полное доверие к

Канзачакову со стороны высших партийных и советских инстанций: «На последнюю работу по выделению Алтая он выдвинут Губкомом и Сиббюро ЦК, имеет соответствующие мандаты от Сибревкома и Губисполкома» [6, л. 9]. Заведующий отделом нацменьшинств Наркомнаца напомнил адресатам в ЦК РКП(б) о том, что подобная ситуация с работниками из числа националов, которые совсем недавно выступали против советской власти, но в дальнейшем стали активными проводниками ее политики, была характерна для всех национальных окраин Советской России.

На основании докладной записки О. Плича Зам. Наркома национальностей Р.М. Д.-А. Гусейнов направил в ЦК РКП(б) справку, в которой охарактеризовал Сары-Сэпа Канзачакова как активного сторонника советской власти, искупившего свою вину, и предложил прекратить разбирательство [6, л. 10]. Тем самым Л.А. Сары-Сэп Канзачаков был оправдан. Но следует полагать, что письмо Кузнецкого укома РКП(б) в дальнейшем, возможно, сыграло роковую роль в судьбе Сары-Сэпа Канзачакова.

Переписка вокруг недавнего прошлого бывшего деятеля Каракорум-Алтайской управы велась в то время, когда Сары-Сэп Канзачаков вел активную работу по организации будущей Ойротской автономной области. Он взаимодействовал с губернскими органами партийной и исполнительной власти, готовил докладную документацию, выступил с обоснованием проекта автономии на коллегии Наркомнаца в апреле 1922 г. Проект Канзачакова стал основой Декрета об образовании Ойротской автономной области. Шестого мая 1922 г. проект автономии был утвержден Наркомнацем. 15 мая 1922 г. Оргбюро ЦК РКП(б), поддержав ходатайство Сиббюро ЦК, поручило Президиуму ВЦИК рассмотреть вопрос о создании автономной области, внеся поправки о придании автономной области прав губисполкома, но с бюджетом и штатом уездного исполкома. Этот проект лег в основу Декрета ВЦИК от 1 июня 1922 г. об образовании Ойротской автономной области. В ее состав вошла территория бывшего Горно-Алтайского уезда, Успенская, Ыныргинская, Лебединская, Верх-Бийская (Алтынкольская) волости Бийского уезда. Административным центром объявлялось село Улала [9, с. 135].

Сары-Сэп Канзачаков внес решающий вклад в открытие представительства Ойротии в Наркомнаце в августе-сентябре 1922 г. [12, с. 92] и добился от Облревкома согласие на назначение временным руководителем представительства С. Борисова, одного из лидеров национальной Алтайского движения, соратника Г.И. Чорос-Гуркина по Алтайской горной думе и Каракорум-Алтайской управе [7, с. 13]. Благодаря открытию представительства Ойротская автономная область получила возможность напрямую взаимодействовать с центральными органами власти по различным вопросам, касающихся социально-экономического и культурного развития автономии, курировал работу по разрешению вопроса об административных границах Ойротской автономной области с соседними уездами.

Проявил он себя и как яркий публицист, литератор. В официальном издании Наркомнаца «Жизнь национальностей» [14, с. 6–7] и в сибирском художественно-литературном журнале «Сибирские огни» [13, с. 109-115] поднимал вопрос объединения инородческого населения. 31 октября 1922 г. Сары-Сэп Канзачаков решением Облревкома направлен как представитель Облревкома в корреспондентское бюро Центрального Восточного издательства [2, л. 45].

Таким образом, Л.А. Сары-Сэп Конзачаков являлся одним из главных инициаторов создания Ойротской автономной области и сыграл важную роль в реализации этой идеи.

Девятого ноября 1922 г. на внеочередном заседании Ойротского облревкома с участием представителя Сибревкома П.Я. Гордиенко был заслушан доклад Л.А. Сары-Сэпа Канзачакова о проведенной работе в центре по выделению Ойротской автономной области, в котором он вновь поднял вопрос об объединении «ойротских народов» в единую республику. Докладчик выступил с предложением присоединения к Ойротской автономной области «туземцев Кузнецкого уезда Томской губернии и Минусинского уезда Енисейской губернии». Предлагалось инициировать эту идею через Наркомнац, с созывом съезда тюркских народов Южной Сибири для выявления общественного мнения по вопросу объединения в одну республику. Сары-Сэп Канзачаков выражал надежду на расширение прав будущей автономии ойротских народов, которая, по мнению Канзачакова, должна была получить штат управленческого аппарата и бюджет губернского масштаба. Указанные предложения Сибирский ревком направил в нацотделы при Томском и Енисейском губернских исполкомах [5, л. 45].

В своем выступлении Сары-Сэп Канзачаков высказал и другие предложения, которые легли в постановление Облревкома: об образовании торгово-экономического отдела при Ойротском представительстве в Наркомнаце, об отмене призыва инородческого населения на воинскую службу.

В целом Облревком признал деятельность Сары-Сэпа Канзачакова как заслуживающую полного одобрения. Облревком также положительно оценил итоги работы по созданию представительства Ойротской автономной области при Наркомнаце и утвердил правомочность правомочность представительства в лице С.С. Борисова [2, л. 55]. Облревком возложил на Сары-Сэпа Канзачакова курирование вопросов по административному и эко-

номическому районированию Ойротской автономной области и освещение в центральной прессе проблемы объединения тюрков Южной Сибири в единую республику [5, л. 45об.].

Но вскоре последовали события, которые поставили крест на профессиональной деятельности и репутации Сары-Сэпа Канзачакова. Он стремился увеличить представительство алтайцев во властных структурах. В этом вопросе он заручился поддержкой другого члена Облревкома П.А. Чагата-Строева, который к тому же являлся членом ВЦИКа от Ойротской автономной области, и М.А. Борисова (Борисова-Кочубеева), представителя Ойротии в Наркомнаце. Сложившуюся оппозиционную группу поддержал прокурор области В.М. Маевский [12, с. 93], назначенный в область в октябре 1922 г.

В октябре 1922 г. Чагат-Строев выступил в газете «Известия» с критикой областного руководства за потворство «великодержавному шовинизму». В результате автор статьи подвергся критике со стороны Ойротского областного ревкома. Прокурор В.М. Маевский направил в декабре 1922 г. спустя письменное обращение в Наркомнац с обвинениями руководителей области П.Я. Гордиенко и Н.Ф. Меджит-Иванова в беззаконии, терроре, взяточничестве. В результате он был снят с должности и отправлен под суд за клевету [11, с. 49].

Травля развернулась и против Сары-Сэпа Канзачакова, но она не носила политического характера, а касалась бытовых проступков. Вместе с тем партийное руководство серьезно беспокоило возможное объединение действий Сары-Сэпа Канзычакова и Чагата-Строева. В декабре 1922 г., накануне приезда Канзачакова из Москвы, секретарь Ойротского обкома РКП(б) П.Я. Гордиенко направил телеграмму в Новониколаевск в Сиббюро ЦК РКП(б), в которой под грифом «Совершенно секретно», указывалось: «Зампредоблревкомом Сарысэп занята позиция Строева, допущен ряд дискредитирующих поступков, могущих вызвать серьезные осложнения политического характера, есть опасность в связи с приездом Строева значительно ухудшить создавшееся положение. Постановлением Обкома впредь до возвращения Иванова мне поручено вступить в исполнение обязанностей зампредоблревкома. Сарысэп в целях изоляции посылается представителем в Москву в Наркомнац» [4, л. 1].

Далее 11 декабря Сары-Сэп Канзачаков ушел с должности заместителя председателя Ойротского облревкома в связи с «болезненным состоянием» [4, л. 2–4], а 23 декабря 1922 г. освобожден от занимаемой должности, его место занял Г.И. Чусов

Итак, Сары-Сэп Канзычаков уже после образования Ойротской автономной области вновь поднимал вопрос о создании объединенной автономии тюрков Южной Сибири. По замечанию А.А. Болдуева, тем самым докладчик и инициатор этой идеи поставил под сомнение правовые основания декрета ВЦИК от 1 июня 1922 г. об образовании Ойротской автономной области. Партийное руководство отреагировало спустя полтора месяца [7, с. 13].

Дальнейшая биография создателя Ойротской автономии приведена Г.П. Самаевым по материалам следственного дела. По некоторым данным, Сары-Сэп Канзачаков в 1923 г. работал представителем области в Наркомнаце и представителем Центрального союза потребительских обществ СССР в г. Себеж близ границы с Латвией. В 1924 г. исключен из партии, вернулся на Алтай и работал учителем в школах на территории современных Сростинского, Бийского, Бащелакского районов Алтайского края. В 1928 г. принят кандидатом в члены ВКП(б). Став кандидатом в члены партии, Сары-Сэп Конзачаков занимает должность заместителя заведующего организационным отделом Ойротского облисполкома. В сентябре 1930 г. переходит на работу в редакцию областной газеты «Кызыл Ойрот» на алтайском языке. Занимался литературной деятельностью, писал рассказы на алтайском языке.

В феврале 1934 г. арестован по обвинению к сфабрикованной ОГПУ националистической организации, но был оправдан. После этого он уехал из Ойрот-туры в Бийский район, но в 1935 г. возвращается в Ойротию. В июне 1935 г. осужден за «бытовое разложение», в 1936 г. освободился из областного ИТУ и проживал «без определенных занятий». Весной 1937 г. он выехал в Старобардинский район Алтайского края, где устроился счетоводом колхоза в деревне Тебирек Нарлыкского сельсовета. 21 мая 1937 г. арестован как член «контрреволюционной националистической организации». 1 октября того же года приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 14 октября 1937 г. Реабилитирован в 1956 г. решением президиума Алтайского краевого суда [12, с. 93–94].

Трагическая судьба Л.А. Сары-Сэпа Канзачакова была характерна для представителей национальной интеллигенции, которые вошли в политическую деятельность в результате революционных событий и демократических преобразований в стране после февраля 1917 года. Проявив свою антибольшевистскую позицию, они, тем не менее, были амнистированы советской властью и включились в строительство нового строя. Сары-Сэп Канзачаков внес значительный вклад в создание автономии алтайцев. Но его постоянные инициативы по реализации идеи объединения тюркских народов вызывали серьезную настороженность со стороны партийных органов. Опасения вызывала его прошлая деятельность в «контрреволюционной» Каракорум-Алтайской управе, что в дальнейшем предопределило судьбу этого политического деятеля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Госархив РА. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 403.
2. Госархив РА. Ф. Р-33 (Ойротский облисполком). Оп. 1. Д. 280.
3. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-1 (Сибирское бюро ЦК РКП(б). Оп. 1. Д. 1194.
4. ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 493.
5. ГАНО. Ф. Р-1 (Сибревком). Оп. 1. Д. 919.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17 (Центральный комитет РКП(б) / ВКП(б)). Оп. 100. Д. 90772.
7. Болдуев А.А., С.С. Конзычаков, П.А. Чагат-Строев, Н.Ф. Иванов: определение путей развития Горного Алтая (осень 1922 – весна 1923 гг.) (по материалам прошлых публикаций) / А.А. Болдуев // Мир Евразии – 2016. – № 2(33). – С. 12–16.
8. Демидов В.А. К социализму, минуя капитализм. Очерк социалистического строительства в Горно-Алтайской автономной области / В.А. Демидов. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1970. – 224 с.
9. Демидов В.А. От Каракорума к автономии: Пособие к спецкурсу / В.А. Демидов. Новосиб. ун.-т. Новосибирск: РИО-НГУ, 1996. – 156 с.
10. Знаменский А.А., Тюхтенева С.П. Алтайская этничность, сибирское областничество и становление советской Ойротской автономии / А.А. Знаменский, С.П. Тюхтенева // Проблемы цивилизационного развития. – 2022. – Т. 4. – № 2. – С. 70–87.
11. Папков С.А. Прокуроры Сибири (1922–1937 годы) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2020. – № 3. – С. 41–59.
12. Самаев Г.П. Сары-Сэп Канзачаков и его роль в образовании Ойротской автономной области / Г.П. Самаев // Материалы Анохинских краеведческих чтений 2003 г. (сборник научных статей). – Горно-Алтайск, 2004. – С. 86–98.
13. Сары-Сэп Канзычаков Л.А. Культурно-исторический очерк об алтайцах: к вопросу о выделении автономной области «Ойрот» / Л.А. Сары-Сэп Канзачаков // Сибирские огни. – 1922. – № 1. – Март-апрель. – С. 109–115.
14. Л.А. Сары-Сэп Канзычаков. К выделению ойратов в автономную область // Жизнь национальностей. – 1922. – 14 апреля. – № 6/7 (12/13). – С. 6–7.
15. Справочная книга по Томской епархии за 1902/3 год Составлена под редакцией Секретаря Томской духовной консистории Д.Е. Березова. Томск: Типография епархиального братства, 1903. – 531 с.] // Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина [Электронный ресурс] URL: http: // www. prlib. ru›item/451288 (дата обращения: 05.02. 2025)

© Каташев Максим Степанович (kms_37@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.05–2.17

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СТРАТЕГИЙ АНАЛИТИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ КНР В ПРОДВИЖЕНИИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА С КАЗАХСТАНОМ УЗБЕКИСТАНОМ И ТУРКМЕНИСТАНОМ С 2001 ПО 2025 ГОДЫ

Ли Сяоминь
Аспирант, Российский университет дружбы народов (РУДН)
1831679802@qq.com

Аннотация: Данная статья посвящена сравнительному анализу стратегий аналитических центров Китайской Народной Республики (КНР) в контексте продвижения энергетического сотрудничества с Казахстаном, Узбекистаном и Туркменистаном в период с 2001 по 2025 годы. Исследование направлено на выявление общих тенденций и особенностей формирования аналитических подходов, а также на оценку влияния данных стратегий на развитие энергетического сектора в указанных странах.

В разделе «Введение» описывается актуальность исследования с учётом важности диверсификации энергетических ресурсов и геополитических интересов региона. Обоснована необходимость системного анализа стратегий аналитических центров КНР для построения эффективных механизмов международного сотрудничества в энергетической сфере. Методологическая база исследования строится на сравнительном анализе, включающем сбор эмпирических данных, экспертные оценки и документальный анализ публикаций аналитических центров.

Раздел «Методы» подробно описывает используемые подходы, среди которых – качественный сравнительный анализ, контент-анализ ключевых публикаций, интервью с экспертами и анализ статистических данных о динамике энергетического сотрудничества. Исследование опирается на междисциплинарный подход, объединяющий элементы политологии, экономики и энергетической геополитики.

В разделе «Результаты» приводятся основные выводы исследования, демонстрирующие, что аналитические центры КНР адаптируют свои стратегии в зависимости от специфики энергетических ресурсов и экономического потенциала партнёрских стран. Выявлены модели сотрудничества, основанные на интеграции долгосрочных планов развития энергетической инфраструктуры и использовании инновационных технологий в энергетическом секторе. Наблюдаются динамические изменения в аналитических прогнозах, связанные с изменением макроэкономических условий и геополитической конъюнктурой.

Раздел «Обсуждение» интерпретирует результаты исследования с точки зрения влияния аналитической деятельности на формирование энергетической политики. Обсуждаются практические рекомендации для улучшения взаимодействия между аналитическими центрами и государственными структурами, направленные на повышение эффективности энергетического сотрудничества. Итогом исследования является обоснование необходимости выработки интегрированных стратегических решений, способствующих устойчивому развитию энергетических отношений между КНР и странами Центральной Азии, что имеет важное значение для региональной стабильности и экономического роста.

Ключевые слова: КНР, аналитические центры, энергетическое сотрудничество, стратегии, Центральная Азия.

COMPARATIVE STUDY OF THE STRATEGIES OF THE ANALYTICAL CENTERS OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA IN PROMOTING ENERGY COOPERATION WITH KAZAKHSTAN, UZBEKISTAN, AND TURKMENISTAN FROM 2001 TO 2025

Li Xiaomin

Summary: This article is devoted to a comparative analysis of the strategies of the analytical centers of the People's Republic of China (PRC) in the context of promoting energy cooperation with Kazakhstan, Uzbekistan, and Turkmenistan during the period from 2001 to 2025. The study aims to identify common trends and specific features in the formulation of analytical approaches, as well as to assess the impact of these strategies on the development of the energy sector in the mentioned countries.

The "Introduction" section describes the relevance of the study in view of the importance of diversifying energy resources and the region's geopolitical interests. It justifies the need for a systematic analysis of the strategies of the PRC's analytical centers for building effective mechanisms of international cooperation in the energy field. The methodological basis of the study is constructed on comparative analysis, including the collection of empirical data, expert assessments, and the documentary analysis of publications by analytical centers.

The "Methods" section provides a detailed description of the approaches used, among which are qualitative comparative analysis, content analysis of key publications, interviews with experts, and analysis of statistical data on the dynamics of energy cooperation. The research relies on an interdisciplinary approach that combines elements of political science, economics, and energy geopolitics.

The "Results" section presents the main findings of the study, demonstrating that the PRC's analytical centers adapt their strategies according to the specifics of energy resources and the economic potential of partner countries. Models of cooperation have been identified based on the integration of long-term plans for the development of energy infrastructure and the use of innovative technologies in the energy sector. Dynamic changes in analytical forecasts are observed, linked to changes in macroeconomic conditions and the geopolitical environment.

The "Discussion" section interprets the study's results in terms of the influence of analytical activities on the formation of energy policy. It discusses practical recommendations for improving interaction between analytical centers and government structures, aimed at enhancing the effectiveness of energy cooperation. The study concludes by

substantiating the need for integrated strategic solutions that contribute to the sustainable development of energy relations between the PRC and the Central Asian countries, which is important for regional stability and economic growth.

Keywords: PRC, analytical centers, energy cooperation, strategies, Central Asia.

Введение

Взаимодействие Китая со странами Центральной Азии, в частности с Казахстаном, Узбекистаном и Туркменистаном, претерпело существенные трансформации, отражая меняющиеся приоритеты Пекина в области энергетической безопасности. Стартовой точкой укрепления энергетического сотрудничества можно считать рубеж 2000-х годов, когда глобальная экономическая конъюнктура способствовала интенсификации экспорта нефти и газа в быстрорастущую экономику КНР. Ключевой движущей силой этого процесса стали аналитические центры (think tanks) Китая, которые способствовали оформлению стратегических рекомендаций и поиску оптимальных форм взаимодействия. С начала первой декады XXI века аналитики КНР обратили взоры на эти государства, располагавшие значительными запасами углеводородов и проявлявшие интерес к иностранным инвестициям. В этом процессе китайские think tanks заняли важную позицию посредника между национальными корпорациями, госаппаратом и элитами стран региона [9].

Роль китайских аналитических центров была предопределена особенностями политической системы КНР, где экспертная среда тесно связана с государственными органами и крупным бизнесом. В Китае think tanks выполняют не только научно-исследовательскую функцию, но и консультативную: они генерируют идеи, которые ложатся в основу государственной политики [3, с. 24]. Стратегии таких центров в вопросе энергетического сотрудничества с Центральной Азией нацелены на долгосрочную перспективу, подразумевая наращивание присутствия национальных компаний в регионе и диверсификацию маршрутов поставок. Государственные инстанции КНР заинтересованы в стабильности соседних стран, чтобы бесперебойно получать нефть и газ, удовлетворять потребности внутреннего рынка и минимизировать риски сбоев.

Материалы и методы исследования

С середины 2000-х годов сотрудничество Китая со странами региона переплелось с контекстом Инициативы «Пояс и путь». Хотя эта инициатива официально провозглашена позднее — в 2013 году, её предпосылки формировались в экспертных кругах задолго до публичного объявления. Аналитические центры КНР участвовали в работе над проектами по расширению инфраструктуры вдоль Евразийского континента, аргументируя, что диверсификация поставщиков и маршрутов поможет Китаю укрепить энергетическую безопасность и усилить политическое влияние в регионе [15, с. 107]. В этот период они активно изучали региональный потенциал в сфере нефтехимии, электроэнергетики и возобновляемых источников энергии, полагая, что КНР может инвестировать в комплексные программы развития энергетических систем в государствах-партнёрах.

Казахстан, обладая крупными запасами нефти и газа, с самого начала выступил приоритетным партнёром для Китая. Аналитические центры КНР делали акцент на политической стабильности казахстанского руководства и курсе на привлечение иностранных инвестиций в нефтегазовый сектор. Большое значение уделялось особенностям национального законодательства, предполагающего участие государства в контрольных пакетах, и поэтому think tanks рекомендовали китайским корпорациям формировать совместные предприятия с местными структурами [2, с. 901]. Аналитики подчеркивали важность уважения суверенитета Казахстана и учёта влияния третьих стран, в частности России и США. По итогу была построена сеть трубопроводов, в том числе «Китай – Казахстан», а также разработаны планы расширения железнодорожных и автомобильных маршрутов. Узбекистан рассматривался как важное звено в энергетической архитектуре Центральной Азии, хотя в отличие от Казахстана он в большей степени полагается на газ. Think tanks отмечали, что инвестиционный климат в Узбекистане оставался сложным, включая ограничения в сфере репатриации прибыли и высокую степень участия государства в экономике [7, с. 267]. Существенным толчком для сотрудничества стали переговоры о строительстве газопровода «Центральная Азия – Китай», который проходит через узбекскую территорию. В результате был разработан комплекс мер по финансированию совмест-

ных проектов, включающих модернизацию газопроводов и расширение сетей хранения топлива.

Туркменистан считается одним из крупнейших поставщиков природного газа в регионе. Аналитики указывали на существенные различия туркменской политической системы от других стран Центральной Азии, характеризующейся высоким уровнем централизации и закрытостью [6, с. 150]. Китайские think tanks предлагали вести гибкую политику, соизмеряя стратегические интересы Пекина с политическим курсом Ашхабада. Появление газопровода из Туркменистана в Китай стало одним из важнейших проектов, так как этот маршрут позволял нарастить импорт газа и снизить зависимость от морских поставок. Важным элементом стратегии стало укрепление двусторонней дипломатии и расширение гуманитарных проектов.

Результаты и обсуждение

При анализе стратегий аналитических центров по отношению к трем странам можно выделить общие черты – акцент на диверсификации энергетических маршрутов и комплексном подходе к импорту нефти и газа [13, с. 24]. Эксперты подчёркивали необходимость комплексной инфраструктуры, включающей не только трубопроводы, но и коммуникации для транспортировки электричества, железнодорожные пути и объекты для переработки сырья. Однако Казахстан, с более открытой инвестиционной средой, выступает основным направлением для нефтеориентированных проектов, в то время как Узбекистан и Туркменистан более интересны в качестве поставщиков газа.

В эволюции китайской энергетической политики с 2001 по 2025 годы можно отметить несколько этапов. Начальный период (2001–2005) ознаменовался поиском возможностей для прямых инвестиций и пробными проектами. Затем последовала фаза строительства трубопроводов и заключения долгосрочных договоров (середина и вторая половина 2000-х). Китайские аналитики исследовали особенности внутреннего развития стран Центральной Азии, стараясь найти баланс между интересами всех сторон [1, с. 48]. С начала 2010-х китайская политика переходит к комплексным формам сотрудничества, включая инвестирование в нефтепереработку, электроэнергетику и научно-технические инициативы.

Перспектива до 2025 года предполагает усложнение структуры энергетической кооперации за счёт новых отраслевых проектов. Аналитические центры Китая отмечают, что конкуренция за центральноазиатские ресурсы может усилиться. Ключевой задачей остаётся поддержание стабильности транзитных коридоров и формирование взаимных экономических интересов [10, с. 125]. В экспертных кругах всё чаще говорят о необходимости учитывать экологические и социальные аспекты. Вопросы безопасности также важны, поскольку сохраняется риск террористической активности и межэтнических конфликтов. Китайские аналитические центры отмечают, что развитие энергетической инфраструктуры должно сопровождаться стабилизацией ситуации и поддержкой социально-экономического развития местного населения [12, с. 91]. Пекин стремится расширять сотрудничество с государственными органами стран Центральной Азии, вырабатывая стратегию «мягкого влияния» через совместные учения и встречи в рамках ШОС.

Большое влияние на сотрудничество оказывают инфраструктурные проекты. Аналитические центры КНР указывали на необходимость строительства новых железных дорог, автотрасс и логистических центров [5, с. 12]. Открытие скоростных путей для грузовых поездов дало возможность сократить сроки поставок и повысить конкурентоспособность китайских товаров. Китайская стратегия предполагает финансирование крупных строительных проектов через государственные банки и инвестиционные фонды. Экологическая составляющая становится все более важной. Аналитические центры уделяют больше внимания вопросам устойчивого развития и внедрения чистых технологий. Эксперты указывают, что многие местные энергетические объекты нуждаются в модернизации с внедрением современных экологических норм [14, с. 23]. Рекомендуется расширить портфель проектов в области возобновляемой энергетики, что продемонстрирует готовность Пекина вкладывать средства в инновационные сферы. Для Китая энергетическое взаимодействие не ограничивается покупкой нефти и газа. Через инвестиции в инфраструктуру китайские корпорации стремятся получать доступ к сырьевым базам и льготные условия эксплуатации, гарантируя стабильные поставки и контроль издержек [4, с. 1737]. Комплексная экономическая выгода выражается в расширении рынков сбыта, создании совместных предприятий и укреплении торговых коридоров. Значительную роль начинают играть аспекты технологического трансфера. Китайские аналитики отмечают, что государства Центральной Азии испытывают нехватку современных технологий в нефтегазовой сфере. КНР может предложить обучение специалистов и внедрение инноваций, формируя более тесную зависимость партнёров от китайских решений [8, с. 47]. Это открывает перспективы использования модели «связанных сделок», где поставки технологий сопровождаются долгосрочными контрактами на закупку сырья.

По мере реализации крупных проектов растёт потребность в новых форматах партнёрства. Китайские think tanks предлагают расширять систему региональных многосторонних институтов. Создание специализированных рабочих групп и привлечение частных компаний к диалогу позволят повысить эффективность

управления многонациональными проектами [11, с. 180]. Рассматриваются возможности активного участия Китая в финансировании региональных банков развития и специальных фондов.

Выводы

Ключевым фактором для успешного развития энергетических проектов между Китаем и Центральной Азией является взаимное доверие на разных уровнях. Работа аналитических центров КНР выходит за рамки экономических исследований и затрагивает сферы культурного взаимодействия и социальных инициатив. Китай стремится представлять проекты как обоюдное благо: рабочие места, налоги в бюджет, инновации и программы социальной поддержки. В будущие годы рекомендуется усилить гуманитарное направление сотрудничества, развивать обмен студентами и проекты в сфере здравоохранения и экологии. Создание в Китае системы think tanks, связанных с органами власти и бизнесом, позволило выстроить целостную платформу для анализа и прогноза. Каждый центр обладает специализацией: одни ориентированы на международные отношения, другие — на экономику и финансы, третьи — на технические аспекты энергетики. Есть и ограничения: закрытость принятия решений и роль партийной иерархии ведут к тому, что некоторые рекомендации остаются нереализованными. Тем не менее, система аналитических центров позволяет поддерживать высокий уровень экспертизы, что даёт Пекину преимущества при планировании политики.

На период до 2025 года китайские think tanks сходятся во мнении, что энергетическая сфера в отношениях с тремя странами будет расширяться. Больше внимания станет уделяться нефте- и газопереработке, химическим производствам и формированию совместных исследовательских центров. Появятся и новые вызовы: рост альтернативных источников энергии, форс-мажорные ситуации и усиливающаяся конкуренция [2, с. 899].

Центральная Азия остаётся ключевым регионом, где Китай может реализовать стратегию объединения энергетических и логистических интересов. Если в начале 2000-х взаимодействие строилось на точечных проектах, то спустя два десятилетия необходима комплексная рамка сотрудничества, охватывающая отраслевое планирование, инновации и культурное измерение. Лидерские позиции Китая в регионе будут зависеть от того, насколько грамотно Пекин сумеет учитывать национальную специфику и интересы местных элит. С 2001 года китайские think tanks стали активным механизмом, формирующим подходы КНР к энергетическому взаимодействию с Казахстаном, Узбекистаном и Туркменистаном. Их работа уходит корнями в системные исследования внутренней политики стран региона и анализ глобальных трендов. На каждом этапе этот экспертный потенциал позволял корректировать стратегию и снижать риски. С приближением 2025 года данные институты продолжают играть всё более важную роль, рекомендуя расширять не только сырьевой аспект, но и технологическое, инфраструктурное, культурное измерение сотрудничества [1, с. 48].

Учитывая все аспекты, можно заключить, что развитие энергетического сотрудничества Китая с тремя странами является результатом сочетания нескольких ключевых факторов. Поддержка со стороны китайских аналитических центров сыграла важную роль, поскольку они разрабатывали рекомендации, адаптированные к специфике каждого партнёра [7, с. 272]. Сочетание экономических, политических и инфраструктурных проектов формирует логику китайской экспансии, которая будет сохраняться в долгосрочной перспективе, трансформируясь под влиянием внутренних реформ в странах региона и глобальных энергетических тенденций. Переход к более экологичным формам энергетики и расширение культурных обменов влияют на структуру этих отношений, превращая их в многоуровневую модель, учитывающую взаимные интересы и риски.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алимов Р.К. Стратегическое партнерство Таджикистана (РТ) и Китая (КНР): международно-политические, экономические и гуманитарные измерения: автореф. дис. . . . д-ра полит. наук. Москва: Дипломатическая академия МИД России, 2014. 48 с.
2. Воскресенский А.Д. Энергетические параметры международных отношений в Восточной Азии: дискуссии экспертов // Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии / науч. ред.-сост. А.Д. Воскресенский. Москва, 2007. С. 898–1006.
3. Зиядуллаев Н.С., Зиядуллаев С.Н. Стратегическое партнёрство Российской Федерации и Республики Узбекистан // Формирование финансово-кредитных механизмов обеспечения стабильности и экономического роста с учетом перспектив развития интеграции в ЕАЭС: материалы международной науч.-практ. конф. 2016. С. 23–29.
4. Иванов Д.А. Роль энергетического фактора во взаимодействии Казахстана с Европейским союзом // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13. № 9 (354). С. 1731–1746.
5. Казанин М.В. О некоторых сложных моментах китайско-пакистанского энергетического сотрудничества // Статья в открытом архиве. 2017. № 39573. 12 с.
6. Казахстан и Россия: экономические и политические аспекты стратегического партнерства: материалы международной научной конференции (5 апреля

2007 г., Москва). Москва, 2007. 150 с.
7. Каримова К.К., Мустафин Т. Особенности международной торговли энергосырьем в Казахстане // Международные экономические отношения в контексте поиска баланса национальных интересов: материалы науч.-практ. конф. 2018. С. 264–279.
8. Котик А.В., Савкович Е.В. Российско-казахстанское энергетическое сотрудничество в 2014–2024 гг.: проблемы и противоречия // Гуманитарно-педагогические исследования. 2024. Т. 8. № 1. С. 41–49.
9. Мансуров Д.М. Энергетическое сотрудничество Республики Таджикистан со странами СНГ // Электро. Электротехника, электроэнергетика, электротехническая промышленность. 2005. № 4. С. 7–11.
10. Нуриддинов Э.З. Узбекистан и Россия на новом этапе стратегического партнерства // Историко-культурные связи России и Узбекистана и перспективы гуманитарного сотрудничества в современный период: сб. материалов международной научной конференции. Сер. «Евразийский перекресток». 2018. С. 124–129.
11. Петров Г., Ахмедов Х.М. Стратегия развития и пути повышения эффективности энергетики Таджикистана. Душанбе, 2017. 180 с.
12. Равшанов М.Ф., Новиков А.Ю., Комарова А.В. Сотрудничество России со странами-экспортерами энергоносителей в ЕАЭС // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. 2024. № 2 (187). С. 86–95.
13. Савин В.В. Энергетическое партнерство России и Казахстана: проблемы и перспективы создания единого энергетического пространства: автореф. дис. … канд. экон. наук. Москва: Совет по изучению производительных сил (СОПС), 2008. 24 с.
14. Сеферов А.К., Иллерицкий Н.И. Энергетическое сотрудничество прикаспийских государств: проблемы и перспективы // Трансформация мировой энергетики: рыночные механизмы и государственная политика. 2016. С. 20–27.
15. Шабарова А.К., Жумагулов Е.С. Казахстан в энергоинтеграции ЕАЭС: реалии антироссийских санкций // Энергетика Евразии: новые тенденции и перспективы. 2016. С. 105–113.
16. 勤. 中国与中亚能源合作: 现状、挑战与对策 // 俄罗斯东欧中亚研究. 2016. № 4. 第67-79页. [Линь Юэцинь. Энергетическое сотрудничество Китая и Центральной Азии: текущая ситуация, вызовы и контрмеры // Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии. 2016. № 4. С. 67–79.]
17. 潘广云, 刘小丽. 地缘政治视角下的中国与中亚国家能源合作 // 国际问题研究. 2017. № 3. 第96-112页. [Пань Гуанъюнь, Лю Сяоли. Энергетическое сотрудничество Китая со странами Центральной Азии с геополитической точки зрения // Исследования международных проблем. 2017. № 3. С. 96–112.]
18. 赵华胜. 中国的中亚外交 [M]. 北京: 时事出版社, 2008. 310页. [Чжао Хуашэн. Дипломатия Китая в Центральной Азии. Пекин: Издательство текущих событий, 2008. 310 с.]
19. 薛力. 中国与中亚国家能源合作: 成就、问题与前景 // 现代国际关系. 2010. № 5. 第46-52页. [Сюэ Ли. Энергетическое сотрудничество Китая со странами Центральной Азии: достижения, проблемы и перспективы // Современные международные отношения. 2010. № 5. С. 46–52.]
20. 吴宏伟. 中国与中亚国家的能源合作与周边能源安全 // 中国社会科学院学报. 2013. № 2. 第65-79页. [У Хунвэй. Энергетическое сотрудничество Китая со странами Центральной Азии и безопасность приграничных энергетических ресурсов // Журнал Китайской академии социальных наук. 2013. № 2. С. 65–79.]

© Ли Сяоминь (1831679802@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.05–2.20

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЦЕРКОВНЫХ ХОРОВ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

CHARITABLE ACTIVITIES OF CHURCH CHOIRS DURING THE FIRST WORLD WAR

N. Logacheva
N. Grigorieva
M. Simonova
A. Mironova

Summary: The article is devoted to the charitable activities of church choirs during the First World War. Based on the materials of the journal "Choral and Regent's Business", the concert activities of various choirs are analyzed, the proceeds from which went to help soldiers and their families. Special attention is paid to the performed repertoire, as well as the performance of the anthems of the allied states. Specific examples are given to show the performed repertoire and the sacrifice of the civilian population. In general, the authors sought to show the activities of parish groups in various parts of the Russian Empire, influencing the patriotic sentiments of the population.

Keywords: First World War, charity, church choirs, "Choral and Regent's Business".

Логачёва Наталья Вячеславовна
кандидат исторических наук, доцент,
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»
logacheva-nv@rudn.ru
Григорьева Наталия Анатольевна
доктор исторических наук, профессор,
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»
grigoryeva-na@rudn.ru
Симонова Мария Александровна
доктор исторических наук,
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»
simonova-ma@rudn.ru
Миронова Александра Викторовна
кандидат исторических наук, доцент,
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
mironova-av@rudn.ru

Аннотация: Статья посвящена благотворительной деятельности церковных хоров в период Первой мировой войны. На материалах журнала «Хоровое и регентское дело» анализируется концертная деятельность различных хоровых коллективов, доходы от которой поступали в помощь воинам и их семьям. Отдельное внимание уделяется исполняемому репертуару, а также исполнению гимнов государств-союзников. На конкретных примерах показан исполняемый репертуар и жертвенность мирного населения. В целом, авторы стремились показать деятельность приходских коллективов в различных уголках Российской Империи, оказывающую влияние на патриотические настроения населения.

Ключевые слова: Первая мировая война, благотворительность, церковные хоры, «Хоровое и регентское дело».

Традиционно благотворительная деятельность в любом ее проявлении является духовной вехой развития личности. В период Первой мировой войны церковные приходы в меру сил и возможностей поддерживали воинов, помогая как материально, так и духовно. В связи с этим особое значение прибрели хоровые концерты, сбор от которых перечислялся нуждающимся, а также воинам.

События Первой мировой войны нашли отражение не только в периодической печати, но и в сборниках песен, появившихся в то время и явившихся культурным источником коллективной памяти нашего народа [2; 4]. Отдельные группы источников представляют работы, связанные с благотворительной деятельностью Российской империи [3; 5; 6] и посвященные деятельности органов государственного управления по общественному призрению [7; 11].

«Там грохочут орудия, там льется кровь, там ужас, там война, здесь жизнь идет своим чередом, здесь люди занимаются, как и раньше, наукой, искусством, торговлей, здесь – мир» - так писала «Русская музыкальная газета» в августе 1914 г. [12]. Этот «мир» не мог оставить равнодушным ни тех, кто оставался за пределами боевых действий, и они в меру сил помогали, воюя в «миру».

В 1914 г. были изданы законы и правительственные распоряжения по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов, в которых определялось пенсионное обеспечение офицеров и нижних чинов, льготы и преимущества лицам, призванным на войну, а также оказание помощи их семьям, а также семьям раненых и павших воинов[1].

Согласно указу от 11 августа 1914 года «Об образовании Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов» был создан высший государственный орган для помощи семьям фронтовиков. Верховный совет возглавила супруга Николая II, императрица Александра Федоровна, уполномоченной за помощь в Москве стала великая княгиня Елизавета Федоровна, в Петрограде – великая княжна Ольга Николаевна. В п.1 Положения учрежденного общества, возглавляемого Елизаветой Федоровной, указывалось, что комитет «имеет своей целью устройство и объединение благотворительной помощи семьям лиц, призванных на время военных действий как из запаса, так и из ополчения. В зависимости от средств и от выраженной жертвователями воли, Комитет может оказывать помощь семьям убитых и увечных воинов» [8].

Согласно п. 10 Положения местные отделения должны были действовать самостоятельно, под общим руководством Ее Императорского Высочества [8, с.163]. Особо отметим, что помощь выражалась в следующем: предоставление работы, бесплатного проживания, выдаче провианта и вещей, т.е. необходимого. И лишь в крайнем случае назначались денежные пособия.

В противоположность этому Положению, приходы, проводя концерты, перечисляли именно денежные средства как для воинов, так и для их семей. Суммы были различными, как и сами приходы – небольшими сельскими или соборными городскими. Но, несмотря на тяжелое положение народа в целом, каждый вносил посильную лепту в общее дело.

Представители различных социальных слоев были мобилизованы. Многие члены церковно-певческих организаций также были призваны на военную службу. «Текущая война не могла, конечно не отразиться на деятельности церковно-певческого общества: член правления общества заведывающий справочным бюро, библиотекарь общества и некоторые члены были призваны в действующую армию и теперь бок о бок с миллионами других незаметных серых русских героев сражаются за святую Русь, русскую культуру, в том числе и за прогресс православно-русского богослужебного пения» [10].Те же, кто остался в тылу, продолжали свою работу и всячески старались помочь как воинам, так и их семьям. Обстановка в стране была достаточно сложной, и любая помощь была уместна и важна. Общественные организации, учебные заведения организовывали благотворительные концерты, литературно-музыкальные вечера в пользу раненых воинов. Именно церковные приходы одними из первых откликнулись на происходящую в стране ситуацию и начали проводить благотворительные концерты для помощи воинам, раненым и их семьям.

Пожертвования были как частные, так и общие: «от жителей Ярославля в помощь раненым поступили взносы: 1 руб. 40 коп. «от мальчика Бори Буйновского» 3 руб. «от Зины, Мари и Оли вместо елки», 17 руб. 54 коп. «от служащих ярославских водокачки и боен» [11].

Одним из видов благотворительной деятельности церковных приходов стали различные концерты, проводимые церковными хорами, сбор от которых шел либо на помощь воинам и раненым, либо семьям погибших.

Так, например, 31 мая 1915 г. в зале Дворянского Собрания состоялся очередной благотворительный концерт на нужды семейств воинов. В нем приняли участие два хора – провинциальный из с. Павлова и городской. «Небывалое выступление сельского хора в губернском городе привлекло на интересный концерт массу публики, так что в зале было и душно, и тесно. Сбор был более 600 руб. Павловский хор фабриканта В.М. Теребина в количестве 40 человек под управлением регента первого разряда П.И. Армашова исполнил 7 номеров» [14].

В г. Верхотурье Пермской губернии «21 сентября был дан концерт в пользу Верхотурского попечительства по призрению семей воинов. Смешанный хор в составе 80 чел., организованный учителем пения местной гимназии И.Ф. Нарваткиным, привлек массу публики» – сообщалось в разделе «Известия и заметки» за октябрь 1914 г. [13]. Концерт несмотря на то, что проводился не церковным хором, собрал 250 руб. В заметке подчеркивалось, что «не было порядочного постоянного хора, который мог бы лечь в основу и дать силы для новой организации». Тем не менее, даже в столь отдаленных губерниях находились идейные руководители, которые разучивали произведения и устраивали концерты. Если в провинции концерты проходили в основном силами профессиональных и любительских церковных коллективов, то в Петрограде благотворительные концерты устраивались в рамках «Вечеров современной музыки» в малом зале консерватории.

Так, например, среди столичного духовенства возникла мысль в целях оказания духовного назидания раненым, находящимся на излечении в столичных лазаретах, совершать периодические посещения лазаретов и служить молебны, всенощные и требы по просьбам раненых.

Кроме того, группа столичных дьяконов, под управлением дьякона Казанского Собора, о. Аркадьева, давала духовные концерты для раненых. Они посещали Обуховскую больницу и несколько мелких лазаретов, где концерты имели большой успех, как, например в Алексеевском Синодальном лазарете, в Царскосельском госпитале.

Также в Казанском соборе возникла инициатива сбора подарков для воинов – героев действующей армии. «Было решено к празднику Казанской иконы Божьей Матери 22 октября приготовить пакеты с тёплым бельём для

раздачи воинам на передовых позициях. Каждый пакет должен был заключать тёплые: рубашку, кальсоны, портянки или чулки и перчатки, завёрнутые в платок. Кроме того, предполагалось вложить Св. Евангелие и образок Казанской Богоматери, освящённый на чудотворном образе Царицы Небесной. Совет обратился с просьбой пожертвовать на благое дело. Это начинание встретило живейший отклик не только среди прихода, но даже вне Петрограда. Командир, команда линейного корабля «Андрей Первозванный» прислали 1035 р. на изготовление подарков, прислали из провинции, с разных концов города, из богоугодных и учебных заведений. Люди бедные несли отдельные пакеты и вещи, состоятельные жертвовали целыми партиями пакетов. Благодарили за счастливую мысль – " согреть душу и тело солдатиков". Совет собора первоначально предложил приготовить 1000 пакетов и ассигновал на это 3000 р. Но как пожертвование деньгами, особенно в день праздника Казанской иконы только в кружке – 800 р., возросли до 7500 р., то пакетов было приготовлено гораздо больше. В общем с пожертвованиями прихожан – 3000 р., на сумму 15 т. р.. к сему было прибавлено 7 ящиков чаю и сахару, 25 табаку, 3 соли, 2 баранок и пр. В общем, получился, солидны транспорт около 1000 ящиков, для доставки на вокзал потребовалось 10 подвод, погрузивших товар до 600 пудов в два вагона. При решении вопроса кому и куда направить подарки, вспомнили донских казаков. Их предки подарили некогда серебро Казанскому собору, подвигами их потомков, как только началась война, восхищалась вся Россия, они дали первого героя современной войны.

От Командира N Донского Казачьего полка: «Вверенный мне полк приносит Вам и жертвователям искреннюю благодарность за праздничные подарки, которые получены и розданы нижним чинам, принявших их с глубокой благодарностью. Особенно утешительно представляют розданные им книги Св. евангелия, иконы и брошюрки. На многие из писем жертвователи получат ответ от казаков, которые с детской радостью перечитывали полученные в подарках письма. Особенно хорошее впечатление на них производили письма детей. И без того высокий дух полка ещё более окреп, когда получил моральную и материальную помощь притча и прихожан Петроградского Казанского Собора. Объединенные чувством – победы над врагом Донцы N полка просят Ваших молитв пред Всевышним и благословение на дальнейшее трудное и славное служение Царю и Родине» [9].

Стоит особо рассмотреть исполняемые хорами произведения. Время диктовало, что нужно как можно больше исполнять патриотических произведений. Действительно, в заметках всегда указывалось, что исполнялось в том или ином мероприятии. Это были и хор «Славься» М.И. Глинки, «Что так печален сербский народ» А. Архангельского, «Реквием» М. Анцева, «Незаметным героям» П. Чеснокова, «Да здравствует Россия» П. Чеснокова, а также духовные произведения.

Говоря о разнообразной программе, исполняемой хорами, нельзя не упомянуть о том, что в концертах исполнялись гимны союзников Российской империи в войне. Их исполнение подчеркивало доверие к странам, поскольку гимн объединяет нацию, вселяет чувство гордости и уважения к своей родине, а также вдохновляет на новые дела и свершения. Поэтому, исполнение гимнов стало одной из составных частей концертных выступлений.

Приведем несколько примеров включения в программу гимнов союзных государств. Так, в г. Вятка 2 сентября 1914 г. был концерт, посвященный славянской народно-патриотической песне. В программу вошли русский, французский, английский, сербский и черногорский, а также «Славься, славься, наш русский царь» и «Боже, люби царя» М.И. Глинки, «Многи лета» Гинзбурга и славянские, в обработке А.А. Архангельского, песни – «Кто свою отчизну любит», «Буйный ветер» и «Вечер на Саве». Автор отметил, что гимнов – бельгийского и японского в Вятке не нашлось. Сбор был отдан в «Общество помощи семьям запасных нижних чинов и ратников ополчения Вятской губернии, призванных в мобилизацию 1914 года», созданное губернатором города Чернавским [13].

В это время появляется на свет много патриотических песен и хоров. Нотоиздательства, в том числе и «П. Юргенсон», быстро издают и пускают в продажу по минимальной цене такие произведения, как: патриотические хоры А. Никольский «Затрубили трубы звонкие» 40 к. (партитура), 30 к. (голоса); Бармотин, С. «Ах, сколько, сколько пало их» 35 к./25 к. соответсвенно; Петров-Бояринов П. «Строем станьте, песню гряньте про Царя и про народ»; Гроздов Х. Братские могилы. Для муж. гол. Парт. 30 коп.; Ерошенко Е.М. Религиозно-патриотическая вокальная хрестоматия для певческих хоров мужских и женских учебных заведений. Вып.2-й. Патриотические песни. Цена 1 рубль и мн. др. Журнал «Хоровое и регентское дело на своих страницах давал анонс печатной продукции.

Тем не менее, при всей сложности государственной ситуации, продолжали выходить узконаправленные периодические издания, и в них, так же, как и в центральных печатных изданиях, отводилось место военным событиям. Авторы статей поддерживали своих читателей, призывали не опускать руки и продолжать музыкальную стезю.

Таким образом, благотворительная деятельность церковных хоров целесообразно рассматривать как одно из самостоятельных направлений социально значимой работы, которая была организована государством и обществом в годы Первой мировой войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Законы и правительственные распоряжения по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. - Пг.: Гос. тип., 1915. - XVI, 280.
2. Королев К.М. Патриотическая песня вчера и сегодня: коллективная память и поиски общих символов // Новое прошлое / The New Past. 2023. № 4. С. 223–242.
3. Косицина А.П. Благотворительная деятельность православных религиозных организаций в годы Первой мировой войны в г. Сызрань и Сызранском уезде Симбирской губернии // Первая мировая война в истории народов Поволжья. Чебоксары, 2015. С. 46–53.
4. Лассан Э. Современная русская патриотическая песня как отражение посттравматического национального синдрома // Slavistica Vilnensis. 2022. Т. 67(2). С. 110–125.
5. Логачёва Н.В. Публикационная деятельность «Русской музыкальной газеты» в годы Первой мировой войны // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. №2. С. 263–274.
6. Матвеева Н.Л. Благотворительная деятельность именных комитетов членов императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Изд-во МГОУ, 2004. 106 с.
7. Максимов Е.Д. Очерк истории развития и современного положения общественного призрения в России // Общественное и частное призрение в России. СПб., 1907.
8. Положение о Высочайше учрежденном под Августейшим Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны покровительством Комитет Ея Императорского Высочества Великой Княгини Елисаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну / Законы и правительственные распоряжения по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. Пг.: Государственная типография, 1915.
9. Рашитова О.А. Благотворительная деятельность Русской Православной церкви в начале Первой мировой войны (По страницам периодического издания «Известия по Петроградской епархии»). В сборнике: Первая мировая война и проблемы российского общества. 2014. С. 163–166.
10. Свящ. А. Игнатьев Вятское церковно-певческое общество в 1914 году // Хоровое и регентское дело. 1915. № 2. С. 38.
11. Ульянова Г. Благотворительность в годы Первой мировой войны. Электронный ресурс. Режим доступа: https://rusfond.ru/encyclopedia/36. Дата обращения: 02.02.2025.
12. Фатов Н.Н. Искусство врагов // Русская музыкальная газета. 1914. № 38–39. Стб. 728.
13. Хоровое и регентское дело. 1914. № 9. С. 169.
14. Хоровое и регентское дело 1915. № 7–8. С. 152.

© Логачёва Наталья Вячеславовна (logacheva-nv@rudn.ru), Григорьева Наталия Анатольевна (grigoryeva-na@rudn.ru), Симонова Мария Александровна (simonova-ma@rudn.ru), Миронова Александра Викторовна (mironova-av@rudn.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.05–2.21

ОТРАЖЕНИЕ СОБЫТИЙ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ХОРОВОЕ И РЕГЕНТСКОЕ ДЕЛО» В 1914–1917 ГГ.

REFLECTION OF THE EVENTS OF THE FIRST WORLD WAR ON THE PAGES OF THE MAGAZINE "CHORAL AND REGENT AFFAIRS" IN 1914-1917

N. Logacheva
N. Grigorieva
Yu. Belanovskaya

Summary: The article, which continues the series of publications by the authors on the history of publishing activities in Russia in the 19th-20th centuries, examines the typological characteristics and dynamics of the priorities of the journal "Choral and Regent's Business" during the First World War. Special attention is paid to the general concept of the journal during this period. Based on diverse sources, the role of the publication in the formation of the musical environment of Russian society is analyzed. Attention is focused on the mood of society in 1914-1917. The main priorities of domestic publishing activities in the period under study are defined and characterized.

Keywords: publishing, journal, musical works.

Логачёва Наталья Вячеславовна
кандидат исторических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»
logacheva-nv@rudn.ru
Григорьева Наталия Анатольевна
доктор исторических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»
grigoryeva-na@rudn.ru
Белановская Юлия Евгеньевна
кандидат исторических наук, доцент, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
belanovskaya-yue@rudn.ru

Аннотация: В статье, которая продолжает серию публикаций авторов по истории издательской деятельности в России XIX–XX вв., рассматриваются типологические характеристики и динамика приоритетов работы журнала «Хоровое и регентское дело» в годы Первой мировой войны. Отдельное внимание уделяется общей концепции журнала в данный период. На основе разноплановых источников анализируется роль издания в формировании музыкальной среды российского общества. Акцентируется внимание на настроениях общества в 1914–1917 гг. Определены и охарактеризованы основные приоритеты отечественной издательской деятельности в исследуемый период.

Ключевые слова: издательская деятельность, журнал, музыкальные произведения.

Известно, что события Первой мировой войны широко освещались на страницах основных периодических изданий Российской империи. Специализированные музыкальные издания также находили место на своих страницах для размещения информации о ходе военных действий и патриотическом труде мирного населения, работе государственных органов и церкви, общественных организаций. В их числе особая роль принадлежала журналу «Хоровое и регентское дело», основанному в 1909 г. Вопросы, которым был посвящен журнал, касались церковного и светского пения. О цели журнала широко сообщалось в следующем контексте: «новый журнал выступает в свет в такое благоприятное время, когда нет особенной надобности доказывать своевременность его появления. Уже то радушное участие к нему, которое проявлено многочисленными деятелями хорового искусства …служит для нас порукой, что предприятие отвечает назревшей серьезной потребности в специальном хоровом и регентском журнале, и что курс намеченной журналом программы взят приблизительно верно и – по мнению опытнейших руководителей – может привести к поставленной цели. …цель эта – повышение культурно-музыкального уровня наших певцов, регентов и учителей хорового пения, и, как следствие этого повышения, художественное воспитание масс и развитие самого искусства хорового пения» [6].

Основателями журнала стали видные деятели музыкальной культуры того времени: директор Синодального училища, профессор Московской консерватории С.В. Смоленский; русский церковно-певческий деятель, писатель, духовный композитор и педагог А.В. Никольский; российский музыковед-медиевист, палеограф, один из крупнейший знатоков и исследователей русской церковной музыки А.В. Преображенский и др., т.е. те специалисты, которые глубоко знали хоровую музыку, были воспитаны церковным пением и продолжали традиции многовекового церковного пения.

Обращает на себя внимание широкий спектр вопро-

сов, которые освещались на страницах издания: это и призыв к общему съезду хоровых руководителей, и отчеты о регентско-учительских курсах, музыкально-исторические очерки и др. Имел место и раздел корреспонденции, в котором публиковались новости из различных городов; анонс музыкальной литературы; рубрика о вакансиях и пр. Безусловно, не только одной музыкальной мыслью жил журнал.

В августе 1914 года, когда Российская империя вступила в военные действия, большинство изданий стало публиковать различные статьи и заметки, посвященные военным действиям или посильной помощи венному и мирному населению. Журнал «Хоровое и регентское дело» не стал исключением.

Сразу после начала войны журнал начинает сообщать о благотворительных мероприятиях. Так, на Нижегородской ярмарке в канун праздника Успения Пресвятой Богородицы был проведен благотворительный духовный концерт в пользу раненых воинов и их семейств силами двух главных нижегородских хоров – Архиерейского и Соборного. Сами эти хоры являлись епархиальным достоянием и «большие голосовые силы указанных хоров и, наконец, симпатичная сезонная благотворительная цель в пользу жертв войны, всё это, взятое вместе, привлекло в Гербовый зал много публики» [7]. Нижний Новгород принимал самое активное участие в помощи раненым.

14 декабря в помещении библиотеки-читальни состоялся Патриотический благотворительный Концерт хора Никольской церкви под управлением преподавателя Нижегородской Духовной Семинарии В.В. Беляева. Журнал сообщал, что «зал был почти полон, сбор был 120 р. <…> Послушать пение хора на Бор приехали из Нижнего Новгорода» [8].

В одном из номеров была напечатана заметка, которая начиналась такими словами: «В доказательство того, что русская деревня созрела к восприятию серьезной церковной музыки и что настало время обратить внимание на устройство и распространение сельских хоров, приводим сообщение о духовном концерте и литературно-патриотическом вечере, данных хором певчих села Рожнова, под управлением священника Николая Золотова <…> Хор сердечно отозвался на предложение регента пожертвовать своими трудами безвозмездно в пользу дорогих наших воинов» [11].

Примеров благотворительных концертов в журнале за годы войны было опубликовано множество.

В одной из заметок о концерте автор пишет: «приятно отметить факт объединения учебных заведений, раньше это были отдельные уголки с собственным мировоззрением, с особой жизнью – теперь война объединила всех, все стремятся отдать на пользу дорогой родине все, что можно: свои знания, свой труд… Конечно, если бы все благожелатели действовали разрозненными единицами, пользы было бы значительно меньше, чем теперь, когда единицы слились вместе, образовали общества и комитеты и действуют согласно» [9]. Таким образом, стремление людей в общей к помощи внесло неоценимый вклад в поддержание духовного единения воинов и их семей.

В № 1 за 1915 г. сообщалось, что хоровой концерт в пользу жертв войны был проведен 6 декабря и состоял из духовно-музыкальных композиций современных авторов К. Шведова П. Драгомирова.

Несколько раз с 1914 по 1917 гг. на страницах журнала появлялись заметки о том, что даже за рубежом был отклик на сборы пожертвований русским солдатам. Так, в театре «Эстония» (г. Ревель) состоялся духовно-патриотический концерт местного любительского хора под управлением псаломщика, учителя пения Лейнуса. В состав хора – более 140 человек – вошли священники, диакона, учителя, псаломщики, учащиеся и другие любители церковного пения. Программа концерта состояла из двух частей, причем большинство номеров написано русскими композиторами по поводу текущих событий и в гор. Ревеле исполнялись в первый раз» [10]. Или «Приводим характерное сообщение Американского Православного Вестника о русском празднике в Нью-Йорке в честь русских героев, участников войны, представителями высшего нью-йоркского общества. В этом русском празднике, чистый сбор с которого поступил в пользу нашего Красного Креста, приняли участие лучшие художественные силы. Празднество было устроено в богатейшем “каскадном» зале” отеля “Балтимор”. Зал был переполнен. Дамы явились на праздник в русских костюмах, на сцене декорация палат, расписанных в стиле дома бояр Романовых в Москве» [8]. Т.е., за пределами Российской Империи союзники посильно помогали российским воинам и принимали активное участие в благотворительной деятельности.

Буквально после начала войны в октябрьском номере «Хорового и регентского дела» была опубликована большая статья «Народные гимны наших союзников», в которой достаточно подробно рассматриваются особенности их создания, дается оценка музыкального и литературного текстов. Начиналась статья с рассуждения о том, что «с начала войны за протекшие два месяца всюду у нас раздаются национальные хоры – гимны англичан, бельгийцев, французов, японцев, сербов и черногорцев: без них не обходится ни одно наше патриотическое собрание, и русский народный гимн (*Боже Царя храни-авт.*) теперь звучит всегда окруженный этими гимнами наших много численных союзников. До начала войны едва ли кто был коротко знаком с чужими мелодиями,

теперь их знают все, и не только знают, но и увлекаются некоторыми из них, считая их выдающимися художественно-музыкальными произведениями» [3, с.192-193]. Начинается увлечение патриотическими песнями, которые несут в себе подъем боевого духа и сплочения народа. Еще при Петре I уделялось большое значение военной музыке как средству для установления воинской дисциплины и подъема боевого духа войск. Поскольку журнал все-таки музыкальный, то в статье разбирается и музыка некоторых гимнов. Так, про гимн Японии говорится, что текст древнего происхождения, примерно 1905 г. до Рождества Христова, «текст исключительный с точки зрения для европейца! <…> музыка носит в себе следы европейской обработки» [3, с.195]. Заканчивалась статья словами о силе гимна в целом: «Основным тоном или содержанием всех народных гимнов является беззаветная любовь к родине, и в этом заключается их вечная сила, их зажигающий гипноз, объединяющий в едином порыве как исполнителей, так и слушателей. <…> Не подлежит сомнению, что каждый гимн – своего рода музыкальное знамя народа» [3, с.196]. Таким образом, музыкальные благотворительные концерты, о которые анонсировал журнал, становились сплачивающей силой не только воинов, но и всего народа во время военных действий.

На страницах журнала была изложена информация о различных гимнах, предоставлены данные о продолжительности звучания некоторых из них: «продолжительность народных гимнов находится в соотношении с величиной стран, чем больше страна, - тем короче гимн. Англия – колоссальная со своими колониями, имеет гимн 14 тактов, Россия довольствуется 16 тактами, Америка – 28. Между тем Сиам имеет гимн в 66 тактов, Уругвай – 70, маленькая Республика Сан-Марино – ещё более продолжительный гимн. Но так как нет привил без исключения, то, например, Китай имеет гимн, требующий его исполнения целиком – целого полдня» [2].

В том же номере журнала регент Крестовоздвиженского хора Иванова-Вознесенска И.С. Мещанкин опубликовал воззвание ко всем регентам России: «Уважаемые коллеги! Много нас, регентов и певцов, разбросало по Матушке-Руси, которая переживает очень тяжелое положение от ужасов войны. Мне кажется, что мы не должны оставаться чуждыми делу оказания помощи храбрым защитникам родины, против бесчеловечного врага сражающимся, как раненым, так и тем семьям, от которых оторваны их кормильцы. Хор Крестовоздвиженской церкви Иванова-Вознесенска постановил отчислять с 1 августа и продолжать во все время войны в пользу семейств запасных нижних чинов, взятых на войну, по 2% с ежемесячного вознаграждения и 10% с доходного рубля, получаемого за требы. Кроме этого, предполагается устраивать концерты с целью оказания помощи. Уважаемые коллеги! Я надеюсь, что этот пример найдет отклик в сердцах ваших, и наше постановление не останется «гласом вопиющего в пустыне» [2].

Спустя год после вступления Российской Империи в военные действия, в сентябрьском номере журнала появляется статья «Солдатские песни». Солдатские песни отражали дух своего времени. Это явление было всегда. На Руси любое дело сопровождалось песней. Они отражали происходящие события и слагались тружениками, воинами и т.д. Первая мировая война не стала исключением. «Ни в одной европейской армии песня не связана так тесно и органически крепко со всем бытом солдата, как в русской – писал неизвестный автор. Наши солдаты охотно поют, в особенности в случаях, когда надо преодолевать усталость во время длительных переходов» [5]. Автор рекомендовал собрать и издать эти песни, и сборник стал бы «одним из прекрасных памятников великой исторической эпохи, переживаемой русским народом и геройскими защитниками родины» [5]. Безусловно, патриотические настроения диктовали, что такой сборник стал бы ценным источником исторических событий и в нем проявился истонно народный дух и творчество, а прибыль от издания могла бы поступить в пользу раненых и увечных воинов.

Прошло немало времени, и был издан в Нью-Йорке «Песенник Российского воина 1721-1921». Во вступительной статье автор-составитель В. Мантулин писал: «Сборник издается по исконо-российскому правописанию не только из-за того, что оно сомволизирует величие Российской Империи и благолепие Церкви, а еще и потому, что т.н. новая орфография противоречит духу русского языка…» [4, с.10].

Поскольку журнал «Хоровое и регентское дело» являлся специализированным, и рассчитанным на определенный круг читателей, то, несмотря на военные действия, в нем печаталась информация о крупных мероприятиях, в т.ч. о деятельности Всероссийских съездов хоровых деятелей. Но, первый номер 1915 г. открывала статья о том, что очередной подобный съезд не состоится. Указывались достаточно обоснованные причины, в том числе учитывался человеческий фактор и государственные расходы. «Россия не только выставила на поле брани миллионы бойцов, но под влиянием обстоятельств должна радикально перестроить всю систему государственных доходов. Собирать съезд в такое время, когда умы и сердца всех граждан заняты одной мыслью и горят одним желанием – победить врага, когда время окончания войны не может быть определено даже приблизительно, является несвоевременным» [1]. Такая точка зрения подчеркивала сознательность тех, кто не принимал непосредственного участия в военных действиях, а оставался в тылу.

Еще один значимый фактор обосновывал нецелесообразность съезда – финансовое положение. Автор ста-

тьи делал акцент на том, что «тяжелое финансовое положение государства и коренная реформа всей податной системы» препятствуют созыву съезда хоровых деятелей. Ссылаясь на ситуацию, еще одним фактором стало то, что законодательные учреждения не работали в полную силу. По мнению автора, когда они начнут функционировать, то «будут заняты вопросами государственного строительства родины на новых условиях» [1, с.2].

В № 1 за 1916 г. в рубрике «От редакции» звучали слова, которые с одной стороны давали оценку деятельности журнала за прошедшие годы, а с другой – вселяли дух борьбы и веры в светлое будущее: «Начало восьмого года издания журнала могло бы дать повод редакции оглянуться на прошедшую семилетнюю работу ее для хорового и регентского дела, но не такое переживаем мы теперь время, чтобы говорить только о своей прошлой работе. Нас властно зовет будущее. Твердо верим и надеемся, что наша родина в недалеком будущем м честью выйдет из тяжелой неравной борьбы и надолго завоюет для себя счастливую возможность мирного культурного развития. Верим, что воспрянут к плодотворной жизни все творческие силы народа, а в ряду их и сила художественная-музыкальная. Оживится религиозное воодушевление народа, потребует улучшений, усовершенствований в формах своего выражения, отчего и в наше церковное пение вольются новые струи жизни. Нужны будут деятели во всеоружии знаний и опыта, чтобы вести к пониманию и наслаждению музыкальным искусством, пением, хором. И-стало быть- как ни были трудны для нас настоящие «дни брани», мы не в праве опускать руки и удаляться с поля нашей деятельности. Наоборот, мы должны готовиться и работать для лучшего будущего хорового дела» [12].

Таким образом, история развития журнала «Хоровое и регентское дело» в 1914–1917 гг. доказывает объективную необходимость смены приоритетов и, частично, формата деятельности издания от государственной политики. Работа в том числе изданий, специализирующихся на культурно-просветительских аспектах жизнедеятельности общества и государства, составила немалый вклад в отражение событий Первой мировой войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Витошинский Е. Отмена VI Всероссийского съезда хоровых деятелей в 1915 году // Хоровое и регентское дело. № 1. 1915. С 1–2.
2. Известия и заметки // Хоровое и регентское дело. 1914 № 10. С. 198.
3. Народные гимны наших союзников // Хоровое и регентское дело. 1914 № 10.
4. Песенник Российского воина 1721-1921. Нью-Йорк, 1970. С. 10.
5. Солдатские песни // Хоровое и регентское дело. № 9. 1915. С 167–168.
6. Хоровое и регентское дело. 1909. № 1. С. 1–2.
7. Хоровое и регентское дело. 1914. № 9. С. 169.
8. Хоровое и регентское дело. 1915. № 1. С.117.
9. Хоровое и регентское дело. 1915. № 2. С.49.
10. Хоровое и регентское дело. 1915. № 5–6. С.122-123.
11. Хоровое и регентское дело. 1915. № 7–8. С.155.
12. Хоровое и регентское дело. 1916. № 1 С. 3–4.

© Логачёва Наталья Вячеславовна (logacheva-nv@rudn.ru), Григорьева Наталия Анатольевна (grigoryeva-na@rudn.ru),
Белановская Юлия Евгеньевна (belanovskaya-yue@rudn.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.05–2.24

ОТ КАЗАЧЬЕЙ СТАНИЦЫ ДО ГОРОДА ВОИНСКОЙ ДОБЛЕСТИ: ОЧЕРК ВОЕННОЙ ИСТОРИИ Г. ДАЛЬНЕРЕЧЕНСКА

FROM A COSSACK VILLAGE TO A CITY OF MILITARY VALOR: AN ESSAY ON THE MILITARY HISTORY OF DALNERECHENSK

M. Murashev
A. Gutsalyuk

Summary: The article examines the key stages of the formation of the Dalnerechensk military-Cossack agglomeration, its transformation into a powerful border outpost of modern Russia, analyzes the historical role of the city in ensuring security on the eastern borders of Russia, reveals the significance of the Dalnerechensk border agglomeration in the key external and internal military-political events of the XX century.

Keywords: cossack settlement Grafsky, Headquarters of Count Muravyov-Amursky, Honghuzi, partisan movement, border detachment, Khutou fortified region, Damansky Island, city of military valor.

Мурашев Михаил Александрович
старший преподаватель, Тихоокеанский государственный университет
006691@togudv.ru
Гуцалюк Алина Сергеевна
Тихоокеанский государственный университет
2023100978@togudv.ru

Аннотация: В статье рассматриваются ключевые этапы становления дальнереченской военно-казачьей агломерации, превращения ее в мощный пограничный форпост современной России, анализируется историческая роль города в обеспечении безопасности на восточных рубежах России, раскрывается значение дальнереченской пограничной агломерации в ключевых внешних и внутренних военно-политических событиях XX века.

Ключевые слова: казачий поселок Графский, Штаб Графа Муравьева-Амурского, хунхузы, партизанское движение, пограничный отряд, Хутоуский укрепленный район, остров Даманский, город воинской доблести.

В настоящее время резко обозначилась проблема охраны и защиты государственной границы Российской Федерации. В этой связи осмысление истории становления и развития отечественной пограничной службы, в частности на ее восточных рубежах, в контексте современных событий представляется крайне актуальной.

История города Дальнереченска – первого приграничного населенного пункта с функцией охраны и защиты государственной границы на Юге Дальнего Востока России - начинается в 1859 г. По распоряжению генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского в Приморской области Северно-Уссурийского края Козловского станичного округа по р. Уссури были основаны несколько казачьих поселений в статусе пограничных опорных пунктов на дальневосточной окраине Российской империи (ст-цы Графская, Козловская и луговая, пос. Ильинский и Нижне-Никольский и др.) [11, с. 207, 231, 239, 255, 266]. Ст-ца Графская или пос. Графский (будущий Дальнереченск) выделялась своим важным стратегическим положением непосредственно на участке русско-китайской границы при слиянии рек Уссури и ее правого притока Иман, что в перспективе позволяло превратить ее как в сухопутный, так и водный опорный пункт. На заре своей истории Графская была небольшим поселком. К 1 января 1868 г. здесь насчитывалось всего 32 двора и 218 жителей - забайкальских казаков-переселенцев [11, с. 207].

Судьбоносным для экономического развития станицы и всего Дальнего Востока стало строительство Уссурийской железной дороги от Владивостока до Хабаровска. 19 мая (1 июня по н. стилю) наследник императора Александра III цесаревич Николай, возвращаясь из Японии в Санкт-Петербург, посетил порт Владивосток с целью участия в церемонии официальной торжественной закладки Уссурийского участка «Великого Сибирского рельсового пути», а 26 мая - станицу Графская как особо значимый в стратегическом отношении и экономически перспективный поселок [4, с. 14]. В 1894 г. завершилось строительство Южно-Уссурийской части уссурийской железнодорожной линии (Владивосток – с. Никольское (ныне г. Уссурийск) – с. Спасское (ныне г. Спасск-Дальний) – ст-ца Графская) и началось сооружение Северо-Уссурийской ее части (Графская – Хабаровск), была построена и сдана в эксплуатацию железнодорожная станция Графская (с 1897 г. – Иман), ставшая важнейшим пунктом в экономическом развитии Уссурийского края.

Поскольку Графская изначально основывалась как военное поселение (все мужчины-казаки от 16 до 55 лет имели статус военнообязанных), вблизи нее концентрировались воинские части русской армии. Помимо уже квартировавшего здесь 8-го Восточно-Сибирского линейного батальона, в мае 1895 г. в составе инженерных войск Императорской русской армии был сформирован 1-й Уссурийский железнодорожный батальон из четырех железнодорожных рот (3-я и 4-ая роты располагались на

соседствующих станциях Графская и Муравьев-Амурский). В период 1897–1903 гг. батальон пополнился еще четырьмя ротами, и часть личного состава была передана вновь сформированному 2-му Уссурийскому батальону) [14]. Задачу батальона министр путей сообщения князь Михаил Иванович Хилков определил так: охранять железную дорогу от нападений хунхузов (китайских бандгрупп, терроризировавших население пограничной линии казачьих поселков практически со времени их основания); выделять готовые воинские подразделения на случай открытия военных действий с соседними государствами; принять участие в строительстве северо-уссурийского участка Транс-Сибирской железной дороги. Регулярные воинские части русской армии и территория их дислокации вблизи пос. Графского и одноименной станции оформились в военный гарнизон. В 1896 г. гарнизону было присвоено наименование «Штаб графа Муравьева-Амурского». В последующее десятилетие продолжалось возведение укреплений гарнизона, наращивалась численность личного состава, так что на 1908 г. здесь несли военную службу приблизительно четыре тысячи солдат и сто офицеров.

Наряду с этим с 1897 г. по рр. Уссури и Амур начинают курсировать суда Амурско-Уссурийской казачьей флотилии (АУКФ), созданной по инициативе и запросу приамурского генерал-губернатора, командующего Приамурским военным округом и наказного атамана приамурских казачьих войск (Амурского и Уссурийского), генерал-лейтенанта С.М. Духовского. Флотилия состояла из двух пароходов с баржами и одного парового катера; два из них (колесный пароход «Атаман» и катер «Дозорный») были построены за казенный счет на финском заводе Крейтона, в разобранном виде на судах Добровольного флота доставлены во Владивосток, а затем по Уссурийской железной дороге – в Иман, где и были собраны силами финских специалистов и рабочих из местных железнодорожных мастерских. Спусковой фундамент был установлен неподалеку от железнодорожной станции Иман [18, с. 52–53].

Флотилии предписывалось обеспечивать безопасность судоходства по Амуру и его притокам, вести наблюдение за Маньчжурским берегом рр. Амур и Уссури, поддерживать сообщение между прибрежными казачьими поселками, а в военное время - организовывать быструю мобилизацию казаков, перевозить «казенные» грузы и войска, вести боевые действия (пароходы должны были иметь на складах запасное артиллерийское и пулеметное вооружение) [18, с. 54].

Экипажи судов комплектовались преимущественно казаками Амурского и Уссурийского казачьих войск из строевых частей, но при этом «способными к службе на воде». Старшим командиром флотилии и капитаном флагманского парохода «Атаман» был назначен Д.А. Лухманов, прослуживший в этом качестве с 17 февраля 1897 г. до середины февраля 1901 г. В отечественную историю Дмитрий Афанасьевич Лухманов вошел как выдающийся российский и советский мореплаватель, капитан морских и речных судов, более 60 лет отдавший флоту, а также как автор ряда научно-популярных трудов и учебников по морскому делу, писатель-маринист и педагог. Он один из первых был удостоен звания Героя Социалистического Труда РСФСР за участие в 1920 г. в предотвращении угона 16 морских пароходов бывшего Добровольного флота из оккупированного тогда Японией порта Владивосток в Черное море в распоряжение Врангеля [7].

Обеспечение надежной защиты восточных границ от внешних врагов, равно как и хозяйственное освоение и развитие российского Дальнего Востока, требовали притока в регион свежих людских сил. В 1895 г. для усиления Уссурийского казачьего войска было организовано переселение на Дальний Восток за казенный счет казаков Донского, Оренбургского и Забайкальского казачьих войск с предоставлением им ряда льгот. В окрестностях Графской появляются новые казачьи поселения. Так, в 1895 г. переселенцами с Дона был основан поселок Сальский. Часть донских казаков поселилась в поселках Ильинском, Графском, Краснояровке и на ст. Муравьев-Амурский [5, с. 57].

Таким образом, уже к концу XIX в. небольшое казачье поселение превратилось в настоящую пограничную цитадель, включающую старейшую в крае пограничную заставу, крупный железнодорожный узел, базу Амурско-Уссурийской казачьей флотилии, специальный контрольно-пропускной пункт, санитарный пост и укрепленный «Штаб графа Муравьева-Амурского». Центром этого мощного приграничного оборонительного комплекса стал рабочий поселок Иман, образовавшийся при станице Графской.

Казаки, солдаты и офицеры Имана в 1900–1901 гг. участвовали в подавлении Ихэтуаньского («боксерского») восстания в Китае (1898–1901 гг.). Китайский поход русской армии был предпринят для обеспечения безопасности дальневосточных рубежей России и защиты ее геополитических интересов в Маньчжурии. Китайские повстанцы убивали иностранцев, в т. ч. русских инженеров и рабочих, строивших Восточно-Китайскую железную дорогу (КВЖД), захватывали и разрушали отдельные ее участки, нанося ущерб военным и экономическим интересам Российской империи. Кроме того, решалась важная задача ликвидации китайских этнических банд в приграничной полосе, для чего из числа станичников была организована пограничная стража, которая проводила сухопутное патрулирование границы. Суда АУКФ, снабженные на время военных действий вооружением, несли пограничную службу на воде и участвовали в

мелких стычках с китайскими повстанцами и хунхузами. Отличившиеся участники этой военной кампании были награждены медалями «За поход в Китай», а старший командир флотилии Д.А. Лухманов - орденом Св. Станислава 3-й степени [2, с. 12].

Героические страницы в военную историю Дальнего Востока России вписали воины гарнизона «Штаб Муравьева-Амурского» и казаки станицы Графской, сражавшиеся с японцами в Маньчжурии и Корее во время русско-японской войны 1904–1905 гг., а также экипажи АУКФ, доставлявшей войска, вооружение и материальные запасы к местам военных действий по заданиям военного ведомства. Боевые заслуги части из них были отмечены орденами Св. Георгия и медалями. В Графской тогда были развернуты лазарет на 50 мест и два сводных военных госпиталя, где проходили лечение раненые бойцы. 23 участника русско-японской войны, умершие от ран, были похоронены на воинском кладбище, которое существует и поныне.

В 1913 г. в Приамурье и Приморье начинается широкомасштабная кампания по борьбе с китайским национальным бандитизмом и шпионажем. В январе в окрестностях станицы Графской сводным отрядом станичных казаков и солдат под командованием капитана В.К. Арсеньева проводилась крупная операция по выявлению японских шпионов и уничтожению таежных баз хунхузов. Основные события развернулись в верховьях р. Бикин и на р. Иман, где в ходе боевых действий было уничтожено 36 лесных баз [2, с. 13].

За 16 дореволюционных лет, с начала строительства дальневосточного участка Транс-Сибирской железной дороги и до 1917 г., деятельность военных регулярной русской армии и казаков-пограничников, включая команды АУКФ, сыграла определяющую историческую роль в освоении и хозяйственном развитии обширных территорий, расположенных в бассейнах рек Амура, Уссури, Сунгари, и в укреплении восточных границ Российской империи. Амурско-Уссурийская казачья флотилия функционировала до 1917 г. и окончательно прекратила свое существование в связи с ликвидацией казачьих войск на Дальнем Востоке России после установления здесь Советской власти [18, с. 56].

Рос, развивался и пос. Иман, поэтому закономерно вставал вопрос о введении здесь городского управления, а следовательно, и получения статуса города. Однако из-за бюрократических проволочек решение затянулось почти на 10 лет. Только в 1917 г., после февральской революции, Временное Правительство принимает решение о присвоении пос. Иман, существовавшему при ст-це Графская, городского статуса. Сама же станица вошла в состав города, и в этой его части развернулись важные исторические события, связанные с гражданской войной на Дальнем Востоке.

В этот период Иман становится одним из центров народно-революционного движения и организованного сопротивления японским интервентам и белым бандам. Имано-вакская долина превращается в место действия многочисленных партизанских отрядов противоборствующих сторон, среди которых можно выделить отряды И.Я. Мелехина и Е.Г. Ярошенко со стороны красных и отряд полковника А.Г. Ширяева со стороны белоказаков. В бывшем пос. Графском чинились многочисленные расправы белогвардейцев над борцами за Советскую власть. Сюда привозили пленных красноармейцев, всех «подозрительных», а также военнопленных с Восточного фронта и политических узников из тюрем Сибири. В 1919 г. около 500 военнопленных, привезенных из-под Уфы, расстреляли и бросили в ров без захоронения. Место их гибели получило название «Ров смерти» и было объявлено памятным [6, с. 11].

В конце мая 1919 г. руководителем партизанского движения в Приморье был назначен Сергей Георгиевич Лазо. В апреле 1920 г. во Владивостоке он вместе с другими членами Реввоенсовета был арестован японцами и передан белогвардейцам, действовавшим в районе Имана под началом есаула Бочкарева. Сергей Лазо и его товарищи были перевезены на ст. Муравьев-Амурский (ныне ст. Лазо), где Лазо заживо сожгли в паровозной топке. Лишь 30 ноября 1922 г. начальник гарнизона Имана издал приказ об отмене военного положения в городе.

В течение 1920-х гг. на Советско-Китайской границе сохранялась напряженная обстановка: советским пограничникам регулярно приходилось пресекать попытки незаконного проникновения хунхузов на территорию страны. Положение существенно осложнилось в период конфликта на КВЖД. Летом и осенью 1929 г. советская дальневосточная пресса сообщала об участившихся вооруженных провокациях со стороны Китая. Речь шла о столкновениях с регулярными войсками Гоминдана и вооруженными формированиями белоэмигрантов. Несмотря на то, что район Имана находился на значительном удалении от КВЖД, вооруженные провокации происходили и на этом участке границы. Так, 10 августа 1929 г. вооруженная банда переправилась через р. Уссури в районе пограничной заставы «Княжевка» Уссурийского погранотряда. Командир заставы Л.А. Григорьев поднял заставу по тревоге, завязался тяжелый и продолжительный бой. Противник был уничтожен. Смертью храбрых пал в этом бою и командир заставы Лаврентий Абрамович Григорьев. С воинскими почестями его похоронили в Имане. Постановлением Совета Министров РСФСР от 22 августа 1969 г. погранзаставе, где служил герой-пограничник, было присвоено его имя [3, с. 67].

В 1930-е гг. обстановка на границе советского Дальнего Востока продолжала оставаться нестабильной. В 1931–1932 гг. Северо-Восточный Китай (Маньчжурия) был оккупирован частями японской Квантунской армии, после чего Япония приступила к захвату Южного Китая. В Маньчжурии было создано буферное государство Маньчжоу-Го во главе с марионеточным правительством. Численность личного состава Квантунской группировки в Маньчжурии постоянно увеличивалась и в 1939 г. достигала 359 тыс. солдат и офицеров. [8, с. 21]. В этот период здесь начинается активное строительство укрепленных районов (УРов), согласно планам японского командования, должны были служить развертыванию и прикрытию войск. К 1945 г. в Маньчжурии насчитывалось 17 мощных укрепрайонов, в этот период она превратилась в мощный плацдарм для нападения на советский Дальний Восток; возникала реальная угроза японской военной экспансии.

Одним из 17 японских военных комплексов стал Хутоуский УР, возведенный напротив Имана. К лету 1945 г. этот укрепрайон состоял из трех узлов сопротивления с опорными пунктами на господствующих высотах и включал 293 долговременных фортификационных сооружения различного типа, объединенных подземными ходами и потернами. Кроме того, здесь дислоцировалась самая мощная по сравнению с остальными японскими укрепрайонами артиллерийская группировка [10, с. 160–161]. Хутоуский УР представлял потенциальную опасность для важнейших речных и железнодорожных узлов СССР в Имане и Лесозаводске; в ходе вторжения японское командование планировало отсечь южную часть Приморья от основных подразделений советских войск на Дальнем Востоке, обеспечить своей армии выход к побережью и блокировать Владивосток с суши. Таким образом, иманское направление должно было стать одним из ключевых в надвигавшейся войне с милитаристской Японией.

Уже в период конфликтов на оз. Хасан и р. Халхин-Гол на иманском участке советской государственной границы участились случаи прорывов вооруженных групп. По данным Гусельниковой Т.Н., за период с 1938 по 1941 гг. противником было предпринято 90 таких попыток и все они были успешно пресечены иманскими пограничниками [2, с. 13].

Ввиду осложняющейся в 1930-е гг. обстановки на дальневосточных рубежах советское командование приступило к масштабной реорганизации вооруженных сил региона и укреплению границы. В частности, с 1932 г. в приграничной полосе Забайкальской, Амурской и Приморской областей начинается планирование, а затем и ускоренное возведение фортификационных сооружений, объединенных в укрепрайоны. К началу Великой Отечественной войны в составе Дальневосточного фронта насчитывалось 12 таких УРов [9, с. 81; 15, с. 21]. В 1939 г. для прикрытия одного из наиболее вероятных направлений удара противника напротив Хутоуского УРа был создан 109-й Иманский укрепрайон, который в 1940 г. насчитывал 104 долговременных фортификационных сооружения и 10 каменно-бутовых объектов [15, с. 113]. В состав Ура в это время входили штаб, 211-й отдельный пулеметный батальон, 97-й отдельный артиллерийский дивизион и 113-й автомобильный взвод, а также 185-я отдельная рота связи и 79-я отдельная пулеметная рота с дислокацией на сопке Половинка, в девяти километрах северо-западнее г. Иман. На этой же высоте располагалась и артиллерийская групп 109-го укрепрайона. В 1945 г. 109-й УР находился в составе 35-й армии 1-го Дальневосточного фронта и по состоянию на 15 августа насчитывал 4983 единицы личного состава, 85 минометов, 438 пулеметов и 113 орудий всех видов [1, с.138].

Вечером 8 августа 1945 г., накануне Маньчжурской стратегической наступательной операции, командующий 35-й армией 1-го Дальневосточного фронта генерал-лейтенант Н.Д. Захватаев издал боевое распоряжение № 00250, согласно которому утром 9 августа войска 109-го укрепрайона во взаимодействии с частями 264-ой стрелковой дивизии (СД) должны были уничтожить военные силы противника в Хутоуском укрепрайоне. Выполняя распоряжение командарма, части 109-го укрепрайона, 264-й СД и 57-го погранотряда под прикрытием артиллерии форсировали р. Уссури и уничтожили пограничные посты противника, однако сходу взять мощные укрепления Хутоуского УРа не удалось. Ввиду необходимости высвобождения частей 35-й армии для поддержки наступления на города Хулинь и Мишань распоряжением командарма № 2239/Ш/ 11 августа штурм Хутоуского укрепрайона, оставшегося в глубоком тылу, был поручен соединениям 109-го УРа при поддержке 1056-го стрелкового и 155-го запасного стрелкового полков [10, с.162]. Успеху Советских войск способствовала перегруппировка отдельных частей 109-го УРа и переброска артиллерийских орудий, в т.ч. 10 гаубиц калибра 203-мм, на западный берег р. Уссури для ведения огня по укреплениям противника прямой наводкой. Благодаря этим мерам уже 15 августа началось последовательное уничтожение долговременных укреплений Хутоуского УРа и выдавливание противника с господствующих высот. 18 августа, после известия о капитуляции японского правительства, на Хутоуском военном театре противник отказался сдать оружие, однако организованного сопротивления оказывать уже не мог. В результате к концу следующего дня Хутоуский укрепрайон был полностью уничтожен. Части 109-го УРа продолжали выполнять поставленную боевую задачу и лишь 26 августа вернулись на места постоянной дислокации. За время боев артиллерия 109-го УРа израсходовала более 19 900 снарядов крупного калибра, а потери советских солдат и офицеров составили 279 убитыми и

743 ранеными [10, с. 166]. За особые боевые заслуги 19 сентября 1945 г. 109-му Иманскому укрепрайону было присвоено почетное звание «Уссурийский», а Иман вошел в отечественную историю как последний советский город, вернувшийся к мирной жизни на заключительном этапе Второй мировой войны [2, с. 13].

После войны иманцы участвовали в восстановлении народного хозяйства страны, налаживали мирную жизнь. Во второй половине 1940-х – 1960-е гг. происходило переоснащение производства, открывались и быстро развивались новые предприятия лесной, лесообрабатывающей и транспортной отраслей, легкой и пищевой промышленности. Например, Калининская автобаза, открывшаяся в 1946 г., сначала имела всего два автомобиля и штат из шести человек, а спустя 10 лет на предприятии было уже 36 грузовиков и 10 автобусов, численность сотрудников возросла до 124 человек. В этот период в Имане открывается один из крупнейших в регионе бондарных заводов, обеспечивавший своей продукцией рыбоперерабатывающие предприятия всего Дальнего Востока.

Новый эпизод военной истории Имана был связан с обострением отношений между СССР и Китайской Народной Республикой (КНР) весной 1969 г. и намерением китайской стороны осуществить силовой захват о. Даманский. Вооруженный пограничный конфликт начался в районе 2-й заставы «Нижне-Михайловка» 57-го Иманского погранотряда. 14 и 15 марта части армии КНР предприняли ряд попыток проникновения на советскую территорию и захвата о. Даманский. До вечера 15 марта, неся большие потери, солдаты и офицеры 57-го Иманского погранотряда отражали натиск противника. 15 марта в 17:00 приказом командующего войсками Дальневосточного военного округа генерал-полковника О.А. Лосика в помощь пограничникам-иманцам, ведшим неравный бой с превосходящими силами противника, были направлены артиллерия и части 135-й мотострелковой дивизии. В результате слаженной работы противник был уничтожен, а китайская сторона окончательно отказалась от намерений вооруженного захвата о. Даманский. Конфликт унес жизни 58 советских солдат и офицеров, 94 человека получили боевые ранения. За выдающиеся заслуги многие защитники отечественных рубежей, участники боев за о. Даманский, были награждены орденами и медалями. Пятеро были удостоены звания Героя Советского Союза: полковник Леонов Д.В. (посмертно), старший лейтенант Стрельников И.И. (посмертно), сержант Орехов В.В. (посмертно), старший сержант Бабанский Ю.В., старший лейтенант Бубенин В.Д. [12, с. 34].

В 1972 г. город Иман был переименован в Дальнереченск. Он и сегодня является одним из важнейших форпостов России на границе с Китаем. В ноябре 2020 г. Дальнереченску было присвоено почетное звание Российской Федерации «Город воинской доблести».

ЛИТЕРАТУРА

1. Гнатович Е.Н., Ким А.А., Стасюкевич С.М. О времени и обстоятельствах ликвидации японских укрепленных районов в Маньчжурии (август-сентябрь 1945 г.) // Междунар. науч.-ист. журн. 2020. № 8 (98), Ч. 3. Авг. С. 136–141.
2. Гусельникова Т.Н. Дальнереченцы в годы Великой Отечественной войны // Ударный фронт. 1995. 23 февр.
3. Дальнереченск – последний фронтовой город России: сборник документов и материалов / авт.-сост. Н.Н. Лапин [и др.]. Владивосток: Изд-во Дальневост. федер. ун-та, 2018. 346 с.
4. Иман: историко-литературный альманах / под общ. ред. В.И. Дударова. Вып. 1. Дальнереченск: ДСЭИ, 2009. 105 с. (Страницы истории нашего города).
5. Иман. Вып. 2. 2010. 191 с.
6. Иман. Вып. 3. 2010. 177 с.
7. Кирпиченко Татьяна. Лухмановы. Семейные хроники [Электронный ресурс] // Словесница искусств: регион. науч.-просвет. журн. 2021. № 2 (48). URL: http://www.slovoart.ru/node/2653 (дата обращения: 13.02.2025).
8. Колесниченко К.Ю. Противник «использует мирные переговоры для сосредоточения сил . . .» // Военно-ист. журн. 2021. № 5. С. 20–28.
9. Крепость России: Историко-фортификационный сборник. Вып. 2. Владивосток: Дальнаука, 2005. 252 с.
10. Кулепанов Р.В. Штурм Хутоуского укрепрайона 9–25 августа 1945 г. // Известия лаб. древних технологий. 2023. Т. 19, №. 2. С. 158–169.
11. Образование населенных пунктов по р.р. Амуру и Уссури: географическо-статистический справочник / [сост. В.В. Крюков, Е.В. Кодякова]; б-ка дальневост. казачества. Хабаровск, 2016. 421 с.: ил.
12. Остров мужества / сост. М.Т. Ващенко, А.Л. Князев. Хабаровск: Изд-во «РИОТИП», 2006. 240 с.
13. Открывая гостю свое сердце: Дальнереченск: вчера, сегодня, завтра. Изд. 2-е, доп. Хабаровск: «Приамурские ведомости», 2017. 128 с.
14. Первый Уссурийский железнодорожный батальон. 1895 г. // Единая и Неделимая: сайт о нашей Родине. URL: http://www.edinainedelima.ru/rossijskaya-imperiya/batalony/1-j-ussurijskij-zheleznodorozhnyj-batalon-f-1895-g-rossiya/ (дата обращения: 22.02.2025).
15. Петренко В.М. Дальневосточный фронт накануне и в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Военно-ист. журн. 2010. № 11. С. 20–25.
16. Пинаев С. Гранит и мрамор – хранители нашей святой памяти о вас // Дальнеречье. 2008. 29 мая.
17. Погребной Г.М. Образование гарнизона «Штаб графа Муравьева-Амурского» на Уссури. Третьи Муравьевские чтения: сб. докл. Т. XXXIX // Записки О-ва

изучения Амур. края. Владивосток, 2009. С. 108–112.
18. Российский военный флот на Амуре. Исторические очерки / [сост. В.В. Крюков, А.П. Врублевский]; б-ка дальневост. казачества. Хабаровск: ред.-издат. агентство «Юпитер», 2018. 296 с.: ил.

© Мурашев Михаил Александрович (006691@togudv.ru), Гуцалюк Алина Сергеевна (2023100978@togudv.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.05–2.28

ПРОБЛЕМЫ И ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ У ОБУЧАЮЩЕЙСЯ МОЛОДЁЖИ

CHALLENGES AND EXPERIENCES FORMATION OF HISTORICAL AND SOCIAL MEMORY AMONG STUDENTS

L. Pechalova
S. Pavlenko
A. Pechalov

Summary: The article discusses the problems and experiences of the formation of historical and social memory among students. The relevance of the research is determined by the need to develop effective methods of preserving the memory of historical events, examples of heroism of compatriots, labor exploits, achievements of our country, turning them into value orientations for the formation of a sense of pride in their Homeland. The article describes the possibilities of enriching the learning process of future specialists using several technologies: project-based learning, personality-oriented, digital methods of theater pedagogy, etc. The authors analyze the importance of historical science in the development of national identity through knowledge of the history of their Homeland. The special role of history in fostering patriotism among students, forming the desire to defend their Fatherland and multiply its achievements is emphasized. During the study, the authors come to a reasonable conclusion about the importance of further creating conditions for the development of personal and creative potential of students, introducing the younger generation to the preservation of historical and social memory.

Keywords: historical memory, social memory, history, competencies, independence, project-based learning technology, digital technologies, theater technologies.

Печалова Лариса Викторовна
доктор исторических наук, доцент, Ставропольский институт кооперации (филиал), АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права»,г. Ставрополь
254896@mail.ru
Павленко Светлана Анатольевна
кандидат педагогических наук, доцент, Ставропольский институт кооперации (филиал), АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права», г. Ставрополь
svet.kon75@mail.ru
Печалов Анастас Константинович
кандидат исторически наук, доцент, Ставропольский институт кооперации (филиал), АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права», г. Ставрополь
292718@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы и опыт формирования исторической и социальной памяти у обучающейся молодёжи. Актуальность исследования определяется необходимостью выработки эффективных методов сохранения памяти об исторических событиях, о примерах героизма соотечественников, трудовых подвигах, достижениях нашей страны, превращения их в ценностные ориентиры формирования чувства гордости за свое Отечество. В статье описываются возможности обогащения процесса обучения будущих специалистов посредством применения ряда технологий: проектного обучения, личностно-ориентированных, цифровых методов театральной педагогики и т.д. Авторами анализируется значение исторической науки в развитии национального самосознания через знание истории своего Отечества. Подчёркивается особая роль истории в воспитании патриотизма у обучающейся молодёжи, формировании желания защищать своё Отечество и преумножать его достижения. В ходе исследования авторы приходят к обоснованному выводу о важности дальнейшего создания условий для развития личностного и творческого потенциала обучающихся, приобщения молодого поколения к сохранению исторической и социальной памяти.

Ключевые слова: историческая память, социальная память, история, компетенции, самостоятельность, технология проектного обучения, цифровые технологии, театральные технологии.

Введение

Встремительно меняющихся условиях развития российского общества происходят изменения требований к выпускникам профессиональных образовательных организаций. Речь идёт не только о профессиональных компетенциях, которыми должен обладать специалист, но и умении адаптироваться к быстро меняющимся условиям. Профессиональное образование ориентировано на развитие самостоятельности, продуктивного мышления, коммуникативных навыков, социальной ответственности и информационной грамотности у студентов.

Степень изученности проблемы определяется необходимостью дальнейшего изучения проблем формирования исторической и социальной памяти у обучающейся молодёжи, возможностью и необходимостью выработки новых методов и подходов к их решению. Исследование авторов основано на Концепции истори-

ческой памяти и теории социальной памяти.

В работах современных ученых исследуется проблема сохранения исторической памяти поколений.

В трудах П.Л. Репиной подчёркивается «актуальность формирования гражданского самосознания и нравственного становления обучающейся молодёжи, отмечается роль памяти как посредницы между поколениями» [3,10]. По мнению автора М.В. Соколовой, «Концепция исторической памяти в современном гуманитарном знании является одной из наиболее востребованных» [13, С. 92]. Особое внимание М.В. Соколова уделяет исследованию педагогики исторической памяти, считает, что она «непосредственно связана с личностно-ориентированным обучением, позволяющим приобрести собственное представление о прошлом, личностно значимого отношения к историческим событиям» [13, С. 97].

Исследуемая проблема рассматривается в трудах Е.Е. Вяземского и О.Ю. Стреловой. В них авторы пишут об исторической памяти как о «коллективной памяти или социальной памяти, которая позволяет сохранить не только научные знания, но и так называемые «массовые представления» социума о прошлом…». Авторы дают методические рекомендации по организации проектной деятельности [1].

Возможности использования цифровых и педагогических технологий, а также интеграция традиционных и цифровых технологий рассматриваются в трудах Н.П. Гончарук, Е.И. Хромовой, М.А. Мазниченко, Д.В. Лопатинского и др. [2, 7]

Ценными для изучения проблемы сохранения исторической памяти и защиты исторической правды являются труды современных отечественных учёных: В.Г. Кикнадзе, В.Р. Мединского, М.Е. Колесниковой, Н.Д. Судавцова, А.В. Карташёва, И.В. Карташёва, С.И. Линца, Н.Г. Масюковой, С.А. Мамасьяна, Г.Н. Камененвой, Е.Н. Стрекаловой, З.Р. Кочкаровой, И.В. Зозули, С.В. Януша и др.

Исследователи подчёркивают негативное влияние фальсификации, недобросовестного интерпретирования истории прошлого на воспитание порастающего поколения. Отечественные исследователи убедительно доказывают, что на учебно-воспитательном процессе отрицательно сказываются фальсификация истории Отечества. При этом сохранение исторической памяти о подвигах соотечественников является важным фактором консолидации общества.

Авторы приходят к выводу о необходимости более широкого применения инновационных технологий и методов, возможности использования интеграции инновационных и традиционных форм и методов обучения и воспитания обучающейся молодёжи.

Основные результаты

В современных условиях перед профессиональным образованием России стоит ряд сложнейших задач, связанных с подготовкой специалистов, обладающих общими и профессиональными компетенциями, отвечающим требованиям времени. За время обучения в СПО или ВУЗе специалист должен получить глубокие теоретические знания, приобрести практико-ориентированные навыки, овладеть ключевыми компетенциями, которые позволят ему успешно адаптироваться к быстро меняющимся условиям. При этом особое внимание должно быть уделено формированию системы ценностей у будущих специалистов, важнейших для развития российского общества.

Ведущая роль в этом принадлежит гуманитарным наукам, которые стабилизируют и систематизируют мировоззрение и определяют интеллектуальное и духовное развитие личности [6, С. 47].

В современных реалиях особую актуальность приобретает проблема разработки новых подходов, поиска эффективных методов сохранения исторической и социальной памяти, которые должны соответствовать духу времени, отвечать потребностям и задачам современной молодежи.

Понятия «историческая память» и «социальная память» являются предметом изучения не только исторической науки, но и педагогики, политологии, социологии, культурологии и др.

Занимая особое место и являясь неотъемлемым элементом жизни общества, историческая наука играет неоценимую роль в подготовке профессиональных кадров, в формировании национального самосознания у будущих специалистов. Без владения историческими знаниями невозможно объяснение и прогнозирование развития общественных процессов для эффективного управления российским обществом.

Сегодня перед студентами стоит задача активного участия в получении знаний, выработке профессиональных навыков, в нахождении и отборе нужной информации для решения стоящих перед ними задач. Поэтому в ходе организации учебно-воспитательного процесса преподавателем должны быть созданы условия, позволяющие заинтересовать обучающихся в получения знаний и приобретении умений. Создана среда для формирования личной заинтересованности студента в приобретении высокого уровня профессионализма для построения своего будущего, желания внести свой вклад в

развитие и процветание своей Родины.

Решению поставленных задач способствует широкий спектр современных образовательных технологий. Одной из эффективных технологий в формировании исторической памяти является технология проектного обучения, которая довольно успешно применяется как в школьном образовании, так и профессиональном.

По мнению исследователя И.А. Юрловской, под проектным методом стоит понимать «инновационную технологию обучения, позволяющую студентам получить новые знания, умения и навыки» посредством выполнения проекта под руководством преподавателя [15]. Автор подчёркивает, что в ходе самостоятельной работы у студентов формируются общие и профессиональные компетенции.

Учёные К.И. Сафонова и С.В. Подольский считают, что «применение компетентностного подхода при организации работы над проектами способствует выработке у обучающихся умения решать жизненные и профессиональные задачи, выполнять социальные роли, наилучшим образом действовать в различных ситуациях» [12].

Исследователь В.В. Решетка отмечает, что задача преподавателя состоит в консультировании обучающихся, предоставлении им возможности при работе над свои проектом самостоятельно определить проблему, поставить цель, выбрать методы исследования и способы достижения цели, обобщить и сделать выводы [11, С. 83].

Метод проектов по дисциплине «История» развивает творческие способности, критическое мышление, коммуникативные навыки и способность работать в команде. Для достижения цели и решения поставленных задач зачастую необходимо умение обучающихся работать с цифровыми ресурсами. В этом особая роль принадлежит преподавателю, который должен сам владеть информационными технологиями, обладать навыками работы с сайтами и цифровыми платформами. Например, в рамках работы над проектами, посвященными 80-летию Победы в Великой Отечественной войне, преподаватель консультирует студентов, прививает им навыки работы с сайтом Министерства обороны Российской Федерации «Мемориал» [14]. Это обобщенный банк данных, в котором содержится информация о защитниках отечества, погибших и пропавших без вести в период Великой Отечественной войны и послевоенный период. Благодаря этой работе некоторым студентам удалось разыскать ранее неизвестные сведения о своих родственниках, об их подвиге в суровые годы войны, побывать в местах боевой славы, поклониться могилам своих прадедов.

При работе над проектами студенты под руководством преподавателя овладевают цифровыми образовательными ресурсами (ЦОР). Довольно активно студенты используют такие программные средства как, например, История.ру (http://www.istorya.ru/). Это сайт о Всемирной истории в деталях, посвящённый Мировой истории, начиная я появления человеческого общества и заканчивая текущими событиями [4].

При работе над исследовательскими проектами активно используется Коллекция: Исторические документы. Российский общеобразовательный портал (http://historydoc.edu.ru/) – коллекция видеодокументов и иллюстрированных ссылок на тексты исторических источников [5].

Благодаря умелому использованию метода проектов и цифровых образовательных технологий у будущих специалистов развиваются ключевые компетенции, формируется историческая и социальная память. При этом при организации учебно-воспитательного процесса возможна интеграция цифровых технологии с традиционными. Но для этого преподаватель должен обладать не только знанием технологий, но и умением применять цифровые технологии. Для этого, с одной стороны, преподаватель гуманитарных дисциплин должен сам владеть цифровыми образовательными ресурсами, систематически повышать уровень знаний в данном направлении. С другой стороны, образовательные организации должна быть технически оснащены.

В последнее десятилетие наибольшую популярность в профессиональных организациях приобретает использование театральных технологий. Ценный опыт использования театральных технологий, применения методов театральной педагогики в изучении истории накоплен в Ставропольском строительном техникуме и Ставропольском институте кооперации. Данная технология применяется как на занятиях, так и во внеаудиторное время.

На занятиях по гуманитарным дисциплинам или в ходе работы над проектом преподаватели и студенты изучают документальные и художественные источники по определённой проблеме. Обсуждают и анализируют достоверность отражения исторических событий.

Авторы считают, что данная технология имеет высокий уровень эффективности в изучении гуманитарных дисциплин, в формировании исторической и социальной памяти у обучающихся. Особенностью технологии является возможность сочетания документальных оценок исторических событий с художественными образами [8, С. 226].

Интересен и эффективен опыт применения игровых технологий в сочетании с методом театрализации для проведения занятий или мероприятий в форме деловой игры. Благодаря данным технологиям студент может

представить себя в роли специалиста определённой отрасли.

Методы театральной педагогики успешно используется не только на занятиях по гуманитарным дисциплинам, но и во внеурочное время [8, С. 227]. Так, например, в Ставропольском строительном техникуме успешно функционирует театр-студия «Мельпомена-ССТ» (руководитель А.К. Печалов). При этом на протяжении многих лет в техникуме работают кружки по истории и историко-просветительский клуб «Память» (руководители А.К. Печалов и Л.В. Печалова).

В рамках работы клуба преподаватели вместе с обучающимися ведут исследовательскую деятельность, изучают различные исторические источники, работают над проектами, пишут статьи, выступают с результатами исследований на формулах и научно-практических конференциях и т.д. Одним из направлений клуба является изучение художественных произведений, посвящённым историческим событиям. Особое внимание уделяется военной истории.

Являясь членами клуба «Память» и актёрами театра-студии «Мельпомена-ССТ» обучающиеся с большим удовольствием не только изучают историю Отечества, но принимают непосредственное участие в театрализации исторических событий.

Написанные режиссёром А.К. Печаловым инсценировки, основанные на реальных событиях и фактах военного времени, позволяют студентам глубоко погрузиться в историческое событие. Зачастую сами студенты бывают инициаторами и соавторами театральных постановок.

За последние годы студийцами были театрализованы как события военной истории России, так и Северного Кавказа, в частности. С успехом прошли: «Юность, опалённая войной», «Небо в звёздах», «Завтра была война» по одноимённой повести Бориса Васильева, «Голоса блокадного Ленинграда» и т. д. [9, С. 25]. Такой подход к применению проектных и театральных технологий способствует патриотическому воспитанию молодежи, формированию исторической и социальной памяти, сохранению культурного наследия нашей страны.

Авторы уверенны, что данный опыт интеграции проектных и театральных технологий способствует повышению уровня мотивации изучения истории своего Отечества, развитию личностного и творческого потенциала обучающейся молодёжи.

Выводы

Исследование показало актуальность и важность решения проблемы формирования исторической и социальной памяти у обучающейся молодёжи. В рамках профессионального обучения для студентов должны быть созданы условия для приобретения комплекса профессиональных и гражданско-правовых знаний, профессионально-ориентированных навыков. Этому способствует умелое использование широкого спектра методов и современных педагогически технологий. Сочетание инновационных и традиционных технологий позволяет повысить качество профессиональной подготовки, а также способствовать формированию ценностно-мировоззренческих качеств будущих специалистов, приобщению молодого поколения к сохранению исторической памяти и культурного наследия нашего Отечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вяземский Е.Е. Проектная деятельность как средство формирования исторического мышления школьников: метод. рекомендации / Е.Е. Вяземский, О.Ю. Стрелова. – Москва: Просвещение, 2017. – 144 с.
2. Гончарук Н.П. Модели интеграции цифровых и педагогических технологий в процессе подготовки будущих инженеров / Н.П. Гончарук, Е.И. Хромова // Казанский педагогический журнал. – 2019. – № 1. – С. 31–35.
3. История и память / под ред. Л.П. Репиной. – Москва, 2006.
4. История.ру. [сайт]. URL: http://www.istorya.ru/ (дата обращения: 01.04.2025).
5. Коллекция: исторические документы, Российский общеобразовательный портал [сайт]. URL: http://historydoc.edu.ru/ (дата обращения: 01.04.2025).
6. Корчагин Е.А. Компетентностный подход и традиционное представление о высшем образовании / Е.А. Корчагин, Р.С. Сафин // Высшее образование в России. – 2016. – № 11. – С. 47–54.
7. Мазниченко М.А. Интеграция традиционных и цифровых технологий в реализации программ среднего профессионального образования / М.А. Мазниченко, Д.В. Лопатинский // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 3 (39) 2020. – С. 35–44.
8. Печалова Л.В. Применение театральных технологий и отдельных методов театральной педагогики в изучении истории России в СПО (из опыта работы): сборник трудов конференции / Л.В. Печалова, А.К. Печалов //Актуальные вопросы современной науки и образования: материалы XI науч.-практ. конф. с междунар. участ. – Чебоксары, 2024. – С. 226–228.
9. Печалова Л.В. Использование методики театрализации в изучении военной истории Отечества, сохранении памяти о событиях Великой Отечественной войны / Л.В. Печалова, А.К. Печалов // Трудные вопросы истории России: методы преподавания и новые подходы в науке. 80-летие Победы советского

народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Сборник материалов VIII краевой научно-практической конференции, 10 октября 2024 г., Ред кол: Н.Г. Масюкова, С.А. Мамасьян. – Ставрополь, 2025. – С. 25–28.
10. Репина Л.П. Историческая память и современная историография / Л.П. Репина // Новая и новейшая история. – 2004. – С. 39–51.
11. Решетка В.В. Проектный метод обучения как средство реализации практико-ориентированной технологии / В.В. Решетка // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2013. – № 2 (10). – С. 83–86.
12. Сафонова К.И. Проектная деятельность студентов в вузе: планирование проектов и оценка результативности их реализации / К.И. Сафонова, С.В. Подольский // Общество, социология, педагогика, 2018.
13. Соколова М.В. Педагогика исторической памяти: границы и понятия / М.В. Соколова // Ярославский педагогический вестник. – 2013. – № 1. – С. 92–97.
14. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Общественный банк данных «Мемориал»: [сайт]. URL: http://www.obd-memorial.ru (дата обращения: 01.04.2025).
15. Юрловская И.А. Проектные технологии в реализации стандартов высшего профессионального образования третьего поколения [Электронный ресурс] // Науковедение: интернет-журнал. – 2014. Вып. 2. Март – апрель. URL: http: // naukovedenie.ru/PDF/127PVN214.pdf (дата обращения: 01.04.2025).

© Печалова Лариса Викторовна (254896@mail.ru), Павленко Светлана Анатольевна (svet.kon75@mail.ru),
Печалов Анастас Константинович (292718@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.05–2.30

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УРАЛЬСКИХ ЗЕМСТВ ПО СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЕ НАСЕЛЕНИЯ В 1900–1918 ГГ.

THE ACTIVITY OF THE URAL ZEMSTVOS ON SOCIAL PROTECTION OF THE POPULATION IN 1900-1918

I. Semenchenco
A. Suvorova

Summary: The article reveals a wide range of activities of zemstvos for the social protection of the population (or social welfare) in the Urals in the period 1900-1918. The study examines the cardinal tasks of zemstvo employees. Special attention is paid to the work of refugee assistance departments. The authors prove that the social policy of a progressive and rule-of-law state is always aimed at improving the material and spiritual well-being of the people.

Keywords: zemstvo, social welfare, social policy, protection of motherhood and childhood, material well-being.

Семенченко Ирина Васильевна
доктор исторических наук,
Филиал ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (Национальный Исследовательский Университет)», г. Златоуст
semenchenkoiv@susu.ru
Суворова Анна Викторовна
кандидат исторических наук, доцент,
Филиал ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (Национальный Исследовательский Университет)», г. Златоуст
suvorovaav@susu.ru

Аннотация: В статье раскрывается широкий круг мероприятий земств по социальной защите населения (или социальному призрению) на Урале в период 1900–1918 гг. В исследовании рассматриваются кардинальные задач и земских служащих. Особое внимание уделяется работе отделов помощи беженцам. Авторы доказывают, что социальная политика прогрессивного и правового государства всегда направлена на улучшение материального и духовного благосостояния народа.

Ключевые слова: земство, социальное призрение, социальная политика, охрана материнства и детства, материальное благосостояние.

Как известно, под социальной защитой населения понимается обширная работа государства и местных органов самоуправления по обеспечению нормальных условий жизнедеятельности народа. Социальная защита населения включает в себя комплекс мероприятий, связанных с материальной и моральной поддержкой нуждающихся и нетрудоспособных граждан, охраной труда, здоровья, материнства и детства, оказанием помощи многодетным семьям, регулированием доходов населения, профессиональной переподготовкой граждан и т.д.

Проблемой социальной защиты населения или как ранее говорили, социальным призрением, занимались в рассматриваемый нами период (1900–1917 гг.) органы местного самоуправления – земства. Они составили целую программу мероприятий, направленную на улучшение материального уровня жизни населения.

Для того чтобы более детально разобраться в проблеме помощи нуждающимся гражданам, земские служащие обозначили объективные обстоятельства, требующих кардинальных решений. Эти объективные обстоятельства они разделили на 4 группы: 1) экономические (безработица, низкая заработная плата, инфляция); 2) производственные (профессиональное заболевание, производственная травма, увечье); 3) социальные (сиротство, многодетность семьи, потеря кормильца); 4) биологические (болезнь, беременность, старость, инвалидность). Были определены также субъекты этих объективных обстоятельств. К ним они отнесли: инвалидов, детей-сирот, вдов, беженцев, многодетные семьи, безнадзорных детей. После детального анализа объективных и субъективных факторов земские управы перешли к составлению программы мероприятий по социальному призрению населения.

Были созданы специальные отделы социального призрения, которые существовали при губернских и уездных земских управах. Эти отделы как раз и планировали, координировали и несли ответственность за социальную работу с населением. Масштабы деятельности этих организаций были внушительными: они назначали и выплачивали пособия раненым воинам, вдовам, детям-сиротам, малоимущим гражданам, семьям лиц, призванных на военную службу, обеспечивали жильём и работой беженцев, выплачивали пенсии по старости, стипендии бедным студентам и учащимся, страховали граждан и их имущество от пожаров, наводнений, других бедствий и несчастных случаев.

При уездных земских управах существовали отделы помощи беженцам. Работа этих отделов строго контролировалась губернскими земствами. Для них составля-

лись отчёты о проделанной работе, графики, планы и другая документация, в которых излагалась информация о расселении и трудоустройстве беженцев, выплате им пособий, профессиональной переподготовке и т.д.

Отдел помощи беженцам, который существовал при Челябинской уездной управе, имел на своём попечении в 1915 году 870 человек, а в 1917 уже 2200 человек, которым в месяц выплачивалась сумма в размере 15 рублей [1, с. 1]. Активную работу в этот период времени вёл отдел помощи беженцам при Златоустовской уездной управе. Свою деятельность он осуществлял в соответствии с законом от 30 августа 1915 года «Положение об обеспечении нужд беженцев», в котором подчёркивалось, что в условиях военного времени заботу о беженцах должны взять на себя органы земского и городского самоуправления [2, с. 102].

Златоустовский отдел помощи беженцам в летние месяцы 1915 года держал под контролем сложную ситуацию, связанную с распространением холеры. Беженцы, которые следовали железнодорожным путём через Златоуст в Сибирь, могли подвергнуться этому страшному заболеванию. С профилактической целью Златоустовская уездная земская управа открыла на станции Златоуст обсерваторный пункт и амбулаторию для осмотра беженцев. Для изоляции больных был построен специальный барак, в котором организован профессиональный уход за заразными гражданами.

Большую работу Златоустовское земство проводило в отношении беженцев, которые были направлены в уезд для постоянного или временного проживания. Всего в Уфимскую губернию было направлено 100 тысяч беженцев, из них – 17 тысяч в Златоустовский уезд [2, с. 103]. Станциями приёма беженцев, кроме Златоуста, были Усть-Катав, Юрюзань, Сулея, Куса, Сатка, Тундуш. Беженцам были предоставлены в волостях и селениях квартиры, к которым они были доставлены на специальных организованных подводах. Златоустовский отдел помощи беженцам и отдел попечительства проводили такие мероприятия, как организация выдачи пайков для беженцев, медицинская и санитарная помощь, устройство на работу через бюро труда, обеспечение одеждой и необходимой мебелью для квартир, организация приютов для детей-сирот, устройство детей беженцев в школы и кружки по интересам.

Отделы общественного призрения при земских управах проводили большую работу по выплате пособий семьям лиц, призванных на военную службу, раненым воинам, вдовам, детям-сиротам. Размеры этих пособий зависели от различных факторов, в частности, от количества детей в семье, прежнего заработка кормильца, его трудовых заслуг, наград и т.д., а также от имеющихся средств у земства. Например, Челябинская уездная управа летом 1917 года выдавала семьям лиц, призванных на военную службу, паёк в размере 8 рублей 50 копеек на каждую душу, а Златоустовская уездная управа выплачивала 10 рублей [3, л. 2].

Серьёзная работа проводилась земствами по назначению и выплате пенсий различного характера: по старости, болезни, инвалидности и прочее. Например, в материалах Пермского губернского земства сохранилось дело о назначении пенсии Воробьёву Петру Александровичу, который занимал должность помощника губернского агронома. С 1 февраля 1912 года он серьёзно заболел. На службе губернского земства он находился с 1 февраля 1901 года. Жалование Воробьёв П.А. получал в размере 1800 рублей в год. На момент болезни ему было 49 лет, имел жену и дочь в возрасте 9 месяцев. По уставу пенсионной кассы, в связи с его полной нетрудоспособностью, ему была назначена пенсия с 1 марта 1912 года в размере 145 рублей 96 копеек, и на дочь – 92 рубля 50 копеек, а всего 238 рублей 46 копеек в год [4, л. 3].

Кроме того, за безупречное выполнение своих обязанностей, добросовестный труд, на очередном губернском земском собрании было принято решение об ассигновании к пенсии Воробьёва П.А. дополнительного пособия в размере 121 рубль 54 копейки, т.е. общая сумма выплат составила 360 рублей в год [4, л. 4].

Земства тратили средства на выплату пособий семьям «нижних чинов», к которым относились агрономы, ветеринары, учителя, библиотекари и др. Златоустовское уездное земство за период с 1 апреля по 1 мая 1918 года выплатило семьям «нижних чинов» 589 рублей. Например, семье Дерябина Н.И. из села Куваши было выплачено 17 рублей, семье Носкова А.Е. – 39 рублей, семье Кузьменых С.П. из села Веселовка – 30 рублей [5, л. 2].

Значительные средства земства использовали на выплату стипендий учащейся молодёжи и специальных пособий бедным ученикам. Материальная забота со стороны земства помогала молодёжи учиться далеко за пределами своего края, получать необходимые профессиональные знания, которые будут использоваться на благо страны. Особенно в этом деле преуспело Белебеевское уездное земство, которое в 1915 году составило целый план выплат студентам и учащимся. Например, студенту Варшавского университета медицинского факультета Смоленскому И.А. за 6 месяцев 1915 года было выслано 210 рублей. За этот же период времени слушательнице Бестужевских курсов физико-математического факультета Ветошниковой З.А. было перечислено 175 рублей. Воспитаннику Уфимского учительского института Скоблеву Е.В. земство отправило 120 рублей. Студенту Казанского университета медицинского факультета Бейтерякову Н.Н. земство перечислило 175 рублей.

Воспитаннику Благовещенской учительской семинарии Федотову А.А. земство отправило 80 рублей. Всего было израсходовано Белебеевским уездным земством за вторую половину 1915 года на выплату стипендий 1560 рублей [6, л.5].

Для учениц женской гимназии Белебеевское уездное земство выделило специальные пособия на приобретение тёплой одежды и обуви. Каждая ученица получила на покупку необходимых вещей 12 рублей 50 копеек [6, л. 6].

Большую работу земства проводили по выплате пособий детям, потерявшим своих родителей. Забота о детях-сиротах была первоочередной задачей органов местного самоуправления. Пенсии по утере кормильца назначались детям до 18 лет. Например, Пермское губернское земство приняло решение о назначении пенсии детям умершего врача Шадринского уезда Любимого В.А. с 1 февраля 1911 года. У врача осталось трое детей (2 сына и дочь), которым была оформлена пенсия 253 рубля в год каждому [4, л. 5]. Четырём детям-сиротам покойного врача Трампину В.А. Белебеевского уезда с 1 сентября 1915 года выплачивалась пенсия по 350 рублей в год на каждого [6, л. 7].

Земства открывали столовые для малоимущих граждан, создавали богадельни, оказывали медицинскую помощь бедным слоям населения. В 1913 году в Бирском уезде земство открыло 300 столовых для малоимущих граждан, которые обслуживали 20340 человек. А также были созданы столовые для больных цингой и другими болезнями. Специализированные столовые посещали 12073 человека [7, л. 17]. Вятское губернское земство ещё в 1903 году организовало богадельню в Вятке на 65 человек. Земство обеспечивало всем необходимым богадельню: мебелью, инвентарём, медикаментами, продуктами питания, одеждой. Всего было израсходовано на нужды богадельни в 1903 году 5456 рублей 86 копеек, а в 1904 год – 5891рубль 85 коп. Подобные богадельни находились в Елабуге, Орлове, Сарапуле [8, л. 442].

Следовательно, область деятельности уральских земств по социальному призрению была обширной в такой переломный период истории, как 1900 – 1918 годы, наполненный яркими политическими событиями: русско–японская война 1904 – 1905 годов, Первая российская революция 1905 – 1907 годов, Первая мировая война, Февральская буржуазно-демократическая и Октябрьская социалистическая революции 1917 года, Гражданская война. В такое нелёгкое для страны время земство находило силы и средства для материальной и моральной поддержки населения, помогало выживать малоимущим гражданам и детям-сиротам.

В условиях создания правового государства современные органы местного самоуправления должны использовать исторический опыт работы земств по социальной защите населения. Социальная политика государства должна обеспечивать необходимые гарантии достойного уровня жизнедеятельности народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Союзная мысль. – 1917. – 2 июня.
2. Сборник постановлений Златоустовского земского собрания 41 очередной сессии 1915 г. – Златоуст, 1915.
3. Архив Златоустовского городского округа (АЗГО). Ф. 11. Оп. 1. Д. 788.
4. Государственный архив Пермской области (ГАПО). Ф. 44. Оп.1, Д. 503.
5. Архив Златоустовского городского округа (АЗГО). Ф. 11. Оп. 1. Д. 819.
6. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИАРБ). Ф.И – 135. Оп. 1. Д. 21.
7. Там же. Ф.И – 151. Оп. 1. Д. 21.
8. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 616. Оп. 1. Д.171.

© Семенченко Ирина Васильевна (semenchenkoiv@susu.ru), Суворова Анна Викторовна (suvorovaav@susu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.05–2.31

ФАКТОРЫ ФЕНОМЕНА МАССОВОГО САМОПОЖЕРТВОВАНИЯ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

FACTORS OF THE PHENOMENON OF MASS SELF-SACRIFICE OF SOVIET CITIZENS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: THE HISTORIOGRAPHICAL ASPECT

Yu. Smirnova
A. Bespalov

Summary: The scientific article is devoted to the study of the factors of the phenomenon of mass self-sacrifice of Soviet citizens during the Great Patriotic War in Russian and foreign historiography. The study allowed the author to identify four main thematic groups of scientific papers that correlate with the stated problem. During the historiographical analysis of each group, the most significant scientific works were identified, allowing for a holistic study of the factors of the phenomenon of mass self-sacrifice of Soviet citizens during the Great Patriotic War at the cultural, historical, ideological, political, socio-moral levels. The value of the research conducted by the author is to identify the main trends and approaches in the views and assessments of Soviet and modern Russian historians on determining the factors of mass self-sacrifice of Soviet citizens in 1941-1945.

Keywords: Great Patriotic War, heroism, ideology, historiography, heroic deed, self-sacrifice, Soviet citizens.

Смирнова Юлия Валерьевна
кандидат исторических наук, доцент,
Московский городской педагогический университет
SmirnovaYUV@mgpu.ru
Беспалов Андрей Константинович
Аспирант, Московский городской
педагогический университет
nastiagol7@gmail.com

Аннотация: Научная статья посвящена изучению факторов феномена массового самопожертвования советских граждан в период Великой Отечественной войны в отечественной и зарубежной историографии. Исследование позволило авторам определить четыре основные тематические группы научных трудов, коррелирующие с заявленной проблемой. В ходе историографического анализа каждой группы были выявлены наиболее значимые научные труды, позволяющие провести целостное исследование, посвященное изучению факторов феномена массового самопожертвования советских граждан в период Великой Отечественной войны на культурно-историческом, идейно-политическом и общественно-моральном уровнях. Ценность проведенного авторами исследования состоит в выявлении основных тенденций и подходов во взглядах и оценках советских и современных отечественных историков по определению факторов массового самопожертвования советских граждан в 1941–1945 годах.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, героизм, идеология, историография, подвиг, самопожертвование, советские граждане.

Введение

Известно, что в годы Великой Отечественной войны советские граждане демонстрировали примеры высочайшей стойкости и силы духа, совершая многочисленные подвиги на полях сражений, в тылу и в оккупации. В особую категорию можно выделить тех, кто в ходе борьбы с немецко-фашистскими захватчиками шел на подвиг самопожертвования, то есть добровольно и осознанно жертвовал собственным индивидуальным существованием ради других. Феномен самопожертвования, обычно проявляющийся в экстремальных условиях вооруженного противостояния в единичных примерах, в реалиях отечественной войны советского народа против немецко-фашистских захватчиков, получил массовое распространение, аналогов чему еще не было в истории человечества. При этом в армиях других стран-участниц Второй мировой войны, подвигов, по своему социальному значению равных героизму Н.Ф. Гастелло, А. Матросова, Н.А. Качуевской и тысяч других советских граждан, неизвестно в принципе. В связи с этим представляет важность и интерес для изучения вопрос, чем обуславливалось массовое проявление феномена самопожертвования советских граждан в годы Великой Отечественной войны, какие факторы определяли специфику проявления героизма предельной социальной формы в 1941–1945 годах.

Данная проблематика, несмотря на значительное внимание к теме героизма в Великую Отечественную войну в советской и современной отечественной историографии, еще не становилась самостоятельным предметом для рассмотрения и изучения в исторической науке. В этой связи представляется необходимым выделить ряд ключевых тематических направлений в историографии, которые являются важнейшими в процессе изучения факторов феномена массового самопожертвования советских граждан в период Великой Отечественной войны.

Ход и результат исследования

К первому направлению можно отнести философские и общетеоретические исследования, посвященные изучению героизма, как социального феномена.

Самопожертвование по своей сущности выступает как крайне возможная социальная форма героизма, в связи с чем при изучении его факторов необходимо опереться прежде всего на общие теоретические основы проблематики героизма и подвига, которые были сформулированы в зарубежной и отечественной научной мысли.

Несмотря на значительную популярность тематики героизма и подвига, существует не столь много научных исследований, в которых предпринимается попытка рассмотреть героизм в его многочисленных проявлениях не просто как часть культуры, а как объективно существующий социальный феномен. Так, в различных аспектах, вопросы героики и подвига в истории рассматривали такие известные европейские мыслители XVI–XIX вв., как Д. Бруно, Д. Вико, Г. Гегель, Т. Карлейль и другие. Конечно, в своих работах философы-идеалисты не ставили перед собой задачи всестороннего изучения героизма, как особого феномена, выявления факторов его проявления, объясняя героизм людей неким «божественным началом» [11, с. 64], которое вдохновляет человека, идущего на подвиг. Однако, уже в данных работах, философы обращали внимание на ряд общих, вневременных особенностей феномена героизма, которые также заложены в любом подвиге самопожертвования, а именно на: сопряженность с индивидуальными жертвами (в том числе, собственной жизнью), добровольность, свершение во благо других (социальную направленность)[6, с. 347], отсутствие стремления к личной выгоде (альтруизм).

Важные особенности героизма были осмысленны в русской религиозной философии Н.А. Бердяевым, С.Н. Булгаковым. В своих работах отечественные мыслители уделили особое внимание формированию личностных качеств человека, которые способствуют его готовности к совершению подвига, а также составляющей национально-культурную специфику подвига в России – соборность и общинность [3, с. 20].

Попытку осмыслить героизм с точки зрения материализма в начале XX века предприняли марксисты. Анализ общественно-исторических корней героического поведения проводили в своих работах К. Маркс, В.И. Ленин, Г.В. Плеханов, А.Н. Луначарский и др. В этих трудах подвиг рассматривался как особая форма поведения человека, которая выражает высшую форму его социальной активности, имеет прогрессивное значение для социума, преследует общественно значимые цели и требует личной жертвенности [14, с. 44]. Марксистами впервые были сформулированы тезисы о коллективном характере героизма, а также представления о массовости героев при социализме и возможности их массового воспитания, как способа формирования общества качественно иного типа.

В современной науке проблематика героизма становится объектом для изучения в различных сферах гуманитарных дисциплин: философии, культурологии, философии и т.д. Одной из основополагающих работ по данной теме является монография В.Д. Плахова «Герои и героизм: опыт современного осмысления вековой проблемы», являющее собой фундаментальное исследование вопросов героики с точки зрения социологической и психологической наук. Автор, опираясь на научные концепции героизма, созданные ранее, рассматривает данный феномен с точки зрения его связи с культурой и особенностями исторического развития различных человеческих сообществ, разбирает структуру и механизмы героического поведения на теоретическом уровне, выявляет общие вневременные черты героизма [15, с. 56].

Ценность также представляют исследования И.М. Суравневой, труды А.В. Трофимовой и Р.А. Лукьяновой, в которых авторы предпринимают попытку выявить в феномене героизма степень соотношения универсального и вневременного с конкретным культурно-историческим содержанием, а также определить особенности героического поведения, характерные для отечественной культуры и истории [19, с. 107].

Данные ключевые теоретические исследования феномена героизма крайне важны с точки зрения выявления общих социальных закономерностей героического поведения, а также конкретных культурных, исторических факторов, определяющих специфику подвижнического поведения для российского социума, так как данные аспекты неизбежно проявлялись в самопожертвовании советских граждан во время Великой Отечественной войны первой половины XX века.

Ко второму направлению можно отнести труды, посвященные героизму советского народа в годы Великой Отечественной войны.

Героизму советского народа в борьбе с фашизмом посвящен колоссальный пласт научной литературы, данная тема являлась одной из наиболее популярных в советский период и до сих пор приковывает внимание многих исследователей. Однако историографическая проблема заключается в том, что подавляющее большинство данных работ, носят описательный характер, а героизм советских граждан в них скорее констатируется как факт, нежели подвергается осмыслению и исследо-

ванию. Несмотря на это, отрицать тот вклад, который был сделан в разработку проблематики героизма в годы Великой Отечественной войны в этих трудах, было бы методологически неверно, так как в данных работах был собран и обработан колоссальный пласт документального материала, отражающий конкретные факты феномена массового героизма вплоть до самопожертвования в период Великой Отечественной войны.

Концептуальными советскими работами по заявленной теме являются исследования А.А. Бурляй, И.М. Кулешова. В них историки обобщили традиционный советский историографических подход к проблематике героизма в годы Великой Отечественной войны на основе архивных источников, а также попытались определить истоки массового характера героизма советских граждан [4, с. 5]. Полностью соотносится с заявленной проблематикой работа А.П. Коваленко и А.А. Сгибнева «Бессмертные подвиги», которая посвящена анализу подвигов самопожертвования в годы Великой Отечественной войны на основе широкого круга источников [1, с. 9]. Особую ценность в данном контексте представляет труд Д.А. Волкогонова «Феномен героизма: (О героях и героическом)», в котором, несмотря на очевидный идеологический подтекст, исследователь обращается к рассмотрению героизма как особого социального феномена, затрагивая важнейшие положения об истоках, сущности и значении героя, подвига в период Великой Отечественной войны [5, с. 60]. Кроме того, в советский период было издано колоссальное количество брошюр, очерков, биографических исследований о героях Великой Отечественной войны.

В указанных трудах советских историков ключевым фактором, обусловившим массовый героизм солдат Красной Армии в Великой Отечественной войне, зачастую считалась особая система ценностей, сформированная в рамках социалистической идеологии, основанная на понятиях интернационализма, советского патриотизма, коммунистической убежденности и идейности. Вместе с тем, в подавляющем числе работ данный вывод носит скорее идеологический характер, основываясь исключительно на самом факте многочисленных подвигов советских граждан, без подтверждения его источниковой базой.

В современной историографии рядом исследователей была предпринята попытка классифицировать подвиги самопожертвования советских граждан в 1941–1945 гг., включив известные эпизоды подвигов в единый сборник. К примеру, К.А. Атрашкевич и Н.Н. Смирнов, проанализировав огромное количество архивных материалов, собрали и дали описания всем известным подвигам героев, которые закрыли собой вражескую огневую точку [16, с. 12].

В целом, исследования данного направления внесли значительный вклад в накопление историографической и источниковой базы, введя в научный оборот огромный пласт архивного документального материала по теме массового самопожертвования советских граждан в период Великой Отечественной войны.

Современные работы не несут в себе идеологические штампы, характерные для советской историографии, но в большинстве исследований авторы изначально не ставят задачи осмыслить совокупность факторов и причины героизма массового характера, тезисно определяя его источником особое чувство патриотизма.

Третье направление представлено трудами, посвященными идейно-политической работе с гражданами СССР в годы Великой Отечественной войны, а также особенностям системы общественно-идеологических ценностей советского общества и государства в указанный период.

Относительно указанной тематики, труды данного направления позволяют определить какая работа проводилась государственными и партийными органами власти в период Великой Отечественной войны по формированию готовности к личной жертвенности у советских граждан, а также какие идеологические факторы феномена самопожертвования были сформированы в СССР в указанный период.

В советский период данные вопросы изучались зачастую с точки зрения идеологической работы коммунистической партии. В 1950-1980-е гг. был опубликован широкий комплекс научных работ, где обобщался опыт партийной работы с населением СССР в 1941–1945 гг. Можно выделить многотомное издание «История Коммунистической Советского Союза», где ключевым фактором, который способствовал проявлению героизма на фронтах Великой Отечественной, считалась воспитательная и агитационная работа партии, которая формировала среди советских граждан коммунистическую идейность и чувства советского патриотизма [9, с. 396].

Особенности пропагандистской и идейно-воспитательной деятельности советских органов власти рассматривались в фундаментальных трудах о Великой Отечественной войне. Так, в многотомной работе «История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945 гг.» был создан отдельный раздел, посвященный данной тематике.

В нем подробно были изучены ключевые направления идейно-политической работы в ходе войны: распространение идей советского патриотизма, разъяснение характера войны как справедливой и оборонительной, формирование ненависти к врагу, воспитание героизма

и мужества среди бойцов Красной Армии.

Кроме того, в советский период был опубликованы исследования, посвященные рассмотрению основных средств и форм агитации и пропаганды во время Великой Отечественной войны: печати, радиовещания, кинематографа и т.д. К примеру, в работе С.И. Жукова был проведен детальный анализ смысловых компонентов в фронтовой печати за 1941–1945 гг.[7, с. 5], а исследование А. Камшалова посвящено процессу формирования советским кинематографом героических образов, которые должны были вдохновлять на подвиги бойцов Красной Армии[10, с. 180].

Изучая различные формы и средства идеологической работы, авторы приходят к выводам о том, что и в печати, и в кинематографе формировались идейные героические образы, как известных деятелей прошлого, защищавших свою землю в былые времена, так и современных бойцов и командиров Красной Армии, отстаивающих свою Родину в борьбе с фашизмом. Тем самым выстраивая преемственность поколений, формируя конкретные модели героического поведения, на которые ориентировались солдаты Красной Армии.

В целом, в указанных выше работах был заложен фундамент ключевых тезисов по специфике агитации, пропаганды идей коммунизма, советского патриотизма, разъяснения характера войны, ее целей, формирования образов героев и врагов, воспитания моральной стойкости и т.д. Конечно, данные исследования были выдержаны в строгих идеологических рамках, характеризуются определенным догматизмом и тенденциозностью, однако они дают общее представление о идейном содержании, механизмах, способах, основных направлениях работы идеологического аппарата в период Великой Отечественной войны.

В результате развала СССР вопросы формирования системы ценности, идейно-воспитательной и агитационной работы с советскими гражданами в 1941–1945 гг. были подвергнуты значительному переосмыслению. Так, в значительной степени был отвергнут и забыт ключевой тезис советской историографии об исключительной и руководящей роли ВКП (б) и коммунистической идеологии как факторах массового героизма и закономерной победы над нацистской Германией. В ряде современных работ по данной теме значительное внимание стало уделяться процессу трансформации советской идеологической системы в годы Великой Отечественной войны, в ходе чего происходил возврат к традиционным патриотическим корням и национально-государственным ценностям [13, с. 183], а коммунистические идеи отходили на задний план. В данном ключе выдержана работа кандидата исторических наук А.Ю. Кожевникова «Русский патриотизм и советский социализм», а также исследование американского историка Д.Л. Бранденберга, который специально для характеристики смысла советской идеологии использует достаточно противоречивый термин «национал-большевизм» [2, с. 43].

В данных работах авторы обосновывают вывод о том, что во время Великой Отечественной войны советская идеологическая политика существенно изменилась, сместив акценты с интернационализма на исключительно национальные ценности, а концепция советского патриотизма во многом была заменена русским патриотизмом, обосновывая это тем, что в 1941–1945 гг. в советской пропаганде происходит активное обращение к отечественной истории, культуре и традициям.

Особенности советской идеологической политики в Великой Отечественной войне изучаются сегодня в разноплановых аспектах, появляются новые подходы и целые направления к изучению данной темы. Так, большое внимание уделяется процессам формирования образа врага, а также особенностям взаимодействия официальной пропаганды и массового сознания [8, с. 8].

В целом труды данного направления позволяют разноплановое изучить идеологическое измерение войны, в связи с формированием факторов массового самопожертвования. Однако, нельзя сказать, что к настоящему времени работа в этом направлении завершена.

Четвертое направление в историографии представлено исследованиями, в которых изучаются вопросы социального и морально-психологического аспектов Великой Отечественной войны.

Данные труды представляют интерес в связи с тем, что позволяют прояснить вопросы о том, как советским обществом воспринимались идеологемы, формируемые советскими органами власти, какое было отношение к собственному государству, политическому строю, Родине, идущей войне и к противнику, на основе чего можно сделать вывод о внутренних мотивах героев, которые пошли или были готовы пойти на самопожертвование.

В советский период моральные и духовные факторы советского человека в Великой Отечественной войне изучались в тесной связи с идеологическим измерением войны, зачастую данные работы сводились к декларированию тезисов о морально политическом единстве советского народа, высокой степени стойкости перед лицом врага, силе духа и героизме как результата успешной идейно-политической партийной работы. В этом плане существенное внимание моральному состоянию общества в войну уделялось в работах, посвященных агитационной и партийной работе, которые были рассмотрены

ранее. Но задача комплексного осмысления морального фактора в указанный период в этих трудах не ставилась и вплеталась в общий контекст изучения более широких тем. Из ряда работ выделяются разработки В.В. Шеляг, которые посвящены методологии изучения морального и духовного фактора в войнах, а также общей структуре морального облика человека в вооруженном противостоянии и специфике его формирования [20, с. 3].

До сегодняшнего дня данное направление остается одним из наименее изученных в историографии Великой Отечественной войны. В современной исторической науке в связи с разработкой новых методологических подходов и междисциплинарными исследованиями, проведенными на основе антропологического подхода, появляются важные работы, в которых представлены различные аспекты моральных факторов на войне. Так, например, рядом историков была сформулирована и разработана проблематика формирования и функционирования общественного сознания в годы Великой Отечественной войны [12, с. 12].

Фундаментальными работами в области изучения морально-психологического измерения сегодня являются труды отечественного исследователя Е.С. Сенявской, которая является одним из основателей в России междисциплинарного направления военно-исторической антропологии, в рамках которого акцент делается прежде всего на «человеческое измерение» войны [17, с. 67]. В своих монографиях и статьях Е.С. Сенявская занимается в том числе разработкой проблем подготовки советского общества к войне, специфики взаимосвязи идеологии и массового сознания в 1941–1945 гг., героических символов и образов, а также их восприятием участниками вооруженного конфликта в указанный период, поднимает такие новаторские темы, как повседневность войны и психология боя [18, с. 113]. Исследователь впервые в исторической науке предприняла попытку выявить общие закономерности поведения солдат в условиях войны, в том числе, героизма, демонстрируемого в ходе боевых действий.

Заключение

Таким образом несмотря на то, что проблематика факторов феномена самопожертвования советских граждан в Великой Отечественной войне не становилась объектом для самостоятельного изучения в исторической науке, ключевые аспекты, необходимые для изучения данного явления, нашли свое отражение в различных направлениях гуманитарных исследований. Достаточно подробно в работах философов, социологов и психологов были разработаны теоретические составляющие проблематики героизма, как социокультурного явления общеисторического характера, так и особого феномена, тесно связанного с развитием российской исторической общности. В многочисленных трудах советских и современных исследователей, посвященных героизму и подвигу советских воинов в 1941–1945 гг. была собрана и обобщена колоссальная источниковая база свидетельств проявления массового самопожертвования советских граждан на полях сражений. Подробное освещение в отечественной историографии нашло идеологическое измерение Великой Отечественной войны: на основе работ, посвященных различным вопросам системы ценностей, идеологии, пропаганды и агитации в указанный период, можно определить ключевые идейно-ценностные факторы феномена самопожертвования, которые формировались советскими государственными и партийными органами. Менее всего изучено направление, связанное с вопросами морально-психологического измерения Великой Отечественной войны, которое стало полноценно разрабатываться относительно недавно. Однако в данном вопросе уже сформирована существенная источниковая и методологическая основа для дальнейшей исследовательской деятельности.

На основе анализа историографии, важно отметить, что выбранная тема носит достаточно противоречивый характер. В научных работах советского периода был обработан и проанализирован значительный пласт источников по указанной теме, отразилось значительное количество важных тезисов, сохраняющих свою актуальность по сей день. При этом, идеологическая ограниченность, тенденциозность, схематичность и недостаточность научной аргументации, характерные для многих советских исследований, привели к тому, что выводы о коммунистической идеологи, советском патриотизме, дружбе народов массовой поддержке передового социалистического социально-экономического строя как источников массового героизма вплоть до самопожертвования, постепенно утрачивали свою научную значимость, приобретая характер шаблонных формулировок и стереотипа. В современной же историографии отход от классических советских идеологем и их критика не привели к появлению новых концепций, позволяющих определить факторы феномена массового самопожертвования граждан СССР в период Великой Отечественной войны. В связи с этим необходимость осмысления феномена массового самопожертвования советских граждан в период Великой Отечественной войны на культурно-историческом, идейно-политическом и общественно-моральном уровнях не вызывает сомнений, а тема является чрезвычайно актуальной и значимой для современной отечественной исторической науки и российского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бессмертные подвиги / Сост.: А.П. Коваленко, А.А. Сгибнев. М.: Воениздат, 1980. 350 с.
2. Бранденберг Д.Л. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956). СПб.: Акад. проект: Изд-во ДНК, 2009. 414 с.
3. Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество / Авт. вступ. ст. и примеч. С.М. Половинкина, Новосибирск: Рус. Кн, 1991. 525 с.
4. Бурляй А.А. Массовый героизм советских воинов в годы Великой Отечественной войны. М.: Изд-во «Знание», 1970. 32 с.
5. Волкогонов Д.А. Феномен героизма: (О героях и героическом). М.: Политиздат, 1985. 263 с.
6. Гегель Г.В. Ф. Соч.: В 14 т. / Пер. с. нем. В. Столпнера, М.: Соцэкгиз, 1935. Т. 7. 468 с.
7. Жуков С.И. Фронтовая печать в годы Великой Отечественной войны. М.: Изд-во Московского университета, 1968. 147 с.
8. Землянский К.А. Политическая пропаганда и общественное сознание в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: на материалах Ростовской области: Дисс. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д., 2018. 236 с.
9. История Коммунистической партии Советского Союза: В 6 т. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М.: Политиздат, 1964. Т. 5. 691 с.
10. Камшалов А. Героика подвига на экране. М.: Изд-во «Искусство», 1986. 224 с.
11. Карлейль Т. Теперь и прежде / Сост., подгот. текста и примеч. Р.К. Медведевой, М.: Республика, 1994. 414 с.
12. Козлов Н.Д. Моральный потенциал народа и массовое общественное сознание в годы Великой Отечественной войны: Дисс. ... докт. ист. наук. СПб., 1996. 455 с
13. Кожевников А.Ю. Русский патриотизм и советский социализм. М.: Прометей, 2017. 642 с.
14. Луначарский А.В. Героизм и индивидуализм. Изд-во Новая М.: 1925 г. 50 с.
15. Плахов В.Д. Герои и героизм: опыт современного осмысления вековой проблемы. СПб.: КАРО, 2008. 240 с.
16. Самопожертвование на Великой Отечественной войне, 1941–1945: описание подвигов воинов, закрывших своим телом амбразуры вражеских огневых точек / Сост.: К.А. Атрашкевич, Н.Н. Смирнов. 2-е изд. Волгоград: Издатель, 2005. 846 с.
17. Сенявская Е.С. История войн России XX века в человеческом измерении. Проблемы военно-исторической антропологии и психологии / Курс лекций для студентов и магистрантов. РГГУ, М.: 2012. 332 с.
18. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. 383 с.
19. Трофимова А.В. Подвиг как явление русской культуры: Дисс. ... канд. философ. наук. Нижний Новгород, 2008. 183 с.
20. Шеляг В.В. Духовный облик советского народа и советских воинов. Автореф. дисс. … канд. философ. наук. М., 1958. 17 с.

© Смирнова Юлия Валерьевна (SmirnovaYUV@mgpu.ru), Беспалов Андрей Константинович (nastiagol7@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.05–2.33

АНАЛИЗ МИССИИ И РАЗВИТИЯ СТУДЕНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ В РОССИИ, В КОНТЕКСТЕ КИТАЙСКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В НОВУЮ ЭПОХУ[1]

Сюй Цзин
Хэйхэский университет, Город Хэйхэ, провинция Хэйлунцзян, Китай
838292701@qq.com

ANALYSIS OF THE MISSION AND DEVELOPMENT OF CHINESE STUDENTS STUDYING IN RUSSIA IN THE CONTEXT OF SINO RUSSIAN RELATIONS IN A NEW ERA

Xu Jing

Summary: The article explores the role of Chinese students in Russia in the development of bilateral relations in the new era. It is shown that they act as important agents of intercultural exchange, contributing to the integration of linguistic, professional, and cultural competencies in economics and science. The historical evolution of relations, the peculiarities of cultural interaction and the problems of students' adaptation are analyzed. The study, based on historical analysis and empirical data, demonstrates the key role of students in strengthening the partnership: they serve as a link in the scientific and economic sphere and popularize Chinese culture. The need to support their activities to deepen cooperation in the face of global challenges is emphasized.

Keywords: Chinese students, Russia, mission, development.

Аннотация: Статья исследует роль китайских студентов в России в развитии двусторонних отношений в новую эпоху. Показано, что они выступают важными проводниками межкультурного обмена, способствуя интеграции языковых, профессиональных и культурных компетенций в экономике и науке. Анализируются историческая эволюция отношений, особенности культурного взаимодействия и проблемы адаптации студентов. Исследование, основанное на историческом анализе и эмпирических данных, демонстрирует ключевую роль студентов в укреплении партнерства: они служат связующим звеном в научно-экономической сфере и популяризируют китайскую культуру. Подчеркивается необходимость поддержки их деятельности для углубления сотрудничества в условиях глобальных вызовов.

Ключевые слова: китайские студенты, Россия, миссия, развитие.

В новую эпоху углубление стратегического партнерства Китая и России открывает уникальные возможности для культурного обмена. Китайские студенты в России становятся важными носителями межкультурной практики, отвечая вызовам современности. Их задача - развивать систему компетенций, объединяющую язык, профессию и культуру, выполняя роль связующих звеньев в экономике, культуре и промышленности. Представляя многообразный образ Китая, они способствуют развитию двусторонних отношений в новых условиях.

I. Обзор отношений между Китаем и Россией в новую эпоху

1. Историческая эволюция и текущее состояние отношений между Китаем и Россией.

С середины XVII века начали налаживаться контакты между Китаем и Россией, а после провозглашения Китайской Народной Республики в 1949 году были официально установлены дипломатические отношения. В 1950-х годах двусторонние связи пережили период "медового месяца", когда стороны подписали Договор о дружбе, союзе и взаимопомощи и начали активное сотрудничество в экономической, технологической и военной сферах. Однако в 1960-х годах отношения начали ухудшаться из-за серьезных идеологических разногласий, международных конфликтов и пограничных споров, что усилило взаимозависимости.

Начиная с 1980-х годов, на фоне реформ и открытости в Китае, отношения между Китаем и Советским Союзом начали восстанавливаться. Это стало отправной точкой для дальнейшего сотрудничества двух стран в различных областях, включая политику, экономику и

1 Данная работа является промежуточным результатом научно-исследовательского проекта, финансируемого в 2023 году на основе операционных расходов для фундаментальных научных исследований студентов колледжей и университетов провинции Хэйлунцзян. Название проекта: «Сбор и обобщение исторических материалов, связанных с российскими (советскими) студентами и Коммунистической партией Китая (1949–2019 гг.)» (номер проекта 2023-KYYWF-1120).

технологии. Распад Советского Союза в 1991 году открыл новые возможности для развития двусторонних связей. В 1992 году Китаем и Россией были официально установлены дипломатические отношения, а в 1996 году стороны провозгласили о создании "партнерства стратегического сотрудничества, основанного на равенстве и доверии, и ориентированного на XXI век [8].

В 2001 году Китай и Россия подписали Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, что значительно укрепило их двусторонние отношения. С началом XXI века сотрудничество продолжает углубляться, охватывая ключевые сферы, такие как политика, экономика, безопасность и культурные обмены. Особенно примечателен энергетический сектор, в котором достигнуты важные успехи, включая реализацию Восточного газопровода и поставки нефти. Кроме того, обе страны активно координируют свои действия на международной арене, совместно защищая принципы многополярности и международный порядок.

С политической точки зрения наблюдается активизация взаимодействия на высоком уровне, что проявляется в установлении частой системы обмена визитами. Это включает регулярные встречи премьер-министров и ежегодные взаимные визиты глав государств. В экономической сфере двусторонний торговый оборот между Китаем и Россией в 2023 году достиг рекорда в 240,1 миллиарда долларов США, что соответствует росту на 26,3% по сравнению с предыдущим годом [7, С. 115]. Несмотря на общее снижение уровня торговли Китая с большинством других государств, в случаях сотрудничества с Россией наблюдается противоположная тенденция: объем торговли не только сохраняется, но и продолжает расти. Это, безусловно, создает дополнительные возможности и перспективы для студентов, желающих учиться в России.

2. Особенности и характер российско-китайских отношений в новую эпоху.

Министр иностранных дел Китая Ван И на семинаре по международной ситуации и китайской дипломатии 2024 года представил глубокий анализ отношений между Китаем и Россией, а также Китаем и США. Он высоко оценил текущее состояние российско-китайских отношений, отметив, что под стратегическим руководством глав двух государств они достигли нового уровня, характеризующегося зрелостью, стабильностью и независимостью [8, С. 26]. Ван И выделил ключевые принципы, лежащие в основе этих отношений: отсутствие военных альянсов, конфронтации и противодействия третьим странам. Эти дружеские связи не только приносят значительные выгоды народам обеих стран, но и служат положительным примером мирного сосуществования для международного сообщества. Например, в международных делах Китай и Россия придерживаются независимой внешней политики, принимая решения на основе справедливости, например, при голосовании в Совете Безопасности ООН, а не формируя противоборствующие альянсы. Эта модель отношений защищает национальные интересы обеих сторон и способствует поддержанию мира и стабильности как в регионе, так и в мире.

Стороны углубили сотрудничество в области политического доверия, создав механизмы обмена информацией и совместной работы в не конвенциональных сферах безопасности, таких как кибербезопасность, противодействие терроризму и борьба с транснациональной преступностью. В экономическом взаимодействии, помимо традиционной торговли, государства активно развивают сотрудничество в новых областях, включая электронную коммерцию и цифровую экономику, формируя совместные инициативы по созданию открытой структуры мировой экономики. В условиях нестабильного мирового порядка стороны решили продлить Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Китаем и Россией. Это подтверждает их обязательства по углублению всестороннего стратегического партнерства, направленного на развитие двусторонних отношений в более широком и многогранном формате.

II. Миссия китайских студентов в России в контексте китайско-российских отношений в новую эпоху

1. Содействие экономическому и торговому сотрудничеству между Китаем и Россией.

В новой эпохе китайские студенты, обучающиеся в России, благодаря знанию русского языка и глубокому пониманию российского рынка и культуры, значительно влияют на развитие двусторонней торговли. Они активно участвуют во внешнеэкономической деятельности, способствуя более точному пониманию китайскими компаниями потребительских предпочтений и таможенной политики России, а также представляя российским предприятиям конкурентные преимущества китайских товаров и потенциал их рынка.

Участвуя в различных мероприятиях, таких как торговые выставки и бизнес-переговоры, студенты становятся связующим звеном между компаниями обеих стран, способствуя росту объемов торговли и оптимизации её структуры. Например, в сельском хозяйстве они содействуют импорту высококачественных российских продуктов, таких как пшеница и мясо, одновременно расширяя экспорт высокотехнологичной продукции из Китая, включая электронику и машиностроительное оборудование.

В сфере инвестиционного сотрудничества студенты

играют важную роль в оценке инвестиционного климата и проведении исследований по осуществимости проектов. Они помогают китайским компаниям ориентироваться в российских инвестиционных законах и ситуации на рынке труда, а также могут участвовать в реализации крупных проектов в таких отраслях, как энергетика, горнодобывающая промышленность и производство.

В области финансового сотрудничества они могут содействовать взаимодействию и сотрудничеству между финансовыми учреждениями Китая и России, предоставляя свои знания и ресурсы в таких областях, как трансакции по 跨境支付 (международные платежи) и управление валютными рисками.

2. Содействие сотрудничеству в области научно-технических инноваций между Китаем и Россией.

Учитывая взаимодополняемость Китая и России в науке и технологиях, студенты, обучающиеся в России, могут активно участвовать в исследовательских командах и совместных проектах. Они могут сосредоточиться на стратегических направлениях, таких как разработка Арктики, глубоко космические исследования и новые материалы, применяя знания и навыки, полученные в ведущих российских лабораториях, таких как Институт ядерной физики Московского университета. Российские специалисты имеют значительные преимущества в аэрокосмических технологиях, особенно в разработке ракетных двигателей, что позволяет китайским студентам не только предложить новые идеи, но и участвовать в обмене опытом, способствуя прорывам в этой области.

Китайские студенты, обучающиеся в России, играют ключевую роль в передаче технологий, включая новые материалы, в Китай и обеспечивают защиту интеллектуальной собственности. Они могут участвовать в технотрансферных учреждениях и юридических фирмах, специализированных на интеллектуальной собственности. Работая в рамках международных договоров, они содействуют успешному техническому сотрудничеству между странами, предоставляя надежные механизмы защиты на всех этапах.

3. Укрепление гуманитарного обмена между Китаем и Россией.

Студенты, обучающиеся в России, могут активно способствовать распространению китайской культуры во время учебы и проживания в стране, организуя различные культурные мероприятия [2]. Например, они могут отмечать традиционные китайские праздники, такие как Новый год по лунному календарю и Фестиваль середины осени, а также представлять народные искусства, включая каллиграфию, живопись и вырезание бумаги [3].

Российские пользователи социальных сетей, таких как ВКонтакте, и зрители специализированных сайтов о кино, например chinafilms.ru и green-tea tv, проявляют интерес к китайским фильмам и телесериалам. Однако качество перевода часто является серьезным препятствием для культурного обмена: многие произведения ограничены в распространении из-за отсутствия качественного русского языка. Студенты из Китая, обладая хорошими языковыми навыками и пониманием культурных различий, могут активно участвовать в переводе субтитров, что помогает интегрировать китайскую культуру в российское общество и углубляет понимание русскоязычной аудитории [1].

Кроме того, они могут выступать посредниками российской культуры и искусства в Китае, организуя мероприятия, такие как выступления русского балета и литературные лекции в вузах [6]. Это способствует углублению взаимопонимания и культурного обмена между народами, расширяя сближение российской и китайской культур.

В рамках образовательного сотрудничества между Китаем и Россией студенты, имеющие опыт учебы в России, могут предложить полезные рекомендации и поделиться практическим опытом, что будет способствовать развитию партнерства между высшими учебными заведениями двух стран. Они могут активно участвовать в организации совместных образовательных программ и студенческих обменов, что позволит эффективно использовать образовательные ресурсы и инновации в подготовке кадров. Такой обмен опытом будет укреплять связи между странами в образовательной сфере и повышать качество подготовки специалистов.

III. Возможности и вызовы, с которыми сталкиваются китайские студенты, обучающиеся в России

1. Возможности для развития. Для китайских студентов в России обеспечена стабильная политическая и социальная обстановка, что способствует их безопасной жизни и интеграции в местную культуру. Укрепление китайско-российских отношений открывает новые возможности для карьерного роста после возвращения на родину. Это содействие межкультурным связям способствует лучшему пониманию культур обеих стран, а студенты становятся мостом, позволяющим другим открыть очарование культур этих государств.

Улучшение отношений также положительно влияет на личностный и профессиональный рост студентов, предоставляя им больше ресурсов для обучения и возможности трудоустройства. Ведущие российские университеты, такие как МГУ и СПбГУ, предлагают доступ к качественным научным ресурсам и образовательным

концепциям, что способствует их академическому развитию.

С расширением экономического сотрудничества между Китаем и Россией студенты получают много возможностей для трудоустройства, особенно в совместных предприятиях, где их знания об обеих культурах становятся конкурентным преимуществом. Появляются возможности в сферах трансграничной электронной коммерции и зеленой энергетики, что вдохновляет студентов на создание собственных бизнес-инициатив, укрепляя экономические связи между странами.

Учеба в России способствует формированию у студентов глобального мышления и навыков международного сотрудничества, позволяя им лучше понимать политические, экономические и социальные системы других стран. Это осознание помогает им находить возможности для международного сотрудничества и участвовать в научных проектах, значительно обогащая их профессиональный опыт.

2. Вызовы.

В данной статье рассматриваются ключевые различия между китайской и российской культурами, включая ценности, семейные представления, социальные нормы и этикет. Эти аспекты непосредственно влияют на жизнь и учебу студентов в России. Например, китайским студентам необходимо адаптироваться к коллективистской культуре России, что порой приводит к культурным недоразумениям и конфликтам. Осознание этих различий важно для успешной интеграции и коммуникации между студентами различных культур.

Языковые барьеры также создают существенные трудности для иностранных студентов. Даже имея базовые знания русского языка, китайские студенты сталкиваются с проблемами в его практическом использовании, особенно в академической среде, где точность специализированной терминологии и беглость устной речи играют важную роль. Эти сложности сказываются на их способности эффективно взаимодействовать с преподавателями и местными жителями. Таким образом, освоение языка требует глубокого понимания его применения в разных социальных и профессиональных контекстах.

Неопределенная международная политическая ситуация становится важным фактором, влияющим на отношения между Китаем и Россией. Динамичные изменения в политическом порядке и геополитической конкуренции могут затрагивать развитие студентов в России [4]. Например, внешнее давление на двусторонние отношения может привести к корректировке или приостановке совместных проектов, что негативно отразится на возможностях трудоустройства и предпринимательства для китайских студентов, что критично для их профессионального роста и адаптации.

IV. Перспективы развития китайских студентов, обучающихся в России

1. Аспекты личностного развития

Совершенствование знаний и навыков приобретает особую значимость в условиях углубляющегося китайско-российского сотрудничества. Студенты в России сталкиваются с новыми профессиональными требованиями, особенно в сферах ИИ и big data, получая уникальную возможность работать с российскими научными коллективами и осваивать передовые знания.

Развитие межкультурной коммуникации становится ключевым аспектом обучения. Длительное пребывание в России позволяет студентам глубже понимать обе культуры, вырабатывая способность переключаться между культурными парадигмами и находить нестандартные решения. В управлении международными компаниями это помогает применять разнообразные концепции, внедряя инновационные стратегии.

Глобализация расширяет перспективы: растущее сотрудничество между странами открывает студентам доступ к международным инициативам и межкультурному взаимодействию, формируя глобальное мышление.

2. Влияние на развитие российско-китайских отношений

С ростом компетенций китайские студенты в России активнее включаются в новые сферы сотрудничества, включая зеленую энергетику. Их участие в проектах солнечной и ветровой энергетики укрепляет двусторонние связи и способствует устойчивому развитию.

Студенты выступают послами культурного обмена, углубляя взаимопонимание между народами. Они популяризируют китайскую культуру в России и знакомят Китай с российскими традициями, создавая основу для долгосрочных отношений.

Возрастающая роль студентов в стратегическом партнерстве проявляется в их участии в высокоуровневых консультациях, народной дипломатии и совместных проектах. С ростом числа и квалификации они становятся ключевыми участниками двустороннего сотрудничества.

Как отмечено в статье Ван И [7] в "Жэньминь Жибао" (3.10.2024), китайско-российские отношения за 75 лет достигли высокого уровня доверия и устойчивости

Заключение

На новом этапе исторического развития обе страны должны учитывать современные тенденции и ожидания народов, сохраняя традиции и внедряя инновации. Китайско-российские отношения должны излучать новую энергию, способствуя благосостоянию народов и внося вклад в мировое развитие.

Анализируя современное состояние Китая, важно учитывать влияние западной культуры - от восприятия до культурного обмена. Этот процесс становится новым "Шелковым путем" возрождения китайской культуры. Студенты в России, находясь на пересечении исторических возможностей, должны развивать "стратегическое мышление и дух мастера", интегрируя личный рост в контекст китайско-российских отношений.

Таким образом, осознавая свою роль, молодежь может формировать будущее своих стран и влиять на мировой порядок, способствуя гармонии и совместному развитию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван Цзаянь, Гао Хуэймин. Исследование онлайн-методов распространения китайской культуры среди студентов, обучающихся в России // Научный народ (Научное образование), 2019. №12). (王嘉滢, 高慧敏. 留俄大学生中国文化线上传播路径探讨[J].科学大众(科学教育),2019. №12.)
2. Вэнь Хуньву. Укрепление культурной уверенности и ускорение продвижения китайской культуры за рубеж // Теоретические горизонты, 2017. №3. С. 5–9. (文宏武. 增强文化自信加快推进中华文化走出去[J].理论视野,2017, (03):5-9.)
3. Ли Дундун. Способность студентов к распространению китайской культуры: определение понятия, современное значение и построение системы // Журнал социальных наук Харбинского педагогического университета, 2017. № 8(02). С. 173–176. (李敦东. 大学生中国文化传播能力:概念界定、时代内涵与体系构建[J].哈尔滨师范大学社会科学学报,2017,8(02):173-176.)
4. Лян Чао. Исследование укрепления сознания общей нации среди китайских эмигрантов и китайцев за границей // Журнал Чанчжицкого педагогического университета, 2021. №37(06). С. 62–69. (梁超. 铸牢华侨华人中华民族共同体意识研究[J].长江师范学院学报,2021,37(06):62-69.)
5. Си Цзиньпин: китайская культура — это общая душа для китайских детей как на родине, так и за границей» 6 июня 2014 года // Синьхуа.net. URL: http://www.xinhuanet.com//politics/201406/06/c_l111025922.html (дата обращения: 12.03.2024) (习近平中华文化是海内外中华儿女共同的魂》. 2014年6月6日.新华网: http//wwwxinhuanet.eom//politics/201406/06/c_l 111025922 html.)
6. Сюй Сян. Исследование распространения китайской культуры в международных социальных сетях — на основе анализа популярных видео на YouTube // Журнал Чунцинского университета почты и телекоммуникаций (социальные науки), 2014. №26(03). С. 129–133. (徐翔. 中国文化国际社交媒体传播研究——基于YouTube热门视频的分析[J].重庆邮电大学学报(社会科学版),2014,26(03):129-133.).
7. Ху Сяоминь. Как рассказать китайскую историю? — Некоторые теоретические и практические вопросы «выхода китайской культуры за границу» // Журнал Восточно-Китайского педагогического университета (философия и социальные науки), 2013. №5. С. 112–116. (胡晓明. 如何讲述中国故事?——"中国文化走出去"的若干理 论与实践问题[J]华东师范大学学报(哲学社会科学版)， 2013(05).)
8. Чэнь Су. Исследование теоретических инноваций и практических мер концепции внешней дипломатии Си Цзиньпина. Юго-западный университет, 2024. С. 24-29. (陈夙. 习近平周边外交理念的理论创新与实践举措研究[D].西南大学,2024.)

© Сюй Цзин (838292701@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.05–2.45

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ НЕКОТОРЫХ ПАРТИЙ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF SOME PARTIES IN RUSSIA AT THE TURN OF THE XIX - XX CENTURIES

O. Shepeleva
S. Vasiljev
A. Burova
V. Chasovskaja

Summary: The article provides a retrospective analysis of the formation of environmental policy and the formation of the "green" political movement in Russia during the 19th and 20th centuries and examines the characteristics of environmental parties. The main directions are revealed, examples of their activities are given, and the impact on modernity is assessed.

Keywords: politics, party, environmental awareness, sustainable development, legislation.

Шепелева Ольга Петровна
Кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, Ленинградский Государственный Университет им. А.С. Пушкина, г. Санкт-Петербург
shepelevaop@mail.ru
Васильев Сергей Александрович
Ленинградский Государственный Университет им. А.С. Пушкина, г. Санкт-Петербург
Carpfish57@yandex.ru
Бурова Анна Юрьевна
Кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский филиал Финансового Университета при правительстве РФ
Часовская Виктория Валерьевна
Кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, Санкт-Петербургский Государственный Лесотехнический университет им. С.М. Кирова
Vika0578@mail.ru

Аннотация: В статье дается ретроспективный анализ становления политики и формирования экологического политического движения в России в период 19–20 века, рассматривается характеристика экологических партий. Раскрываются основные направления, приводятся примеры их деятельности, оценивается влияние на современность.

Ключевые слова: политические партии, экологическое сознание, устойчивое развитие, законодательство.

Экологическое сознание - одна из важнейших частей, формирующих наш социум, как с точки зрения реализации и развития промышленности, так и влияния на повседневную жизнь человека, как индивидуума.

И экологическое сознание, что не удивительно, отразилось и на политической жизни человека, например, в начале 20-го века появился ряд экологических партий, как отражение зарождающегося экологического воспитания.

Во время революции 1917 года в России - некоторые партии выдвигали ряд тезисов, благодаря которым их можно отнести к зеленым партиям. Несмотря на преимущественно антропогенный подход, особенно в марксистских политических образованиях, и тезисы о преимуществе человека над природой, вопросы экологии использовались, как один из инструментов политической борьбы через призму аграрного вопроса. Например, Конституционно-монархический правый союз, Русская монархическая партия и Партия правопорядка – предлагали проекты расселения избыточного населения, что в свою очередь снизило бы влияние на местные биоценозы и помогло избежать переуплотнения, оскудения почвы [1].

Так же, ими было предложено начать мелиоративные работы и расширить область их применения на участках, используемых для сельского хозяйства [3]. Для России того времени это была новая идея, которая до этого не масштабировалась на большую территорию страны, которую позже адаптирует советское правительство.

Правые партии России того периода были гораздо более экологически ориентированы и предлагали своё решение для ряда вопросов, исходя из имеющихся на тот период времени знаний, но они были далеки от полноценного анализа и понимания сложившейся экологической ситуации [4].

Можно проследить преемственность от экологических программ партий тех времен к современному законодательству.

Конституционно - демократической партией на VIII

съезде 9–12 мая 1917 был выдвинут первый прототип экологического законодательства – был выдвинут тезис о том, что леса, как и большая часть природных ресурсов, должны находиться в собственности государства, а, соответственно, над ними должен осуществляться государственный надзор. Схожие формулировки можно найти в современном российском законодательстве, например, в Федеральном законе "Об охране окружающей среды" [5].

В свою очередь, Партия Социалистов-революционеров (Эсэры) предлагала ввести контроль над использованием лесов, как части природных ресурсов страны (пункт об урегулировании рубки лесов), а также предложили разделить имения по критериям, выделив из общего количества "Особо ценные" для дальнейшего использования. Это можно считать, как основой для современной систематики хозяйственных почв, так и прообразом "Земельного кодекса Российской Федерации" [2].

Революционное противостояние носило в основном политический характер, однако, некоторые исследователи данной темы выделяли экологический конфликт, как одну из его важных составляющих [7].

Действительно, при изучении политических лозунгов и деклараций – становится ясно, что экологический вопрос, пусть и не рассматривался, как основной, но был одним из элементов политической технологии, через реализацию которой – можно было получить поддержку новых сторонников при зарождающихся зачатках экологической осознанности в революционном обществе.

С одной стороны, правые "белые" хотели реализовать защиту интересов сограждан через более консервативную экологическую повестку: сохранение земель в руках людей, непосредственно, работавших на этой земле и имеющих представление о том, как лучше регулировать использование и сохранять природные ресурсы, находящиеся у них в собственности, обеспечение доступа населения к водным ресурсам, постепенно реализуя программу реформ, например, мелиорацию на участках, используемых для сельского хозяйства [3,7].

С другой стороны, левые "красные" партии – были в меньшей степени заинтересованы в решении экологических вопросов, но предлагали более форсированный вариант исполнения своих экологических программ.

Но после победы в гражданской войне левые политики, помимо части своих задач в рамках решения имеющихся проблем экологической направленности – адаптируют некоторые, выдвинутые их политическими оппонентами.

В Западной Европе, в отличие от России, экологически ориентированные партии имели преимущественно левую политическую направленность, предположительно, чтобы подкрепить политический капитал взаимодействием с профсоюзами, обеспокоенными экологической ситуацией, получив при этом дополнительных сторонников.

В Германии создается коалиция "Зеленая партия Германии», в Нидерландах - «Левые Зеленые», во Франции – "Французская социалистическая партия», а старейшей "зеленой" структурой, осуществляющую политическую деятельность – является "Экологическая партия Великобритании", основанная в 1973 году [6].

В первую очередь, политические ячейки начали развиваться в странах с развитым промышленным капиталом, а значит высокой степенью антропогенного воздействия на окружающую среду, вследствие развития промышленности.

Несмотря на имеющийся электорат, в своих странах они оказывали небольшое политически-экономическое влияние, но были представлены в мире, а следствием их деятельности – стало принятие в ООН концепции «Устойчивого развития» [6].

В заключении отметим, что человечество на протяжении всей своей истории предпринимало попытки снизить нагрузку на окружающую среду, сформировать экологические концепции, которые позволят это осуществить, что отразилось и на его политической жизни. Вопросы экологии – не только удобная тема для заработка политических очков, но и важный вопрос актуальной действительности и будущего человечества. Последствия деятельности экологических партий 20-го века мы можем наблюдать и сегодня, как в отголосках их политических программ в современном законодательстве и международных хартиях экологического характера, так и в партийной деятельности современных эколого-политических формированиях, экологической культуре современных людей, отчасти вдохновленной их деятельностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абросимов А.В. Использование космических снимков и геоинформационных технологий для мониторинга мест складирования отходов / А.В. Абросимов, Л.В. Шешукова, Д.Б. Никольский // Геоматика. – 2013. – №1. – С. 68–74.

2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 30.12.2020) //Консультант Плюс: справочно-правовая система. / [Электронный ресурс].- URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/ (Дата обращения: 10.12.2024).
3. Канищев В.В., Цинцадзе Н.С. Социоестественные аспекты российской революции 1917 г //История и современность. – 2017. – №. 2 (26). – С. 5–21.
4. Протасов Л.Г. Вопросы экологии в программатике политических партий России начала XX века // Экологические проблемы модернизации российского общества в XIXпервой половине XX вв.: материалы межрегиональной конференции. Тамбов, 5–6 окт. 2005 г/ отв. ред. В.В. Канищев. Тамбов: Издательство ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. С. 20–29.
5. Федеральный закон "Об охране окружающей среды" от 10.01.2002 N 7-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Консультант Плюс: справочно-правовая система. / [Электронный ресурс].- URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/cd02477ea2 aa8c7527091799e718cadfcfb04c4d/ (Дата обращения: 10.12.2024).
6. Шуленина Н.В. Западноевропейские «Зеленые»: от экологических движений к партийным структурам // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2007. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zapadnoevropeyskie-zelenye-ot- ekologicheskih-dvizheniy-k-partiynym-strukturam (дата обращения: 09.12.2024).
7. González de Molina M., Herrera A., Ortega Santos A. Peasant Protest as Environmental Protest. Some cases from the 18th to the 20th century //Global Environment. – 2009. – Т. 2. – №. 4. – С. 48-77.

© Шепелева Ольга Петровна (shepelevaop@mail.ru), Васильев Сергей Александрович (Carpfish57@yandex.ru),
Бурова Анна Юрьевна, . Часовская Виктория Валерьевна (Vika0578@mail.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.05–2.02

ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАДЕТСКОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

EDUCATIONAL SPACE OF A CADET EDUCATIONAL ORGANIZATION IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION

A. Asriev
Sh. Ondar

Summary: Modern problematization of development of educational space of cadet educational organization reveals problems of considering risks and use of digitalization potentials. If the former is discussed quite often, then the latter have been studied much less. At the same time, the nature and quality of changes allow us to talk about digital transformation, when instead of superficial changes a new essence, new structural components, and new content of educational space of cadet educational organization appear. Cultural, social, and personal contexts of socio-cultural reality in which cadet education develops are characterized. Transformations of educational space of cadet educational organization are studied as radical changes caused by emergence of values of information society, socially approved forms and models of organization of education associated with sixth technological order, change of consciousness and worldview of «digital man». Authors of the article address problem of development of educational space of cadet educational organization using methodological possibilities of category «hybridity» and make attempt to design hybrid environmental components. The characteristics of hybrid activity spaces, hybrid communication and social structures, hybrid possibilities of immersion of a cadet in various cultural practices are given. The article reveals the possibilities of emergence of new eventfulness using hybrid components of educational space of a cadet educational organization.

Keywords: digital transformation, environment, educational space, hybridity, cadet educational organization.

Асриев Андрей Юрьевич
доктор педагогических наук, доцент, декан, Омский государственный педагогический университет
asriev_okk@mail.ru
Ондар Шанаан Олегович
Омский государственный педагогический университет
won986@rambler.ru

Аннотация: Современная проблематизация развития воспитательного пространства кадетской образовательной организации открывает проблемы учета рисков и использования потенциалов цифровизации. Если первые обсуждаются достаточно часто, то вторые изучены значительно меньше. Вместе с тем, характер и качество изменений позволяют уже говорить о цифровой трансформации, когда вместо поверхностных изменений появляется новая сущность, новые структурные компоненты и новое содержание воспитательного пространства кадетской образовательной организации. Поучают характеристику культурные, социальные и личностные контексты социокультурной реальности, в которой развивается кадетское образование. Трансформации воспитательного пространства кадетской образовательной организации исследуются как радикальные изменения, обусловленные появлением ценностей информационного общества, социально одобряемых форм и моделей организации образования, связанных с шестым технологическим укладом, изменением сознания и мировоззрения «цифрового человека». Авторы статьи обращаются к проблеме развития воспитательного пространства кадетской образовательной организации с использованием методологических возможностей категории «гибридность» и делают попытку проектирования гибридных средовых компонентов. Даны характеристики пространств гибридной деятельности, гибридных коммуникационно-социальных структур, гибридных возможностей погружения кадета в различные культурные практики. В статье раскрываются возможности появления новой событийности с использованием гибридных компонентов воспитательного пространства кадетской образовательной организации.

Ключевые слова: цифровая трансформация, среда, воспитательное пространство, гибридность, кадетская образовательная организация.

Кадетское образование России – педагогическая система, обладающая колоссальными возможностями формирования личности воспитанников. Одним из ведущих факторов воспитания в кадетских образовательных организациях выступает воспитательная среда, с одной стороны, отражающая черты школьной среды, а, с другой, военной. Среда кадетской образовательной организации, безусловно, остается открытой, однако, в ее формировании значительно больше целенаправленного, чем стихийного. Средовые ценности, средовые нормы и образцы здесь определены военной культурой, воссоздаются специально и обеспечивают появление личности заданного типа (социальный заказ). Предметно-пространственное окружение в значительной степени символизировано и связано со смыслами военной службы и ценностями офицерского корпуса. Поведенческое окружение кадета создают офицеры – носители ценностей, а информационное, в отличие от обычной школы, частично регулируется. Огромное значение имеет микросреда – первичные кадетские коллективы с выраженным ценностно-ориентационным единством и действенным коллективным воспитанием. Проектирование среды кадетской образовательной организации – целенаправленная педагогическая деятельность, обеспечивающая среде определенную направленность (В.А. Ясвин [1]) и трофику (Ю.С. Мануйлов [2]). Результатом проектирования и

реализации проекта среды становится целесообразное воспитательное пространство – специальным образом организованный, субъективно переживаемый воспитанником пространственно-временной континуум – инструмент опосредованного управления развитием кадета (Н.М. Борытко [3]). «Воспитательное пространство, – как его определила М.Г. Резниченко, – динамичная, многоуровневая, социально-педагогическая система, функционально объединяющая: подсистему личностно-профессионального развития, инициирующая развитие потенциала …; подсистему институциональную, сохраняющую преемственность …; подсистему событийно-временную, включающую упорядоченную совокупность взаимосвязанных событий» [4, 11]

Отечественные концепции воспитательной среды (Н.И. Иорданский, С.Т. Щацкий, В.Н. Шульгин и др.) утверждают ее непосредственную связь с внешней социокультурной средой, поскольку многочисленные попытки воспитать «совершенного человека» в изоляции ни разу не увенчались успехом. В этой связи процессы проектирования воспитательного пространства кадетской образовательной организации обусловлены состоянием и тенденциями развития социокультурной среды. Ведущей из таких тенденций остается цифровизация. Очевидно, темпы и качество цифровизации в обозримом будущем останутся таковыми, что смогут не просто внести определенные трансформации в среду, но изменить принципы средообразующей педагогической деятельности. Уже сегодня поднимается вопрос о характерных особенностях проектирования воспитательного пространства и опосредованного управления развитием личности кадета в гибридной среде жизнедеятельности воспитанника. Необходима проблематизация воспитательного пространства кадетской образовательной организации в условиях цифровизации, т.е. помещение имеющегося знания в новые, более широкие контексты [5], связанные с изменением природы внешней социокультурной среды.

«Воспитывающая среда, - пишет В.Ю. Ромайкин, – с точки зрения внешних сущностных характеристик – это определенная общность людей и их организация, созданная с целью реализации конкретных воспитательных задач и дающая возможность (воспитанникам) раскрыть свой потенциал; с точки зрения внутренних сущностных характеристик - это такая организация жизнедеятельности детей, в которой посредством определенного системообразующего компонента создается особая педагогическая атмосфера, в которой проявляется оптимальное сочетание взаимоотношений ребенка со средой, побуждающей его быть самостоятельным, активным, проявлять устойчивость своих взглядов в сочетании с гибкостью своей позиции, определяемой складывающимися обстоятельствами и возникающими условиями» [6, с.11].Вместе с тем, в теориях средового подхода воспитывающая среда – не отвлеченное явление, она есть непосредственно среда обитания и жизнедеятельности воспитанника, которая в условиях цифровизация характеризуется трансграничностью, смешением компонентов физической, социальной и кибер-реальности, образованием средовых компонентов новой гибридной природы. Очевидно, что такой же уровень сложности и характеристики должно иметь специально создаваемое воспитательное пространство, иначе оно рискует превратиться в «очередную лабораторную колбу для выращивания идеального человека». Следует также иметь в виду заключение В.И. Слободчикова [7] о том, что воспитательным пространством становится только та часть среды, которая принимается воспитанником в свой субъектный мир.

Цифровая трансформация социокультурной среды «прослеживается» далеко не только как результат бурного развития IT-технологий. Она следствие более глубоких и фундаментальных изменений, захватывающих культурные, социальные и антропологические контексты социокультурной реальности. Образование, и кадетское образование не исключение – одна из радикально меняющихся практик. В первую очередь, меняются культурные основания, т.н. протонормы образования. В число безусловно разделяемых детьми прочно входят информационные ценности: обладания информацией (средствами, правами и доступами), нахождения в информационном потоке, множественной идентификации, сетевого перфоманса и пр. «Информация, - пишет Е.Е. Алтынкович, – мерило и культурная ценность новой реальности» [8, с. 9]. Изменения социально одобряемых форм организации наглядно проявляются в e-learning, цифровых образовательных средах, дистанционных форматах, образовательных экосистемах и многом другом. Следует прогнозировать скорую проекцию на систему образования шестого технологического уклада [9]. В личностных контекстах меняется сам субъект образования, «на сцене» появляется неизвестный «цифровой человек», «(homoinformaticus) – «сетевая личность», с трансформирующейся сферой коммуникаций, глобальными и усложняющимися социальными взаимосвязями, культурой новых возможностей» [8, с. 11].

Для изучения трансформаций воспитательного пространства кадетской образовательной организации и методов средового проектирования в условиях цифровизации целесообразно применение методологических установок теорий гибридности и исследовательских потенциалов концепта «гибридность». Его современный дискурс таков, что любая гибридность несет в себе признаки инаковости, необычности [10], ею обозначают трансграничность и смешение [11]. Вместе с тем гибридные компоненты – результат специальной селекции, отбора нужных черт, выращивания, которые становятся частью проектирования воспитательного пространства.

Проектирование, в свою очередь, представляет собой часть средообразующей деятельности [1].

Теории гибридности часто сочетаются со средовым подходом в педагогике, поэтому словосочетание «гибридная среда» активно используется учеными. Однако, далеко не все исследования направлены именно к гибридной природе объекта. «Гибридность, – считает А.Ю. Черепанов, – (это) процесс приспособления социальных форм к новым условиям существования с включением иных компонентом и последующим формированием нового. Данное свойство появляется как следствие изменения онтологических и культурных оснований (социальных отношений) и обусловлено неоднозначной социальностью: сложностью и многокомпонентностью социального пространства и социальной деятельности» [12, с. 7]. Как прилагательное, «гибридный» употребляют чаще всего для обозначения сочетания и взаимозаменяемости физических и кибернетических компонентов, цифровых и аналоговых данных. Подобные сочетания – не редкость, ими пользуется целый ряд педагогов – инноваторов. Широкое, иногда даже насильственное распространение IT-технологий в образовании уже создали ситуацию тотального релятивизма, при котором производятся попытки замены цифровыми аналогами любых компонентов педагогических систем. Но, речь, на наш взгляд, не о сочетании, а о взаимопроникновении, меняющем суть явлений таким образом, который предстоит исследовать и охарактеризовать. Трансформации воспитательного пространства кадетской образовательной организации в условиях цифровизации – это создание и отбор средовых компонентов особой, гибридной, искусственно выведенной в интересах воспитания природы, а затем, организация на их основе опосредованного управления формированием личности воспитанника. Предполагаем большее, гибридность как принцип должна быть специально использована для решения актуальных педагогических задач, в т.ч. для задачи проектирования воспитательных пространств. С использованием концепта «гибридность» познаются современные характеристики предметно-пространственного, поведенческого, информационного и событийного окружения воспитанника, особенности проектирования, наполнения пространства и организации взаимодействия воспитанника со средой.

Структура и содержание воспитательного пространства раскрывается в двух группах теорий. В первой, воспитательное пространство представлено через различные виды средовых окружений (Н.М. Борытко, Л.И. Новикова, Н.Е. Щуркова, В.А. Ясвин и др.), наполненных субъективно переживаемыми смыслами, связанными с ценностями воспитания. Главными в такой структуре выступают предметно-пространственное, поведенческое, информационное и событийное окружение. Определяющими характеристиками среды становятся средовый тип личности и образ, уклад жизни. Вторая группа теорий (Ю.С. Мануйлов, В.Ю. Ромайкин, И.И. Сулима, Н.В. Ходякова и др.) выделяют в структуре ниши (пространства возможностей), стихии (пространства деятельности, сопричастности) и меченных (субъектов, формирующих ниши и захваченных стихиями). Среда при таком взгляде характеризуется трофикой – способностью влиять на личность, а ее главной содержательной единицей выступает – Со, (совместное) бытие'.

Цифровая трансформация воспитательного пространства, как видно, создает, как минимум, три измерения каждого из перечисленных структурных компонентов:

— в первом остаются хорошо нам знакомые традиционные компоненты физического и социального пространства. Они, в частности, подробно охарактеризованы В.Ю. Ромайкиным [6] и не нуждаются в дополнительных пояснениях;
— во втором эти компоненты представлены в цифровом формате, через симуляции – цифровые модели «референциального сущего, субстанции» [13, с. 5], а также через симулякры – «порождение моделей реального без оригинала и реальности: гиперреального» [13, с. 5]. Оставаясь самими собой, компоненты двух первых измерений образуют дополненную (AR) и смешанную реальность (MR), где они без противоречий дополняют друг друга, поскольку релевантны, взаимозаменяемы и используются одновременно;
— в третьем, они сливаются в различные гибриды, где происходит не просто дополнение, а взаимопроникновение и появление принципиально новых компонентов, которые не могут существовать в первом и втором измерениях. Очевидно, гибридность есть новый взгляд на воспитательное пространство и новый способ его познания. Гибридность как принцип предполагает целенаправленность педагогического формирования пространства из среды жизнедеятельности, где давно исчезли противоречия физического и цифрового. «Для получения требуемого гибрида, обладающего определенными свойствами, нужна селекция как метод отбора гибридов на основе определенных критериев» [14, с. 71]. Селекция гибридов, управляемые изменения цифровой среды – один из путей разрешения проблемы цифровой трансформации при том условии, что она перестает быть вынужденной реакцией на вызовы и приобретает управляемый характер.

В предметно-пространственном окружении кадета в процессе цифровизации, например, помимо число цифровых компонентов может быть сформировано пространство, где «…где неэффективно, а в ряде случаев, – просто невозможно, использовать только одну группу инструментов воздействия на важнейшие це-

левые аудитории» [15, с. 141]. На наш взгляд, самым ярким примером такого качества является Музейный комплекс «Дорога Памяти» в парке «Патриот» (г. Москва). Полноценная экскурсия кадет в музей дает не просто погружение в реальность, но создает возможности практической творческой деятельности. По своим характеристикам и воспитательным потенциалом музейный комплекс еще долго будет оставаться непревзойденным культурным образцом воспитательного пространства, уже сегодня на его базе возможно планирование воспитывающей гибридной деятельности кадет. Пространства, стремящиеся к подобному качеству, представляют собой эффективные ниши – потенциальные возможности личности. Гибридные ниши служат инфраструктурной основой новой событийности кадетской образовательной организации.

В поведенческом окружении, наряду с привычными и инновационными цифровыми компонентами приобретают значительное влияние сетевые сообщества (от социальных сетей до сообществ практики), значительно расширяющие контакты и возможности коммуникаций, границы ценностно-смыслового обмена. По сути, это гибрид цифровых коммуникаций и социальных структур. В сетевых сообществах на основе IT-решений происходит «… взаимопроникновение, взаимовлияние коммуникаций и социального пространства и формирование операционных пространств, в которых потенциал воздействия социального действия и коммуникации является, как минимум, сравнимым или равнозначным» [15, с. 172]. Нормы и образцы поведения, отношения к ценностям военной службы кадеты теперь могут перенимать от субъектов, педагогическое взаимодействие с которыми ранее было физически невозможно. Более того, принципы сети предполагают равные партнерские отношения взаимодействующих субъектов и другие характеристики взаимодействия, точно отвечающие значению глаголов с приставкой Со- (созерцание, сосредоточение, соотнесение, соизмерение, сопоставление, сомнение, сочувствие, сопереживание, сострадание, соучастие, содействие, создание, сотрудничество, совершенствование, согласие, сосуществование, сопротивление, соперничество, состязание, соревнование, сохранение, соблюдение, согласование, соподчинение, соуправление, сообщение, сопровождение и др.)[16]. Исследование и использование потенциалов сетевых сообществ расширяют вторую составляющую событийности – детско-взрослую событийную общность.

Информационное окружение в гибридном измерении «прирастает» культурными практиками, в которые может погружаться кадет. Фактически, безразмерным становится внешнее социокультурное пространство, обеспечивающее богатство воспитательной среды. Оно создает новую событийную повестку, задает контексты новых событий. Суммируя, можно предположить, что в итоге цифровых трансформаций возникают определенные риски (в большей степени, связанные с недостаточным познанием явления) и, одновременно, новые возможности повышения эффективности воспитательной среды, как минимум, за счет создания новой событийности.

Таким образом, цифровая трансформация как тенденция развития образовательной среды современной кадетской образовательной организации создает дополнительные возможности превращения ее в целесообразное воспитательное пространство. Гибридные компоненты среды, возникающие в процессе цифровизации, дают возможность организовывать дополнительные и уникальные средовые ниши и стихии, при этом, особым потенциалом воспитания они обладают за счет создания событийности на основе трансграничных компонентов, смешения физической, кибер и социальной реальностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ясвин В.А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию / В.А. Ясвин. – М.: Смысл, 2001. – 365 с.
2. Мануйлов Ю.С. Средовой подход в воспитании: дис. . . д-ра. пед. наук: 13.00.01 / Мануйлов, Юрий Степанович. – М., 1997. – 193 с.
3. Борытко Н.М. В пространстве воспитательной деятельности: Монография / Н.М. Борытко. – Волгоград: Перемена, 2001. – 181 с.
4. Резниченко, М.Г. Формирование воспитательного пространства вуза: дис. ... д-ра. пед. наук: 13.00.08 / Резниченко Мария Геннадьевна. – М., 2009. – 474 с.
5. Хакуз П.М., Гура, А.Ю. О содержании понятия «проблематизация» / П.М. Хакуз, А.Ю. Гура // Общество: философия, история, культура. – 2016. – №.11. – С. 23–26.
6. Ромайкин, В.Ю. Формирование воспитывающей среды кадетского корпуса: дис. ... д-ра. пед. наук: 13.00.01 / Ромайкин, Вячеслав Юрьевич. – Ярославль, 2004. – 288 с.
7. Слободчиков В.И. О понятии образовательной среды в концепции развивающего образования / В.И. Слободчиков. – М.: Экопсицентр РОСС, 2000. – 230 с.
8. Алтынкович Е.Е. Динамика культурных ценностей личности в информационном обществе: автореф. дис. ... канд. философ. наук: 09.00.13 / Алтынкович Елена Евгеньевна. – М., 2016. – 26 с.
9. Образование для сложного общества [электронный ресурс] // Доклад GlobalEducationFutures. – URL: https://vcht.center/wp-content/uploads/2019/06/Obrazovanie-dlya-slozhnogo-obshhestva.pdf (дата обращения 15.03.2025)
10. Василенко Л.А., Мещерякова Л.Н. Гибридность цифрового общества: инновационная реальность или утопия? / Л.А. Василенко, Л.Н. Мещерякова // Философия науки и техники. – 2023. – Т.28, № 1. – С. 48–65

11. Морозова Е.В., Мирошниченко И.В. Гибридные политические институты в современных политиях / Е.В. Морозова, И.В. Мирошниченко // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). – 2015. – № 3. – С. 34–46, с. 34–46
12. Черепанов А.Ю. Гибридность как универсальное свойство войны: сущность и исторические формы: автореф. дис. ... канд. философ. наук: 5.7.7. / Черепанов Андрей Юрьевич. – Волгоград, 2022. – 23 с.
13. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр. – М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. – 240 с.
14. Сенашенко В.С., Макарова А.А. О гибридной природе реформаторских изменений традиционной структуры инженерного образования / В.С. Сенашенко, А.А. Макарова // Университетское управление: практика и анализ. – 2020. – Т. 24. – № 1. – С. 68–81
15. Евстафьев Д.Г. Социо-коммуникационная гибридность как свойство современного информационного общества / Д.Г. Евстафьев // Коммуникации. Медиа. Дизайн. – 2018. – Т. 3., № 4. – С. 140–158
16. Мануйлов Ю.С. Язык «Со-» [электронный ресурс] / Ю.С. Мануйлов // Общественная научная лаборатория среды и средовых исследований в образовании. – URL: https://sreda-lab.narod.ru/index/0-7 (дата обращения 15.03.2025).

© Асриев Андрей Юрьевич (asriev_okk@mail.ru), Ондар Шанаан Олегович (won986@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.05–2.03

ОРГАНИЗАЦИЯ И СОДЕРЖАНИЕ ЛОГОПЕДИЧЕСКОЙ РАБОТЫ ПО ПРЕОДОЛЕНИЮ ДИСЛЕКСИИ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С ОБЩИМ НЕДОРАЗВИТИЕМ РЕЧИ[1]

ORGANIZATION AND CONTENT OF SPEECH THERAPY WORK TO OVERCOME DYSLEXIA IN YOUNGER SCHOOLCHILDREN WITH GENERAL SPEECH UNDERDEVELOPMENT

E. Barcaeva
E. Perepyolkina

Summary: The article describes the process of organizing an experiment aimed at overcoming dyslexia in younger schoolchildren with general speech underdevelopment, and summarizes the results obtained. The relevance of the targeted study of dyslexia in this category of children is substantiated. The following reading skills were chosen as the main parameters of the study: fluency, correctness, awareness, and expressiveness. The results of the study indicate that younger students with dyslexia have significant deficiencies in the formation of all components of reading. The authors of the article reveal in detail the substantive aspect of the developed speech therapy classes aimed at overcoming dyslexia in the studied children. In conclusion, the data confirming the positive dynamics in overcoming dyslexia in younger schoolchildren with general speech underdevelopment after the training are presented.

Keywords: reading, fluency in reading, correctness of reading, awareness of reading, expressiveness of reading, dyslexia, primary school students, general speech underdevelopment.

Барцаева Елена Васильевна
кандидат педагогических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева», (г. Саранск)
ezhovkina.elena@mail.ru
Перепёлкина Екатерина Владимировна
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева», (г. Саранск)
ekaterina.perepiolkina@mail.ru

Аннотация: В статье изложен процесс организации эксперимента, направленного на преодоление дислексии у младших школьников, имеющих общее недоразвитие речи, а также обобщены полученные результаты. Обоснована актуальность целенаправленного изучения дислексии у данной категории детей. В качестве основных параметров исследования были выбраны следующие навыки чтения: беглость, правильность, осознанность и выразительность. Результаты исследования свидетельствуют о том, что у младших школьников с дислексией наблюдаются значительные недостатки в сформированности всех компонентов чтения. Авторы статьи подробно раскрывают содержательный аспект разработанных логопедических занятий, направленных на преодоление дислексии у исследуемых детей. В заключение приведены данные, подтверждающие положительную динамику в преодолении дислексии у младших школьников с общим недоразвитием речи после проведённого обучения.

Ключевые слова: чтение, беглость чтения, правильность чтения, осознанность чтения, выразительность чтения, дислексия, младшие школьники, общее недоразвитие речи.

Введение

Современная система начального школьного обучения ориентирована на повышение качества овладения младшими школьниками навыками письменной речи, особенно чтением. Это обусловлено значимостью чтения в полноценном освоении учащимися многих учебных дисциплин и учебной деятельности в целом, а также повышением качества их социокультурного общения со сверстниками и взрослыми, речевой культуры.

С современных научных позиций дислексия рассматривается как специфическое нарушение письменной речи, проявляющееся в недостатках и трудностях овладения чтением. В качестве ее основных проявлений согласно А.Н. Корневу, Р.И. Лалаевой, М.Н. Русецкой, Л.Ф. Спировой и др., выступают стойкие ошибки грамматического характера, низкая скорость прочтения текста, пропуски, перестановки и смешивание букв, отсутствие выразительности, непонимание смысла прочитанного и пр.

Повышенные риски возникновения дислексии, ча-

1 Работа выполнена в рамках гранта на проведение научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям научной деятельности Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева по теме «Научно-методические аспекты коррекционно-развивающей работы с детьми с ограниченными возможностями здоровья»

стота ее распространенности среди младших школьников с общим недоразвитием речи (ОНР) актуализируют необходимость организации и проведения специальной коррекционно-логопедической работы по ее преодолению, по обеспечению условий развития наиболее полноценного навыка чтения, начиная с учащихся первых классов.

Правильно сформированный навык чтения характеризуется через четыре основных составляющих: правильность, беглость, сознательность и выразительность. Первая составляющая – правильность рассматривается как чтение без ошибок, искажений, препятствующих передаче, и понимаю смысловой стороны текста. В данном случае к ошибкам причисляют: искажения звукобуквенного состава слов; повторы единиц чтения (букв, слогов, слов, словосочетаний, предложений); нарушения литературных норм произношения (ошибочное ударение, чтение в соответствии с написанным образом, а не с произношением) [6].

Беглость, как компонент правильного навыка чтения, характеризуется в качестве скорости прочитывания текста за единицу времени (1 минуту). При этом важно не только количество произнесенных языковых единиц, но и их правильное восприятие и понимание. Этот параметр взаимосвязан с длительностью остановок, совершаемых читающим, и от поля чтения. Под полем чтения понимают часть написанного, которую охватывает читающий за один прием, после чего происходит фиксация (остановка). Именно посредством остановки осуществляется осознание прочитанного – закрепление и осмысление. У детей, начинающих осваивать навык, остановок совершается гораздо больше, чем у детей, уже хорошо освоивших чтение [4].

Сознательность, как составляющая навыка чтения, выступает в качестве понимания смысла текста, его идеи, замысла автора, образов и художественных средств. Этот компонент взаимосвязан с пониманием лексических значений и грамматических связей, а также имеющегося жизненного опыта, читающего [2].

Последняя составляющая навыка чтения – это выразительность. Она понимается, как способность читающего передавать смысл текста и собственное отношение через интонационно-выразительные средства устной речи [2].

Рассматривая особенности работы по преодолению дислексии у учащихся с ОНР, А.В. Ястребовой было определено, что направлением коррекционно-развивающего воздействия является развитие и совершенствование навыков устных высказываний, а также становление основ речемыслительной деятельности и психологических первооснов чтения. Важным является одновременность работы над всеми системами языка. Кроме того, в процессе работы над совершенствованием умений и навыков устной речи необходимо закреплять слухо-произносительные, зрительно-слуховые и слухо-моторные связи, обеспечивающие полноценное развитие навыков чтения, а также способствующие обогащению лексико-грамматического строя детей [7].

Построение содержания логопедического воздействия при преодолении дислексии у младших школьников с ОНР происходит с опорой на определенную методику. Сегодня в логопедии существует достаточное количество методик в данном направлении. Так, одной из самых популярных и часто применяемых специалистами является методика, предложенная Р.И. Лалаевой. В зависимости от вида нарушений и недостатков процесса чтения, характерных для младших школьников с ОНР, автором предложены различные варианты содержания работы. При наличии недоразвития основных функций фонематической системы (фонематического восприятия, анализа, синтеза), обуславливающей появление фонематической дислексии, предлагается работать по следующим направлениям: развитие фонематического восприятия, т. е. способности к слухопроизносительной дифференциации фонем; формирование навыка чтения прямого открытого слога с ориентировкой на последующую гласную фонему; развитие способности к языковому анализу и синтезу; формирование умения проводить анализ предложения на слова; развитие способности к слоговому анализу и синтезу; развитие функций фонематического анализа и синтеза; развитие функций фонематического анализа фонемного ряда, состоящего из гласных звуков; развитие функций фонематического анализа слов [3].

Изложение основного материала статьи

Опытно-экспериментальная работа началась с организации и проведения констатирующего этапа. Экспериментальное исследование проводилось на базе Муниципального общеобразовательного учреждения «Средняя общеобразовательная школа №40» г. о. Саранск. В нём приняли участие ученики второго класса. Каждый из них имеет логопедическое заключение ОНР, третий уровень речевого развития, имеющих дислексию. Общая численность испытуемых составила 14 человек. Для изучения исходного уровня сформированности навыка чтения была составлена диагностика. Ее содержание включало серию заданий, которые предложены Т.В. Ахутиной и А.В. Фотековой. Оценка их выполнения осуществлялась с учетом рекомендаций А.Н. Корнева, Р.И. Лалаевой. Задания направлены на оценку уровня развития беглости, правильности, осознанности и выразительности чтения у интересующей нас категории обучающихся.

Полученные в процессе диагностики данные показа-

ли, что для младших школьников с ОНР, имеющих дислексию, характерны существенные недостатки в сформированности всех компонентов чтения. Они не могут читать быстро, выразительно, правильно. Им сложно понимать и объяснять смысл прочитанного материала. Они фиксируют свое внимание только на начале и конце рассказа. Все это в совокупности обуславливает низкий уровень сформированности чтения в целом [1; 5]. Анализируя качество выполнения всех диагностических заданий, можно сделать вывод о достаточной выраженности проявлений дислексии. Поэтому с учащимися следует провести коррекционно-логопедическую работу, реализация содержания которой позволит преодолеть выявленные недостатки и сформировать у учащихся навыки правильного чтения.

Далее была реализована формирующая фаза эксперимента, направленная на последовательное устранение дислексии у детей интересующей нас категории с учетом диагностических данных.

На основе диагностики была выявлена недостаточная сформированность у младших школьников с общим недоразвитием речи всех компонентов навыка чтения: правильности, беглости, осознанности и выразительности. Следовательно, работа проводилась по развитию каждого из них. Однако для повышения ее эффективности она осуществлялась в тесной взаимосвязи учителя-логопеда с учителем начальной школы. Первый основной акцент ставился на преодолении ошибок при чтении и повышении скорости, а второй – на закреплении данных навыков и развитии выразительности, и понимании прочитанного текста. Но это не отрицало того, что учителем-логопедом использовались упражнения на развитие смыслового понимания и выразительности, а учителем – упражнения на развитие беглости и правильности. Именно этим обеспечивалось взаимодействие этих специалистов в достаточно сложном и длительном процессе преодоления дислексии и формирования навыков чтения у младших школьников с ОНР.

Для успешного решения коррекционно-развивающих задач было налажено тесное сотрудничество с семьями учащихся, что способствовало закреплению и автоматизации навыков чтения, формируемых в ходе логопедических занятий и учебной деятельности. Взаимодействие с семьёй включало консультативную работу, которую проводили учитель-логопед и учитель начальных классов. Во время консультаций родителей знакомили с особенностями проявления дислексии, формирования навыков чтения у детей с учетом их специфических особенностей, обусловленных общим недоразвитием речи. Особое внимание обращалось на освоение ими приемов проведения специальных игр и упражнений, позволяющих ребенку осваивать все компоненты чтения, преодолевать дислексические ошибки дома, в условиях повседневного общения, и которые обязательно должны быть выполнены.

Цель логопедической работы состояла в преодолении дислексии у младших школьников с ОНР, в развитии навыков правильного чтения.

Задачи коррекционно-логопедической работы: формирование зрительного восприятия графического образа букв; формирование фонематического восприятия и дифференциации фонем; расширение объёма воспринимаемой информации при чтении; формирование способности воспринимать как можно больше букв за одну фиксацию при чтении; освобождение от возвратов во время чтения, т.е. регрессий; формирование способности пользоваться антиципациями; развитие навыков звуко-буквенного анализа и синтеза; развитие навыков языкового анализа и синтеза (предложения, текст); формирование автоматизированных навыков слогослияния; формирование выразительного и осмысленного чтения.

Для преодоления дислексии у младших школьников с ОНР логопедическая работа была выстроена поэтапно, включая несколько ключевых направлений.

1 этап – вводно-подготовительный. Содержание этого этапа предполагало коррекцию и развитие, в первую очередь, психических функций и умений, которые составляют функциональный базис чтения: зрительное восприятие букв, фонематические процессы, поле зрения, а также преодоление регрессий. С этой целью логопедические занятия строились на основе использования специальных упражнений: на развитие зрительного восприятия букв: найти в ряду печатных и письменных букв нужную, найти предметы похожие на начертание заданной буквы, найти нужные буквы на зашумленных картинках, определить количество слогов в словах с заданной буквой и пр.; на развитие фонематического слуха: определить наличие или отсутствие заданного звука в слове на слух и его место в слове (начало, середина, конец), воспроизвести последовательность слогов или отдельных звуков в словах и пр.; на расширение и углубление поля зрения: работа с буквенными, слоговыми и цифровыми таблицами и пирамидами. Их специфика заключается в том, что учащиеся должны зафиксировать взгляд по центру такой таблицы или пирамиды, потом предпринять попытку прочитать слоги или увидеть ее всю целиком, осуществляя поиск букв, цифр, слогов, которые называет педагог; на преодоление возвратов или регрессий: закрывание части прочитанного текста карточкой.

2 этап – коррекционно-развивающий. Содержание этого этапа предполагало коррекцию и развитие навыков звукобуквенного, а также языкового анализа и синтеза, на формирование автоматизированных навыков

слогослияния, способности пользоваться антиципациями при чтении, умений выразительно и осмысленно читать. Логопедические занятия в этом случае строились на основе использования следующих упражнений: на развитие звуко-буквенного анализа и синтеза: подобрать к последнему звуку (букве) слово, которое начинается с него, определить количество слогов в слове, выделить все гласные буквы в словах, прочитать ряд слов по первым буквам, составить слова из заданных слогов, вставить пропущенные слоги в слова и пр.; на развитие языкового анализа и синтеза: определение количества, последовательности и места слов в предложении и пр.; на формирование автоматизированных навыков слогослияния: поиск заданных слогов в таблицах, поиск слов, составляющих текст и пр.; на формирование навыка использования антиципации: чтение слов и текстов с пропущенными буквами, частями слов или предложений; на формирование выразительного чтения: чтение в темпе скороговорок, прочтение слов и фраз с разной громкостью (тихо, громко), чтение коротких предложений с различной постановкой логического ударения, изменение интонации прочитанного предложения (восклицание, вопрос, повествование и пр.); на формирование осмысленного чтения: работа с заглавием, постановка вопросов к тексту и поиск ответов на них, выделение ключевых предложений и абзацев и пр.

3 этап – совершенствования навыков чтения. Содержание этого этапа предполагало закрепление и улучшение навыков чтения, развитие способности правильно и с выражением читать, понимать прочитанное, а также тренировку скорости чтения. Занятия на этом этапе строились на основе работы с небольшими текстами (рассказами и сказками), скороговорками и стихотворениями. В качестве предварительной работы использовались задания на отработку чтения сложных слогов (со стечение согласных), отдельных слов из текста (особенно со сложной структурой), на уточнение семантики некоторых слов.

Таким образом, на формирующем этапе была проведена поэтапная работа по преодолению дислексии с использованием различных видов упражнений и заданий, позволяющих постепенно и планомерно корректировать недостатки и формировать навык правильного чтения у младших школьников с ОНР.

На контрольном этапе посредством сравнения данных повторной диагностики с данными диагностики, полученными на начало исследования, была установлена эффективность проведенной логопедической работы по коррекции дислексии. Она подтверждена изменениями количественных и качественных показателей диагностики. После проведённой работы наблюдается рост количества младших школьников с высоким уровнем развития навыков чтения (со среднего перешли 7% детей). При этом значительно выросли показатели среднего уровня (с низкого перешли 29% детей), а показатели низкого уровня существенно снизились (на 36%).

Выводы

Проанализированная в работе научная и методическая литература позволила установить, что чтение является сложным видом речевой деятельности, который требует достаточного уровня освоения устной речи. Содержание чтения как деятельности включает две взаимосвязанных стороны – техническую и смысловую. Они способствуют правильному озвучиванию написанного, его пониманию, выражению отношения к нему. В качестве основных параметров или критериев оценки чтения выступают: правильность, беглость, сознательность и выразительность.

Дислексия как сложное нарушение чтения возникает из-за проблем в его технической и смысловой сторонах. У детей с дислексией наблюдаются частые и устойчивые нарушения в процессе чтения, связанные, во-первых, с грамматическими ошибками; во-вторых, искажениями звуко-слоговой структуры слов; в-третьих, побуквенным чтением. Всё это снижает качество проявления всех основных параметров чтения, затрудняя освоение школьной программы в целом.

Возникновение дислексии во многом определяется уровнем психофизического развития младших школьников. Наличие нарушений и недостатков существенно повышает риск. У детей с ОНР возникают трудности в овладении навыком чтения, что связано с недостатками устной речи и особенностями развития психических функций, участвующих в процессе чтения.

Диагностическое исследование выявило, что у испытуемых преобладает низкий уровень развития навыков чтения, в то время как средний уровень наблюдается лишь у небольшого числа детей. Кроме того, у них отмечается низкая скорость (беглость) чтения и значительное количество ошибок, включая перестановки, пропуски букв, слогов и слов, слияния соседних слов, а также возвраты к ранее прочитанному.

Далее была реализована целенаправленная логопедическая работа по коррекции дислексии у младших школьников с ОНР. Она включала три этапа: формирование полноценных представлений о звуковом составе слова, развитие морфологического состава слова и формирование синтаксических обобщений. На каждом из них последовательно решались задачи, способствующие формированию у учащихся с ОНР функционального базиса чтения, собственно полноценных навыков чтения и их совершенствованию. Основной формой реализации содержания были логопедические занятия,

построенные на основе использования специальных упражнений и заданий, способствующих решению задач того или иного этапа.

Анализ результатов повторной диагностики в сравнении с исходными данными подтвердил эффективность логопедической работы по коррекции дислексии. Наблюдается положительная динамика: увеличилось количество учащихся с высоким уровнем навыков чтения, значительно выросло число детей со средним уровнем, при этом количество учащихся с низким уровнем существенно сократилось.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барцаева Е.В. Научно-практические аспекты логопедической работы по коррекции дислексии у младших школьников с общим недоразвитием речи / Е.В. Барцаева, Е.В. Перепелкина // Психолого-педагогические аспекты комплексного сопровождения лиц с ограниченными возможностями здоровья в условиях инклюзивной практики: монография / А.Н. Гамаюнова, Е.Ю. Кабанова, О.В. Бобкова [и др.]; под ред. О.В. Бобковой; Мордовский государственный педагогический университет. – Саранск: РИЦ МГПУ, 2024. – 1 электрон. опт. диск. – ISBN 978-5-8156-1829-9. – Текст: электронный.
2. Ковшиков В.А. Психолингвистика. Теория речевой деятельности: учебное пособие / В.А. Ковшиков, В.П. Глухов. – Москва: Астрель, 2007. – 318 с. – Текст: непосредственный.
3. Лалаева Р.И. Нарушение чтения и письма у младших школьников: Диагностика и коррекция / Р.И. Лалаева, Л.В. Бенедиктова. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. – 224 с. – Текст: непосредственный.
4. Левина Р.Е. Нарушения речи и письма у детей: избранные труды / автор-составитель Г.В. Чиркина, П.Б. Шошин. – Москва: АРКТИ, 2005. – 224 с. – Текст: непосредственный.
5. Перепёлкина Е.В. К вопросу об особенностях проявления дислексии у младших школьников с общим недоразвитием речи / Е.В. Перепёлкина // Интеграция науки и образования в XXI веке: психология, педагогика, дефектология : сборник научных трудов по материалам VIII Международной научно-практической конференции «Интеграция науки и образования в XXI веке: психология, педагогика, дефектология» (г. Саранск, 28 марта 2024 г.) / редколлегия: Н.В. Рябова (научный редактор), Е.В. Барцаева (ответственный за выпуск) [и др.]; Мордовский государственный педагогический университет. – Саранск: РИЦ МГПУ, 2024. – 1 электрон. опт. диск. – Текст: электронный.
6. Русецкая М.Н. Нарушение чтения у младших школьников: монография / М.Н. Русецкая. – Санкт-Петербург: КАРО, 2007. – 192 с. – Текст: непосредственный.
7. Ястребова А.В. Учителю о детях с недостатками речи: учебное пособие / А.В. Ястребова. – Москва: АРКТИ, 2006. – 159 с. – Текст: непосредственный.

© Барцаева Елена Васильевна (ezhovkina.elena@mail.ru), Перепёлкина Екатерина Владимировна (ekaterina.perepiolkina@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.05–2.06

ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В ОБУЧЕНИИ ГРАММАТИКИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

USING AI AND VR FOR TEACHING ENGLISH GRAMMAR

D. Vinogradova

Summary: The article explores the potential applications of artificial intelligence (AI) and virtual reality (VR) in English language teaching, with a particular focus on grammar instruction. The author analyzes the advantages and limitations of these technologies, providing practical examples of tasks and recommendations. The study emphasizes the need for a balanced approach between technological innovations and the teacher's role in the educational process. The research demonstrates that AI and VR can enhance student engagement and learning efficiency but require thoughtful implementation and methodological support.

Keywords: teaching, technology, English language, artificial intelligence, virtual reality.

Виноградова Дарья Сергеевна
Преподаватель, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», (г. Москва)
dsvinogradova@fa.ru

Аннотация: В статье исследуются возможности применения искусственного интеллекта (ИИ) и виртуальной реальности (ВР) в обучении английскому языку, особое внимание уделяется изучению грамматики. Автор анализирует преимущества и недостатки технологий, предлагая практические примеры заданий и рекомендации. Подчеркивается необходимость баланса между технологическими инновациями и ролью преподавателя в образовательном процессе. Автор демонстрирует, что ИИ и ВР способны повысить вовлеченность студентов и эффективность усвоения материала, но требуют продуманного внедрения и методической поддержки.

Ключевые слова: обучение, технологии, английский язык, искусственный интеллект, виртуальная реальность.

В современном мире, где технологии стремительно проникают во все сферы нашей жизни, сфера образования не остается в стороне. Новейшим вектором преподавания в целом и иностранных языков в частности является использование искусственного интеллекта (ИИ) и виртуальной реальности (ВР). **Целью** данной статьи является показать, что возможности ИИ и ВР могут успешно использоваться на занятиях по иностранным языкам, на примере английского языка. Чтобы реализовать заявленную цель, мы поставили перед собой следующие **задачи**:

— проанализировать преимущества и недостатки ИИ и ВР как инструментов обучения;
— оценить требования к техническому оснащению аудитории перед началом работы с ИИ и ВР;
— привести примеры заданий с использованием ИИ и ВР, направленные на изучение и закрепление правил английской грамматики.

Актуальность нашего исследования заключается в том, что, хотя данные технологии только входят в сферу образования, они уже показали свой потенциал для обучения иностранным языкам, повышения вовлечённости учащихся, улучшении запоминания материала и приближении учебного процесса к реальному миру и требуют более детального анализа в этом контексте.

Научная новизна заключается в изучении возможностей этих технологий для обучения грамматики английского языка – аспекта, который зачастую игнорируется исследователями, более заинтересованными в использовании ИИ и ВР для улучшения навыков говорения.

Теоретическая значимость заключается в сведении всех преимуществ и недостатков использования ИИ и ВР в рамках учебного процесса.

Практическая значимость данного исследования состоит в приведении перечня требований к организации учебного процесса, технической оснащенности аудитории, а также в описании примеров грамматических заданий, которые можно использовать в неизменном виде или адаптировать под уровень и нужды конкретной аудитории.

Согласно определению, данному в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта, ИИ – это «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их».[5] Виртуальная реальность, в свою очередь, трактуется как виртуальное пространство, в котором происходит «полная замена аудиовизуальных эффектов реального мира виртуальными» [2], при этом в ней также могут присутствовать элементы искусственного интеллекта.

ВР была интегрирована в образование еще в начале нулевых: в США успешно реализовали проект Университета штата Айова и национального телевидения по созданию платформы ВР для школьников с виртуальными локациями, которые они могли посещать в сопровождении инструктора. ИИ стал особенно активно исследоваться и применяться в последние годы, к чему привело, в особенности, бурное развитие моделей генеративного ИИ, таких как GPT, которые способны генерировать текст, изображения или комбинированные ответы, реагируя на подсказки пользователя. Нам представляется очевидным, что данные технологии должны найти свое применение в обучении иностранным языкам, однако, безусловно, нужно понимать, какие преимущества они нам дают и какие риски представляют.

В контексте обучения в целом и иностранным языкам в частности ИИ (особенно генеративный ИИ) даёт следующие возможности:

Во-первых, автоматизация выставления оценок, предоставление персонализированной обратной связи и выявление пробелов в обучении. Так как ИИ может очень быстро обрабатывать большие объемы данных и находить в них повторяющиеся ошибки, данную технологию можно эффективно использовать для определения индивидуальных потребностей студента. Дальнейшая обратная связь и рекомендации также могут быть сгенерированы ИИ, однако, на наш взгляд, анализировать результаты и определять для обучающегося пути развития должен преподаватель.

Во-вторых, предоставление обратной связи и рекомендаций в режиме реального времени, что весьма целесообразно при выполнении заданий, которые не требуют проверки преподавателем. Студент сразу видит недочеты своей работы и может получить развернутый комментарий с объяснением. Все больший интерес в этом контексте представляет концепция «виртуальных репетиторов» – помощников на базе ИИ, которые облегчают образовательный процесс, способствуя лучшему усвоению материала.

В-третьих, поддержка и усиление творческого потенциала преподавателя. Генеративный ИИ, при наличии правильных подсказок, может предлагать интересные идеи и направления для создания учебных материалов.

В-четвертых, создание интерактивных игр. Игровая составляющая является неотъемлемой частью коммуникативного метода преподавания иностранных языков, принятого в той или иной пропорции большинством образовательных учреждений. В то время как создание адаптированных для аудитории и темы игр занимает, в зависимости от опыта преподавателя, довольно продолжительное время, ИИ, при наличии подробной подсказки, способен справиться с этим гораздо быстрее и практически без потерь в качестве.

Виртуальная реальность, в свою очередь, может быть реализована с внедрением ИИ и, помимо перечисленных преимуществ, помогает преподавателям создавать интерактивное виртуальное пространство, в котором возможна максимально убедительная и безопасная симуляция любой ситуации, а также визуализация манипуляций с текстом, которую проблематично воплотить в обычной реальности.

Тем не менее, важно понимать, что использование ИИ и ВР имеет ряд существенных недостатков:

Во-первых, внедрение технологий ИИ, а тем более ВР может представлять длительный и довольно сложный процесс, так как многие инструменты поставляются по лицензии, ВР нужно специфическое оборудование, что требует выделения бюджета. Кроме того, нужны ресурсы для обучения преподавательского состава работе с данными технологиями, что включает написание корректных подсказок, и разработки методологических рекомендаций для составления заданий, наиболее подходящих для выполнения в таких условиях.

Во-вторых, как следует из перечисленных выше преимуществ, ИИ и ВР могут только поддерживать и усиливать творческий потенциал преподавателя, но никак не заменять его. Гибкость и креативность этих технологий, несмотря на впечатляющий прогресс, остаются ограниченными, и результат работы ИИ требует проверки и редактуры.

В-третьих, чрезвычайно много зависит от качества данных, на которых обучалась модель ИИ: если они были неполны или искажены, высока вероятность тиражирования неточности или даже ошибки.

В-четвертых, использование ИИ всегда несёт самые разнообразные этические риски: споры о принадлежности прав на интеллектуальную собственность, потенциальное сокращение штата преподавателей, ответственность за возможные ошибки.

Наконец, технология ВР, требующая использования специального оборудования, может вызывать целый ряд нежелательных физиологических реакций: тошноту, головокружение и потерю равновесия, головные боли, жжение в глазах, припадки. Ряду лиц использование ВР запрещено по медицинским показаниям, здоровым людям в среднем рекомендуется не выходить за пределы двадцати- или тридцатиминутных сеансов.

Как было сказано выше, внедрение большинства технологий ИИ на уровне учебного заведения требует приобретение лицензии. Некоторые генеративные ИИ, разумеется, доступны для физических лиц в формате веб-сайтов («Deepseek») или телеграм-ботов (GPT), однако такое использование считается частным и не может включаться в учебную программу и методические рекомендации. Виртуальная реальность, при том, что также может требовать наличие лицензии на определенные приложения, в первую очередь предполагает опреде-

ленное техническое оснащение и подготовку пространства. В том виде, который необходим и достаточен для учебных целей, для ВР понадобится: обычная аудитория средних размеров (зависит от количества студентов на сеанс, каждому нужна свободная окружная по крайней мере метр в диаметре), столов в которой быть не должно, а стулья, следует разместить полукругом или вдоль стен. Компьютер и проектор, неизменные атрибуты любой технически оснащенной учебной аудитории, также важны. Ключевое, однако, – это оборудование для ВР, в первую очередь шлемы, трекеры и контроллеры. Шлемы или очки для виртуальной реальности – это устройства, с помощью которых мы можем воспринимать аудиовизуальный поток, создаваемый компьютером. Они могут быть автономными, но существуют также модели, которые можно подключать к мобильным устройствам и ПК. Данные три вида различаются по степеням свободы передвижения (имеется в виду передвижение в ВР), комфорта, качества изображения (например, подключаемые к мобильным телефонам очки через какое-то время начинают плохо передавать визуальный ряд, что связано с перегреванием смартфона), а также наличием других ограничений (в частности, шлемы, работающие в связке с ПК, предполагают либо использование беспроводного сетевого адаптера, либо нахождение в буквально привязанном к компьютеру состоянии). Для нужд образовательного процесса обычно подходят шлемы с подключением к ПК с беспроводным адаптером и автономные шлемы. Микрофон и наушники обычно встроены в такое устройство, однако это зависит от модели. Контроллеры и трекеры – это то, что позволяет передвигаться и взаимодействовать с пространством ВР. В зависимости от целей они даже могут передавать специальные эффекты (например, взрывную волну в игре), однако в контексте образовательной сессии достаточно базовых моделей и настроек. Безусловно, требуется также отдельный специалист, достаточно компетентный, чтобы отвечать за функционирование этой системы, а также консультировать преподавателей и студентов, у которых возникают сложности во время использования данных технологий. [3]

ИИ и ВР находят широкое применение в обучении иностранным языкам, однако в рамках данной статьи мы намерены сфокусироваться на конкретном аспекте – грамматике (на примере английского языка). Грамматика традиционно ассоциируется со сложностями: она требует понимания структур, заучивания форм и постоянной практики. Тем не менее, сложно отрицать, что без знания грамматики невозможно изъясняться на языке и любой, даже самый объемный словарный запас будет оставаться пассивным знанием, которое никак не применить в разговоре или на письме. Существуют способы сделать изучение грамматики менее рутинным и тем самым повысить эффективность этого процесса. ИИ и ВР могут помочь сделать существующие активности более интерактивными и реализовать новые, которые без этих технологий было бы крайне затруднительно проводить на занятиях. В настоящем исследовании мы делим эти активности на следующие категории: иммерсивные сценарии, интерактивные упражнения и обучение с элементами игры.

Иммерсивность – это «глубокое погружение зрителя в искусственно созданную среду, активирующую весь комплекс чувственно-образного восприятия и создающую эффект присутствия». [6] ВР дает нам возможность создавать совершенно другую реальность, которая будет взаимодействовать со студентами по законам, написанным преподавателем. Во-первых, в таком контексте представляют интерес ролевые игры, когда студенты в разных ситуациях общения должны применять те или иные грамматические формы и переход на другую локацию или к другому виду деятельности невозможен без правильного ответа. Возьмем, к примеру, активность для тренировки грамматической структуры First Conditional, которая называется «Angry Siblings» («Злые братья и сестры»). Принцип заключается в том, что пара студентов (в случае ИИ и ВР за второго студента будет выступать так называемый «неигровой персонаж») представляют себе, что являются друг другу братьями или сестрами и ведут активный спор: «If you come into my room again, I will kick you out. – If you kick me out, I will tell Mum» («Если ты еще раз зайдешь ко мне в комнату, я тебя вышвырну. – Если ты меня вышвырнешь, я пожалуюсь маме»). Каждая вторая реплика привязана к предыдущей. В условиях ВР, в дополнение общения с ИИ, можно создать окружающую обстановку, с которой тоже можно взаимодействовать: брать какие-нибудь вещи, кидать их. На определенном этапе можно ввести дополнительных персонажей, которые также будут вовлечены в обмен репликами. Таким образом, отработка распространенной грамматической структуры эмоционально окрашивается, то есть все, что студент практикует, запоминается гораздо лучше.

Еще одной разновидностью иммерсивных сценариев для ВР являются виртуальные экскурсии. Во время виртуальной прогулки по городу студенты слушают преподавателя-гида, который рассказывает им про окружающее пространство, используя многочисленные формы прошедшего времени. Выясняя интересующие их подробности у гида или «местных жителей», сгенерированных ИИ, студенты практикуют способы и типы построения вопросов на английском языке, а также необходимые глагольные времена. В зависимости от темы экскурсии можно также включать в речь «неигровых персонажей» не очень привычные для учащихся неправильные глаголы в формах прошедшего времени или причастия, например: slay (slew, slain) – убивать, bleed (bled, bled) – истекать кровью, stride (strode, stridden) – шагать, bequeath (bequoth/bequod, bequoth/bequethen) – завещать, writhe (writhed, writhed) – корчиться. Приведенные выше формы целесообразно особым образом акцентировать в

предложениях (это могут быть паузы, звуковые сигналы, невербальные средства коммуникации: жесты, мимика персонажей, а также различные визуальные эффекты, доступные нам в виртуальной реальности: например, восклицательный знак над головой) для того, чтобы обеспечить их восприятие и запоминание.

Наконец, в иммерсивной среде можно поставить перед студентами ряд грамматических задач, решая которые они продвигаются дальше по карте или логике пространства. Это может быть сделано в виде квеста, в рамках которого группе учащихся нужно собрать улики и раскрыть преступление или же найти выход из лабиринта, отыскав некий артефакт, – творческий поток преподавателя не ограничивается, но направляется только интересами и потребностями конкретной аудитории. Грамматические задания варьируются по сложности, некоторые даются на время и требуют быстрой реакции, для других требуется участие неигровых персонажей. Например, одно из заданий для студентов с уровнем английского языка A1 может быть восстановление порядка слов в нескольких предложениях, после правильного выполнения которого их ждёт награда, например: «exit the to lies The north» («The exit lies to the north» – «Выход находится на северной стороне»). Для студентов с уровнем B1 условием открытия новой локации может быть задание на выбор правильных времен и залогов: «As far as Mary (can) tell, the door (to meddle with).» («As far as Mary could tell, the door had been meddled with.» – «Насколько Мэри могла судить, над дверным замком кто-то поработал.»)

Следующая категория активностей с использованием ВР и ИИ – интерактивные упражнения. Они требуют меньшей проработки, чем иммерсивные сценарии, и могут использоваться как часть последних, так и в качестве отдельного задания. Одним из примеров интерактивных упражнений является визуализация грамматических правил с последующим использованием грамматического конструктора. Некоторые грамматические конструкции представляют известную сложность для понимания (в частности, пассивный залог, условные предложения) и применение трехмерных моделей предложения или анимаций способно облегчить процесс обучения. Грамматический конструктор используется для закрепления изученных таким образом структур: студенты взаимодействуют с трехмерной моделью предложения и могут «собирать» его из отдельных слов, получая при этом обратную связь от системы, которая может выражаться в наличии или отсутствии анимации, звукового сопровождения при правильном выполнении задания. Подобные активности, на наш взгляд, не обязательно и даже не желательно внедрять на постоянной основе для каждой грамматической темы, однако, подобранные с пониманием особенностей и потребностей конкретной аудитории, они могут принести значительную пользу.

Еще один пример интерактивного упражнения для ВР – это виртуальная доска, которая может использоваться для любого типа грамматический заданий и давать обратную связь непосредственно после выполнения. Одним из способов разнообразить такую активность является следующая концепция: предложения для проработки изначально выбираются из аутентичных источников (фильмов, мультфильмов, сериалов, новостных программ), а после того, как студент правильно ответит на поставленный вопрос, проигрывается соответствующий фрагмент. Безусловно, то же самое можно организовать и в обычной аудитории, однако в условиях ВР данное упражнение могут выполнять одновременно несколько студентов, проверка будет осуществляться автоматически и дополнительные визуальные или звуковые эффекты будут способствовать лучшему усвоению материала.

Наконец, третий тип активностей для ВР – это обучение с элементами игры. Внедрение игровых практик в процесс обучения или даже полная геймификация образования – это, безусловно, темы, вызывающие полемику в научном сообществе. Мы придерживаемся мнения, что игра, будучи неотъемлемой частью жизни человека во всех ее аспектах, должна присутствовать и в образовании. Как писал античный философ Платон: «Играя, можно познавать истину». [4] Степень включения игровых активностей в процесс обучения регулируется в зависимости от возраста, уровня, нужд аудитории, а также убеждений и опыта преподавателя, однако, виртуальная реальность предоставляет широкие возможности для их реализации. В частности, в ВР можно проводить соревнования на знание грамматики английского языка между студентами или группами студентов: благодаря автоматической проверке правильности ответов и подсчету баллов за каждый выполненный этап подобное соревнование проходит более активно, и система присуждения очков практически не ставится под сомнение. Кроме того, смена этапов происходит быстро и «бесшовно», так как в виртуальной реальности не нужно раздавать материалы или готовить доску. Помимо этого, в ВР можно придумать и воплотить систему поощрений: например, победителей можно награждать медалями на пьедестале, на сцене перед толпой и под бурные овации. Также за каждый выигранный этап можно давать пять минут любой игровой активности в ВР после завершения занятия. Наконец, ИИ может даже сочинить и исполнить песню в честь победителей, что во многих случаях является серьезной мотивацией к победе.

Подводя итоги, следует отметить, что активно развивающиеся сейчас технологии ИИ и ВР обладают серьезным потенциалом для увеличения эффективности образовательного процесса, и этим нельзя пренебрегать. Тем не менее, поставив задачу внедрить ИИ и ВР в обучение иностранным языкам, нужно подойти к ее реализации

со всей серьезностью, помнив, в частности, о рисках: технические и финансовые сложности, этические и медицинские аспекты, ограниченность, и, одновременно с этим, намереваясь получить все возможные преимущества: персонализация обучения, иммерсивность и вовлеченность, геймификация, поддержка преподавателя.

ИИ и ВР могут сделать процесс изучения грамматики английского языка увлекательным и интерактивным. На наш взгляд, дальнейшие разработки в этой сфере должны быть направлены на поиск универсальных алгоритмов интеграции данных технологии в учебный процесс и методические рекомендации, а также на оценку их долгосрочного влияния на эффективность обучения.

Активно используя новые технологии, нельзя, тем не менее, полагаться на них всецело: результаты работы ИИ все еще требуют проверки и редактуры со стороны профессионала, любые активности в ВР должны так же апробироваться специалистами и предпочтительно проходить в их присутствии. Соответствующая методическая работа должна вестись исключительно человеком, на ИИ можно опираться в той же мере, что и на привычный всем поиск информации в интернете. Будучи приверженцами концепции гуманистической педагогики, мы понимаем под взаимодействием преподавателя и студента «взаимодействие диалогическое, творческое, личностное и индивидуализированное» [1], что, на наш взгляд, отводит главные роли в процессе обучения людям, оставляя любые современные технологии в качестве инструментов для достижения образовательных целей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксёнова Э.А. Концепция человекоцентрированного подхода к обучению в гуманистической педагогике Карла Роджерса [Электронный ресурс].URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-chelovekotsentrirovannogo-podhoda-k-obucheniyu-v-gumanisticheskoy-pedagogike-karla-rodzhersa/viewer (дата обращения 20.03.2025).
2. Волынов М.М., Китов А.А., Горячкин Б.С. Виртуальная реальность: виды, структура, особенности, перспективы развития с https://cyberleninka.ru/article/n/virtualnaya-realnost-vidy-struktura-osobennosti-perspektivy-razvitiya/viewer (дата обращения 20.03.2025).
3. Дорогая реальность: сколько стоят VR-системы и чем отличаются [Электронный ресурс] .URL: https://journal.citilink.ru/articles/dorogaya-realnost-skolko-stoyat-vr-sistemy-i-chem-otlichayutsya/?ysclid=m8ybj2ibuh713682312 (дата обращения 26.03.2025).
4. Курдыбайло Д.С. Забавы, милые богам. . . О диалектике игры в диалогах Платона [Электронный ресурс] .URL: http://www.plato.spbu.ru/SUMMERSCHOOL/summerschool5/05-Kurdybaylo.htm#_ftn2 (дата обращения 27.03.2025).
5. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года [Электронный ресурс]. URL: http://science-expert.ru/docs/Национальная%20стратегия%20развития%20искусственного%20интеллекта%20на%20период%20до%202030%20года.pdf (дата обращения 25.03.2025).
6. Никифорова А.А., Воронова Н.И. Иммерсивные практики в современном культурном пространстве (мировой и отечественный опыт) [Электронный ресурс].URL: https://cyberleninka.ru/article/n/immersivnye-praktiki-v-sovremennom-kulturnom-prostranstve-mirovoy-i-otechestvennyy-opyt/viewer (дата обращения 20.03.2025).

© Виноградова Дарья Сергеевна (dsvinogradova@fa.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.05–2.09

ФОРМИРОВАНИЕ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ У ДОШКОЛЬНИКОВ С ОБЩИМ НЕДОРАЗВИТИЕМ РЕЧИ[1]

FORMATION OF DIALOGICAL SPEECH IN PRESCHOOLERS WITH GENERAL SPEECH UNDERDEVELOPMENT

A. Gamajunova
O. Bobkova
A. Kovaleva

Summary: The article considers the problem of formation of dialogical speech in preschoolers with general speech underdevelopment as an important component of their social and cognitive development. It is emphasized that insufficient formation of dialogical skills complicates speech interaction of children, affects their communicative activity, cognitive abilities, and emotional sphere. The mechanisms of influence of theatrical games and dramatizations on the development of dialogical speech, enrichment of vocabulary, improvement of grammatical structure and formation of speech etiquette in preschoolers with general speech underdevelopment are described. The program "Theatrical Dialogues" is described, aimed at developing dialogic speech through theatrical activities.

Keywords: dialogic speech, preschoolers with general speech underdevelopment, theatrical activities, theatrical games.

Гамаюнова Антонина Николаевна
кандидат педагогических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева», (г. Саранск)
Gamaenova@yandex.ru
Бобкова Ольга Валерьевна
кандидат педагогических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева», (г. Саранск)
bobkova7@yandex.ru
Ковалева Анастасия Андреевна
ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева», (г. Саранск)
nastya_kovaleva_0802@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается проблема формирования диалогической речи у дошкольников с общим недоразвитием речи как важного компонента их социального и когнитивного развития. Подчеркивается, что недостаточная сформированность диалогических умений затрудняет речевое взаимодействие детей, влияет на их коммуникативную активность, познавательные способности и эмоциональную сферу. Описаны механизмы воздействия театрализованных игр и инсценировок на развитие диалогической речи, обогащение словарного запаса, совершенствование грамматического строя и формирование речевого этикета у дошкольников. Описана программа «Театральные диалоги», направленная на формирование диалогической речи посредством театрализованной деятельности.

Ключевые слова: диалогическая речь, дошкольники с общим недоразвитием речи, театрализованная деятельность, театрализованные игры.

Формирование диалогической речи у дошкольников с общим недоразвитием речи (ОНР) является одной из ключевых задач коррекционной педагогики, так как именно этот вид речевой деятельности обеспечивает полноценное взаимодействие ребенка с окружающим миром. Диалогическая речь предполагает умение не только выражать свои мысли, но и воспринимать речь собеседника, адекватно реагировать на нее, соблюдать нормы речевого этикета, поддерживать и развивать беседу [4; 7]. Однако у детей с ОНР данные навыки оказываются недостаточно сформированными в силу целого ряда причин, среди которых ограниченность словарного запаса, трудности в построении грамматически правильных предложений, нарушение понимания смысловой структуры диалога.

Согласно К.Е. Глазуновой, И.А. Макаровой, Н.П. Рудаковой, недостаточная сформированность диалогической речи приводит к тому, что у ребенка возникают трудности в установлении контактов со сверстниками и взрослыми, в умении выразить свои желания, задать вопрос, поддержать беседу, что негативно сказывается на его уверенности в себе и инициативности в коммуникации [5, с. 66].

В связи с этим перед специалистами, работающими с дошкольниками с ОНР, встает задача поиска наиболее эффективных средств формирования диалогической речи, которые позволяли бы детям не только усваивать речевые конструкции, но и применять их в реальных коммуникативных ситуациях. Одним из таких средств, доказавших свою эффективность, является театрализованная деятельность, создающая условия для активного включения ребенка в процесс общения.

1 Исследование выполнено в рамках сетевого гранта по теме «Научно-методическое обеспечение познавательного и речевого развития детей в условиях инклюзивной практики».

Театрализованная деятельность является специфическим видом творческой деятельности, в рамках которой моделируются различные жизненные ситуации, требующие речевого взаимодействия. Как пишут Е.Д. Асланова, Е.В. Жулина, И.В. Лебедева, в процессе разыгрывания диалогов персонажей ребенок не просто механически воспроизводит фразы, а учится осмысленно реагировать на реплики собеседника, соблюдать логическую последовательность высказываний, использовать выразительные средства речи. Это особенно важно для дошкольников с ОНР, которым зачастую не хватает речевого опыта и уверенности в общении [1, с. 89].

Одним из преимуществ театрализованной деятельности является ее эмоциональная насыщенность, что делает процесс обучения более увлекательным и мотивирующим. Т.А. Волкова, А.Н. Мезенцева подчеркивают, что при инсценировке любимых сказок дети с удовольствием включаются в игровые ситуации, где от них требуется вести диалог, интонационно окрашивать речь, менять темп и громкость голоса в зависимости от контекста. Таким образом, они не только осваивают речевые конструкции, но и развивают коммуникативную гибкость, учатся выражать эмоции и понимать эмоциональное состояние собеседника [2, с. 40].

Кроме того, театрализованная деятельность способствует расширению словарного запаса и совершенствованию грамматического строя речи. В ходе подготовки к постановке дети знакомятся с новыми словами, отрабатывают речевые конструкции, учатся правильно формулировать реплики. И как отмечают Е.В. Жулина и О.С. Ломакина, эти знания не остаются формальными – ребенок с нарушениями речи закрепляет их в процессе живого взаимодействия, что значительно повышает эффективность усвоения материала [3, с. 171].

Не менее значимой является роль театрализованной деятельности в формировании навыков речевого этикета. В процессе разыгрывания сценок дети осваивают правила вежливого общения, учатся соблюдать очередность реплик, использовать обращения, вежливые формулы, поддерживать диалог. Для дошкольников с ОНР, которые часто испытывают трудности в организации речевого поведения, такая практика оказывается особенно полезной, так как помогает им структурировать общение и лучше ориентироваться в коммуникативных ситуациях [5; 6].

Таким образом, театрализованная деятельность представляет собой мощный инструмент формирования диалогической речи у дошкольников с ОНР, поскольку она создает естественные условия для развития коммуникативных навыков, повышает мотивацию к речевому взаимодействию, способствует обогащению словаря, становлению грамматически правильной и выразительной речи. Именно поэтому включение театрализованных игр, инсценировок и ролевых упражнений в коррекционно-развивающую работу с детьми с ОНР является не просто желательным, а необходимым условием для успешного преодоления речевых нарушений.

Нами была разработана и реализована на базе МАДОУ «Центр развития ребенка – детский сад № 73» г. Саранска программа «Театральные диалоги», направленная на формирование диалогической речи посредством театрализованной деятельности. Программа была разработана с учетом специфики речевых нарушений дошкольников с ОНР и включала комплексные занятия, на которых дети учились взаимодействовать друг с другом в игровой форме. Основное внимание уделялось созданию естественных речевых ситуаций, в которых каждый ребенок мог проявить себя, а также на формирование умений задавать вопросы, отвечать на них, выстраивать логически последовательные высказывания.

Коррекционная работа включала три этапа. На вводном этапе перед нами стояла задача познакомить детей с театрализованной деятельностью, сформировать у них положительное отношение к предстоящей работе, снять возможное речевое напряжение. Первое занятие было построено в форме игры «Сказочное знакомство», в ходе которой каждый ребенок представлялся, используя короткую фразу о себе, а также выполнял простые задания на взаимодействие. Например, дети по очереди становились в круг, передавая друг другу волшебный предмет (клубочек), и называли свое имя, сопровождая его приветственным жестом или движением. Это позволило не только установить контакт, но и создать комфортную атмосферу для дальнейшей работы.

Далее дети знакомились с понятием «театр». Мы обсуждали, какие бывают виды театра, чем отличается кукольный театр от драматического, рассматривали иллюстрации театральных постановок. Для формирования интереса к театральной деятельности использовалась беседа «За кулисами», в ходе которой дети рассуждали о том, как создается спектакль, какие роли бывают у актеров, зачем нужны декорации и костюмы. В конце занятия мы организовали небольшую игру «Отгадай театр», где детям предлагались загадки про разные виды театра.

Основной этап включал целенаправленную работу по формированию диалогической речи через театрализованные игры, инсценировки и сюжетно-ролевые упражнения. Мы стремились к тому, чтобы дошкольники с ОНР не просто повторяли заданные фразы, а осваивали различные речевые модели, активно использовали новые слова и грамматические конструкции.

На одном из первых занятий мы провели игру «Лексический калейдоскоп», направленную на обогащение словарного запаса. В ходе игры детям предлагались иллюстрации предметов и животных, а они должны были описывать их, используя заданные вопросы. Напри-

мер, педагог показывал картинку с изображением леса и спрашивал: «Кто живет в этом месте?», «Какие звуки можно здесь услышать?», «Какая здесь погода?». Это помогало активизировать словарь детей, закрепить навык формирования полных и осмысленных ответов.

На данном этапе также обращали внимание на формирование ритмичности речи и координацию движений. Например, одно из занятий – «Ритм слов» включало упражнения, в которых дошкольники должны были сопровождать слова движениями: они хлопали в ладоши или топали ногами в такт словам, учились подстраивать темп речи под заданный ритм. Это помогало не только формировать выразительность речи, но и способствовало лучшему усвоению речевых конструкций.

Одним из ключевых направлений коррекционно-педагогической деятельности являлось формирование умения задавать и отвечать на вопросы. Для этого в ходе занятия «Зимние забавы» дети разыгрывали сценки по иллюстрациям, где они должны были задавать вопросы персонажам и отвечать на вопросы педагога. Например, при инсценировке сценки с детьми, лепящими снеговика, дошкольники могли задавать следующие вопросы: «Что делают дети?», «Какая у них одежда?», «Что нужно, чтобы слепить снеговика?», «В какое время года можно слепить снеговика?» и т. д. Тем самым они не только учились формулировать ответы, но и самостоятельно задавать уточняющие вопросы.

Следующим важным направлением являлось формирование навыков ведения диалога. Для этого мы организовали спектакль-импровизацию «Репка», где дети самостоятельно распределяли роли, проговаривали реплики персонажей и взаимодействовали друг с другом. Интересной особенностью этой постановки стало активное использование вопросов. Например, перед тем как персонаж вступал в действие, дети обсуждали: «Кто должен помочь следующим?», «Что скажет внучка, когда придет?», «Какой голос у собачки?». Это способствовало осознанию логики диалога и последовательности реплик дошкольниками с ОНР.

Завершающим этапом работы стала постановка сказки «Сегодня праздник у Ежа», в которой дети сами придумывали диалоги персонажей, обсуждали их эмоции и характер. На этом занятии каждый дошкольник смог проявить самостоятельность, участвуя в создании сценария и используя уже освоенные речевые модели.

На заключительном этапе коррекционно-педагогической работы мы подвели итоги программы, обсудили с детьми, какие задания им понравились больше всего, что нового они узнали. Для закрепления положительного эмоционального опыта было проведено упражнение «Круг благодарности», где дети по очереди говорили друг другу добрые слова.

По завершению коррекционно-педагогической работы дети стали более уверенно вступать в речевое взаимодействие, научились задавать вопросы, поддерживать беседу, проявлять эмоциональную выразительность в речи. К тому же было отмечено, что игровые и театральные формы работы не только способствовали речевой активности детей, но и повысили их интерес к общению.

Таким образом, разработанная нами программа «Театральные диалоги» может быть рекомендована для работы с дошкольниками, имеющими речевые нарушения, как инструмент формирования диалогической речи. Ее ключевыми преимуществами являются игровая направленность, индивидуальный подход и возможность развития речи в естественных условиях взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асланова Е.Д., Жулина Е.В., Лебедева И.В. Драматизация в коррекции нарушений диалогической речи у детей старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 72–1. С. 89–92.
2. Волкова Т.А. Мезенцева А.Н. Развитие диалогической речи у детей 5 года жизни посредством театрализованной деятельности // Научный потенциал. 2020. № 4(31). С. 38–43.
3. Жулина Е.В., Ломакина О.С. Развитие диалогической речи дошкольников с общим недоразвитием речи посредством игр-драматизаций // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 60–1. С. 171–173.
4. Зайцева Л.А. Монологическая и диалогическая речь. Минск: БГУКИ, 2021. 111 с.
5. Рудакова Н.П., Макарова И.А., Глазунова К.Е. Клинические и симптоматические проявления ОНР в речи детей дошкольного возраста // Образование и педагогические науки в XXI веке: актуальные вопросы, достижения и инновации: монография. Пенза: «Наука и Просвещение», 2017. С. 66–77.
6. Теория и практика образования дошкольников с ограниченными возможностями здоровья: монография / Е.В. Золоткова, Е.В. Барцаева, О.С. Гришина [и др.]; под редакцией Е.В. Золотковой. Саранск: МГПИ им. М.Е. Евсевьева, 2018. 107 с.
7. Чулкова А.В. Формирование диалога у дошкольников. Ростов - н/Д.: Феникс, 2008. 220 с.

© Гамаюнова Антонина Николаевна (Gamaenova@yandex.ru), Бобкова Ольга Валерьевна (bobkova7@yandex.ru), Ковалева Анастасия Андреевна (nastya_kovaleva_0802@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.05–2.12

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИИ КОРРЕКЦИОННЫХ ШКОЛ РОССИИ

CIVILIZATIONAL APPROACH TO THE STUDY OF CORRECTIONAL SCHOOLS IN RUSSIA

V. Dolgopolova

Summary: The article examines the development of correctional schools in Russia through the prism of the civilizational approach. The purpose of the work is to identify the civilizational features of the formation and functioning of Russian correctional schools in the context of changing historical eras. The research methodology is based on the civilizational approach, which allows analyzing educational practices through the prism of historically established cultural models using a comparative analysis of the Russian and Western systems of correctional education. The results of the study demonstrate the unique nature of the Russian model of correctional education, formed under the influence of Orthodox traditions of mercy and the Soviet dialectological school, with a predominance of a collectivist approach in contrast to the individualistic Western model. The challenges of the current stage of development of correctional schools in Russia are identified, including the problems of archaization of individual elements of the system and personnel shortages in the regions. The scientific novelty consists in substantiating the need to create a civilizational model for reforming Russian correctional education, considering both traditional value foundations and modern technological capabilities.

Keywords: civilizational approach, correctional education, Russian pedagogy, spiritual and moral values, inclusion, educational practices, civilizational identity, defectology, Orthodox traditions of mercy, cultural code.

Долгополова Виктория Александровна
Преподаватель, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»
dolgopolova.viktoria@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается развитие коррекционных школ России через призму цивилизационного подхода. Цель работы – выявить цивилизационные особенности становления и функционирования российских коррекционных школ в контексте смены исторических эпох. Методология исследования базируется на цивилизационном подходе, позволяющем анализировать образовательные практики через призму исторически сложившихся культурных моделей с применением сравнительного анализа российской и западных систем коррекционного образования. Результаты исследования демонстрируют уникальный характер российской модели коррекционного образования, сформировавшейся под влиянием православных традиций милосердия и советской дефектологической школы, с преобладанием коллективистского подхода в отличие от индивидуалистической западной модели. Выявлены вызовы современного этапа развития коррекционных школ России, включая проблемы архаизации отдельных элементов системы и кадрового дефицита в регионах. Научная новизна состоит в обосновании необходимости создания цивилизационной модели реформирования российского коррекционного образования, учитывающей как традиционные ценностные основания, так и современные технологические возможности.

Ключевые слова: цивилизационный подход, коррекционное образование, российская педагогика, духовно-нравственные ценности, инклюзия, образовательные практики, цивилизационная идентичность, дефектология, православные традиции милосердия, культурный код.

Российские коррекционные школы формировались и развивались в особом цивилизационном контексте, что отразилось на их институциональном устройстве, ценностных основаниях и образовательных практиках. Смена исторических эпох – от традиционного общества к модерну и постмодерну – сопровождалась трансформацией ценностно-мировоззренческой шкалы координат, что непосредственно влияло на отношение к детям с особыми образовательными потребностями. Глубинное противоречие между научно-техническим прогрессом и духовно-нравственными ценностями наложило отпечаток на развитие системы коррекционного образования в России.

Концепция Преображения как важнейшая категория российской педагогической мысли особенно актуальна для коррекционного образования. В этом контексте цель работы с детьми с особыми образовательными потребностями видится не просто в компенсации дефектов и социальной адаптации, но в создании условий для раскрытия духовно-нравственного потенциала личности. Цивилизационный анализ позволяет увидеть, что различные сценарии развития современной цивилизации непосредственно влияют на трансформацию коррекционного образования. В условиях глобализации и унификации образовательных систем особую ценность приобретает сохранение цивилизационной идентичности российской коррекционной педагогики с её акцентом на духовно-нравственные основы развития личности [5].

Цивилизационная модель реформирования российского образования должна базироваться на ценностях российской цивилизации, преемственности педагогического опыта, сочетании традиций и инноваций с учетом современных реалий. Главной целью такой модели является воспитание человека российской культуры – гражданина, патриота, укорененного в духовных традициях Отечества. В контексте коррекционных школ эта цель конкретизи-

руется в задачах формирования полноценной личности с особыми образовательными потребностями, интегрированной в российское социокультурное пространство. Для эффективной модернизации коррекционных школ России необходимо создание образовательно-научно-педагогических комплексов, способных воспроизводить духовно-идейные основы российской культуры и способствовать становлению российской идентичности у детей с особыми образовательным и потребностями. Системообразующим элементом такой модели должна стать совместная деятельность детей и взрослых, где ребенок выступает субъектом деятельности [7].

Культурно-цивилизационные процессы, происходящие в современной России, определяют вектор развития коррекционных школ. Цифровизация и технологический прогресс создают новые возможности для образования детей с особыми потребностями, но одновременно несут риски дегуманизации и формализации педагогического процесса. Механистическое перенесение западных стандартов без учета социокультурных особенностей российского общества может привести к разрушению уникальных педагогических традиций. В современных геополитических условиях особую значимость приобретает сохранение цивилизационных основ российского образования. Коррекционные школы России как часть образовательного пространства выступаю т институтами воспроизводства культурного кода нации, включая отношение к наиболее уязвимым социальным группам [1].

Современная практика коррекционного образования в России демонстрирует противоречивые тенденции. С одной стороны, наблюдается усиление инклюзивного тренда, характерного для глобальных образовательных процессов. С другой стороны, сохраняется традиция специализированных коррекционных школ, которые продолжают выполнять важную социальную функцию. Цивилизационный подход позволяет также выявить региональные особенности коррекционного образования в России. Поликультурный характер российской цивилизации, отмеченный Т.В. Вакуловой, находит отражение в разнообразии этнокультурных компонентов образовательных программ. В регионах Северного Кавказа и Поволжья образовательные практики коррекционных школ органично включают элементы традиционной культуры, что способствует формированию комфортной психологической среды для детей с особыми образовательными потребностями [4].

В контексте анализа современного состояния коррекционного образования в России важно учитывать, что цивилизационный подход позволяет рассматривать актуальные образовательные практики через призму исторически сложившихся культурных моделей. Сохранение в России системы специализированных коррекционных школ, несмотря на общемировой тренд к тотальной инклюзии, отражает цивилизационную специфику российского образования, для которого характерно стремление к сохранению профессиональных педагогических традиций при их постепенной модернизации. Особого внимания заслуживает изменение роли государственных и общественных институтов в поддержке детей с ограниченными возможностями здоровья. Как отмечают А.Р. Мельникова и О.А. Котлярова, главной задачей цивилизационного метода является отражение жизни, культуры, духовности человека во взаимосвязи с устоями общества, что полностью соответствует гуманистическим принципам коррекционной педагогики [9]

Сравнительный анализ коррекционного образования в России и западных странах выявляет принципиальные различия в цивилизационных основаниях этих образовательных систем. Российская цивилизационная модель традиционно опирается на коллективистские ценности и духовно-нравственные основания социальных практик, что находит отражение в организации специального образования. В противовес этому западноевропейская и североамериканская модели коррекционного образования в большей степени ориентированы на индивидуализм и социально-экономическую эффективность педагогических систем. Т.В. Вакулова подчеркивает, что «использование цивилизационного подхода в педагогических исследованиях способствует изучению различных процессов с учетом специфики социальных и культурных оснований общества, в которых протекают педагогические процессы». В контексте коррекционного образования это особенно важно, поскольку позволяет осмыслить, почему в России, несмотря на общемировые тренды к тотальной инклюзии, сохраняется развитая система специализированных коррекционных учреждений [2].

Однако современное состояние коррекционного образования в России сталкивается с рядом вызовов, которые также могут быть осмыслены через призму цивилизационного подхода. Одним из таких вызовов является архаизация отдельных элементов системы, проявляющаяся в устаревании материально-технической базы, методологического инструментария и подходов к организации образовательного процесса. Данная проблема имеет глубинные социокультурные основания, связанные с особенностями исторического развития российского образования, для которого характерно чередование периодов интенсивных инноваций и стагнации. Перспективным направлением развития коррекционного образования в России представляется разработка гибридных моделей, осуществляющих синтез принципов инклюзии и специализированных подходов [3].

Сопоставление систем специального образования

России и стран Запада выявляет фундаментальные различия, обусловленные цивилизационными матрицами. Российская модель, сформированная под влиянием православной традиции милосердия и советской дефектологической школы, сохраняет приоритет государственных специализированных учреждений. В отличие от западной практики «mainstreaming» с акцентом на индивидуализацию, в России доминирует коллективистский подход, где коррекционная школа выступает не только образовательным, но и социально-адаптационным институтом. Архаизация отдельных элементов системы, особенно в сельских школах-интернатах, требует модернизации при сохранении цивилизационной идентичности. Исследования А.В. Дубских фиксируют дефицит кадров в регионах, где до 40% педагогов не имеют специализированной подготовки [6,8].

Цивилизационный подход к исследованию коррекционных школ России раскрывает глубинные основания их становления и развития, выходящие за рамки сугубо педагогического анализа. Российские коррекционные школы сформировались под влиянием уникального сплава православных традиций милосердия и советской дефектологической школы, что определило их особый путь в мировом образовательном пространстве. В условиях современных глобализационных процессов и цифровой трансформации образования сохранение цивилизационной идентичности российских коррекционных школ приобретает стратегическое значение. Механическое копирование западных образовательных моделей без учета социокультурной специфики России может привести к разрушению уникальных педагогических традиций, эффективно зарекомендовавших себя в отечественной практике. Коллективистский характер российского коррекционного образования, в отличие от индивидуалистической западной модели, создает особую социально-психологическую атмосферу, где ребенок с особыми образовательными потребностями становится частью поддерживающего сообщества.

Проведенный анализ свидетельствует о необходимости создания цивилизационной модели реформирования российского коррекционного образования, которая будет базироваться на ценностях российской культуры при одновременном учете современных технологических возможностей и педагогических инноваций. Такая модель должна предполагать создание образовательно-научно-педагогических комплексов, способных воспроизводить духовно-идейные основы российской культуры и способствовать становлению российской идентичности у детей с особыми образовательными потребностями.

Перспективным направлением развития коррекционного образования в России представляется разработка гибридных моделей, осуществляющих органичный синтез принципов инклюзии и специализированных подходов при сохранении цивилизационной идентичности. В современных геополитических условиях коррекционные школы России как часть образовательного пространства выступают институтами воспроизводства культурного кода нации, отражающего отношение к наиболее уязвимым социальным группам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акаев В.Х. Современные культурно-цивилизационные процессы: теоретико-методологический анализ / В.Х. Акаев, Л.М. Исмаилова // Вестник ГГНТУ. Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2022. – Т. 18, № 1(27). – С. 39–45.
2. Вакулова Т.В. Методическое обеспечение: применение цивилизационного подхода в образовательных программах высшей и средней школы / Т.В. Вакулова. – Ярославль: ЯрГУ, 2018. – 600 с.
3. Вакулова Т.В. Особенности цивилизационного подхода в исследованиях по педагогике / Т.В. Вакулова, Н.С. Ковалёва // Концепт. – 2020. – № 8.
4. Вакулова Т.В. Применение цивилизационного подхода в педагогике / Т.В. Вакулова // Керчь: ФГБОУ ВО «Керченский государственный морской технологический университет», 2022. – С. 418–422. – EDN PMNPCO.
5. Доманский Е.В. Педагогика на развилке цивилизационных сценариев / Е.В. Доманский // Народное образование. – 2020. – № 1(1478). – С. 80–86. – EDN KERFQL.
6. Дубских А.В. Тенденция развития коррекционной педагогики в отечественной педагогике / А.В. Дубских // Пермь: Меркурий, 2011. – С. 53–56.
7. Лукаш С.Н. Цивилизационная идентичность как целевая основа модернизации российского образования / С. Н. Лукаш // Москва: Перо, 2020. – С. 652–658. – EDN KDZCKZ.
8. Малофеев Н.Н. Специальное образование в меняющемся мире. Европа: учебное пособие для студентов педагогических вузов / Н.Н. Малофеев. – Москва: Просвещение, 2009. – 454 с. – ISBN 978-5-09-018235-1.
9. Мельникова А.Р. Цивилизационный подход к изучению исторических процессов в школьном образовании: методология и перспективы / А.Р. Мельникова, О.А. Котлярова // Вопросы педагогики. – 2021. – № 7. – С. 196–201. – EDN GUNXDD.

© Долгополова Виктория Александровна (dolgopolova.viktoria@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.05–2.18

ПОСТРОЕНИЕ И ИССЛЕДОВАНИЕ ФУНКЦИЙ БИБЛИОТЕКИ ВУЗА КАК МОЗГОВОГО ЦЕНТРА — НА ПРИМЕРЕ БИБЛИОТЕКИ ХЭЙЛУНЦЗЯНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

CONSTRUCTION AND RESEARCH ON THE FUNCTIONS OF A UNIVERSITY LIBRARY AS A THINK TANK: A CASE STUDY OF THE LIBRARY OF HEILONGJIANG UNIVERSITY

Li Han

Summary: In the context of the rapid development of information technology and increasing demands for scientific research and decision-making, university libraries are playing an increasingly important role in supporting academic and administrative activities. Using the example of the library of Heilongjiang University, this article explores strategies for building the functions of a library as a think tank, including the integration of information resources, the training of expert librarians, and interdepartmental collaboration. Particular attention is paid to the library's practical experience in providing think tank services, such as data analysis, research support, and decision-making consultations. The article also offers recommendations for the further development of library services as a think tank, which may be useful for other university libraries seeking to strengthen their role in supporting scientific and administrative activities.

Keywords: university library, think tank, disciplinary services, information resources, Heilongjiang University.

Ли Хань

Докторант, Библиотека Хэйлунцзянского университета № 74, Сюефу, (уезд Нанганг, Харбин, провинция Хэйлунцзян, КНР)

22551847@qq.com

Аннотация: В условиях стремительного развития информационных технологий и возрастающих требований к научным исследованиям и принятию решений библиотеки вузов играют все более важную роль в поддержке академической и управленческой деятельности. На примере библиотеки Хэйлунцзянского университета в данной статье рассматриваются стратегии построения функций библиотеки как мозгового центра, включая интеграцию информационных ресурсов, подготовку экспертных библиотекарей и межведомственное взаимодействие. Особое внимание уделено практическому опыту библиотеки в предоставлении услуг мозгового центра, таких как анализ данных, поддержка научных исследований и консультации для принятия решений. Статья также предлагает рекомендации по дальнейшему развитию услуг библиотеки как мозгового центра, что может быть полезно для других вузовских библиотек, стремящихся усилить свою роль в поддержке научной и управленческой деятельности.

Ключевые слова: библиотека вуза, мозговой центр, дисциплинарное обслуживание, информационные ресурсы, Хэйлунцзянский университет.

Концепция функции библиотеки высшего учебного заведения как мозгового центра

Мозговой центр (think tank), также известный как институт мысли, обычно определяется как независимое профессиональное исследовательское учреждение, находящееся вне политической системы. Его основная функция заключается в предоставлении организационным структурам общества и государственным органам основы для принятия решений и консультационных услуг. Как ключевой узел документальных ресурсов вузов, библиотека играет важную роль в поддержке научных исследований, подготовке кадров и содействии развитию социальной культуры. Анализируя функциональные роли мозгового центра и вузовской библиотеки, можно заметить тесную связь между ними: благодаря богатым ресурсам, развитой системе обслуживания и профессиональному кадровому составу, информационно-аналитические услуги, предоставляемые вузовской библиотекой для преподавателей, студентов и государственных учреждений, фактически уже обладают ключевыми функциями мозгового центра.

Развитие функций мозгового центра в вузовской библиотеке не только сохраняет традиционные преимущества (такие как тематический поиск, оценка дисциплин, поиск литературы и т.д.), но и стимулирует инновационную активность, способствует развитию научного управления и технологических исследований, предоставляя пользователям качественные услуги в области управленческих знаний, анализа информации, консультирования по принятию решений и разработки интеллектуальных ресурсов. [1.С.11] Это знаменует собой инновационную трансформацию модели библиотечного обслуживания. Академические исследования в этой области представлены с различных точек зрения. Некоторые ученые считают, что услуги мозгового центра в вузовской библиотеке заключаются в интеграции собственных ресурсов и кадровых преимуществ для предоставления поддержки

в принятии решений руководителям вузов, научным коллективам, государственным органам и представителям бизнеса. Другие исследователи подчеркивают, что такая модель обслуживания должна быть ориентирована на потребности в принятии решений. Для этого необходимо готовить экспертов среди библиотекарей, объединять специалистов из разных дисциплин для формирования команды мозгового центра, создавать исследовательские группы для решения конкретных консультационных задач и на основе глубокой аналитической работы с информационными ресурсами проводить анализ проблем и разрабатывать стратегии. Это позволяет предоставлять пользователям многоуровневую поддержку, включающую теоретические методы и практические решения.

Функции и особенности услуг библиотеки Хэйлунцзянского университета как мозгового центра

Библиотека Хэйлунцзянского университета, являясь центром информационных ресурсов университета, предоставляет услуги для преподавателей и студентов как внутри, так и за пределами университета. Эти услуги включают выдачу книг, использование помещений, поддержку обучения и исследований, а также другие услуги. Среди обязанностей различных отделов библиотеки Хэйлунцзянского университета отдел дисциплинарного обслуживания максимально реализует функции библиотеки как мозгового центра. Основная миссия дисциплинарного обслуживания заключается в интеграции ресурсов и построении системы обеспечения, где информационные ресурсы, как базовый элемент, напрямую влияют на качество преподавания и научных исследований в университете, а также на развитие библиотеки.

1. Исследования мозгового центра: сотрудничество и обмен между дисциплинарными библиотекарями

Для того чтобы действительно служить развитию провинции Хэйлунцзян и строительству дисциплин университета, библиотека Хэйлунцзянского университета привлекает выдающихся дисциплинарных библиотекарей, максимально используя свои преимущества, углубляется в факультеты и проводит совместные исследования с экспертами из юридического факультета, факультета информационного управления, факультета механической и электронной инженерии и факультета строительной инженерии, публикуя высококачественные результаты мозгового центра и внося вклад в строительство мозгового центра университета.

2. Точное обслуживание: взаимный обмен литературными ресурсами

2.1 Работа по проверке цитирований

Для удовлетворения потребностей преподавателей и студентов в подтверждении научных результатов библиотека предоставляет услуги по проверке цитирований. В 2024 году было предоставлено 1372 отчета о включении и цитировании для преподавателей и студентов химического, электронного, русского и биологического факультетов в таких базах данных, как SCI, SSCI, CSSCI и CNKI.

2.2 Передача документов и межбиблиотечный абонемент

Для восполнения недостатков существующих фондов и повышения удовлетворенности пользователей ресурсами библиотека предоставляет услуги по передаче документов. Используя платформы совместного использования ресурсов, такие как CALIS и CASHL, библиотека предоставила 108 услуг для читателей университета и 281 услугу для читателей из Пекинского университета, Университета Цинхуа, Чжэцзянского университета и Фуданьского университета с уровнем удовлетворенности 100%.

Представление диссертаций докторантов и магистрантов В 2024 году были завершены три этапа представления диссертаций аспирантов. В течение года было создано 120 записей в базе данных докторантов и 2747 записей в базе данных магистрантов, проверено 113 докторских и 2645 магистерских диссертаций, что обеспечило постоянное обновление базы данных диссертаций университета.

3. Усиление дисциплин: точно толкать данных и аналитики

3.1 Отчеты по анализу ESI

На основе данных ESI (Essential Science Indicators), обновляемых каждые два месяца, библиотека предоставляет статистику научной производительности университета, рейтинг научной силы среди мировых учреждений, общее количество публикаций, частоту цитирования, развитие дисциплин, входящих в топ-1% мирового рейтинга (химия, инженерия, материаловедение, компьютерные науки), а также данные о высокоцитируемых и горячих статьях. С начала 2024 года было подготовлено 7 отчетов по анализу ESI.

3.2 Ежемесячные отчеты о публикациях университета

На основе базы данных CNKI «Общий каталог китайских знаний» и базы данных Web of Science Core Collection библиотека проводит статистику публикаций в китайских и зарубежных журналах по социальным и естественным наукам, анализируя дисциплины, подразделения, авторов с высоким уровнем публикаций, источники журналов и распределение фондов, и формирует ежемесячные отчеты. В 2024 году было подготовлено 16 ежемесячных отчетов о публикациях университета.

3.3 Отчеты о публикациях сравниваемых факультетов и ученых.

Совместно с отделом ключевого строительства и развития университета, на основе таблиц академических связей по строительству дисциплин (сравниваемые университеты и факультеты) и таблиц академических связей (известные эксперты внутри страны и за рубежом), библиотека проводит поиск и статистику публикаций сравниваемых факультетов и экспертов через базы данных CNKI и Web of Science Core Collection, анализируя тенденции развития и исследовательские тренды других университетов, что предоставляет рекомендации для строительства дисциплин университета. С начала 2024 года было подготовлено более 40 отчетов о публикациях сравниваемых факультетов и экспертов.

3.4 Отчеты об оценке академических способностей привлекаемых специалистов.

В соответствии с потребностями университета в привлечении специалистов, на основе объективных данных из академических баз данных, таких как CNKI, Wanfang Data и Duxiu, библиотека проводит статистику академических достижений привлекаемых ученых, включая публикации, монографии, награды и завершенные научные проекты. На этой основе, используя инструменты анализа CNKI, библиотека сравнивает научные способности и области исследований привлекаемых ученых с учеными университета и формирует отчеты для принятия решений. В 2024 году были завершены отчеты об оценке академических способностей профессора Линь Цуньгуана и профессора Гуань Хуа.

Стратегии строительства функций библиотеки вуза как мозгового центра

1. Усиление интеграции информационных ресурсов.

Информационные и библиотечные учреждения вузов больше подходят для поддержки фундаментальных исследований и учебно-научной деятельности в плане сбора информации и формирования фондов. Однако мозговой центр, как консультационный орган для принятия решений, требует не только академической теории, но и практического анализа реальных данных. [2.С.19] Поэтому, помимо сбора традиционных академических ресурсов, библиотеки и информационные учреждения вузов должны уделять особое внимание сбору статистических данных, социально-экономической динамики, политических документов, отчетов о настроениях в обществе и других материалов, полезных для принятия решений.

2. Привлечение и подготовка «экспертных дисциплинарных библиотекарей».

Специалисты в области библиотечного дела и информации, хотя и обладают специализация в организации и управлении информацией, часто не имеют достаточных знаний в конкретных дисциплинарных областях. Для лучшей поддержки услуг мозгового центра библиотекам необходимо, учитывая дисциплинарную структуру университета и потребности мозгового центра, повышать профессиональные навыки сотрудников через различные методы. Например, можно использовать курсы, профессиональную сертификацию и дополнительное образование для систематического восполнения пробелов в знаниях сотрудников.

3. Проведение межведомственных исследований.

Для поддержки строительства мозгового центра в вузах библиотекам необходимо усилить продвижение услуг «подписки на дисциплинарную информацию», расширяя охват услуг и тесно сотрудничая с руководством университета и факультетов.[3.С.89] Распространяя дисциплинарные услуги на поддержку стратегических аспектов, таких как планирование дисциплин, распределение ресурсов, привлечение талантов и оценка эффективности, библиотеки способствуют переходу от базового предоставления информации к высокоуровневым функциям мозгового центра.

Заключение

С развитием эпохи вузы постепенно выдвигают строительство мозгового центра в качестве важной задачи для лучшего служения обществу. [4.С.62] Как центр информационных ресурсов, библиотеки вузов должны идти в ногу со временем, используя преимущества дисциплины библиотечного дела и информации, активно участвовать в строительстве мозгового центра университета. Строительство функций библиотеки вуза как мозгового центра не означает отказ от преимуществ как центра документальной информации в пользу превращения в профессиональное учреждение по исследованию государственной политики, а основывается на существующих ресурсах и кадрах, максимально используя специализацию в области документальной информации и академических исследований, сотрудничая с экспертами из различных областей университета, чтобы удовлетворять потребности руководства и научных сотрудников в консультациях для принятия решений.[5.С.50]

ЛИТЕРАТУРА

1. Яо Пэй. Прогресс и перспективы исследований мозговых центров в библиотеках Китая // Теория и практика библиотечного дела, 2023(01).

2. Пэн Янь, Чжао Сюэянь. Стратегии и рекомендации по обслуживанию библиотеками местных вузовских мозговых центров // Журнал библиотечного дела, 2018(06).
3. Ван Шэн, Чжан Чуньхун, Ван Сюй. Практическое исследование персонализированных услуг «подписки на дисциплинарную информацию» в библиотеках вузов в контексте научного сотрудничества // Журнал библиотек вузов, 2023(03).
4. Инь Лифэнь. Исследование моделей управления информационными ресурсами в библиотеках вузов // Журнал Юньнаньского электротехнического университета, 2000(02).
5. Чжан Сюй. Исследование строительства системы услуг библиотеки вуза как мозгового центра и оценки ее способностей: Диссертация. Цзилиньский университет, 2019.

© Ли Хань (22551847@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.05–2.26

РОЛЬ ФОНОВЫХ ЗНАНИЙ КАК КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ «АЛЛЮЗИЙ» ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНСТУЦИОНАЛЬНОМУ ДИСКУРСУ СТУДЕНТОВ НЕЛИНГВИСТИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ

THE SIGNIFICANCE OF BACKGROUND KNOWLEDGE AS A KEY TO UNDERSTANDING "ALLUSIONS" IN TEACHING INSTITUTIONAL DISCOURSE TO STUDENTS OF NON-LINGUISTIC PROGRAMS

V. Novikova
R. Azmetova

Summary: The article is devoted to the phenomenon of "allusion" as a stylistic device that is often used by authors of modern media to attract the attention of readers. It is noted that the decoding of implicit meanings hidden in allusions is a difficulty that non-linguistic students encounter when reading complicated texts of various functional registers. Some mechanisms of allusion recognition are of great interest, since they belong to two or more contexts -one extralinguistic, the other is the work itself, which the author refers to. The process of allusion recognition becomes a process that connects the text with the reader's background knowledge of a particular historical period. To expand the background knowledge of students based on the competence approach an experiment was developed and conducted with non-linguistic students. The system of exercises was outlined, some of which are presented in this article.

Keywords: allusion, phraseological units, background knowledge, vertical context, institutional discourse, methodical exercises, foreign language, non-linguistic programs of education.

Новикова Валентина Николаевна
кандидат педагогических наук, старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
VaNNovikova@fa.ru
Азметова Резеда Фаизовна
кандидат социологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского (ПКУ)»
azmetovar@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается феномен «аллюзии» как стилистический прием, к которому часто прибегают авторы современных СМИ, чтобы привлечь внимание читателя. Указывается, однако, что декодирование имплицитных смыслов, скрытых в аллюзиях, являются трудностью, с которой сталкиваются студенты нелингвистических направлений подготовки при чтении осложненных текстов различных функциональных стилей. Механизмы распознавания аллюзий представляют несомненный интерес, поскольку принадлежат двум или более контекстам – один экстралингвистический, другой – само произведение, на которое ссылается автор. Процесс распознавания аллюзий становится процессом, соединяющим текст с фоновыми знаниями читателя в конкретный исторический период. Для расширения фоновых знаний студентов, опираясь на компетентностный подход, разработан и проведен эксперимент со студентами ВУЗа нелингвистических направлений подготовки, на основе которого разработана система упражнений, часть из которых представлена в данной статье. Эти упражнения способствуют систематизации знаний по изучению фразеологических единиц, которые углубляют фоновые знания студентов и способствуют активации феномена «аллюзии» при чтении текстов на английском языке.

Ключевые слова: аллюзия, фразеология, фоновые знания, вертикальный контекст, институциональный дискурс, методические упражнения, иностранный язык, нелингвистические направления подготовки.

Введение

Языковая личность человека в социальном общении выступает в качестве активного элемента функционирования институционального дискурса – вербального обмена между двумя или более людьми, в котором, по крайней мере, один из собеседников является представителем организации, связанной с работой, и в котором взаимодействие и цели коммуникантов частично определяются организацией, в которой они находятся [31, p. 809]. При этом данный дискурс трактуется как феномен коммуникации, реализуемый через идеологизированный текст профессиональной коммуникации. Фразеологические сращения (идиомы), используемые при взаимодействии субъектов профессиональной деятельности, характеризуются определенным комплексом норм, стереотипов мышления и поведения [1, с. 9]. Изучение устойчивых словосочетаний и выражений на занятиях по иностранному языку помогает расширить лексический запас, но, главное, позволяет сделать межкультурное общение более конструктивным и осмысленным, понять особенности истории, культуры и этики определенного социального института.

В связи с этим к языковому образованию в Финансовом университете при Правительстве Российской Федe-

рации предъявляются серьезные требования. «Будущие специалисты – международники, политологи должны быть способны не только вести переговоры, но и, при необходимости, осуществлять функции переводчика, секретаря, референта. Поэтому в ходе профессиональной подготовки студентов – международников, политологов, юристов, а также студентов, изучающих государственное управление, большое внимание уделяется овладению иностранными языками и формированию, развитию и совершенствованию переводческой компетенции. Не случайно выпускной государственный экзамен по иностранному языку включает в себя письменный перевод статьи профессиональной тематики, перевод профессионально окрашенного текста «с листа» и устный последовательный перевод. Язык профессии изучается на всех факультетах, с нарастающей интенсивностью с первых дней обучения вплоть до завершения курса по английскому языку. Международная коммуникация является межкультурной коммуникацией, поэтому выпускник Вуза должен знать лингвокультурные особенности страны изучаемого языка» [14], при этом необходимо добиться того, чтобы студенты имели разносторонние знания о знаменательных фактах из русской и английской национальных культур, которые становятся значимой частью лингвокультурного тезауруса и фоновых знаний будущих специалистов.

Национальное своеобразие культуры находит выражение, прежде всего, в лексике и фразеологии (Томахин Г.Д. и Фомин Б.Н. [28, с.151], Ковшова М.Л. [31-41] и др.). Знание фразеологии, обобщение полученных практических знаний, в том числе «аллюзий», облегчает чтение как публицистической, так и художественной литературы, что составляет успешность в реализации языковой программы курсов.

Однако, как показало наше исследование, многие современные студенты не распознают фразеологические обороты, в том числе «аллюзии». Студенты искажают интерпретацию текста, часто не могут сделать правильный перевод заголовка статьи на основе «аллюзии», особенно аллюзии, представляющей собой органическую составляющую смысла. Таким образом, студенты не всегда осознают значимость «аллюзий» для развития английского языка. Огромное количество известных сегодня выражений дошли до наших дней из текстов Библии, такие как "*can the leopard change his spots*?" (идиома- горбатого могила исправит), "*woe is me*!" (восклицание – Горе мне!), "*filthy lucre*" (библ. - презренный металл), "*an eye for an eye*" (библ. – око за око), "*my brother's keeper*"(«*разве я сторож брату моем?*», *"я за ближнего своего не отвечаю" [этим. библ.* Genesis IV, 9*])*, "*the spirit is willing but the flesh is weak*" ("дух добр, плоть же немощна" *[этим. библ.* Matthew XXVI, 41*]*; the flesh is weak), "*the olive branch*" (масличная ветвь (как символ мира)), "*a wolf in sheep's clothing*" (волк в овечьей шкуре) и многие другие. Иногда современная идиома – это результат слияния нескольких выражений или перефразировки оригинального высказывания, поскольку идиоматические обороты часто изменялись в устной обиходно-бытовой речи или становились материалом для стилистической обработки в художественных произведениях писателей. Например, в Библии читаем следующие строки: "*Dead flies cause the ointment of the apothecary to send forth a stinking savour: so doth a little folly to him that is a reputation for wisdom and honour*" [Ecclesiastes 10:1] [32]– («Мертвые мухи портят и делают зловонную благовонную масть мироварника: то же делает небольшая глупость уважаемого человека с его мудростью и честью» [Екклесиаст, Мудрые изречения 10: 1] [32]). В современном английском языке встречаем идиому "*fly in the ointment*", означающую, что существует определенная помеха или проблема [11, с. 99].

Многие фразы, основанные на аллюзиях, часто обыгрываются и употребляются в названиях статей СМИ. *"… Because there was no room for them at the inn"* [Luke 2: 7][32] – («Когда же они были там (Мария и Иосиф из Галилеи), наступило время родить Ей; и родила Сына Своего Первенца, и спеленала Его, и положила Его в ясли, потому что не было им места в гостинице») – [Евангелие от Луки, Рождество Иисуса, 2: 7] [32]. В заголовках современных СМИ эта фраза звучит как "*no room for them at the inn*", где слово *inn* может пониматься буквально, например, *no room at the inn for smokers*, если речь идет о запрете курения в ресторанах и пабах. Статья в "Гардиан" о безуспешных попытках муниципального совета справиться с отходами имеет заголовок "*Waste disposal no room in the bin*", где слову "*inn*" в оригинальном тексте Библии соответствует слово "*bin*" [8, с.101]. В заголовках современных статей СМИ авторы часто прибегают к фразеологизмам, чтобы привлечь внимание читателя, нередко для этой цели используются «аллюзии», отсылающие к известным сюжетам Библии, и хотя по своей природе, как указывает Л.Н. Лунькова, «аллюзия не требует специальной индикации в тексте, тем не менее, декодирование аллюзии может представлять трудность, если автор и читатель принадлежат к разным культурным и историческим сообществам» [18, с. 83]

Анализируя дополнительный имплицитный смысл при чтении текстов различных функциональных стилей (газетно-публицистического, художественного и научного), мы столкнулись с проблемой того, что студенты, как начальных курсов, так и более продвинутого уровня, не всегда могут соотнести наличие в тексте вербально невыраженных, но угадываемых «аллюзивых» смыслов. Необходимо отметить, что обучение чтению на иностранном языке в нелингвистическом вузе на начальном этапе подразумевает формирование умения понимать основное содержание оригинальных текстов по современной проблематике (например, художественные тексты, газетные статьи), включая выводы, сделанные

автором текста, его особую позицию. На продвинутом уровне студентам предлагаются профессионально-ориентированные тесты, работа с которыми призвана научить их понимать все типы текстов, информационных новостных сообщений, различны документов по профессиональной проблематике (газетно-публицистические, научно-популярные, официально – деловые и т.п.), а также адекватно интерпретировать и оценивать как эксплицитную, так и имплицитную профессионально-релевантную информацию.

Общеизвестно (Дубровина К.Н., Кунин А.В., сайт BBC – «Библия, создавшая английский язык» [11], [17], [5] и др.), что английский язык – это язык Библии и Шекспира. Ни один писатель, ни одна книга не оставили столь глубокого влияния на формирование английского языка как эпизоды Ветхого и Нового Завета [8, с. 95]. Очевидно, что не все в Библии поддается осмыслению с первого раза и библейские фразеологизмы – не исключение. Многие устойчивые по своей форме и содержанию обороты можно и нужно переводить буквально, тем не менее, в большинстве из них кроется глубинный смысл, их значения являются переносными – метафорическими, символическими, аллегорическими, поэтому для расширения фоновых знаний студентов мы обратились к стилистическому приему «аллюзии».

Цель нашего исследования состояла в том, чтобы выявить особенности источников и декодирования «аллюзий», переосмыслить значимость некоторых популярных и широко употребляемых сегодня в различных функциональных стилях «аллюзий»; активизировать фоновые знания студентов, которые способствуют успешной расшифровке «аллюзии» как способности «понять вертикальный контекст, воспринять информацию историко-филологического характера, заложенного в художественном произведении» [25, с. 3]. Для реализации этой цели были решены следующие задачи: охарактеризовать наиболее важные исторические факты, оказавшие наибольшее влияние на формирование английского языка; переосмыслить значимость некоторых популярных и широко употребляемых сегодня в различных функциональных стилях «аллюзий»; обозначить различия в компонентном составе внутренней форме идиоматических оборотов русского и английского языка, имеющих прототипом одну и ту же ситуацию, разработать и апробировать систему упражнений для расширения фоновых знаний студентов, направленных на работу с учетом особенностей данного стилистического приема.

Теоретические основы исследования

К разграничению смежных понятий, используемых в исследовании: аллюзия, фразеологизм, фоновые знания, вертикальный контекст. Поскольку основным термином нашего исследования является «аллюзия», то целесообразно начать со стилистического приема «аллюзия», рассмотреть его оценочный потенциал, так как «несмотря на высокую частоту использования данного приема и немалое количество работ, посвященных его изучению, существует множество расхождений в его понимании разными авторами [4, с. 10]». Как показало исследование, в научной литературе многие авторы обращались к определению феномена «аллюзия» (Гальперин И.Р., Дубровна К.Н., Ковшова М.Л., Лунькова Л.Н., Скребнев Ю.М., Телия В.Н.) и мн.др., однако, работ, полностью посвященных стилистическому приему «аллюзии», немного, среди них диссертационные исследования (Белоножко Н.Д., Машкова Л.А., Мамаева А.Г., Лунькова Л.Н., Семенова М.О. и др.). Этимологически термин «Аллюзия» восходит к лат. "Alludere", что означает - «играть», «шутить», «намекать». В работе Шляховой С.С. указано, что, во-первых, аллюзия представляет собой заимствование лишь определенных элементов исходного текста, по которым происходит их узнавание, предикация (описание некоторого положения вещей) осуществляется по – новому. Как пример приводятся слова из повести В. Нарбиковой «План от первого лица. И второго:» – *Я говорил, что в красоте жить нельзя, что ничего не получиться*, – слова героя по фамилии Додостоевский. Из «цитатного атома» «красота» и части фамилии героя – Достоевский складывается классический тезис Ф.М. Достоевского «красота спасет мир». В случае аллюзии заимствование элементов происходит выборочно, они присутствуют как бы «за текстом» – только имплицитно; во–вторых, подчеркивается, что привносить аллюзивный смысл могут элементы не только лексического, но и грамматического, словообразовательного, фонетического уровней организации текста; в–третьих, аллюзия «намекает» на некое событие, бывшее в действительности как средство «расширенного переноса свойств и качеств мифологических, библейских, литературных, исторических персонажей и событий на те, о которых идет речь в данном высказывании», в таком случае «аллюзия не восстанавливает хорошо известный образ, а извлекает из него дополнительную информацию (И.Р. Гальперин)» [30, с.39].

Скребнев Ю.М. считает, что термин «аллюзия» обозначает особую разновидность метафоры: «The term allusion denotes a special variety of metaphor. As the very meaning of the word shows, allusion is a brief reference to some literary or historical event commonly known. The speaker (writer) does not need to be explicit about what he means: he merely mentions some detail of what he thinks analogous in fiction or history to the topic discussed. Of course, the educational level of the listener (reader) is expected to be sufficient to grasp the real sense of the message» [26, с.115]. Как пример, Скребнев Ю.М. приводит аллюзию на основе «несочетаемых метафор» (incongruous metaphor), в монологе литературного персонажа Эркюля Пуаро из детективных романов Агаты Кристи, бельгийца по происхождению, который превосходно говорит на

английском языке: "For somewhere," said Poirot to himself, indulging in an absolute riot of mixed metaphors, "there is in the hay a needle, and among the sleeping dogs there is one on whom I shall put my foot, and by shooting the arrow into the air, one will come down and hit a glass – house!" Слова монолога отсылают к пословицам и идиомам – *To look for a needle in a haystack* (искать иголку в стоге сена)*; to let sleeping dogs lie* (идиома – русск. – не буди лихо, пока спит тихо; не касаться неприятных вопросов; больных мест – *перевод наш); to put one's foot down* (идиома – занять твердую позицию, настаивать на своем)*;* строчкам известного американского поэта и переводчика Генри У. Лонгфелло (Henry W. Longfellow 1807 - 1882) *I shot an arrow into the air (поэт.),* а также библейскому обороту - *People who live in glass – houses shouldn't throw stones (*Живущим в стеклянном доме камнями бросаться не следует. Не указывай на чужой двор пальцем, *а* то укажут на твой вилами. Других не суди, на себя погляди*).*

Л.Л. Лунькова обращает внимание на то, что в англоязычной традиции аллюзия определяется как имплицитная ссылка на литературное произведение, автора, событие. Аллюзия внутренне направлена на то, чтобы читатель приобщился к фоновым знаниям писателя, она расширяет ассоциативный круг художественного произведения, придает глубину. Аллюзия всегда рассчитана на способность читателя распознать и расшифровать авторскую ссылку [18, с.76]. Тенденция к использованию аллюзий на самые известные гуманитарные факты подтверждает предположение о том, что писатели отчетливо осознают существование культурно-исторических фоновых знаний и вполне сознательно ориентируются на них в своем творчестве < ...> в отличие от более или менее произвольного употребления других стилистических приемов использование аллюзий является социально обусловленным и в значительной степени предопределенным теми актуальными фоновыми знаниями, которыми обладает конечное звено системы передачи информации «ПИСАТЕЛЬ – АЛЛЮЗИЯ – ЧИТАТЕЛЬ» [18, с.84]. Далее автор указывает, что механизмы распознавания аллюзий представляют особый интерес, поскольку она принадлежит двум и (более контекстам): один из которых экстралингвистический, а другой – это само произведение, на которое ссылается автор, поэтому интерпретация аллюзий оказывается сложной задачей – адресату – читателю приходится определить не только функцию аллюзии, но и установить межтекстовые связи. Процесс распознавания аллюзий становится процессом, соединяющим текст с фоновыми знаниями читателя в конкретный исторический период, с набором «общих мест» и «ситуационных моделей», которые имеются на момент создания произведения, заключающих в себе социально-историческую и филологическую информацию [18, с.87].

И.В. Гюббент подчеркивает в своих исследованиях то, что «аллюзия» — это одна из главных категорий вертикального контекста, т.е. объективно существующей вне произведения информации историко-филологического, социокультурного и материально-исторического характера, которая актуализируется в произведении и без знания которой невозможно его полноценное понимание. Такое понимание возможно, если фоновые знания адресата включают в себя данную информацию [8, с. 23]. А.Б. Зайцев в монографии «Фоновые знания: репрезентация в тексте» (2009) указывает, что «Декодирование аллюзий» требует не стереотипных, а конкретных знаний (если имеется в виду глубокое проникновение в смысл высказывания) даже тогда, когда аллюзия лексикализована и фразеологизована (Наер 1993, 7, цит. Зайцев А.Б., с.39). При этом давно уже подчеркивалось необходимость совместного изучения аллюзий и фоновых знаний. Рассмотрение фоновых знаний как элементов культуры, подверженных влиянию процессов ее социодинамики, позволяло говорить об «актуальных фоновых знаниях» и «традиционных источниках аллюзий», и приравнивать фоновые знания к источникам аллюзий [13, с.39].

Материал и методы

Для достижения цели исследования нами был проведен эксперимент на базе Финансового университета при Правительстве Российской Федерации с привлечением более 36 человек (1–2 курс бакалавриата по направлению подготовки «Государственное и муниципальное управление», «Политология» и 1 курс магистратуры по направлению подготовки «Международные экономические отношения»). При проведении эксперимента были запланированы три основных этапа работы. Первый, подготовительный, включал составление и систематизацию библиографии по избранному направлению исследования; на втором этапе разрабатывались методические рекомендации с фактическим материалом и упражнениями для «включения» фоновых знаний студентов при расшифровке «аллюзий», встречающихся в различных стилистических жанрах, включая современные СМИ; на третьем этапе, завершающем, были проанализированы тесты и ответы студентов, сформулированы выводы о полученных результатах.

Эмпирической базой исследования стали результаты входного анкетирования (письменного опроса) студентов (всего 36 человек) в режиме офлайн с небольшим количеством так называемых вопросов-фильтров и открытых вопросов, [22, с.87] чтобы выяснить, знакомы ли они с такими явлениями как «фразеологизмы», «аллюзия», открытые вопросы предполагали свои собственные ответы с примерами вышеперечисленных лингвистических явлений на русском или английском языке (с переводом).

Анкета для испытуемых 1–2 курса бакалавриата фа-

культета политологии Финансового университета при Правительстве РФ; возраст 18–20 лет; обоего пола; для магистрантов 1 курса факультета Международных экономических отношений; обоего пола; возраст 22 и выше.

В качестве инструкции для студентов (20 человек), испытуемых 1-2 курса бакалавриата, было предложено письменно ответить на предложенные вопросы:

1. Дайте определение следующим лингвистическим терминам
— фразеологическая единица (фразеологизм)
— аллюзия
2. Найдите соответствие в русском языке следующим английским фразеологизмам (или в свободной форме истолкуйте эти фразеологизмы). Всего 10 единиц, отобранных из текстов публичных СМИ (журнал The Economist) учебников средней сложности,
Man shall not live by bread alone; Golden calf; To turn the other cheek; Crown of thorns; Let the dead bury their dead; The prodigal son; A black sheep; A fly in the ointment; Can the leopard change his spots? The Last Supper.

Для студентов магистратуры были предложены практически одинаковые вопросы. Однако исходя из того, что на этом уровне обучаемые уже владеют достаточным лексическим минимумом учебных лексических единиц общего и терминологического характера, было решено увеличить количество переводных единиц в два раза.

В качестве инструкции для магистров (16 человек), было предложено письменно ответить на предложенные вопросы:

1. Дайте определение следующим лингвистическим терминам
— фразеологическая единица (фразеологизм)
— аллюзия
2. Найдите соответствие в русском языке следующим английским идиомам (или в свободной форме истолкуйте эти фразеологизмы) Всего 20 единиц.
Man shall not live by bread alone; Golden calf (from the expression – worship the golden calf); To turn the other cheek; Crown of thorns; Let the dead bury their dead; The prodigal son; A black sheep; A fly in the ointment; Can the leopard change his spots?; The Last Supper; A lost sheep; The doubting Thomas; In the twinkling of an eye; Wolves in sheep's clothing; The root of evil; For they sow the wind, and they shall reap the whirlwind; Love the neighbor as thyself; Love the neighbor as thyself; A drop in the bucket; To cast pearls before swine; Thirty pieces of silver.

Результаты входного анкетирования показали, что студенты первого и второго курса бакалавриата:

1. Корректно ответили на первую часть вопроса из 20 человек – 12; предложив следующие ответы – фразеологизмы - это «сочетания слов, используемые в художественной литературе и не имеющие точных эквивалентов с других языках», «выражения дословно непереводимые на другой язык», «крылатые выражения, которые не переводятся слово в слово на русский язык», например, бить баклуши, мокрая курица, божий одуванчик и т.д. Однако только четыре человека из 20 привели примеры на английском языке – *to call a spade a spade, learn by heart, green finger* и некоторые другие. Однако никто не ответил на вторую часть вопроса об аллюзии.
2. Второй вопрос вызвал большие затруднения. Только 3 человека испытуемых смогли объяснить в свободной форме некоторые библейские фразеологические выражения.
3. Только один студент из двух групп смог более-менее внятно объяснить происхождение идиомы – *the prodigal son.*

Результаты входного анкетирования показали, что студенты первого курса магистратуры:

1. Магистранты справились с ответами на первую часть вопроса и дали различные определения фразеологизмов, но не смогли описать даже в свободной форме лингвистическое явление «аллюзии».
2. Семь из шестнадцати магистрантов смогли привести правильный перевод идиоматических выражений, среди которых "*a lost sheep*", "*to cast pearl before swine*", "*the prodigal son*", "*the root of evil*", *"thirty pieces of silver"*, *"man shall not live by bread alone"*. Неточный перевод пришелся на следующие словосочетания – «golden calf» (полное выражение *to worship the golden calf* – поклоняться золотому тельцу) - перевели как «золотой теленок» вместо «золотой телец»; "*For they sow the wind, and they shall reap the whirlwind*" - перевели как «посеешь, то и пожнешь» вместо «Ибо они сеют ветер, и пожнут бурю» и некоторые другие; "*Let the dead bury their dead*" – «Пусть мертвые хоронят своих мертвых» - вместо *рел.* «предоставь мертвым хоронить своих мертвецов» [от Матвея 8: 22] [32]. Трое испытуемых ответили, что поняли смысл выражений, но не смогли найти точное соответствие и переложить эти идиомы на русский язык.
3. Три человека описали прототип к таким выражениям как *the prodigal son, thirty pieces of silver, to cast pearl before swine, The Last Supper, a lost sheep.*

Таким образом, входное анкетирование выявило необходимость организовать работу с учетом особенностей стилистического приема «аллюзии» и расширить репертуар заданий при работе со стилистически ослож-

ненными текстами, добавив упражнения, направленные на развитие ряда компетенций, необходимых современному специалисту.

По нашему мнению, одним из способов интенсификации деятельности студентов и магистрантов, повышения уровня их мотивации к изучению аллюзий и их прототипов может быть компетентностный подход, предъявляющий базовые и продвинутые компетенции к студентам Вузов. На базовом уровне предполагается владение языком как средством общения: наращивание словарного запаса, освоение определенных грамматических структур, знание закономерностей функционирования языка, знакомство культурной средой изучаемого иностранного языка. Продвинутый уровень предполагает использование иностранного языка для решения практических и поисковых задач, например, для поиска необходимой информации. Этот уровень имеет междисциплинарный характер и оценивается по достигаемому результату, а не только по правильности употребления определенных грамматических конструкций и активной лексики [21, с.2].

Исследователи компетентностного подхода к обучению предлагают несколько классификаций ключевых компетенций: 1) ценностно-смысловая 2) общекультурная 3) учебно-познавательная 4) информационная 5) коммуникативная 6) социально –трудовая 7) личного совершенствования [21, с.2].

Исходя из вышеперечисленных положений, для работы со стилистически осложненным текстом, студентам были предложены упражнения, направленные на развитие ряда компетенций, необходимых современному специалисту.

1) Развитие познавательной лингвокультурной деятельности и формирование лингвистической компетенции, направленной на активизацию и выработку привычки самостоятельной работы по поиску и изучению дополнительных источников информации для заполнения общекультурных и профессиональных лакун. Данный вид работы предполагает систему интеллектуальных и практических действий, ориентированных на поиск, анализ, оценку недостающей культурологической информации и контроль адекватности собственных действий. Целью заданий является узнавание «аллюзии» и ее правильная интерпретация с учетом контекста, объяснение на английском языке прототипа следующей аллюзии.

► **Find a phrase of a biblical origin in the title of the article. Use a dictionary or any other source of information to explain the meaning of the Biblicism and find a proper Russian equivalent. How would you translate the title?**

Books: *Stranger in a Strange Land* by Robert A. Heilein; *The Prodigal Daughter* (Kane and Abel) by Archer Jeffrey; *The Grapes of Wrath* by John Steinbeck; *Delilah and Solomon* by Gigi Gross; *In the Shadow of David* by Martin Baggen; *Seven Pillars of Wisdom* by T.E. Lawrence; *Towards Jerusalem* by Denise Robertson etc.
Headlines in the Guardian: *Forbidden fruit: why provocative art and Instagram don't mix; Harvesting the forbidden fruit; The government olive branch to Christians is tinged with hypocrisy; The black sheep of Swiss politics; Bo Bo black sheep; The blind leading the sighted; The bland leading the blind* etc.

Здесь целесообразно отметить, что со студентами бакалавриата и магистратуры была проведена познавательная беседа о специфике библейских фразеологических единиц, основанной на исследовании Т.Н. Федуленковой под названием «Характеристика прототипов библейской фразеологии и способы преобразования в языковые единицы» [29]. Процитируем основные положения научной работы как основание для беседы: «Специфика библейских фразеологических единиц такова, что, даже изучая эту единицу в синхронном плане, мы всегда имеем перед собой ее генетический источник, ее прошлое состояние, деривационную базу. Вот почему любое изучение *библейской фразеологической единицы* (- выделено нами) основано на сопоставлении или противопоставлении этой единицы с ее прототипом, на фоне которого она выявляет свою сущность. Под прототипом библейского фразеологизма понимаем тот языковой или ассоциативный материал, на базе которого материализуется значение новой фразеологической единицы» [29, с.110]. Значимым для расширения фоновых знаний является утверждение профессора о том, что «фразеологизмы вообще и библейские фразеологизмы в частности могут обслуживать как элементную, так и «событийную номинацию» (термин В.Г. Гака), то есть обозначать не только отдельный элемент действительности, но и целое событие или ряд событий или микроситуаций. В основе таких фразеологизмов лежит какой-то библейский сюжет, являющийся прототипом особого рода. Такие событийные прототипы, или аллюзии, сочетают в себе как языковую (отдельные слова из библейского текста), так и внеязыковую (содержание библейского сюжета) основы. В первом случае перед нами - элементная аллюзия, например, *the prodigal son*, образованная на основе библейского рассказа о блудном сыне, который, покинув отчий дом, промотал состояние своего отца и спустя какое-то время решил вернуться домой, где был встречен с распростертыми объятиями. Во втором случае мы имеем дело с безэлементной аллюзией: *the slaughter of the innocents* (избиение младенцев - выд. нами). В Библии (Matthew II: 16) [32] речь идет об истреблении всех вновь родившихся младенцев в Вифлееме по приказу царя Ирода после того, как он узнал о рождении Мессии. Как подчеркивает автор, первичная ситу-

ация служит в дальнейшем мотивом фразеологизации данных словосочетаний или предложений и обуславливает их высокую аллюзивность, которая понимается как способность навести мысль читателя / слушателя на нужные лица, обстоятельства, ситуации» [29, с.112].

► **Find a phrase of a biblical origin in the text below. Use a dictionary or any other source of information to explain the meaning of the biblical allusion and find a proper Russian equivalent (The examples derived from The Economist). Explain the allusion behind the expression.**

— LITTERING in graveyards is generally frowned upon. But at the edge of Kangemi, a slum in Nairobi, Kenya's capital, a patch of land that used to be a final resting place for humans now serves as a rubbish dump. A few mangy goats roam around, picking out scraps of food. Men, too, scrabble around. "This is where we find our **daily bread**," says George Kimani, who collects aluminium cans and plastic bottles and sells them to recyclers. But one thing is not of use, he says: plastic bags. Left behind by goats and men alike, they form a carpet of green, blue, and white on the ochre earth. ("Kenya tries to ban plastic bags—again" (economist.com))

— Mr Papandreou was in part the author of his own misfortune. Seeking the backing of the Greek people in a referendum, he was immediately condemned in the capitals of Europe as a fool or a traitor. Why had he wrecked all their good work? How dare he bring disaster on the rest of the euro zone when it had so generously bailed out his **scapegrace** of a country? A furious Mr Sarkozy and Mrs Merkel summoned him for a dressing-down on the fringes of the G20 summit in Cannes. Mr Sarkozy's hopes that this gathering might set the stage for generous emerging-market investment to support the euro were already faint. They now look impossible. ("Greece's woes" (economist.com))

2) Одной из значимых компетенций в компетентностном подходе является общекультурная, которая направляет студентов к приобщению анализа диалога культур. В плане изучения иностранных языков речь идет о формировании социокультурной компетенции, которая рассматривается как умение находить общее и специфическое в моделях развития изучаемого и родного языков, готовность сравнивать и обобщать культуроведческую информацию, получаемую из разных источников и на разных языках, строить речевое взаимодействие в соответствии с нормами, принятыми в той или иной культуре, с учетом речевой специфики.

Библия является важнейшим литературным источником фразеологических единиц. Фразеология тесно связана с культурой, историей, религией народа – носителя языка, поэтому является неотъемлемой частью языковой картины мира, не случайно, поэтому между библейскими фразеологизмами в разных языках обнаруживается значительное сходство. По мнению К.Н. Дубровиной [12, с.128], основные причины достаточно очевидны. Они объясняются общим источником фразеологических оборотов, каковым является Библия, следовательно, общими библейскими образами и сюжетами. Обобщенное, абстрактное значение, восходящее к какому-либо библейскому образу или сюжету, общее для всех языков всех народов, связанных христианской религией в терминологии К.Н. Дубровиной названа библиемой. В этой связи следующим заданием для студентов может быть анализ распространенных библеизмов и библием в русском и английском языках.

► **Compare and contrast the following biblical phrases in the Russian and English languages. Define (if possible, the reasons for the discrepancies between Biblical phraseological units, highlight the lexical gaps in some languages).**

Студенты проанализировали, например, следующие библиемы русского и английского языков – *Иуда Искариот – Judas Iscariot* – abstract meaning – betrayal, perfidy – предательство, вероломство, коварство; *Ирод – Herodians* – abstract meaning – atrocity – жестокость; *Лазарь – Lazarus* – abstract meaning – poverty, illness and other woes – бедность, болезнь и другие беды; *Содом и Гоморра – Sodom and Gomorrah* – notoriously sinful cities in the Old Testament Book of Genesis. (Gn.: 19: 24) [32] – печально известные города, упоминавшиеся в Ветхом Завете, которые были уничтожены Богом за нечестивость их жителей и др. Выделили примеры широко распространенных и употребляемых как в русском, так и в английском языках оборотов, таких как at the eleventh hour – в последнюю минуту, *beat swords into plough-shares* – перековать мечи на орала или переход к мирному труду, *new wine in old bottles* – новое в старых мехах, другие библейские идиомы, на которые было указано выше – *filthy lucre* – презренный металл, деньги; *a wolf I sheep's clothing* – волк в овечьей шкуре; *the root of evil* – корень зла; *plagues of Egypt* – египетские казни; умыть руки – *wash one's hands* и многие другие. Эвристическим поиском для студентов стало выявление некоторых лакун, то есть отсутствие определенных фразеологизмов, например, в английском языке – *притча во языцех, ничтоже сумняшеся, темна вода во облацех* и др. Напротив, в русском языке отсутствуют библейские фразеологизмы – *to lay the axe to the root of something* – что буквально означает положить топор к корню чего-либо; *mouth of fools* – уста глупых и мн. др.

Следующим шагом после анализа и сравнения идиоматических выражений, студентам было предложено задание на Gap-filling с этими выражениями, например:

(B1) People often wonder what **[the root of evil]** is. Is it money, power, or something deeper inside us? Many stories and books explore this topic. Some people say that being greedy might be where evil begins. When someone wants too much, they might hurt others to get what they want. For example, if a person desires a lot of money, they might not care for the well-being of those around them. They may lie or cheat to get it.

(C1) Adapting fresh ideas to traditional frameworks can be challenging, akin to **[new wine in old bottles].** The innovative often clashes with established paradigms, questioning the very fabric of conventions. Striking a balance requires ingenuity and foresight, ensuring that modern insights augment rather than disrupt the valued legacies of the past.

3) Основное внимание при компетентностном подходе уделяется формированию коммуникативной компетенции как активизации коммуникативных навыков с учетом прагматической и эмотивной составляющих для развития творческой личности, стимулирования критического мышления, совершенствования профессиональных качеств, востребованных в будущей специальности. С этой целью следующие упражнения имеют несомненную значимость.

► **Comment on the quotation. Can you agree with the author? Provide your arguments, draw examples**.

— The parable of the prodigal son is a beautiful illustration of God's love and forgiveness. (Billy Graham)

— *"Wolves in sheep's clothing"* - Appearances can be deceiving (Aesop)

► **Find more information to show the meaning of the biblical allusion" Cast your bread upon the waters". Present your ideas in class to discuss with your groupmates.**
(made with AI Нейросеть для генерации изображений: создание уникальных артов и иллюстраций по описанию – Нейросеть Fabula (fabula-ai.com)

4) Компетентностей подход к обучению иностранному языку предусматривает выполнение письменных упражнений, порождение письменных высказываний в коммуникативных целях как процесса выражения собственных мыслей, таких как суждение, впечатление, точка зрения. Creative writing - творческая письменная речь, включающая, например, создание сценариев, рассказов, стихов и др., по нашему мнению, является наиболее успешным типом контроля за усвоением понимания глубины «библейской аллюзией», умением работы с текстом, содержащим различные библейские идиомы.

► **Creative writing. Think about the biblicism "*a wolf in sheep's clothing* " and craft a short story which tells about:**

— Your journey of learning to identify true intentions behind people's actions and words.

— Your experience of recognizing a "*wolf in sheep's clothing*" among your friends what you learned from it.

— How to discover the importance of trust when dealing with people who seem kind but have hidden motive.

► **Creative writing. Write a social media post discussing a situation where you felt like "*the blind leading the blind*" and how it affected the outcome. Use your active vocabulary in your post.**

► **Public speaking: Ideas change everything. Choose the Topic that You Like and Share Your Thoughts on it! (You have 5 minutes to present your position)**

— Some people believe that individuals who appear friendly and trustworthy can often hide their true intentions. To what extent do you agree or disagree with this opinion?

— Many believe that being overly trusting can lead to harmful situations. To what extent do you think this is true?

— The idea of "*wolves in sheep's clothing*" suggests that we should always be wary of others. Is this a healthy approach to relationships?

— In today's society, the concept of deceit among politicians seems to be more prevalent. What are the implications of this trend?

► **Boost your creativity! *What the film The Scapegoat*. Write a captivating narrative by employing a range of storytelling strategies and techniques to present the film. Voice the trailer, present the new version of the trailer to your groupmates.**
в качества самостоятельной работы + сделать аннотацию к фильму / озвучить видеоролик (Storytelling) / задание для студентов Watch Live TV, Movies, and TV Shows Free Online (plex.tv)) – trailer

Результаты и обсуждения

После завершения эксперимента сделан вывод о том, что наша работа помогла студентам по-новому взглянуть на лингвистическое явление «аллюзии» как косвенной ссылки на исторический факт, ситуацию или событие. В ходе эксперимента со студентами и магистрантами Финансового университета при Правительстве Российской Федерации удалось установить тот факт, что обучаемые действительно в силу ряда причин не имеют достаточных фоновых знаний и испытывают сложности с интерпретациями прототипов – героев, фактов, событий, порождаемых текстом Библии. Это обусловило логику эксперимента - сначала ознакомление обучаемых с фразеологическими единицами, которые встречаются в текстах различных стилистических жанров, в заголов-

ках иностранных статей СМИ и названиях книг (с последующим прочтением отрывков), затем более глубокое осмысление «аллюзий» (в частности, библейского происхождения), их анализ с последующей переработкой и изложением материала в устной и письменной форме на английском языке.

Как показали результаты исследования, большинство студентов - 32 человека из общего числа студентов и магистров (что составляет примерно 90%) проявили заинтересованное участие в эксперименте, освоив достаточное число фразеологизмов, предложенных в начале эксперимента. Не возвращаясь к подробностям проведения эксперимента, отметим, что обе группы (студенты и магистры) обратили внимание на значимость опознавания «скрытых смыслов» аллюзии при извлечении текстовой информации как культурно релевантных знаний, отраженных в английском языке. Важным для студентов оказались знания об обстоятельствах, источниках появления той, или иной фразеологической единицы, зафиксированной в национальном языке.

Подводя итог, отметим, что для расширения фоновых знаний студентов при работе со стилистически осложненными текстами в целях интенсификации деятельности студентов, стремления повысить уровень их мотивации, мы обратились к компетентностному подходу и разработали ряд необходимых упражнений, некоторые их которых представлены в данной научной статье. Эти упражнения способствуют систематизации знаний по изучению фразеологических единиц, расширяют фоновые знания студентов, которые способствуют активации феномена «аллюзии» при чтении текстов на английском языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева М.И. Семантика фразеологической единицы buck fever в общем и институциональном дискурсах / М.И. Андреева // Научный диалог. – 2016. – № 1 (49). – С. 8–15.
2. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык [Электронный ресурс]: учебник для вузов / И.В. Арнольд. – 13-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2016. – 384с.
3. Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на Первом Глобальном форуме молодых дипломатов в рамках Всемирного фестиваля молодежи и студентов [Электронный ресурс]. – URL: https://washington.mid.ru/ru/presscentre/news/vystuplenie_ministra_inostrannykh_del_rossiyskoy_federatsii_s_v_lavrova_na_pervom_globalnom_forume_m/ (дата обращения: 08.06.2024)
4. Белоножко Н.Д. Особенности аллюзии как оценочного предиката в художественной литературе/Н.Д. Белоножко // Диалог языков, культур и литератур в профессионально ориентированном и филологическом аспектах: сб. науч. ст. по материалам Междунар. научн. конф., г. Москва, 15 окт.2014 г./ [ред. кол.: И.А. Бубнова, Т.Г. Чеснокова; отв.ред. М.Н. Николаева] ; Департамент г. Москвы, Гос. бюджет. образ. учрежд. высш. проф. образования г. Москвы «Мос. гор. пед. ун-т» (ГБУ ВПО МГПУ), Ии-т гуман. наук, Каф. зарубежн. филологии. – М., 2015. – с.8-14.
5. Библия, создавшая английский язык. – сайт BBC News русская служба [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.bbc.com/russian/uk/2011/04/110418_bible_translations
6. Блохина А.О. Библия как источник крылатых слов в английском и русском языках/А.О. Блохина//Актуальные проблемы преподавания иностранных языков в высшей школе Республики Беларусь: сборник материалов IV Республиканской научной конференции, 24 ноября – 23 декабря 2016 г. – Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2017. – С. 154–158.
7. Гальперин И.Р. Stylistics [Текст]: Учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. / I. R. GALPERIN. - Москва: Высш. школа, 1971. – 342 с.
8. Гришина Л.В. Значение перевода Библии и творчества Шекспира в развитии английского языка // Язык. Культура. Общество. Актуальные проблемы, методы исследования и проблемы преподавания: Сборник статей /Под ред. И.Е. Коптеловой; Дипломатическая академия МИД России. – 2-е изд. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2019. – С. 94 -110.
9. Гюббенет И.В. К проблеме понимания литературно-художественного текста / И.В. Гюббент. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. – 112 с.
10. Васильева Г.М. Традиции и новации в методике обучения иностранным языкам. Обзор основных направлений методической мысли в России / [Г.М. Васильева и др.]; под ред. Л.В. Московкина; Российский гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, Филологический фак. - Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2008. - 232, [2] с.; 22 см.; ISBN 978-5-288-04648-3 (в пер.)
11. Гришина Л.В. Значение перевода Библии и творчества Шекспира в развитии английского языка // Язык. Культура. Общество. Актуальные проблемы, методы исследования и проблемы преподавания: Сборник статей /Под ред. И.Е. Коптеловой; Дипломатическая академия МИД России. – 2-е изд. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2019. – С. 94 -110
12. Дубровина К.Н. Библейские фразеологизмы в русской и европейской культуре. М.: Флинта. – НАУКА, 2012. – 260 с.
13. Зайцев А.Б. Фоновые знания: репрезентация в тексте [Текст]/ А.Б. Зайцев; НОУ ВПО «Московский ин-т лингвистики». - Москва: Стандартпроект: Московский ин-т лингвистики, 2009. - 159, X с.; 21 с.
14. Карпов В.В. Особенности профессиональной подготовки студентов международников. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-professionalnoy-podgotovki-studentov-mezhdunarodnikov-v-rossii (дата обращения: 13.01.2024)
15. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. Изд. 3-е. – М.: ЛЕНАНД, 2016. – 456 с.
16. Куликова Г.Н. Английский язык для православных духовных учебных заведений. Сергиев Посад: изд-во МПДА, 2013. -522.
17. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: учеб. Для институтов и фак. иностр. яз. – 2 –е изд., перераб. – М.: Высш. шк., Дубна: Изд.

центр «Феникс», 1996. – 381.
18. Лунькова Л.Н. Текст: интеллектуальное дежавю. Интеллектуальное дежавю [Текст]: монография / Л.Н. Лунькова. - 3-е издание, стереотипное. - Москва: ФЛИНТА, 2018. – 235 с.; ISBN 978-5-9765-2936-6
19. Мамаева А.Г. Лингвистическая природа и стилистические функции аллюзии: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.04. - Москва, 1977. - 197 с.
20. Машкова Л.А. Литературная аллюзия как предмет филологической герменевтики: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.04 / МГУ им. М.В. Ломоносова. Филол. фак. - Москва, 1989. - 185 с.
21. Мишнева Ю.И. Компетентностный подход в обучении иностранным языкам // Концепт. – 2014. – Спецвыпуск № 8. – ART 14600. – 0, 38 п.л. – URL: http: // e-concept.ru/2014/14600/htm. – Гос. рег. Эл № ФС 77–49965. –ISSN 2304 –120X
22. Образцов П.И. Методы и методология психолого-педагогического исследования. – СПб.: Питер, 2004. – 268с. – (Серия «Краткий курс»).
23. Пиков Г.Г. Христианство и средневековая культура [Текст]: монография / Пиков Г.Г. - Новосибирск: Манускрипт, 2011. - 399 с.
24. Рубина С.Н. Лингвострановедческий подход к презентации русской фразеологии в китайской аудитории [Текст]: Дис. . .канд. пед. наук: 13.00.02: Волгоград, 2000. – 238 с.
25. Семенова М.О. Аллюзии и их классификация применительно к сентимент-анализу. URL: http://www.nauteh-journal.ru/files/130e7f16-9f0b-4b9b-92bf-2c1fcac45a0b (дата обращения: 22.03.2025)
26. Скребнев Ю.М. Основы стилистики английского языка: Учебник для институтов и фак. иностран. яз. – 2-е изд., испр. –М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2000. – 224.
27. Телия В.Н. Культурно-языковая компетенция: ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка / В.Н. Телия // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках. – М.: Языки славянской культуры, 2004а. – С.19-30.
28. Традиции и новации в методике обучения иностранным языкам. Обзор основных направлений методической мысли в России / [Г.М. Васильева и др.]; под ред. Л.В. Московкина; Российский гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, Филологический фак. - Санкт-Петербург: Изд-во С.- Петербургского ун-та, 2008. - 232, [2] с.
29. Федуленкова Т.Н. Характеристика прототипов Библейской фразеологии и способы их преобразования в языковые единицы. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristika-prototipov-bibleyskoy-frazeologii-i-sposoby-ih-preobrazovaniya-v-yazykovye-edinitsy (дата обращения: 28.12.2024)
30. Шляхова С.С. Стилистика и литературное редактирование: учебное пособие: / С.С. Шляхова; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пермский национальный исследовательский политехнический университет». - Пермь: Изд-во Пермского нац. исслед. политехнического ун-та, 2023. - 96 с.: ил., табл.; 21 см.; ISBN 978-5-398-02907-9 (38–47)
31. Freed A.F. (2015) "Institutional Discourse." In book: In the International Encyclopedia of Language & Social Interaction, Karen Tracy, Cornelia Ilie, & Todd Sandel, (eds.). Boston: John Wiley & Sons. – Pp. 809–826. – URL: https://doi.org/10.1002/9781118611463.wbielsi151.
32. Book of Scripures – сайт https://csbible.com/wp-content/uploads/2018/03/CSB_Pew_Bible_2nd_Printing.pdf [электронный ресурс]// URL: https://azbyka.ru/biblia/search?q=Luke+&lang=10&page=1&search_type=0
33. Galperin I.R. Stylistics. – M., 1971. - p. 186
34. Zakirova A.A., Andreeva M.I. (2022) Additional Meanings of Human Body-related Idioms: Context, Semantics. Vestni k Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 24(1). – Pp. 121–128. – URL: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-1-121-128.

© Новикова Валентина Николаевна (VaNNovikova@fa.ru), Азметова Резеда Фаизовна (azmetovar@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.05–2.29

ПРИНЦИПЫ АНДРОГОГИКИ ПРИ ЭЛЕКТРОННОМ ОБУЧЕНИИ

PRINCIPLES OF ANDRAGOGY IN E-LEARNING

A. Sviridov
G. Glukhov

Summary: This study analyzes in detail the concepts of andragogy and teaching methods for adults, examines their relationship and interactive influence, which served as the basis for the creation of the concept of «andragogy». The authors also explore the approaches expressed by Alexander Kapp, the founder of the concept of androgogy, and outline the key characteristics of adult learners identified by M.S. Knowles. The article describes in detail the educational and psychological components of the adult learning process, focusing on their critical role. The task of integrating adults into a digital society through the educational process is discussed. The study highlights the importance of setting the goals of the educational process correctly and using resources effectively to achieve educational goals. The article highlights the need to integrate modern information and communication technologies into the educational process in general and in adult education in particular. In the context of this study, the role and importance of e-learning programs is particularly considered. The authors argue that the use of e-learning courses without considering the age and socio-emotional characteristics of adult students is unacceptable. It is emphasized that choosing the right educational model, creating a stimulating learning environment, and using modern learning technologies significantly increase the effectiveness of learning. Based on key andragogical principles, recommendations on the content and structure of electronic educational programs for the target group were outlined. The implementation of these recommendations will effectively improve the existing adult learning process.

Keywords: andragogy, fundamentals of andragogy, adult pedagogy, digital educational programs, innovative technologies in education, personalized learning, training programs.

Свиридов Андрей Вячеславович
Аспирант, Самарский государственный экономический университет
Sviridov81@mail.ru
Глухов Геннадий Васильевич
Доктор педагогических наук, профессор, Самарский государственный экономический университет
kino@sseu.ru

Аннотация: В данном исследовании подробно анализируются концепции андрагогики и методики преподавания взрослым, исследуется их соотношение и интерактивное влияние, что послужило основой для создания концепции «андрагогика». Авторы также исследуют подходы, высказанные основоположником понятия андрогогики Александром Каппом, и излагают ключевые характеристики взрослых учащихся, определенные М.Ш. Ноулзом. Статья подробно описывает образовательную и психологическую составляющие процесса обучения взрослых, акцентируя внимание на их критическую роль. Обсуждается задача интеграции взрослых в цифровое общество через образовательный процесс. Исследование акцентирует важность правильной постановки целей образовательного процесса и эффективного использования ресурсов для достижения образовательных целей. В статье подчеркивается необходимость интеграции современных информационных и коммуникационных технологий в образовательный процесс в целом и в обучении взрослых в частности. В контексте данного исследования особо рассматривается роль и значимость электронных обучающих программ. Авторы аргументированно доказывают, что использование электронных образовательных курсов без учета возрастных и социально-эмоциональных особенностей взрослых учащихся недопустимо. Подчеркивается, что выбор правильной образовательной модели, создание стимулирующей обучающей среды и использование современных обучающих технологий существенно повышают эффективность обучения. Исходя из ключевых андрагогических принципов, были изложены рекомендации по содержанию и структуре электронных образовательных программ для изучаемой целевой группы. Реализация этих рекомендаций позволит эффективно улучшить существующий процесс обучения взрослых.

Ключевые слова: андрагогика, педагогика взрослых, информационные технологии в образовании, электронное обучение.

Динамично изменяющиеся социальные структуры и прогресс в области высоких технологий вынуждают людей непрерывно адаптироваться к новым реалиям. В процессе своего развития и образования, дети легко осваивают изменения, в отличие от взрослых, которым значительно сложнее подстроиться под новые требования времени. Примером этого служит стремительное распространение цифровых инноваций, к которым большая часть взрослого населения остается неподготовленной. Между тем, использование интернет-технологий, программ для удаленной работы и электронного образования становится нормой в современном мире.

При обучении взрослых возникают разнообразные трудности, многие из которых связаны с психологическими и педагогическими аспектами взрослой аудитории.

Взрослые становятся учениками, когда понимают практическую пользу обучения для осуществления желаемой профессиональной активности. Эффективность обучения повышается, когда обучаемые могут интегрировать собственный практический опыт и жизненные контексты, а также когда обучение синхронизировано с их личными целями и заданиями. Пошаговое освоение учебного материала может варьироваться среди взрослых, что требует от наставников индивидуализированного подхода, поддержания самооценки и уважения к личности. Взрослый обучаемый активно участвует в про-

цессе обучения, осознает его цели и стремится к взаимодействию. При этом взрослые часто сталкиваются с обучающимися барьерами, большинство которых связаны с опасениями потерять социальный статус, страхом проявить некомпетентность и социальными ожиданиями, которые не подразумевают образ взрослого как учащегося. Современные вызовы в образовании взрослых усиливаются предыдущими опытами обучения, омраченными недостатками традиционной педагогики, включая догматизм, лекции как основной метод, отсутствие практической направленности, доминирование технократических подходов и акцент на запоминании готовых данных в ущерб индивидуальному и творческому подходам [1].

В начале 2010-х годов в России стали активно заниматься изучением проблем, связанных с вопросами образовательного процесса взрослых и интеграции пожилого населения в цифровое общество в целом.

Так, Т.Ю. Степанова и Л.В. Ламонина выявляют, что образовательный процесс может становиться причиной психологического напряжения у взрослых. Основные причины этого, по их мнению, заключаются в отрицательных образовательных опытах прошлого, включая односторонний подход к обучению, механическое запоминание информации и строгую оценочную систему. Для многих взрослых людей переход от работы к учебе сопровождается усиленным стрессом из-за возрастающей ответственности и ожиданий [2].

В научных трудах Кудряшовой А.А. и Чаусовой Л.А. подробно описывается процесс изучения информационных технологий в рамках разнообразных программ дополнительного образования [3]. Исследователи Брачун Т.А. и Желтова И.А. утверждают, что взрослая аудитория в высшей степени заинтересована в создании безопасного образовательного пространства, считая комфортную и дружелюбную атмосферу ключевым условием для эффективного обучения [4]. Каззакулова Л.Г. анализирует основные методические подходы к организации образовательного процесса с взрослыми слушателями [5]. Трудами Переляева Ю.Н. и Чепурко Ю.В. представлена модель трехступенчатой системы обучения, направленной на повышение уровня компьютерной грамотности среди пожилых людей [6].

Современные социально-экономические трансформации подчёркивают необходимость постоянного улучшения образовательной сферы во всех её аспектах, особенно акцентируя внимание на образовании для взрослых.

Возрастающий интерес к изучению андрагогики включает в себя анализ таких аспектов, как переквалификация персонала, корпоративное обучение, повышение квалификации специалистов и другие. Важность андрагогического исследования подкрепляется не только стремлением стимулировать креативность и мышление сотрудников, но и необходимостью соответствовать новым стандартам подготовки специалистов в рамках динамично развивающейся экономики, где образование взрослых приобретает прогнозирующий характер, направленный на адресную поддержку различных социальных слоев.

Александр Капп, немецкий педагог и учитель в гимназии, живший в период с 1800 по 1869 год, был одним из первых, кто ввел термин «андрагогика» для обозначения педагогической дисциплины, занимающейся обучением и воспитанием взрослых. В его работе присутствует раздел, полностью посвящённый адультной педагогике или андрагогике, где обсуждается не только важность образовательных процессов для взрослого населения, но и подчёркиваются специфические навыки и характеристики, которые должны быть развиты как на общем уровне, так и в контексте профессиональной деятельности. Крайне важным аспектом андрагогики по Каппу является акцент на развитии внутренних личностных качеств, что отличает его подход от классических образовательных теорий [7].

Андрагогика – это дидактическая система, нацеленная на образование взрослых. В её основе лежит не столько биологический возраст студентов, сколько их психоэмоциональная подготовка к активному и самостоятельному участию в образовательном диалоге.

В 1970-х годах, после публикации фундаментальной работы американского эксперта в области обучения взрослых Малколма Шеппарда Ноулза под названием «Современная практика образования взрослых. Андрагогика против педагогики», которая впоследствии была переименована в «От педагогики к андрагогике», андрагогика активно начала развиваться как отдельная область научного знания. В данной работе Ноулз представил ключевые идеи и принципы этого подхода [8].

Вместе с Малколмом Шеппардом Ноулзом значительный вклад в развитие теории и практики андрагогики, изучающей взрослое обучение, внесли работы выдающегося британского эксперта по образованию взрослых Питера Джарвиса, американского исследователя Роджера М. Смита, а также коллектива молодых научных сотрудников из Университета Ноттингема в Великобритании.

В научной среде России терминологию «андрагогика» первым предложил С.И. Змеев, используя концепции М.Ш. Ноулза. В 1990 году он выдал работу «Теория обучения взрослых (андрагогика) за рубежом на современном этапе», внося вклад в изучение данного направления [8].

В современной литературной арене интерпретация данного термина варьируется, где андрагогика часто представляется как сегмент педагогических исследований, охватывающий исследования и практические аспекты по обучению, развитию и воспитанию взрослых. В альтернативных обзорах оно может быть описано как дисциплина, занимающаяся обучением взрослых на

протяжении всей их жизни, или как уникальный теоретический и методологический подход в этой сфере. Параллельно, с андрагогикой, в научных трудах могут использоваться эквиваленты, такие как «педагогика взрослых», «теория обучения взрослых» и другие схожие термины.

В упомянутой работе, М.Ш. Ноулз выложил фундаментальные аспекты андрагогики, подчеркнув, что обучение взрослых характеризуется рядом ключевых специфик, которые он излагает в следующем виде:

1. Взрослые студенты стремятся к немедленному использованию приобретенных навыков и знаний в практической деятельности для решения определенных проблем;
2. Процесс обучения значительно зависит от социальных, профессиональных, временных и пространственных обстоятельств;
3. Взрослый студент нацелен на самоанализ, автономность и достижение своего потенциала;
4. Взрослый студент обладает профессиональными навыками и жизненной мудростью, которые служат основой для образовательного процесса;
5. Образовательный процесс разворачивается как взаимодействие студента и преподавателя на всех этапах обучения.

Тесная связь существует между понятием «андрагогика» и «андрагогический подход». Последнее определение включает в себя методы организации и самостоятельной работы в рамках обучения взрослых, основанные на принципах андрагогики. Принимая во внимание характерные черты андрагогики, можно сказать, что андрагогический подход направлен на удовлетворение образовательных нужд взрослой, зрелой личности, которая стремится к автономии и самоанализу, обладает значительным жизненным и профессиональным опытом, а также сталкивается с профессиональными и бытовыми обязанностями.

Необходимо подчеркнуть, что изучение демаркаций возрастных категорий является одной из наименее разработанных областей в дисциплинах современной социологии и психологии. Философия рассматривает концепцию «границы» как один из ключевых, фундаментальных аспектов бытия, подчеркивая её значимость как в языке, так и в художественных творениях, где можно обнаружить различные индикаторы, демонстрирующие переход от детского к взрослому состоянию [9]. Возраст представляет собой индивидуально уникальный этап в физиологическом, эмоционально-психологическом и поведенческом развитии человека, отличающийся собственными, специфичными только для него характеристиками.

В рамках андрагогики, изучающей обучение взрослых, крайне важно понятие «взрослый человек». Однако, общепринятого научного определения, уточняющего возрастные рамки для этого состояния, на данный момент не существует. Некоторые ученые считают, что определение взрослости не должно зависеть от возраста, а скорее от уровня сознательного восприятия собственной жизни. Соответственно, взрослый человек характеризуется как фигура, достигшая физиологической, психологической, социальной, и моральной зрелости, имеющая за плечами значительный опыт и непрерывно развивающееся чувство собственного «Я», которая готова брать на себя ответственность за собственные поступки и жизненный путь.

Современные исследования в области психологии подтверждают, что ключевые аспекты развития личности взрослого, включая приобретение новых знаний и умений, более эффективно происходят через активную вовлеченность в практико-ориентированные формы обучения, такие как обсуждения, деловые симуляции, проектное обучение и анализ конкретных ситуаций, в отличие от традиционных академических подходов, основанных на лекциях и формальной оценке знаний через зачеты и экзамены. Это наблюдение подчеркивает важность стимулирования самостоятельного обучения и развития навыков саморегуляции у взрослых обучающихся, делая акцент на их активное участие и самостоятельную инициативу в образовательном процессе.

Образовательное пространство, включающее в себя социальный контекст, эмоциональный климат и учебный процесс, создает уникальное место для роста как профессиональных качеств, так и личностного развития студентов [9].

В современной педагогической и андрагогической практике выделяется тенденция интеграции новейших информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в образовательный процесс. Это обогащение преподавания насчитывает дополнительные дидактические инструменты, способствует созданию достаточно наглядного и интерактивного содержания, что включает в себя аудио, видео, и мультимедийные материалы, обеспечивая при этом гибкость контроля и оценки знаний. Всё это непосредственно влияет на повышение качества обучения и усиливает мотивацию учащихся благодаря стимулированию творческого мышления и развитию интеллектуальных способностей.

Учитывая указанное, акцентируется значимость интеграции передовых образовательных инноваций в обучении и переквалификации взрослого населения. Глобальные наблюдения подтверждают, что для эффективности образовательного процесса взрослых целесообразно сфокусироваться на виртуальных обучающих платформах. Это обусловлено преимуществами цифровых методов обучения, включая стимуляцию умственной активности студентов, выраженную персонализацию учебного процесса, уменьшение временных затрат на освоение программы примерно на одну треть, а также многообразие представления учебного материала [10].

Структурирование процесса обучения должно облегчать самостоятельный и беспрепятственный доступ к знаниям, а также стимулировать интенсивное взаимодействие участников, укрепляя роль обучающегося как активного участника образовательных мероприятий [11]. Такой методологический подход основывается на восприятии обучения как на естественную, глубоко личную потребность, присущую взрослой особе.

Ключевые компьютерные инструменты, применяемые в процессе образования взрослых, представляют собой:

1. Программные инструменты для автоматизации повседневных расчетов, оформления академических документов и анализа данных, полученных в ходе научных экспериментов.
2. Программные инструменты для мониторинга и оценки компетенций и квалификаций студентов.
3. Электронные тренажеры, разработанные для совершенствования практических умений и мастерства. Эти инструменты наиболее результативны в обучении процедурам в экстремальных и критических условиях, включая подготовку к действиям по предотвращению аварий.
4. Софт для математического и имитационного моделирования, который раскрывает новые возможности для экспериментов и теории, обогащая физические исследования вычислительными методами.
5. Программное обеспечение для виртуальных лабораторий и лабораторий с удаленным доступом.
6. Информационно-поисковые справочные системы, разработанные для загрузки, сохранения и представления учителям и ученикам широкого спектра данных. В их числе находятся разнообразные гипертекстовые и гипермедийные приложения.
7. Экспертные образовательные системы, разработанные с использованием технологий искусственного интеллекта, имитируют процесс принятия решений экспертами в условиях сложных задач.
8. Интеллектуальные образовательные системы, являющиеся системами высшего порядка, разработанными на основе принципов искусственного интеллекта. Они способны выполнять управленческие функции на всех этапах решения образовательных задач.
9. Автоматические образовательные системы, являющиеся компактными учебными приложениями, применяемыми для представления теоретического контента студентам, их практических занятий, а также оценки усвоенных знаний.

В ходе данного анализа будет целесообразно уделить особое внимание электронным курсам, как инструменту компьютерного обучения.

Привлекательность этих цифровых образовательных ресурсов заключается в их способности обеспечивать обучение широкому кругу профессионалов в сжатые сроки. В дополнение создание электронных учебных материалов потребляет значительно меньше ресурсов, как финансовых, так и временных, в сравнении с разработкой других типов образовательных систем. При этом электронные курсы обладают разнообразным функционалом: они предоставляют доступ к справочным и информационным материалам, включают проверочные, наглядные, моделирующие возможности, а также возможности для практических занятий и тренировок [12].

Часто внедрение электронных обучающих программ неразрывно сочетается с применением электронных обучающих платформ, представляющих собой интегрированную среду программно-аппаратных средств, методических подходов, а также комплекс организационных действий, направленных на предоставление учебного материала студентам через Интернет. Это включает в себя как передачу информации, так и проверку усвоенных знаний по курсу определёнными учащимися. Такие электронные курсы гарантируют доступ к образовательным ресурсам вне зависимости от местоположения и времени.

Целью электронных образовательных программ является представление материала по определенной дисциплине в логически последовательной и доступной форме, а также мониторинг за уровнем усвоения этого материала обучающимися. Эффективность использования электронного обучения находится в прямой зависимости от тщательности и продуманности этапа его разработки, который должен учитывать как потребности, так и особенности предполагаемых пользователей курса. Обучение взрослых, с его уникальными характеристиками и требованиями, предъявляет определенные задачи к созданию содержания электронных курсов. Важно опираться на ключевые принципы андрагогики, основанные на работах Малкольма Шила Ноулза, что поможет сделать процесс обучения наиболее продуктивным и соответствующим нуждам взрослой аудитории.

В свете амбиций взрослой аудитории к применению усвоенного материала в реальной ситуации, ключевым становится определение практической ценности создаваемого электронного образовательного продукта. Это включает в себя демонстрацию его прямой связи с рабочими процессами и повседневной жизнью учащихся. Содержание курса должно быть направлено на решение специфических задач, в отличие от рассмотрения абстрактных тем. При этом актуальной является интеграция сегмента с практическими упражнениями, которые подражают реальным сценариям использования.

В контексте онлайн-образования для взрослых они должны занимать центральное место, требуется обеспечение полным спектром необходимых учебных материалов и функциональной поддержкой: доступ к рекомендациям, поддержка, направления использования образовательных инструментов. В дополнение к этому

важно предоставить библиографию и ссылки на первоисточники, позволяющие учащимся активно искать дополнительные данные для обогащения своего обучения. Это дает взрослым обучающимся шанс стратегически подходить к своему образовательному процессу, с учетом определенных предпочтений, самостоятельно находить путь в учебном материале и эффективно проверять усвоенные знания.

Следует подчеркнуть, что при разработке электронных образовательных программ важно принимать во внимание практический опыт и актуальные запросы обучающихся. В этой связи целесообразно осуществлять инициативы, такие как проведение анкетирования, тестирования или интервью с целью выявления исходного уровня знаний аудитории. В дополнение к этому структурирование программы на модули или разделы будет способствовать адаптации учебного процесса к индивидуальным потребностям и предпочтениям обучающихся различного уровня подготовленности.

Андрагогика, как наука об обучении взрослых, предоставляет обоснованную платформу для разработки и выполнения образовательных целей. Она включает в себя разработку теоретических основ и методологических принципов, направленных на обеспечение приобретения универсальных и специализированных знаний. Также она способствует формированию этических ценностей у обучающихся, освоению новейших достижений в области науки и техники, а также помогает оставаться в курсе глобальных событий.

Таким образом, представляется возможным сделать вывод, что внедрение электронных обучающих программ представляет собой крайне перспективную область в контексте образования взрослых.

Тем не менее, для достижения оптимальных результатов в данной сфере критически важен процесс создания электронных обучающих курсов, который должен строго соответствовать основам андрагогики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Gnevek O.V. Reflexive management of the professional formation of would-be teachers. / O.V. Gnevek, N.Y. Saigushev, L.I. Savva. — Текст: непосредственный // International Journal of Environmental and Science Education. — 2016. — № 18. — С. 13033-13041.
2. Степанова Т.Ю. Андрагогические подходы к обучению взрослого населения в процессе реализации программы «Обучение компьютерной грамотности» / Т.Ю. Степанова, Л.В. Ламонина. — Текст: непосредственный // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. — 2016. — № 1(4). — С. 113–119.
3. Кудряшова А.А. Роль освоения информационных технологий людьми старшего возраста в современном обществе / А.А. Кудряшова, Л.А. Чаусова. — Текст: непосредственный // Актуальные проблемы активного долголетия и качества жизни пожилых людей: Сборник научных трудов Второй региональной научно-практической конференции. — Калуга: Издательство Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, 2020. — С. 181–187.
4. Брачун Т.А. Особенности обучения людей пожилого возраста использованию современных информационных технологий / Т.А. Брачун, И.А. Желтова. — Текст: непосредственный // Проблемы и перспективы развития образования в России. — 2012. — № 14. — С. 285–289.
5. Казаккулова Л.Г. Из опыта обучения людей пожилого возраста использованию компьютера / Л.Г. Казаккулова. — Текст: непосредственный // Наука и производство Урала. — 2017. — № 13. — С. 89–91.
6. Переляев Ю.Н. Освоение информационных технологий как непрерывность образования в пожилом возрасте / Ю.Н. Переляев, Ю.В. Чепурко. — Текст: непосредственный // Сопровождение личности, оказавшейся в трудной жизненной ситуации, в истории и современности: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 110-летию Иркутского Педагогического института. — Иркутск: Издательство «Иркут», 2019. — С. 367–370.
7. Svein Loeng Alexander Kapp - the first known user of the andragogy concept / Loeng Svein. — Текст: непосредственный // International Journal of Lifelong Education. — 2017. — № 6(36). — С. 629-643.
8. Васягина Н.Н. Обучение взрослых: опыт и перспективы / Н.Н. Васягина. — Текст: непосредственный // Педагогическое образование в России. — 2012. — № 2. — С. 1–4.
9. Ионцева М.В. Социально-психологический портрет современной молодежи / М.В. Ионцева, М.С. Безбогова. — Текст: непосредственный // Мир науки. — 2016. — № 6. — С. 1–9.
10. Дрешер Ю.Н. Андрагогические и инновационные подходы в обучении взрослых / Ю.Н. Дрешер. — Текст: непосредственный // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. — 2012. — № 19–1. — С. 156–159.
11. Горшкова В.В. Философия интерсубъектности в педагогическом сознании / В.В. Горшкова. — Текст: непосредственный // Современные проблемы науки и образования. — 2013. — № 3. — С. 249–255.
12. Кийкова Н.Ю. Развитие профессионального мастерства педагогических работников образовательных организаций в области проектирования интегрированных образовательных программ / Н.Ю. Кийкова. — Текст: непосредственный // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. — 2021. — № 4 (49). — С. 78–84.

© Свиридов Андрей Вячеславович (Sviridov81@mail.ru), Глухов Геннадий Васильевич (kino@sseu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.05–2.34

ПРИМЕНЕНИЕ VR И AR ТЕХНОЛОГИЙ В УЧЕБНО-ТРЕНИРОВОЧНОМ ПРОЦЕССЕ ТРЕНЕРА В ДЮСШ ПО ВИДАМ ЕДИНОБОРСТВ

APPLICATION OF VR AND AR TECHNOLOGIES IN THE TRAINING PROCESS OF COACHES IN YOUTH SPORTS SCHOOLS AND SPECIALIZED SPORTS SCHOOLS FOR MARTIAL ARTS

Kh. Tonoyan
N. Nemchinov
E. Shepeleva

Summary: The aim of the study is to explore the use of VR and AR technologies in coaches' educational work and their impact on training process efficiency. The methods included literature analysis, surveys, observation, and an experiment with control and experimental groups. The results showed that VR and AR accelerate skill acquisition, reduce errors, enhance athletes' motivation, and enable training individualization. Conclusions: VR and AR improve the quality of athlete preparation but require coach training and accessible equipment.

Keywords: virtual reality (VR), augmented reality (AR), sports training, training process, children's, and youth sports schools (CYSS), technical analysis, innovative technologies.

Тоноян Хорен Аветисович
доктор педагогических наук, профессор, Московский государственный университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского (ПКУ)
professor-tonoyan@mail.ru
Немчинов Николай Николаевич
доктор медицинских наук, президент, Российская Академия каратэ-до Шотокан, Золотой пояс России, 10-дан, Ханши
akadem_shotokan@inbox.ru
Шепелева Елена Сергеевна
Методист, ГБУ ДО Московская комплексная спортивная школа олимпийского резерва «Запад»
alonaaskim@mail.ru

Аннотация: Цель исследования — изучить применение VR и AR технологий в образовательной работе тренеров и их влияние на эффективность тренировочного процесса. Методы включали анализ литературы, анкетирование, наблюдение и эксперимента с контрольной и экспериментальной группами. Результаты показали, что VR и AR ускоряют освоение навыков, снижают ошибки, повышают мотивацию спортсменов и позволяют индивидуализировать тренировки.
Выводы: VR и AR повышают качество подготовки спортсменов, но требуют обучения тренеров и доступного оборудования.

Ключевые слова: виртуальная реальность (VR), дополненная реальность (AR), спортивная подготовка, тренировочный процесс, детско-юношеские спортивные школы (ДЮСШ), технический анализ, инновационные технологии.

Введение

Современные технологии, такие как виртуальная реальность (VR) и дополненная реальность (AR) представляют собой новые возможности для учебно-тренировочной деятельности тренеров по видам спорта. Они позволяют создавать правдоподобные тренировочные ситуации, визуализировать сложные технико-тактические действия, элементы, предоставлять мгновенную обратную связь, что делает процесс подготовки более эффективным. Одновременно можно говорить, что применение виртуальной реальности позволяет юным спортсменам выполнять сложные элементы техники и тактики без опасности получения травм, в то время как дополненная реальность предоставляет возможность корректировать движения визуально в режиме реального времени. Эти технологии способствуют индивидуализации тренировок, позволяя учитывать особенности каждого спортсмена. [2] Особенно важно их использование в детско-юношеских спортивных школах, спортивных школах Олимпийского резерва и спортивных клубах, где необходимо не только формировать двигательные умение, навыки, но и поддерживать высокий уровень мотивации у юных спортсменов к высоким спортивным результатам. Эти технологии могут значительно улучшить процесс обучения и помочь тренерам адаптироваться к индивидуальным потребностям своих воспитанников. [1]

Несмотря на очевидные преимущества VR и AR технологий при внедрении в учебно-тренировочный, образовательный процесс, необходимо учитывать некоторые особенности подготовленности тренеров, включая обучение работе с программным обеспечением и техническими устройствами. Решение вышеперечисленных проблем, определяет цель данного исследования: изучение возможностей практического применения VR и AR технологий в учебно-тренировочный и образовательный процесс тренеров и их влияния на эффективность подготовки юных воспитанников в ДЮСШ и ДЮСШОР.

Задачи исследования включают анализ существующего в практике применения ВР и АР технологий и их роли в улучшении технической подготовленности, грамотности, повышении мотивации для тренеров по видам спорта.

Разработка рекомендаций для тренеров в ДЮСШ и ДЮСШОР по интеграции этих технологий в тренировочный процесс. Использование виртуальной и дополненной реальности в спортивной сфере, которая на наш взгляд, сможет повлиять на повышение эффективности тренировочного процесса, что делает обучение более актуальным и захватывающим, отвечая требованиям цифровой эры.

Организация и методы исследования

Для влияния технологий виртуальной и дополненной реальности на образовательную деятельность специалистов в детско-юношеских спортивных школах (ДЮСШ) был создан план исследования, состоящий из нескольких этапов: подготовительно-теоретического этапа, проведения педагогического эксперимента и последующего анализа собранных данных. [3]

В рамках исследования были применены следующие методы:

- Анализ научно-методической литературы для изучения существующих подходов к использованию инновационных технологий в спортивной педагогике [4];
- Анкетирование тренеров и спортсменов для выявления их уровня подготовки к использованию VR и AR, а также для оценки восприятия технологий в процессе обучения;
- Педагогическое наблюдение за тренировочным процессом с целью оценки эффективности внедрения инноваций;
- Педагогический эксперимент, который проводился в условиях практических занятий с использованием VR и AR технологий;
- Методы математической статистики для анализа результатов эксперимента и их количественной оценки.

Организация исследования

Эксперимент проводился с 1 сентября по 30 ноября 2024 года на учебно-тренировочной базе Российской академии каратэ-до Шотокан в Москве по адресу ул. Сиреневый бульвар дом-4А. Участниками исследования стали две группы тренеров и их воспитанники:

На первом этапе исследования проводилось анкетирование тренеров и юных спортсменов для выявления уровня их технической грамотности и готовности к внедрению VR- и AR-технологий, прошли тестирование для оценки уровня их технической, тактической подготовки. Всем участникам анкетирования были предоставлены технические средства и инструкции по их использованию.

На втором этапе была сформирована экспериментальная и контрольная группа, где участники экспериментальной группы работали с использованием VR и AR технологий, где VR-тренажёры использовались для моделирования соревновательных ситуаций, отработки сложных технических элементов и тактических схем, а AR технологии использовались для визуализации движений спортсменов, анализа их траекторий и исправления ошибок в режиме реального времени. Участники контрольной группы использовали традиционные методы обучения.

На заключительном этапе экспериментальных исследований был проведён повторный опрос тренеров по эффективности использованию VR и AR технологий в учебно-тренировочном процессе. Критериями эффективности были выбраны следующие показатели:

- Скорость освоения новых технических элементов;
- Количество ошибок, выявленных и исправленных во время тренировок;
- Уровень мотивации спортсменов, определяемый через анкетирование;
- Общая динамика соревновательных результатов.

Полученные результаты анализировались с использованием методов математической статистики. Сравнивались данные по обеим группам, включая результаты спортсменов на первенстве Москвы, уровень мотивации и удовлетворённости тренеров от использования VR и AR-технологий. В процессе исследования, мы предполагали, что избранная методика с поэтапной организацией исследования, сможет обеспечить комплексный подход к изучению влияния VR- и AR-технологий на образовательную деятельность тренеров, и успешную интеграцию данных инноваций в тренировочный процесс. [5]

Результаты исследования и их обсуждения

Результаты исследования продемонстрировали значительное влияние VR и AR технологий на образовательную работу тренеров и процесс подготовки юных спортсменов. Экспериментальная группа значительно улучшила качество тренировочного процесса. Это проявилось на особых качествах спортсмена:

1. Скорость освоения новых элементов. Спортсмены из экспериментальной группы осваивали новые технические элементы на 28% быстрее по сравнению с контрольной группой. Использование VR-симуляторов позволяло многократно повторять сложные движения в безопасной среде, что способствовало быстрому фор-

мированию моторных навыков. (Рис. 1.)

2. Точность выполнения движений. Благодаря использованию AR технологий, которые визуализировали правильные траектории и положения тела, количество ошибок в технике выполнения упражнений снизилось на 35%. (Рис. 2.)

3. Повышение мотивации спортсменов.

Интеграция игровых элементов и интерактивных тренировок оказала положительное влияние на мотивацию участников:

- Анкетирование показало, что 87% спортсменов из экспериментальной группы отмечали повышенный интерес к тренировкам благодаря использованию VR-симуляторов и игровых заданий;
- Уровень вовлечённости. Тренировки с VR создавали эффект полного погружения, что делало процесс обучения более увлекательным. Спортсмены воспринимали такие занятия как вызов, стимулирующий их к активной работе.

4. Индивидуализация тренировочного процесса.

VR и AR технологии позволили тренерам более точно учитывать индивидуальные особенности спортсменов. Это было достигнуто за счёт:

- Технологий анализа движений. Использование VR и специализированных программ для биомеханического анализа помогло тренерам выявлять слабые стороны спортсменов и адаптировать тренировочные программы под их потребности;
- Мониторинга физического состояния. Системы, интегрированные с VR-устройствами, позволяли отслеживать параметры, такие как частота сердечных сокращений и уровень усталости, в реальном времени.

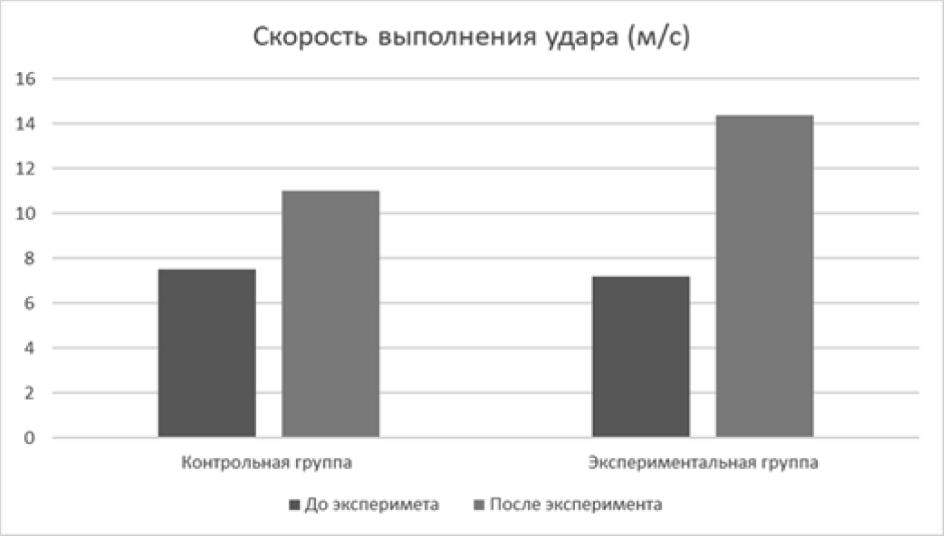


Рис. 1. Скорость выполнения удара (м/с)

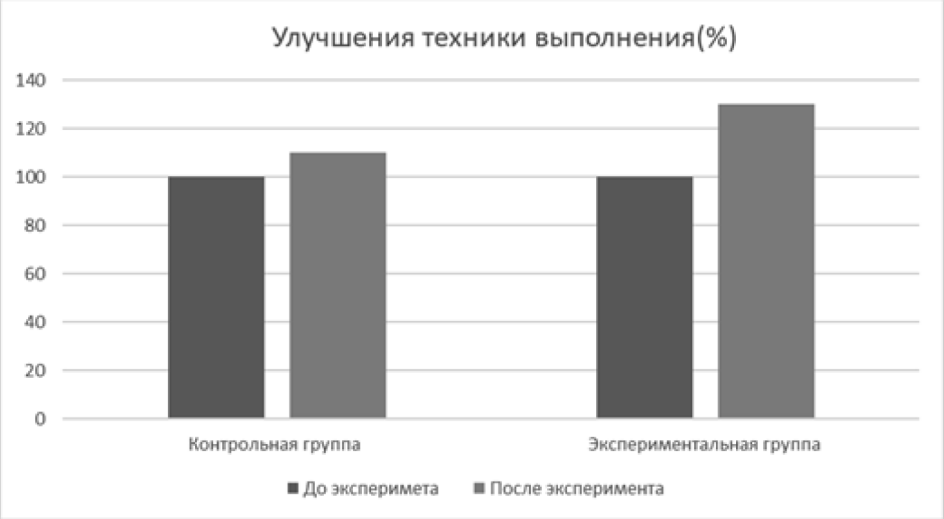


Рис. 2. Улучшения техники выполнения (%)

5. Повышение эффективности тренировочного процесса.

Экспериментальная группа продемонстрировала значительное улучшение своих показателей:

- Соревновательные результаты. На классификационных соревнованиях 70% участников экспериментальной группы показали улучшение своих результатов, тогда как в контрольной группе таких спортсменов было 45%. (Рис. 3.)

6. Удовлетворённость тренеров

После завершения эксперимента было проведено повторное анкетирование участников. Результаты показали:

- 85% тренеров, принимавших участие в эксперименте, отметили повышение уровня своей квалификации и уверенности в использовании цифровых инструментов и программного обеспечения для анализа тренировочного процесса. (Рис. 4.)

7. Количество травм. В процессе исследования необходимо уделить особое внимание количеству и видам травм. По степени тяжести их можно разделить на лёгкие (ушибы, возникающие при встречном движении соперников и при блоках; ссадины; рассечённая бровь; расквашенный нос; растяжения приводящих мышц бедра и связочно-капсулярного аппарата тазобедренного сустава) и травмы средней тяжести (вывихи, сотрясение мозга). Тяжёлых травм зафиксировано не было.

Рис. 3. Процент улучшения результатов

Рис. 4. Мнение тренеров

- У контрольной группы методика тренировок осталась неизменной, однако уровень травматизма не снизился, а наоборот, наблюдается небольшой прирост на 3,3%.
- У экспериментальной группы, в которой были введены технологии виртуальной (VR) и дополненной (AR) реальности, количество травм снизилось на 53,6%.
- Итоговые результаты показывают, что внедрение новых технологий способствовало снижению травматизма за счёт улучшения техники выполнения упражнений и осознания движений.

Выводы

Проведённое исследование показало, что технологии виртуальной (VR) и дополненной (AR) реальности обладают значительным потенциалом для повышения эффективности образовательной работы тренеров. Использование VR позволило смоделировать реалистичные тренировочные и соревновательные ситуации, что улучшило навыки принятия решений у спортсменов и ускорило освоение сложных технических элементов. Технологии AR предоставляли тренерам возможность визуализировать технику выполнения движений, обеспечивая мгновенную обратную связь и позволяя оперативно корректировать ошибки. В результате спортсмены из экспериментальной группы осваивали новые элементы на 28% быстрее по сравнению с контрольной группой.

Кроме того, использование виртуальной и дополненной реальности существенно увеличило мотивацию спортсменов. Игровые аспекты, присущие этим технологиям, а также эффект полного погружения сделали занятия более захватывающими и вдохновляющими.

Технологии VR и AR также позволили индивидуализировать тренировочный процесс. Тренеры экспериментальной группы использовали данные анализа движений и мониторинга физического состояния для разработки персонализированных программ подготовки, что способствовало более точному распределению нагрузок и улучшению результатов. Такие подходы оказались особенно эффективными для спортсменов с нестабильными показателями.

Одним из важнейших результатов исследования стало снижение уровня травматизма в экспериментальной группе (рис.5). Используя моделирование сложных факторов в виртуальной среде и системы мониторинга физического состояния, атлеты могли предотвратить травмы, а тренеры имели возможность вовремя адаптировать тренировочные нагрузки. (Рис. 5.)

Для успешной интеграции технологий виртуальной и дополненной реальности в тренировочный процесс необходимо обеспечить подготовку тренеров. Исследование, проведённое среди экспериментальной группы, продемонстрировало, что освоение этих средств требует значительного времени и умения работать с соответствующим программным обеспечением. Это подчеркивает важность создания специализированных курсов повышения квалификации для тренеров, нацеленных на изучение новейших цифровых инструментов. Данная программа поможет тренерам более эффективно использовать VR и AR в обучении, улучшая качество подготовки спортсменов и расширяя их возможности. В конечном итоге это приведет к повышению уровня тренерского мастерства и, соответственно, достижению лучших результатов в спортивной деятельности.

Таким образом, технологии виртуальной и дополненной реальности представляют собой современное и действенное средство, способствующее улучшению качества тренировок, увеличению мотивации и вовлеченности спортсменов, а также обеспечению их безопасности. Эти технологии открывают новые возможности

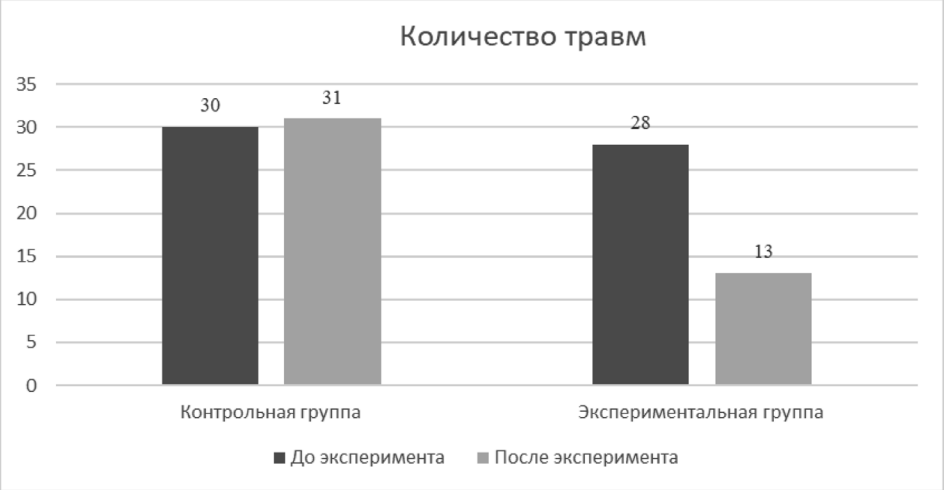


Рис. 5. Количество травм

для спортивного обучения, позволяя как тренерам, так и спортсменам достигать выдающихся результатов. Для успешного внедрения VR и AR в тренерскую практику необходимо продолжать усовершенствование образовательных программ и организовывать техническую подготовку специалистов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тренировка в условиях искусственной среды и виртуальной реальности // Sportwiki. Спортивная энциклопедия: сайт. URL: http://sportwiki.to/Тренировка_в_условиях_искусственной_среды_и_виртуальной_реальности (дата обращения: 22.01.2025).
2. Салопин О.М. Использование виртуальной реальности в физической культуре и спорте высших достижений: новые возможности и вызовы // Научное обозрение. Педагогические науки. – 2024. – № 1. – С. 20–24. URL: https://science-pedagogy.ru/ru/article/view?id=2521 (дата обращения: 22.01.2025).
3. Аикин В.А., Бакурова Т.П., Берсенева Т.П. Проблемы совершенствования физической культуры, спорта и олимпизма. В 2 ч. Ч. 2: материалы Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых, аспирантов, магистрантов, соискателей и студентов (16–17 декабря 2021 г., г. Омск) / Сиб. гос. ун-т физ. культуры и спорта. — Омск: Изд-во СибГУФК, 2022. — 239 с.
4. Тагариев Р.З., Шихов С.Е. Новые образовательные технологии и принципы организации учебного процесса в сфере физической культуры // Современные наукоёмкие технологии. – 2007. – № 6. – С. 92–93.
5. Напсо М.Д. VR и AR-технологии в образовательном процессе. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vr-i-ar-tehnologii-v-obrazovatelnom-protsesse (дата обращения: 22.01.2025).

© Тоноян Хорен Аветисович (professor-tonoyan@mail.ru), Немчинов Николай Николаевич (akadem_shotokan@inbox.ru), Шепелева Елена Сергеевна (alonaaskim@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.05–2.38

ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ НА ОСНОВЕ ВОВЛЕЧЕНИЯ В ПРОЕКТ «КНИГА ПАМЯТИ ВОЕННЫХ ЛЕТ»

MILITARY-PATRIOTIC EDUCATION PRIMARY SCHOOL STUDENTS ON THE BASIS OF ENGAGEMENT TO THE "BOOK OF MEMORY OF THE WAR YEARS" PROJECT

A. Khovyakova

Summary: The article examines the relevance of methods of military-patriotic education, on the one hand, affecting the interests and emotions of each child, and on the other hand, new and not repeated annually in the classroom. The logic of working with younger schoolchildren in studying the events of the Great Patriotic War, starting with family history, and ending with the history of the country, is theoretically substantiated. The practical experience of organizing the project activities of younger schoolchildren during the creation of the "Book of Memory of the War Years" is presented.

Keywords: military-patriotic education, history of the Great Patriotic War, elementary school students.

Ховякова Анна Леонидовна
кандидат педагогических наук, доцент, Сочинский государственный университет
khovyakova@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается актуальность методик военно-патриотического воспитания, с одной стороны, затрагивающих интерес и эмоции каждого ребенка, а с другой стороны, новых и не повторяющихся ежегодно в работе с классом. Теоретически обоснована логика работы с младшими школьниками при изучении событий Великой Отечественной войны, начиная с истории семьи и заканчивая историей страны. Представлен практический опыт работы по организации проектной деятельности младших школьников при создании «Книги памяти военных лет».

Ключевые слова: военно-патриотическое воспитание, история Великой Отечественной войны, младшие школьники.

В 2025 году исполняется 80 лет со дня Победы в Великой Отечественной войне. В нашей стране чтут историческую память и уделяют большое внимание военно-патриотическому воспитанию подрастающего поколения.

В каждой начальной школе России проводятся исторические уроки, экскурсии в музеи, встречи с ветеранами, тружениками тыла и детьми войны. Учителя пользуются различными методами и приемами для воспитания патриотизма у младших школьников. Их они черпают из опыта прошлых поколений, обращаясь к трудам классиков (В.А. Сухомлинский, К.Д. Ушинский и др.) и работам современных ученых в области патриотического воспитания (Т.В. Беспалова, И.И. Бурлакова, Ю.Е. Антонов и др.) [1-4, 6.], а затем модифицируют и дополняют, исходя из своего собственного опыта. Но, несмотря на проводимую работу, в реалиях сегодняшних дней школьники меньше интересуется историей. Почему так происходит?

Каждый ребенок индивидуален, так же, как и каждый класс. И если размышлять об отдельно взятом ребенке, важно подобрать такие методики, которые «включат» именно его интерес, «затронут» его чувства, сделают его активным – вызовут не просто удивление, но и желание разобраться и изучить материал глубже. Если размышлять о классе, детей необходимо заинтересовать в изучении истории своей страны, а не насильно «насаждать» информацию. Использование однотипной информации, одних и тех же не меняющихся методик из года в год в работе с одним и тем же классом может привести к обратному эффекту, а именно, появлению у детей негативного отношения.

Поэтому проблема воспитания патриотизма в детях является не только актуальной, но и требующей внимания. Востребованными становятся методики, с одной стороны, затрагивающие интерес и эмоции каждого ребенка, а с другой стороны, новые и не повторяющиеся из года в год, не приводящие к «обратному эффекту» в военно-патриотическом воспитании детей.

Наша работа была посвящена разработке и апробации именно такой методики. При обосновании методики работы с младшими школьниками изучалась научно-методическая литература. Среди множества методик известных авторов, а также опыта учителей, была выделена методика построения исторического пропедевтического курса для младших школьников 1–4 классов (автор – Е.В. Саплина), предполагающая изучение исто-

рии постепенно. Младшие школьники вводятся в историко-обществоведческий материал от дня сегодняшнего, близкого школьникам – семья, родная школа, родной город (1–2 классы) – к прошлому родной страны, родного края (3–4 классы).

Согласно методике Е.В. Саплиной у детей младшего школьного возраста формируются первоначальные представления о мире, о семье и о своей стране. Младшие школьники воспринимают все события через свое «Я». Соответственно первый круг погружения в историю – «Я и моя семья», «Я и мое имя», «Я и вещи, которые меня окружают». Второй круг – «Место, где я живу», «Город, страна, символы». Третий круг – «История моей страны», показывает события отечественной истории через деятельность реальных исторических персонажей. В результате дети знакомятся с важнейшими историческими событиями своего Отечества, с памятниками культуры, с национальными традициями, получают представления о жизни наших предков в разные эпохи. К концу обучения в начальной школе обобщаются представления младших школьников о семье, родной стране и крае, окружающем их мире [5].

Методика Е.В. Саплиной привлекла нас тем, что в ней учитываются возрастные особенности младшего школьного возраста, в частности особенности развития детского мышления. Изучение работ Д.Б. Эльконина подтвердило правильность такой логики организации работы, так как детское развитии характеризуется поочередной сменяемостью периодов, в которые происходит развитие мотивационно-потребностной сферы, и периодов, в которые происходит преимущественное формирование интеллектуально-познавательных сил детей, их операционно-технических возможностей [5]. Таким образом, обучение и воспитание детей следует выстраивать именно на основе личностно значимых знаний, и от них – к знаниям более обобщенного характера.

В этой логике для осуществления военно-патриотического воспитания младших школьников при изучении истории Великой Отечественной войны были определены стадии работы:

- 1 класс – «история военных лет моей семьи»;
- 2 класс – «история военных лет города»;
- 3 класс – «история военных лет родного края»;
- 4 класс – «история военных лет родной страны».

Цель проводимой работы заключалась в теоретическом обосновании и проверке эффективности методики военно-патриотического воспитания младших школьников на основе вовлечения в изучение истории, начиная с истории семьи и заканчивая историей нашей страны в годы Великой Отечественной войны.

В качестве задач были определены:

1. Развитие активной позиции детей через вовлечение в деятельность по сбору и анализу исторических фактов и материалов о Великой Отечественной войне, собранных совместно с учителем и родителями.
2. Воспитание чувств детей за счет смещения привычных акцентов с внешних событий, происходящих в годы Великой Отечественной войны, на внутренние – мотивы, действия, ценности, поступки людей.
3. Развитие исторического воображения, постижения таких категорий, как исторические время и пространство через сопоставление событий.
4. Сохранение интереса детей на основе поэтапного изучения истории Великой Отечественной войны – от изучения истории семьи через изучение истории города и края к изучению истории нашей страны в годы Войны.

В качестве педагогического средства, позволяющего решать вышеперечисленные задачи, была избрана проектная деятельность младших школьников. Мы руководствовались тем, что, прежде всего, проектная деятельность позволяет включить детей в процесс, заинтересовать, увлечь. Общеизвестно, что ценности присваиваются тогда, когда, во-первых, возникают эмоции, включается эмоциональная память, и, во-вторых, когда ребенок осознает значимость ценности для самого себя. Таким образом, проектную деятельность важно было организовать, сместив акцент с деятельности по сбору, анализу и обсуждению информации, на содержание информации, развитие чувства патриотизма, гордости, значимости уважения и почитания памяти предков.

Размышляя над формой проектной деятельности учащихся 1-го класса, которая позволяла бы активизировать интерес и эмоции каждого ребенка, мы обратились к идеям методики В. Фалберг «История жизни» и воззрениям русского педагога К.Д. Ушинского. Согласно методике, «Книга жизни» В. Фалберг, жизнь ребенка важно представлять в словах, картинках, фотографиях и приложенных документах, сделанных ребенком с помощью взрослого. Это позволяет ребенку попасть обратно в свое прошлое, собрать информацию и обсудить значительные факты в его жизни, а также людей, которые играли важную роль в ней. Создание Книги жизни помогает ребенку лучше понять все то, что было у него в прошлом и заставляет думать о будущем. Методика предназначена для детей, воспитывающихся в приемных семьях и детских домах, но может использоваться и в работе с детьми из полных семей [7]. На особую ценность истории семьи для развития ребенка указывал также К.Д. Ушинский. Сообразно его воззрениям история семьи имеет важнейшее значение в воспитании детей, так как «русская семья со всеми своими элементами, добрыми и дурными, со всей своей внутренней жизнью, дающей и целебные и ядовитые плоды, есть

создание истории» [6].

Также мы опирались на опыт по созданию «Книги памяти». Данная инициатива была предложена в 1989 году ЦКК партии Советского Союза и начала реализовывать с 1992 года по постановлению Правительства РФ №1004 «Вопросы подготовки и издания Книг памяти», подписанному Председателем Правительства РФ В. С. Черномырдиным.

Мы осознавали, что для успешного военно-патриотического воспитания детей сначала важно возбудить у них интерес к этому новому, желание и стремление овладеть им, т.е. прежде чем учить «что» и «как», нужно вызвать у учащихся интерес и желание узнать «почему» и «откуда», а также «для чего мне это нужно». Поэтому обосновывая работу по военно-патриотическому воспитанию детей, мы сделали акцент на сборе исторических фактов и создании книг памяти об участии членов семей в военных событиях Великой Отечественной войны.

Практическую реализацию идеи было решено осуществить на базе МОБУ СОШ №20 города Сочи имени Гапанца И.В., во время педагогической практики студентов Сочинского государственного университета (направления «Педагогическое образование с двумя профилями подготовки», профилей «Начальное образование и иностранный язык»). Представим практический опыт работы по организации проектной деятельности младших школьников на первой стадии работы.

Прежде всего, была проведена диагностика уровня сформированности патриотической воспитанности детей по методике Н. Брюкова «Я – патриот». Диагностика носила общий характер, поэтому для обеспечения точности исследования был разработан авторский опросник, включавший 3 части.

1 часть опросника содержала в себе вопросы, позволявшие исследовать ценностный компонент патриотической воспитанности. Например: Нравится ли тебе смотреть фильмы о Войне? Какие качества героев фильмов о Войне тебе нравятся? Какие чувства ты испытываешь, когда читаешь рассказы о Войне? Хотелось бы тебе узнать об истории твоей семьи в годы Войны? Гордишься ли ты своими предками, воевавшими на Войне? и др.

2 часть опросника предполагала диагностику знаниевого компонента. Представления детей уточнялись, например, следующими вопросами: Что ты можешь рассказать об истории своей семьи в годы Войны? Были ли в твоей семье участники Великой Отечественной войны? Рассказывали ли тебе твои родители (дедушки, бабушки) о твоих предках (прапрадедушках и прапрабабушках), воевавших на Войне? Были ли среди твоих предков те, кто был награжден медалями и орденами? За какие подвиги? и др.

В 3 части опросника исследовался деятельностный компонент патриотической воспитанности. Например, Как в твоей семье чтят память предков, воевавших на Войне? Участвуешь ли ты вместе с семьей в возложении цветов на мемориал? Принимает ли твоя семья участие в Бессмертном полку, проводимом онлайн? Часто ли ты смотришь альбом с военными фотографиями (если он есть)? и др.

Для проведения исследования был разработан план работы с младшими школьниками. Реализации данного плана содействовал классный руководитель, который выделил и помог организовать необходимое количество внеклассных занятий с учащимися.

План работы был построен следующим образом:

1. Проведение вводного урока о Великой Отечественной войне.
2. Проведение рефлексии и мотивация младших школьников.
3. Сбор и анализ учениками информации.
4. Формирование «Книги памяти военных лет».
5. Представление, по желанию, истории своей семьи учениками.
6. Выступление отцов – участников СВО.
7. Подведение итогов.

После разработки плана и обсуждения с классным руководителем, мы приступили к его реализации. Первый этап – проведение вводного урока на тему Великой Отечественной войны. На данном этапе нами был проведен урок, который стал началом для дальнейшего изучения истории и формирования патриотических чувств у младших школьников. На данном этапе мы стремились не столько познакомить детей с основными событиями войны, сколько вызвать у них интерес к исследованию исторического наследия. Первостепенным для нас было «включить» любознательность детей через эмоциональный рассказ, интересный авторский текст учебника, фотоматериалы и иллюстрации, которые интересно рассматривать.

Второй этап – проведение рефлексии и мотивация младших школьников. На данном этапе проводилась интерактивная беседа с учениками. Этот этап позволил осмыслить и закрепить знания о Великой Отечественной войне, каждому была предоставлена возможность поделиться своими мыслями и впечатлениями о прошедшем уроке. Важным было понимание того, что рефлексия с детьми должна быть не только по знаниям, но и по смыслам. Поэтому в процессе беседы мы акцентировали внимание на значении патриотизма и уважения к памяти предков. И от обсуждения общей информации перешли к вопросам о семьях школьников:

- Что ты можешь рассказать об истории своей семьи?

- Были ли в твоей семье участники Великой Отечественной войны?
- Какие чувства ты испытываешь, когда слышишь рассказы о своих предках, воевавших, работавших в тылу в годы Войны – твоем прапрадедушке (прапрабабушке)?
- Как ты считаешь, почему важно гордиться своими предками, чтить память воинов, воевавших в годы Войны?
- Хотелось бы тебе узнать больше об истории твоей семьи в годы Войны?

Было выявлено, что меньшая часть класса может что-либо рассказать о том, как исторические события затронули их семью. У учеников почти не было представлений о прошлом семьи в годы войны. Но им было интересно узнать историю своей семьи.

На третьем этапе был организован сбор необходимой информации. Этот этап способствовал развитию интереса и активной позиции детей, которые выражались через их участие в деятельности по сбору и анализу исторических знаний, основанных на фактах, собранных совместно с учителем и родителями. На протяжении месяца ученики приносили копии фотографий, писем из семейных архивов (в печатном и электронном виде). Этот этап позволил ученикам углубиться в исследование и подготовить материалы для своих книг памяти. Кроме того, ученики приносили выполненные доклады в различных форматах: некоторые готовили текстовые материалы, другие использовали презентации, а кто-то создавал постеры с иллюстрациями и картами. Мы также поощряли их приносить копии справок и других документов, которые они нашли вместе с родителями в архивах или на ресурсах, посвященных истории войны. Эта практика не только обогатила наши обсуждения, но и позволила каждому ребенку почувствовать свою причастность к исследуемой теме.

Необходимо отметить, что к процессу сбора информации активно подключились родители. Их участие стало значимой поддержкой, они помогали собирать информацию, делились своими идеями и предложениями, что способствовало более глубокому погружению в историю вопроса. Родители не только помогали собирать необходимую информацию, но и структурировать ее, что сделало материал более доступным и понятным для детей. Такой командный подход укрепил сотрудничество между участниками исследования, что, безусловно, положительно сказалось на общей атмосфере.

Важным при составлении книги об истории жизни семьи в военные годы являлся тот факт, что в памяти учащихся оставались лишь те сведения, которые сообщали им что-то новое о них самих, заставляя смотреть на мир по-другому. В процессе работы внимание уделялось не только обсуждению событий, происходивших в годы Войны с родными людьми. Работа выстраивалась таким образом, чтобы сместить акценты с внешних событий, происходивших во время войны, на внутренние – мотивы, действия, ценности и поступки близких. В процессе работы дети имели возможность исследовать биографии своих предков, узнавать о значимых событиях, которые произошли в жизни их семей, а также о том, как эти события связаны с историей страны в целом.

Такое погружение в личные истории способствовало более глубокому пониманию детьми своей идентичности и места в обществе. Они начали осознавать, что история их семьи – это не просто набор фактов, а важное наследие, отражающее взгляды и ценности. Это осознание стало основой для формирования патриотических чувств, ведь любовь к Родине начинается с любви и уважения к тем, кто жил до нас и оставил свой след в нашей жизни.

Четвертый этап – формирование «книги». По мере сбора информации от учеников, формировались электронные версии «Книг». Разделы книг наполнялись материалами, которые ученики предоставляли, будь то творческие рисунки и стихи или воспоминания, фотографии, письма, справки из архивов. Эффективная коммуникация с учащимися играла ключевую роль, так как различные идеи и мнения помогали обогатить содержание книги. Например, как нарисовать Дерево семьи, чтобы показать связь родственника, участвовавшего в Войне, с другими членами семьи и самим учеником, передать причастность к этому событию. Или как лучше разместить различные истории из жизни родственника, участвовавшего в Войне, прикрепить к историям фотографии/рисунки/иллюстрации. Постепенно собираясь, книги обретали свою структуру и форму. Также уделялось внимание редактированию и оформлению, чтобы итоговый продукт был не только информативным, но и эстетически приятным.

Пятый этап – выступление учеников. Каждый школьник рассказывал об истории своей семьи, заранее подготовив доклад. Доклады были написаны от руки, что добавляло индивидуальности и тепла каждому выступлению. Кроме того, многие подготовили презентации, чтобы визуально поддержать свои рассказы. Использование слайдов помогло ярче и нагляднее донести информацию о семьях, их традициях и ценностях. Процесс выступления стал не только образовательным, но и эмоционально насыщенным. Учащиеся делились личными историями, что способствовало укреплению дружеских связей в классе. Каждый рассказ был уникален, и атмосфера поддерживала обмен эмоциями и опытом.

Также некоторыми учащимися были представлены карты пути войск, в которых служили их прапрадедушки. Представление и изучение исторических карт, а впо-

следствии их сравнение друг с другом, способствовало пониманию различных исторических вопросов. Карта позволила визуализировать исторические события, локализуя их и конкретизируя место, где они происходили, наглядно продемонстрировать географическую среду и исторический контекст, в котором развивались события. Тем самым формировалось историческое воображение и понимание таких понятий, как историческое время и пространство, через сопоставление событий, описанных в Книге памяти.

Шестой этап – выступление отцов – участников СВО. На этом этапе к нам присоединились отцы учеников, участвующие в специальной военной операции. Отцы поделились своими историями, рассказали о своем опыте и службе. После рассказов отцов была организована сессия вопросов и ответов. Ребята активно задавали вопросы, проявляя интерес и желание понять, что значит быть частью службы. Обсуждение оказалось очень живым и эмоциональным. Участие отцов сделало встречу особенно значимой, позволив ребятам понять, что стоит за службой и какова цена мира. Присутствие отцов вдохновило детей и дало им возможность взглянуть на военную службу с новой перспективы.

На последнем этапе была организована историческая выставка. На этой выставке была представлена информация, собранная детьми в ходе их исследований. Каждый из них приложил свои усилия, изучая историю семьи, и теперь они могли продемонстрировать результаты своей работы широкой аудитории. Выставка включала в себя не только текстовые материалы, но и визуальные элементы, такие как фотографии, медали, что сделало её более наглядной и интересной для «посетителей». Ученики с гордостью делились своими знаниями и историями. Таким образом, выставка стала не только итогом их учебной деятельности, но и важным событием для всей школы.

После обсуждения результатов проектной деятельности ребятами было принято решение, что следующая тема будет связана с историей нашего города. И каждый сможет внести свой вклад, собрав информацию и интересные факты. Была запланирована работа по созданию новых книг памяти военных лет – о городе Сочи в годы Войны. Кроме того, мы обсудили возможность приглашения специалистов или местных историков для проведения мастер-классов, а также новые форматы представления материалов, такие как мультимедийные презентации и видеоролики.

Проведенная работа и последующее обсуждение будущих проектов подтвердили интерес детей к изучению истории Великой Отечественной войны. Реализация идеи создания Книги об истории семьи в годы Войны эффективно способствовала решению задач военно-патриотического воспитания в различных направлениях:

- исследование семейной истории в годы Великой Отечественной войны помогло ученикам осознать значимость исторических событий и их влияние на личные судьбы;
- учащиеся активно вовлекались в процесс, собирая информацию о своих семьях, что способствовало их заинтересованности и вовлеченности в изучение темы;
- формирование Книги памяти стало результатом совместной работы, что укрепило командный дух и сотрудничество среди учеников;
- работа по методике не только обогатила знания учеников, но и способствовала сплочению класса, что важно для формирования положительного образовательного климата;
- укрепление межпоколенческих связей: обсуждение семейных историй и участие родителей в работе над Книгой способствовали укреплению связей между поколениями, что позволило учащимся лучше понять свои корни и ценности своей семьи;
- анализ исторических событий и личных историй способствовал развитию у учеников критического мышления, позволяя им рассматривать различные точки зрения и делать собственные выводы;
- работа с личными историями вызвала у учеников эмоциональный отклик, что сделало процесс обучения более глубоким и значимым для них;
- успешные выступления ребят и их интерес к итогам работы свидетельствовали о высокой мотивации и желании продолжать создание Книги памяти о городе Сочи.

Таким образом, проведенная в 1-м классе работа показала, насколько важно учитывать личные истории и семейные традиции в процессе военно-патриотического воспитания подрастающего поколения. Результаты работы подтверждают необходимость дальнейшей работы, которая будет сосредоточена на военно-патриотическом воспитании на новом для детей материале – об истории города, края, страны в годы Великой Отечественной войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беспалова Т.В. Патриотизм как форма социокультурной идентификации в конфликтных условиях российского переходного общества. СПб: Речь, 2014. 318 с.
2. Бурлакова И.И. Патриотическое воспитание: от теории к практике // Научно-методический журнал заместителя директора школы по воспитательной работе. 2015. № 6. С. 3–81.

3. Вороненко А.Г. Патриотическое воспитание в России // Педагогические науки. 2006. № 5. С. 12–19.
4. Как научить детей любить Родину: руководство для воспитателей и учителей (программы, конспекты занятий, методические рекомендации) // сост. Ю.Е. Антонов и др. М.: АРКТИ, 2013. 168 с.
5. Саплина Е.В. История в начальной школе // Преподавание истории в школе. 2008. № 8. С. 5–12.
6. Ушинский К.Д. Педагогика. Избранные работы. М.: Юрайт, 2025. 258 с. - (Антология мысли) // Образовательная платформа Юрайт. URL: https://urait.ru/bcode/562235.
7. Фалберг В. Методика создания книги истории жизни ребёнка. Использование блок–схем // https://elenamatichina.ucoz.net/konsultasia/kniga_zhizni.pdf
8. Эльконин Д.Б. Психологическое развитие в детских возрастах: Избранные психологические труды /Под ред. Д.И. Фельдштейна. 3-е изд. М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. 416 с.

© Ховякова Анна Леонидовна (khovyakova@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.05–2.39

БИОГРАФИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ В РОССИЙСКИХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ЭНЦИКЛОПЕДИЯХ: ОЦЕНКА ВКЛАДА ЦАЙ ЮАНЬПЭЯ В РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ КИТАЯ

BIOGRAPHICAL NARRATIVE IN RUSSIAN PEDAGOGICAL ENCYCLOPEDIAS: ASSESSING CAI YUANPEI'S CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT OF EDUCATION AND SCIENCE IN CHINA

Cui Xiaolin
O. Fedotova

Summary: The article is devoted to the analysis of the content of articles from Russian pedagogical encyclopedias dedicated to the life and contribution to the development of education and science of the famous figure in education, culture, and science Cai Yuanpei (1868–1940). Based on the analysis of biographical data presented in the thematic articles of the same name, the most important milestones of the biography are established that determined the conceptual foundations and practical actions of Cai Yuanpei to reform the education system as the Minister of Education, Rector of Peking University, Rector of the Sino-French University in Beijing, President of the Chinese Academy of Sciences. The article concludes that the information on the reform of the education system in China in the first half of the twentieth century presented in popular Russian encyclopedic publications is fragmentary and insufficient. Cai Yuanpei's legacy requires further study, including through the translation of his conceptually significant works into Russian.

Keywords: pedagogy, education, pedagogical encyclopedias, thematic articles, biographical narrative, education reform, Cai Yuanpei.

Цуй Сяолинь
Аспирант, ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет», (г. Ростов-на-Дону)
Федотова Ольга Дмитриевна
доктор педагогических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет», (г. Ростов-на-Дону)
fod06@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу содержания статей из российских педагогических энциклопедий, посвящённых жизни и вкладу в развитие образования и науки известного деятеля образования, культуры и науки Цай Юаньпэя (1868–1940). На основе анализа биографических данных, представленных в одноименных тематических статьях, устанавливаются важнейшие вехи биографии, определившие концептуальные основы и практические действия Цай Юаньпэя по реформе системы образования в качестве министра образования, ректора Пекинского университета, ректора Китайско-французского университета в Пекине, Президента Академии наук Китая. В статье сделан вывод о том, что информация о реформировании системы образования в Китае в первой половине XX века, представленная в популярных российских энциклопедических изданиях, фрагментарна и недостаточна. Наследие Цай Юаньпэя нуждается в дальнейшем изучении, в том числе на основе перевода на русский язык его концептуально значимых трудов.

Ключевые слова: педагогика, образование, педагогические энциклопедии, тематические статьи, биографический нарратив, реформа образования, Цай Юаньпэй.

Исследование вопросов, связанных с определением вклада деятелей науки и культуры в развитие образования, являются важной вехой в изучении гуманитарного наследия выдающихся представителей нации. Многие имена китайских реформаторов, оказавших существенное влияние на развитие общественной мысли и повлиявших на становление истории национальной культуры страны, в настоящее время ещё не известны специалистам, исследующим проблемы общего, профессионального и дополнительного образования. Известный и уважаемый в Китае политик, просветитель, философ, педагог и общественный деятель Цай Юаньпэй (蔡元培), безусловно, относится к этой когорте. В российском научном дискурсе источники, раскрывающие качественное своеобразие теоретических позиций и особенности гуманитарного наследия Цай Юаньпэйя, представлены преимущественно в форме именных статей в энциклопедиях и в небольшом числе аналитических статей [7, 8, 9, 10, 11]. Труды Цай Юаньпэйя до настоящего времени на русский язык ещё не переводились, что затрудняет ознакомление российских исследователей с культурным наследием Китая в сфере концептуальных подходов и структурных преобразования в области образования.

Проблема заключается в прояснении вопроса о том, что может узнать читатель о вкладе Цай Юаньпэйя, который являлся государственным служащим высокого ранга, исполнявшим обязанности министра образования и ректора Пекинского университета, в развитие системы образования Китая из популярных, доступных источников справочного характера.

Концепция и методология исследования

Исходя из гипотезы о том, что источники энциклопе-

дического жанра представляют тематический материал, касающийся жизни и деятельности представителя определённой сферы общественной практики, в контексте его жизненного пути, определим позиции, выделенные в различных энциклопедических изданиях как факты биографии, определяющие истоки его теоретического подхода к преобразованиям в той сфере социальной практики, которая находилась в зоне его ответственности.

Цель исследования – определить особенности позиций, представленных в одноименных тематических статьях, посвящённых Цай Юаньпэйю, в российских педагогических энциклопедических изданиях.

Методы исследования – биографический метод, метод сравнительного анализа, сравнительно-типологический метод, интерпретация, обобщение, историко-генетический метод.

Эмпирический массив исследования – тексты тематических статей, посвящённых Цай Юаньпэйю, в российских энциклопедических изданиях, изданных в период с середины XX века по настоящее время.

Ход и результаты исследования

Первый этап исследования заключается в поиске и определении выборки, состоящей из энциклопедических изданий, содержащих информацию о жизни и творчестве Цай Юаньпэйя.

Энциклопедия является изданием, отнесённым к систематическому своду научных или популярных знаний, используемых в справочных или учебных целях. Являясь ранее образцом печатной продукции, позволяющей осуществлять «обучение в полном круге» (от др.-греч. ἐνκύκλιος παιδεία), то есть, в зависимости от объёма и направленности содержащейся в ней информации, давать знания универсального или аспектного (отраслевого) характера, предлагающие систематизированные знания по отдельным областям действительности. В настоящее время получило распространение значительное количество электронных изданий.

Отраслевые педагогические энциклопедии появились ещё в XVIII веке и претерпели значительные изменения в своей структуре и назначению, предлагая изложение материала в алфавитно-словарной, логически-тематической или иерархической организации текста, который может охватывать любые страны и любую проблематику [3].

Современные педагогические словарно-энциклопедические издания, несмотря на их значительное количество (согласно информации, приведённой на сайте https://didacts.ru/slovari, издано 99 словарей, глоссариев, справочных изданий), не ориентированы на представление зарубежной тематики. Обращение составителей к китайской тематике, в отличие от зарубежных энциклопедий типа Britannica, весьма ограничено [2]. Рассмотрение содержания тематических статей в российских педагогических энциклопедиях показало, что в них представлена информация в четырёх изданиях, содержащих статьи, посвящённые Цайю Юаньпэйю и расположенные в алфавитном порядке. Анализ текстов алфавитных статей показал, что в двух изданиях [4, 6] слово в слово перепечатаны тексты, впервые появившиеся в «Педагогическом энциклопедическом словаре» [4]. В электронном издании «Большая российская энциклопедия» [1] также размещена одноименная статья. Таким образом, общее количество тематических статей, посвящённых Цай Юаньпэю, равно трем.

Второй этап исследования посвящён определению особенностей отражения биографических данных, представленных в энциклопедиях. Рассматривая позицию, касающуюся написания имени Цай Юаньпэя, отметим определённые разночтения в его написании. В Педагогической энциклопедии 1964–1968 гг. издания, выпущенной издательством «Советская энциклопедия», фамилия пишется в редакции ЦАЙ ЮАНЬ-ПЭЙ [5, с. 613]. (Таб. 1.)

Анализ биографических данных, размещённых в статьях энциклопедий, свидетельствует о рассогласо-

Таблица 1.

Сопоставление биографических данных Цай Юаньпэя по проблемам образования в одноименных энциклопедических статьях различных изданий.

№ п/п	Тематическая позиция	«Педагогическая энциклопедия»	«Педагогический энциклопедический словарь»	Большая российская энциклопедия https://bigenc.ru/c/tsai-iuan-pei-9f17d7
1	Главный представитель художественного направления в Китае	да	нет	да
2	Обучение в университете Берлинском и Лейпцигском университетах Германии	да	нет	да
3	Министр образования во временном правительстве Сунь Ятсена в Нанкине (Китайская республика) 1912 - 1913 гг.	да	да	да

№ п/п	Тематическая позиция	«Педагогическая энциклопедия»	«Педагогический энциклопедический словарь»	Большая российская энциклопедия https://bigenc.ru/c/tsai-iuan-pei-9f17d7
4	Введение 11 –летнего срока обучения в общеобразовательной, отменено изучение конфуцианских текстов	да	нет	да
5	Реорганизация министерства образования, создание отдела образования взрослых	да	нет	да
6	Реорганизация министерства образования, создание отдела женского образования	да	да	да
7	1913–1916 – Ректор Пекинского университета	да	нет	да
8	1927–1928 - Президент Национальной академии Просвещения	да	нет	да
9	1927 – один из основателей Государственной консерватории (國立音樂院) в Шанхае	нет	нет	да
10	1928 г. – один из основателей Государственной академии искусств (國立藝術院) в Ханчжоу,	нет	нет	да
11	1927–1928 гг. занимал пост главы Министерства высшего образования	нет	нет	да
12	1928 – Президент Академии наук Китая	да	да	да
13	1920–1930 – Ректор Китайско-французского университета в Пекине (中法大學).	нет	нет	да
14	1933 г. – создал Государственный центральный музей (國立中央博物院) в Нанкине	нет	нет	да
15	Пропагандист идей свободного воспитания	да	да	да

ваниях, представляющих даты жизни и послужной список Цай Юаньпэя. Как следует из данных, показанных в таблице, электронное издание «Большая российская энциклопедия» [1] в силу лучшей проработанности биографической тематики и возможности подробной характеристики жизненного пути известного деятеля науки, образования и культуры Цай Юаньпэйя благодаря информационной ёмкости электронного ресурса позволяет читателям составить более полную картину его вклада в развитие образования и науки. В качестве положительного момента, характерного для изданий педагогической энциклопедии и словаря, отметим, что в них, несмотря на ограниченное пространство печатного издания, приведены названия важнейшего труда Цай Юаньпэйя «Тезисы об основном курсе в области образования» (1912) и ссылка на его сочинение на китайском языке [4]. Это позволяет надеяться на то, что его труды вызовут интерес российских исследователей и будут переведены на русский язык для дальнейшего исследования педагогики Китая.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большая российская энциклопедия // https://bigenc.ru/c/tsai-iuan-pei-9f17d7
2. Ван Лу. Педагогическая и просветительская деятельность Оуяна Юйцяня в зеркале советских энциклопедических изданий // Результаты современных научных исследований и разработок. Сборник статей XX Всероссийской научно-практической конференции. Пенза, 2023. С. 129–131.
3. Далина А., Федотова О.Д. Проблемы образования и духовного воспитания в Сирии в российских педагогических энциклопедиях второй половины XX века // Мир науки. 2017. Т. 5. № 6. С. 16.
4. Педагогический энциклопедический словарь. — М., 2002. С. 420.
5. Педагогическая энциклопедия. В четырёх томах. М.: Советская энциклопедия. Т. 4, с. 613.
6. Терминологический словарь библиотекаря [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://nlr.ru/cat/edict/PDict/
7. Федотова О.Д., Латун В.В. Образование в Китае: психолого-педагогическая проблематика диссертационных исследований // Интернет-журнал Науковедение. 2013. № 6 (19). С. 204.
8. Цуй С., Федотова О.Д. Анализ первоначальных мыслей Цай Юаньпэя о реформе университетского образования и управления образованием // Развитие науки и технологий в современной России (шифр - ВКРН). Сборник материалов VI Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 2024. С. 38–43.
9. Цуй С., Федотова О.Д. Позитивное влияние философии образования Цай Юаньпэя на современную педагогическую мысль Китая // Цифровое общество:

научные инициативы и новые вызовы. Сборник научных трудов по материалам VI Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 2024. С. 232–235.
10. Чжан К. Цай Юаньпэй и Сяо Юмэй: творческий тандем в истории китайского музыкального образования первой половины XX века // Актуальные проблемы высшего музыкального образования. 2016. № 1 (39). С. 53–56.
11. Шумейко А.А. Роль Цай Юаньпэя в критике традиционного образования в Китае начала XX века в контексте взаимодействия культуры Востока и Запада // Амурский научный вестник. 2021. № 1. С. 81–89.

© Цуй Сяолинь, Федотова Ольга Дмитриевна (fod06@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.05–2.48

РАЗВИТИЕ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ ПОСРЕДСТВОМ ТЕАТРАЛИЗОВАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

DEVELOPING THE CREATIVE ABILITIES OF YOUNGER SCHOOLCHILDREN THROUGH THEATRICAL ACTIVITIES

N. Shcherbakova
A. Kiryushina
K. Bezrukova

Summary: The article is devoted to the problem of developing the creative abilities of younger schoolchildren, which is of great relevance in modern society. The realities of modern society put forward new requirements for the development of a personality that does not think and does not act in a formulaic way, but has the mobility of thinking, has the speed of orientation, is able to creatively approach a variety of problematic situations, and solve tasks outside the box. The results of a study of the peculiarities of the development of creative abilities of younger schoolchildren in the process of theatrical activity are considered and presented.

Keywords: primary school age, theatrical activities, theatrical techniques, creativity, creative abilities.

Щербакова Наталья Евгеньевна
Кандидат педагогических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»
stenyakova-n@mail.ru
Кирюшина Ангелина Алексеевна
ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»
angelluzik@gmail.com
Безрукова Ксения Михайловна
ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»
biezrukova03@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена проблеме развития творческих способностей младших школьников, которая имеет большую актуальность в современном обществе. Реалии современного общества выдвигают новые требования к развитию личности, не думающей и не действующей шаблонно, а имеющей подвижность мышления, обладающей быстротой ориентировки, умеющей творчески подходить к решению разнообразных проблемных ситуаций, нестандартно решать поставленные задачи. Рассмотрены и представлены результаты исследования особенностей развития творческих способностей младших школьников в процессе театрализованной деятельности.

Ключевые слова: младший школьный возраст, театрализованная деятельность, приемы театрализации, творчество, творческие способности.

Творчество является одной из естественных форм реализации потребности человека в поиске истинных знаний, которая выражается в проявлении способностей к принятию нестандартных решений. Понятие «творчество» как один из видов человеческой деятельности, направленной на разрешение противоречия (решение творческой задачи), для которой необходимы объективные (социальные, материальные) и субъективные личностные условия (знания, умения, творческие способности), результат которой обладает новизной и оригинальностью, личной и социальной значимостью. Творческие способности в психолого-педагогической литературе рассматриваются как универсальная познавательная способность, как чувствительность к проблемам, независимость в сложных ситуациях, как компонент общей умственной одаренности, как качество, не сводимое к интеллекту, как способность обнаруживать новые способы решения задач и проблем, порождать новое.

В национальной доктрине образования Российской Федерации на период до 2025 года подчеркивается важность развития творческих способностей и возможностей самореализации. Очевидно, что педагогической задачей является необходимость совершенствования содержания образования с целью направленного воздействия на развитие потребности младшего школьника к творческому преобразованию действительности.

К категории младших школьников относятся дети в возрасте с 6 до 11 лет, которые обучаются в начальной школе (1–4 классы). Именно в этот период происходит резкое изменение в жизни ребенка: появляются новые обязанности, меняется ведущая деятельность.

Творческая деятельность играет важную роль в гармоничном развитии младшего школьника. Именно благодаря ей происходит активное развитие чувств ребенка, развитие таких высших психических функций таких, как мышление, память, восприятие, воображение.

Особенности развития творческих способностей младших школьников нашли отражение в трудах Амонашвили Ш.А., Выготского Л.С., Теплова Б.М., Рубинштейна С.Л., Харламова И.Ф., Шадрикова В.Д. и др.

Хабарова Т.Ю. и Дубровина И.В. отмечали, что творческие способности младших школьников характеризуются нестандартным способом осуществления творческой деятельности, использованием оригинальных средств ее осуществления, распределением ролей.

Следует отметить, что в каждом ребенке уже заложены предпосылки к проявлению творчества: мышление детей образное, фантазия и воображение не имеют границ, дети в достаточной мере впечатлительны и эмоциональны, их нервная система пластична, повышена мотивация к получению новых знаний и умений [6].

Развитие творческих способностей младших школьников обусловлено соблюдением определенных условий: выявлением их личных интересов; определенной свободой в выборе решения заданий; созданием творческой обстановки; мотивацией; включением обучающихся в творческий процесс; демонстрацией результатов выполненной работы; поощрение стремления детей [3].

В связи с тем, что творческая деятельность – это создание чего-то нового, то она сама по себе становится стимулом к получению новых знаний. Творческая деятельность способствует повышению самооценки младшего школьника и уровня его притязаний, а также повышает уровень удовлетворенности в достигнутых успехах.

Для того, чтобы процесс развития творческих способностей младших школьников проходил более эффективно, педагогу необходимо постоянно стимулировать оригинальность и изобретательность детей; планировать учебный процесс так, чтобы любое учебное задание заканчивалось творчеством; ставить перед школьниками задачу, которую им необходимо решить с помощью образного мышления; проводить рефлексию для анализа результатов работы; а также предъявлять к обучающимся требования аккуратности, завершенности [7].

Для того чтобы успешно осуществлять творческую деятельность, дети должны обладать рядом умений: постановка цели планирования содержания; выбор средств достижения цели; соотнесение полученного результата с предполагаемым; учет мнения партнеров, распределение обязанностей в соответствии с возможностями и интересами каждого; контроль соблюдения порядка, правил; умение решать спорные вопросы и конфликты без вмешательства взрослых [1].

По нашему мнению, период обучения в начальной школе является наиболее сензитивным для развития творческих способностей.

Занятия актерским мастерством в начальных классах – это прекрасная возможность раскрыть творческий потенциал ребенка и поддержать его творческую личность. Дети учатся воспринимать интересные идеи в окружающем мире, воплощать их в реальность, создавать художественный образ персонажей, развивать творческое воображение, ассоциативное мышление и замечать необычные моменты в повседневной жизни [2].

В рамках театрализованных мероприятий, проводимых в начальной школе, у ребенка есть возможность поучаствовать в ролях актера, режиссера, декоратора, оформителя, музыканта. Каждый ребенок играет по-своему, но копирует всегда в играх взрослых.

Благодаря играм и тому, как в них играют, можно представить будущее общество. Поэтому начальное общее образование должно уделять особое внимание театрализованной деятельности, всевозможным детским театрам, которые помогают формировать правильную модель поведения в современном мире, способствуют общей культуре ребенка, знакомят его с детской литературой, музыкой, изобразительным искусством, правилами этикета, церемониями и традициями. Любовь к театру становится не только ярким воспоминанием о детстве, но и чувством праздника со сверстниками, родителями и воспитателями [5].

Смысл и особенностью театрализованного искусства является сопереживание, знание, эмоциональность, общительность, ярко выраженное влияние художественного образа на человека. Театр является одним из самых демократичных и доступных видов искусства для детей и позволяет решать многие проблемы современной педагогики в области образования и воспитания: формирование эстетического вкуса; художественное образование; нравственное воспитание; воображение, инициативность, речь (диалога и монолога), фантазии, развитие памяти; развитие коммуникативных черт личности (изучение вербальных и невербальных методов общения); создавать позитивный эмоциональный настрой, снимать напряжение, разрешать конфликты с помощью игры [3].

Театрализованные игры и театрализованные представления позволяют детям с большим интересом и легкостью окунуться в мир фантазий, научиться замечать и оценивать чужие промахи и просчеты. Могут научиться ясно, выражать свои мысли и говорить их публично, а также чувствовать и узнавать мир более тонким образом [4].

С целью изучения творческих способностей детей младшего школьного возраста нами организовано исследование, в котором приняло участие 60 детей в возрасте 8–10 лет.

Для исследования нами были определены следующие методики: тест креативности Торренса (диагностика творческого мышления) для изучения склонности к творчеству младших школьников и развития у них творческого мышления; методика «Творческие способности» для определения творческого потенциала младших школьников.

По результатам исследования по тесту Торрена нами

были получены следующие данные: по показателю «беглость» высокий уровень отмечается у 30% испытуемых, средний уровень у 40% детей, низкий уровень у 30% детей; по показателю «оригинальность» высокий уровень наблюдается у 35% испытуемых, средний уровень у 35% детей, низкий уровень у 30% детей; по показателю «абстрактность названий» высокий уровень обнаружился у 25% испытуемых, средний уровень у 40% детей, низкий уровень у 35% детей; по показателю «сопротивление замыканию» высокий уровень проявляется у 25% испытуемых, средний уровень у 50% детей, низкий уровень у 30% детей; по показателю «разработанность» высокий уровень отмечается у 30% испытуемых, средний уровень у 35% детей, низкий уровень у 35% детей. По тесту «Творческие способности» у 30% младших школьников проявляется высокий уровень, средний уровень у 40% детей, низкий уровень у 30% детей.

По итогам проведенного контрольного этапа исследования нами было установлено, что у детей младшего школьного возраста отмечается недостаточный уровень развития творческих способностей и с ними необходимо проводить дополнительную работу по развитию творческих способностей. Для этого нами была разработана программа театрализованной деятельности для включения во внеурочную деятельность с детьми младшего школьного возраста. Курс рассчитан на учебный год (34 часа).

Программа развития творческих способностей младших школьников посредством театрализованной деятельности включает два раздела.

Раздел 1. Формируем творческие способности в процессе театрально – игровой деятельности.

Раздел 2. Учимся рассуждать и делать выводы. Импровизированная театральная постановка по сказке А.С. Пушкина «Сказка о рыбаке и рыбке».

Каждый раздел включает комплексы приемов и упражнений на развитие внимания и воображения, на взаимодействие с партнером по сценической площадке, на развитие сценической речи и актерского мастерства.

На контрольном этапе исследования, с целью изучения эффективности проведенной работы по реализации программы развития творческих способностей детей посредством театрализованной деятельности, были получены следующие результаты, которые характеризуют эффективность разработанной и реализованной программы (результаты исследования подтверждены методами математической обработки данных).

По показателю «беглость» высокий уровень с 30% увеличился до 75%, средний уровень с 40% снизился до 25%, низкий уровень не был выявлен. Данный показатель характеризует творческую продуктивность детей, то есть чем выше показатель, чем выше уровень продуктивности и наоборот, чем ниже показатель, тем меньше сформирован или вообще не сформирован данный показатель. Рисунки детей с высоким показателем имеют интересное название, сам рисунок несет в себе какой-то смысл.

По показателю «оригинальность» высокий уровень с 35% вырос до 70%, средний уровень с 35% снизился до 30%, низкий уровень выявлен не был. Данный показатель говорит об уникальности и специфичности творческого мышления. Дается детальная оценка рисунку ребенка.

По показателю «абстрактность названий» высокий уровень с 25% увеличился до 70%, средний уровень с 40% снизился до 25%, низкий уровень с 35% снизился до 5%. Данный показатель говорит о том, на сколько ребенок умеет видеть суть проблемы и выделять из нее главное. У детей с высоким уровнем рисунки имеют абстрактное название и глубинный смысл, тогда как у детей с низким уровнем простые и очевидные описательные названия.

По показателю «сопротивление замыканию» высокий уровень с 25% увеличился до 65%, средний уровень с 50% снизился до 30%, низкий уровень с 30% снизился до 5%. Стоит отметить, что у детей с высоким уровнем фигура вообще не замыкается, тогда как у детей с низким уровнем фигура замыкается самым быстрым и простым способом.

По показателю «разработанность» высокий уровень с 30% увеличился до 70%, средний уровень с 35% снизился до 30%, низкий уровень выявлен не был. Данный показатель говорит об умении придумывать идеи. У детей с высоким уровнем на рисунках имеются существенные детали, тогда как у детей с низким уровнем довольно примитивные детали на рисунках.

По методике «Творческие способности» у 30% младших школьников отмечается высокий уровень, средний уровень проявляется у 40% детей, низкий уровень у 30% детей.

Таким образом, можно сделать вывод, что театрализованные игры и театрализованные представления позволяют детям с большим интересом и легкостью окунуться в мир фантазий, научиться замечать и оценивать чужие промахи и просчеты. Театрализованная деятельность помогает учащимся начальной школы раскрыть спектр их творческих возможностей и потенциала. Она расширяет кругозор, способствует вовлеченности обучающихся в образовательный процесс, повышает самооценку, улучшает коммуникабельность детей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анохина З.А. Формирование мотивации учения младших школьников в условиях реализации федерального государственного образовательного стандарта начального образования / З.А. Анохина, А.В. Папченко // Молодой ученый. - 2018. - № 46 (232). - С. 263–265.
2. Антропова Е.Н. Театральное творчество как средство социокультурной реабилитации детей с детским церебральным параличом / Е.Н. Антропова // Молодой ученый. - 2019. - № 23 (261). - С. 329–330.
3. Жиленкова Д.А. Что такое творчество и что побуждает человека творить / Д.А. Жиленкова, Ю.В. Денисова // Юный ученый. - 2018. - № 3 (17). - С. 120–122.
4. Крюк В.Г. Проблема творчества и творческих способностей в современной педагогике / В.Г. Крюк, И.С. Казаков // Молодой ученый. - 2016. - № 9.3 (113.3). - С. 15–16.
5. Максимова С.М. Театрализованная деятельность — важнейший фактор развития личности дошкольника / С.М. Максимова // Молодой ученый. - 2016. - № 13 (117). - С. 824–826
6. Павленко С.В. Развитие творческих способностей у детей средствами театрализованной деятельности / С.В. Павленко // Молодой ученый. - 2019. - № 37 (275). - С. 155–156
7. Петущенко Е.С. Развитие творческих способностей через театрализованную деятельность (из опыта работы) / Е.С. Петущенко // Вопросы дошкольной педагогики. - 2017. - № 3 (9). - С. 97–99.

© Щербакова Наталья Евгеньевна (stenyakova-n@mail.ru), Кирюшина Ангелина Алексеевна (angelluzik@gmail.com),
Безрукова Ксения Михайловна (biezrukova03@mail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.05–2.50

ВОСПИТАНИЕ СТУДЕНТОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ФИЗИКЕ В ВУЗЕ: ПРОБЛЕМЫ И ОПЫТ

STUDENT EDUCATION WHILE STUDYING PHYSICS IN HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION: PROBLEMS AND EXPERIENCE

E. Yakovleva

Summary: The article deals with the educational aspect of solved physical problems content which are typical for students at technical universities. Two groups of factors that hinder the formation and development of students' skills in finding kinematic quantities are revealed. Possible methodological techniques for the scientific worldview formation among learners in the study of the ballistic motion have been identified. A phased methodology for solving a physical problem is described to calculate the ballistic trajectory. The possibility of using physical tasks for the development of students' thinking and activation of their independent cognitive activity has been tested. The interpretation of the obtained pedagogical research results on students' assimilation of kinematic quantities in ballistic motion is presented.

Keywords: worldview formation, ballistic motion, kinematic quantities, difficulties in solving physical problems.

Яковлева Елена Владимировна
Доктор педагогических наук, профессор, Нижнекамский химико-технологический институт (филиал), ФГБОУ ВО Казанский национальный исследовательский технологический университет
YakovlevaEV@inbox.ru

Аннотация: В статье рассматривается воспитательный аспект содержания решаемых физических задач, характерных для студентов технических вузов. Раскрываются две группы факторов, препятствующих формированию и развитию у обучающихся навыков нахождения кинематических величин. Выявлены возможные методические приемы формирования научного мировоззрения обучающихся при изучении баллистического движения. Описана поэтапная методика решения физической задачи на расчет баллистической траектории. Апробирована возможность использования физических задач для развития мышления студентов и активизации их самостоятельной познавательной деятельности. Представлена интер-претация полученных результатов педагогического исследования по усвоению студентами кинематических величин при баллистическом движении.

Ключевые слова: формирование мировоззрения, баллистическое движение, кинематические величины, трудности решения физических задач.

Введение

В настоящее время на фоне модернизации высшего образования в России прослеживается рост требований к базовому уровню подготовки по физике у абитуриентов и студентов технических вузов, что влечет изменение методологических подходов к получению теоретических и практических навыков. В соответствии с учебными планами технических вузов физика является одной из фундаментальных дисциплин, составляющих теоретическую базу подготовки будущих специалистов высокой квалификации для различных отраслей современного производства. Среди прочих естественных наук физика занимает центральное место. Являясь абстрактной по своей сущности, она опирается на методологию научного познания и одновременно служит естественно-научным основанием для философии и техники.

Изучение курса физики открывает широкие возможности для воспитания студентов и формирования их мировоззрения. В наши дни особенно очевидна необходимость единства воспитания и развития на всех этапах обучения в высшей школе, требующая качественных изменений в развитии культуры и образованности выпускников. Это вытекает как из внутренних закономерностей нашего общества, так и обуславливается внешними обстоятельствами, остротой политической, экономической и идеологической борьбы между отдельными странами и социальными системами в мире, которая становится все более сложной и напряженной. Борьба против угрозы атаки беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), угрозы экологической и ядерной катастрофы становится необходимой для каждого человека Земли во имя будущих поколений. В этих условиях весьма актуальным становится решение проблемы формирования научного мировоззрения обучающихся, которое направлено на выработку активной жизненной позиции человека, способа правильного мышления и образа поведения. Конечно, это не означает, что каждый должен досконально освоить все научные достижения. Это практически невозможно. Необходимо, чтобы все члены нашего общества постепенно овладевали основами современной науки, знакомились с ее достижениями. Мы глубоко убеждены в том, что высшая школа должна обеспечивать высокий уровень абсорбционной способности страны, создавая предпосылки для продуктивной производственной деятельности в течение всего периода профессиональной карьеры специалиста [1]. Формирование научного мировоззрения у разных людей происходит различными путями в зависимости от

профессиональных, возрастных и других особенностей, но по единым принципам. В последние десятилетия на основе современной физики происходит сознательное развитие целого ряда прикладных наук и различных отраслей промышленного производства. Вся строительная техника, гидротехника, теплотехника, электротехника, радиотехника, средства связи и большая часть военной техники до сих пор развиваются на фундаментальных положениях физики.

В этой связи при изучении физики важно научить студентов мыс-лить, рассуждать, устанавливать причинно-следственные связи, аргумен-тировать свои суждения. Знакомство с методами решения физических задач и методами научного познания: теоретическим моделированием, аналогией, идеализацией и т.п. способствует развитию самостоятельности, умению выполнять комплексные производственные задания. Постановка гипотез и их доказательство ведут к пониманию действительности, воспитанию у подрастающего поколения стремления к обоснованию своих суждений и умозаключений, к проверке их истинности. Это и есть постепенное воспитание у них научного логического мышления, приобретение студентами убежденности в истинности осваиваемых знаний и компетенций. Острота вопроса связана с тем, что высшее образование сегодня призвано сформировать подрастающее поколение, которое вступит в активную жизнь и производственную деятельность уже в самое ближайшее время. Высшая школа должна не только обучать, но и воспитывать молодежь с максимальным учетом тех общественных условий, в которых им предстоит жить, работать, строить карьеру. Это невозможно без творческого усвоения наук, особенно наук физико-математического цикла.

Профессиональная мобильность молодых работников, базисом деятельности которых становится специализированный навык, основанный на научных знаниях, обуславливает рост их продуктивности и способности оперативно включать получаемую информацию в контекст собственной производственной деятельности в обозримом будущем.

Обзор литературы

В современной педагогике и методике преподавания физики заслу-живает особого внимания публикация Фесто Кирага [2], которому удалось провести систематический обзор результатов свыше двадцати научных исследований зарубежных ученых, касающихся интеграции профессиональной направленности в процесс обучения физике. Данные работы определяют основные модели обучения, направленные на формирование мышления и мировоззрения обучающихся, подчеркивают важность использования учебных задач, моделирующих реальные ситуации. В отечественной педагогике разработаны и постоянно корректируются концептуальные подходы к улучшению физического образования. В ходе научно-методического поиска и сравнительного анализа нами выявлено, что в учебных пособиях, учебниках и учебно-методических комплексах по физике для студентов технического профиля, отдельными авторами (В.Ф. Дмитриевой [3], А.А. Дмитриевским [4], Т.И. Трофимовой [5] и др.) предпринимаются попытки изложения ведущих теоретических положений, на основе концепции взаимосвязи общеобразовательной и профессиональной подготовки. Каждый из авторов имеет собственный опыт преподавания физики и воззрений, но их объединяет общий подход, в котором основополагающий методический упор нацелен на повышение качества подготовки специалистов. Интеграция межпредметных знаний может стать ориентиром: 1) в решении проблемы формирования у обучающихся научного мировоззрения; 2) в реализации полученных общетеоретических знаний, умений, навыков и общепрофессиональных компетенций для успешной профессиональной подготовки; 3) в получении сведений, жизненно необходимых по вопросам охраны труда, вопросам электробезопасности и пожарной безопасности, общих представлений об охране окружающей среды от вредных воздействий крупных современных производств и экологических катастроф, возникающих по вине человека. Эта идея важна и с позиций успешной профессиональной подготовки по основным дисциплинам технического профиля: 1) допуски и технические измерения; 2) материалы и технологии; 3) спецтехнологии.

Изучение основных физических понятий, законов и теоретических положений должно быть направлено на получение навыков решения практических задач производства, связанных с вопросами его безопасности, проблемами надежности работы механизмов и изучением общих принципов работы производства. Однако, чтобы найти творческое решение поставленных задач и получить реальные практические результаты, лежащие за пределами наблюдаемых явлений, необходима некоторая степень абстракции и владение теоретическими методами исследования. В процессе обучения физике студентам важно напомнить, что без экспериментально установленных фактов движение в познании невозможно [6]. Данное положение лежит в основе теории познания. Осмысление методологического вопроса о соотношении теории и эксперимента в научном познании способствует лучшему усвоению физических понятий и является приоритетным в формировании научного мировоззрения необходимого для инженерной деятельности.

Методологическая база исследования

С развитием техники значительно возросла дальность полета снарядов и возможность осуществления дистанционных сражений враждующих сторон за счет

точного попадания в цель беспилотных летательных аппаратов, что стимулировало повышение интереса к рассмотрению баллистики как раздела механики, изучающего движение тел в поле тяготения Земли на протяжении многих десятилетий. Не вызывает сомнений перспектива развития этого направления в физике при подготовке специалистов не только в оборонном комплексе. В данной статье остановимся на некоторых вопросах научно-методического анализа основных понятий, положений и закономерностей этого раздела, с выделением основных вопросов, связанных с решением задач на баллистическое движение по определению кинематических величин в случае движения двух тел и нахождения места их встречи.

Основные сведения о баллистическом движении, соответствующие требованиям минимума содержания образования, закладываются в сознании абитуриента еще в школьном курсе физики в разделе «Кинематика материальной точки». Отдельными авторами учебников по физике (В.А. Касьянов [7], Г.Я. Мякишев [8] и др.), предназначенных для старшеклассников, весь теоретический аппарат по данному разделу в большей или меньшей степени разработан; разобраны примеры решения задач, предприняты шаги в установлении взаимосвязи между отдельными типами задач по вертикальному и горизонтальному броску, рассмотрены частные случаи броска под углом к горизонту [9] и определен общий алгоритм решения. Несмотря на то, что необходимость разбора ключевых ситуаций решения физических задач по баллистике уже признана педагогическим сообществом, но как показывает практика работы в вузе, этот материал пока наиболее сложен даже для подавляющего большинства первокурсников. Новые педагогические реалии требуют преодоления выявленных типичных недостатков, полученных за годы школьного обучения физике, которые препятствуют дальнейшему развитию целостных знаний о движении тел.

Результаты исследования

Решая задачу по организационно-управленческой подготовке к освоению дисциплины «Физика», в 2023–2024 году преподаватели Нижнекамского химико-технологического института провели исследование первокурсников очной формы обучения (всего 76 человек) по выявлению уровня сформированности умений нахождения кинематических величин по баллистическому движению. По замыслу нашего исследования, оно осуществлялось в три этапа, чтобы проследить динамику процесса. На первом этапе «входной» диагностики респондентам было предложено выполнить ряд заданий по физике с учетом основных требований школьной программы.

Задача 1. С башни высотой 10 м горизонтально бросают камень со скоростью 23 м/с. Одновременно навстречу ему бросают второй камень под углом 30 º к горизонту с поверхности Земли со скорость 20 м/с. Определите, на каком расстоянии от подножия башни находится точка бросания второго камня, если камни столкнулись в воздухе [10]. (Ответ: 40,4 м).

Задача 2. Тело брошено вверх с начальной скоростью 5 м/с. Когда тело достигло максимальной высоты, с земли бросили второе тело с той же начальной скоростью. Найдите высоту, на которой оба тела окажутся одновременно [11]. (Ответ: 0,96 м).

Задача 3. Как называются две различные траектории двух одинаковых снарядов, вылетевших из пушки и упавших в одно и то же место [12]? (Ответ: настильная и навесная траектории).

Характерно, что лишь 25 опрошенных (32,9%) справились успешно с заданиями, не испытывая серьезных трудностей. Проведенный нами сравнительный анализ по оценке правильности решений представленных задач, позволил выявить типичные ошибки и получить объективную информацию об уровне подготовки обучающихся по отдельным вопросам данного раздела физики, требующим корректировки и дополнительного изучения. Причинами низкой подготовки испытуемых могут быть как объективные, так и субъективные трудности.

Основными факторами объективных трудностей являются:

- недостаточная сформированность навыков по решению кинематических задач при изучении базового курса физики;
- формальность преподавания физики из-за недостатка опытных учителей-предметников или отсутствие преподавания физики в старших классах при гуманитарном профиле обучения;
- слабая обеспеченность материально-технической базы и недоста-точность учебно-методической литературы необходимой для эффективного изучения баллистики (устаревшие учебники, задачники, учебно-тренировочные задания);
- отсутствие возможности восполнить пробелы в знаниях, образо-вавшиеся в результате пропусков учебных занятий по болезни, участия в спортивных соревнованиях, конкурсах, не связанных с учебной деятельностью по физике;
- неблагоприятная психологическая атмосфера в классе или группе, не способствующая проявления интереса к учебной деятельности.

Вторая группа факторов носит субъективный характер и зависит от личности самого обучающегося:

- отсутствие навыка анализа условия физической задачи;
- низкая степень сформированности умения выполнять чертеж со-гласно условию конкретной

физической задачи;
- — существенные для данной темы пробелы, согласно требованиям школьной программы по физике и математике, в нахождении кинематических величин, проекций вектора скорости и вектора перемещения на оси координат;
- — не знание алгоритма решения физических задач на определение места встречи двух тел аналитическим способом или недостаток опыта его применения;
- — несформированность практического навыка самостоятельного ре-шения ключевых задач на баллистическое движение;
- — недостаток волевого развития личности или низкая степень готов-ности к преодолению затруднений в учебной деятельности;
- — несформированность навыков самообразования.

В соответствии со вторым этапом нами был проведен устный разбор допущенных типичных ошибок студентами в ходе начального этапа исследования и осуществлена их корректировка на практическом занятии. Даны рекомендации по выполнению чертежей и составлен алгоритм решения данного типа задач. Рассмотрен пример расчета баллистической траектории запуска тела под углом к горизонту и его последующего столкновения с другим телом. В качестве вспомогательного средства при совместном разборе задачи использовалась структурно-логическая схема ее решения. Кратко раскроем поэлементный анализ ее содержания.

Задача 1. Из точки, расположенной на высоте H, свободно падает первое тело. Одновременно с поверхности Земли под углом α к горизонту бросают второе тело, так чтобы оба тела столкнулись в воздухе. Доказать, что угол α не зависит от начальной скорости тела, брошенного под углом к горизонту из начала системы координат и определить этот угол, если известно, что тела встретились на расстояние L от места бросания второго тела, а отношение $\frac{H}{L} = \sqrt{3}$. Сопротивление воздуха в атмосфере не учитывать. (Рис. 1.)

Дано: | *Решение:*

$\frac{H}{L} = \sqrt{3}$

$\vartheta_{01y} = 0$

α-?

Построив чертеж к задаче (рис.1), выберем систему координат так, чтобы ее начало совпало с точкой бросания второго тела, а оси координат были направлены следующим образом: ось OX – вдоль поверхности земли; OY – по нормали к поверхности земли вертикально вверх. При описании баллистического движения данных тел будем прибли-женно рассматривать движение их идеализированных моделей в виде материальных точек, движущихся с постоянным ускорением свободного падения в поле тяготения Земли.

Сложное одновременное движение двух тел можно представить как результат равноускоренного движения первого тела вертикально вниз и результат двух прямолинейных движений второго тела: равномерного прямолинейного движения второго тела по оси OX и его равнозамедленного движения вдоль оси OY. Оба тела могут встретиться в точке 2.

Учитывая, что первое тело, по условию задачи, сво-

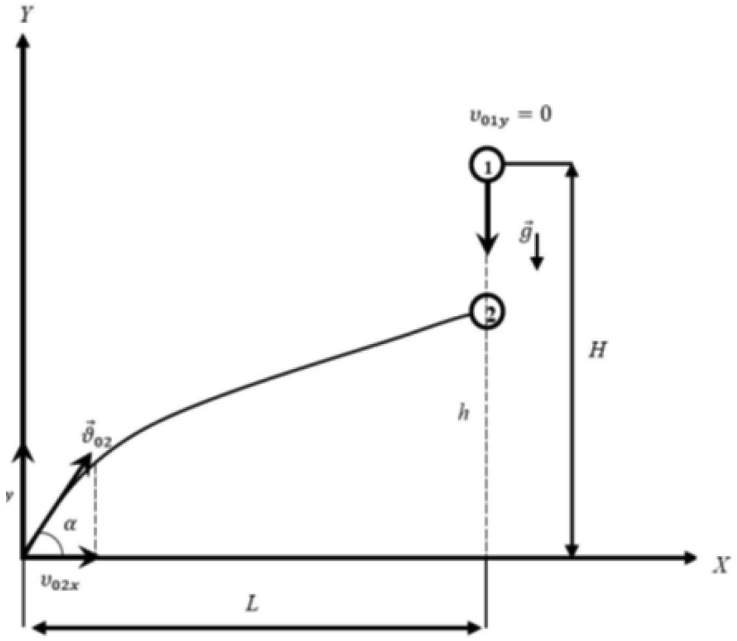


Рис.1. Рисунок к задаче 1

бодно падало, то его начальная скорость в проекции на ось OY равна нулю, при этом проекция ускорения силы тяжести при движении этого тела не изменяется и в проекции ось OY имеет вид: $g_y = -g$.

Запишем в проекциях на оси OX и OY выражения для начальной скорости второго тела:

$$\vartheta_{02x} = \vartheta_{02} \cdot \cos\alpha, (1)$$

$$\vartheta_{02y} = \vartheta_{02} \cdot \sin\alpha, (2)$$

От начала движения тел, до их столкновения пройдёт время *t,* которое можно выразить по формуле:

$$t = \frac{S}{\vartheta_{02x}} = \frac{S}{\vartheta_{02} \cdot \cos\alpha}, (3)$$

Для первого тела определим начальную и конечную координату в проекции на ось OY. Они соответственно равны:

$$y_{01} = H;\ y_1 = y_2 = h.$$

или

$$h = H - \frac{gt^2}{2}, (4)$$

При этом второе тело, двигаясь до столкновения с первым, поднимается на высоту *h*.

$$h = \vartheta_{02y}t - \frac{gt^2}{2} = (\vartheta_{02}\sin\alpha)t - \frac{gt^2}{2}, (5)$$

Приравнивая правые части выражений (4) и (5), получим:

$$H - \frac{gt^2}{2} = (\vartheta_{02}\sin\alpha)t - \frac{gt^2}{2}, (6)$$

Из выражения (6) следует, что

$$H = \vartheta_{02}t\sin\alpha, (7)$$

Подставляя выражение (3) в уравнение (7), получим:

$$H = \vartheta_{02} \cdot \frac{S}{\vartheta_{02}\cos\alpha} \cdot \sin\alpha = S \cdot tg\alpha, (8)$$

Отсюда тангенс угла можно определить по выражению (9)

$$\tan\alpha = \frac{H}{S}, (9)$$

Тогда, согласно условию задачи, $\tan\alpha = \sqrt{3}$, а угол $\alpha = 60^0$.

Таким образом мы показали, что полученный результат величины угла не зависит от начальной скорости второго тела, брошенного с поверхности земли из начала системы координат, и определили значение этого угла. Данный результат справедлив лишь для идеализированного случая, при отсутствии сопротивления воздуха в атмосфере, что позволяет легче рассчитать траекторию движения тел. С этих позиций следует подчеркнуть, что при расчете траектории полета межконтинентальных баллистических ракет и беспилотных летательных аппаратов необходимо учитывать не только сопротивление воздуха, но и кривизну поверхности Земли.

В дальнейшем студенты приступили к решению следующей задачи: Два тела бросили одновременно из одной точки: одно – вертикально вверх, другое под углом 60º к горизонту. Начальная скорость каждого 25 м/с. Определите расстояние между телами через 1,7 с от начала движения. Сопротивление воздуха не учитывать. [13]. (Ответ: 22 м).

Большая часть испытуемых (81,6 %) справилась с заданием самостоятельно, лишь некоторым студентам потребовалась подсказка со стороны преподавателя.

В ходе третьего этапа мы вновь предложили испытуемым решить задачи самостоятельно, которые как форма проверки выполняли ряд функций, а именно: контрольно-оценочную, развивающую и воспитывающую. При выборе межпредметного содержания задач мы опирались на уже имеющиеся дидактические навыки обучающихся и учитывали специфику высшей технической школы с доминированием аналитико-синтетической деятельности обеспечивая не только углубление общих знаний, но и гуманизацию образования [14].

Задача 1. Дальность полета снаряда, летящего по навесной траектории, равна максимальной высоте подъема 3200 м. Найдите максимальную высоту настильной траектории при той же дальности [15]. (Ответ: 200 м).

Задача 2. Пикирующий бомбардировщик движется со скоростью ϑ_1 по отрезку прямой, образующей угол α с горизонтальной плоскостью. Цель перемещается по земле со скоростью ϑ_2 в плоскости движения самолета. На каком расстоянии S по горизонтали от цели должна быть сброшена бомба с высоты H, чтобы попасть в цель? [15].

Ответ: $S = \frac{(\vartheta_1 \cdot \cos\alpha - \vartheta_2) \cdot \left[\sqrt{\vartheta_1^2 \cdot (\sin\alpha)^2 + 2gH} - \vartheta_1 \cdot \sin\alpha\right]}{g}$.

Анализ полученной информации выявил положительную динамику у испытуемых в формировании практического навыка решения задач на нахождение кинематических величин при баллистическом движении. Абсолютное большинство студентов справились с первой задачей самостоятельно (63 человека, т.е. 82,9 %), у остальных возникли незначительные трудности, такие как неточности в выполнении чертежа, математических преобразованиях

и расчетах. Примечательно, что вторую задачу продуктивно выполнили 49 студентов (64,5%), а у остальных 27 студентов (35,5%) несмотря на допущенные ошибки, произошло снижение степени затруднений при выполнении заданий, укрепилась вера в свои способности и они решили восполнить пробелы в знаниях. Активизировалась самостоятельная работа студентов, в частности через выполнение физических упражнений, способствующая субъективному мировосприятию и миропониманию.

Эти показатели свидетельствуют о том, что необходимо установле-ние преемственности между предшествующей базовой подготовкой по физике и введением элементов инженерно-технического образования в содержание вузовского курса.

Заключение

Представленный нами материал показывает, что проведение анализа содержания учебной дисциплины позволяет выявить его воспитательный потенциал, в который могут быть включены элементы знаний, направленные на формирование научного мировоззрения и ориентацию на развитие технических устройств в соответствии с целями развития самого человека. Высшая школа должна предоставлять возможность получения междисциплинарного обучения. Для курса «Физика» наиболее характерна интеграция с математическими, техническими и инженерными дисциплинами. Она предусматривает оперирование междисциплинарными понятиями, синтез межпредметных знаний и умений при решении практических задач по профильным, технологическим и специальным дисциплинам, а также позволяет слушателям удовлетворять их познавательные потребности, развивать навыки логического мышления, на каком бы этапе обучения они ни проявлялись. Будущим специалистам нужны не только научные знания, но и новый тип мышления о профессиональной реальности, в котором просматриваются грамотное сочетание приоритетных направлений развития новой техники и ее экологических характеристик с ориентацией на отраслевые и региональные интересы, расширение возможностей воспитания в процессе обучения в духе патриотизма и гражданской ответственности.

Мы склонны предположить, что для визуализации баллистического движения и эффективного усвоения его кинематических характеристик целесообразна разработка программного продукта по использованию компьютерных моделей и анимации. При создании модельных пособий по физике можно использовать опыт внедрения школьных виртуальных лабораторий и существующие методики компьютерных разработок физических явлений [16]. Также ждут своего решения практические рекомендации по диагностике мировоззренческих взглядов обучающихся при решении физических задач.

ЛИТЕРАТУРА

1. Яковлева Е.В. Модернизация высшего образования в России // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2025. № 1. С.170-173.
2. Kiraga F.A study of problem solving in physics learning: A systematic review // EduFisika Jurnal Pendidikan Fisika. 2023. № 8(3). pp. 303–315. DOI: 10.59052/edufisika. v8i3.29446
3. Дмитриева В.Ф. Физика для профессий и специальностей тех-нического профиля: учеб. для студ. учреждений сред. проф. Образования. М.: Издательский центр «Академия», 2017. 448 с.
4. Дмитриевский А.А., Лысенко Л. Внешняя баллистика: учеб. для студентов вузов. М.: Машиностроение, 2005. 608 с.
5. Трофимова Т.И., Фирсов А.В. Курс физики с примерами решения задач. В 2 т. Т. 1.: учеб. М.: КНОРУС, 2022. 578 с.
6. Яковлева Е.В. Геометрическая, волновая и квантовая оптика: практикум. Казань: Изд-во КНИТУ, 2024. 84 с.
7. Касьянов В.А. Физика. 10 кл.: учеб. для общеобразоват. учеб. заведений. М.: Дрофа, 2020. С.55-62.
8. Мякишев Г.Я., Синяков А.З. Физика. 10 кл.: учеб. для общеобразоват. учеб. заведений. Углубленный уровень. М.: Дрофа, 2020. С.106-118.
9. Громцева О.И. ЕГЭ. Физика. Полный курс. Самостоятельная подготовка к ЕГЭ. М.: Изд-во «Экзамен», 2016. С. 45–54.
10. Мякишев Г.Я., Синяков А. З. Физика. 10 кл. . . .С.116-117.
11. Павленко Ю.Г. Физика. Избранные задачи. Книга I. М.: Изд-во «Экзамен», 2008. 542 с.
12. Павленко Ю. Г. Физика. Избранные задачи. Книга II. М.: Изд-во «Экзамен», 2008. 430 с.
13. Решение задач по физике: учеб. пособие / под ред. В.М. Ки-риллова. М.: КомКнига, 2006. С. 7–18.
14. Яковлева Е.В., Макусева Т.Г. Совершенствование навыков решения физических задач у будущих абитуриентов вуза // Управление устойчивым развитием. 2024. № 1(50). С.105-113.
15. Павленко Ю.Г. Физика. Избранные задачи. Книга I. . . . С. 25.
16. Аркабаев Н.К., Абдугулова Г.С., Кудуев А.Ж. Цифровизация обучения физике: использование компьютерных моделей и анимации // Бюллетень науки и практики. 2024. Т. 10. № 3. URL: https://doi.org/10.33619/2414-2948/100/68 (дата обращения: 15.02.2025).

© Яковлева Елена Владимировна (YakovlevaEV@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.05–2.01

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ АСТРОНИМА ‘ЛУНА’ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА / НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО, ТАДЖИКСКОГО, РУССКОГО И ХИНДИ ЯЗЫКОВ

COMPARATIVE STUDY OF THE ASTRONYM ‘MOON’ IN THE LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD / BY THE MATERIAL OF THE ENGLISH, TAJIK, RUSSIAN AND HINDI LANGUAGES

B. Avezova
N. Novikova

Summary: The purpose of this paper is to carry out a study of usage of the astronim Moon in English, Tajik, Russian, and Hindi. There are described cultural and linguistic features of the use of the astronim *Moon* to the concept ‘celestial body’, ‘beauty, ‘deity’, and ‘a month’ in the languages. Many bright and figurative expressions are associated with this celestial body. The comparative analysis of English, Tajik, Russian, and Hindi language units with the astronim shows that there are some differences in the language picture of the world. ‘*Luna*’ metaphor is used in types of literature, but more often in poetry. These kinds of units generally possess the property of expressiveness. The moon is associated as one of the highest levels of beauty in Tajik and Indian culture. Although in the English and Russian languages, the astromin is ‘Queen’, ‘Luna’ or ‘Moon’ metaphor is not used as an epithet of female beauty. We can sometimes see the metaphor ‘*lunolikaja*’ [moon-faced] in Russian poetry. However, this comparison is borrowed from the oriental languages into Russian. As we know, cultural differences between languages may happen because of the differences in time, religions, moralities. However, in the languages we can find identical language units with the astronim Moon.

Keywords: comparative study, moon, luna, mesjats, moh, badr, chandr, chandrmā, shashī, English, Tajik, Russian, Hindi, astronim, celestial body, beauty, epithet.

Авезова Барно Саиджановна
Кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина, (г. Москва)
barnoavezova@hotmail.com
Новикова Наталия Владимировна
Кандидат технических наук, доцент, Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина, (г. Москва)
odami@yandex.ru

Аннотация: Целью данной работы является проведение сопоставительного исследования использования астронима Луна в английском, таджикском, русском и хинди языках. В статье описаны культурные и языковые особенности использования данного астронима в значении ‘небесное тело’, ‘божество’, ‘красота’ и ‘месяц’ в исследуемых языках. С этим небесным телом связано множество ярких и образных выражений. Метафоры Луна в этих языках используются чаще всего в литературном языке, в частности в поэзии. Такого рода языковые единицы с данным астронимом обладают ярко выраженной экспрессивностью. Сравнительный анализ языковых единиц сопоставляемых языков показывает, что существуют некоторые различия. Называя этот астроним ‘повелителем’ и ‘владыкой’ в таджикском (*moh, қamar*) и хинди (*chandr, chand*) языках часто женщину уподобляют луне и сравнивают женскую красоту с этим астронимом. Однако, в английском и русском языках астроним Луна, являясь ‘царицей’, не используется как эпитет женской красоты. В русском же можно встретить иногда метафору ‘луноликая’ только в литературных произведениях. Это сравнение заимствовано из восточных языков. Известно, что культурные различия между языками могут происходить из-за различий во времени, религиях, нравственности. Тем не менее, в сопоставляемых языках можно найти идентичные языковые единицы с астронимом Луна.

Ключевые слова: сопоставительное исследование, месяц, луна, moon, luna, moh, badr, hilol, chandr, английский, таджикский, русский, хинди, астроним, небесное тело, эпитет красоты.

Данная работа посвящена сравнительно-сопоставительному исследованию особенностей использования астронима *луна* в языковой картине мира на материале английского, таджикского, русского и хинди языков, в частности их языковых единиц. Как известно, сравнительный анализ языковых единиц с астронимом *Луна* дает возможность определить различия и идентичность в использовании данного астронима в исследуемых языках. Так как «в сопоставлении языков словосочетание является важнейшим и необходимым звеном, обеспечивающим связь в передаче содержания не только между единицами лексикона, но и между культурами» [8, с. 383]. В качестве объекта исследования в статье выступает концепт *Луна. А*строним *Луна* – это уникальный объект лингвистической номинации.

Для описания образа *месяца* и *луны* используются ряд синонимов и связанные с ними слова и сходные модели. Целесообразно в сопоставительном плане проанализировать эти языковые единицы. Рассматривая синонимы и близкие по смыслу слова и выражения к астрониму *Луна* в исследуемых языках по отдельности, следует от-

метить, что чаще встречаются следующие слова и понятия, связанные с женщиной: в русском – *Феба, царица ночи, колесница ночи, Селена, Артемида, Диана, богиня, колесница ночи, лунища;* в английском – *Artemis, Cynthia, Diana, Hecate, Hekate, Luna, Phoebe, Proteus, Selene, queen of heaven,queen of night*. Наряду с ними существуют и дуплеты латинского происхождения *Lune*, которые развивают собственные дериваты: *lunar, lunation, lunacy, lunarian, lunette, lunation.* Слово *Luna* у древних римлян означало имя естественного спутника Земли. Неудивительно, что во многих европейских языках сохранилось именно это наименование. *Луна* по-французски – *Lune*, по-испански и по-итальянски – *Luna*. Заимствованное слово *Luna* и его производные даются в словарях английского языка в основном как термин (*Lunacy / юрид. /* 'невменяемость', 'безумие','(умо)помешательство', *lunar (хим.)* 'ляпис -серебра нитрат'). Кстати, слово *Monday* ('второй день недели' и 'первый день рабочей недели', 'понедельник'), состоящее из *moon* и *day*, происходит от слова староанглийского языка *mōnandæg (moon'sday)*. Данное слово является калькой слова латинского языка *Lunaedies.* В английской литературе же, в частности в поэзии чаще используется слово *month*. Как известно, языки взаимодействуют меж собой. «Начиная с древнейших, дописьменных времен через языковые контакты на бытовой, экономической, культурной, политической почве в тот или иной язык входили заимствованные слова» [1, с. 145].

Известно, что заимствование в языках является одним из важнейших факторов их развития. В исследуемых языках нередко используется заимствованная лексика обозначающая астроним Луна. «Благодаря процессу заимствования наиболее интенсивно изменения происходят на лексическом уровне, в результате которого в языке появляется и закрепляется иноязычный элемент. Заимствование увеличивает лексическое богатство языка, служит источником новых корней, словообразовательных элементов, терминов и представляет собой следствие условий социальной жизни человечества» [3, с. 37].

В русский язык слово *Луна* также заимствовано из латыни. Оно используется для того, чтобы передать значение, которое передается английским словом *moon*. Следует отметить, что в языке хинди *понедельник* как второй день недели – это *chandrvār,* в составе, которого присутствует также астроним *Луна* [*букв*. Луна + день недели]. В таджикском языке слово *Dushanbe* [две + субботы] означающее 'понедельник' никак не связано с данным астронимом.

В двуязычных и толковых словарях таджикского языка даны следующие слова: *moh, mah, mohi purra, mohi nima, mahtob, mahtobshab, tifli shab, mohi tira, mohi nav, mohi shabi chahordahūm* [месяц, луна четырнадцатой ночи] 'полная луна', пер. 'луноликая красавица'. Заимствования из арабского языка, обозначающие астроним *луна*, нередко встречаются в таджикском (*ḳamar, badr, hilol)*. Носители таджикского языка используют их как синонимы, даже и не подозревают, что эти слова переняты из арабского языка. Известно, что «заимствование в языках является одним из важнейших факторов их развития…. Заимствованные слова, безусловно, играют большую роль в развитии и обогащении словарного состава языка, в том числе таджикского языка» [1, с. 144].

Толковые и двуязычные словари языка хинди представляют слова: *nishikānth, nishānath* [повелитель, царь ночи], *nishāpati* [принц, царь, повелитель лунной ночи], *māns, junhāī* 'лунный свет', 'месяц', 'луна'. Наряду со словами хинди встречаются слова из санскрита (*chand, chandr, shashi / shasi / sashī /shasī, shashank)*. Лексика арабского происхождения (*ḳamar, badr, hilol* 'луна*')* и языка классической таджико-персидской литературы *(māh* 'луна', 'месяц - измерение времени 30 дней', *māhtāb* 'лунный свет', *луна, māh-nou* 'молодой, новый месяц'*)* весьма широкоупотребительны в хинди. Следует отметить, что чаще всего встречаются заимствования именно из языка классической таджико-персидской литературы. Вышеприведенные слова используются, чтобы передать идею об астрономическом теле, которое вращается вокруг Земли с периодичностью в 28 суток.

Словари сопоставляемых языков дают огромное количество фразеологизмов, поговорок и пословиц, в состав которых входит астроним *Луна.* Довольно богатая фразеология с базовыми элементами *moon, luna* (А), *moh, kamar, hilol* (Т), *луна, месяц* (Р), *chānd, māns* (Х) в исследуемых языках указывает на их культурную значимость и эмоциональную насыщенность, зафиксированную в сознании носителей этих языков. Как известно, такого рода языковые единицы возникли еще в ранние времена.

Нами исследованы метафоры астронима *Луна*, которые используются в сопоставляемых языках. Как известно, «метафора вбирает в себя этнокультурную специфику носителей языка, отражает культурно-исторический опыт народа, меняя и языковую картину мира» [6, с.5]. Обратимся к примерам метафор исследуемых языков. А: *full-faced* moon 'полная луна', *bloodmoon* 'красная', 'кровавая луна', («кровавая Луна» - явление, когда луна находится в полном затмении), (*once in) a blue moon* 'что-то невозможное', 'редко', 'почти никогда', *moon-faced (full-faced)* 'человек с круглым лицом, круглолицый; луноликий', *moonhead* (*амер. сл. жаргон)* 'помешанный', 'глупец', *hunter'smoon* 'полнолуние после осеннего равноденствия', *mooncalf* 'лунный телец', 'монстр', 'уродец', 'идиот', *(like) a fullmoon* 'круглое, как луна (о лице)', *moony* 'похожий на луну', 'рассеянный', 'мечтательный'; Т: *mohpaykar* [подобно луне] 'красивая', *mohliqo* [лунное лицо] 'красивая', *hiloabrū* [брови как новая луна] 'красивые брови', Р: *небесный сыр, казачье солнышко, волчье солнышко (шутл), месик, смол (разговорно-диалектические); Х: chaudahvin*

chānd '14-ая луна полная луна, красивая' *gorāchānd* [белая луна] 'полная луна', *shashi-mukh* [луна, месяц-лицо] 'луноликий',*char din kī chāndnī* [четырехдневная луна] 'мимолетное счастье', 'недолгая радость', 'кратковременный успех', *chandak* [лунный] 'чандак (украшение в форме полумесяца, которое женщины носят на лбу)', *chāndlā* 'кривой (как новый месяц)', 'лысый', *chānd-bālā* [молодая луна, луна - дитя] 'большая серьга в форме полумесяца'.

При исследовании обнаружилось, что в английском и русском языках астроним *луна* объективируется схожими метафорами (сестра, жена, покровительница, царица, царь, королева, принцесса, правительница, владычица, госпожа, страж, сосед, помощник, путешествие, странник, скиталец, любовница, жница, волшебник, девушка, женщина, мать, отец людей. Если же проследить символику Луны в различных пантеонах, можно увидеть, что связанные с этим астронимом представления касаются, чаще девушек и женщин. «Отсюда, очевидно, сравнения женской красоты с лунной (ср. *луноокая, луноликая, луноподобная* в восточной традиции), многочисленные женские имена с компонентом из наименования данной планеты [10, с. 29].

Концепт *moh* таджикского языка, обладая несколькими значениями, совпадает с английским *moon* и русским *луна* лишь в значении *возлюбленный, друг, невеста*. Например, астроним *moh* во фразеологизме таджикского языка *mohu shoh* [месяц и царь, король] и *shohu moh* [царь, король и месяц] 'жених и невеста' означает 'невеста'. Как известно, невеста - девушка или женщина, вступающая в брак, как правило наряжается в белое красивое платье. Она прекрасна и нежна. В таджикском языке, как и во многих восточных языках, невеста сравнивается с луной (Т: *arūsi Adan* [невеста (из) Адан], *arūsi mah* [невеста месяца] 'полная луна', 'четырнадцатидневная луна'). В хинди же астроним *Луна* обладает следующими значениями: *chand* 'камфара', *chānd* 'луна', 'мишень, цель для стрельбы', 'лунный месяц', 'второй день светлой половины лунного месяца', 'белая звездочка (на лбу животного)', c*handr* 'луна, месяц', 'полумесяц', '«глазок» на хвостовом оперении павлина', 'камфара', 'вода', 'золото', 'алмаз', 'розовый жемчуг'.

В сопоставляемых языках астроним *Луна* в первую очередь – это 'небесное тело', 'планета'. В английском и русском языках *Луна* также *царица*. Р: *царица ночи* = А: *the Queen of the night, Queen of heaven, the Queen of tides*. В хинди же есть несколько идентичных вышеприведенным словосочетаниям русского и английского языков: *rāt kī rānī* [царица ночи], *chandrāmalikā* [лунная царица] и *nishikānt, nishānath* [повелитель (властитель) ночи]. Буквальный перевод первых двух сочетаний языка хинди, в отличие от третьих (*nishikānt, nishānath)*, означает *царица ночи,* как и в английском и русском языках. Однако метафоры *rāt kī rānī* и *chandrāmalikā* являются биологическими терминами, которые используются для обозначения 'цветок, расцветающий ночью' и 'один из видов жасмина'. Только метафоры *nishikānt* и *nishānath* используются в значении 'астроним *Луна*'. Вторые части этих сложных слов языка хинди *kānt* и *nath* обозначают 'муж, супруг, возлюбленный, 'повелитель', 'покровитель', 'защитник', 'господин', 'владыка, хозяин'. Буквальный перевод этих сложных слов языка хинди 'ночной повелитель, ночной владыка, хозяин, покровитель'.

В таджикских литературных произведениях, в частности в поэзии вместо слова *moh, mohtob, mahtob* 'луна, месяц' нередко используется метафора *shohi anjumhasham* [повелитель, царь огромнейшего войско, огромной армии]. Метафоры таджикского языка *shohi anjumhasham* и хинди *nishānath* отличаются от английского (*queen)* и русского (*царица)* лишь по гендерным показателям (А: *the Queen of Heaven = the Queen of night* = Р: *царица ночи = богиня ночи;* Т: *shohi anjumhasham* [царь, повелитель войско] = Х: *nishānath = nishikānt* [ночной владыка, господин]). В таджикском языке существует еще одно сочетание, в котором луна также олицетворяется женщиной. Метафора *shashkhotun* [шесть хатун (женщин, старших жен)] подразумевает шесть планет - Юпитер, Марс, Венера, Меркурий, Уран, в том числе и Луна.

Приведенные примеры показывают, что в таджикской и индийской картине мира, в отличии от русской и английской, астроним *Луна* – это 'повелитель, владыка, царь ночи', а не 'царица, повелительница'. Однако слова и словосочетания таджикского языка и хинди, как и многих восточных языков в составе, которых выступает астроним *Луна,* описывают женскую красоту. «В культурах многих народов луна - символ красоты и совершенства (ср.: луноликая). Этот символ был привнесён в русскую культуру из восточных стран. Луна, чередуя фазы, умирает и воскресает. Луна до сих пор ассоциируется с циклическими процессами растительного мира, символизируя рождение (новолуние), зрелость (полнолуние), смерть (безлуние) и воскрешение (новый цикл)» [5, с. 35].

Приведем примеры метафор - астронима *Луна* таджикского и хинди языков, используемые для описания внешности девушек, женщин.

Т: *badr* [луна] 'луноликая (о красавице)', *mohi shabi chahordahūm* [месяц, луна четырнадцатой ночи] 'полная луна', *пер*. 'луноликая красавица', *ķamarmanzar = ķamarjabin* [луноликая] 'красавица'; *mohliķo, mohrū, mahtob* 'луноликая, подобна луне, красивая'; *mohpora* [частица луны] 'красивая, красавица', *mahjabin* [луноликая] эпитет 'красавица', *abrūhilol = hilolabrū* [человек у которого брови как лук, серп луны] 'чаще говорится о красивой девушке, женщине, о возлюбленной';

Х: *chānd* [луна] 'красивый', 'красивая', 'дитя'; *chandrkānt* [возлюбленный луны] 'прекрасн(ый, ая) как луна', *chandni* [луна, луч луны] 'красавица', *chandkā mukhrā* [луноликий]

‘красивый, красивая (чаще используется, когда речь идет о женщине’, *shashi much* [луноликая] ‘луноликий, луноликая’, *chandkā tukrā* [частица луны] ‘красавица’, ‘что-то дорогое’.

В таджикском и хинди языках есть и такие метафоры, которые можно использовать не только по отношению девушек и женщин, но и к представителям мужского пола. Например, в таджикском языке для того, чтобы отметить красоту девушки, ее называют *mohi majlis* [луна, месяц собрания]. Эта метафора также используется в значениях ‘оживляющий, украшающий собрание, душа общества, компании’. Например, персидско-таджикский поэт Хафиз Ширази пишет:

Sitorae bidurakhshidu mohi majlis shud.

Dili ramidai moro rafiķu muniss hud» [9, с.704].

[букв. перевод. Одна звезда засверкала и стала луной собрания. Стала другом, утешителем сердце нашего напуганного, остывшего].

‘Он стал душой компании. Стал сердечным другом моим’.

В хинди же словосочетание *chandkā tukrā,* наряду со значением ‘красавица’, ‘что-то дорогое’, обладает и другими значениями, такими как ‘любимый, свет очей’, ‘красивый парень’. Например,

1. Suntā hūn “vah barī rūupavtīctri hai, chānd kā tukrā hai apsarā hai” [Слышал, что она очень и очень красивая женщина (частица луны), она - Апсара] ‘Она очень красивая женщина, просто красавица’;

2. Main sarvadā khojā kartī thī ki merī betī ko dūsrā chānd kā tukrā mile to main sukhī hovun [Я всегда была в поисках чтобы моя дочь встретила другую *частицу Луны* то я была бы счастлива] ‘Я всегда старалась чтоб моя дочь встретила другого прекрасного (красивого) человека, и я была бы счастлива’.

Обратите внимание, что в первом предложении метафора *chānd kā tukrā* означает ‘красавица, красивая девушка’, а во втором используется в значении ‘красивый человек - парень, мужчина’. Следует отметить, что в языке хинди метафоры с астронимом *Луна* также могут употребиться как ласковое обращение к детям независимо от пола. Например, *chandā hai tu, merā suraj hai tu* [Ты моя Луна (мой месяц), ты мое солнышко]. «Большинство фразеологических оборотов любого языка восходит к народным метафорам, сравнениям, метонимиям, фрагментам пословиц и поговорок. Такие образные выражения возникают в сознании людей в результате восприятия фактов действительности, общественной жизни, географической среды. Восприятие опосредуется, дополняется, корректируется коллективным опытом людей, имеющимися у них знаниями. Поэтому народная метафора, сравнение и любой другой образный оборот могут повторяться в речевом обращении в одинаковых или близких ситуациях, превращаясь свободного речевого сочетания слов в воспроизводимое выражение» [11, с. 565].

В русской и английской картине мира относить красоту девушки к красоте *Луны* не наблюдается. Если в хинди и таджикском языках эпитет красавицы – астроним *Луна*, то в английском и русском языке не только красоту не воспевают, но и вообще не является метафорой «красивый человек». Наоборот, в русском языке если сравнить девушку с луной и называть ее *луноликой*, то вряд ли ей понравится, что ее сравнивают с круглой как блин Луной, в связи с округлостью ее формы. Такое же и в английской картине мира, например, при сравнении лица с Луной (*like full moon* [круглое, как луна]) подразумевается ‘круглое, отекшее лицо’.

Обратимся к другому примеру. В английском языке *moonfaced, moonface* [луноликий] является синонимом слов *chubby, round-faced* и *plump* ‘отекшее круглое лицо человека’, ‘круглолицый’, ‘имеющий большое лицо’, ‘человек, у которого большая голова’, ‘полнощёкий’, ‘полный’. Например, *moonfaced baby* [луноликий ребенок] ‘круглолицый ребенок’. *He was a moon-faced man* [Он был лунолицым человеком / Он был луноликим] ‘У него было круглое (большое) лицо’; *She was famous for her “moon-face”* [Она была известна своим лицом луны] ‘Она была известна своим большим лицом’. Под этим словосочетанием подразумевается не только круглое, большое лицо, но и большая голова.

Словосочетание *moon-face* также используется как медицинский термин [лунообразное лицо]. Лунообразное лицо, двойной подбородок – явные признаки синдрома Кушинга. Лицо становится лунообразным, круглым, щеки – красными. Следует отметить, что не все устойчивые сочетания с астронимом *Луна* могут иметь положительное значение. «Луна - один из наиболее важных небесных символов, соединивших в себе как положительные, так и негативные черты, проявляющихся в том, что это небесное тело одновременно связывается с жизнью и смертью» [5, с. 35]. Приведем пример метафоры с астронимом луна, который обладает отрицательными значениями. А: *He is not a man, but a mooncalf* [Это не мужчина, это теленок, детеныш луны] ‘Это не мужчина, это идиот, дурачок’.

Если говорить о грамматическом роде, во многих языках астроним *Луна* - существительное мужского рода: например, немецкое слово *der Mond,* староанглийское *Mona,* слова хинди *chānd, chand, chandr.* Однако постоянное изображение луны в классической мифологии (лат. *Luna,* греч. *Selena*) в образе женщины, оказало влияние на то, что в современном английском языке *moon* традиционно ассоциируется с женским родом. Соответственно, в литературе при олицетворении данного астронима очень часто используется местоимение *она.* В русском, как известно, слово *Месяц* – мужского, а *Луна* – женско-

го рода. Грамматическая категория в таджикском языке отсутствует, соответственно невозможно говорить о том какого рода астроним *луна* (слова: *moh, badr, қamar, hilol)*.

При сопоставительном исследовании нами рассматривались слова и устойчивые словосочетания с астронимом *Луна* английского, таджикского, русского и хинди языков. Наряду с этим нами были анализированы в сопоставительном плане их употребление носителями данных языков. Сопоставительное исследование показало, что существуют следующие различия. В английском и русском языках на первый план выходит женственная сущность образа луны: *Луна - царица, Луна - повелительница*. Наряду с тем, что этот астроним в таджикском и хинди употребляется в значении '*царь, повелитель, владыка*', в картине мира таджикского и индийского народов в отличии от английской и русской астроним *Луна* - символ красоты и совершенства, в основном женской. В русском и английском языках же такого рода языковые единицы не могут быть использованы для описания красивой внешности представительницы женщины. Концепт Луна репрезентируется в английских, таджикских, русских и индийских поэтических текстах следующими концептами: *Луна, новолунье, месяц, серп, коса, владычица ночная, повелитель ночи, ночное светило, богиня* и т.д. Производные с элементом «астроним – *Луна*» указывают на культурную значимость данного астронима в картинах мира носителей сопоставляемых языков. Наше сопоставительное исследование показывает, что концепты русского языка *Луна* и английского *moon* в значении частично совпадают. Языковой материал свидетельствует, что в исследуемых языках нередко используются заимствованные слова – синонимы астронима *Луна*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авезова Б.С. Роль интернационализмов в языках / Б.С. Авезова, Н.В. Новикова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – № 7. – С. 144–149. – DOI 10.37882/2223–2982.2024.07.01. – EDN PXZVWL.
2. Антонова М.К. Метафорическая интерпретация небесной сферы как воды/жидкости: Лингвокультурологический аспект / М.К. Антонова. 1стр 4. Вестник Томского Государственного Университета. Культурология и искусствоведение, 2011. № 4. С.5-11.
3. Курашова Д.Л., Башмакова И.С. Заимствования лексики из других языков как способ развития системы языка / Д.Л. Курашова, И.С. Башмакова // Иностранный язык в профессиональной сфере: педагогика, лингвистика, межкультурная коммуникация: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х частях, Москва, 30 октября–01 2023г. – Москва: Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), 2024. – С. 36–41. – EDN FOIHLW.
4. Махрачев Г.С. Семантика образа луны (месяца) в русской народной культуре. Экология языка и речи // Материалы V Международной научной конференции. Ответственный редактор: А.С. Щербак. Изд: Общество с ограниченной ответственностью «Принт-Сервис» (Тамбов). 2016. С. 133–136.
5. Пименова М.В. Балашова Н.П. Соматические метафоры луны в современных поэтических произведениях // Гуманитарный вектор «Языкознание», 2017. №4 (44). С. 32-38.
6. Плетнёва Е.В. Метафора повседневности в русской и французской языковых картинах мира. Автореф.дисс.канд.фил.наук. Волгоград, 2006, 27с.
7. Сидорова Н.П. Мифологический портрет луны в русской концептосфере / Вестник Волгоградского государственного Университета. 2008. № 2 (8), - С. 170–174.
8. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова, - 3- е издание. - М.: МГУ, 2008. - 352 с.
9. Фарҳанги забони тоҷикӣ / Под редакцией М.Ш. Шукурова, В.А. Капранова, Р. Хашима. - М.: Советская энциклопедия. 1969. Ч.1. -950с.
10. Хизбуллина Д.И. О космологических представлениях по данным языка /Д.И. Хизбуллина// Вестник Томского государственного университета. 2010. - N 336 (июль). С.26-31.
11. Чеснокова А.А. Гребеник Г.В. Семантический анализ английской фразеологии с глаголом go. Военно-гуманитарный Альманах. Серия: Лингвистика. Вып. III. Том I. / Материалы XII Международной научной конференции по актуальным проблемам языка и коммуникации «Язык. Коммуникация. Перевод». Москва. Военный университет. 29 июня 2018 г. / под общ. ред. Н.В. Иванова. –М.: ИД «Международные отношения», 2018 г. С. 564–568.
12. Avezova B. Lexico-semantic analysis of English, Tajik, Hindi and Russian Idioms Describing character, Appearance and Behavior of Man /Comparison Study of the Idioms / 9th International Conference on South Asian Languages, 7-9 January 2010, Patiala, India. 2010. pp. 9-10.
13. Avezova Barno S. Simile and Metaphor in English, Tajik, Hindi, and Russian idioms / International Refereed Journal of English Language & Literature. Vol. I - 2012. pp. 24-36.
14. Brihat Hindīkosh.Vārānāsī, 1984. 1380 p.
15. Collins Concise Dictionary // general Consultant J.M. Sinclair, Harper Collins Publishers, 4th ed. 1999. 1740 p.
16. Merriam-Webster dictionary. Available at: https://www.merriam- webster.com/dictionary/moon#h1/ (accessed 12 November 2018)
17. Prabhat Advanced Hindi-English dictionary. New Delhi, Prabhat Prakashan, 2007, 1055pp.

© Авезова Барно Саиджановна (barnoavezova@hotmail.com), Новикова Наталия Владимировна (odami@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.05–2.05

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ ХРИСТИАНСКОГО (ПРОТЕСТАНТСКОГО) ДИСКУРСА

THE EDUCATIONAL ASPECT OF CHRISTIAN (PROTESTANT) DISCOURSE

A. Bogatyrko
Ju. Moskvina

Summary: The article reveals the relevance and necessity of studying the educational aspect of Christian (Protestant) discourse. The main attention is paid to the disclosure of the concept of religious discourse. The difficulties of interaction between language and religion are described. Special attention is paid to the linguistic aspect of the relationship between language and religion. The theoretical significance of the work was the analysis of the literature on the problem. The practical significance of the article lies in the study of negative assessment tactics in Christian discourse.

Keywords: discourse, pedagogical discourse, Protestant discourse, religious discourse, speech strategy, communication strategy, tactics of negative assessment.

Богатырко Арина Олеговна
Преподаватель, Уральский государственный университет путей сообщения, (г. Екатеринбург)
arina.bogatyrko@mail.ru
Москвина Юлия Александровна
Доцент, кандидат филологических наук, Уральский государственный университет путей сообщения, (г. Екатеринбург)
moskvina_yuliya@bk.ru

Аннотация: В статье раскрывается актуальность и необходимость изучения воспитательного аспекта христианского (протестантского) дискурса. Основное внимание уделяется раскрытию понятия религиозный дискурс. Описываются трудности взаимодействия языка и религии. Особое внимание уделяется лингвистическому аспекту взаимоотношения языка и религии. Теоретическую значимость работы составил анализ литературы по проблеме. Практическая значимость статьи заключается в исследовании тактики отрицательного оценивания в христианском дискурсе.

Ключевые слова: дискурс, педагогический дискурс, протестантский дискурс, религиозный дискурс, речевая стратегия, коммуникативная стратегия, тактика отрицательного оценивания.

Проблематика связи языка и религии является одним из самых популярных направлений современных исследований. Однако ранее значимая часть исследований была связана с историческими, социальными и теологическими науками. В настоящее же время лингвистический аспект взаимоотношений языка и религия выступает в качестве одного из актуальнейших направлений в филологии. Так, среди наиболее популярных аспектов изучения следует отметить:

1. собственно дискурсивные исследования [1, с.96].
2. происхождения религиозной публицистики [2].
3. языковой организации самих текстов, функционирующих в религиозной сфере общения [3, с.79].

Согласно Е.В. Бобыревой, религиозный дискурс представляет собой результат институционального общения, целью которого является приобщение человека к вере или укрепление веры в Бога, и характеризуется такими конститутивными признаками как: 1) наличие священных текстов и их религиозная интерпретация, а также религиозные ритуалы; 2) наличие священнослужителей и прихожан как участников этого общения; 3) наличие типичного хронотопа, а именно церковного богослужения [3, с.76].

Различным христианским конфессиям не может соответствовать один и тот же тип религиозного дискурса, так как в структуре когнитивной составляющей существуют немногочисленные, но принципиально важные различия. Коммуникативная составляющая будет иметь существенные различия, связанные с прагмалингвистическими принципами реализации иллокутивного смысла [3, с.80].

Именно поэтому в рамках данного исследования мы будем выделять протестантский дискурс как отдельный подвид дискурса религиозного.

С педагогическим дискурсом в рамках нашего исследования протестантский дискурс объединяет наличие схожих целей и задач, поскольку исторически церковь, как семьи и школа, являлась местом обучения и воспитания. Вследствие этого можно сделать вывод, что на основы современной системы воспитания значительно повлияли христианские концепции. Признаки педагогического дискурса мы находим на страницах «Братского вестника» и «TheBaptist», ежеквартальных журналов для верующих с воззваниями и обращениями старших пресвитеров. Центральный участник как педагогического, так и протестантского дискурса сообщает нормы поведения и основы морали, выступая выразителем концентрированного опыта [4].

Как педагогический, так и религиозный дискурс отличает наличие особого ритуала. Так, в случае проступка виновника ждет либо отлучение, либо замечание и

воспитательная беседа со стороны учителя. Адресант как религиозного, так и педагогического дискурса обладает неоспоримым авторитетом, и любое его указание, наставление должно беспрекословно исполняться, не подвергаясь сомнению. Однако зачастую предметом педагогического воздействия вступает ребенок или подросток, но религиозные воззвания адресованы верующим разного возраста. Еще одним отличием религиозного дискурса служит характер информации: если все сообщения, передаваемые в ходе протестантского дискурса, принимаются на веру, в педагогическом дискурсе сведения обязательно логически объясняются. Религиозный дискурс практически полностью лишен рациональности, его основой является мистический опыт. Тем не менее, следует отметить наличие общей дискурсивной цели – помочь адресату стать частью светской (педагогический дискурс) или религиозной (протестантский дискурс) среды через изучение ее ценностей и обычаев. Представления о правильном и неправильном в первом случает передает педагог в рамках образовательного учреждения, а во втором – пресвитер, верующий родитель или Бог как адресант в коммуникации. Именно оценка события или действия через призму дихотомии «правильно-неправильно» лежит в основе воспитательного аспекта протестантского дискурса. Так, пресвитер дает оценку не только действиям и персонажам Священного Писания, но и поступкам верующих общины [4].

Учитывая, все выше сказанное, хочется более подробно, остановится на системе и стратегиях оценивания, а именно на коммуникативной стратегии оценивания. Коммуникативная стратегия оценивания в образовательном процессе представляет собой важный инструмент, который фокусируется на взаимодействии, сотрудничестве и формировании навыков, необходимых для успешной социализации как учащихся, так и верующих [5, с.17].

Основные аспекты коммуникативной стратегии оценивания:

Обратная связь – ключевой элемент оценивания, который помогает как верующим, так и учащимся понять свои поступки и направления для дальнейшего роста. Эффективная обратная связь должна быть конкретной, своевременной и конструктивной, что позволяет адресантам видеть путь своего становления. Оценивание в группе способствует обмену мнениями и развитию коммуникативных навыков. Самооценка вовлекает адресатов как педагогического, так и религиозного дискурса в процесс их собственного обучения, позволяя им осознать свои сильные и слабые стороны. Это способствует развитию рефлексивных навыков и повышает мотивацию к вере или обучению. Как пресвитер, так и педагог использует различные форматы взаимодействия, в рамках которых и происходит оценивание (диалоги и полилоги). Диалог создает атмосферу доверия и открытости. Это позволяет адресатам чувствовать себя услышанными и вовлеченными в процесс взаимодействия. Самооценка вовлекает адресата в процесс их собственного обучения, позволяя ему осознать свои сильные и слабые стороны. Это способствует развитию рефлексивных навыков и повышает мотивацию как к обучению, так и приобщению к вере. Оценивание должно учитывать реальный контекст адресатов, что делает коммуникацию более значимой и мотивирующей [6, с.32].

Речевая стратегия представляет собой «планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана» [7, с. 54]. «Речевой тактикой следует считать одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии» [7, с. 110].

Коммуникативная стратегия – это комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной глобальной цели. Она является сверхзадачей коммуникации, которую ставит перед собой говорящий. Коммуникативная стратегия характеризуется определенным набором тактик и приемов. Тактика –это те практические шаги, которые предпринимает адресант в ходе реализации выбранной стратегии [8, с. 74].

В рамках коммуникативной стратегии оценивания следует выделить две тактики: тактика положительного оценивания и тактика отрицательного оценивания.

Тактика положительного оценивания нацелена на подчеркивании положительной информации в характеристике поступка или качества. Она выражается эксплицитно через использование слов мелиоративной оценочности с целью усиления персуазивности высказывания адресанта. Часто адресант использует большое количество прилагательных с ярко выраженной эмотивной коннотацией, которые содержат оценочные семы в своем значении. Кроме того, при выборе того или иного качественного прилагательного, автор способен выразить оценку с желаемой степенью экспрессивности [8, с. 77].

При анализе данной тактики на первый план выступает эмотивный компонент. Отрицательная оценка может быть заложена в семантике отдельных слов высказывания, а может и содержаться в целом высказывании.

В рамках нашего исследования обратимся к тактике отрицательного оценивания. Основная задача этой тактики – вызвать сомнение у верующих в положительных качествах поведения или личностных качеств критикуемого лица, иронизируя и выставляя их худшие аспекты [9, с. 36].

В качестве материала исследования было выбрано письмо бывшего члена «Оргкомитета» Дицеля Фридриха Генриховича Всесоюзному совету евангельских христиан-баптистов (ВСЕХБ) и Совету церквей ЕХБ, опубликованное в «Братском вестнике» в 1971 году [10].

Прежде всего, хотелось бы обратиться к экстралингвистическому аспекту данного материала. Ф.Г. Дицель – бывший сторонник баптистов-раскольников, находившихся в оппозиции с 1963 года к зарегистрированным общинам ЕХБ. Причина раскола связана с сотрудничеством старших пресвитеров зарегистрированных общин и советских властей, которые строго контролировали внутри церковную жизнь верующих. Часть не согласившихся верующих перешла на нелегальное положение и сформировала отдельную общину, которая впоследствии получила название Совета Церквей ЕХБ [10].

Представление отрицательных сторон деятельности баптистов-раскольников помимо тактики отрицательного оценивания может достигаться также с помощью стратегии дискредитации, сущность которой заключается в том, чтобы подорвать доверие к критикуемому объекту, очернить кого-либо в глазах общественности.

На лексическом уровне к лингвистическим средствам продуцирования отрицательного суждения относятся прилагательные и причастия с ярко выраженной негативной коннотацией и модификаторы. [11, с. 345].

Пример 1: Но вот отделившимся братьям легло на сердце **недоброе** дело - осудить и отлучить старших братьев…

Пример 2: Отлучив братьев, отделившиеся до сего дня из последних сил продолжают действовать своими **клеветническими** посланиями и листками...

Пример 3: Нас влек лозунг очищения Церкви от всего **заклятого** и **нечистого.**

Обращает на себя внимание и применение существительных с негативной оценочной коннотацией.

Пример 4: Не воля Божия была на это, нет, - это была воля врага душ человеческих.

Лексическую единицу с негативной коннотацией «враг» следует рассматривать во фразеологизме христианского происхождения «враг душ человеческих», которая обозначает Сатану.

Количественный анализ лексических единиц, выражающих отрицательную оценку, показал, что наиболее используемой единицей является прилагательное. Высокую частотность можно объяснить тем, что прилагательное используется для описания лиц и поступков, которое содержит в себе отрицательную оценку.

Эмотивная оценка в исследуемом материале выражается также имплицитно. Одним из способов имплицитного выражения оценки является использование средств выразительности, основанных на синтаксисе.

На синтаксическом уровне, прежде всего, обращает на себя внимание такое выразительное средство, как противопоставление, которое реализуется благодаря сложным предложениям с противительным союзом ***а***: так противопоставляются положительные и отрицательные качества двух религиозных организаций. Следует отметить в указанных примерах применение риторического противопоставления (антитезы), который подчеркивает контраст между словами и действиями представителей баптистов-раскольников.

Пример 5: Отделившиеся, к сожалению, начали духом, **а** кончили плотью, и теперь они стоят в духовном тупике, и дело их остановилось, и Господь перестал благословлять их.

Пример 6: Они цепляются за сучки своих братьев, **а** бревен в своих глазах не чувствуют.

Другим, хоть и редко встречающимся приемом на синтаксическом уровне является полисиндетон. Этот прием связан с использованием множества союзов, зачастую он используется для объединения различных деталей в тексте и создания целостной картины.

Пример 7: Отделившиеся, к сожалению, начали духом, а кончили плотью, **и** теперь они стоят в духовном тупике, **и** дело их остановилось, **и** Господь перестал благословлять их.

На стилистическом уровне выше в примере 5–6 была отмечена антитеза. В выделенных нами примерах также присутствовали некоторые идиоматические выражения или фразеологические единицы. Как известно, фразеологизм характеризуется как устойчивое словосочетание, которое свойственно определенному языку, в нашем случае христианскому дискурсу. Использование христианских фразеологизмов Ф.Г. Дицелем позволяет ему апеллировать к Абсолюту (Богу), что делает его оценку действий раскольников в глазах других верующих более значимой: виноградник Господень, дело Божие, народ Божий, раздирать тело Христа.

Следующим тропом, который следует выделить, является анафора, а именно повторение языковых элементов в начале нескольких последующих предложений или фраз.

Пример 8: Я благодарю Господа, что нахожусь сегодня **в церкви**, которая стремится правильно и по Слову Божьему относиться к государству и миру; **в церкви**, которая сняла со всех отделившихся наложенные ранее на них взыскания и наказания; **в церкви**, которая открыла широко всем отделившимся двери как своих молитвен-

ных домов, так и своих сердец.

Подводя итог проделанному практическому анализу, можно сделать вывод, что тактика отрицательного оценивания связана с такими понятиями, как эмоциональность и экспрессивность, а также обусловлена морально-этическими, религиозными и узкосоциальными нормами. В рамках лингвистического исследования тактики отрицательного оценивания в христианском дискурсе следует учитывать как специфику самого дискурса, который обуславливает содержание негативной информации о баптистах-раскольниках, входящих в группу «чужие», так и особенности негативной оценки, которая может быть выражена различными языковыми средствами.

Отрицательная оценка деятельности баптистов-раскольников направлена на то, чтобы подчеркнуть ответственность верующих за порицаемое поведение, продемонстрировать их некорректность. Благодаря этой тактике верующий понимает рамки недозволенного поведения в общине, что безусловно роднит цели коммуникации в религиозном дискурсе и педагогическом дискурсе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1998. 180 с.
2. Жолудь Р.В. Начало православной публицистики: Библия, апологетика, византийцы [Электронный ресурс] / Р.В. Жолудь. - Воронеж. Гос. Ун-т, 2002. - Режим доступа: http://69e.ru (Дата обращения 20.02. 2025)
3. Бобырева Е.В. Основные ценностные ориентиры религиозного дискурса /Е.В. Бобырева // Языковые коммуникации в системе социально-культурной деятельности — Самара, 2007 — С 74—81.
4. Казнина Е.Б. Концепт ВЕРА в диалогическом христианском дискурсе: автореф. дисс. … к. филол. н. М., 2004.
5. Кузнецова Н.В. (2020). Коммуникативные стратегии в образовательном процессе: от теории к практике. Журнал педагогических идей, 6(4), 15–22. [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://journal pedagogy.ru/ (Дата обращения 20.02. 2025)
6. Щербакова И.Н. (2021). Самообучение и самооценка как инструменты формирования личностной компетенции учащихся. Психология и образование, 9(2), 29–36. [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://psyedu.ru/(Дата обращения 18.02. 2025)
7. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Изд-во ЛКИ, 2012. 304 с.
8. Мальцева Н.Г., & Сидорова Т.П. (2018). Методы оценивания в условиях развивающего обучения. Образование и саморазвитие, 13(1), 74–79. [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://edu-selfdev.ru/(Дата обращения 22.02. 2025)
9. Астахова И.А. (2019). Проблемы и перспективы оценивания компетенций в образовательном процессе: анализ и рекомендации. Вестник образования, 3(2), 34–42. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://vestnik-obrazovaniya.ru/(дата обращения 19.02.2025)
10. Письмо бывшего члена «Оргкомитета» Дицеля Фридриха Генриховича Всесоюзному Совету евангельских христиан-баптистов и Совету церквей ЕХБ// Братский вестник. - 1971. - №4 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://mbchurch.ru/publications/brotherly_journal/2734/ (дата обращения 15.02.2025)
11. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

© Богатырко Арина Олеговна (arina.bogatyrko@mail.ru), Москвина Юлия Александровна (moskvina_yuliya@bk.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.05–2.10

РЕАЛИЗАЦИЯ ПАРНЫХ АНТОНИМИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ С ПОМОЩЬЮ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ В РАССКАЗЕ «РУСЯ» И.А. БУНИНА

Гун Мин
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, (г. Москва)
gongming1@yandex.ru
Полищук Елена Вацлавовна
кандидат филологических наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, (г. Москва)
elenapolishchuk@mail.ru

THE REALIZATION OF PAIRED ANTONYMIC CONCEPTS USING COLOR-TERMS IN THE STORY "RUSYA" BY I.A. BUNIN

Gong Ming
E. Polishchuk

Summary: The article analyzes the color conceptual sphere of I. A. Bunin in the story "Rusya", fully understands the lexical and semantic field used in describing the appearance of the characters and participants in the story, as well as in describing the surrounding world. Based on the above-mentioned works, the features, and functions of using color terms with the conceptual meaning of "joy" and "sadness" in the contexts of the story are considered. Attention is focused on the comparison of the lexico-semantic field of color designation with "double time" and "double landscape". Exploring the emotional change in the story, the author seeks to identify the change in color shade expressed in the space-time continuum of the plot. The study of the color conceptosphere in the story «Rusya» indicates that the color concept, as one of the phenomena of Russian linguistic culture, is represented using the binary opposition of the cognitive representation of color by the writer in literary texts.

Keywords: color-term, color conceptosphere, antonymic concepts, the story "Rusya", I.A. Bunin.

Аннотация: В статье анализируется цветовая концептосфера И.А. Бунина в рассказе «Руся», полностью разбирается лексико-семантическое поле, применяемое в описании внешности герои и участников сюжета рассказа, также в описании окружающего мира. На основе вышеизложенных работ рассматриваются особенности и функции употребления цветообозначения с концептуальным значением «радости» и «печали» в контекстах рассказа. Внимание акцентируется на сравнение лексико-семантического поля цветообозначение при «двойном времени» и «двойном пейзаже». Исследуя эмоциональное изменение в рассказе, автор стремится выявить изменение цветового оттенка, выраженное в пространственно-временном континууме сюжета. Изучение цветовая концептосфера в рассказе «Руся» свидетельствует о том, что цветовой концепт, как один из феноменов русской линговокультуре, репрезентируется с помощью бинарной оппозиции когнитивной репрезентации цвета писателем в художественных текстах

Ключевые слова: цветообозначение, цветовая концептосфера, антонимические концепты, рассказ «Руся», И.А. Бунин.

В ходе реализации познавательного процесса и получения результатов об объективном мире важную роль играет концептуальная картина мира, и концептуальное значение конкретной лексико-семантической единицы может считаться воплощением концептуальной картины мира конкретного человека и нации. По мнению В.В. Красных, концепт – это «максимально абстрагированная идея «культурного предмета», не имеющего визуального прототипического образа, хотя при этом возможны визуально-образные ассоциации, с ним связанные» [1, 272]. Несомненно, что концептуальное значение слова шире его лексикографического и реального значения.

Методики изучения концептов осуществляются разными подходами в лингвокультурологическом и лингвокогнитивном аспектах (Арутюнова 1993; Никишина 2002; Смирнова 2009; Сергеева 2009), а конкретные концепты определяются и классифицируются на основе разных дифференцированных уровней. В соответствии с точкой зрения О.Л. Рублевой, концепты можно разделить на простые и составные по количественному (количество номинируемых единицами) и качественному (языковая репрезентация и семантические оппозиции) признакам. По словам исследователя, одним из подтипов составных концептов считаются «парные антиномические концепты, основанные на противопоставлении и сопоставлении в рамках эквиполентной оппозиции» [7, 6], например: правда – ложь, добро – зло. Между тем, носители одного и того же языка могут актуализировать в своем сознании разные концепты, связанные со значением слова. Е.А. Огнева полагает, что «всестороннее рассмотрение концептосферы произведения или нескольких произведений отдельно взятого писателя позволяет решить ряд ключевых задач по выявлению особенностей идиостиля писателя, специфики его языковой личности, репрезентированной в творчестве» [8, 196], так как концепты могут быть художественными, которые писатели переосмысливают исходя из своего собственного понимания. На этом основании очевидно, что изучение парных антиномических концептов, или конкретнее – рассмотрение семантических оппозиций, воплощенных в

языковых единицах в концептосфере произведения писателя, - определяет актуальность данной темы в рамках лингвокогнитивных исследований.

Цветообозначения, имеющие основное и переносное значение, являются неотъемлемой частью каждой концептуальной картины мира не только в межкультурной коммуникации, но и в индивидуальном когнитивном сознании; при этом условии концептуальное значение цветообозначения передаёт значимую информацию, имея, в том числе, эмоциональную ценность. Так, М. Купер и А. Метьюз аргументировали преимущества красного, розового, желтого, голубого и т.д. цветов для успеха человека, показали, как они влияют на эмоции и ассоциируются с ними [2, 23–53]. Соответственно, использование цвета влияет на бытовую жизнь человека психологически, а употребление цветообозначения отражает эмоциональные ценности автора.

Задачи нашего исследования фокусируются на выяснении парных антиномических концептов «печаль – радость» в художественной литературе; с помощью перечисленных употребляемых цветообозначений в рассказе «Руся» анализируются специфичные эмоциональные ценности «печаль» и «радость» автора, которые входят в личные концептосферы И.А. Бунина.

В рассказе «Руся» повествование ведётся от третьего лица, что позволяет опосредованно узнать историю героя, а автору – употреблять скрытую символику и многоплановую образность в экспозиции, где «двойное время и двойной пейзаж, собственно, и составляют рассказ» [9, 113]. Согласно Т.В. Марченко, в реальном времени и месте авторское описание унылой не по сезону природы (*долгая летняя московская заря мертвенно светила на чернеющие лесистые поля)* и тайной тоске локации (*на станции было темно и печально; в окно поезда сыро пахло болотом*) создает фоновое настроение – тревожное и грустное - однако, в воспоминании героя о далеком лете юности картины скучной местности становятся явной поэтизацией (*небо всю ночь зеленоватое; только комары ноют и стрекозы летают в тишине*). Таким образом, в рассказе можно выделить 2 части: реальность и воспоминания героя, при описании каждого временного пространства реализована различная цветовая концептосфера автора.

Рассмотрим подробнее цветовое лексико-семантическое поле в рассказе «Руся». При описании реальности используются только 3 цветообозначаюших словоупотребления: *чернеющие* лесистые поля; *золотая* полоса освещенных окон поезда; *сине-лиловый* глазок.

При описании воспоминания героя используется 31 цветообозначающее словоупотребление (далее – ц/с):

Портрет Маруси (21 ц/с):

Чёрный оттенок: *чёрная* коса на спине; *смуглое* лицо с маленькими *темными* родинками; *чёрные* глаза; *чёрные* брови; *чернота* волос и глаз как будто еще *чернее*; *темные* мышки; *темный* мысок под животом; *смуглое* тело; блестящая *смуглость* голых ног;

Белый оттенок: она была *бледна* какой-то индусской *бледностью*;

Жёлтый оттенок: *желтый* ситцевый сарафан; при *желтом* сарафане и *белых* кисейных рукавах

Портрет матери Маруси:

Чёрный оттенок: страдала чем-то вроде *чёрной* меланхолии; в *чёрном* шелковом истрепанном халате; *чёрные* глаза сверкали;

Серо-синий оттенок: стала кричать с пеной на *сизых* губах.

Чёрный оттенок портрета Пети: радостными *черно*-зеркальными глазами.

Окружающий мир в воспоминании описывается десятью цветообозначающими словоупотреблениями: *желтые* цветочки; несметные *бледно-зеленые* мотыльки; *зеленые* щетки куги; за *чернотой* низкого леса *зеленоватый* полусвет; кругом все слепило *теплым серебром*; курчавая *белизна* облаков; *черный* с *металлически-зеленым* отливом петух в большой *огненной* короне.

Сравнивая количество лексем со значением цветообозначения в описании реальности и воспоминания, можем обнаружить, что количество употребляющихся цветообозначающих слов в описании реальности гораздо меньше, чем в воспоминании героя; это позволяет предположить, что реальная жизнь героя бледна и скучна. С одной стороны, окружающий мир в воспоминании гораздо разноцветнее – это, в частности, проявляется в описании портретов персонажей – существуют цвета жёлтый, чёрный, зелёный, красный, белый и серебряный. Это показывает, что, во-первых, впечатление о том лете для героя счастливо, радостно, ценно, во-вторых, автор образует цветовой контраст, чтобы выяснить трагичный исход прекрасной любови. Стоит отметить, что пространственно-временной континуум сюжета выражается с помощью цветового описания наружности героев и окружающего мира, за счёт изменения ёмкости цветовой палитры: в реальности / во вспоминании. С другой стороны, при изменении количества употребляющихся цветообозначающих слов чувствуем эмоциональную ценность: многоцветность – радость / бледность – печаль.

Обратим внимание на ц/с в воспоминании героя: все портреты Маруси, ее матери и самого Пети передаются с помощью оттенка черного, в том числе при описании портрета Маруси отмечено 11 ц/с, для ее матери – 3, для Пети – 1. Это доказывает, что в рассказе «Руся» автор разрушает стереотип о черном цвете (мрачность, зловещий

характер) путем намеренного повторения черного оттенка при изображении портрета Маруси, при том, что одежда у Маруси всё лето желтая с элементами белого, что утверждает радостный и счастливый образ Маруси. Таким образом, концептосфера «радость» в рассказе «Руся» получает выражение с помощью черного и желтого цветов. А у матери Маруси трагичный образ: у нее черные глаза, сизые губы, она была одета в черном халате, что соответствует традиционной ассоциации с печалью, грустью, горем. Глаза нашего героя черные, как зеркало, и их сияние выражает его радость и искреннее отношение к любви. Утверждается, что цветовая концептосфрера «радость» составлена из жёлтого и черного цветов, а «печаль» - черного оттенка окружающей среды и трагичной внешности.

Итак, можем прийти к выводу, что история «Руси» сдвоенная и усложненная, на основе возрождаемой памяти автор создает двойное время, двойной пейзаж, а также парные антонимические концепты «радость» и «печаль» с помощью бинарной оппозиции когнитивной репрезентации черного цвета писателем. Также следует заметить, что динамические коннотации черного цвета в художественном когнитивном пространстве И.А. Бунина участвуют в формировании двух концептов: «радости» и «печали» - благодаря индивидуальной цветовой креативности автора. Перспектива нашего исследования ориентирована на расширенное рассмотрение диффе-рента цветообозначения в художественном контексте одного и того же писателя, на основе представленных результатов мы стремимся описать креативность цветовой палитры И.А. Бунина и индивидуальные концептосферы, репрезентированные цветообозначениями в его произведениях, созданных в разное время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – С. 272.
2. Купер М., Метьюз А. Язык цвета. Как использовать преимущества своего цвета для успеха в личной жизни и бизнесе. Москва: Эксмо-пресс, 2001. 144 с.
3. Арутюнова Н.Д. Введение / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Ментальные действия / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. - М.: Наука. -1993. - С. 3–6.
4. Никишина Ю.И. Понятие «концепт» в когнитивной лингвистике / Ю.И. Никишина // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, И.А. Изотов. Вып. 21. - М.: МАКС Пресс. - 2002. - 5–7 с.
5. Смирнова О.М. К вопросу о методологии описания концептов / О.М. Смирнова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. Филология № 3. - 2009. - 247–253 с.
6. Сергеева Е.Н. Понятие концепта и аспекты его изучения в современной лингвистике // Вестник ВЭГУ. - №3(41). -2009. - С. 72–85.
7. Рублева О.Л. К типологии концептов // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, № 9: Филология. С. 5–8.
8. Огнева Е.А. Лингвокультурологический аспект идиостиля писателя: моделирование и интерпретация // Лексикография и коммуникация – 2017: сб. матлов III Международ. науч. конф. 2017. С. 195–200.
9. Марченко Т.В. Опыт архетипического прочтения рассказа «Руся»: к интерпретации поздней бунинской прозы // Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. Вып. I. М., 2010. С. 107–140.
10. Бунин И.А. Руся // Новый журнал. 1942. Кн. 1. С. 8–16.

© Гун Мин (gongming1@yandex.ru), Полищук Елена Вацлавовна (elenapolishchuk@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.05–2.11

РОЛЬ АББРЕВИАТУР В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТАХ ОБ УМНОЙ АРХИТЕКТУРЕ И ЭКОЛОГИЧНОМ ДИЗАЙНЕ

THE ROLE OF ABBREVIATIONS IN ENGLISH-LANGUAGE TEXTS ON SMART ARCHITECTURE AND SUSTAINABLE DESIGN

E. Demidova
A. Arakelova

Summary: Linguistic analysis of the text on intelligent architecture provides many opportunities for a deep understanding of the topic, both from a theoretical and practical point of view. This analysis can be useful in several aspects. In this study, linguistic analysis of the text helps to better understand how abbreviations function in the context of information about eco-friendly methods in design and architecture and how they affect the perception and interpretation of this information.

Keywords: text, linguistic analysis, intelligent architecture, efficient design, sustainable design, ecology, trend, abbreviation, economy reduction, meaning.

Демидова Евгения Владимировна
Кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»
eva.demidova.85@list.ru
Аракелова Амалия Робертовна
Кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»
amaliia.arakelova@gmail.com

Аннотация: Лингвистический анализ текста об интеллектуальной архитектуре и экологичном дизайне предоставляет множество возможностей для глубокого понимания темы, как с теоретической, так и с практической точки зрения. В данном исследовании лингвистический анализ текста помогает лучше понять, как аббревиатуры функционируют в контексте информации об экологичных методах в дизайне и архитектуре и как они влияют на восприятие и интерпретацию этой информации.

Ключевые слова: текст, лингвистический анализ, интеллектуальная архитектура, эффективный дизайн, экологичный дизайн, экология, тренд, аббревиатура, аббревиация, экономия, сокращение, смысл.

Лингвистический анализ текста об интеллектуальной архитектуре и экологичном дизайне предоставляет множество возможностей для глубокого понимания темы, как с теоретической, так и с практической точки зрения. Данные тексты являются профессионально-ориентированными и призваны помочь дизайнерам и архитекторам обмениваться опытом, узнавать о новых методах, тенденциях и технологиях в их области. Они помогают установить общепринятые нормы и правила, что особенно важно для соблюдения безопасности, устойчивого развития и качества, и объяснить выбор материалов, технологий и концептуальных подходов.

Профессионально-ориентированные тексты по устойчивому дизайну и умной архитектуре выполняют несколько важных функций, которые способствуют развитию профессионального сообщества и повышению качества проектирования. Вот основные цели и задачи таких текстов: передача знаний и опыта, обучение и профессиональное развитие [https://archspeech.com/article/10-prichin-ne-byt-arhitektorom, с. 8].

Уточним, что экологичный дизайн (или устойчивый дизайн) – это подход к проектированию, который ориентирован на минимизацию негативного воздействия на окружающую среду и способствует созданию более устойчивых решений в различных областях, включая архитектуру, промышленный дизайн, графический дизайн и другие.

Умная архитектура (или смарт-архитектура) – это концепция, в которой используются современные технологии и инновационные подходы для создания зданий, которые не только отвечают функциональным и эстетическим требованиям, но и повышают комфорт, безопасность, и устойчивость эксплуатации.

Умная архитектура представляет собой подход, который делает здания более комфортными, эффективными и безопасными, одновременно способствуя устойчивому развитию и охране окружающей среды.

Мы проанализировали следующие англоязычные сайты для изучения экологичного дизайна и умной архитектуры: https://sabmagazine.com (журнал и ресурс, посвященный устойчивой архитектуре и строительным практикам с акцентом на экологичные технологии), https://www.archdaily.com (сайт об устойчивых и экологичных решениях в архитектуре), https://www.greenbuildingadvisor.com (портал, посвященный устойчивости в строительстве), https://www.worldgbc.org (глобальная платформа, сосредоточенная на продвижении устойчивого строительного сектора через исследования, инициативы и сертификацию), https://living-future.org (организация, продвигающая принципы устойчивого дизайна), https://www.ecohome.net и https://www.smartcitiesdive.com (ресурсы, исследующие новые технологии и инновации в умной архитектуре и устойчивом градостроительстве).

Материалом для исследования послужила выборка англоязычных терминов сфер умной архитектуры и экологичного дизайна в количестве 150 единиц, отобранных методом сплошной выборки из электронных источников по соответствующей тематике. Нами были выбраны текстовые и дискурсивные фрагменты в сферах энергосберегающей архитектуры и дизайна в связи с их узкой специализацией, в которых достаточно частотным явлением выступает **аббревиация**.

Относительно высокий процент аббревиированных единиц в исследуемом материале свидетельствует о недавнем возникновении анализируемых терминосистем, стремлении к краткости, а также желанию передать определенный объем профессиональной информации в более короткий промежуток времени, сохранив смысловую нагрузку профессионально-ориентированного текста.

Среди частотно встречающихся типов аббревиатур в исследуемых текстах мы выделяем буквенные аббревиатуры, например, однокомпонентные (сокращения, состоящие из одной буквы) и многокомпонентные. Помимо одно- и двухкомпонентных аббревиатур мы находим также трех- (15 единиц) и четырехкомпонентные (25 единиц) единицы, как например: **LEED** (Leadership in Energy and Environmental Design) – система сертификации экологически чистого строительства.

Вот список наиболее частотных аббревиатур в исследуемых нами текстах перечисленных выше электронных ресурсов:

1. **BREEAM** (Building Research Establishment Environmental Assessment Method) - метод оценки экологической эффективности зданий.
2. **NET ZERO** - здания, которые производят столько же энергии, сколько потребляют.
3. **SIP** (Structural Insulated Panels) - структурные изолированные панели, используемые в строительстве для повышения энергоэффективности.
4. **HVAC** (Heating, Ventilation, and Air Conditioning) - системы отопления, вентиляции и кондиционирования воздуха.
5. **PV** (Photovoltaic) - фотогальванические системы, используемые для преобразования солнечной энергии в электричество.
6. **WELL** - стандарт, оценивающий влияние зданий на здоровье и благополучие людей.
7. **GIS** (Geographic Information Systems) - географические информационные системы, используемые для анализа пространственных данных в архитектуре и градостроительстве.
8. **VR** - Virtual Reality (Виртуальная реальность).
9. **AR** - Augmented Reality (Дополненная реальность).
10. **FP** - Flexible Planning (Гибкое планирование).
11. **Sustainable Design** - Устойчивый дизайн (хотя это не аббревиатура, это важный термин в данной области).
12. **SaaS** - Software as a Service (Программное обеспечение как услуга).
13. **CAD** - Computer-Aided Design (Автоматизированное проектирование) [https://www.smartcitiesdive.com, с. 4].

Мы выделяем следующие причины, по которым автор текста использует аббревиатуры в профессионально-ориентированных текстах:

1. **Значительное сокращение объема текста**: аббревиатуры позволяют сократить длинные названия и термины, характерные для профессиональной сферы архитектуры и дизайна что делает текст более компактным и удобным для восприятия участниками профессиональных сообществ. Например: **LEED** - **L**eadership in **E**nergy and **E**nvironmental **D**esign (самая известная и широко используемая система сертификации “зеленых” зданий в мире. Она оценивает здания по различным критериям, связанным с экологичностью, энергоэффективностью и устойчивостью).
2. **Упрощение восприятия**: использование аббревиатур облегчает чтение и понимание профессионально-ориентированного текста, особенно если они широко известны и употребляются в определенной области. Например: **LCA** - **L**ife **C**ycle **A**ssessment (Оценка жизненного цикла) — это методология, которая оценивает воздействие продукта или услуги на окружающую среду на протяжении всего его жизненного цикла, от добычи сырья до производства, использования и утилизации. Она широко используется в экологичном дизайне для выявления возможностей для уменьшения воздействия на окружающую среду.
3. **Экономия времени**: при написании и чтении текста аббревиатуры помогают сэкономить время, так как их легче и быстрее произносить, и писать. Например: BIM – Building Information Modeling (Моделирование информации о строительстве). Эта аббревиатура широко используется в архитекторской и строительной отраслях и позволяет быстро и легко ссылаться на концепцию, связанную с цифровым моделированием зданий и инфраструктуры.
4. **Создание профессионального имиджа**: во многих профессионально-ориентированных интернет-ресурсах использование аббревиатур частотно и свидетельствует о профессионализме и знании предмета как автора ресурса, так и адресатов ресурса – членов профессионального сообщества.
5. **Упрощение коммуникации**: В устной и письменной речи аббревиатуры служат удобным способом передачи информации, особенно в рабочих условиях ограниченного времени или пространства.
6. **Контекстуальная значимость**: аббревиатуры могут иметь специфическое значение в опреде-

ленных контекстах, что позволяет передавать сложные идеи более лаконично.

Однако мы отмечаем, что чрезмерное использование аббревиатур затрудняет понимание текста, особенно для читателей, не знакомых с конкретной областью или терминологией [https://scienceforum.ru/2020/article/2018021890, с. 4]. Поэтому тексты, в которых присутствует баланс между использованием аббревиатур и ясностью изложения, более востребованы для продвижения профессиональных целей и задач.

Приведем пример:

Smart architecture refers to the integration of advanced technologies and innovative design principles to create buildings that are not only aesthetically pleasing but also highly functional and sustainable. This approach leverages ***the Internet of Things (IoT)***, ***artificial intelligence (AI)***, *and data analytics to enhance the efficiency of building operations and improve the quality of life for occupants* [https://www.smartcitiesdive.com, с.5].

В данном тексте происходит ознакомление с теоретическим материалом для людей, заинтересованных в энергосберегающих технологиях. Автор дает полное написание понятия, в скобках дает аббревиатуру и далее по тексту на сайте уже использует аббревиатуры на постоянной основе:

Xicato, a San Jose, CA-based lighting and controls manufacturing firm, recently retrofitted London's Westminster Abbey. Wireless controls and LED lighting helped the famous former monastery conserve power and better control HVAC systems [https://www.autodesk.com/design-make/articles/smart-architecture].

Existing tools such as building information modeling (BIM) allow architects and engineers to capture images, create 3D models to rapidly prototype and test building designs, and efficiently use space based on geographical or financial limitations.

The main smart architecture components are.

- *IoT sensors*
- *analytics software*
- *user interface*
- *connectivity* [https://tektelic.com/what-it-is/smart-architecture, с. 2].

Мы наблюдаем в тексте использование следующих аббревиатур: *LED lighting, HVAC systems, building information modeling (BIM), IoT sensors, 3D models.*

Проанализировав выборку англоязычных терминов из сфер объемом 200 единиц, мы выявили тот факт, что по крайней мере 25% из них имеют структурные дублеты-аббревиатуры (пары слов, где одно из слов представлено аббревиатурой, а другое – полным вариантом, имеющим такое же значение или относящееся к той же теме, например: *building information modeling (BIM).*

В целом, мы приходим к выводу о значимости процесса субституции терминов в сфере архитектуры и дизайна с целью недопущения повторов одних и тех же единиц в профессионально-ориентированных текстах, а также следованию принципу языковой экономии.

Таким образом, аббревиатуры являются важным инструментом в текстах об умной архитектуре и экологичном дизайне, способствуя более эффективной коммуникации и пониманию сложных концепций.

Работа с аббревиатурами предполагает работу с дефинициями, сопоставительный анализ аббревиатур в русском и английском языках, составление предложений с аббревиатурами.

В целом, профессионально-ориентированные тексты по дизайну и архитектуре играют ключевую роль в поддержке профессионалов, развитии навыков и знаний, а также в улучшении качества проектирования и строительства.

Итак, лингвистический анализ текстов об умном дизайне и интеллектуальной архитектуре – это процесс изучения и интерпретации текстов с использованием различных методов и подходов из области лингвистики. В данном исследовании лингвистический анализ текста помогает лучше понять, как аббревиатуры функционируют в контексте информации об экологичных методах в дизайне и архитектуре и как они влияют на восприятие и интерпретацию этой информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. https://archspeech.com/article/10-prichin-ne-byt-arhitektorom https://www.azquotes.com/quote/350641
2. https://www.autodesk.com/design-make/articles/smart-architecture
3. https://scienceforum.ru/2020/article/2018021890
4. https://www.smartcitiesdive.com
5. https://tektelic.com/what-it-is/smart-architecture/

© Демидова Евгения Владимировна (eva.demidova.85@list.ru), Аракелова Амалия Робертовна (amaliia.arakelova@gmail.com).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.05–2.14

МУЛЬТИМОДАЛЬНОСТЬ ДИСКУРСА: ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ, ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ

MULTIMODALITY OF DISCOURSE: FEATURES OF INTERPRETATION, BASIC APPROACHES TO ANALYSIS

K. Kokorina

Summary: The article examines the concept of multimodality of discourse, its main characteristics, and approaches to analysis. The author analyzes the specifics of the interaction of various semiotic resources in the communication process, including verbal, visual and auditory components. Particular attention is paid to methodological strategies for studying multimodal discourse within the framework of the socio-semiotic, cognitive, discourse-analytical, and ethnographic approaches. A conclusion is made about the need for a comprehensive analysis of multimodality for a complete understanding of the mechanisms of formation and interpretation of meaning in the modern communicative space.

Keywords: multimodality, discourse, semiotic resources, socio-semiotic approach, creolized text, polycode text.

Кокорина Ксения Александровна
Доцент, Военный университет им. князя А. Невского Министерства обороны РФ, (г. Москва)
small.ksen@gmail.ru

Аннотация: В статье рассматривается понятие мультимодальности дискурса, его основные характеристики и подходы к анализу. Автор анализирует специфику взаимодействия различных семиотических ресурсов в процессе коммуникации, включая вербальные, визуальные и аудитивные компоненты. Особое внимание уделяется методологическим стратегиям изучения мультимодального дискурса в рамках социально-семиотического, когнитивного, дискурсивно-аналитического и этнографического подходов. Делается вывод о необходимости комплексного анализа мультимодальности для более полного понимания механизмов формирования и интерпретации смысла в современном коммуникативном пространстве.

Ключевые слова: мультимодальность, дискурс, семиотические ресурсы, социально-семиотический подход, креолизованный текст, поликодовый текст.

В условиях цифровой эпохи, увеличения влияния медийной среды дискурс приобретает более сложную, динамичную и многослойную структуру. Современные исследования дискурса все чаще обращаются к категории мультимодальности как к неотъемлемому элементу коммуникативного процесса, которая, в свою очередь, подразумевает интеграцию нескольких модусов (вербального, визуального, аудитивного, кинетического и др.) для формирования сообщений и их последующей интерпретации. Рассмотрение дискурса в подобном комплексном аспекте обусловлено тем, что в процессе коммуникации, индивид как правило, придерживается не одной, а одномоментно нескольких семиотических систем. Данная работа представляет собой попытку обобщения накопленных исследований в области изучения феномена мультимодальности дискурса, а также рассмотрения основных подходов к анализу дискурса в аспекте мультимодальности.

Как справедливо отмечает А.А. Кибрик, «учет несегментных и невербальных явлений дает более объемную картину и позволяет по-новому взглянуть в том числе и на традиционные лингвистические вопросы» [10: 135]. Взаимодействие нескольких сред в коммуникативном пространстве позволяет говорить о гетерогенности дискурса, что, в свою очередь, порождает ряд определений, как самого гетерогенного текста, так и подходов к его изучению. Так, в отечественной лингвистике одним из распространенных терминов, для определения смешанных текстов является *креолизованный текст* [12], в котором происходит интеграция вербальных и невербальных компонентов, таких как изображения, аудиовизуальные элементы. Термин был введен Ю.А. Сорокиным и Е.Ф. Тарасовым, которые сравнивают данный тип текста с процессом креолизации собственно языка в лингвистике, иными словами, смешением языковых систем. В креолизованном тексте вербальная и невербальная части взаимодействуют, формируя целостное смысловое пространство. К особенностям креолизованного текста принято относить двуканальность восприятия, где текст интерпретируется посредством чтения и/или зрительно-аудиального восприятия.

Помимо креолизованного текста, отечественными учеными (В.Е. Чернявская, А.-М. Ариас, Н.Г. Комиссарова, А.Г. Сонин, О.И. Максименко и др.) широко употребляется термин *поликодовый текст*, который по своей сути означает любой текст, в котором представлены разные знаковые системы. Поликодовый текст может включать как креолизованные, так и более свободные сочетания кодов. Важно отметить, что в поликодовом тексте различные коды (текст, изображение, звук) могут функционировать независимо друг от друга, не обязательно образуя неразрывное смысловое единство. К основным характеристикам поликодового текста можно отнести относительную автономность восприятия, где каждый

код может восприниматься отдельно, не нарушая понимания целостного текста, а также использование нескольких знаковых систем.

В отличие от креолизованного текста, поликодовый не всегда предполагает тесную интеграцию компонентов. Разные коды могут функционировать независимо, хотя и в рамках одного коммуникативного акта. В свою очередь, креолизованный текст может рассматриваться как частный случай поликодового текста, где вербальные и невербальные компоненты максимально интегрированы. Так, креолизованный текст рассматривается как конкретная лингвистическая категория, где два компонента образуют единое целое, а поликодовый текст представляется более широким по охвату и включает тексты с различными знаковыми системами.

Рассмотрение текстов не только с точки зрения сугубо лингвистического аспекта, но и с позиций иных семиотических систем привело к формированию в 1980-х годах XX века самостоятельного научного направления – *социальной семиотики*. Одним из основополагающих трудов в данной области является работа М. Халлидея «Язык как социальная семиотика: социальная интерпретация языка и значения» [3], где впервые язык исследуется в рамках социокультурного контекста, «в котором культура, в свою очередь, интерпретируется как совокупность семиотических систем» [3: 2].

Иными словами, основная задача социальной семиотики заключается в изучении того, каким образом знаковые системы, включая язык, функционируют и приобретают значения в конкретных социальных и культурных условиях. Вышеуказанное научное направление предполагает рассмотрение коммуникации как многослойного процесса, где смысл формируется на пересечении различных модальностей. Так, социальная семиотика акцентирует внимание на взаимосвязи между языком, культурой и социумом, подчеркивая, что смысл не существует в изоляции, а всегда детерминирован конкретным социальным контекстом. В рамках этой парадигмы язык рассматривается не как автономная система, а как один из элементов широкой сети знаковых ресурсов, с помощью которых социальные субъекты конструируют и интерпретируют реальность. Именно в русле социальной семиотики и зарождается теория мультимодальности.

Как предмет научного анализа мультимодальность была детально рассмотрена в рамках социально-семиотического подхода зарубежными учеными: M.A.K. Halliday, A.P. Baldry, J. Callaghan, E. McDonald, J.L. Lemke, K. O'Halloran, D. Machin, G. Kress, T. van Leeuwen. С позиции социальной семиотики процесс передачи значения не представляется осуществимым исключительно с использованием одного семиотического ресурса. Значимую роль в данном случае играют альтернативные способы создания смыслов и средств выражения мысли. Указанная концептуальная проблема и получила наименование мультимодальности, что отражает необходимость учета множества знаковых систем при анализе дискурса [4].

В данном случае под модальностью понимается «тип внешнего стимула, воспринимаемого одним из чувств человека, в первую очередь зрением и слухом» [10: 135], такое понимание модальности изначально было принято в рамках информатики, психологии, а также нейрофизиологии. Стоит, однако принять во внимание, что в рамках социально-семиотического подхода мультимодальность трактуется значительно шире и охватывает не только сенсорные каналы, но и способы представления и интерпретации значений через различные знаковые системы (язык, изображение, жест, звук и др.) в коммуникативном пространстве. Так, Г. Кресс и Т. ван Лиувен подчеркивают, что каждый модус (модальность) является самостоятельным ресурсом для создания значений и имеет свою семиотическую организацию, включая грамматику и правила сочетания с другими модусами [5]. Мультимодальность предполагает одномоментное функционирование нескольких знаковых систем в одном коммуникативном пространстве, где каждый модус вносит вклад в создание целостного смысла [5]. Одним из центральных положений данного подхода является идея о том, что выбор модусов не случаен, а определяется культурно и социально детерминированными нормами и практиками. В таком контексте мультимодальность рассматривается как социально обусловленная структура, в которой разные по своей сути модальности выполняют разные функции, но соотносятся с параметрами контекста: целями коммуникации, социальными ролями участников, институциональными рамками.

Кроме того, важным аспектом мультимодального анализа является изучение иерархии модусов, где определенные модальности могут доминировать или, напротив, выполнять вспомогательную роль. К примеру, в рекламных текстах визуальный компонент часто играет ведущую роль, тогда как вербальная часть служит уточнением или интерпретацией. В то же время в научной дискурсивной практике вербальный модус сохраняет первенство, а визуальные средства (графики, схемы) выполняют иллюстративную функцию.

Исходя из вышеописанного, можно полагать, что в современном коммуникативном пространстве происходит общее смещение акцента с вербального кода, ранее выступавшего в качестве основного носителя информации, в сторону визуальных форм представления смысла, что проявляется в преобладании изобразительного ряда над словесным. В зарубежной философской мысли с конца XX века наблюдается возрастание интереса к феномену визуализации. Такой сдвиг, характеризующийся

проникновением визуальных образов в различные сферы социальной реальности и признанием их в качестве самостоятельных носителей значений, получает обозначение *imagic turn, pictorial turn* или *iconic turn* – иконический поворот [1].

К ключевым положениям теории мультимодальности Г. Кресс и Т. ван Лиувен относят тот факт, что мультимодальность основана на использовании экстралингвистических ресурсов, которые представляют собой семиотически неоднородные знаковые системы, функционирующие в процессе коммуникации для достижения определенных прагматических целей. Кроме того, выбор и конфигурация модусов при создании значений определяется нормами и правилами, актуальными для конкретного социального и культурного контекста. В свою очередь, нормы задают структурные и функциональные ограничения, в рамках которых осуществляется модальная организация мультимодального дискурса. В целом, мультимодальная природа коммуникации предполагает, что репрезентация и содержание высказывания формируются путем взаимодействия разных модусов [5: 77]. Иными словами, мультимодальность, по Г. Крессу и Т. ван Лиувену, означает использование нескольких модусов (языка, изображения, звука, цвета, пространственной организации и др.) в едином коммуникативном акте. Авторы подчеркивают, что современные формы коммуникации редко ограничиваются одним модусом, и полноценное понимание дискурса требует анализа взаимодействия различных семиотических ресурсов [5: 77].

В российской лингвистике одно из фундаментальных исследований в русле мультимодальности создано на базе Института языкознания РАН под руководством А.А. Кибрика [10: С. 134–152]. В проведенном исследовании коллективом ученых выделяются три информационных канала просодический, вербальный или сегментный и визуальный, которые в работе соотносятся с органами чувств. Каждый из коммуникационных каналов демонстрирует более детализированные различия, которые также рассматриваются в рамках концепции мультимодальности [10: С. 134–152].

В устной речи выделяются сегментный (вербальный) компонент и несегментные (просодические) характеристики, такие как интонация, паузы и темп. Визуальный канал охватывает различные невербальные средства коммуникации, включая жесты, направление взгляда, мимику и другие элементы кинетического поведения. Письменный канал, воспринимаемый через зрение, помимо вербальной информации, включает дополнительные графические параметры: типографику, цветовое оформление, форматирование и другие визуальные элементы. В современной научной традиции понятие мультимодальности охватывает все это многообразие знаковых систем и их взаимодействие в процессе коммуникации [10: 148]. Критикуя редукционистский подход, в котором изучение языка ограничивается лишь вербальными структурами, А.А. Кибрик аргументирует необходимость учета всех информационных каналов в лингвистических исследованиях [10: С. 134–152]. Как отмечают В.А. Омельяненко и Е.Н. Ремчукова, отечественные лингвисты, «исследуя вербальную и невербальную составляющие текста, в большинстве своем говорят о приоритете языкового семиотического кода» [11: 73]. В то время как подавляющее большинство зарубежных ученых склоняются к доминантному статусу других модусов и иных средств выражения смысла, называя это «вызовом мультимодальности» [11: 73].

К основным характеристикам мультимодальности, в первую очередь, можно отнести *полиинформативность*. Так, мультимодальные тексты передают информацию через несколько каналов одновременно посредством не только собственно текста, но и через изображения, звуки, что расширяет возможности смыслопорождения и коммуникативного воздействия.

Учитывая тот факт, что разные модусы в дискурсе не существуют изолированно, а взаимодействуют и дополняют друг друга, формируя целостное восприятие, можно отметить *когерентность* и *взаимодействие модальностей*. Примечательно, что семиотические ресурсы функционируют в тесной интеграции, формируя единое сообщение, где значение возникает из корреляции всех задействованных модальностей.

Нельзя не упомянуть о том, что мультимодальность, именно благодаря наличию разнородных семиотических систем, допускает множественность трактовок одного дискурса, зависящих от когнитивных способностей реципиента, культурного контекста, а также коммуникативной ситуации. Такая гибкость интерпретации обусловлена взаимодействием различных модусов, каждый из которых обладает собственной семантикой и прагматикой, что позволяет формировать разноуровневые смыслы. Разные знаковые системы могут как взаимно дополнять, так и контрастировать друг с другом, создавая семиотическую амбивалентность и предоставляя реципиенту возможность выбора интерпретационной стратегии. Кроме того, *интерпретационная вариативность* мультимодальных текстов усиливается за счет различных когнитивных стратегий восприятия: одни реципиенты могут уделять большее внимание визуальному компоненту, в то время как другие фокусируются на вербальной информации.

Важным аспектом гибкости интерпретации является и *контекстуальная обусловленность*. Так, в различных социальных и культурных средах одни и те же мультимодальные сообщения могут приобретать разные значения.

Контекстуальная обусловленность особенно проявляется в медийных и цифровых дискурсах, где пересечение текстовых, аудиальных и визуальных модусов приводит к плюрализму смыслов и многоаспектности восприятия. Кроме того, значение мультимодального сообщения тесно связано с контекстом коммуникации, включая культурные, социальные и ситуационные факторы [7].

О сложности и субъективности интерпретационного подхода также упоминает и М.В. Загидуллина [9: 185], отмечая симультанность воздействия одной из ключевых особенностей мультимодальности, что, по сути, затрудняет возможность дискретного расчленения дискурса. Однако попытки адаптировать мультимодальный дискурс-анализ к традиционным методам лингвистического исследования, предполагающим выделение структурных единиц и выявление закономерностей их функционирования, представляются выполнимыми, но требуют значительных усилий и методологической гибкости. Уже в конце XIX века Ф. де Соссюр указывал на невозможность такого расчленения даже применительно к устной речи, поскольку она тесно связана с физиологическими и когнитивными особенностями участников коммуникации, а также с уникальным социальным контекстом [13: С. 22–24].

Современные исследования мультимодальности, особенно те, что посвящены анализу фиксированных форм коммуникации (напр., видеозаписей), по своей сути близки к традиционным подходам, ориентированным на изучение реальной языковой практики. В рамках этих исследований предпринимаются попытки создания аналитических матриц, применяемых к множеству комбинаций различных модусов, каждый из которых обладает собственной семантикой, укорененной в культурных паттернах [9: 185].

В настоящее время помимо социально-семиотического подхода к исследованию феномена [5], который рассматривает мультимодальность как социально детерминированное использование знаков, существуют и иные подходы. Когнитивный подход акцентирует внимание на процессах восприятия и обработки мультимодальной информации (Forceville C.J.) [2]. В аспекте указанного подхода исследуются комбинации и интеграции разных модальностей на уровне когнитивных моделей и ментальных репрезентаций. Особое внимание уделяется тому, как мультимодальные элементы активируют схематические знания и концептуальные метафоры.

Дискурсивно-аналитический подход направлен на изучение мультимодальных ресурсов для применения с целью конструирования социальных реальностей и идеологий (Machin D., Mayr A.) [6]. В рамках дискурсивно-аналитического подхода также рассматриваются аспекты власти и идеологии, скрытые в мультимодальных текстах. Кроме того, дискурсивный анализ исследует, как разные модальности поддерживают или оспаривают существующие социальные структуры.

Этнографический подход (Scollon R., Scollon S. W.) [8] исследует мультимодальность в реальных коммуникативных ситуациях, акцентируя внимание на культурных и социальных аспектах использования мультимодальных ресурсов в различных дискурсивных сообществах. Подход включает длительное наблюдение и анализ контекстуально-специфических форм коммуникации.

На сегодняшний день исследование вопросов мультимодальности демонстрирует необходимость комплексного анализа, объединяющего различные методологические перспективы. Социально-семиотический и когнитивный подходы позволяют выявить структурные и когнитивные механизмы мультимодального взаимодействия, в то время как дискурсивно-аналитический и этнографический подходы фокусируются на социальных и культурных аспектах производства и интерпретации мультимодальных сообщений.

Таким образом, мультимодальность представляет собой комплексное взаимодействие различных семиотических ресурсов, в котором каждый модус вносит уникальный вклад в создание коммуникативного пространства и смыслопорождения. Комплексный подход к анализу дискурса с позиции мультимодальности позволяет исследовать тексты с учетом их полиформатной структуры, выявлять закономерности в распределении значений между модусами и анализировать влияние социальных и культурных факторов на организацию мультимодальных сообщений. В свою очередь, анализ мультимодального дискурса требует использования междисциплинарных методологических стратегий, включающих инструменты собственно лингвистики, семиотики, когнитивных наук, социологии, что позволяет учитывать как структурные, так и прагматические параметры коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Boehm G., Mitchell W.J.T. Pictorial versus Iconic Turn: Two Letters // Culture, Theory and Critique. 2009. Vol. 50. P. 103–121.
2. Forceville C.J. Urios-Aparisi E. Multimodal Metaphor. Walter de Gruyter, 2009. 470 p.
3. Halliday M.A.K. Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning. — London: Edward Arnold, 1978. 256 p.
4. Kress G. Multimodality. A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication. London: Routledge, 2010. 212 p.
5. Kress G.R., van Leeuwen T. Multimodal Discourse: The modes and media of contemporary communication. London: Edward Arnold, 2001. 152 p.

6. Machin D., Mayr A. How to Do Critical Discourse Analysis: A Multimodal Introduction. SAGE Publications Ltd, 2012. 240 p.
7. O'Halloran K., Smith B., Multimodal Studies Exploring Issues and Domains. New York: Routledge, 2011. 310 p.
8. Scollon R., Scollon S. W. Discourses in Place: Language in the Material World. London: Routledge. 2003. 258 p.
9. Загидуллина М.В. Мультимодальность: к вопросу о терминологической определенности // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2019. № 1 (31). С. 181–188.
10. Кибрик А.А. Мультимодальная лингвистика // Когнитивные исследования: сборник научных трудов. Вып. 4 / отв. ред. Ю.И. Александров, В.Д. Соловьев. М.: Ин-т психологии РАН, 2010. С. 134–152.
11. Омельяненко В.А., Ремчукова Е.Н. Поликодовые тексты в аспекте теории мультимодальности // Коммуникативные исследования. 2018. № 3 (17). С. 66–78.
12. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. – М.: Наука, 1990. С. 180–186.
13. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр; редакция Ш. Балли и А. Сеше; пер. с франц. А. Сухотина; под общ. ред. М. Э. Рут. – Екатеринбург: Изд-во Урал. унта, 1999. 432 с.

© Кокорина Ксения Александровна (small.ksen@gmail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.05–2.15

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ И ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОНТЕНТА ТУРИСТИЧЕСКИХ САЙТОВ

LINGUOCULTURAL AND GEOGRAPHICAL ASPECTS OF THE CONTENT OF TOURIST SITES

I. Kosova

Summary: The article is devoted to the study of the principles of language organization of international tourist portals, including key aspects of verbal content localization. The author analyzes the influence of linguocultural and geographical factors on the choice of approaches to ensuring the multilingualism of sites. The differences between the orientation to the user's language and his geographical location, as well as their practical application in the structure of tourist sites are considered.

Keywords: content localization, cultural features, travel portal, multilingual website, localization, verbal content, linguocultural factor, geographic factor.

Косова Ирина Олеговна
кандидат филологических наук, доцент, Московский городской университет управления Правительства Москвы имени Ю.М. Лужкова
irina_olegkosova@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена исследованию принципов языковой организации международных туристических порталов, включая ключевые аспекты локализации вербального контента. Автор анализирует влияние лингвокультурного и географического факторов на выбор подходов к обеспечению полиязычности сайтов. Рассматриваются различия между ориентацией на язык пользователя и его географическое местоположение, а также их практическое применение в структуре туристических сайтов.

Ключевые слова: локализация контента, культурные особенности, туристический портал, многоязычный сайт, локализация, вербальный контент, лингвокультурный фактор, географический фактор.

В эпоху глобализации и цифровых технологий туристические сайты стали ключевым инструментом для привлечения путешественников со всего мира. Эффективность этих платформ во многом зависит от того, насколько хорошо контент адаптирован к лингвокультурным и географическим особенностям целевой аудитории. В данной статье рассматриваются принципы языковой организации международных туристических порталов, с акцентом на локализацию вербального контента.

Локализация контента – это не просто перевод текста, а адаптация продукта к культурным, языковым и техническим требованиям конкретного рынка предоставления туристических услуг. С технической точки зрения процесс локализации предполагает следующие шаги: оценка объёма и типа контента, определение языковых пар и культурных особенностей, использование систем управления переводами и управления терминологией, привлечение профессиональных переводчиков и редакторов, обладающих экспертизой в туристической тематике и знанием лингвокультурных особенностей, интеграция локализованного контента на сайт и его поддержка.

Программное обеспечение для перевода и адаптации текста предполагает использование систем машинного перевода (Machine Translation): Google Translate, Deepl и другие сервисы, которые могут использоваться для первичного перевода текста. Однако, машинный перевод требует обязательной редактуры профессиональным переводчиком.

Лингвокультурные факторы оказывают значительное влияние на туристический маркетинг и экономику туризма. Некорректный перевод или культурная нечувствительность могут привести к негативным последствиям для имиджа бренда и снижению турпотока. С другой стороны, грамотная локализация контента позволяет: увеличить охват аудитории путём привлечения посетителей на сайт и увеличения количества бронирований, повысить уровень доверия своих клиентов, обеспечить комфортное и понятное взаимодействие с сайтом, выделиться на фоне конкурентов, предлагающих менее качественный и неадаптированный контент.

Локализация контента туристических сайтов является важным фактором успеха в условии глобализации. Для достижения максимальной эффективности необходимо учитывать лингвокультурные и географические особенности целевой аудитории, использовать современные инструменты и технологии, а также привлекать профессиональных переводчиков и редакторов.

Политика языковой организации международных туристических сайтов обусловлена такими характеристиками предлагаемого продукта, как отсутствие ограничений на целевую аудиторию и его принадлежностью определенной организации / туроператору. Несмотря на наличие статистических данных о въездном туризме разных стран с учетом национальной принадлежности туристов, их использование в качестве критерия выбора языковых версий для включения в структуру сайта может служить ограничивающим фактором для граждан

других стран. Кроме того, информация, которую предлагает туристический сайт, не отличается уникальностью в том плане, что различные агентства организуют похожие туры и экскурсии, описания которых нередко заимствуются с официальных туристических порталов. В связи с этим, перевод контента отличается меньшей степенью облигаторности по сравнению, например, с сайтом компании, реализующей брендовую продукцию на мировом рынке, и, как следствие, количество языковых опций туристического сайта может сильно варьироваться.

На сегодняшний день для обозначения процесса перевода вербального контента сайтов используется понятие «локализация» в значении лингвокультурной адаптации продукта для жителей конкретного региона / страны [1]. Индустрия локализации, представляющая собой бизнес-сектор, который обеспечивает глобализацию товаров и услуг путем преодоления языковых и культурных барьеров [2, с. 39], существует и активно развивается уже на протяжении нескольких десятилетий. За данный период локализация закрепила за собой статус услуги во многих зарубежных и некоторых российских переводческих агентствах. В реалиях современного рынка локализация контента сайтов пользуется большим спросом среди государственных и коммерческих организаций, заинтересованных в продвижении различных брендов. На сайте одного из крупнейших зарубежных переводческих агентств Moravia указана информация о компаниях-заказчиках локализации онлайн-контента. К ним относятся глобальные корпорации, работающие в сфере информационных технологий, розничной торговли, туризма, юридических и медицинских услуг, клинических исследований и в других отраслях [3].

Несмотря на существование четких алгоритмов обеспечения полиязычности сайтов, подходы к репрезентации локализованных версий и к осуществлению самого процесса локализации значительно варьируются. Крупное переводческое агентство США «EPIC Translations», которое специализируется на задачах локализации ПО и веб-сайтов, опубликовало результаты сравнительного анализа 110 полиязычных сайтов, локализованных на профессиональном уровне и представляющих всемирно известные торговые бренды [Website Language Select]. Согласно представленным результатам, существует около 8 подходов для обозначения локализованных версий сайта, которые могут быть сведены к трём ключевым опциям.

Предполагаемая логика дифференциации подходов к обеспечению полиязычности сайта связана с преобладанием географического или лингвокультурного фактора локализации контента, т.е. с ориентацией на жителей конкретной страны или представителей определенной лингвокультуры.

На туристическом портале Европы [Discover Europe] вербальный контент размещен в разделах *Destinations, Experiences, Events, Trips*. Информация о каждом европейском регионе, предлагаемая читателям в разделе *Destinations*, располагается в трех секциях – *General information, Top places to go, Top things to do.* Подобным образом организована информация и в других разделах: *Experiences (Featured experiences; Upcoming events; Ideas for learning about the past; Ideas for active adventure; Ideas for beach holidays; Ideas for romantic getaways; Ideas for foodies); Events (Featured events; More events); Trips (Choose your interests)*. Анализ англо-, русско- и франкоязычных текстов данного сайта позволяет констатировать отсутствие маркеров идентификации адресатов. Информационно-рекламный характер сообщений, присущий многим жанрам туристического дискурса, проявляется в наличии большого количества стилистических приемов (*a natural bounty of cultural riches, the most colorful, festive and energetic celebrations, beauté naturelle, la splendeur et du romantisme, романтичная атмосфера блистательных и загадочных городов, захватывающий дух пейзаж* и др.). В данном случае представленная на сайте информация определяет подход к оформлению языкового меню – указание названий языков, что в свою очередь нивелирует географическую принадлежность адресатов с точки зрения факта использования одного и того же языка в разных странах и означает обращение к адресатам, владеющим данным языком и проживающим в любой стране.

Туристический портал Великобритании *Visit Britain: The Official Tourism Website of Great Britain* [5] включает в себя раздел *Practical Information* с подразделами *Weights and Measures, Time, Public Telephone, Postal Services, Pharmacies, Opening Hours, Mobile Phones, Internet, Electricity.* Тексты данных подразделов в версиях USA (English) и France (Français) содержат маркеры географической принадлежности адресатов.

Таким образом, нами были выделены два фактора локализации вербального контента туристического портала – лингвокультурный и географический, которые определяют выбор одного из указанных в статье подходов к обеспечению полиязычности сайта. Между рассмотренными подходами прослеживается принципиальное отличие, состоящее в ориентированности либо на язык, которым владеет адресат, либо на страну его проживания. С одной стороны, указание названий языков в качестве языковых опций сайта нивелирует географическую принадлежность адресатов с точки зрения факта использования одного и того же языка в разных странах и означает обращение к адресатам, владеющим данным языком и проживающим в любой стране. С другой стороны, география адресата, которая акцентируется путем указания флагов и / или названий стран, может иметь большое значение для некоторых

разделов туристических порталов, поэтому выбор подхода к оформлению сайта должен зависеть от характера информации, содержащейся на сайте. Если вербальный контент представлен исключительно туристическими текстами рекламного характерами, реализующими когнитивную функцию ознакомления читателя с географическими, историческими и культурными особенностями конкретной дестинации и апеллятивную функцию, формирующую намерение адресата посетить ее, то указания названий языков будут служить достаточным критерием дифференциации целевой аудитории. Однако, при наличии разделов, содержащих информацию практического характера, связанную с поездкой и пребыванием туриста в чужой стране, идентификация страны становится прагматически релевантной. Следует отметить, что равноправный учёт лингвокультурного и географического фактора в формировании языкового меню сайта фактически невозможен ввиду комплексной природы лингвогеографии и сложности процесса локализации сайтов. Кроме того, установление отличий между страной и лингвокультурой как факторами локализации вербального контента носит условный характер ввиду их тесной связи и ассоциативного соответствия между страной и доминантной в ней лингвокультурой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Cadieux P., Esselink B., 2004. GILT: Globalization, Internationalization, Localization, Translation. Globalization Insider, Vol. XI, Iss. 1 (5), pp. 1–5.
2. O'Hagan M. Training for localization (replies to a questionnaire) // A. Pym et al. (eds) Translation Technology and its Teaching. Tarragona: Intercultural Studies Group, 2006, pp. 39-45.
3. Moravia: an RWS Company. URL: //info.moravia.com/.
4. Официальный городской туристический портал Санкт-Петербурга. URL: http://www.visit-petersburg.ru/ru/#.
5. Visit Britain: The Official Tourism Website of Great Britain. URL: https://www.visitbritain.com/us/en.
6. Getting here // Visit Norway. URL: https://www.visitnorway.com/plan-your-trip/getting-here/.
7. Weights and measures // Visit Britain. URL: https://www.visitbritain.com/us/en/plan-your-trip/practical-information/weights-and-measures.
8. Mobile phones // Visit Britain. URL: https://www.visitbritain.com/us/en/plan-your-trip/practical-information/mobile-phones.
9. Telephones mobiles // Visit Britain. URL: https://www.visitbritain.com/fr/fr/preparez-votre-voyage/bon-savoir/telephones-mobiles.
10. LGBT guide to Manchester // Visit Britain. URL: https://www.visitbritain.com/us/en/campaigns/lgbt-guide-manchester.

© Косова Ирина Олеговна (irina_olegkosova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.05–2.16

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ ТИФЛОКОММЕНТАРИЕВ (НА МАТЕРИАЛЕ ФИЛЬМА «GOODBYE, LENIN»)

BASIC PRINCIPLES OF CREATING AUDIO COMMENTARIES (BASED ON THE FILM "GOODBYE, LENIN")

O. Kosheleva
A. Maslova
S. Shindel`

Summary: The subject of the research in the presented article is the actualization of the process of audio description in the space of German-language film discourse. The object of the study is audio descriptions based on the feature film "Goodbye, Lenin", produced in Germany in 2003. Particular attention is paid to the creation and actualization of the basic principles of constructing audio descriptions adopted by German public broadcasters such as ARD, ORF, SRF, ZDF, and Deutsche Hörfilm GmbH. The authors consider in detail such aspects of the topic as the objectivity of information transmission and the degree of its interpretation in audio description. The practical significance of the presented article is determined by the need to use audio description in modern cinematography to provide blind and visually impaired people with such an experience of watching a film that corresponds to the experience of sighted viewers.

The novelty of the study lies in the author's reception of audio description, carried out for the first time in relation to the film "Goodbye, Lenin". The authors' main contribution is the analysis of the audio description, as well as the comments of a recommendatory nature, which facilitate the adequate transmission of information to visually impaired or blind people.

Keywords: audio description, audio description, audio description, «Goodbye, Lenin», film discourse, cinematography, visualization.

Кошелева Ольга Николаевна
кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный медицинский университет», (г. Астрахань)
ninlil@mail.ru
Маслова Антонина Николаевна
кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, (г. Астрахань)
tonja-ch@yandex.ru
Шиндель Светлана Владимировна
Кандидат культурологии, доцент, Энгельсский технологический институт (филиал) СГТУ им. Гагарина Ю.А.
schindelswetlana@mail.ru

Аннотация: Предметом исследования в представленной статье является актуализация процесса тифлокомментирования (аудиодескрипции) в пространстве немецкоязычного кинодискурса. Объект исследования – тифлокомментарии на материале художественного фильма «Goodbye, Lenin», произведенного в Германии в 2003 году. Особое внимание уделяется созданию и актуализации основных принципов построения тифлокомментариев, принятых государственными вещательными компаниями Германии, такими как ARD, ORF, SRF, ZDF, а также Deutsche Hörfilm GmbH. Авторы подробно рассматривают такие аспекты темы как объективность передачи информации и степень ее интерпретирования при аудиодескрипции. Практическая значимость представленной статьи определяется необходимостью использования аудиодескрипции в современной кинематографии с целью предоставления слепым и слабовидящим людям такого опыта просмотра фильма, который соответствует опыту зрячих зрителей.

Новизна исследования заключается в авторской рецепции тифлокомментирования, проведенной впервые в отношении фильма «Goodbye, Lenin». Основным вкладом авторов является анализ аудиодескрипции, а также комментарии рекомендательного характера, которые способствуют адекватной передаче информации слабовидящим или незрячим людям.

Ключевые слова: тифлокомментирование, тифлокомментарий, аудиодескрипция, аудиоописание, «Goodbye, Lenin», кинодискурс, кинематография, визуализация.

Как известно, адекватное тифлокомментирование является одной из актуальных проблем отечественного и зарубежного кинематографа. В целом, научная литература, освещающая самые разные аспекты тифлокомментирования не испытывает дефицита в публикациях: на платформе Российской электронной библиотеки размещены работы, которые, в большей степени посвящены рассмотрению теоретических аспектов аудиодескрипции, в меньшей – проблемам тифлокомментирования на конкретных примерах в объектах визуального ряда. В контексте заявленной темы отметим: в последнее время больший объем публикаций по аудиодескрипции приходится на продукты отечественного кинематографа (в сравнении, к примеру, с зарубежными фильмами). Это связано, на наш взгляд, с целым рядом причин: со сложной геополитической обстановкой в отношениях России и Запада, с явлениями деглобализации и аномии, нарастающими процессами девальвации традиционных ценностей, а также с декларированием отмены русской культуры. В результате наблюдается рост национального самосознания, отмечается повышение интереса носителей русского языка ко всему отече-

ственному, в том числе – кинематографу и мультипликации. Назовем лишь некоторые работы: «Визуализация среды обитания при тифлокомментировании (на примере кинофильмов «Холоп» и «Последний богатырь»» (В.Е. Горшкова) [5], «Тифлокомментирование невербальной коммуникации (на материале художественного фильма «Бриллиантовая рука»)» (И.Ю. Моисеева, А.М. Кирилов) [7], обзорная статья А.В. Бобылевой по мотивам фильмов советского периода «Особенности тифлокомментирования драмы и комедии на примере советских фильмов» [2]. Авторское видение концептуального поля тифлокомментирования исследователь И.С. Борщевский актуализирует в публикации «Опыт аудиодескрипции (тифлокомментирования) мультипликационных телесериалов для детей (на примере сериала «Три кота»)» [3] и т.д.

Работы И.С. Борщевского заслуживают особого внимания и могут послужить основой для отдельной обзорной статьи: в них рассмотрен самый широкий круг аспектов, связанных с тифлокомментированием, в частности, исследуются способы передачи культурных реалий и выбор адекватной лексики при осуществлении межсемиотического перевода, аудиоскрипция рассматривается как вид перевода в целом.

Для общего представления проблематики тифлокомментирования в немецкоязычном медийном пространстве на современном этапе авторами проанализированы публикации 2024 года: «Тифлокомментирование немецких реалий в различных визуальных объектах на русском языке» (Г.Б. Ворониной, Ф.А. Гуня, А.А. Грошева) [4], «Трансляция эмоций в аудиодескрипции к немецкоязычным детским анимационным фильмам» (А.В. Анищенко, М.В. Меликян) [1]. Большой интерес представляет работа Д.А. Казаку [6], в которой автор осуществил сопоставительный анализ тифлокомментирования футбольных матчей (на материале русского и немецкого языков).

Методы и принципы исследования

В статье используются информационно-аналитический, семиотический, описательный методы исследования. Анализ осуществлен на конкретных примерах тифлокомментирования.

Основные результаты

В представленной статье авторами предпринимается попытка проанализировать основные принципы создания тифлокомментариев на материале немецкого художественного фильма «Goodbye, Lenin» (2003 г). Выбор фильма обусловлен следующими причинами: во-первых, сюжетная линия связана с историческими событиями падения Берлинской стены (что приобретает особую актуальность в контексте геополитического противостояния России и Германии на современном этапе); во-вторых, ввиду освещения социокультурных и политических реалий бывших СССР и ГДР, понять и оценить которые смогут носители как немецкого так и русского языка, имеющие соответствующий «историко-культурный бэкграунд»; в-третьих, по причине широкого признания фильма. «Goodbye, Lenin» стал обладателем 7 кинопремий «Лола» – за фильм, режиссуру, главную роль (актер Даниэль Брюль), мужские роли и за роль второго плана (актер Флориан Лукас), а также за работу художника, монтаж и музыку.

Все достоинства данного фильма в полной мере могут оценить зрители, не имеющие ограничений зрения, но совершенно иное дело – «передать» особенности такого кино (впрочем, и любого другого) слабовидящим или незрячим людям. В этой связи, тифлокомментирование – единственная существующая в условиях сегодняшних реалий технология, которая позволяет с помощью аудиоописания предоставить незрячим и слабовидящим людям такой опыт просмотра фильма, который соответствует опыту зрячих, при этом необходимо сохранить качество восприятия таким образом, чтобы фильм оставался произведением искусства. Так, с помощью аудиодескрипции создается словесное описание предмета, пространства или действия, которые недоступны слабовидящим или незрячим людям. По своей сути тифлокомментарий – это информация о происходящем для замещения или дополнения той визуальной информации, которую получают видящие люди. Кроме того, просмотр фильма зачастую является досуговой деятельностью, а это значит, что аудиодескрипция не только фокусируется на предоставлении информации, которая считается отсутствующей, но и на создании приятного опыта для своих пользователей без перегрузки информации.

Аудиодескрипция получается в результате дополнения саундтрека к фильму элементами устного текста, которые воспроизводят содержание изображения фильма или делают его акустически доступным. Саундтрек – ценнейший доступ к фильму для слепых и слабовидящих людей, который содержит такую плотность информации, которая не сразу понятна зрячим. Аудиодескрипция позволяет незрячим и слабовидящим людям почувствовать себя частью полноценного общества, приобщиться к культуре и светской жизни, которая ранее была им недоступна.

В основе качественного аудиоописания лежит анализ содержательной и формальной сторон фильма. Данный анализ охватывает такие этапы, как выбор описываемых элементов изображения, тип и объем комментария, его размещение и интеграцию в звуковое сопровождение фильма. Поэтому абсолютно необходимо при создании аудиодескрипции привлекать специалистов, работающих непосредственно с целевой группой, а сам тифло-

комментарий должен быть одобрен специально обученными редакторами. Несмотря на то, что бывают ситуации так называемого «горячего» тифлокомментирования, когда тифлокомментатору приходится описывать происходящее без подготовки, в основном аудиоописание – это кропотливая подготовка с учетом определенных требований.

Государственные вещательные компании Германии, такие как ARD, ORF, SRF, ZDF, а также Deutsche Hörfilm GmbH и другие компании согласовали ряд принципов создания аудиодескрипции в немецкоязычных странах. Так, при создании тифлокомментариев существуют определенные требования, которые необходимо учитывать для наилучшего достижения цели.

Обсуждение

Аудиодескрипция должна уточнять ответы на вопросы «Кто? Что? Где? Когда?» в каждой важной для хода действия ситуации. При этом элементы аудиоописания не должны оказывать значительного влияния на фильм, поэтому их следует делать в паузах между диалогами, но при этом максимально синхронизировать с действием. Приведем пример: «Alex in Schlafanzug sitzt blinzelnd vor dem Bildschirm. Er hat braune Haare, ernste dunkle Augen und ein rundes Gesicht» («Алекс сидит в пижаме и моргает перед экраном. У него каштановые волосы, серьезные темные глаза и круглое лицо»). В данном комментарии мы видим ответы на вопросы кто, что где и описание внешности, однако слово «ernst – серьезный» может быть трактовано как субъективная информация тифлокомментатора.

События не должны сокращаться путем их суммирования, например, вместо простой констатации факта «Его избивают» следует описать событие последовательно, шаг за шагом: «Мужчина ударил его кулаком по лицу, повалил на землю и ударил ногой в живот». Поэтому следует особо подчеркнуть, что события необходимо не интерпретировать, а описывать, чтобы соблюсти основную цель аудиодескрипции – объективность.

При создании аудиодескрипции следует как можно раньше приводить описания людей, включая внешний вид главных героев, цвет волос и кожи, возраст, описание одежды, язык тела, жесты и мимику, которые должны быть тщательно продуманы, поскольку могут быть неправильно понятыми. Например, предвосхищение комического эпизода, связанного с восприятием исторической фигуры, карла Маркса. «Ein Foto lösst sich von der Wand hinter ihm. Es zeigt die Karl-Marx-Allee. Denis springt auf und befestigt es erneut. Seine Anzugjacke ist hinten mit Nadeln zusammengesteckt. Er trägt keine Hose. Rasch setzt er sich wieder» («Фотография отрывается от стены позади него. На ней изображен проспект Карла Маркса. Денис вскакивает и снова прикрепляет ее. Его пиджак скреплен сзади (прим. авт. на спине) булавками. Он без брюк. Он быстро снова садится»). Данный эпизод является примером комической сцены, которые, как правило, помогают сохранять эмоционально радостный фон. Тифлокомментатор тоже решил упомянуть, что Денис без брюк и что его костюм слишком велик. Потому что это тоже важно для слушателя, поскольку он тоже может и должен смеяться. Еще один эпизод приводится, когда возникает необходимость описать героя спустя 10 лет. «Двадцатилетний парень в джинсах и куртке сидит на скамейке перед восьмиэтажным панельным домом и пьет пиво. Это Алекс. У него светло-каштановые волосы, густые темные брови, высокие щеки, кости и тонкие губы». Здесь аудиодескрипция сразу восстанавливает картину, поскольку изменился внешний вид главного героя. Кроме того, даются ответы на вопросы кто? что? где? когда?

Особое внимание необходимо уделять звуковому сопровождению при создании аудиоописания: не следует говорить во время шумов, связанных с действием, например, звук останавливающего автомобиля понятен без комментария. Необходимо также учитывать музыку из фильмов и оставлять без комментария соответствующие значимые моменты. В тех случаях, когда звуки и шумы могут быть непонятными, необходимо добавить аудиоописание и объяснить данный звук. Например, «Im Nebenzimmer. Alex nimmt eine Videokassette von einem Stapel. Darauf steht „Aktuelle Kamera“. Er schiebt sie in den Rekorder und sieht auf die Armbanduhr. Es ist halb acht. Er druckt auf die Playtaste» («Соседняя комната. Алекс берет из стопки видеокассету. На ней написано „Актуальная камера“. Он вставляет ее в магнитофон и смотрит на наручные часы. Половина восьмого. Он нажимает на кнопку воспроизведения»). Данный комментарий помимо описания беззвучных действий, таких как надпись на кассете и время на часах, имеет важное значение в контексте сюжета фильма, поясняет не совсем понятные звуки – нажатие клавиши, вставление видеокассеты в видеомагнитофон.

Важную роль для незрячих и слабовидящих людей играет цветовосприятие, это обстоятельство необходимо учитывать при создании аудиодескрипции. При этом само аудиоописание не должно объяснять, оценивать или интерпретировать, также следует избегать использование фразы «Мы видим». Приведем пример: «Ein rotes Transparent mit der goldenen Aufschrift ‚40 Jahre DDR‘ schmückt einen Gleisübergang. Die rot-gelbe S-Bahn fährt ein» («Красный транспарант с золотой надписью «40 лет ГДР» украшает железнодорожный переезд. Подъезжает красно-желтая электричка»). В данном комментарии нет оценки или интерпретации названных цветов, однако их значимость понятна в контексте фильма.

Тексты описаний формулируются в настоящем вре-

мени (Präsens), однако при необходимости возможно использование прошедшего времени (Perfekt). Следует избегать сложных предложений и громоздких конструкций, а также повторов в структуре предложений и выборе слов, чтобы не возникало монотонности. Например, «Im Flur. An den Wänden hängen Tapeten mit einem Muster aus grünen Kreisen. Christiane nimmt einen Trenchcoat vom Garderobehaken und zieht ihn über ihr blaues Nachthemd. Ihr Haar hängt in langen Strengen heran. Vorsichtig öffnet sie die Wohnungstür und blickt sie ins Treppenhaus. Die Fahrstuhltür gegenüber schwenkt auf» («В прихожей. На стенах обои с рисунком в виде зеленых кружочков. Кристиана снимает с вешалки плащ и надевает его поверх голубой ночной рубашки. Ее волосы свисают длинными прядями. Осторожно приоткрыв дверь квартиры, она выглядывает на лестничную клетку. Дверь лифта напротив распахивается»). Предложения в данном комментарии составлены в настоящем времени и не перегружены информацией, что полностью соответствует принципам создания аудиодескрипции.

Неопределенный артикль используется при первом упоминании комнат, предметов и т.д., если их нельзя четко определить и заменить другими определяющими словами, например, его квартира/его машина/его зубная щетка. Приведем пример: «Alex und Denis schleppen Möbel herein. Ein Brauner Sekretär kommt in die Ecke, ein Orientteppich aufs Parkett. Eine fünfarmige Lampe an die Decke» («Алекс и Денис вносят мебель. Коричневый секретер ставят в угол, восточный ковер кладут на паркет. Пятирожковую люстру на потолок»). Предметы мебели и интерьера упоминаются в данном эпизоде в первый раз, поэтому используются с неопределенным артиклем, поскольку нет других определяющих слов.

При создании аудиоописания иногда возникает необходимость использования технических терминов (специальной, предметной лексики), в таком случае лучше употреблять только общеизвестные понятия, а незнакомые лексические единицы следует кратко объяснить. В аудиоописаниях не допускается использование кинотехнических терминов, предпочтительнее передавать их эффективность лингвистически. В данной аудиодескрипции сложных технических терминов, требующих специальных разъяснений не было выявлено, а такие слова, как «телевизионный кабель», «ракета», «кнопка воспроизведения видеомагнитофона» понятны без дополнительных комментариев.

Далее, топонимы, известные только в определенном регионе, лучше использовать в том случае, если они имеют отношение к контенту, тогда их следует описать и представить в тифлокомментарии, при этом известные географические названия можно вводить без дополнительных объяснений. Например, «Vor dem Fernsehturm am Berliner Alexanderplatz. … Postkartenansichten von Ostberlin» («Перед телебашней на Александерплац в Берлине. … Открытки с видами Восточного Берлина»). В данном описании встречаем уточнение топонима Alexanderplatz, с указанием города, где эта площадь находится, и далее подтверждение данного факта в описании открыток Восточного Берлина.

Важным элементом является направление, при этом приоритет отдается точке зрения зрителя. Однако при необходимости указания конкретного человека и «его» или «её» левой ноги/руки и т.д. применяется принцип тела. Например, «Sie blinzelt in die Sonne und harrt Richtung Straße» («Она щурится на солнце и смотрит в сторону улицы»). Здесь как раз учитывается точка зрителя.

Названия брендов следует упоминать, если они имеют отношение к сюжету и важны для характеристики персонажа. Наложение текста, текстовые вставки в нижней трети экрана и субтитры следует зачитывать. Приведем пример: «An einer Litfaßsäule klebt ein Werbeplakat von IKEA. Mit staksigen Schritten geht Christiane näher heran. Auf dem blauen Plakat ist ein weißes Regal abgebildet. Daneben steht „Billy: 98 D-Mark“. Unglaublich lächelnd schaut sie zum Gebrauchtwagenhandel hinüber. Interessenten betrachten einen BMW und überprüfen durch rütteln die Stoßdämpfer» (« Рекламный плакат ИКЕА приклеен на афишной тумбе. Твердыми шагами Кристиана подходит ближе. На синем плакате изображена белая полка. Рядом написано «Билли: 98 немецких марок». Невероятно улыбаясь, она смотрит в сторону магазина подержанных автомобилей. Заинтересованные лица разглядывают БМВ и проверяют, раскачивая амортизаторы»). Названные бренды имеют непосредственное отношение к сюжету фильма, поскольку, будучи широко известными, они четко маркируют западную культуру, а использованные технические обозначения не требуют дополнительного объяснения.

Заключение

Описание фильма всегда должно быть закончено до начала финальных титров. Тембр голоса, скорость речи и другие характеристики всегда должны выбираться в соответствии с оригиналом.

При микшировании звука необходимо соблюдать технические стандарты, звуковой микс должен поддерживать характер и атмосферу оригинальной версии. Описание должно быть легко понятным на всех этапах фильма. Оригинальный звук фильма и описательный текст находятся в равном акустическом отношении друг к другу.

Основой хорошего аудиоописания является анализ содержательной и формальной стороны фильма. Для незрячих оно содержит такую плотность информации, ко-

торая не сразу понятна зрячим. По этой причине к процессу создания аудиоописания желательно привлекать квалифицированных слепых и слабовидящих авторов, поэтому необходимо еще раз особо подчеркнуть, что аудиоописание всегда должно быть одобрено специально обученными редакторами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анищенко А.В., Меликян М.В. Трансляция эмоций в аудиодескрипции к немецкоязычным детским анимационным фильмам. Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 5. С. 1516–1521.
2. Бобылева А.В. Особенности тифлокомментирования драмы и комедии на примере советских фильмов. В сборнике: Межкультурное пространство жестовых языков: перевод, коммуникация, исследования. Сборник научных статей Третьей Международной научно-практической конференции. Москва, 2024. С. 136–140.
3. Борщевский И.С. Опыт аудиодескрипции (тифлокомментирования) мультипликационных телесериалов для детей (на примере сериала «три кота»). Филология и лингвистика. 2019. № 1 (10). С. 41–45.
4. Воронина Г.Б., Гуня Ф.А., Грошев А.А. Тифлокомментирование немецких реалий в различных визуальных объектах на русском языке. В сборнике: Межкультурное пространство жестовых языков: перевод, коммуникация, исследования. Сборник научных статей Третьей Международной научно-практической конференции. Москва, 2024. С. 144–148.
5. Горшкова В.Е. Визуализация среды обитания при тифлокомментировании (на примере кинофильмов «Холоп» и «Последний богатырь»). Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2024. № 3 (55). С. 122–133.
6. Казаку Д.А. Сопоставительный анализ тифлокомментирования футбольных матчей (на материале русского и немецкого языков) В книге: Collegium Linguisticum-2023. Тезисы докладов Ежегодной конференции Студенческого научного общества МГЛУ. Отв. редактор О.К. Ирисханова, отв. секретарь М.В. Попова., Москва, 2023. С. 77–78.
7. Моисеева И.Ю., Кирилов А.М. Тифлокомментирование невербальной коммуникации (на материале художественного фильма «Бриллиантовая рука»). Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. № 3. С. 48–56.
8. Audiodeskription und kulturspezifische Elemente von zwei Filmen über die DDR: Good bye, Lenin (2003) und das Leben der Anderen (2006)
9. Benecke Bernd. Audiodeskription als partielle Translation. Modell und Methode (Translatorische Forschungsbeiträge 4). vi + 197 pp.Münster: LIT Verlag, 2014.
10. Jekat Susanne J., Puhl Steffen, Carrer Luisa, Hagmann David, Lintner Alexa, Lopes Torres Sabrina, Parli Michelle. Audiodeskription verständlich erklärt. Einblicke in Theorie und Praxis. Winterthur, ZHAW digitalcollection, 2021.

© Кошелева Ольга Николаевна (ninlil@mail.ru), Маслова Антонина Николаевна)tonja-ch@yandex.ru),
Шиндель Светлана Владимировна (schindelswetlana@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.05–2.19

ИСТОРИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗООНИМОВ В РУССКОМ ПЕСЕННОМ ЖАНРЕ XVIII–XIX ВВ

THE HISTORY OF THE USE OF ZOONYMS IN THE RUSSIAN SONG GENRE OF THE XVIII-XIX CENTURIES

Li Feng

Summary: The song genre reflects the ideological, moral, and artistic wealth of the people. Songs are the most valuable material for studying not only linguistic culture, but also individual elements, codes of culture, worldview of the people, its historical and cultural evolution. Russian song genre of the XVIII – XIX centuries is studied in this article as a reflection of the history, philosophical views, and culture of the Russian people. The use of zoonyms in the genre of Russian song allows to narrow the field of research, to focus on metaphorical, moral images that are encoded in zoonyms.

Keywords: song genre, zoonyms, cultural code, traditions, metaphoric image, synchronic aspect.

Ли Фэн
Аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет, (г. Казань)
lf13148889518@gmail.com

Аннотация: Песенный жанр отражает идейное, моральное и художественное богатство народа. Песни являются ценнейшим материалом для изучения не только лингвокультуры в целом, но и отдельным элементом, кодов культуры, мировоззрения народа, его исторической и культурной эволюции. В данной статье приводится исследование жанра русской песни XVIII–XIX веков как отражения истории, философских воззрений и культуры русского народа. Использование зоонимов в жанре русской песни позволяет сузить поле исследования, сконцентрироваться на метафорических, моральных образах, которые закодированы в зоонимах.

Ключевые слова: песенный жанр, зоонимы, культурный код, традиции, метафорический образ, синхронический аспект.

Антропоцентрическая система ставит человека в основе всего окружающего и утверждает, что человек не только является центром мироздания, но и подстраивает окружающий мир под себя, уподобляет его себе, ищет человеческие, антропоморфные черты во всем, что его окружает. Подобное мировоззрение сложилось исторически, как это видно из работ ученых, начиная с античности: парадигма, утверждающая, что «интереснее человека нет ничего», сложилась еще в древности [Прудченко, 2020]. Е.С. Кубрякова объясняла именно антропоцентризмом тот факт, что большинство научных объектов сегодня, в том числе и в языковедческих науках, изучаются прежде всего по тому, как они влияют на человека и его жизнь, по тем функциям, которые они могут выполнять для развития личности человека [Кубрякова, 1995: 212]. Значимые для человека реалии отражаются в языке, толкуются людьми интуитивно – через ассоциативные связи в памяти носителей языка. В.Н. Телия утверждала, что человек трактует окружающий мир через две призмы – антропоморфную и зооморфную [Телия, 1997: 209].

Н.А. Киндря в своих исследованиях подчеркивает, что отношение к животным – и, как следствие, их отражение в лингвокультуре, – меняется по мере перехода человечества от древности к современности. Носители более древнего сознания возводили животных в высокое положение, в какой-то степени поклонялись им. Тогда как в современной лингвокультуре скорее встречается положение животных как подчиненных [Киндря, 2005].

В данной статье исследуется синхронический аспект использования зоонимов в русской культуре XVIII века на примере жанра русской песни. Песенное творчество отражает как народные традиции, заложенные глубоко в менталитете и лингвокультуре народа, так и культурные, социальные изменения. Жанр песни передает национальную идентичность, эмоциональную окраску социума в определенную эпоху, философские размышления. Зоонимы же, вплетаясь в данный жанр, передают культурный, эмоциональный и социальный коды, создают образы и метафоры, передают как моральные уроки, так и некую народную мудрость. Е.А. Костюхин указывает на особую связь, единство людей и животных, которая отражается в песнях, сказках, аллегорических сказаниях [Костюхин, 1987].

XVIII век и начало XIX века в истории России – это эпоха значительных культурных и социальных изменений. Песенный жанр этой эпохи отражает не только исконные народные традиции, но и влияние европейской культуры, которая начинает все больше проникать в русское народное творчество. В этот период возникают новые формы музыкального выражения – от народных песен до светских баллад. Жанр песни этого времени передают не только народную мудрость и исторические, социальные изменения, но и служат средствами самовыражения и культурной идентификации. В условиях изменений, последовавших за реформами Петра I, песни становились отражением настроений и переживаний народа. Образы, метафоры и ключевые темы песен этой

эпохи передают традиции народа, передаваемые из поколения в поколение, но также и указывают на трансформации, возникающие в социальном сознании народа. Однако, как утверждает В.И. Игнатов, на протяжении XVIII – XIX веков исторические песни собираются историками несистематично. Их не выделяли в раздельные жанры, значительное количество песен оказались разбросанными по разными изданиям [Игнатов, 1970: 7].

В данном исследовании мы сосредоточены на изучении зоонимов в русских песнях в их синхроническом аспекте. Наиболее крупный кластер зоонимов, встречающийся в жанре русской песни – птицы, например соловей, кукушка, сокол.

Особый интерес вызывает известная баллада о дочке-пташке. По утверждению В.И. Ереминой, данная баллада широко распространена как в западном. так и восточном славянском фольклоре [Еремина, 2016]. Не существует единого мнения о происхождении песни, как и единой версии ее содержания. Наиболее широко распространенный сюжет – дочь выдают замуж (чаще всего – на чужбину, что подчеркивает враждебность обстановки, куда дочь попадает, труднодоступность и невозможность увидеться с семьей), накладывается запрет на посещение семьи (как правильно – на семь лет): *Рассержусь на матушку, в гости не пойду / На седьмое летечко пташкой слечу* [Еремина, 2016: 9]; ослушавшись приказа, дочь оборачивается птицей (как правило – кукушкой или соловьем) и летит в родной дом: *Обращусь я горькою кукушечкой, полечу, несчастная, я к батюшке в сад; Куплю себе сизые крылушки, скинуся я кукушечкою* [Соболевский, 1895-1902]*;* более поздняя формулировка – *Кабы мне сизы крылья <…> поднялась бы пташечкой да улетела (Фонограммархив Института русской литературы РАН).*

В.И. Еремина указывает, что сюжет песни, касающийся самой метаморфозы женщины в птицу менялся диахронически: сказочное превращение постепенно уходит из текстов, заменяется на условность подобного превращения. К началу XIX века вера в физическое превращение утрачена – и женщина просит птицу передать привет родным, либо обращается к Богу с просьбой обратить ее в птицу и дать возможность улететь домой: *Ой ты пропой же, вольна пташка / Ай ты, про участь про мою* [Еремина, 2016: 11]. В более поздних версиях баллад метафора превращения заменяется сравнением: *Соколом пролетел / Соловьем просвистел* [Соболевский, 1895–1902].

Типологически близкий сюжет мы наблюдаем в балладе Пташка-мстительница, где дочь / падчерицу убивают свекровь / мачеха, и погубленная женщина, вновь обернувшись птицей, летит в отчий дом, но на сей раз с целью мести: *Ты не жди меня, родной батюшка / Подождет меня злая мачеха / Не гостьею – кукушечкой в сад <…> Как раз закую – траву высушу / Другой закую – весь сад погублю / В третий – душу зановлю* [Соболевский, 1895-1902].

Сюжет превращения женщины в птицу наблюдаем так же в балладах юных и восточных славян Сестра и братья-разбойники, Жена разбойника, Приход мертвого брата и др.*: Чужая сторонушка без ветру сушит / Скинусь я, младшенька, горькою пташкою / Я горькою пташечкой, я кукушечкой / Полечу я, младшенька, на свою сторону* [Соболевский, 1895–1902]. В.И. Еремина указывает, что подобная схожесть сюжетов с обязательным элементом превращения женщины в птицу объясняется мировоззренческим представлением. Верования славян в древности говорили о том, что душа умершего возвращается в родной дом после смерти – как правило, в течение сорока дней и в образе какой-либо птицы. Птицы неотрывно связаны с образом души и смерти во многих песнях и балладах: *Ты приди, приди ко мне / Родима матушка / На мое ли горе горемышное / Обернись-ка ты голубочиком / И сядь на мое окошечко; Обернись-ко-ся, да мой родимый батюшка / Перелетным ты да ясным соколом* [Соболевский, 1895-1902].

Образы птиц зачастую метафорически отражают одновременно женщину и смерть: *Прилетели к добру молодцу три ласточки / Что как первая-то пташка – родная матушка / А другая-то пташка-то – мила сестра / Ах, как третья-то пташка – молода жена / Они взяли мертво тело за белы руки; На той на могиле / <…> Сидела кукушка / Не кукушечка кукует / То мать казака горюет* [Соболевский, 1895-1902]. Обращаясь к известной народной песне, Черный ворон, история которой так же берет начало в XVIII веке, мы видим, что в ее тексте птица – ворон – так же несет с собой символику смерти, тоски, утраты. Образ ворона, несущего вести о смерти и горе, так же встречаются в более поздних исторических песнях начала XIX века: *Твоему казаку снимут голову / Снимут голову, пустят по-воду / А тебе, молодой, век вдовою быть / Век вдовою быть и бунтаршей слыть / Я солдатов не боюся / С милым вместе отобыося / Лети, ворон сизокрылый / А я — следом за тобой / Где горюшенька мой милый / Проливает кровь рекой* (В Стане Пугачева) [Игнатов, 1970].

Птицы так же выступали свободными, вольными иносказательными образами, показывающими через параллельность действия несвободу человека, как, например, в сюжетах: *Канарейка-пташечка / Вольная кукушечка / Примахала крылышки / По полю летаючи / Сокола искаючи / Приходила Сашенька / Свои резвы ноженьки / Вдоль улицы ходючи / Милого искаючи* [Соболевский, 1895-1902]*; На морѣ синичка не пышна была / Не пышна была, пиво варивала / Солоду купила, хмѣлю заимывала / Черный орелъ пивоваромъ былъ / Знялъ онъ удачу пиво*

выварити / Пива наварити, вина выкурити / Снигирь по сѣнечкамъ похаживаетъ / Совушку за рученьку поважиаетъ; *Как бы я был голубчик / А жена-то моя – голубица / Полетели бы мы во торжинку!* [Соболевский, 1895–1902]. В данном случае мы наблюдаем выстраивание аналогии, указывающей на противопоставление судеб. Птица свободна, вольна искать любимого и улететь в любой край земли, тогда как человек такой возможности лишен по той или иной причине.

В исторических песнях, прославляющих боевые походы, образ птицы чаще представляет собой сравнение, чем метафору: *На перед корабль бежит / Что сокол летит / Во том во кораблике / Император-царь сидит* (Песни Петровского времени: Плывут под Азов: взяли город и поздравляют царя); *Не ясён сокол по поднебесью летает / То Боярин по полкам нашим гуляет* (Шереметьев и Шлиппенбах. Майор Земли Шведской) [Игнатов, 1970]. В исторической песне Прусский поход мы встречаем пример аллегорического изложения в диалоге сокола и ворона, где последний насмехается над соколом, опалившем крылья. Сокол отвечает: *Как пройдет моя беда со кручиною / Отрошу я свои крылья, крылья быстрые / Оживлю я свои ноги, ноги скорые / Я взовыося, млад ясен сокол, выше облака / Опущуся в ваше стадо я скорей стрелы / Перебью я черных воронов до единого* (Прусский поход) [Игнатов, 1970]. Как комментирует М.Д. Чулков в своем песеннике, данная песня рассказывает о Иване Краснощекове, героически погибшем в бою, что передает расширенная метафора при помощи образов-зоонимов [Игнатов, 1970: 187]. Интересно так же, что в более поздней исторической песне XIX века мы встречаем такое же противостояние вороны – как образа врага, – и сокола – образа героя, спасителя России: *На коня Платов садится / И французу говорит / Ах ворона, ты ворона / Загумённая карга! / Не сумела ты, ворона / Ясна сокола поймать / Сизые перышки общипать* (Платов у французов, Песни об Отечественной войне 1812 года и ее последствиях) [Игнатов, 1970].

Птицы представляют собой наиболее крупный кластер зоонимов в русской народной песне, что объясняется символикой птицы – в том числе и ее связью со смертью, духовным миром, свободой от земной жизни. Кроме того, мы так же отметили другие зоонимы, встречавшиеся часто в изученной литературе.

Рассмотрим пример зоонима змея – равной по значению «плохой», «злой». Интересно, что русская народная песня, как и русская сказка, не отображает змея-оборотня, только зооантропоморфного символа: *День ото дня все чахну, сохну я / Давид грудь мою печаль-тоска / Истомил меня проклятый Змей / Сердце бедное повызнобил* [Соболевский, 1895-1902]; *Ты возьмешь себе молоду жену / Молоду жену – змею лютую / Из норы ползет, озирается / По песку ползет, извивается* [Соболевский, 1895-1902]. Как указывает В.И. Еремина, в древнем сознании, мифологическом, подобные строки не являлись метафорами, животный мир не отделялся от человеческого, ярким примером чему может являться сказка о Царевне-лягушке [Еремина, 2006: 320]. В более поздних песнях и балладах уже видно отделение человека от животного мира, метафора приобретает черты сравнения, иносказания: *Своя жена – змеюшка / Чужая жена – любушка; Промежду ли нас – змея лютая / Люта змея гнездо свила / Гнездо свила, детей вывела* [Соболевский, 1895-1902]; *Малютина дочи Скурлатова / А зазнаючи мне со зельем стакан подала / Съела ты меня, змея подколодная!; Ты злодейка-кума, ты да зьмея лютая / Зьмея лютая ты, да дочь Малютина* (Михайло Скопин, Смерть Михайло Скопина) [Игнатов, 1970].

Зооним «конь» имеет в русском песенном жанре особе место. Конь отождествляется с воином, обозначается «добрым другом», товарищем: *Привяжу я добра конюшка / Ко сырому ко дубу / Ко девицы ко шатру; Нету, нету у молодца, нету ни товарища / Товарищ у молодца – его добрый конь; Как во этом кусту тело белое / Тело белое молодецкое / Во главах у него – сабля вострая / В ретивом у него – пуля быстрая / Во ногах у него конь вороный его / Уж ты, конь, ты, мой конь, ты, товарищ мой / Ты беги, беги по дорожке вдоль / По дорожке вдоль, к отцу, к матери; Он на перву ступень ступил / Он добра коня отопил* [Соболевский, 1895-1902]. В более поздних исторических песнях встречаем диалоги воинов со своими конями: *Под ним добрый конь-сив-бур-шахматный / Сива гривушка до сырой земли / Он идет – спотыкается / <…> Что ты, мой добрый конь, рано спотыкаешься? / Али чайшь над собой невзгодушку / Невзэдушку, кроволитьеце?* [Неоконченная песня, вероятно, времен борьбы Пугачева с войсками Михельсона – прим. Игнатов, 1970: 204]. Образ коня – неотъемлемого спутника воина/солдата – так же встречается в исторических военных песнях XIX века: *Ой, ну, седлайтя, седлайтя донских коней / Вы седлайтя, не замешкайтя* (Ай, вот хвалится француз); *Он по крутой по горе / Сам на вороном коне / По козакам проскакал* (там же); *Он добра свово коня седлает / Подпружечки туго подтягал / На конечка он скоро садилси* (Кутузов и Платов) [Игнатов, 1970].

Интересны случаи использования зоонима собака в исторических песнях. В данном случае зооним представляет собой бранную лексику, используемую в адрес врагов России: *Насилу король сам-третей убежал, / Бегучи он, собака, заклинается / Не дай, боже, мне на Руси бывать; Прокличет с небес господен глас / Ибо еси собака Крымской царь! / то ли тобе царство не свёдомо?* (Песня о Грозном Царе Иване Васильевиче)*; Копил-то король, копил силушки / <…> Становился, собака, в зеленых лугах / Садился он, собака, во золот стул / Смекал-то он силушку по три дни* (Об Осаде Пскова)*; Ох, вы братцы, вы не знаете беды — горести / Что царя нашего Васи-*

лья злы бояре погубили / Злы собаки погубили, во Сибирь 1 его послали / А уж сделали царем какова басурмана (Василий Шуйский); *Ой да не бывать-то вору ему собаки / Ну да в каменной во славной Москвы* (Шведская война) [Игнатов, 1970]. Следует отметить, что и в фразеологии русского языка не сохранилось образа зоонима собака с положительной коннотацией, что по всей видимости можно объяснить православными верованиями, что собака – животное «нечистое», а зооним пес употреблялся в библейских и более поздних текстах как синоним язычника, еретика, лжеца.

В ранних текстах песен XVIII века наблюдается значительное количество метонимических образов куницы, соболя, горностая, что отражает культурно-исторический символ богатства в России тех времен: *Приехал к вам богатой гость / Фёдор Иванович / С теми ли с товарами / со заморскими / Со куницами приехал / и с соболицами* (Песни Петровских времен: Сам Царь)*; Как на место-то ушей в него навешано / Что по чёрному по соболю сибирскому / <…> Что по чёрной по куницы по пещеровской* (Разин на море); *Кольчуга-то на молодце серебряная / Соболина на нём шапка до могучих плеч* (Восстания и казни стрельцов) [Игнатов, 1970].

Образы, создаваемые зоонимами, важны для понимания русской лингвокультуры, обычаев и ментальности, верований народов. Зоонимы несут в себе уникальный национальный, культурный и исторический код, который нуждается в дальнейшем изучении. Исследование зоонимов в синхроническом аспекте – во временном периоде XVIII–XIX веков – позволяет понять, как люди той эпохи воспринимали окружающий мир, как менялось их мировоззрение. Данная эпоха была богата на события как культурного, так и исторического уровня, что отражается в контексте русских песен. Изучение зоонимов в песенном жанре данной эпохи служит важным источников культурных и исторических контекстов, увидеть, как изменяется связь человека с природой и как данный факт отражается в лингвокультуре. Исследование данных элементов языка является актуальным и представляет собой обширное поле для дальнейшего изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Еремина В.И. Художественный мир народной поэзии / В.И. Ерёмина; Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук. – Санкт-Петербург: Пушкинский Дом, 2016. – 627 с.
2. Игнатов В.И. Русские исторические песни / М.: Высшая школа, 1970. – 252 с.
3. Киндря Н.А. Английские и русские фразеологизмы с компонентом-зоонимом в свете истории культуры: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.20 / Киндря Наталия Александровна. – М., 2005. – 28 с.
4. Киреевский П.В. (1808-1856) Песни, собранные П.В. Киреевским. – М.: О-во любителей российской словесности, 1860.
5. Костюхин Е.А. Типы и формы животного эпоса / Е.А. Костюхин. – Москва: Наука, 1987. – 269 с.
6. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистический идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е.С. Кубрякова // Язык и наука конца 20 века: сборник статей; под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1995. – С. 144–238.
7. Миллер В.Ф. Очерки русской народной словесности / Отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2015. – 672 с.
8. Прудченко Е.А. История понятия «антропоцентризм» в контексте современных размышлений о человеке и цивилизации / Е.А. Прудченко, Ю.В. Дюпина, Я.Э. Дизер // Манускрипт. – 2020. – Т.13. – Вып. 5. – С. 150–154.
9. Соболевский А.И. Великорусские народные песни [Текст] / изданы проф. А.И. Соболевским. - Санкт-Петербург: Гос. тип., 1895–1902.
10. Телия В.Н. Вторичная номинация и ее виды / В.Н. Телия // Языковая номинация (Виды наименований); отв.ред. Б.А. Серебренников, А. Уфимцева. – М.: Наука, 1977. – С. 129–221.
11. Фольклорное наследие А.А. Шахматова / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. В.И. Ереминой. – СПб, 2005.

© Ли Фэн (lf13148889518@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.05–2.22

ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКАЛИЗАЦИИ АНТРОПОНИМОВ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

FEATURES OF LEXICALIZATION OF ANTHROPONYMS IN FRENCH

A. Lupina

Summary: The article deals with the process of lexicalization of anthroponyms in French - transformation of proper names into other lexical units. The study touches upon the processes of formation of new words related to historical events and the influence of prominent personalities on culture. The aim of the paper is to identify and describe the main mechanisms of lexicalization of anthroponyms and to study the role of these lexemes in French. The objectives of the paper include identification of the ways of appearance of lexicalized anthroponyms and their types in French; classification of changes occurring with anthroponyms in the process of lexicalization; description of the functions of lexicalized anthroponyms; determination of the lexicalization process in sociolinguistic, cultural and cognitive contexts, taking into account synchronic and diachronic approaches. To achieve the goal, the methods of solid sampling, classification, formant, etymological, comparative and generalization were applied.

Summarizing the analysis, we can conclude that lexicalization of anthroponyms is a process of transformation of proper names into new lexical units based on socio-cultural and cognitive features of the studied ethnos.

Keywords: lexicalization, anthroponym, deonym, othanthroponymic lexicon, depropriation, stable word combinations.

Лупина Анна Евгеньевна
Кандидат филологических наук, «Военный университет имени князя Александра Невского»
lupina_anna@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается процесс лексикализации антропонимов во французском языке — трансформация имен собственных в иные лексические единицы. Исследование затрагивает процессы образования новых слов, связанных с историческими событиями и влиянием выдающихся личностей на культуру. Цель работы состоит в том, чтобы определить и описать основные механизмы лексикализации антропонимов и изучить роль данных лексем во французском языке. Задачи статьи включают: выявление способов появления лексикализованных антропонимов и их типов во французском языке; классификация изменений, происходящих с антропонимами в процессе лексикализации; описание функций лексикализованных антропонимов; определение процесса лексикализации в социолингвистическом, культурологическом и когнитивном контекстах, с учетом синхронного и диахронного подходов. Для достижения цели были применены методы сплошной выборки, классификации, формантный, этимологический, сравнительный и обобщающий.

Подводя итоги проведенному анализу, можно сделать вывод о том, что лексикализация антропонимов – это процесс трансформации имен собственных в новые лексические единицы, основанный на социокультурных и когнитивных особенностях изучаемого этноса.

Ключевые слова: лексикализация, антропоним, деоним, отантропонимная лексика, депроприатив, устойчивые словосочетания.

Введение

В данной статье мы рассматриваем случаи лексикализации антропонимов (имен собственных (ИС)) во французском языке, то есть образования новых слов от данного вида онимов. Употребляясь уже «в не собственно проприальной форме» [12, с. 97] роль данных лексем может меняться со временем.

Вопрос о значимости лексикализации, как процесса превращения «элемента языка (морфемы, словоформы) или … словосочетания в отдельное знаменательное слово или в другую эквивалентную ему словарную единицу» [8] и необходимости ее интерпретации прежде всего сквозь призму семантических и морфологических изменений, которым может подвергаться слово при своем формировании, заинтересовал ученых в двадцатом веке [7, 15]. Ономатологи проявили интерес к данному процессу и зафиксировали его значимость в трансформациях различных видов онимов [13, 9, 2, 16, 19]. «По всей видимости, лексикализация ИС и его проникновение в словарный состав французского языка происходит лишь в XVII веке – первой половине XVIII веке» [12, с. 97]. В настоящее время исследователей продолжают интересовать процессы деонимизации в целом [5] и трансонимизации в частности [1], фразеологизации [14], деривации [18] антропонимов, уделяя внимание социокультурному и когнитивно-дискурсивному анализу данных лексем [3] на примере различных языков.

Изучение лексикализации антропонимов представляет актуальность по нескольким причинам:

1. Лингвистический интерес: понимание механизмов создания новых лексических единиц из имен собственных, приводя к возникновению фразеологизмов и других устойчивых выражений, что способствует расшифровке культурного кода в перспективе.
2. Культурная информация: лексикализованные антропонимы отражают культурные, исторические и социальные изменения, происходящие в обществе.

3. Социальные изменения: анализируемые лексемы способствуют сохранению национальной идентичности и могут использоваться для выражения патриотизма и культурной самобытности, позволяя отслеживать эволюцию ценностей.
4. Коннотации лексикализованных антропонимов помогают раскрыть особенности национального менталитета и мировоззрения.

Новизна исследования заключается в анализе этапов лексикализации антропонимов во французском языке с позиций социолингвистики, культурологии и когнитивистики, с учетом синхронного и диахронного анализа.

Результаты

Антропоним – от греческого слова «человек» – это вид онима, любое собственное имя/nom propre de personne, принадлежащее человеку или группе людей, в том числе личное имя/prénom, отчество/ prénom (nom) patronymique, фамилия/nom de famille, прозвище/ surnom, псевдоним/pseudonyme, криптоним/cryptonym, кличка/sobriquet [9]. Данные лингвистические единицы служат идентификации и дифференциации людей в обществе, обладая социальной, культурной и экспрессивной функциями. Со временем, по мере нарастания популярности того или иного имени собственного в определенной сфере жизнедеятельности этноса, с ним происходят различные трансформации. Изменения могут быть семантического, функционального и морфологического характера, сопровождающиеся в дальнейшем появлением нового знаменательного слова или значения в языковом сознании и, как правило, в словарях. «Лексикализация представляет собой длительный процесс, отражающий эволюцию языка в целом и активность тех или иных принципов словообразования на определенном этапе, результатом которого является сосуществование двух форм одного имени – собственной и нарицательной» [6, с. 134].

Один из вариантов начала пути лексикализации антропонимов – это процесс десемантизации данных лексем, то есть потеря «основой имени своего первоначального значения» [9, с. 55]. Затем, происходит образование нового знаменательного слова путем деантропонимизации: другого онима (имени собственного) или апеллятива (имени нарицательного) [9].

Если образование апеллятива происходит без аффиксации, такой процесс называется деонимизация [9]. Например, деонимы [10]: 1. от фамилии (изобретателя): morse (С. Морзе/Morse) – система телеграфной связи Морзе; 2. от имени (исторической персоналии): berthe (Берта/Berthe (au Grand Pied), жена Пипина Короткого и мать Карла Великого) – устар. пелеринка, накидка, широкий круглый воротник; устар. аккуратная женская прическа с пробором по середине; (в античные времена) молочный бидон.

Существуют также апеллятивы, тип лексикализованных антропонимов, образованных при помощи явных морфологических изменений исходного антропонима [10]: simonie (от имени Симон/Simon le Magicien, мага (волхва), который пытался подкупить апостолов Петра и Иоанна, чтобы получить власть даровать Святого Духа через возложение рук) – церк. покупка священного сана; религ. симония (продажа и покупка церковных должностей); угол. покупка титула «Вор в законе». Анализ словарного состава французского языка показывает, что в меньшем количестве, но имеются случаи деантропонимизации от: прозвища: bluethooth (от прозвища «Синезубый»/ Blåtand («homme à la dent bleue») датского короля Харальда I (из-за темного цвета его проблемных зубов), который объединил скандинавские государства в X веке), сокращенно BT – комп. блютус (беспроводная телекоммуникация на короткие дистанции (менее 10 метров) между электронными устройствами); мед. билирубин общий; экон. индекс стоимости строительства (варианты: BT01, BT02 и т.п. - цифра означает объект возведения, вид работ и т.п.); псевдонима: trotskiste (от псевдонима Л. Д. Бронштейна: Троцкий/Trotski) – троцкист; клички: bernard-l'ermite (bernard-l'hermite: 1554 год, от лангедокского устойчивого выражения bernat l'ermito, которое образовано от имени Бернар/Bernard, клички для различных животных и ermite «отшельник (о человеке (религ.))») – рак-отшельник (ракообразное, живущее в заброшенных раковинах).

Следующая группа примеров лексикализации антропонимов включает в себя имена собственные, образованные в результате трансонимизации антропонимов и представляющие собой другие виды онимов: депроприативы 1. эпонимические имена (топонимы, урбанонимы, хрематонимы и другие «онимы», обозначающие определенный объект действительности) и 2. эргонимы – имя собственное определенного союза, организации (кружка, общества, учреждения, заведения, предприятия, корпорации), то есть делового объединения людей по различным направлениям (культурного, религиозного и другого типа) [9]. Лицо, которое послужило образованию такого рода онима называется эпоним: князь Ярослав – топоним Ярославль, князь Мономах – хрематоним «шапка Мономаха» [9, с. 165–166]. Следовательно, образуются различные виды депроприативов представленные либо, одним словом: эргоним Мишлен, урбаноним вокзал Сен-Лазар; либо устойчивым выражением с компонентом эпонимом, которые так же обозначают определенный объект действительности: cravate à Charlot – прост. cravate à Charlot (или à Gaston, à Gustave) – гигиеническая салфетка; la bascule à Charlot – прост. гильотина. Следовательно, пополнение словарного запаса французского языка возможно не только синтетическим способом, но

и аналитическим с помощью антропонимов.

В данной статье предлагается расширить классификацию переходов имени собственного в разряд нарицательных имен Н.В. Юшманова на примерах деонимизации [11] и применить ее на все случаи деантропонимизации. Примеры и выборка осуществлена из словарей различных эпох [16, 17] и сайта «Словари на Академике» [10]:

1. Имя лица – лицо, обозначение конкретного класса людей, а точнее их:

1.1. Социального статуса

Gavroche (по имени персонажа В. Гюго «Отверженные» Gavroche/Гаврош) – 1. гаврош, уличный мальчишка, бродяга; 2. небольшой платок на шею, сложенный по диагонали.

«- Il te met en provisoire? demandait un jeune gavroche, arrêté pour une ridicule histoire de recel de bicyclette» / «- Он даст тебе условно? - спросил молодой бродяга, задержанный из-за дурацкой истории с хранением украденного велосипеда» [10].

1.2. Характера и манеры поведения

Charlot (диминутив от Charles/ Чарли, имени комического персонажа (этого бродяги с большим сердцем), созданного Чарли Чаплином)– несерьезный человек, шут; уст. подбитый глаз; шут, персонаж Чарли Чаплина.

«Bande de charlots! » [10]/Кучка шутов!

1.3. Профессии

Figaro (от имени главного героя Figaro/Фигаро в произведении Бомарше «Севильский цирюльник») – уст. 1. умелый интриган, без зазрений совести, 2. (1867) парикмахер нейтр., брадобрей уст., шутливо.

2. Имя лица – вещь (единица материального мира определенной сферы жизнедеятельности представителя исследуемого этноса)

2.1. Музыкальный инструмент

Orphéon (от имени мифологического персонажа Орфея/Orphée) – 1. ист. (1767) орфеон (старинный музыкальный инструмент со струнами и клавиатурой); 2. (1833) хоровая капелла, состоящая из мужчин (это сообщество было основано в Париже французским композитором и педагогом Луи Бокийоном, известным как Вильем или Бокийон-Вильем (реставратором народного хорового пения)); 3. (1868) духовой оркестр, фанфары.

В современном использовании название Orphéon также применяется к другим объектам, таким как ночной бар в Париже, который был связан с основателями модного дома Diptyque, и даже к парфюму Orphéon от Diptyque, выпущенному в 2021 году. Однако основой для всех этих названий является мифологический персонаж Орфей, символизирующий музыку и искусство.

2.2. Мебель

Guéridon (от имени персонажа фарса Guéridon/Геридона (1614), крестьянина из окресностей Пуату, который стал героем песен и балета и его имя произносилось также как Guélidon/Гелидона (в песнях одноименного жанра) от традиционного каламбура Si t'es gai, ris donc! (припева песни: ô gué, et laridon)/Если ты весел, смейся! используемого для человека, над которым насмехались) – круглый, иногда овальный столик на одной ножке или трех ногах, обычно из мрамора, поддерживающий обычно легкие и декоративные предметы. Таким образом, обозначение этим именем этого небольшого предмета мебели, ножка которого, уникальная по происхождению, часто имела человеческий облик, в частности Мавра, возможно, связано с образом отдельно стоящего персонажа, который в танце размахивал факелом, во время исполнения припева сатирических песен, и держал факел, пока остальные смеялись. П. Гиро, изучая жизнь греков, пытается установить связь с древне- и среднефранцузским guerredon «цена услуги» от франкского widarlôn «награда», так как на такой мебели стояла свеча в игорном доме, куда клали жалованье, обеспечивающее ее наличие.

2.3. Одежда и аксессуары, ткани

Pantalon (1650 г. от имени персонажа итальянского театра (впервые появившегося в Венеции) Pantalon/Панталона, выступавшего в узких ботинках и штанах, длиной до лодыжки (или колготах (в то время мужская одежда), длиной до колен) – 1. брюки, штаны; 2. панталоны (дамские) уст.; 3. театр. декорация, создающая перспективу на сцене (из открытого окна, двери); 4. аэрон. колесные штаны (профилированный обтекатель, окружающий колесо и ногу шасси самолета, когда они не убираются. (Dict. XIXe et XXes.)); 5. хореогр. первая фигура французской кадрили.

2.4. Оружие

Browning (1902 от фамилии англо-американского изобретателя Browning/Браунинга. Понятие сначала выражалось в виде словосочетания Browning revolver «револьвер (пистолет) Браунинга» – браунинг (автоматический пистолет с магазином 7,65 мм).

2.5. Награда

César (1921 от фамилии скульптора César/Сезара, создавшего статуэтку, прилагаемую к награде) – «Сезар» (ежегодная французская премия в области киноискусства), аналог американскому Оскару.

2.6. Еда, напитки

Chateaubriant (chateaubriand: от фамилии писателя Chateaubriand/Шатобриана, кухарка которого изобрела этот рецепт или от названия города Châteaubriant/Шатобриан) – кул. бифштекс в два пальца, жареная филейная говядина с картофельным суфле с яично-масляным беарнским соусом (от топонима Беарн) или шато; шатобриан. Предпочитают писать по орфографии фамилии писателя, кратко в разговорной речи с 1883 года употребляется: château.

3. Имя лица – действие

Turlupiner (от прозвища персонажа фарса Turlupin/Тюрлюпен) – 1. уст. смеяться над кем-либо, высмеивать кого-либо; зубоскалить; 2. разг. беспокоить; мучить, донимать, изводить: cette question me turlupine — этот во-

прос не даёт мне покоя; 3. уст. разг. отпускать плоские остроты; шутить; разыгрывать.

4. Имя лица – признак

Pantagruélique (от имени Pantagruel/Пантагрюэль, гигантского персонажа Рабле) – 1. пантагрюэлевский; прожорливый; чревоугоднический; 2. обильный (о еде): appétit pantagruélique – гигантский аппетит.

5. Имя лица – понятие

5.1. Литературный термин (лингвистика)

Janotisme (конец XVII века, от имени персонажа комического театра Janot/Жано (диминютив от Jean/Жан)) – уст. жанотизм, неправильное построение фразы, ведущее к двусмысленности: c'est la voiture de ma grand-mère qui est morte – машина (двигатель) моей бабушки умер.

5.2. Болезнь

Maladie d'Alzheimer (в честь немецкого психиатра Алоиса Альцгеймера (1864–1915), который впервые описал это заболевание в начале XX века) – болезнь Альцгеймера (синдром Альцгеймера, склероз Альцгеймера, деменция Альцгеймера, пресенильная деменция) форма несильной деменции старческого слабоумия.

5.3. Доктрина

Malékisme (1911 год, от имени собственного Малик ибн Анас (Malek ibn Anas), известного исламского ученого и основателя маликитской школы фикха (исламского права). Маликитская школа вдохновлена обычаями города Медины и является одной из четырех основных суннитских школ исламского права и широко распространена в Северной Африке, особенно в Марокко) – рел. малекизм (направление в исламе).

6. Имя лица – деятельность

6.1. Технологический процесс

Appertisation (1928 от фамилии французского изобретателя процесса N. Appert/Н. Аппер) – 1. тех. аппертизация (консервирование пищевых продуктов методом тепловой стерилизации в герметической таре); 2. неол. общ. аппертизация (метод консервирования пищевых продуктов).

6.2. Конкретное действие

Smurf (1983 от имени персонажа комиксов Schtroumpf/Смурф (слово придумано франкоязычным бельгийским художником П. Кюллифором (псевдоним Пейо), создателем комиксов о Смурфиках (от авторского неологизма-окказионализма «schtroumpf»/ язык штрумпфов, смурфов). «Легенда о возникновении слова и затем единственной производной морфемы искусственного языка синих человечков сообщает, что «schtroumpf» было выдумано Кюллифором как подлинное слово-заменитель в бытовой ситуации приятельского застольного общения. Кюллифор забыл, как по-фламандски соль, и попросил передать ему «этот schtroumpf»» [4, с. 391]) – 1. смерф, вид танца, характеризующийся синкопированными, волнообразными движениями, напоминающими движения робота или мима; 2. музыка диско, характеризующаяся отрывистым использованием перкуссии, особенно электронной, под которую люди танцуют с деконструированными движениями, имитируя роботов или выполняя акробатические фигуры.

7. Имя лица – вещество (вид материи)

Bakélite (1907 г. зарегистрированный товарный знак по фамилии изобретателя, американский инженера-химика бельгийского происхождения L. Baekeland/Бакеланда) – тех. бакелит (фенолформальдегидная искусственная нерастворимая смола, имитирующая янтарь)

8. Имя лица – животный мир

Acidalie (от латинского слова Acidalia/Ацидалия, прозвище героини мифов Vénus/Венеры) – зоол., энт. вид пяденицы (маленькая ночная бабочка с крыльями не ярких цветов, распространенная во Франции)

9. Имя лица – растительный мир

Louise-bonne (от имени Louise/Луиза и прилагательного женского рода bonne/хорошая от формы мужского рода bon/хороший, возможно, в честь дамы из Пуату, которая особенно любила этот фрукт) – сорт груши (осенняя сочная груша).

В данной выше классификации примеры лексикализованных антропонимов, которые представляют собой имена нарицательные, классифицированные в соответствии с типом объекта действительности, ориентируясь на такие его общие параметры, как конкретный/абстрактный. Среди отантронипонимических лексем присутствуют не только простые по форме слова, но и сложные, юкстапозитивные, сформированные посредством словосложения [9]. Во втором случае мотив наименования познается не только имплицитным анализом значения, но и эксплицитным: Louise-bonne – от имени Louise/Луиза и прилагательного женского рода bonne/хорошая от формы мужского рода bon/хороший. Может иметь место и другой процесс, направленный в сторону упрощения формы слова, аббревиация: BT.

В случае широкой адаптации этносом лексики, образованной от антропонима, возможна дальнейшая эволюция значения. Таким образом, словарный состав языка пополняется многозначными лексемами: berthe и появляются новые термины и неологизмы: appertisation. Развиваются функционально-стилистические возможности языка: gavroche. Количество омонимов увеличивается [Словари на академике]: césar: I. ист. кесарь, цезарь; государь; II. «Сезар» (ежегодная французская премия в области киноискусства). Уточняется гипер-гипонимическая иерархия: table/стол – gueridon (guérilon)/стол на одной ножке – guéridon de lit/мед. надкроватный столик – guéridon démontable pour instruments/мед. инструментальный разборный столик – guéridon roulant/мед. манипуляционный передвижной столик [10].

Следующие образования, представляющие достаточно большой пласт выражений словарного состава языка, являются паремии (hello, Charlot! – разг. Привет!) и фразеологизмы (avoir un air gavroche — иметь

задорный вид; faire figaro – арго кобениться, ломаться; не брать чаевых; faire Gille – уст. удирать, удариться в бега). Такие устойчивые выражения, образованные посредством различных стилистических трансформаций имени собственного (метафоры, метонимии, аллюзии и др.), имеют одно общее свойство – полная потеря его проприальной функции.

Результаты лексикализации могут быть различной степени, в зависимости от меры потери связи нового знаменательного слова с исходным значением имени собственного: полная: слабая связь или ее отсутствие (бойкот/ boycottage: сейчас люди, используя это слово просто имеют в виду определенное поведение, без осознания связи с конкретной исторической личностью) или частичная: сильная связь (вольтерьянство/voltairianisme: используемое для обозначения скептического, критического подхода к религии и традиционным нормам, но при этом остается связанным с фамилией философа (Вольтера), с его личностью и мировоззрением). Таким образом, чем больше разрыв с исходным именем собственным, тем выше степень лексикализации.

Выводы

Резюмируя проведенный анализ, можно заключить, что лексикализация (антропонимов) – это процесс образования нового знаменательного слова или устойчивого выражения с компонентом антропонимом или отантропонимной лексемы, которые могут быть закреплены в словаре или нет, обусловленный трансформациями различного типа, а именно семантическими, функциональными и морфологическими в определенный период времени (как с точки зрения диахронического, так и синхронического аспекта). Данный процесс основан на социолингвистических, культурологических и когнитивных особенностях анализируемого этноса. Следовательно, механизмы появления лексикализованных антропонимов осуществляются благодаря лингвистическим и экстралингвистическим факторам.

Благодаря подобным трансформациям, лексикализованные антропонимы могут служить символами культурной идентичности или исторических событий и использоваться для передачи культурных ценностей и норм, в том числе как компоненты паремий и фразеологизмов. В этой связи интересны разработки степени лексикализации методом корпусного анализа, опросов носителей языка и историко-этимологического исследования словарных лексических единиц данного типа, детальная интерпретация которых предлагается в качестве перспективы настоящей работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнян А. Понятие «эпоним» в современной лингвистике: динамика концептов и дефиниций / А. Арутюнян, А. Сантоян, М. Калашян // Научные ведомости Ванадзорского Государственного Университета. Гуманитарные и общественные науки. – 2024. – № 1. – С. 19–34. – DOI 10.58726/27382915-2024.1–19. – EDN UWGFVL.
2. Бондалетов В.Д. Русская ономастика: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» / В.Д. Бондалетов. – Москва: Просвещение, 1983. – 224 с.
3. Карпенко Е.И. Антропоним как социокультурная модель / Е.И. Карпенко, Ю.И. Годяева // Когнитивные исследования языка. – 2021. – № 1(44). – С. 312–324. – EDN LNMYCP.
4. Козлов Е.В., Страмной А.В. Неология и девятое искусство // МНКО. 2015. №2 (51). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/neologiya-i-devyatoe-iskusstvo (дата обращения: 30.03.2025).
5. Косова О.А. Новейшие деонимы как маркер общности всей языковой системы / О.А. Косова // Филологические открытия: сборник научных статей участников VIII Международной научно-методической конференции, Владивосток, 28 мая 2021 года. – Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2021. – С. 37–42. – EDN UQXQXB.
6. Крючкова А.Е. Переход исторического имени собственного лица в имя нарицательное / А.Е. Крючкова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 65. – С. 134–138.
7. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова / Е.С. Кубрякова. – Москва: Наука, 1981. – 200 с.
8. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1991. – 258 с.
9. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. Изд. 2-е, перераб. и доп. / А.В. Суперанская. — М.: Наука, 1978. — 192 с. — ISBN 5-256-00317-8
10. Словари на Академике URL: https://dic.academic.ru/
11. Словарь иностранных слов [Текст]: с приложениями таблиц и грамматики, сост. проф. Н.В. Юшмановым / ред. Ф.Н. Петров. - 2-е изд. - М.: ОГИЗ, 1942. – 831 с.
12. Спиридонов Д.В. Имя собственное на пути лексикализации: фр. mentor, messaline, égérie // Изучение иностранных языков и литератур: теория, история, практика: сб. науч. трудов / под ред. О.Г. Сидоровой, Л.А. Назаровой. – Екатеринбург: Изд-во «Ажур», 2014. – С. 97–105.
13. Суперанская А.В. Антропонимика: проблемы и перспективы / А.В. Суперанская. – Москва: Наука, 1986. – 150 с.
14. Усова Н.В. Фразеологическое использование онимной лексики немецкого языка для обозначения глупости / Н.В. Усова // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica. – 2023. – Т. 19, № 1(59). – С. 5–14. – EDN ILVLEK.
15. Bauer L. English Word-Formation / L. Bauer. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983. – 311 с.

16. Dauzat A. Les noms de personnes: origine et évolution. Prénoms. Noms de famille. Surnoms. Pseudonymes / A. Dauzat. – Paris: Librairie Delagrave, 1925. – 200 c.
17. Moréri L. (1740). Le grand dictionnaire historique ou le mélange curieux de l'histoire sacrée et profane... [The great historical dictionary or the curious mixture of sacred and profane history...]. (Vol. 6). https://archive.org/details/bub_gb_6vZLM91Ld1MC/page/n501/mode/2up
18. Shustova I.N. Word-building potential of the anthroponym "Merkel" in the German mediapolitical discourse / I.N. Shustova, T.I. Litvinova // Russian Linguistic Bulletin. – 2022. – No. 6(34). – DOI 10.18454/RULB.2022.34.15. – EDN OEHRGJ.
19. Van Langendonck, W. Theory and Typology of Proper Names / W. Van Langendonck. – Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2007. – 360 c.

© Лупина Анна Евгеньевна (lupina_anna@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.05–2.23

ИНВЕРСИЯ КАК СРЕДСТВО ЭКСПРЕССИВНОГО СИНТАКСИСА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

Медведева Юлия Ивановна
Старший преподаватель, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, (г. Москва)
Tea4english@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена изучению роли инверсии в создании таких факторов выразительности текста, как интенсивность и ритм. В связи с этим, описывается функция инверсии в актуальном членении предложения, а именно постановка как логического, так и эмфатического ударения. Приводятся модели инвертированных конструкций с экспрессивным компонентом в английском языке. Устанавливается, что, с одной стороны, представляя собой сбой синтаксического оберритма, инверсия создаёт экспрессивную аномалию в ритмически равномерно организованном тексте, с другой стороны, конструкция открывает возможности для создания особого речевого ритма на уровне предложения. Также в статье отмечается влияние стилистической инверсии на создание образности художественного текста.

Ключевые слова: экспрессивный синтаксис, инверсия, актуальное членение предложения, эмфатическое ударение, интенсивность, ритм, синтаксический оберритм.

INVERSION AS A MEANS OF EXPRESSIVE SYNTAX (BASED ON THE MATERIAL OF ENGLISH FICTION)

Yu. Medvedeva

Summary: The article studies the role of inversion in the creation of such factors of text expressiveness as intensity and rhythm. In this regard, the function of inversion in the actual division of a sentence which is putting both logical and emphatic stress is described. The models of inverted constructions with an expressive component in the English language are outlined. It is stated in the paper that by breaking the syntactic overrhythm inversion creates an expressive anomaly in a rhythmically evenly organized text, on the one hand, and provides opportunities for creating a special speech rhythm at the level of sentence, on the other hand. The article also mentions the influence of stylistic inversion on the creation of imagery in a literary text.

Keywords: expressive syntax, inversion, actual division of a sentence, emphatic stress, intensity, rhythm, syntactic overrythm.

Синтаксис имеет особую значимость в общей системе экспрессивных средств, поскольку именно он обеспечивает переход от языка к речи, вводя языковые элементы в общение, в дискурс. Для достижения экспрессивного эффекта недостаточно отбора соответствующего лексического материала, необходимо такое установление связи между словами и группами слов, которое соответствует коммуникативной задаче речевого произведения [5]. Фонетические средства, которые являются главным способом выражения и порождения эмоций в устной речи, в письменной речи отходят на второй план, уступая место синтаксическим конструкциям, что определяет актуальность данного исследования.

Целью настоящей работы является установление роли инверсии как средства экспрессивного синтаксиса в создании выразительности и эмоциональной насыщенности художественного текста. В связи с этим ставятся следующие задачи: определение функции инверсии в актуальном членении предложения; выявление структурных моделей инвертированных конструкций; определение роли инверсии в создании интенсивности и ритма как факторов выразительности художественного текста, а также в создании образности художественного текста.

1. Функция инверсии в актуальном членении предложения

В соответствии с основными положениями теории актуального членения предложения, современная грамматика изучает особенности построения пропозему в сопоставлении синтаксической конструкции и передаваемого в ней реального смысла, согласно коммуникативному намерению субъекта речи. Актуальное членение разделяет предложение на два информационных компонента: тему (информация, известная до начала коммуникации обоим коммуникантам и являющаяся предметом сообщения) и рему (актуальная информация, то новое, для чего осуществляется коммуникация) [2].

«Сопоставление номинативно-предикативного и актуального членения предложения показывает, что рематическую, информацию может выражать практически любой член предложения» [2, с. 41]. При языковой репрезентации ни тема, ни рема не имеют собственных закреплённых за ними способов выражения, хотя в английском языке признаками темы могут являться употребление определенного артикля, указательных и притяжательных местоимений, в то время как рематическим компонентам сопутствует употребление других типов местоимений, неопределённого артикля, отрицание.

Основными же средствами актуального членения предложения выступают интонация (являющаяся прерогативой устного текста), с помощью которой ставится логическое, или рематическое, ударение, и порядок слов, передающий логическое ударение в письменных текстах. В английском языке «ядерное предложение» представляет собой структуру с фиксированным порядком членов предложения S – P – O (Subject – Predicate – Object). В нейтральном, неэмфатическом предложении, синтаксическая организация которого соответствует норме, как правило, тема вводится в начале предложения, далее следует рема. Нарушение обычного порядка следования членов предложения, не обусловленное грамматическими факторами, называется стилистической инверсией (emphatic inversion) и свидетельствует об особой темарематической организации предложения. Кроме того, члены предложения, занимающие нетипичное для них место, как правило, принимают не только логическое (рематическое) ударение, но и эмфатически выделяются, что обусловливает экспрессивный эффект инверсии.

2. Модели инвертированных конструкций в английском языке

Итак, «инверсия есть необычный для данного типа предложения порядок слов, выражающийся в перестановке какого-либо члена предложения по отношению к тому члену, от которого данный непосредственно зависит» [1, с. 86]. Выделяются следующие модификации:

1. Препозиция сказуемого относительно подлежащего.

1.1. Предшествование обстоятельства и сказуемого подлежащему: "*Behind its crenellations lay* the city in the dread grip of the pestilence" [11, p. 111].

1.2. Предшествование сказуемого подлежащему, выраженному местоимением, в словах автора после прямой речи: "I will come tomorrow", *said* he" [Цит по: 7, p. 143]. Как утверждает Б.М. Чарлстон, такая инверсия придаёт тону живости, бодрости или задорности [Ibid.].

1.3. Передвижение основного глагола (с прямым дополнением) в препозицию относительно подлежащего и модального глагола: "He was weak if he loved her, and she felt that *love her* he must" [11, p. 100].

1.4. Частичная инверсия с препозицией вспомогательного глагола относительно подлежащего в определённых грамматических конструкциях (грамматическая инверсия, придающая высказыванию эмфатический характер [3]):

- в структуре *no sooner… than,* или *scarcely/hardly…when:* "*No sooner had* the guest paid the usual stale compliments and bowed himself out, than Jenny, under pretense of asking an important question, informed Mr. Davis, the teacher, that Amy March had pickled limes in her desk" [6, p. 94];
- когда отрицательное (negative) или сужающее (restrictive) обстоятельство находится в начале предложения (*never, little, in vain, hardly, nowhere, only*): "*Only then will* you be able to comprehend what is written here at length" [8, p. 121]; "*To Jo alone did* the shy child tell her thoughts…" [6, p. 59];
- в сложноподчинённом предложении, когда обстоятельство манеры действия с усилителем *so* находится в начале главного предложения, а придаточное предложение свидетельствует о результате: "*So busy was* she on this day that she did not hear Laurie's ring nor see his face peeping in at her" [Ibid., p. 262];
- когда объект, выраженный комбинациями *many a + noun; not a + noun,* находится в начале предложения: "*Not a single word did* I say to him, and he walked by my side silently" [10, p. 80].

2. Предшествование предикатива, выраженного существительным или прилагательным, подлежащему и вспомогательному глаголу: "*A poor, bare, miserable room* it was, with broken windows, no fire, ragged bedclothes…" [6, p. 25]; "Oh, *the fool* she had been!" [11, p. 180]. Отдельным случаем данного типа инверсии является начальная позиция предикатива, за которым следует союз *as*, в придаточном предложении уступки: "*Simple and quite well-cut as was* her dress, it didn't hide the fact that her figure was beautiful" [10, p. 28].

3. Изменение позиции обстоятельства:
   - перемещение в начало предложения: "At last, the right hand rose exultant. *In it,* there was a spoon" [8, p. 55];
   - перемещение в середину или в конец предложения обстоятельств неопределённого времени (*never, always*), употребляемых обычно между подлежащим и сказуемым: "He talked to her *always* quite casually, of trifling things, as though they were friendly acquaintances" [11, p. 147].

4. Перемещение прямого дополнения на первое место: "*Long, quiet days* she spent, not lonely nor idle, for her little world was peopled with imaginary friends, and she was by nature a busy bee" [6, p. 56].

5. Постпозиция определения относительно определяемого, особенно в сочетании с перечислением: "The presenter sat smiling in this lively cage of lions: *helpless, excited, glad things were getting more relaxed*" [9, p. 303].

6. Предшествование придаточного предложения главному: "*That he was a fanatic,* there could be no doubt – and fanatics always claim their victims" [8, p. 128]. Изъяснительные придаточные предложения приобретают статус подлежащего, тогда как в неэмфатической речи используется формальное подлежащее *it*: "*That his name was Otto, given his occupation,* had delighted Sybil" [Ibid, p. 120].

3. Роль инверсии в создании выразительности и образности художественного текста

Со стилистической точки зрения инверсия как приём представляет огромный интерес для лингвистов, и это неудивительно, ведь другое название инверсии – эмоциональный, аффективный порядок слов. Так, при сравнении предложения "*Splendid*, I thought it was" [Ibid, p. 50] с его стандартным аналогом "I thought it was splendid", становится понятно, что в обоих случаях информационным ядром (ремой) является предикатив с оценочной семантикой. Однако, в инвертированной конструкции данный компонент (собственно оценка) получает эмфатическое ударение за счёт необычного расположения в начале предложения. Кроме того, предшествование ремы теме является более экспрессивным вариантом построения высказывания. Согласно Т.Н. Синеоковой, этот феномен является отражением психологической тенденции в первую очередь называть то, что больше всего волнует говорящего, находящегося под воздействием эмоций, с последующим уточнением сказанного [4].

Однако, наиболее значимыми, притягивающими ударение местами в предложении считаются не только первое, но и последнее в связи с тем, что после него следует пауза. Именно поэтому механизм инверсии предусматривает размещение элементов, нормально не занимавших такого положения и подлежащих ударению, в эти части, что придаёт высказыванию выразительность и дополнительную эмоциональную окраску, отражая авторский замысел. Этот эффект создаётся за счёт достижения основной цели использования стилистической инверсии – придания логического и эмфатического ударения инвертированному компоненту, усиления его значения, иными словами создания интенсивности высказывания.

Рассмотрим примеры:

1. "He was weak if he loved her, and she felt that *love her* he must" [11, p. 100]. В результате такой аномалии ставится ударение на обоих глаголах, как основном *love*, помещённом в начало придаточного предложения, так и вспомогательном *must*, оказавшемся в конце. Обоим придаётся дополнительное значение, создаётся особая актуализация и интенсификация их значений.
2. "Then came *the grand effect of the play*" [6, p. 30]. При размещении подлежащего в конце предложения подлежащее становится рематическим и интенсифицируется. Тогда как реципиент ожидает название субъекта в начале, создаётся определённое напряжённое ожидание, что производит эмоциональный эффект.

В вопросительных предложениях инвертированный порядок слов является грамматической нормой, но и эта норма может быть, в свою очередь нарушена: экспрессивный вопрос может быть задан с прямым порядком слов. Пример такого вопроса в фрагменте "Give me some sign. Can you understand me?" Nothing. "Can you hear me?" One hand reached for the other. "*You can* hear me?" [8, p. 91] указывает на дополнительные иллокутивные цели высказывания, такие как выражение надежды на положительный ответ и эмоциональной взволнованности героя.

Последний пример представляет интерес также с точки зрения построения ритма как фактора выразительности текста. Известно, что ритм характеризуется регулярным повторением сходных и соизмеримых речевых единиц, выполняющим в том числе экспрессивную и эстетическую функции. Ритмообразующие средства есть на любом уровне, начиная с фонологического и заканчивая уровнем текста. Так, равномерный синтаксический оберритм создаётся за счёт повторяемости предложений с традиционным порядком слов (в примере, в частности, повторение вопросительных предложений *Can you understand me? Can you hear me?)*. Нарушение равномерного оберритма за счёт инверсии (*You can hear me?)* является экспрессивной аномалией, привлекающей к себе внимание. Таким образом, в результате функционального сбоя создаётся неравномерный (эмфатический) синтаксический оберритм, выполняющий эмоционально-экспрессивную функцию.

Согласно Г.Н. Гумовской, экспрессивный потенциал функционального ритмического сбоя заключается в том, что, нарушая размеренность следования однотипных ритмических единиц, он порождает столкновение смыслов и нарушает при этом автоматизм восприятия речи. «Это создаёт впечатление необычности, неожиданности и непредсказуемости. Происходит сопротивление восприятию высказывания, а преодоление этого сопротивления требует усилий со стороны коммуниканта, чем повышается сила экспрессивного воздействия на него» [1, с. 66].

Рассмотрим другой пример: "*Desire not to desire,* it teaches, and leave all things to take their course" [11, p. 230]. Здесь порядок слов нарушается не только с позиций положения дополнения в предложении, но и с позиций расположения однородных членов предложения, которые обычно следуют друг за другом. В этом случае схема предложения такова: O – S – P – O. Однородные дополнения оказываются разделёнными, при этом, одно из них занимает не свойственное дополнению место в предложении – начальное. Это создаёт неравномерный, эмфатический оберритм. С другой стороны, нельзя не отметить, что такое расположение дополнений в предложении создаёт своего рода синтаксическую рамку, что вносит определённый ритм и гармонию в структуру высказывания и свидетельствует о потенциале создания определённого речевого ритма на уровне предложения благодаря инверсии.

Похожий эффект наблюдается в другом примере "He

was weak if he loved her, and she felt that *love her he must*" [Ibid., p. 100], где придаточное предложение обрамляется составными частями сказуемого. А в предложении "Here was the East, *immemorial, dark, and inscrutable*" [Ibid., p. 198] постпозиция определения в сочетании с перечислением интонационно делит высказывание на две части, организует его ритмически и придаёт торжественный, приподнятый характер. Стоит отметить также влияние такой конструкции на создаваемый эпитетами образ, ведь инверсия, в первую очередь, является средством активизации семантики предложения.

Таким образом, будучи синтаксическим выразительным средством, определяя структуру и форму высказывания, инверсия участвует в создании образности. Разберём отрывок: " <…> Mr Snodgrass rose to make a proposition. "Mr President and gentlemen," he began, assuming a parliamentary attitude and tone, "I wish to propose the admission of a new member <…> "I'm afraid he'll laugh at our paper, and make fun of us afterward," observed Pickwick, pulling the little curve on her forehead, as she always did when doubtful. *Up* rose Snodgrass, *very much in earnest*" [6, p. 141]. Если в начале отрывка стандартные повествовательные предложения соответствуют планомерному ходу событий и размеренным действиям героя, то в конце благодаря инверсии и тому, что эмфатически выделены обстоятельство и обстоятельственное определение, создаётся впечатление резкости движений героя, передаётся его эмоциональная реакция, в целом, создаётся живой и динамичный образ.

Итак, в результате проведённого исследования, были сделаны следующие выводы. Инверсия как средство экспрессивного синтаксиса имеет первостепенное значение в создании интенсивности (эмфазы) как фактора выразительности художественного текста за счёт необычной тема-рематической организации предложения и соответствующего авторскому замыслу эмфатического выделения определённых частей. С точки зрения ритма текста, инверсия имеет особое значение: поскольку конструкция характеризуется функциональным сбоем синтаксического оберритма, то в рамках ритмически равномерно организованной структуры текста это является экспрессивной аномалией и приводит к деавтоматизации восприятия реципиентом текста, акцентированию его внимания на том, что вызвало сбой, а именно на смысловом наполнении синтаксического приёма. Благодаря подобному привлечению внимания к эмоционально окрашенным лексемам, оценочным словам, тропам, обстоятельствам манеры действия и т.д. инверсия участвует в создании образности текста, хотя её роль является вторичной по отношению к лексическим средствам. С другой стороны, инверсия способствует построению особого ритма на уровне пропоземы, например, за счёт создания рамочной конструкции. Таким образом, в художественном тексте стилистическая инверсия выполняет как экспрессивную, так и эстетическую функции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумовская Г.Н. Ритм как фактор выразительности художественного текста. М: Прометей, 1998. – 134 с.
2. Кваскова Л.В. Основы функциональной грамматики: коммуникативно-прагматический аспект: Монография. – М: МПГУ, 2016. – 160 с.
3. Комягина О.В., Карпова А.В. Особенности употребления грамматической инверсии в современном английском языке // Филологический аспект. 2018. № 6 (38).
4. Синеокова Т.Н. Парадигматика эмоционального синтаксиса: Монография. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2003. – 244 с.
5. Шипова И.А. Эмоциональный синтаксис в немецкоязычном художественном дискурсе. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. М., 2005. – 231 с.
6. Alcott L.M. Little women. London: Collector's Library, 2004. – 327 p.
7. Charleston B.M. Studies on the emotional and affective means of expression in modern English. Bern, 1960.
8. Findley T. Pilgrim. London: Faber and Faber, 2000. – 486 p.
9. Jones G. Bold as love. London: Gollancz, 2002. – 403 p.
10. Maugham W.S. The moon and sixpence. Short stories. M.: Менеджер, 1999. – 320 с.
11. Maugham W.S. The painted veil. Киев: Знания, 1999. – 287 с.

© Медведева Юлия Ивановна (Tea4english@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.05–2.25

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ПТИЦ В РУССКОЙ И ВЬЕТНАМСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Нго Суан Биен
Институт иностранных языков при Хюэском университете
(Вьетнам, г. Хюэ)
ngoxuanbien1790394@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается символический образ птиц в русской и вьетнамской лингвокультурах. Исследование направлено на выявление сходств и различий в восприятии и символическом значении птиц в языке и культуре двух народов. Описание включает как традиционные представления о птицах, так и их роль в фольклоре, религиозных верованиях и языке. Особое внимание уделяется таким птицам, как сова, орел, голубь в русской культуре и птицы, как журавль, ласточка, павлин в вьетнамской культуре. В статье приводятся примеры устойчивых выражений, пословиц и поговорок, где птицы играют важную роль. Исследуется, как символика птиц отражает мировоззрение, ценности и традиции каждого народа. Работа основывается на методах лексического анализа, сравнительного и культурологического подходов, а также на материалах фольклора и литературы. Результаты исследования позволяют глубже понять роль символических образов в языке и культуре, а также расширить представление о взаимосвязи языка и мировоззрения.

Ключевые слова: символика птиц, русская культура, вьетнамская культура, язык и культура, фольклор, религиозные символы, устойчивые выражения.

THE SYMBOLIC IMAGE OF BIRDS IN RUSSIAN AND VIETNAMESE LINGVOCULTURES

Ngo Xuan Bien

Summary: This article examines the symbolic image of birds in Russian and Vietnamese lingvocultures. The study aims to identify the similarities and differences in the perception and symbolic significance of birds in the language and culture of the two peoples. The description includes both traditional representations of birds and their role in folklore, religious beliefs, and language. Special attention is given to birds such as the owl, eagle, and pigeon in Russian culture, and the crane, swallow, and peacock in Vietnamese culture. The article provides examples of fixed expressions, proverbs, and sayings where birds play an important role. It explores how the symbolism of birds reflects the worldview, values, and traditions of each people. The work is based on methods of lexical analysis, comparative and cultural approaches, as well as materials from folklore and literature. The results of the study allow for a deeper understanding of the role of symbolic images in language and culture, as well as expanding the understanding of the relationship between language and worldview.

Keywords: bird symbolism, Russian culture, Vietnamese culture, language and culture, folklore, religious symbols, fixed expressions.

Символика птиц в языках и культурах является важной частью народного творчества и имеет большое значение в разных культурных контекстах. В частности, образы птиц в русской и вьетнамской лингвокультурах играют важную роль в формировании мировоззрения и ценностей народов. В обеих культурах птицы олицетворяют не только природные явления, но и духовные и моральные идеи. Изучение этих образов поможет глубже понять связь языка и культуры, а также выявить особенности символического восприятия птиц в разных лингвокультурах.

Символ — это элемент, который в языке и культуре несет более глубокие значения, чем его буквальный смысл. Согласно Юрию Лотману, символы играют важную роль в коммуникации и в построении культурных кодов, выражая идеи, которые невозможно передать прямым способом. Лотман отмечает, что символика в культуре всегда тесно связана с системой знаков, где каждый символ раскрывает определенные аспекты мировоззрения и идентичности народа [Лотман, 2000].

В русской культуре птицы играют важную роль в фольклоре, литературе и религиозных представлениях. Например, согласно исследованиям В. Проппа, птицы часто выступают как важные персонажи в сказках, фольклоре и мифах, символизируя идеи свободы, силы и мудрости. Образы таких птиц, как сова, орел и голубь, являются не только образами природы, но и символами, отражающими важнейшие черты русской идентичности, такие как стремление к свободе, духовное возрождение и миротворчество [Пропп, 1968].

В вьетнамской культуре птицы также занимают важное место. Например, журавль является символом долголетия и духовной чистоты, а ласточка ассоциируется с приходом весны и надеждой на будущее. В традиционном вьетнамском искусстве птицы часто изображаются в контексте богатства природы и выражают важные моральные и духовные ценности. В отличие от русской культуры, где птицы часто символизируют свободу и силу, вьетнамские образы птиц тесно связаны с природой, гармонией и внутренним миром человека [Нгуен, 2005].

1. Символика птиц в русской культуре

В русской культуре птицы часто являются не только элементами природного мира, но и носителями значи-

тельных символов, отражающих внутренние человеческие переживания и духовные ценности. Совы, орлы, голуби, ласточки и журавли — все эти птицы символизируют не только природу, но и важнейшие аспекты жизни, такие как мудрость, сила, любовь и духовная чистота.

Сова в русской культуре традиционно ассоциируется с мудростью, знанием и скрытыми истинами. Это образ, который нередко появляется в фольклоре как символ ночной тишины и мистической силы. В сказках сова часто изображается как магическое существо, которое связано с миром духов и тайными силами. Она не просто мудра, но и является стражем этих тайн. Этот символ, связанный с темной стороной ночи, перекликается с идеей внутренней философской тишины, когда мудрость и знания открываются только тем, кто готов их воспринять. В произведениях таких авторов, как А. С. Пушкин, сова также появляется как символ магического вмешательства в судьбу персонажей, как в «Руслане и Людмиле», где она помогает герою раскрыть его путь [Пропп, 1968].

Орел противопоставляется сове как символ силы и величия. Орел — это не только птица, обладающая физической мощью, но и духовным величием. В русской культуре орел ассоциируется с героизмом, свободой и независимостью. Он символизирует стремление к высшему духовному состоянию, что является основным мотивом в русской литературе и мифах. Например, в произведении Пушкина «Руслан и Людмила» орел является не просто птицей, а могучим и величественным существом, которое помогает героям преодолевать трудности. Он символизирует свободу, мужскую силу и защиту родной земли [Пропп, 1968].

В религиозной традиции орел часто изображается как небесный вестник, символизирующий высшую силу и божественное вмешательство. Его способность парить высоко в небе делает его метафорой для человеческой души, стремящейся к духовной свободе и близости к Богу. В православной традиции орел также ассоциируется с символом Бога, который поддерживает порядок на земле и защищает праведников.

Голубь — это птица, которая имеет особое значение в православной культуре как символ Святого Духа. Голубь, спускающийся с небес, олицетворяет мир, очищение и возрождение. Этот образ глубоко укоренился в христианской иконописи, где голубь является не только символом божественного вмешательства, но и благодати, которая нисходит на человека. В русской культуре голубь часто символизирует мир и чистоту, но также связан с приходом весны, когда природа возрождается после зимней тишины. В народных верованиях голубь является посланником мира и добрых вестей, олицетворяя стремление к духовному очищению и внутреннему согласию.

Ласточка в русской культуре — это символ весны, возрождения и надежды. Ласточка — одна из первых птиц, которые возвращаются в родные края с приходом весны, символизируя начало нового цикла жизни. Этот образ тесно связан с концепцией любви и преданности, поскольку ласточка всегда возвращается в одно и то же место. В народных приметах ласточка — это символ счастья и благополучия. В русском фольклоре ласточка также воспринимается как душа человека, которая возвращается на родину, чтобы найти покой и гармонию.

Журавль, в свою очередь, является символом долголетия, духовной чистоты и вечности. В русской культуре журавль ассоциируется с предками и памятью о погибших. Он становится символом воссоединения с родиной и возвращения в родные края, что особенно ярко выражается в народной песне «Журавли». В этой песне журавль символизирует тех, кто ушел, но оставил свой след в жизни и памяти народа. Также журавль в фольклоре и мифах выступает как птица, которая приносит удачу и защищает от бед, играя роль символа связи между поколениями.

Птицы в русских пословицах и поговорках

Символика птиц в русской культуре находит свое отражение не только в фольклоре и литературе, но и в пословицах и поговорках, которые передают народную мудрость и жизненные принципы. Эти краткие выражения часто играют роль моральных уроков, показывающих отношения человека с окружающим миром и его внутренние переживания.

Например, пословица «птица счастья» символизирует что-то недостижимое и желаемое, неуловимое, как идеал. В отличие от этого, выражение «как птица в клетке» символизирует ограниченность, отсутствие свободы и возможности для самовыражения. Эти пословицы передают важные жизненные уроки, где птицы часто служат метафорой для тех состояний, которые люди стремятся достичь или избегать.

Таким образом, птицы в русской культуре становятся не только символами красоты и силы, но и выражают философию народа о свободе, борьбе и гармонии. Эти образы оживляют народные поговорки и проникают в повседневное сознание, оставляя яркий след в памяти и языке.

Птицы в религиозных представлениях

Особое внимание в русском контексте заслуживает символика птиц в религиозной традиции. В православной вере птицы, особенно голубь и орел, становятся важными символами божественного вмешательства и духовной силы. Голубь, как символ Святого Духа, играет

ключевую роль в православной иконографии и богослужении, олицетворяя мир и благодать. Он также ассоциируется с очищением, возрождением и теми трансцендентальными переживаниями, которые сопровождают человека на пути к божественному.

Орел, с другой стороны, является символом божественного могущества и высоты духа. Он часто изображается в контексте божественного царства и служит символом возвышения души, которая стремится к духовной целостности и вечному союзу с Богом.

2. Символика птиц в вьетнамской культуре

Как и в русской культуре, вьетнамская культура также насыщена символикой птиц, которые олицетворяют различные аспекты человеческой жизни, духовности и взаимодействия с природой. Вьетнамские мифы, фольклор и религия придают особое значение птицам как носителям символических смыслов, которые варьируются от любви и гармонии до силы и бессмертия. В этом разделе мы рассмотрим наиболее яркие образы птиц в вьетнамской культуре и проанализируем их символику через мифологические, литературные и религиозные контексты.

В мифологии Вьетнама птицы часто ассоциируются с небом, духовностью и возможностью перехода в иной мир. Одна из самых известных мифологических птиц — это **Феникс** (вьетн. **Phượng hoàng**), который является символом бессмертия, возрождения и гармонии.

Феникс в вьетнамской культуре символизирует идеальные качества, такие как любовь, доброта, мир, честь и справедливость. Этот образ широко распространен в народных сказаниях, где феникс часто изображается как защитник гармонии в мире и общества. Легенды о фениксе вьетнамской мифологии часто рассказывают о его способностях возрождаться из пепла, что делает его мощным символом возрождения и непрерывности жизни. По мнению Ван Тхуй Чыонга (**Văn Thủy Chương**, 2010), этот образ феникса также отражает идею духовного возрождения, которое встречается в многих восточных философиях и культурах.

Феникс в вьетнамском фольклоре часто сопровождает **дракона** — символа императорской власти и сил природы. Вместе они олицетворяют два противоположных начала, которые, несмотря на свою противоположность, способны существовать в гармонии. Этот образ встречается на свадебных церемониях и других торжествах, где **Phượng hoàng (Феникс)** и **rồng** (дракон) символизируют идеальные отношения и любовь. Примером служит традиционный вьетнамский образ двух животных, который показывает важность гармонии в любви и жизни.

Журавль в вьетнамской культуре также занимает важное место как символ долголетия, мудрости и духовной чистоты. Этот образ распространен не только в фольклоре, но и в китайской культуре, откуда он пришел в Вьетнам. Журавль ассоциируется с бессмертием, поскольку по вьетнамским поверьям, журавль может лететь на бессмертные острова, символизируя стремление к вечности и духовному просветлению. В вьетнамских легендах журавль часто изображается как посланник неба, который приносит благословение и удачу [Тран Тхи Лей, 2005].

Ласточка в вьетнамской культуре, как и в русской культуре, является символом весны, возвращения жизни и надежды. Этот образ вьетнамцы используют, чтобы выразить чувство радости и обновления. Ласточка считается вестницей хороших новостей и семейного счастья, символизируя не только весеннее пробуждение природы, но и внутреннее пробуждение человека к жизни и любви. В фольклоре ласточка также ассоциируется с возвращением к родным местам и стремлением к семейному счастью. Например, пословица **«Chim én bay về tổ ấm»** (Ласточка возвращается в гнездо) используется для выражения радости от возвращения домой или воссоединения с семьей [Данг Тхи Бинь, 2001].

Птицы в религиозных и философских традициях Вьетнама

Вьетнамская религия и философия также придают большое значение птицам, которые символизируют духовные и моральные принципы. Вьетнамские буддийские и даосские учения часто рассматривают птиц как символы духовного вознесения и освобождения от мирской жизни.

Крылатые существа, такие как **феникс** и **журавль**, считаются символами духовной свободы и достижения просветления. В буддизме птицы часто ассоциируются с душой человека, стремящейся к освобождению от сансары, цикла рождения и смерти. Птицы в данном контексте олицетворяют стремление человека к духовной свободе и поиску истины. В даосской философии птицы символизируют гармонию между человеком и природой, стремление к идеальному состоянию, где все живые существа находятся в единстве с миром. Согласно философии даосизма, птицы воплощают идею чистоты и созидания, когда человек находится в гармонии с природой и Вселенной [Nguyễn Đình Hùng, 2013].

Голубь, как и в других культурах, является символом мира и духовной чистоты в вьетнамской культуре. Этот образ особенно распространен в религиозных практиках, где голубь символизирует послание о мире, благодати и гармонии. В буддизме голубь может быть изображен рядом с Буддой, как символ невинности и бескорыстной

любви. В некоторых буддийских ритуалах голубь символизирует чистоту и святость духа, указывая на стремление к внутреннему очищению и гармонии с миром [Trần Văn Giáp, 2004].

Птицы в вьетнамских пословицах и поговорках

Как и в русской культуре, вьетнамские пословицы и поговорки активно используют образы птиц для выражения философских и жизненных принципов. Птицы в пословицах часто символизируют такие качества, как свободолюбие, терпение и стремление к идеалу.

Один из ярких примеров — **«Chim én bay về tổ ấm»** (Ласточка возвращается в гнездо), что символизирует стремление человека к свободе, к мечтам и целям, которые не ограничиваются пределами обыденной жизни. Эта пословица указывает на важность движения вперед, стремления к лучшему будущему и способности не останавливаться на достигнутом [Trần Hữu Quang, 2006].

«Hai con hạc đậu trên cành cây không thể sống hòa bình» (Два журавля, сидящих на одном дереве, не могут жить в мире) — еще одна вьетнамская пословица, которая указывает на сложность гармонии между противоположностями. Эта поговорка используется, чтобы подчеркнуть, что в жизни часто существуют несоответствия и трудности, которые не всегда можно преодолеть, если нет взаимопонимания и компромисса. В то же время, эта пословица напоминает о важности учета множественности точек зрения и разнообразия в отношениях [Nguyễn Hoàng Long, 2009].

Кряква или **cò vạc** — это вьетнамская птица, ассоциируемая с водоемами и сельским хозяйством. Она символизирует трудолюбие и настойчивость. В народных песнях и пословицах **cò vạc** часто изображается как птица, которая прилетает на рисовые поля, предвестник дождя и плодородия. В вьетнамской мифологии кряква также связывается с мудростью и умением преодолевать трудности. В некоторых фольклорных рассказах эта птица изображена как защитник поселений и символизирует защиту жизни и благосостояния людей. Пример вьетнамской пословицы: **«Cò vạc bay về làng»** — **«Кряква прилетает в деревню»** — используется для обозначения возвращения чего-то хорошего, предвестия удачи и процветания в обществе или семье [Trần Hữu Quang, 2006].

Ворона (quạ) в вьетнамской культуре часто рассматривается как символ предвестия, но в отличие от вороны в западной культуре, вьетнамцы не всегда воспринимают её как символ зла. Ворона ассоциируется с мудростью, а также с циклами жизни и смерти. В фольклоре она символизирует скрытые тайны, предупреждения о возможных бедах, которые могут произойти.

Особенно интересен вьетнамский миф, где ворона является помощником в поисках драгоценностей или как вестник важных событий. Ворона также связывается с заговорами и мистическими событиями, что делает её неоднозначным символом. В пословице **«Quạ đen kêu sấm»** (**Черная ворона кричит как гром**) значение которой связано с предсказанием надвигающихся бед или неизбежных событий, ворона используется как метафора для предвестника изменений [Nguyễn Đình Hùng, 2013].

Воробей (chim sẻ) в вьетнамской культуре символизирует простоту, скромность и трудолюбие. Эта маленькая птица в народных поверьях является символом домашнего уюта и вечного стремления к любви. Воробьи часто связаны с изображением простых, но стабильных отношений и жизни, наполненной радостью от простых вещей. В народных песнях и пословицах воробей изображен как верный спутник человека, который охраняет семью и приносит удачу. Пример вьетнамской пословицы: **«Chim sẻ về tổ ấm»** (**Воробей возвращается в гнездо**) — эта фраза символизирует возвращение домой, к семье и уюту. Воробей олицетворяет преданность и любовь в отношениях [Trần Văn Giáp, 2004].

Сова (chim lợn) в вьетнамской культуре часто ассоциируется с тайнами, знанием и мудростью, но также и с ночными духами и духами предков. В некоторых вьетнамских поверьях сова считается символом смерти или предвестником несчастья, особенно если её голос звучит ночью. Однако в более положительном контексте сова также олицетворяет спокойствие, тихую мудрость и способность видеть скрытое. В фольклоре и народных верованиях сова часто является связующим звеном между миром живых и миром мертвых. В вьетнамской пословице **«Chim lợn đêm khuya»** (**Сова ночью**) символизирует явление, которое приходит в темные, неведомые моменты жизни, предсказывая необходимость быть настороженным и внимательным [Nguyễn Hoàng Long, 2009].

Символика птиц играет важную роль в культурных традициях разных народов, и в этом контексте можно заметить как общие черты, так и различия между русской и вьетнамской культурами. Оба народа придают птицам глубокий духовный и философский смысл, и этот анализ позволяет выделить как сходства, так и уникальные черты в символике птиц.

Одним из наиболее заметных сходств является символика **журавля**. В обеих культурах журавль ассоциируется с долголетием, духовной чистотой и почитанием предков. Этот образ особенно важен в русской и вьетнамской народной культуре, где журавль символизирует не только память о предках, но и воссоединение с родной землёй. Вьетнамский журавль часто воспринимается как посланник небес, приносящий

благословение и удачу, что схоже с образом журавля в русской культуре, где он также выступает как символ связи между поколениями.

Другим общим элементом является **ласточка**, которая в обеих культурах служит символом весны, обновления и надежды. В русской культуре ласточка традиционно ассоциируется с приходом весны и возрождением природы, а вьетнамцы также воспринимают её как вестницу хороших новостей, семейного счастья и радости. Этот образ в обеих культурах олицетворяет стремление к внутреннему обновлению и гармонии.

Несмотря на общие элементы, существуют и заметные различия в интерпретации символики птиц в русской и вьетнамской культурах.

В русской культуре **сова** символизирует мудрость, знание и скрытые истины, часто ассоциируясь с мистикой и ночными силами. Сова в русском фольклоре является связующим звеном между миром живых и миром мёртвых, олицетворяя тёмные, но важные аспекты человеческого бытия. В то время как вьетнамская культура придает сове схожее значение, символизируя тайны и знания, она также воспринимает её как предвестника смерти или несчастья, особенно если её голос слышен ночью. Этот аспект символики совы в вьетнамской культуре указывает на более тревожное восприятие этого образа.

Ещё одно важное различие заключается в символике **феникса**. В вьетнамской культуре феникс является мощным символом бессмертия, возрождения и гармонии. Этот мифологический образ тесно связан с духовным возрождением, и часто встречается в народных сказаниях, где феникс олицетворяет идеальные качества, такие как любовь, доброта и справедливость. В русской культуре аналогичный образ отсутствует, а более выражены символы силы и величия, такие как **орёл**, который противопоставляется сове и ассоциируется с героизмом, свободой и защитой.

Заключение

В целом, символика птиц в русской и вьетнамской культурах представляет собой уникальное отражение философских и духовных ценностей, которые занимают важное место в мифологии, религии и народных верованиях обеих культур. Несмотря на различия в интерпретации некоторых образов, как, например, совы и феникса, общие черты символики птиц — такие как ассоциации с возрождением, духовной чистотой и мудростью — показывают, что обе культуры видят в птицах не только естественных существ, но и важнейших носителей духовных и философских смыслов. Сравнительный анализ символики птиц позволяет глубже понять, как различные народы воспринимают природу и её влияние на человеческую душу, а также как эти образы формируют культурные и духовные ориентиры каждого общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александр В.С. Философия символов в культуре / В.С. Александр. – СПб.: Издательство «Слово», 2008. – 278 с.
2. Гегель Г.В. Феноменология духа / Г.В. Ф. Гегель. – М.: Издательство «Мысль», 1986. – 432 с.
3. Иванов В.С. Русская мифология / В.С. Иванов. – М.: Астрель, 2003. – 315 с.
4. Леви-Стросс, К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс. – М.: Прогресс, 1973. – 342 с.
5. Михайлова А.П. Символика птиц в русском фольклоре / А.П. Михайлова. – СПб.: Восточная литература, 2010. – 260 с.
6. Пропп В.Я. Морфология сказки / В.Я. Пропп. – Л.: Наука, 1968. – 268 с.
7. Соловьев В.С. История и философия религии / В.С. Соловьев. – М.: Наука, 2002. – 320 с.
8. Тойнби А.С. Психология и философия истории / А.С. Тойнби. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 1999. – 480 с.
9. Тран Тхи Лей. The Crane in Vietnamese Culture / Тран Тхи Лей. – Ho Chi Minh City: Culture & Arts Publishing House, 2005. – 150 p.
10. Данг Тхи Бинь. Symbols of Hope in Vietnamese Folklore / Данг Тхи Бинь. – Hanoi: Vietnamese Folklore Institute, 2001. – 200 p.
11. Ван Тхуи Чонг. Phoenix in Vietnamese Mythology / Ван Тхуи Чонг. – Hanoi: Vietnam University Press, 2010. – 120 p.
12. Nguyễn Đình Hùng. The Role of Birds in Daoist Philosophy / Nguyễn Đình Hùng. – Hanoi: Vietnam Philosophy Press, 2013. – 180 p.
13. Nguyễn Hoàng Long. The Symbolism of Birds in Vietnamese Proverbs / Nguyễn Hoàng Long. – Hanoi: Vietnam Academic Press, 2009. – 160 p.
14. Nguyễn Văn Giáp. Cultural Significance of Birds in Vietnam / Nguyễn Văn Giáp. – Hanoi: Vietnam Philosophy Press, 2004. – 150 p.
15. Trần Hữu Quang. The Symbolism of Birds in Vietnamese Proverbs / Trần Hữu Quang. – Hanoi: Vietnam Philosophy Press, 2006. – 130 p.
16. Trần T. Lê. The Crane in Vietnamese Culture / Trần T. Lê. – Ho Chi Minh City: Culture & Arts Publishing House, 2005. – 150 p.
17. Trần Văn Giáp. Cultural Significance of Birds in Vietnam / Trần Văn Giáp. – Ho Chi Minh City: Modern Vietnam Publishers, 2004. – 140 p.

© Нго Суан Биен (ngoxuanbien1790394@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.05–2.27

КОГНИТИВНО-ДИНАМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОГО ПЕРЕВОДА

THE COGNITIVE DYNAMIC MODEL SEQUENTIAL TRANSFER

V. Orlova

Summary: The purpose of this article is to present a cognitive dynamic model of consecutive interpretation, developed on the basis of a similar model of simultaneous interpretation, taking into account the findings of leading researchers in the field of interpretation. Particular attention is paid to the cognitive mechanisms that take place during consecutive interpretation without the possibility of note-taking, as well as to stress factors that affect cognitive mechanisms and ways to overcome them.

Keywords: consecutive interpretation, translation model, consecutive interpretation model, cognitive dynamic model, note-taking, working memory, cognitive mechanisms, cognitive system.

Орлова Валентина Владимировна
Преподаватель, Военный университет имени князя Александра Невского, Министерства обороны Российской Федерации, (г. Москва)
v.orlova.nir@gmail.com

Аннотация: Цель данной статьи – представить когнитивно-динамическую модель последовательного перевода, разработанную на базе аналогичной модели синхронного перевода и учитывающую находки передовых исследователей в области устной переводческой деятельности. Особое внимание уделено когнитивным механизмам, возникающим в ходе последовательного перевода без возможности письменной фиксации информации, а также стресс-факторам, влияющим на когнитивные механизмы, и способы их преодоления.

Ключевые слова: последовательный перевод, модель перевода, модель последовательного перевода, когнитивно-динамическая модель, переводческая скоропись, оперативная память, когнитивные механизмы.

Введение

За последнее десятилетие произошла смена парадигмы в отношении исследователей к устному переводу: произошел перенос внимания с языкового аспекта перевода, на речемыслительный и эвристический. Сегодня лингвистов и переводоведов стали в большей мере интересовать процесс осуществления устного перевода и мыслительные операции, происходящие в сознании устных переводчиков. Данные тенденции подвигли их к разработке еще большего количества моделей перевода, но уже с акцентом на когнитивные механизмы, происходящие в мозгу устных переводчиков.

В теории языкознания моделью перевода называют процесс перевода в рамках определенной переводческой ситуации в виде ряда мыслительных операций над речевыми и языковыми единицами, выбор которых осуществляется в зависимости от языковых особенностей как исходного языка, так и языка перевода. Практика показывает, что моделирование перевода носит условный характер, поскольку переводчик может достичь функциональной цели, как следуя сразу нескольким моделям, так и без опоры на какую-либо из них. Тем не менее, согласно А.М. Тютебаевой, моделирование процесса перевода имеет теоретическую значимость, поскольку позволяет определить специфические стороны лингвистических механизмов перевода [1, с. 207]. Кроме того, согласно В.Н. Комиссарову, моделирование перевода позволяет определить динамические аспекты процесса перевода [2].

Построение модели последовательного перевода должно опираться на модели перевода в целом. Но если ранее основной подход к моделированию переводческой деятельности носил сугубо лингвистический характер, подразумевающий приобретение языковыми единицами материального воплощения в словах [3], то на сегодняшнем этапе все больший интерес исследователей привлекают когнитивные процессы и механизмы, возникающие в мозгу переводчика. Все больше исследователей [3, 4, 5, 6] выделяют когнитивную модель перевода, подразумевающую моделирование процесса перевода как процесса восприятия одного типа информации и процесса ее трансформации в другой тип.

Особое внимание когнитивным моделям перевода уделяют специалисты в области устного перевода. Так, Е.В. Аликина в описании к своей психологической модели последовательного перевода показывает, что любой вид устного перевода (последовательный перевод, синхронный перевод) подразумевает восприятие исходного текста на слух и дальнейший мыслительный процесс. Так, синхронный переводчик осуществляет перевод параллельно с прослушиванием исходного сообщения, а последовательный переводчик параллельно с прослушиванием исходного сообщения кодирует информацию. Все это, по словам автора, свидетельствует об «интенсивной включенности психических механизмов» [7].

При моделировании устной переводческой деятельности должен быть учтен и стрессогенный фактор, влияющий на психические процессы устного переводчика. Данные факторы детально исследуются в статье Д.В. Ба-

лаганова «Когнитивно-динамическая модель синхронного перевода» [8].

Анализ существующих когнитивных моделей устного перевода показывает, что в настоящее время гораздо большее внимание ученых привлекает именно синхронный перевод. Именно он считается наиболее трудоемким с точки зрения когнитивной нагрузки. Считается, что последовательный перевод в данном аспекте проще, поскольку подразумевает возможность осуществления переводческой записи, особенно если переводчик действительно профессионально владеет данным навыком. Простой поиск информации о когнитивных механизмах в ходе устного перевода в сети интернет также в подавляющем большинстве выдает результаты, касающиеся именно синхронного перевода.

Тем не менее, согласно А.С. Макаренко, у переводчика есть возможность осуществлять переводческую запись лишь в благоприятных для данного действия условиях. Одним из них автор называет спокойную обстановку. Однако, известно, что устному последовательному переводчику далеко не всегда приходится рассчитывать на комфортные условия для осуществления переводческой записи [9, с. 54]. Так, например, перевод-сопровождение, перевод в условиях боевых действий или максимальной срочности, перевод при демонстрации материалов визуального характера одновременно с речью спикера, перевод при недостаточной освещенности и при других нестандартных ситуациях может осложнять осуществление переводческой записи. Все вышеперечисленное особенно актуально в контексте устного военного перевода [10]. Более того, трудности с осуществлением переводческой записи могут быть вызваны и факторами, обозначенными И.С. Алексеевой. К ним относятся: непредсказуемость дискуссии, свободная форма ведения переговоров, возникновение конфликтных ситуаций в ходе проведения переговоров, присутствие эмоционально-окрашенной лексики и импровизации со стороны спикера, сложность донесения синтаксиса при передаче смысла манифестов и деклараций [11, с. 78].

Все вышеперечисленное не позволяет переводчику рассчитывать на запись озвучиваемой информации и обязывает его быть готовым прибегнуть к активному запоминанию в ходе последовательного перевода, что, в свою очередь, является дополнительным стресс-фактором. Таким образом, вопрос о том, какой из типов устного перевода – синхронный или последовательный – является наиболее сложным в контексте когнитивной нагрузки, является открытым.

Ввиду вышеперечисленного, нам представляется, что внимание к изучению когнитивных механизмов устного последовательного переводчика в настоящее время недостаточно.

Более того, анализ когнитивных механизмов, возникающих в мозге последовательного переводчика, важен также и в контексте поиска методов донесения максимально полного и точного смысла исходного сообщения.

Данными факторами можно определить **актуальность** настоящего исследования. **Целью** настоящего исследования является разработка когнитивно-динамической модели последовательного перевода на базе существующей аналогичной модели синхронного перевода, разработанной Д.В. Балагановым. При этом видится целесообразным разработать данную модель как для устного последовательного перевода, в котором переводчик опирается на переводческую запись, так и для последовательного перевода с опорой на использование лишь оперативной памяти. Этим можно определить **научную новизну** нашего исследования.

Когнитивное моделирование перевода

Согласно Д.Р. Рахматуллиной, когнитивный аспект перевода представляет собой гармонизацию смыслового пространства для носителей разных культур и языков за счет посредничества переводчика. По мнению автора, когнитивная модель перевода объединяет в себе три взаимосвязанные лингво-когнитивные системы: картины мира автора, переводчика и реципиента перевода, которые также включают в себя национально-когнитивные, языковые и индивидуальные картины мира [2].

Под когнитивным механизмом подразумевается «основной элемент когнитивной системы данного вида перевода, который обеспечивает ее функционирование и состоит из когнитивных структур и когнитивных операций» [12, с. 193].

А.С. Макаренко подробно анализирует существующие когнитивные (процессуальные) модели перевода, к которым относятся модели В. Вилсса, Дж. Данкса и Дж. Гриффин, Д. Кирали, модель «усилий» Д. Жиля, модель перевода как картины мира К. Кона и С. Калины, перспективно-ретроспективная модель Х. Лершера, модель с акцентом на механизм вероятностного прогнозирования Г.В. Чернова, комплексная модель синхронного перевода А.Ф. Ширяева, модель последовательного перевода Р.К. Миньяра-Белоручева. Кроме того, А.С. Макаренко предлагает свою процессуальную модель устного последовательного перевода, в которой он учитывает сознательные и бессознательные когнитивные механизмы переводчика. Он также демонстрирует, как данные механизмы отличаются при последовательном переводе с использованием переводческой скорописи и без нее [9, с. 21–58].

Стоит также обратить внимание на психологическую модель последовательного перевода, разработанную

Е.В. Аликиной, в которой анализируются психические процессы, происходящие во время последовательного перевода, с учетом фактора стресса [7]. В статье Д.В. Балаганова «Когнитивно-динамическая модель синхронного перевода» также глубоко анализируются как сами когнитивные механизмы, так и факторы, вызывающие стресс у синхронного переводчика, а также предлагаются методы его преодоления [8].

Когнитивно-динамическая модель последовательного перевода

Итак, в когнитивно-динамической модели синхронного перевода указаны следующие когнитивные механизмы:

- Восприятие и понимание информации при прослушивании исходного текста (ВиП);
- Механизм обработки информации (ОИ);
- Вероятностное прогнозирование (ВП);
- Переключение между языками (ПМЯ);
- Выбор варианта перевода (ВВП);
- Синхронизация (С).

Проанализируем данный список когнитивных механизмов относительно последовательного перевода.

В первую очередь, в процессе прослушивания фрагмента речи переводчик задействует механизм восприятия и понимания входящей информации (ВиП) (см. Рисунок 1 и Рисунок 2). В статье «Когнитивно-динамическая модель синхронного перевода» объясняется, что с помощью сопоставления отдельных фонем исходного сообщения с имеющимися в долговременной памяти переводчик выделяет отдельные смысловые структуры, определяет их значение и интенцию автора исходного сообщения. Далее переводчик накапливает информацию, чтобы понять общий замысел автора. Если оратор ускоряется либо в его речи присутствуют определенные особенности (дефекты речи, диалектические высказывания, некорректные ударения и др.), то переводчик вынужден применять различные стратегии перевода, такие как опущение, компенсация или компрессия [8, с. 138]. Очевидно, что данные стратегии могут применяться не только переводчиками-синхронистами, но и последовательными переводчиками, особенно когда уточнение информации у спикера неуместно.

В рамках данного когнитивного механизма, происходящего во время синхронного перевода, ключевым можно выделить такой фактор стресса, как лингвистический стресс-фактор, вызванный наличием в исходном сообщении терминологической лексики, аббревиатур, фразеологизмов [8, с. 138]. Необходимо отметить, что в ходе последовательного перевода есть некоторая вероятность того, что переводчик сможет прояснить для себя неясные лексические единицы в последующем контексте, что может снизить уровень его стресса. Тем не менее, нельзя забывать, что это лишь вероятность, и переводчику в любом случае необходимо всегда актуализировать свои знания для снижения вероятности столкнуться с неизвестной языковой единицей.

Следующим когнитивным механизмом в когнитивно-динамической модели синхронного перевода стоит обработка информации (ОИ). Автор отмечает, что на данном этапе происходит уточнение значения отдельных слов и словосочетаний и, соответственно, уточнение локальной интенции и общего замысла оратора [8, с. 138]. На данном этапе переводчик осуществляет кумулятивно-динамический анализ поступающей информации, который «позволяет переводчику лучше ориентироваться в тематике конкретного устного сообщения и более успешно применять те или иные стратегии». Данный анализ также позволяет осуществлять более успешно вероятностное прогнозирование поступающей информации [12, с. 83]. Схожим образом происходит обработка информации и при последовательном переводе, с тем лишь отличием, что у последовательного переводчика есть более длительный промежуток времени для осмысления полученной информации, что, соответственно, может снижать уровень его стресса, особенно в случае, если лексика в исходном сообщении (терминологические единицы, аббревиатуры, фразеологические единицы [8, с. 138]) представляет для него трудность.

Переключение между языками (ПМЯ) – следующий механизм в когнитивно-динамической модели синхронного перевода. Под переключением между языками подразумевается одновременное задействование двух языковых систем: восприятие на исходном языке и вербализация на языке перевода. Такая активная работа с двумя языковыми системами требует от переводчика-синхрониста значительных когнитивных усилий [8, с. 138]. В свою очередь, у последовательного переводчика переключение между языками может происходить иным образом. Если записи переводчика сделаны на исходном языке, то процесс чтения и вербализации записанного потребует от переводчика синхронного использования механизма переключения между языками на протяжении всего акта перевода. Когнитивная нагрузка на последовательного переводчика при этом будет схожа с когнитивной нагрузкой синхрониста, поскольку будут задействованы те же языковые системы. При использовании символьной переводческой скорописи и при фиксации информации в оперативной памяти переключение между языковыми системами происходит однократно в каждый акт перевода, поскольку декодирование образов (денотатов) может происходить моментально в необходимую языковую систему (см. Рисунок 1 и Рисунок 2).

На данном этапе отличительной особенностью последовательного перевода является наличие допол-

нительного когнитивного механизма. На стадии прослушивания исходного сообщения последовательный переводчик одновременно занимается фиксацией сути исходного сообщения, то есть ее кодированием (К) (см. Рисунок 1 и Рисунок 2). Это касается как фиксации информации посредством переводческой скорописи, так и посредством активного запоминания.

Как отмечает Е.В. Аликина, переводческая запись служит своего рода «рычагом», соединяющим обе языковые системы в единый смысловой код, и переключает внимание устного переводчика с вербально выраженных мыслей на запись [13, с. 44]. Кроме того, очевидно, что в ходе символьной записи переводчик обращается к своей долговременной памяти для припоминания знаков и алгоритмов переводческой скорописи.

Если говорить о фиксации данных посредством запоминания, то в данном механизме последовательный переводчик задействует механизмы мышления, а также вербальной (словесно-логической) и образной памяти, которая, в свою очередь, неразрывно связана с воображением, необходимым для создания хорошо запоминаемых образов происходящего в тексте исходного сообщения. Установление и запоминание таких логических связей между воображаемыми образами происходящего можно назвать ментальным кодированием.

В соответствии с концепцией, предложенной П.И. Сидоровым и А.В. Парняковым воображение представляет собой познавательный психический процесс, в ходе которого индивид создает новое представление о ситуации или предмете на основе уже существующих представлений. Воображение является аналитико-синтетической деятельностью, осуществляемой под влиянием сознательно поставленной цели или под влиянием чувств, которые на данный момент владеют человеком [14, с. 162]. Из этого описания можно сделать вывод, что воображение представляет собой мыслительную деятельность и, следовательно, должно рассматриваться как фактор, увеличивающий когнитивную нагрузку на устного последовательного переводчика. На Рисунке 2 воображение представлено в более темном цвете (сфера вокруг механизма кодирования (К)).

Важно учитывать и тот факт, что при достижении определенного уровня автоматизма навык скорописи для переводчика становится инструментом, который помогает снизить когнитивную нагрузку. Однако при фиксации информации в памяти с помощью ментального кодирования этого может не происходить. Для подтверждения или опровержения данной гипотезы требуются дальнейшие исследования.

Кроме того, стоит обратить внимание на еще один когнитивный механизм, который характерен для последовательного переводчика при фиксации информации в оперативной памяти. Речь идет о периодическом повторении (или рециркуляции) (Р) уже зафиксированных в памяти данных во время коротких пауз в речи оратора. Данная процедура должна осуществляться для более устойчивого удержания воображаемых образов в оперативной памяти переводчика до момента их вербализации.

Согласно когнитивно-динамической модели синхронного перевода, на данном этапе основным источником стресса можно считать такое явление, как межъязыковая интерференция, которая характерна как для синхронного перевода, так и для последовательного. Чтобы минимизировать влияние данного фактора, переводчику следует приложить дополнительные когнитивные усилия для поиска внутриязыковых соответствий в языке перевода [8, с. 138].

В отличие от синхронного перевода, для последовательного переводчика значительным источником стресса на данном этапе может также являться кодирование абстрактных понятий и малознакомой информации. Данный процесс может происходить медленнее, чем кодирование конкретных хорошо знакомых значений, причем как в процессе последовательного перевода с записью, так и с помощью активного запоминания.

В рамках когнитивно-динмаической модели синхронного перевода следующим когнитивным механизмом является выбор варианта перевода прослушанного и обработанного фрагмента речи спикера (ВВП). Данный механизм включает в себя проверку предполагаемого варианта перевода на соответствие сути исходного сообщения и нормам языка перевода [8, с. 138]. Важно отметить, что в ходе последовательного перевода данный процесс происходит параллельно с декодированием (извлечением) информации (ДК) либо из имеющейся переводческой записи, либо из зафиксированных в оперативной памяти образов, и вербализацией смысла на язык перевода (см. Рисунок 1 и Рисунок 2). Стоит также отметить и тот факт, что если речь идет о кодировании образами или символами (а не посредством записи слов), то, вероятно, осуществление выбора варианта перевода может и не требоваться, поскольку в таком случае переводчик кодирует набор денотатов и впоследствии озвучивает происходящее в удобной для него синтаксической форме.

В процессе как синхронного, так и последовательного перевода на текущем этапе у переводчика может возникать стресс, вызванный структурно-семантическим разрывом между исходным языком и языком перевода. Как рекомендуется в когнитивно-динамической модели синхронного перевода, для уменьшения стресса на данном этапе переводчику необходимо постоянно углублять понимание его рабочей тематики и расширять

свои фоновые знания [8, с. 139].

Согласно концепции упомянутой модели синхронного перевода, в процессе его осуществления принимают постоянное участие такие механизмы, как синхронизация и вероятностное прогнозирование [8, с. 139]. Но если в синхронном переводе происходит синхронизация таких механизмов, как восприятие информации, переключение между языками и вербализация на языке перевода, то при последовательном переводе происходит синхронизация таких механизмов, как восприятие информации и ее фиксация (кодирование) или декодирование и вербализация данных на языке перевода. Можно предположить, что при последовательном переводе количество задействованных когнитивных механизмов может быть меньше, что, соответственно, дает и меньшую когнитивную нагрузку. Кроме того, нельзя забывать и о том факте, что современная система образования в принципе обучает навыку фиксации информации при параллельном прослушивании (например, конспектирование во время лекции) или вербализации данных при опоре на текст (например, пересказ или реферирование). Очевидно, что достигшим автоматизма в данных действиях значительно проще осуществлять одновременную письменную фиксацию информации при последовательном переводе, чем переводить синхронно, чего не скажешь о кодировании информации посредством активного запоминания.

Вероятностное прогнозирование, предполагающее выдвижение гипотез о еще не полученных данных на основе лингвистического и экстралингвистического контекста, играет важную роль среди когнитивных механизмов последовательного переводчика. Однако, в отличие от синхронного перевода, данный механизм не осуществляется непосредственно во время перевода. В последовательном переводе вероятностное прогнозирование происходит параллельно с механизмом восприятия, понимания, обработки, фиксации и кодирования информации.

Таким образом, когнитивно-динамическую модель последовательного перевода можно представить в следующем виде:

а) при фиксации информации с помощью переводческой скорописи: (Рис. 1.)

б) при фиксации информации в оперативной памяти: (Рис. 2.)

В результате анализа когнитивных механизмов, характерных для устного переводчика, можно сделать вывод, что синхронный переводчик в большей степени задействует кратковременную память в сочетании с долговременной, в то время как последовательный переводчик больше пользуется оперативной памятью в сочетании с долговременной. Это особенно характерно для последовательного перевода, при котором информация

Рис. 1. Когнитивно-динамическая модель последовательного перевода, осуществляемого с помощью переводческой записи

Рис. 2. Когнитивно-динамическая модель последовательного перевода, осуществляемого с помощью фиксации в оперативной памяти.

фиксируется не на бумаге, а за счет активного запоминания. При этом в данной работе под кратковременной памятью мы подразумеваем память с ограниченной емкостью, обеспечивающей хранение информации в течение 20–30 секунд. Под оперативной (рабочей) памятью мы подразумеваем такой тип памяти, при котором хранение информации и манипулирование ею (извлечение информации из долговременной памяти, обращение к информации во время решения текущей задачи, повторение информации и др.) возможно на период действия субъекта с этими данными [15, с.35].

В контексте влияния стресса на функции памяти устных переводчиков стоит обратить внимание на исследования Л. Дженовой. В своих работах она утверждает, что стресс затрудняет извлечение информации из памяти. В ходе данных исследований был проведен эксперимент, в котором одной группе испытуемых вводили гормон кортизол, а другой – физиологический раствор. В результате было установлено, что у первой группы наблюдались трудности с воспроизведением заранее изученной информации, в то время как у второй группы таких трудностей не возникало. Более того, блокирование выработки гормона кортизола позволяло испытуемым из второй группы нормально извлекать информацию из памяти. Л. Дженова объясняет данный процесс тем, что стресс подавляет активность префронтальной зоны коры головного мозга, что, в свою очередь, ослабляет мыслительные процессы [16, с. 209–217].

В описании когнитивно-динамической модели синхронного перевода подчеркивается, что стресс существенно влияет на внимание переводчика. Нарушение данного процесса влечет и проблемы с функционированием других когнитивных механизмов. В такой ситуации переводчик может начать прерывать поток информации, а его перевод может стать более буквальным, что указывает на измененное состояние языкового сознания переводчика.

Таким образом, можно выделить следующие когнитивные механизмы в ходе последовательного перевода:

— Восприятие и понимание информации при прослушивании исходного текста (ВиП);
— Механизм обработки информации (ОИ);
— Вероятностное прогнозирование (ВП);
— Фиксация и/или кодирование информации (на бумаге или в оперативной памяти) (К);
— Удержание информации в памяти и рециркуляция (Р);
— Переключение между языками (ПМЯ);
— Декодирование зафиксированной информации (ДК);
— Выбор варианта перевода (ВВП);
— Синхронизация (С).

Из списка выше можно заключить, что количество

когнитивных механизмов, происходящих в ходе последовательного перевода, не уступает, а, наоборот, превышает количество когнитивных механизмов, возникающих в процессе синхронного перевода, что не может свидетельствовать о более низкой когнитивной нагрузке на оперативную память последовательного переводчика, особенно при необходимости фиксации исходной информации в памяти. Необходимо, тем не менее, иметь в виду, что большинство данных механизмов работают по-разному в исследуемых типах перевода и, соответственно, могут создавать различную степень напряженности на происходящие когнитивные процессы в мозгу устного переводчика.

Заключение

Таким образом, на основе разработанной когнитивно-динамичекой модели синхронного перевода с учетом современных исследований в области моделирования устной переводческой деятельности была создана когнитивно-динамическая модель последовательного перевода.

Отличительная особенность данной модели заключается в том, что она разработана в двух вариантах: при условии фиксации информации исходного сообщения посредством переводческой записи и при условии фиксации информации с помощью активного запоминания.

Создание данной модели позволило более глубоко и системно определить сходства и различия в существующих когнитивных механизмах при синхронном и последовательном переводах.

Модель дает возможность увидеть целостную картину психических механизмов устного последовательного переводчика как в обычных условиях, так и в условиях повышенной стрессовой нагрузки.

Результаты исследования могут быть применены в процессе обучения последовательных переводчиков, а также в дальнейших теоретических изысканиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тютебаева А.М. Моделирование переводческого процесса // Фундаментальные исследования. – 2013. – №6–1. – С. 207–211.
2. Комиссаров В.Н. Теория перевода. – М., 1990.
3. Рахматуллина Д.Р. Когнитивные модели и лингво-когнитивный анализ в переводоведении // Филологический аспект. – 2019. – №4 (48). – URL: https://scipress.ru/philology/articles/kognitivnye-modeli-i-lingvo-kognitivnyj-analiz-v-perevodovedenii.html (дата обращения: 03.01.2025).
4. Базылев В.Н. Когнитивная модель перевода // Основные понятия переводоведения (отечественный опыт). Терминологический словарь-справочник. – 2010. – №2010. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnaya-model-perevoda (дата обращения: 03.01.2025).
5. Минченков А.Г. Когнитивно-эвристическая модель перевода: к постановке вопроса // Вестник СПбГУ. Язык и литература. – 2007. – №2-II. – С. 208–216.
6. Нефедова Л.А., Ремхе И.Н. Когнитивные особенности перевода научно-технического текста // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – №2. – С. 91–101.
7. Аликина Е.В. Психологическая модель устного последовательного перевода // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 6. – С. 285.
8. Балаганов Д.В. Когнитивно-динамическая модель синхронного перевода // Филология. Серия: Гуманитарные науки. – 2020. – №6. – С. 136–141.
9. Макаренко А.С. Стратегии решения проблем в последовательном переводе: диссертация на соискание ученой степени кандидата филол. наук: 10.02.19. — Москва, 2002. — 210 с.
10. Демин П.Е., Рустамадзе А.Н. Стратегия обучения скорописи в военном устном переводе // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. – 2021. – №3. – С. 162–179.
11. Алексеева И.С. Профессиональное обучение переводчика. – СПб.: Институт иностранных языков, 2000. – 192 с.
12. Балаганов Д.В., Князева Е.Г. Психолингвистические основы синхронного перевода // Филологические науки. Впросы теории и практики. – 2020. – №3. – С. 192–197.
13. Аликина Е.В. Устный последовательный перевод: ключевые аспекты теории и практики: учеб. пособие. – Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2008. – 183 с.
14. Сидоров П.И., Парняков А.В. Клиническая психология. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010. – 880 с.
15. Боднар А.М. Психология памяти: учебное пособие для вузов; под научной редакцией А.П. Касатова. – М.: Изд-во Юрайт, 2022; Екатеринбург: Изд-во Уральского университета. – 97 с.
16. Дженова Л. Как работает память. Наука помнить и искусство забывать. – М.: КоЛибри, 2023. – 270 с.

© Орлова Валентина Владимировна (v.orlova.nir@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.05–2.32

ФЕНОМЕН ДРУГОГО В РОМАНЕ «ГОСТЬЯ» СИМОНЫ ДЕ БОВУАР В СВЕТЕ ФИЛОСОФИИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМА

THE PHENOMENON OF THE OTHER IN SIMONE DE BEAUVOIR'S NOVEL "THE GUEST" IN LIGHT OF THE PHILOSOPHY OF EXISTENTIALISM

N. Stepanova

Summary: The study is a reconstruction of the phenomenon of the Other by J.-P. Sartre in the dramatic work "The Guest" by Simone de Beauvoir. The evolution of the relationship between the Self and the Other, who appears as alien and even hostile, is traced. The only connection possible between two consciousnesses is the connection of mutual negation. It is possible to defend one's own freedom from the encroachments of Another only at the expense of his own freedom. Beauvoir presented philosophical experience and its viability in her heroes. The analysis of the novel is carried out based on two key approaches to this topic – philosophical and social. It can be said that the novel "The Guest" is an attempt to create a new literature, which could only be possible within the framework of existentialism.

Keywords: existentialism, Simone de Beauvoir's novel «The Host», Other, consciousness, freedom.

Степанова Наталия Николаевна
Кандидат филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики
n.stepanova.55@mail.ru

Аннотация: Исследование представляет собой реконструирование феномена Другого Ж.-П. Сартра в драматическом произведении «Гостья» Симоны де Бовуар. Прослеживается эволюция взаимоотношений Я и Другого, который предстает как чужой и более того враждебный. Единственная связь, возможная между двумя сознаниями – это связь взаимного отрицания. Отстоять собственную свободу от посягательств Другого возможно только за счет его же свободы. На своих героях Бовуар представила философский опыт и его жизнеспособность. Анализ романа проведен с опорой на два ключевых подхода к этой теме – философский и социальный. Можно сказать, что роман «Гостья» – это попытка создания новой литературы, которая могла стать возможной только в рамках экзистенциализма.

Ключевые слова: экзистенциализм, роман Симоны де Бовуар «Гостья», Другой, сознание, свобода.

В романе «Гостья» (1943) Симона де Бовуар обращается к основной проблеме экзистенциализма, проблеме другого сознания. Первая реакция человека на появление Другого – отрицание, отторжение. Понятие Другого у Ж.-П. Сартра – «не являющийся мной». Первоначально Другой может быть воспринят сознанием как объект, но вскоре становится понятно, что Другой – это не просто объект, а нечто совсем иное. Присутствие Другого сопряжено с невыносимыми переживаниями и чрезвычайно неприятными ощущениями. Наступает момент борьбы двух сознаний. Проигравший станет объектом и подчинится Другому, который убивает «все возможности» сознания на самостоятельное существование. Таким образом появляется угроза свободе для Я. Как известно категория свободы является одной из основополагающих для экзистенциализма. Потеря свободы – это драматический и крайне напряженный момент для сознания. В своем философском трактате «Бытие и ничто» (1943) Сартр пишет о реконструировании бытия индивида: «Появление Другого в мире соответствует, следовательно, фиксированному перемещению всего универсума, смещению центра мира, подрывающему снизу централизацию, которую я в то же самое время провожу» [5, с. 279]. Это высказывание ясно дает понять, что фигура Другого в феноменологической онтологии этого мыслителя играет центральную роль.

Личные отношения двух неоднозначных людей XX в., Жан-Поля Сартра и Симоны де Бовуар легли в основу романа. Сходясь на том, что семья и брак – устаревшие понятия, обременительные как для мужчины, так и для женщины, они заключают своеобразный договор, «Манифест любви» [6, с.7], согласно которому давали обещание не ограничивать свободу друг друга. Каждый был волен иметь отношения на стороне и быть откровенным со своей второй половиной в творчестве, мыслях и интимной жизни. История отношений Сартра и Бовуар с Ольгой Козакевич, которой и посвящен роман, представляет собой некий проект новой семьи, «жизни втроем». Первоначальная гармония трио устраивала всех участников. Молодость Ольги и ее жизненный энтузиазм импонировали Симоне. Однако новая модель любовных отношений потерпела крах. Тогда и предстала перед Бовуар проблема Другого в образе Ольги Козакевич. Перипетии этой истории легли в основу романа «Гостья» и вдохновили писательницу на мысль трактовать его в русле философии экзистенциализма, которая и воплотилась в конкретных, неоднозначных жизнях Пьера, Ксавьер и Франсуазы.

Персонажи романа: Франсуаза, писательница, Пьер, директор парижского театра, связаны общими интересами и профессиональной деятельностью. Это сама их жизнь, возможность выразить себя, реализовать свои творческие способности, свою личность. Такое соединение в общем деле являлось залогом жизнеспособности их любви. Приобщаясь к ценностям друг друга, два любящих человека буквально жили друг другом, жизнью друг друга, не мысля себя один без другого, воспринимая себя как единое целое: «… была только одна жизнь, и в центре одно существо, о котором нельзя было сказать ни «он», ни «я», а лишь «мы»» [1, с. 56]. Эту счастливую пару сближала скорее духовная близость, «сотрудничество двух любящих людей», а не любовь в самом естественном смысле этого слова. Пьер и Франсуаза были вместе, но при этом оставались свободными. Для них как раз утрата свободы, растворение в другом означало бы отказ от собственной субъективности. Что касается своих связей, то они не ограничивали свободу друг друга. «Между нами не может быть речи о верности или неверности, – сказал Пьер, – прижав к себе Франсуазу» [1, 24]. И такая жизнь близких людей была нормальной в их понимании. Пьер не скрывал от Франсуазы своих увлечений другими женщинами. Его интрижки с молоденькими актрисами театра не представляли угрозу их прочному союзу. «Кроме моих отношений с тобой, у меня все несерьезно», – признавался Пьер [1, с. 24]. Франсуазе также была предоставлена свобода и она встречалась с молодым писателем по имени Жербер. Непродолжительная интрига с молодым человеком не рассматривалась Франсуазой как духовная измена в отношении Пьера. Даже признание Жербера в любви не меняла ровным счетом ничего. Франсуазу радовало, что ее отношения с Жербером, ставшими глубокими, сохранили при этом всю свою легкость. Пьер считал это удачей для Франсуазы и для Жербера.

Писательница стремится доказать состоятельность новой модели любовных отношений между мужчиной и женщиной. Слишком крепкие отношения являются чрезмерно подконтрольными, а значит – лишенными свободы. Любовь как экзистенция человеческого существования рассматривалась Сартром неизбежным атрибутом свободы: «... любящий требует *с самого начала* свободы любимого… Любовь требует не упразднения свободы другого, но ее порабощения как свободы, то есть ее порабощения ею же самой» [5, с. 385; 416].

Во время летних каникул в Руане Франсуаза знакомится с девушкой из мелкобуржуазной семьи по имени Ксавьер. Следуя совету Пьера, Франсуаза предлагает Ксавьер пожить с ними в Париже. Это рассматривалось как приглашение к совместной жизни. Ксавьер соглашается, отдавшись на волю обстоятельствам и случаю. Они планируют дать Ксавьер образование, найти занятие по ее наклонностям и помочь устроить ей достойную жизнь. Пьер обладал талантом открывать «нетронутое будущее, которое ему предстояло создавать по собственному усмотрению. В этом и заключался секрет его силы» [1, с. 23]. Франсуаза же была полна решимости: «Я сделаю ее счастливой» [1, с. 40]. Ксавьер становится членом их своеобразного сообщества, основанного на идеи любви в понимании двух интеллектуалов. Таким образом в их жизнь входит Другой, который сыграет ключевую роль.

Поначалу Пьер испытывает к этой непослушной девочке лишь забавный интерес. Это ни в коей мере не удивило Франсуазу. Напротив, она сама предложила Пьеру: «Если хочешь, можешь даже влюбиться в нее» [1, с. 75]. Несмотря на легкость восприятия настоящего, Франсуаза почувствовала беспокойство. И не ошиблась. Со временем неоднозначность отношений Пьера и Ксавьер становится очевидной. Постепенно Пьер начал отдаляться от Франсуазы, и та пришла в отчаяние. Потерять любовь Пьера было равносильно для нее потерять смысл жизни. Франсуазу мучают муки ревности, но признаться в этом самой себе ей мешает гордость. Делая над собой огромные усилия, Франсуаза пытается подавить охватившее ее чувство и согласиться на присутствие Ксавьер в их с Пьером жизни. Первое решение сосуществования всех троих – совместная жизнь трио – постепенно сменяется идеей устранения опасного и навязчивого присутствия Другого, особенно по мере того, как страсть Пьера к Ксавьер усиливается. Читатель начинает подозревать, что смелый эксперимент должен закончиться устранением разъедающего присутствия Ксавьер.

Появление Другого в «едином целом», Пьер-Франсуаза, нарушает мнимое равновесие любви. В отсутствии Ксавьер пространство группировалось вокруг Франсуазы. Теперь Ксавьер становится привилегированным объектом вместо Франсуазы. По словам автора философского трактата «Бытие и ничто», «кажется, что он (мой универсум – *Н.С.*) пронизывается опустошающей дырой в середине своего бытия и что он постоянно течет в эту дыру» [5, с. 279]. Речь идет, в действительности, о полной дезинтеграции универсума индивида, поскольку Другой «развертывает вокруг себя свои собственные расстояния» [5, с. 278].

Основная тема «Гостьи» – проблема другого сознания, которое, по словам Гегеля, «стремится к смерти другого». Речь пойдет о расшифровке, об изложении этой экзистенциальной истории жизни в романной форме, которая закончится ее полным разрушением.

В центре романа находится история Франсуазы, вокруг которой выстраиваются остальные персонажи; иными словами, характер Франсуазы является центром, из которого исходит описание и понимание других персонажей. Ее взгляд, как представляется, наделен «магической» силой оживлять вещи и наделять их смыслом.

«Она обладала этой властью: ее присутствие исторгало вещи из их неосознанного состояния, придавая им их цвет и запах… Ей словно доверена была миссия, требовалось заставить пустующий, наполненный тьмой зал существовать... красные плюшевые кресла безжизненно выстроились в ожидании… они протягивали руки. Она… высвобождала смысл… этих уснувших предметов… они принадлежали ей. Мир принадлежал ей» [1, с. 8]. Автор представляет нам Франсуазу через ее видение мира. Анимационное действо, с одной стороны, демонстрирует нам обстановку, а с другой, раскрывает характер Франсуазы. Она считает себя хозяйкой мира. Она мыслится как абсолютное сознание, которое ничто не отвлекает от его созерцания, которое создает из себя центр мира. Такое сознание мыслится субъектом, относительно которого другие индивиды и вещи воспринимаются не иначе как объектами, которые оживляются под его взглядом. Звучит внутренний монолог героини: «А я, безликая и свободная, нахожусь тут, в центре дансинга. Я созерцаю разом все эти жизни, все эти лица. Если я отвернусь от них, они тут же исчезнут, словно покинутый пейзаж» [1, с. 29]. Ее взгляд создает вещи и существа, ее отсутствие разрушает их, делает их несуществующими. Осознание этой «силы», которая в конечном итоге отражает элемент философского видения, представлено автором как высокомерная самонадеянность, присущая характеру Франсуазы. Молодая женщина чувствует себя сильной, потому что в данный момент ей не хватает других. И вот Другой возникает перед ней, чтобы угрожать ее претенциозному суверенитету. До этого момента Франсуаза даже присваивает себе право подчинять себе жизнь другого человека: «... более всего ее радовало то, что она присоединила к своей жизни это юное печальное существование, ибо теперь Ксавьер принадлежала ей; ничто никогда не доставляло Франсуазе столь ярких радостей, как такого рода обладание... движения Ксавьер, ее лицо, сама жизнь ее, чтобы существовать, нуждались во Франсуазе[1, с. 18]. Суета в бистро служит фоном для восторга Франсуазы от «обладания» существованием молодой провинциалки, которая здесь сведена к вкусу, манере поведения, легкому движению, что придает картине очаровательное выражение, почти с помощью импрессионистских штрихов. Франсуаза – абсолютный субъект, охватывающий все: она считает себя уникальной, отождествляет себя со всем, не имеет определенного лица. Читатель ничего не узнает о ее внешности, ее прошлом, ее работе (кроме того, что она «пишет», но мы не знаем, что именно). Поэтому автор представляет ее как сознание в его целостности.

Появление Ксавьера – это всплеск другого сознания, которое своим вмешательством провоцирует глубокий разлад в сознании самой Франсуазы. Она делает для себя «открытие» – ее сознание не единственное в мире. Она делится с Пьером своими мыслями: «Ксавьер обладает таким же сознанием, как мое… Знаешь, с этим нельзя смириться». Тот резонно находит: «Естественно, каждый знает, что в мире он не один» [1, с. 347]. Пьер начинает высказывать свои суждения по поводу того, что «каждый воспринимает свое собственное сознание как некий абсолют. Как могут совмещаться несколько абсолютов? Это столь же таинственно, как рождение или смерть. Это как раз та проблема, над которой все философы ломают себе зубы». Пьера удивляет, что Франсуазу так конкретно затрагивает метафизическая ситуация» [1. с. 353].

Пьер влюбляется настолько, что впервые всерьез вытесняет Франсуазу из своей жизни. Ревность делает Франсуазу обычной слабой женщиной, которая перестает следовать своим прежним взглядам на отношения мужчины и женщины, у которых отсутствуют чувства. С. де Бовуар детально описывает ландшафт внутренней жизни Франсуазы, изменяющийся с появлением Ксавьер. Подобное описание показывает, как Другой выводит Франсуазу за пределы поля саморефлексии, лишает ее возможности мыслить рационально. С появлением Другого Франсуаза вынуждена осознавать ограниченность собственных желаний и свободы проявления себя вовне. «Долгое время Ксавьер была только частью жизни Франсуазы. Внезапно она превратилась в единственную высшую реальность, а Франсуаза обладала теперь лишь бледным подобием некоего образа» [1, с. 342]. Бытие Франсуазы превратилось в нечто неопределенное и непредсказуемое. Писательница исследует отношения и напряженность между уникальным экзистенциальным статусом индивида и социальными условиями, в которых проживается его уникальность. Постепенно начинается вечное колебание между любовью и ненавистью, поединок двух сталкивающихся волей: уникальное, претенциозное, гордое сознание растворяется, и Франсуаза становится индивидом среди других, просто «частью вселенной». События вокруг Франсуазы становятся скандальными. Она теряет свою первоначальную способность «вырывать вещи из их бессознательного состояния». Вещи начинают жить своей жизнью, они изменяются сами собой в соответствии с жизнью Франсуазы. Таким образом, видение Франсуазы радикально меняется, и молодая женщина воспринимает этот факт как своего рода возвращение после фантастического путешествия.

Ксавьер больше не являлась безобидным объектом, в который нужно вдохнуть жизнь. Более того Ксавьер проникает в ее существо и начинает там свою разрушительную работу. Франсуаза позволила сделать из себя добычу. «По собственной воле, вопреки своему сопротивлению и протестам, она старалась уничтожить сама себя; на собственной истории она присутствовала как равнодушный свидетель, никогда не осмеливаясь утвердить себя, в то время как Ксавьер с головы до ног была живым самоутверждением. Она заставляла себя существовать с такой уверенной силой, что зачарованная

Франсуаза увлеченно стала отдавать предпочтение ей в ущерб себе, уничтожая себя» [1. с. 343].

Драматизм ситуации усиливается, когда Франсуаза видит, что Ксавьер – это не мимолетная интрижка, а человек, играющий большую роль в жизни ее возлюбленного. Франсуаза прекрасно осознает свою ответственность перед Ксавьер, она чувствует себя обязанной устроить ее жизнь. Однако учитывая все обстоятельства, Франсуаза все-таки таит в своем сердце сильную и необузданную ненависть, которая толкает ее на преступление. Прежде чем совершить его, она борется с собой, но тщетно. Франсуаза задается вопросом: «Но как могло статься, чтобы существовало сознание, которое не было бы ее собственным? Тогда, значит, не существовала она.» [1, с. 476]. Желая вернуть себе превосходство единственного сознания, «она или я», Франсуаза опускает газовый рычаг, входит в свою комнату и ждет смерти своей жертвы. Освободившись от присутствия чужого сознания, Франсуаза становится торжествующей обладательницей собственной автономии. «Ее поступок был ее собственным. Я хочу это. Ее воля исполнялась, ничто больше не отделяло ее от самой себя. Она выбрала себя» [1, с. 477].

В своей книге «Зрелость» (1970) Симона де Бовуар пишет, что «сознание *другого* оставалось для меня пустой реальностью, но когда мне случалось по-настоящему осознавать реальность его существования, я чувствовала, что имею дело со скандалом того же порядка, что и смерть, и столь же нестерпимым я отнимаю у Другого жизнь, и он полностью теряет власть над миром и надо мной» [2, с. 320].

Роман не обязательно подтверждает утверждение Гегеля, что «каждое сознание стремится к смерти другого», вынесенное в качестве эпиграфа в начале романа. Это высказывание представляет собой реминисценцию из учения Гегеля о человеческом сознании в «Феноменологии духа» (1807). Конфликтность, в которую вовлечен человек, является, согласно взглядам Гегеля, следствием не только эмпирических причин, но и внутренних законов сознания. Чтобы обрести себя как достоверность, индивиду необходимо избавиться от другого: «самосознание должно стремиться снять *другую* самостоятельную сущность, дабы этим удовлетвориться *в себе* как в сущности…» [3, с. 98]. В ходе этого противоречия сохранить свою свободу может только одно из самосознаний. Гегель весьма резко требует от человека риска жизнью, полной самоотдачи в борьбе за право быть свободным субъектом. «Индивид, который не рисковал жизнью, может быть, конечно, признан *личностью*, но истины этой признательности как некоторого самостоятельного самосознания он не достиг» [3, с.100]. В другом своем философском сочинении «Философия духа» (1817) Гегель приходит также к выводу о трагическом парадоксе сознания. «Борьба за признание идет на жизнь и смерть, каждое из обоих самосознаний подвергает *опасности* жизнь другого и само подвергается ей, но только как *опасности*; ибо в такой же мере каждое самосознание может снять противоречие, пожирая его» [4, с. 242]. Однако «смерть», о которой говорит немецкий философ, должна пониматься не обязательно в физическом значении этого слова. Она может выступать в качестве духовной смерти, когда человек теряет самого себя.

Трагическое завершение романа «Гостья» со всей очевидностью показывает, что Бовуар и Сартр расходятся в понимании любви. Эмоциональная оценка любви, свойственная Бовуар, ее «женский взгляд» на любовные отношения вступает в спор с рациональным понятием любви у Сартра. Его девизом стало следующее утверждение: «Он (любящий – *Н.С.*) хочет быть любимым свободой и требует, чтобы эта свобода как свобода не была бы больше свободой» [5, с. 383].

Любовные отношения в художественном мире Симоны де Бовуар складываются вопреки задуманному проекту. Обе женщины, Франсуаза и Ксавьер, желают любви. Гордая Франсуаза мечтает о счастье и неподдельной нежности. Ксавьер отказывается от Пьера, поскольку не могла владеть им безраздельно. Пьер не способен изменить себя. Он полностью замкнут на себе. Ничто не могло нарушить его беспокойства. Как для Сартра, так и для героя романа, любить Другого означает не порабощать его и не терять себя в то же время. Пьер рассуждал следующим образом: «Мы хотели создать настоящее трио, вполне уравновешенную жизнь втроем, в которой никого не надо приносить в жертву» [1, с. 346]. Модель свободного союза мужчины и женщины, имеющая теоретическое обоснование, не получает практического подтверждения. В последствии Пьер считал эту историю отвратительной. «Возможно, это была немыслимая затея, но, по крайней мере, она заслуживала того, чтобы попытаться ее осуществить!» [1, с. 346]. Словом, попытка объединить три существования в одно целое оказалась неудачной, и все участники «трио» так или иначе страдали от этого ложного положения.

В композиционном плане роман «Гостья» имеет открытый финал, например, подчеркивающий продолжение жизни. Роман кончается словами героини: «Когда-нибудь Пьер узнает. Но даже он узнает лишь внешнюю сторону этого деяния. Никто не сможет ни осудить ее, ни оправдать» [1, с. 477]. Совершив убийство своей соперницы, конкретно в этом случае, героиня получает ещё один шанс на осознание и поиск своей самости, своей субъектности, трансцендентности. Подобный прием служит приглашением в жизнь героини. Это дает возможность самому читателю предопределить ее судьбу, успех или неудачи.

Сюжет романа «Гостья» отражает напряжение, вы-

званное экзистенциалистской доктриной, которая требует от писателя быть метафизиком прежде всего, оставаясь при этом привязанным к конкретной реальности. Симоне де Бовуар удается показать разрушительные последствия любви и ревности в лучших традициях французского психологического романа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бовуар Симона де. Гостья / Симона де Бовуар; [пер. с фр. Н. Световидовой]. – М.: Эксмо, 2021. – 480 с.
2. Бовуар Симона де. Зрелость / Симона де Бовуар; [пер. с фр. Н. Световидовой]. – М.: Издательство «Э», 2018. – 640 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа / Георг Вильгельм Фридрих Гегель. – М.: наука, 2000. – 495 с.
4. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. В 3 т. – Т. 3. Философия духа / Георг Вильгельм Фридрих Гегель. – М.: Мысль, 1977. – 471 с.
5. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Жан-Поль Сартр; [пер. с фр., предисл., примеч. В.И. Колядко]. – М.: Республика, 2000. – 639 с.
6. Сартр Ж.-П., Бовуар Симона де. Аллюзия любви / Жан-Поль Сартр, Симона де Бовуар. – М.: Алгоритм, 2007. – 240 с.

© Степанова Наталия Николаевна (n.stepanova.55@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.05–2.35

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АМЕРИКАНСКОГО ПРЕДВЫБОРНОГО ДИСКУРСА НА МАТЕРИАЛЕ РЕЧЕЙ Д. ТРАМПА

Тумина Виктория Андреевна
Преподаватель, Военный университет им. князя Александра Невского Министерства Обороны Российской Федерации, (г. Москва)
anabell25@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются особенности предвыборного дискурса Дональда Трампа, с акцентом на его содержательной стороне. Актуальность исследования обусловлена текущими политическими событиями в США, цель состоит в том, чтобы выявить и описать смысловые доминанты предвыборного дискурса Д. Трампа. Используется метод контекстуального, лингвистического анализа. Выявлены такие содержательные компоненты речей действующего президента США как акцент на собственных достижениях, критика представителей Демократической партии, описание проблем США во внутренней и внешней политике, предвыборные обещания.

Ключевые слова: политический дискурс, предвыборный дискурс, политическая речь, политическая лингвистика, прагматика речи, Дональд Трамп.

SEMANTIC FEATURES OF AMERICAN PRE-ELECTION DISCOURSE BASED ON D. TRUMP'S SPEECHES

V. Tumina

Summary: The article is devoted to studying the substantive features of Donald Trump's pre-election discourse. The article analyzes pre-election speeches delivered by the politician during the campaign for the post of President of the United States in 2024. The relevance of the paper lies in the fact that the speeches delivered by D. Trump are the part of his election campaign, and its result is his becoming the President of the United States. The purpose of the study is to identify, systematize and analyze the substantive and semantic features of the American pre-election discourse in the speeches of Donald Trump. The tasks of the paper include studying the politician's speeches, identifying their substantive features, analyzing, and generalizing the results obtained. The following methods were applied: the method of contextual analysis to identify the semantic features of D. Trump's speeches, the methods of linguistic and stylistic analysis to identify how the substantive components of his speeches are verbalized. The paper provides the content characteristics of Donald Trump's speeches, indicating the pragmatic features of addressing the identified topics and the means of their verbalization. The analysis revealed the following semantic dominants in the politician's speeches: the emphasis on his own achievements (emphasizes his own effectivity and belittles the importance of his competitor), the criticism of the representatives of the Democratic Party (shows the incompetence of the Biden administration and implies the danger of Harris's election), the description of the US problems in domestic and foreign policy (shows the results of the Democratic administration's rule), as well as election promises (demonstrates the guidelines and goals of the policy after being elected the president of the country). The appeal to these topics and problems in Donald Trump's pre-election speeches is explained by the goals and objectives of the election discourse.

Keywords: political discourse, election discourse, political speech, political linguistics, pragmatics of speech, Donald Trump.

Постановка проблемы

Политическая сфера и политическая коммуникация многогранны, что позволяет выделять политический дискурс как отдельное и значимое направление коммуникации. В.З. Демьянков замечает, что цель политического дискурса состоит в том, чтобы внушать реципиентам те максимы, точки зрения, действия, нарративы и ценности, которые считаются адресатами единственно правильными. По сути, политический дискурс формируется властью с позиций его выгоды и направлен на общество, чтобы воздействовать на него и формировать его картину мира и ценности в нужном власти направлении [Демьянков 2002].

Коммуникатором в пространстве политического дис-

курса является субъект власти – непосредственно, глава страны, политической партии, представители политической элиты и т.д. Однако, часто они не доносят свои идеи напрямую, для этой цели применяются информационные службы страны, средства массовой информации и т.д. Они призваны формировать повестку дня, ориентируясь на интересы и запросы целевой аудитории и обеспечивая при этом максимально эффективное достижение целей политического дискурса в рамках конкретной страны или политической системы. Важным аспектом коммуникации в политическом дискурсе является эмоционально-экспрессивное вовлечение аудитории в описываемые проблемы [Дьюкина 2004].

В силу ярко выраженных задач политического дискурса, в лингвистике выделяется феномен политического языка. В.З. Демьянков выделяет следующие черты политического языка: специфичная терминология, характерные языковые структуры, определенные структуры в формировании текстов, в зависимости от прагматики и коммуникативной направленности конкретного текста [Демьянков 2002]. При этом, И.А. Стернин отмечает, что для современного политического зыка все более значимым становится экспрессивно-эмоциональный аспект, так как он привносит в политический дискурс оценочность, юмор, сарказм и ироничность, что важно для продуктивной коммуникации. Это актуально, в первую очередь, для политических речей [Стернин 2003]. В свою очередь, Е.И. Шейгал указывает на то, что под языком политики следует понимать те языковые знаки и структуры, которые применяются для выражения семиотического пространства политического дискурса определенной страны. В пространстве политического дискурса политический язык представляет собой совокупность терминологических и риторических средств, которые позволяют политическим деятелям осуществлять политическую деятельность, для достижения широкого спектра целей, которые ставятся в рамках политической коммуникации [Шейгал 2000]. Своеобразие прагматики, образности языка политики проявляется наиболее ярко в политических публичных речах.

Публичная речь в политическом дискурсе представляет собой речь политика, которая направлена на широкую аудиторию. При этом, среди публичных речей, в зависимости от коммуникативных целей, выделяют подготовленную речь и речь убеждающего типа. Подготовленная речь отличается тем, что она не произносится экспромтом. Текст такой речи был тщательно выверен и подготовлен заранее, в нем используются стилистические приемы и прочие выразительные средства, которые позволяют достигать коммуникативных целей наиболее эффективно. В свою очередь, речь убеждающего типа имеет четкую цель: она направлена на то, чтобы мотивировать слушателей к совершению определенных действий, к формированию у них определенной точки зрения, что крайне важно для целей политического дискурса в целом [Олянич 2004].

При этом политические речи призваны не столько передать информацию, сколько оказать речевое воздействие на аудиторию. Как указывает И.А. Стернин, под речевым воздействием следует понимать выбор наиболее адекватного коммуникативной ситуации речевого поведения, которое позволяет наиболее эффективно достигать коммуникативных целей [Стернин 2003]. Речевое воздействие в психологическом плане состоит в том, что после моделирования смыслового поля реципиента, т.е. состояния поля до и после языкового воздействия, коммуникатор оптимальным для себя образом формулирует и «шифрует» для адресата тот результат, который он стремится получить в результате коммуникативного взаимодействия [Тишин 2010].

Политическая речь может быть как подготовленной, так и неподготовленной. Подготовленная речь характеризуется четкой организацией речи, которая соотносится с речевыми стратегиями и тактиками конкретной речи, конкретной коммуникативной задачи, которую политический деятель решает при помощи своей речи. Неподготовленная речь также ставит своей целью достижение желаемого результата, но при ее осуществлении политик не следует написанному заранее тексту, а, учитывая общий контекст ситуации общения с аудиторией и тему речи, выстраивает свое выступление самостоятельно, исходя из собственных представлений. При этом, и подготовленная, и неподготовленная речи могут быть убеждающими, что свойственно прагматическим целям и задачам политического дискурса.

Языковые средства, используемые в речи политического деятеля, соотносятся с прагматическими и коммуникативными особенностями конкретной коммуникативной ситуации. Более того, языковое наполнение текста политической речи изобилует стилистическими приемами, аллюзиями, используется весь выразительный потенциал для достижения ключевой коммуникативной цели политического высказывания – убеждения аудитории в правоте политического деятеля [Шалина 2016]. При этом, при подготовленной политической речи ее языковые особенности проявляются более ярко, так как политик имеет возможность подобрать наилучшие способы вербализации собственных коммуникативных интенций.

Говоря о том, какие коммуникативные стратегии и тактики реализует политический (и предвыборный) дискурс в официальных выступлениях, следует выделить категорию деструктивности. Деструктивная интенция направлена на ниспровержение оппонента и/или понижение его политического статуса. Деструктивность в дискурсе политиков тесно связана с дискурсом реагиро-

вания, т.е. с вербальной и/или невербальной реакцией адресата и третьих лиц, например, прессы, политологов, широкой аудитории и пр. на дискурсивные проявления деструктивности [Волкова 2016]. Распространены также и следующие коммуникативные приемы и тактики: прямые оскорбления; оскорбительные иронические прозвища; выражение оценок, добавление эмоциональности в речи – во многом за счет стилистических приемов – эпитетов, метафор и т.д. [Федорова 2018].

Предвыборный дискурс и его вербальное воплощение – предвыборная политическая речь – ярко отражают своеобразие прагматико-коммуникативных, образно-выразительных, содержательных особенностей политического дискурса. Предвыборная речь реализует те же цели и задачи, которые свойственны политическому дискурсу в целом, с добавлением еще одной: политик стремится одержать победу на выборах, вследствие чего прагматико-коммуникативные особенности политического дискурса, такие как очернение оппонента, акцент на собственных умениях, навыках и талантах, усиливается. Политику важно склонить на свою сторону потенциальных избирателей, вследствие чего предвыборным речам свойственна большая экспрессивность, яркость оценок упоминаемых персоналий, феноменов, процессов [Дружинин 2016]. Предвыборному дискурсу свойственно достижение ключевой прагматической цели, которая состоит в убеждении аудитории в правильности голосования за выступающего политика.

В этой связи изучение особенностей предвыборного дискурса Дональда Трампа – с учетом продуктивности его предвыборной кампании в 2024 году – является актуальной и значимой задачей. В статье делается акцент на смысловых особенностях его политических речей, с учетом прагматического фактора и описанием языковых средств, обеспечивающих эффективность в достижении целей и задач политических речей.

Материал исследования

Материалом работы послужили предвыборные речи Дональда Трампа. Всего было рассмотрено пять речей политика, произнесенных им в период с августа по конец октября 2024 года. Первая речь произнесена в Монтане, вторая – в Северной Каролине, третья – в Висконсине, четвертая – в Пенсильвании, пятая – в Мичигане.

Использованы расшифровки его речей, опубликованные на сайте www.rev.com. Характерной особенностью выступлений политика является их неподготовленность: он не читает речи с телесуфлера, обращается к известным ему фактам, которыми подтверждает собственные тезисы и делает тем самым произносимую речь убедительной для слушателей.

Методология анализа

Методология исследования строится следующим образом. Изучаются тексты предвыборных речей Д. Трампа с акцентом на их содержании и языковых средствах достижения прагматических целей речей, так как смысловые компоненты его выступлений перед потенциальными избирателями отражают его цели в предвыборной борьбе. В этой связи, использованы методы лингвистического и контекстуального анализа. Отобранные цитаты, наиболее ярко репрезентирующие содержательные особенности предвыборных речей Д. Трампа, классифицируются по сформированным в ходе изучения речей тематических группам, что позволяет оценить, какие именно языковые средства используются политиком при обращении к различным аспектам, играющим важную роль в контексте предвыборной борьбы. Тем самым, формируются целостные и обоснованные выводы о содержательном наполнении предвыборных речей Дональда Трампа и языковых средствах, которые он использует для наибольшей эффективности их языкового воплощения.

Исследовательская часть

При изучении предвыборных речей Дональда Трампа были выявлены следующие содержательные аспекты, которые репрезентируют смысловые доминанты его предвыборного дискурса: акцент на собственных достижениях и успехах, критика представителей Демократической партии, описание проблем США во внутренней и внешней политике, предвыборные обещания. Необходимо привести некоторые примеры и установить, какими языковыми средствами выделенные смысловые доминанты вербализируются в речах Дональда Трампа.

В первую очередь, стоит рассмотреть, как он описывает **собственные результаты и достижения**, этот аспект присутствует в речах политика, так как он ссылается на свой опыт в ходе предыдущего президентского срока.

(1) *I handed her the strongest border in US history* [Trump1 2024].
'Я передал ей самую защищенную границу в истории США'.
Здесь и далее перевод Туминой В. А.

В этом фрагменте речи прилагательное в превосходной степени сравнения: *the strongest 'самая защищенная'* используется как средство указания на надежность границы, в то время словосочетание *in US history 'в истории США'* применяется им как инструмент для демонстрации собственной эффективности на посту президента страны.

(2) We passed the largest tax cuts in the history of our country. We achieved record-low unemployment rates, record-low poverty rates, and rising wages for everybody [Trump1 2024].

'Мы реализовали самые большие снижения налогов в истории нашей страны. Мы достигли рекордно низкого уровня безработицы, рекордно низкого уровня бедности и повышения заработной платы для всех жителей страны'.

В этой речи употреблены прилагательное в превосходной степени сравнения: *the largest 'самые большие'* и экспрессивно-окрашенное прилагательное *record-low 'рекордно низкий',* которыми кандидат в президенты указывает на собственные достижения. Чтобы подчеркнуть собственную продуктивность и результативность, Д. Трамп обращается к теме эффективности политики в экономической сфере.

(3) We fully rebuilt the US military and created a thing called Space Force, which is so important. And now we are leading in space [Trump1 2024].
'Мы полностью перестроили армию США и создали то, что теперь называется Космические силы, и это очень важно. И теперь мы лидируем в космосе'.

Дональд Трамп акцентирует внимание публики на результативности своей деятельности посредством конструкции *we are leading in space 'мы лидируем в космосе'*. То есть, политик подчеркивает, что его деятельность на посту президента с 2017 по 2021 гг. была ценна и полезна в том числе и в рамках развития космических военных сил страны.

(4) But this whole Russia thing, nobody was tougher on Russia in history than Trump. The person that knows that better than anyone is President Vladimir Putin [Trump3 2024].
'Теперь что касается России… Никто не проводил в отношении России более жесткой политики, чем Трамп. И лучше всего это знает президент Владимир Путин'.

Применение конструкции *nobody was tougher on Russia 'никто не проводил в отношении России более жесткой политики'* с прилагательным в сравнительной степени. Чтобы подчеркнуть собственную продуктивность во внешней политике, Дональд Трамп обращается и к фактору России на международной арене. Он настаивает на том, что его политика была эффективна, так как сдерживала Россию. Д. Трамп указывает на этот фактор в контексте указания на политику Дж. Байдена, во время президентского срока которого была начата СВО.

(5) You remember Crooked Hillary used to say, "Look at him. Look at him. He's going to cause wars." No, no. My personality stopped wars [Trump3 2024].
'Помните, как Корыстная Хиллари говорила: «Посмотрите на него. Посмотрите на него. Он собирается устроить войну». Нет, нет. Я был тем, кто останавливал войны'.

Присутствие в этом примере словосочетания с положительными коннотациями stopped wars 'останавливал войны' обусловлено необходимостью подчеркнуть эффективность деятельности политика на международном уровне, что проявилось в отсутствии новых войн в мире во время его президентского срока. Этот аспект подается Трампом как критерий результативности и оценивается положительно.

Тем самым, Д. Трамп в своих предвыборных речах в качестве своих достижений во время предыдущего президентского срока упоминает успехи в экономике, во внешней политике, а также в миграционной политике и защите граждан США.

Критика представителей Демократической партии является важным компонентом предвыборного дискурса Д. Трампа, так как его соперником на выборах являлась К. Харрис, выдвинутая Демократами, а действующим президентом США на момент проведения предвыборной кампании был Джо Байден, который также является представителем Демократической партии.

(6) I gave Kamala and Crooked Joe a world at peace, and their weakness and incompetence quickly brought us to the brink of a global war [Trump1 2024].
'Я подарил Камале и Корыстному Джо мир во всем мире, но их слабость и некомпетентность быстро поставили всех нас на грань глобальной войны'.
Здесь и далее перевод Туминой В. А.

В этом фрагменте речи выявлено использование экспрессивно окрашенных существительных *weakness and incompetence 'слабость и некомпетентность'* с негативными коннотациями, а также дополняется прозвищем *crooked Joe 'корыстный Джо'*. Они позволяют кандидату в президенты показать, что его достижения в ходе президентского срока были уничтожены некомпетентностью новой администрации.

(7) We are going to defeat radical left Democrat, John Tester. He's terrible. He is terrible. He's terrible [Trump1 2024].
'Мы победим радикального левого демократа Джона Тестера. Он ужасен. Он ужасен. Он ужасен'.

Использование словосочетания *radical left 'радикально левый'*, в сочетании с экспрессивно-окрашенным прилагательным *terrible 'ужасный'* позволяет Трампу критиковать как ведущих представителей Демократической партии, так и ее региональных лидеров. Чтобы усилить воздействие на аудиторию, политик повторяет негативную характеристику, примененную к представителю политического оппонента.

(8) We're going to evict crazy Kamala. Do you know, ever hear of Kamala? Radical left. Radical left [Trump1 2024].
'Мы собираемся выгнать сумасшедшую Камалу. Вы ее знаете, слышали о Камале? Радикальная левачка. Радикальная левачка'.

За счет единиц с выраженно негативными коннотациями: *crazy 'сумасшедшая', radical left 'радикальная левачка'* кандидат в президенты реализует критику в отношении своего оппонента в ходе выборов – Камалы Харрис. За счет них речь приобретает экспрессивность, и это обеспечивает желаемое воздействие на аудиторию.

(9) With your vote we will reverse the Kamala crash and we will end the Kamala chaos and we will stop the Biden-Harris invasion of people that don't belong in our country [Trump1 2024].
'Благодаря вашим голосам мы обратим вспять катастрофу, созданную Камалой, положим конец хаосу, созданному Камалой, и остановим созданное Байденом и Камалой вторжение в нашу страну людей, которым здесь не место'.

В этом фрагменте речи прослеживается использование словосочетаний, состоящих из негативно-окрашенных экспрессивных языковых единиц *crash 'катастрофа', chaos 'хаос', invasion 'вторжение'* в сочетании с фамилиями политических оппонентов позволяет Д. Трампу наиболее эффективно реализовывать критику в отношении Демократической партии и политики ее представителей.

(10) Since becoming a presidential candidate, she has refused to do a single interview. You know why? Because she's dumb. Or hold a single press conference [Trump1 2024].
'После того, как она стала кандидатом в президенты, она отказалась дать хоть одно интервью. Знаете почему? Потому что она тупая. Она не провела ни одной пресс-конференции'.

В этом примере употребляется экспрессивно окрашенное прилагательное *dumb 'тупая'*. Оно обеспечивает выражение смыслового и прагматического акцента на интеллектуальной некомпетентности политических оппонентов, что значимо в контексте критики политических оппонентов со стороны оратора.

(11) As Minnesota's governor, Tim Walz let rioters and looters burn down Minneapolis [Trump1 2024].
'Будучи губернатором Миннесоты, Тим Уолц позволил бунтовщикам и мародерам сжечь Миннеаполис'.

Д. Трамп использует негативно окрашенные единицы *rioters and looters 'бунтовщики и мародеры'*, чтобы наглядно продемонстрировать, каковы последствия политики Демократов в реальности. Кандидат в президенты указывает на некомпетентность и опасность для страны, которая исходит от кандидата в вице-президенты от Демократической партии Уолца.

(12) Everything Kamala Harris touches turns bad. It all turns bad. San Francisco was a great city; now it's unlivable [Trump2 2024].
'Все, к чему прикасается Камала Харрис, становится неприемлемым. Все становится неприемлемым. Сан-Франциско был прекрасным городом; теперь он непригоден для жизни'

Этот фрагмент речи содержит метафору *turns bad 'становится неприемлемым'*, а также антитезу *great – unbelievable 'прекрасный – непригодный для жизни'*. Чтобы указать аудитории на опасность и ошибочность голосования за Харрис на предстоящих выборах, Дональд Трамп прибегает к ее критике через призму ее некомпетентности. Трамп апеллирует к эмоциям аудитории, что продуктивно сказывается на предвыборном дискурсе.

(13) If Harris gets in, energy, prices will skyrocket far more than even in Europe [Trump2 2024].
'Если Харрис придет к власти, цены на энергоносители взлетят гораздо выше, чем даже в Европе'.

Чтобы сделать речь более выразительной, оратор использует метафору *skyrocket 'взлетят вверх'*, это придает ей большую экспрессивность. Дональд Трамп, критикуя представителей Демократической партии, также и предостерегает аудиторию, акцентируя внимания на значимых для обычных людей проблемах, например, на росте цен.

(14) Under Comrade Kamala, Christians and pro-life activists are rotting in prison for the crime of praying in public [Trump3 2024].
'Под руководством товарища Камалы христиане и активисты движения за запрет абортов гниют в тюрьмах за совершение преступления, состоявшего в публичной молитве'.

Употребление лексемы *comrade 'товарищ'* отсылает аудиторию в том числе и к стереотипам Холодной войны. Критикуя своего оппонента, Дональд Трамп активно использует и риторику, в которой он обвиняет представителей Демократов в социалистических и коммунистических взглядах.

(15) We have the dumbest leaders in the history of our country and the history of the world [Trump3 2024].
'У нас самые глупые лидеры в истории нашей страны и в истории мира'.

В этой речи используется экспрессивно-окрашенное прилагательное *dumb 'глупый'* в сочетании с гиперболой *in the history of our country and the history of the world 'в истории нашей страны и всего мира'*. Оратор концентрирует внимание своей аудитории на том, что некомпетентность администрации президента США, состоящая из представителей Демократической партии, проявляется в их низких интеллектуальных способностях.

(16) I'm tending to call him Sleepy Joe lately because… I called him Crooked Joe, but now he's not, who's our president? We don't even have… Do we have a president? [Trump4 2024].
'Я в последнее время склонен называть его Сонный Джо, потому что... Я называл его раньше Ко-

рыстный Джо, но теперь он уже не такой. А кто наш президент? У нас даже нет... У нас вообще есть президент? '

Политик применяет эпитеты *crooked 'корыстный'* и *sleepy 'сонный',* которыми негативно характеризует бывшего президента от Демократической партии. Дональд Трамп делает смысловой акцент на том, что Джо Байден – некомпетентный президент. Делается акцент как на том, что он замешан в коррупционных делах (*crooked 'корыстный'*), так и на том, что его состояние здоровья уже не позволяет ему должным образом исполнять свои должностные обязанности (*sleepy 'сонный'*).

(17) Kamala Harris is the tax queen and she's coming for your money. She's coming for your pensions and she's coming for your savings unless you defeat her in November [Trump4 2024].
'Камала Харрис отвечает за налогообложение в стране, и она придет за вашими деньгами. Она придет за вашими пенсиями и сбережениями, если вы не победите ее в ноябре'.

Фразовый глагол *coming for 'придет'* использован оратором, чтобы показать опасности и угрозы, которые грозят обществу в случае избрания Камалы Харрис президентом. Кандидат в президенты также намекает и на ее некомпетентность, так как она не видит потребностей общества. Обращение к подобным проблемам и вопросам делает предвыборную речь более экспрессивной и повышает продуктивность ее воздействия на аудиторию.

(18) Over the past four years, Kamala Harris has orchestrated the most egregious betrayal that any leader in American history has ever inflicted upon the people of the United States. It's true. It's true. It's not even believable [Trump5 2024].
'За последние четыре года Камала Харрис организовала самое вопиющее предательство, которое когда-либо совершал любой лидер в истории Америки по отношению к народу Соединенных Штатов. Это правда. Это правда. В это сложно поверить'.

За счет экспрессивно-окрашенного словосочетания *egregious betrayal 'вопиющее предательство'* в сочетании с лексическим повтором и градацией повышается выразительность и степень воздействия этого фрагмента речи на аудиторию: *It's true. It's true. It's not even believable 'Это правда. Это правда. В это сложно поверить'*. Так, Трамп реализует критику своего политического оппонента в рамках предвыборной борьбы.

(19) She would get us into World War III because she's too grossly incompetent to do anything about it [Trump5 2024].
'Она втянет нас в Третью мировую войну, потому что она слишком некомпетентна, чтобы что-либо с этим сделать'.

В этом фрагменте речи употреблена единица с негативными коннотациями *incompetent 'некомпетентная',* а также лексема *World War III 'Третья мировая война'*, которая ассоциируется с ужасами и разрушениями в сознании аудитории. Д. Трамп сочетает смысловые акценты на совокупной некомпетентности и опасности, которые исходят от Камалы Харрис для всей страны и общества.

Тем самым, при обращении к критике представителей Демократической партии Д. Трамп дискредитирует своих политических оппонентов и подразумевает, что единственный правильный выбор – голосовать за него.

Значительное внимание Д. Трампом уделяется описанию **проблем США во внутренней и внешней политике**, подразумевается акцент на некомпетентности администрации президента США – представителей Демократической партии.

(20) There's never been a border like this, that allows millions and millions of people in a month, from mental institutions and prisons, let them come into our country [Trump1 2024].
'Никогда не было такой границы, которая позволяла бы миллионам и миллионам людей в течение месяца приезжать в нашу страну из психиатрических больниц и тюрем'.
Здесь и далее перевод Туминой В. А.

Описательная конструкция *from mental institutions and prisons 'из психиатрических больниц и тюрем'* позволяет политику показать опасность мигрантов. Д. Трамп делает акцент на том, какие угрозы исходят от нелегальных мигрантов для жителей Америки.

(21) They're overrunning our country. They're destroying our country. They're ruining our country, and they're making our country very unsafe [Trump1 2024].
'Они захватывают нашу страну. Они разрушают нашу страну. Они разрушают нашу страну и делают нашу страну очень небезопасной'.

За счет синтаксического параллелизма *they're overrunning – they're destroying – they're ruining – they're making 'они захватывают – они разрушают – они разрушают – они делают'* оратор создает целостную картину описываемой проблемы миграции. В этом фрагменте речи Д. Трамп усиливает смысловой и прагматический акцент на том, какие угрозы исходят от нелегальных мигрантов.

(22) These foreign countries are ripping us off at levels that you've never seen before. And we had them held back. Russia respected us. China respected us [Trump1 2024].
'Эти иностранные государства обдирают нас так, как никогда прежде. И мы их сдерживали. Россия уважала нас. Китай уважал нас'.

Посредством эпифоры *respected us 'уважал нас'* для

аудитории делается акцент на эффективности политики оратора в ходе его предыдущего срока. Здесь Дональд Трамп обращается к проблемам внешней политики, указывая на то, что иностранные партнеры наживаются на США, делается акцент на том, что ранее сильные иностранные государства уважали США, но на данный момент эта эпоха прошла.

(23) We have a lot of important subjects because our country has become a third world nation. We literally are a third world nation. We're a banana republic, in so many ways [Trump2 2024].
'У нас много важных задач, потому что наша страна стала страной третьего мира. Мы буквально являемся страной третьего мира. Мы банановая республика, во многих отношениях'.

Использование ассоциативно-богатого понятия *banana republic 'банановая республика'* в сочетании с негативно-окрашенным словосочетанием *third world nation 'страна третьего мира'* указывает на кризисное положение США в мире, что следует из использования данных лексических единиц. В совокупности словосочетания призваны показать аудитории, каковы плачевные результаты действий президентской администрации Джо Байдена.

(23) Real incomes are down by over $2,000 a year per family. That's a lot of money [Trump2 2024].
'Реальные доходы упали более чем на $2000 в год на семью. Это большие деньги'.

Экспрессивно-окрашенная конструкция *that's a lot of money 'это большие деньги'* призвана привлечь внимание аудитории и убедить потенциальных избирателей в том, что экономическая политика на тот момент действующей администрации неэффективна. Акценты на проявлениях экономического кризиса в стране также представляют собой значимый компонент в речах Дональда Трампа. Более того, политик использует статистические данные, чтобы сделать предоставляемую информацию более наглядной для восприятия.

(24) Credit card debt has exploded, and it's exploded to the highest it's ever been, and the cost of a typical monthly mortgage has tripled. Tripled [Trump2 2024].
'Задолженность по кредитным картам резко возросла и достигла самого высокого уровня за всю историю, а стоимость стандартной ежемесячной ипотеки утроилась. Утроилась'.

Была выявлена метафора, построенная на глаголе *exploded 'резко возросла'*, чтобы указать на резкий рост и проявления кризиса в экономике и банковском секторе страны. Оратор подчеркивает факт наличия экономических проблем в США, которые выразились в жизни общества: политик указывает на рост кредитных платежей и долги по кредитам.

(25) You wouldn't have ever had an embarrassment like that Afghanistan disaster. Worst, most embarrassing day in our country's history [Trump2 2024].
'У вас никогда не было бы такого позора, как катастрофа в Афганистане. Худший, самый позорный день в истории нашей страны'.

В этой речи употреблена гипербола *most embarrassing day in our country's history 'самый позорный день в истории нашей страны'* в сочетании с экспрессивно-окрашенным существительным *disaster 'катастрофа'*. Они показывают восприятие Трампом ухода американских войск из Афганистана, которое многими было воспринято как бегство. Выделенные стилистические приемы маркируют негативное отношение оратора к этой ситуации.

(26) Compare the cost of just groceries. Some of these things have gone up four, five, six times. Energy, interest rates. How about, I was at 2% interest rates. Now they're at 10% [Trump4 2024].
'Сравните стоимость продуктов. Некоторые из них выросли в цене в четыре, пять, шесть раз. Энергия, процентные ставки. А ведь у меня была процентная ставка 2%. Теперь она составляет 10%'.

Сочетание градации *four, five, six times 'в четыре, пять, шесть раз'* и парцелляции *energy, interest rates 'энергия, процентные ставки'* расставляет смысловые акценты в речи, делая ее более убедительной. Дональд Трамп многократно обращается к экономическим проблемам в США, так как этот вопрос важен для рядовых граждан страны. Обращение к этим проблемам в политических выступлениях показывает осведомленность политика в тех проблемах, которые волнуют общество. Добавление статистической информации оказывает более полное и эффективное воздействие на аудиторию.

Ввиду того, что материалом работы являются предвыборные речи Д. Трампа, значительную роль в их содержании играют и **предвыборные обещания**.

(27) But we'll bring back safety, security, and the American dream, bigger, better, and stronger than ever before [Trump1 2024].
'Но мы вернем безопасность, защищенность и американскую мечту – она станет больше, лучше и сильнее, чем когда-либо прежде'.
Здесь и далее перевод Туминой В. А.

Наличие прилагательных в сравнительной степени *bigger, better, and stronger 'больше, лучше и сильнее'* позволяет говорить о позитивных изменениях в жизни страны в случае избрания оратора президентом. Данные лексические единицы имеют позитивные коннотации. Кроме того, политик обращается и к концепции Американской мечты как символа успеха личности.

(28) But from today, and from the day I take the oath of office, we will rapidly drive prices down, and make America affordable again. We're going to make it af-

fordable again [Trump2 2024].
'Но с сегодняшнего дня, и с того дня, как я приму присягу, мы быстро снизим цены и сделаем Америку снова доступной. Мы сделаем ее снова доступной'.

Как показывает анализ, в этом примере также использованы глаголы в форме Future Simple (будущего времени). При этом, употреблена и эпифора, построенная на повторении лексемы *again 'снова'*, что подразумевает возврат к временам процветания Америки. С точки зрения содержания, в этом примере Дональд Трамп обращается к конкретным шагам, которые он планирует предпринять, что связано здесь со снижением цен.

(29) When I win the election, we will immediately begin a brand-new Trump economic boom. It'll be a boom [Trump2 2024].
'Когда я выиграю выборы, мы немедленно начнем совершенно новый экономический бум имени Трампа. Это будет именно экономический бум'.

В рассматриваемом примере употребляется метафорический термин *economic boom 'экономический бум'*, описывающий взрывной рост экономических показателей государства. Более того, делается акцент на положительных изменениях в экономике США, которые произойдут в случае избрания политика президентом.

(30) My administration will issue rapid approvals for new energy infrastructure, unlock new lands for drilling, and achieve energy independence and energy dominant [Trump2 2024].
'Моя администрация незамедлительно одобрит новую энергетическую инфраструктуру, даст допуск на бурение в новых районах, что позволит достичь энергетической независимости и энергетического доминирования страны'.

Употребление однородных сказуемых в форме Future Simple *will issue 'одобрит', will unlock 'даст допуск', will achieve 'достигнет'* позволяет сформировать положительный образ изменений в стране после избрания оратора президентом. Этот фрагмент речи отражает заинтересованность Трампа в повышении энергетической независимости США, что он планирует достичь посредством повышения объема добычи полезных ископаемых и генерации энергии. Более того, политик делает акцент на незамедлительном решении этой проблемы, что подразумевает стремление к максимальной эффективности деятельности его администрации.

(31) I will bring back free speech in America because it's been taken away [Trump3 2024].
Я верну свободу слова в Америку, потому что ее у нас отняли.

В этом фрагменте речи было установлено использование конструкции с негативными коннотациями: *it's been taken away 'ее у нас отняли'*. Здесь отражено предвыборное обещание Трампа усилить принципы свободы слова в стране. Чтобы сформировать это обещание, политик апеллирует к негативной оценке ситуации в стране в этой сфере.

(32) We have to be strong and powerful again. And we must put tariffs on foreign predators, they are predators, so that they don't destroy our steel industry [Trump4 2024].
'Мы должны снова стать сильными и могущественными. И мы должны ввести пошлины на иностранных хищников, они именно хищники, ведь они чуть не уничтожили нашу сталелитейную промышленность'.

Чтобы подчеркнуть степень угрозы экономике США от других государств, используется метафора *predators 'хищники'*. В этом примере декларируется решительность кандидата в президенты по решению проблем в сфере международной экономики, что проявляется в необходимости установления тарифов для протекционистской защиты отдельных отраслей экономики США.

(33) Under my plan, America will be a manufacturing superpower. Once again, we will be the envy of the world, and we will build that incredible future right here in Pennsylvania [Trump4 2024].
'По моему плану Америка станет производственной сверхдержавой. Мы снова будем предметом зависти всего мира, и мы построим это невероятное будущее прямо здесь, в Пенсильвании'.

В этом примере используются глаголы в будущем времени *will be a manufacturing superpower 'станет производственной сверхдержавой', will be the envy 'снова будем предметом зависти', will build 'мы построим'* для выражения предвыборных обещаний Трампа. При этом делается также и акцент на том, что речь идет именно о плане политика, эта идея подчеркивается для аудитории, что выступает как еще одно средство убеждения голосовать за него. Приведенный фрагмент речи характеризуется также и выразительностью, образностью, что следует из использования положительно-окрашенного прилагательного *incredible 'невероятное'*.

(34) With your support on November 5th, America will be bigger, better, bolder, richer, safer, and much stronger than ever before [Trump5 2024].
'Благодаря вашей поддержке 5 ноября Америка станет больше, лучше, смелее, богаче, безопаснее и намного сильнее, чем когда-либо прежде'.

Анализ данного примера показывает факт использования прилагательных в сравнительной степени *bigger, better, bolder, richer, safer, and much stronger 'больше, лучше, смелее, богаче, безопаснее и намного сильнее'*. Они позволяют оратору сделать предвыборные обещания более яркими и убедительными, а также показать, что

жизнь в стране изменится к лучшему лишь в том случае, если избиратели проголосуют за него.

(35) We will rebuild our cities, including our capital in Washington, D.C., making them safe and clean and beautiful once again [Trump5 2024].
'Мы восстановим наши города, включая нашу столицу Вашингтон, округ Колумбия, сделав их снова безопасными, чистыми и красивыми'.

Для выражения предвыборных обещаний политиком употребляются и единицы с положительными коннотациями *safe and clean and beautiful 'безопасные, чистые и красивые'* посредством которых описывается предвыборное обещание Дональда Трампа сделать жизнь в городах США безопасной, а также вернуть в них необходимую им культуру.

Тем самым, предвыборные обещания как смысловой компонент предвыборных речей отражает их прагматические, смысловые и функциональные особенности. Обращаясь к этому аспекту, Дональд Трамп показывает аудитории, какой станет жизнь в стране после его избрания.

Заключение

Тем самым, были выявлены следующие содержательные аспекты в речах Дональда Трампа: акцент на собственных достижениях в течение предыдущего президентского срока, критика представителей Демократической партии, указания на проблемы в США во внутренней и внешней политике, а также предвыборные обещания. Было установлено, что при характеристике своей эффективности во время предыдущего президентского срока Д. Трамп использует прилагательные в превосходной степени сравнения и экспрессивно-окрашенные единицы, которые расставляют смысловые акценты в речи и подчеркивают сильные стороны его президентства для аудитории.

При критике представителей Демократической партии Д. Трамп делает акцент на правильном голосовании – на выборе его кандидатуры на президентских выборах. Чтобы подчеркнуть, что Харрис, Байден, Уолц и прочие представители Демократической партии – неправильный выбор для страны и общества, Д. Трамп формирует у аудитории ощущение опасности, которая от них исходит, а также акцентирует внимание и на их профессиональной некомпетентности и интеллектуальной недееспособности. Чтобы вербализировать этот содержательный аспект речей, Д. Трамп использует стилистические приемы, экспрессивно-окрашенную лексику с негативными коннотациями, лексемы с ассоциативным потенциалом, а также повторы для усиления воздействия на аудиторию.

Для того, чтобы привлечь внимание аудитории к проблемам в США, Д. Трамп сообщает об аспектах внутренней и внешней политики, таким как экономический кризис в стране, миграционный кризис на южной границе, а также падение авторитета США на международной арене. Этот содержательный аспект связан также и с критикой представителей Демократической власти, так как Трамп прямо и косвенно обвиняет на тот момент действующую администрацию в этих кризисных проявлениях в стране. Для вербализации этих аспектов используются такие языковые средства как стилистические приемы и статистические данные для наглядности предоставляемой информации.

Наконец, предвыборные обещания являются значимой составляющей предвыборных речей Трампа, что следует из целей и задач предвыборного дискурса как такового. Д. Трамп показывает, каковы его планы, и что именно он планирует изменить в жизни страны для ее улучшения. На языковом уровне используются единицы с положительными коннотациями, а также грамматические конструкции в будущем времени, что указывает на соотнесенность этого содержательного пласта с будущим.

Тем самым, предвыборный дискурс Дональда Трампа характеризуется содержательным многообразием и многокомпонентностью, что отражает многоплановость проблем, которые решаются в пространстве политического дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Олянич 2004 – Олянич А.В. Презентационная теория дискурса. Волгоград: Парадигма, 2004. 412 с.
2. Стернин 2003 – Стернин И.А. Очерк английского коммуникативного поведения. Воронеж, 2003. 185 с.
3. Тишин 2010 – Тишин Н.В. Вербальные средства внушения в политическом дискурсе // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2010. №1. С. 43–47.
4. Шалина 2016 – Шалина И.В. Современная коммуникативистика. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. 128 с.
5. Волкова 2016 – Волкова Я.А. Деструктивность в политическом дискурсе // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2016. №4. С. 98–110.
6. Федорова 2018 – Федорова К.И. Реализация категории деструктивности в предвыборной речи Хиллари Клинтон // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. №2–1. С. 227–232.
7. Демьянков 2002 – Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Полит. наука. 2002. №3. С. 109–117.
8. Дьюкина 2004 – Дьюкина С.В. Структура политического пространства современного общества в рамках информационно–коммуникативной системы //

Вестник Нижегородского университета им. Н.П. Лобачевского. Сер.: Международные отношения. Политология. Регионоведение. 2004. № 1. С. 189–196.
9. Шейгал 2000 – Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дисс. … доктора филологических наук. Волгоград, 2000. 431 с.
10. Дружинин 2016 – Дружинин А.С. Параметры прагматического анализа предвыборного дискурса // Электронный научный журнал. 2016. № 9(12). С. 158–163.
11. Trump1 2024 – Trump Rally in Montana. URL: https://webflow.rev.com/transcripts/trump-rally-in-montana (дата обращения: 16.02.2024).
12. Trump2 2024 – Trump Rally in North Carolina. URL: https://webflow.rev.com/transcripts/trump-rally-in-north-carolina (дата обращения: 16.02.2024).
13. Trump3 2024 – Trump Rally in Wisconsin. URL: https://webflow.rev.com/transcripts/trump-rally-in-wisconsin (дата обращения: 16.02.2024).
14. Trump4 2024 – Trump Rally in Indiana, Pennsylvania. URL: https://webflow.rev.com/transcripts/trump-rally-in-indiana-pennsylvania (дата обращения: 16.02.2024).
15. Trump5 2024 – Trump Rally in Novi, Michigan. URL: https://webflow.rev.com/transcripts/trump-rally-in-novi-michigan (дата обращения: 16.02.2024).

© Тумина Виктория Андреевна (anabell25@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.05–2.36

ДОМИНАНТА «МИЛОСЕРДИЕ» КАК ПЕРИФЕРИЙНЫЙ КОМПОНЕНТ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО МАКРОПОЛЯ ЦЕННОСТЬ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Тянь Мэнчжу
Аспирант, Московский педагогический государственный университет
Tianmengzhu@yandex.ru

Аннотация: Данная статья посвящена изучению концептуальное макрополе ЦЕННОСТЬ, его периферийной доминанты «Милосердие». Для построения и изучения концептуальной организации «Ценность», необходимо обратиться к истории происхождения и употребления данного концептуального макрополя. В рамках концептуального макрополя ЦЕННОСТЬ доминанта «Милосердие» в русской языковой картине мира характеризуется комплексом признаков, раскрывающих её понятийное, образное, нравственно-духовное и эмоционально-аксиологическое содержание.

Ключевые слова: концептуальное макрополе, ЦЕННОСТЬ, лингвокультурология, доминанта, доминанта «Милосердие».

THE DOMINANT "MERCY" AS A PERIPHERAL COMPONENT OF THE CONCEPTUAL MACROFIELD VALUE IN RUSSIAN LINGUISTIC CULTURE

Tian Mengzhum

Summary: This article is devoted to the study of the conceptual macrofield VALUE, its peripheral dominant "Mercy". To build and study the conceptual organization of "Value", it is necessary to turn to the history of the origin and use of this conceptual macrofield. Within the framework of the conceptual macrofield VALUE, the dominant "Mercy" in the Russian language picture of the world is characterized by a complex of features that reveal its conceptual, figurative, moral-spiritual, and emotional-axiological content.

Keywords: conceptual macrofield, VALUE, linguacultural studies, dominant, dominant «Mercy».

В последнее время изучение взаимосвязи языка и мышления приобрели актуальность в связи с принципами антропоцентризма и конгнитивизма в лингвистике. Для построения и изучения концептуальной организации *«Ценность»*, нам необходимо обратиться к истории происхождения и употребления данного концептуального макрополя. Исторически сложилось, что концепты и когнитивные феномены сначала осмысляются в научных парадигмах философии и социологии, а затем к анализу подобного контента подключаются психологи, лингвисты, менеджеры, политологи и экономисты. Как отмечает М.С. Каган, понятие *«Ценность»* встречается в различных суждениях о видах ценности – *о блага, добре, красоте, святости* у классиков античной философии, у теологов средневековья, у ренессансных мыслителей, у философов Нового времени. Но в рамках научного анализа не было сделано обобщающего труда о *ценности* до середины прошлого столетия[1]. Философ подводит нас к теме возникновения *аксиологии* (т.е. наука о ценности), которая базируется на философии *теоцентризма* или *антропоцентризма*. Если в аспекте *тероцентризма* главным является Бог, как разумное существо, дающее человеку возможность познавать и оценивать мир, то в *антропоцентризме* – гносеологические возможности зависят только от самого человека.

Условно говоря, в Середине века форму ценностного сознания европейские религиозные философы представили в виде *«БОГ – ВЕРА - СЛУЖЕНИЕ»*. В современном обществе *ценностное сознание* не является единым, однако условно представить несколько векторов изучения *ценности*: *«ЧЕЛОВЕК – ПОЗНАНИЕ – НАУКА»* или *«ЧЕЛОВЕК – ГОСУДАРСТВО – ТРУД»*, *«ЧЕЛОВЕК – ТВОРЧЕСТВО – ИСКУССТВО», «ЧЕЛОВЕК - СЕМЬЯ»* или *«ЧЕЛОВЕК – ДУША – МИЛОСЕРДИЕ»*. Каждый вектор образует сферу ценности, поэтому в каждом векторе можно обозначать важные модели, которые дают возможности прямо и метафорически воссоздать *ценностную* картину любого живого языка.

В Толковом словаре русского языка (под ред. С.И. Ожегова)[2] отмечаются следующие толкования: «***ценность*** – 1. Цена, стоимость. *Картина большой ценности.* 2. Важность, значение. *Ценность предложения. Большая ценность работы.* 3. Обычно мн. Ценный предмет, явление. *Хранение ценностей. Культурные ценности. Мате-*

1 Каган М.С. Философская теория ценности. СПб.: Изд-во Петрополис, 1997. с.4.

2 Толковый словарь русского языка: Ок. 100000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; под ред. проф. Л.И. Скворцова. 27-е изд., испр. М.: Издательство АСТ: Мир и образование, 2016. 736с.

риальные и духовные ценности. // прил. Ценностный (к 1 знач.; спец.). *Выполнение плана в товарном и ценностном отношении*»

Понятие «ценность» представляет собой многоаспектный феномен. Как свидетельствуют данные *Философской энциклопедии*, *Большого энциклопедического словаря* и *Большой психологической энциклопедии*[3], в русской лингвокультуре выделяются базовые смысловые компоненты этого универсального понятия: важность, цена, достоинство, значение, значимость, самоценность, сверхценность и преимущество. Таким образом, «ценность» охватывает не только материально-оценочный или финансовый аспект предмета, но и его нематериальную важность, определяемую через призму полезности и необходимости для конкретного объекта.

Представленные дифференции позволяют сделать вывод о том, что в русской лингвокультуре **ЦЕННОСТЬ** — это то, что важно, ценно для каждого человека (каждой личности) в морально-нравственном отношении.

В современной лингвокультурологии универсальные доминанты и средства их представления являются необходимым компонентом научно-исследований, которые представляют собой связующие в векторе «*ЧЕЛОВЕК – ДУША – МИЛОСРЕДИЕ*»: доминанта «Любовь»[4], домината «Честь»[5], домината «Душа»[6] и др.

Доминанта «Милосердие» — это одно из наиболее актуальных для выявления нравственно-моральных норм и социального поведения человека. С древних времён *милосердие* существует в разных культурных традициях. Милосердие не является основным условием человеческого сосуществования, но оно концептуализируется как важное условие, фундаментальная нравственно-моральная предпосылка.

Милосердие как нравственно-моральный принцип находится во всех мировых религиях. В православной традиции милосердие трактуется как «атрибутивное свойство Божественной сущности, которое в богословской традиции выступает граневым проявлением Божьей благости. Оно неотделимо от Божественного правосудия и премудрости, а в отношении сотворенных существ выражается в стремлении и способности Бога даровать им должную милость, проявлять терпение, снисхождение и очищать от греховной скверны». Одновременно милосердие понимается как «нравственный идеал, сближающий верующего с Творцом через деятельное сострадание к ближнему».

Милосердие в Исламе – это сострадательное, доброжелательное, заботливое отношение к другому человеку, готовность из сострадания оказать помощь тому, кто в ней нуждается. Или же, это божественное снисхождение и абсолютная благодарственная милость к человеку.

В Буддизме, как и в других мировых религиях, милосердие – это один из основных элементов пусти просвещения и освобождения от страданий. Истинное выражение милосердия в Буддизме заключается в сострадательном понимании, сострадательных мыслях и поведениях. Став живым примером милосердия, будда обучил этому образу жизни своих посредников. В Дхаммападе 19 говорится: «一人要如何既保护自己又保护他人呢？以耐心和宽容过非暴戾和无害的慈悲生活，就能做到。» («Как можно защитить и себя, и других? Этого можно добиться, проживая жизнь, полную ненасильственного и безвредного сострадания, терпения и терпимости»).

Итак, религиозные концепции милосердия подчёркивают важнейшие нравственно-моральные обязательства: благотворительность, необходимо быть добрым и внимательным к другим.

Согласно *«Толковому словарю русского языка начала XXI века»* под редакцией Г.Н. Скляревской, **милосердие** определяется как «сострадательная помощь ближнему, выступающая христианской добродетелью, а в широком смысле — бескорыстное проявление сострадания и поддержки по отношению к людям». Особое внимание в дефиниции привлекает употребление термина **«ближний»**, характерное для религиозного дискурса. Это подчеркивает связь понятия с христианской этикой, где милосердие трактуется как нравственный идеал, укоренённый в религиозной традиции. По нашему мнению, этот акцент выражает «христианского милосердия» как добродетели: *милосердный Бог, милосердный монах, милосердный поступок, милосердный мужчина.*

Произошёл семантический сдвиг в слове «милосердие»: ранее оно характеризовало положительное свойство или поступок только отдельной личности, то сейчас «милосердными» могут быть группы, общество: *Общество милосердия, группы милосердия, Компания мило-*

3 Ценность // Академик: [Электоральный ресурс] URL: https://thematic_philosophical.academic.ru/368/ЦЕННОСТИ (Дата обращения - 07.01.2024).

4 См., например: Колесникова С.М. Концепт «любовь» // Вестник МГОУ. Серия: Русская филологи. 2006. №1. С. 17–27.

5 См., например: Колесникова С.М. Смыслообразующие начала концепта «честь» в языке современной военно патриотической прессы // МедиаАльманах. 2017. №1. С. 125–131.

6 См., например: Колесникова С.М. Концепт душа в русской языковой картине мира // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: история и современность: сборник научных трудов. Вып. II. М.: ИИУ МГОУ, 2014. С. 67–75.

сердной помощи пострадавшим от наводнения, Школа сестёр милосердия, Благотворительная организация «Милосердие ru.», общество «Друзья милосердия», использующее лозунг «Начини день с милосердия».

При рассмотрении ценностной стороны доминанты «Милосердие» обнаружен, что она выступает как нравственно-моральная категория: *Быть милосердным – поступить милосердно*.

Доминанта «Милосердие» представлена в русской лингвокультуре как практический акт, действие и как нравственно-духовное восприятие жизни, что создаёт противопоставление значений: «чувство - действие»: *Все человеческие чувства — любовь, дружба, зависть, человеколюбие, **милосердие**, жажда славы, честность — ушли от нас с тем мясом, которого мы лишились за время своего продолжительного голодания* [В.Т. Шаламов. Колымские рассказы (1954–1961)][7]; <…>, *но и как о задаче всечеловеческого и всесветного соединения во имя Христово и в духе Христовом — в духе любви и **милосердия**, подвига и самопожертвования.* [В.С. Соловьев. Три речи в память Достоевского (1881–1883)] – значение «чувство»; *Они достойно, мужественно и милосердно ведут себя в жизни, не рассчитывая на посмертное вознаграждение* [Д.В. Бавильский. Чужое солнце (2012)]; — *Может быть, ты скучаешь по Зое? — милосердно подсказала Катя* [Т.М. Тронина. Никогда не говори «всегда» (2018)] – значение «действие».

Под милосердным человеком понимается неравнодушная личность, которая хочет и может помочь другому человеку – ближнему. Современные социальные проблемы «милосердия» создают концептуальное поле, в которое входят следующие понятия, как: *«сирота»* (проявление милосердия и нужно помощи детям без родителей), *«болящие»* (милосердие должно быть проявлено в культурном сообществе больным физически и душевно, старикам и инвалидам), *«семья»* (милосердие к малоимущим и многодетным), *«бездомные»* (милосердие как социальная защита бедных), *«заключенные»* (подразумевается, что милосердие будет проявлено к несвободным людям, которые совершили ошибку - преступники).

Доминанта «Милосердие» в русской лингвокультуре реализуется через следующие семантические группы:

1. **Альтруистическая готовность к помощи**
— мотивированная состраданием активная поддержка нуждающихся (например: *проявлять милосердие*, *призыв к милосердию*).
2. **Деятельная любовь и социальное участи**
— эмоционально-практическое включение в жизнь социально уязвимых категорий (сироты, старики, больные, раненые), выражающееся в заботе и защите.
3. **Эмоционально-действенное сопереживание**
— синтез душевной мягкости (*мягкосердечие*), эмпатии (*сочувствие*) и практической ориентации на добро деяние (*готовность делать добро*).
4. **Гуманистическое всепрощение**
— готовность к реститутивной справедливости, основанной на человеколюбии, даже в отношении маргинализированных групп (например, преступников).

Таким образом, доминанта «Милосердие» — это больше готовность к оказанию помощи, чем сама помощь, это эмоционально-чувственный отклик на страдания других людей.

Для русского менталитета милосердие выше справедливости, то есть выше Закона.

В русском паремиологическом наследии (пословицах и поговорках) доминанта «Милосердия» актуализируется как позитивная поведенческая характеристика, однако его вербализация чаще осуществляется через лексему «милость». Это обусловлено тем, что понятие «милосердие», будучи церковнославянизмом, функционирует преимущественно в сакральных и литературных текстах, тогда как в народно-разговорном узусе доминирует семантически близкая, но стилистически нейтральная единица: *Милость смиряет; Милость происходит от любви; Милость над грехом — что вода над огнем; Нет больше милосердия, как в сердце царевом.*

Доминанта «Милосердие» раскрывается через следующие семантические компоненты:

1. **Акторы милосердной деятельности**:
— божественная инстанция (Бог);
— социальные институты (Красный Крест, храм, церковь, благотворительный фонд);
— персонифицированные субъекты (врач, меценат, женщина, медицинский работник).
2. **Реципиенты милосердия**:
— социально уязвимые группы (старики, сироты, инвалиды, больные);
— обобщённые категории (люди, ближний *в религиозно-этическом контексте*).
3. **Атрибутивные характеристики**:
— *духовно-нравственные*: божественное, прекрасное, безграничное;
— *эмоционально-поведенческие*: доброе, сердечное, жалостливое, сострадательное;
— *социально-гуманистические*: человечное, гуманное, любвеобильное.
4. **Праксис милосердия**:
— императивные действия (должен сострадать, необходимо проявлять);

7 Здесь и далее примеры взяты из Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru).

— акты взаимодействия (оказывать помощь, просить о поддержке).

В современной русской языковой картине мира доминанта «Милосердие» ассоциируется преимущественно с благотворительной деятельностью и личностями, посвятившими себя помощи нуждающимся, — зачастую это представители специализированных организаций. Яркой иллюстрацией служит деятельность политика Ирины Хакамады, выступающей попечителем благотворительного фонда и реализующей проекты в рамках данной этической парадигмы.

Ключевые характеристики милосердия в русскоязычном дискурсе включают следующие атрибуты: *безграничность, универсальность, душевность, отзывчивость, величие, спасительность*. Устойчивые словосочетания — *«творить милосердие», «оказывать милосердие», «проявлять милосердие», «дарить милосердие»* — отражают интерпретацию доминанты как осознанного, альтруистичного и возвышенного нравственного императива, укоренённого в коллективном сознании.

В Национальном корпусе русского языка собрано большое количество эпитетов, которые сопровождают лексему «милосердие»: *истинное, трепливое, безграничное, великое, дозированное, светлое, прекрасное, всепоглощающее, бескорыстное*. Например: *Кладбище оружия и последних свидетельств? Или наоборот — **истинное милосердие**? **Терпеливое милосердие**, накрывающее волной и уносящее течением все дикое, жестокое, варварское?* [Гузель Я.Ш., «Дети мои» (2019)]*; В этом Арсений видел проявление **безграничного милосердия** Божьего и поощрение к борьбе за ее жизнь* [Водолазкин Е.Г., Лавр (2012)]*; Я тебя покинул и с **великим милосердием** приму обратно. [Библия. Современный русский перевод Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета Канонические (2011)]; Для назидания, для воспитания у прочих, благополучных, **дозированного милосердия*** [Шапко В.М., Время стариков // «Волга» (2010)]. Все эпитеты имеют положительную ценность, так как они связаны с глубоким положительным восприятием исследуемой доминанты: ласковое, чувственное, отзывчивое, необходимое, настоящее, чистое, вечное, душевное, святое.

Таким образом, в рамках концептуального макрополя ЦЕННОСТЬ доминанта «Милосердие» в русской языковой картине мира характеризуется комплексом признаков, раскрывающих её понятийное, образное, нравственно-духовное и эмоционально-аксиологическое содержание. Анализ выявляет её системные связи с другими ключевыми доминантами русской лингвокультуры: святость, служение, любовь, доброта, жалость, сочувствие, что подчёркивает её интегративную роль в ценностной иерархии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каган М.С. Философская теория ценности. СПб.: Изд-во Петрополис, 1997. с.4.
2. Колесникова С.М. Концепт «любовь» // Вестник МГОУ. Серия: Русская филологи. 2006. №1. С. 17–27.
3. Колесникова С.М. Концепт душа в русской языковой картине мира // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: история и современность: сборник научных трудов. Вып. II. М.: ИИУ МГОУ, 2014. С. 67–75.
4. Колесникова С.М. Смыслообразующие начала концепта «честь» в языке современной военно-патриотической прессы // МедиаАльманах. 2017. №1. С. 125–131.
5. Кумахова Л.М. Условия осмысления сущностного понятия милосердия как общечеловеческой ценности // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2015. №47. [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/usloviya-osmysleniya-suschnostnogo-ponyatiya-miloserdiya-kak-obschechelovecheskoy-tsennosti (дата обращения: 09.01.2024).
6. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс] Режим доступа URL: ruscorpora.ru (дата обращения: 16.01.2025).
7. Православная энциклопедия // Азбука веры. 2005. [Электронный ресурс] URL: https://azbyka.ru/miloserdie (дата обращения: 09.01.2025).
8. Толковый словарь русского языка начала XXI века: актуальная лексик: около 8500 слов и устойчивых словосочетаний / [авт.-сост.: Г.Н. Скляревская и др.]; под ред. Г.Н. Скляревской. М.: Эксмо, 2008. - 1131, [2] с.
9. Толковый словарь русского языка: Ок. 100000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; под ред. проф. Л.И. Скворцова. 27-е изд., испр. М.: Издательство АСТ: Мир и образование, 2016. 736с.
10. Ценность // Академик: [Электоральный ресурс] URL: https://thematic_philosophical.academic.ru/368/ЦЕННОСТИ (Дата обращения - 07.01.2025).

© Тянь Мэнчжу (Tianmengzhu@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.05–2.37

СЕМАНТИКО-КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСЕМ «GUERRE» И «MISSION» В СЛОВАРЕ И ДИСКУРСЕ

SEMANTIC-COGNITIVE ANALYSIS OF LEXEMES "GUERRE" AND "MISSION" IN DICTIONARY AND DISCOURSE

E. Khiminets
S. Mishlanova

Summary: This article provides a semantic-cognitive analysis of the lexemes "guerre" (war) and "mission" on the material of French dictionaries and articles dedicated to the military event "Serval" in the French daily newspaper Le Monde. The objective of this article is to make a semantic-cognitive and comparative analysis of two concepts that represent the macro-concept of the military event "Serval".

Keywords: semantic-cognitive analysis, war, mission, Operation "Serval", French newspaper Le Monde, Mali.

Химинец Елена Михайловна
старший преподаватель, Пермский государственный национальный исследовательский университет
ellen.lm@mail.ru
Мишланова Светлана Леонидовна
Доктор филологических наук, профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет
mishlanovas@mail.ru

Аннотация: В рамках данной статьи проводится семантико-когнитивный анализ лексем «guerre» (война) и «mission» (миссия) на материале французских словарей и статей, посвященных военному событию «Сервал» в ежедневной французской газете Le Monde. Целью данной статьи является проведение семантико-когнитивного и сравнительно-сопоставительного анализа двух концептов, репрезентирующих макроконцепт ВОЕННОЕ СОБЫТИЕ «СЕРВАЛ».

Ключевые слова: семантико-когнитивный анализ, война, миссия, операция «Сервал», французская газета Le Monde, Мали.

В рамках данного исследования когнитивная лингвистика понимается как наука, которая «изучает соотношение семем, их сочетаний, типовых пропозиций, нашедших выражение в языке, со сферой концептов» [Попова, Стернин 2007, с.19]. Изучая языковую семантику, когнитивная лингвистика позволяет анализировать сферу концептов, так как «в сферу смыслов когнитивная лингвистика выходит через лингвистику текста, располагающую средствами обнаружения имплицитных смыслов, лежащих в глубине текстов и не имеющих вербального выражения» [Там же]. Значение является частью концепта, а концепт – это «глобальная единица мыслительной деятельности» [Попова, Стернин 2007, с. 14], представляющая собой «квант знания» [Там же, с. 22]. «Структура концепта — это совокупность обобщенных признаков и групп признаков, необходимых и достаточных для идентификации предмета или явления как фрагмента картины мира» [Пименова 2013: 131 Типы концептов]. Например, мотивирующие признаки выявляются путем анализа этимологических и исторических словарей, а понятийные признаки путем анализа словарных дефиниций [Пименова 2017: 14–15 Концептология]. Таким образом, концепт как ментальная единица может быть описан через анализ средств его языковой объективации [Там же, с. 46]. Описание концепта осуществляется дефинированием, контекстуальным анализом, этимологическим анализом и т.д. [Там же, с. 47]. Следует отметить, что фрагменты концепта могут быть репрезентированы в словаре и тексте. Концепты можно объединить в макроконцепт - «сложное ментальное образование, связанное с концептами, входящими в его структуру, родовидовыми отношениями» [Пименова, Бакирова 2021, с.93]. В дискурсе – вербально опосредованной деятельности в специальной сфере, происходит развитие знака [Алексеева, Мишланова 2002, с. 95]. В рамках работы с контекстуальной семантикой применяется метод семантико-когнитивного анализа. Данный метод предполагает, переход от содержания значений к содержанию концептов и дает возможность использовать полученные когнитивные знания для объяснения явлений и процессов в семантике языка, углубленного изучения лексической семантики [Попова, Стернин 2007, с.15 Семантико-когнитивный анализ языка].

В рамках исследования проанализирована коллекция текстов статей о военном событии «Сервал» в газете Le Monde. Отбор статей проведен в соответствии с хронологией события с 11 января 2013 г. по 14 июля 2014 г., далее методом сплошной выборки по ключевому слову «Serval». Полученный корпус текстов проанализирован в программе Sketch Engine с помощью инструмента Wordlist, выявлены наиболее частотные лексические единицы, репрезентирующие в новостных текстах военное событие «Сервал». Выявленные единицы являются именами концептов и репрезентируют макроконцепт ВОЕННОЕ СОБЫТИЕ «СЕРВАЛ». Принимая во внимание, тот факт, что фрагменты концепта вербализованы в словаре и тексте, то сначала проведен анализ словарных дефиниций, далее анализ дискурсивных дефиниций. После чего проводится описание структуры концепта,

выявленных слотов, подслотов и подслотов 1-го уровня. В рамках данной статьи рассмотрим только две единицы: guerre (война) и mission (миссия), имеющие относительно ровную представленность в газете Le Monde (guerre - 237, mission - 209).

Перейдем к рассмотрению этимологических и исторических словарей. В ходе проведения анализа определены компоненты значения, относящиеся к общему значению лексемы «guerre», приведем примеры: «difficulté» (трудности), «malheur» (несчастье), «quereller» (ссориться), и военное значение «surnom d'un homme batailleur» (имя сражающегося человека). Далее проанализированы словарные дефиниции в 32 французских словарях. Выявлены компоненты значения с общим и специальным значениями:

— общее значение: dominer ou à éliminer un rival (доминировать или устранять соперника); lutter pour changer la conduite de qqn (бороться за изменение чьего-либо поведения);
— политическое значение: hostilité, lutte entre groupes sociaux, États, n'allant pas jusqu'au conflit armé (вражда, борьба между социальными группами, государствами, не приводящая к вооруженному конфликту);
— биологическое значение: des animaux qui en attaquent d'autres pour en faire leur proie (животные, которые нападают на других, чтобы сделать их своей добычей);
— военное значение: *участники*: conflit armé entre des *nations, des États, des groupes humains* (вооруженный конфликт между *нациями, государствами или человеческими группами*); *действия*: *lutte à main* armée, entre deux peuples ou deux partis (вооруженное *столкновение* между двумя народами или двумя партиями); *характеристика*: la guerre est une lutte *armée* entre des pays ennemis (война - это *вооруженная* борьба между враждующими странами); *цель*: rapports conflictuels qui se règlent par une lutte armée, en vue de *défendre un territoire, un droit ou de les conquérir, ou de faire triompher une idée* (конфликтные отношения, которые разрешаются путем вооруженной борьбы, с целью *защиты или завоевания территории или права, или продвижения идеи*);
— название игры: nom d'un jeu qui se joue sur un billard (название игры, в которую играют на бильярдном столе).

После проведенного анализа франкоязычных словарей обратимся к анализу текстов статей в газете Le Monde репрезентирующих макроконцепт ВОЕННОЕ СОБЫТИЕ «СЕРВАЛ» и концепт GUERRE. В ходе исследования концепта выявлены следующие слоты: «Участники», «Характеристика», «Цель», «Продолжительность», «Результат». В большинстве слотов выявлены подслоты представляющие одну из сторон военного события, а именно «Франция», «Мали и страны Африки», «Противник и несостоявшееся государство Азавад».

При анализе французской газеты Le Monde в слоте «Участники» выявлен подслот «Франция». Данный подслот представлен подслотами 1-го уровня «Руководство» и «Вооруженные силы». В подслот 1-го уровня «Руководство» вошли следующие компоненты значения: глава государства, топонимы, должность. Приведем пример: «*…la France mène, au Mali, une guerre par procuration au profit des Etats-Unis d'Amérique, lui permettant également de défendre ses intérêts historiques» (... Франция ведет марионеточную войну в Мали от имени Соединенных Штатов Америки, что также позволяет ей защищать свои исторические интересы)* [Le Monde]. В подслоте 1-го уровня «Вооруженные силы» выявлены компоненты значения войска и состав армии, военнослужащие, военная техника.

В слоте «Характеристика» выявлен подслот «Франция», который включает подслот 1-го уровня «СМИ», где представлены компоненты значения указывающие на ограничение информации и открытость информации. Приведем пример: «*... il s'agit d'une guerre sans images un conflit à huis clos» (… это война без изображений, конфликт за закрытыми дверями)* [Le Monde].

В слоте «Цель» выявлен подслот «Франция», включающий компоненты значения военная цель, политическая цель, отсутствие цели, невозможность достижения цели. Приведем примеры: «*Il s'agit de préparer la deuxième phase de la guerre sans merci lancée vendredi par le président Hollande contre le terrorisme» (Цель - подготовиться ко второй фазе беспощадной войны с терроризмом, начатой президентом Олландом в пятницу)* [Le Monde].

В слоте «Продолжительность» выявлен подслот «Франция», где представлены компоненты значения указывающие на длительность войны, этапы войны. Приведем пример: «*Cette guerre est un engagement de long terme» (Эта война - долгосрочное обязательство)* [Le Monde].

В слоте «Результат» представлены три стороны военного события - подслот «Франция», подслот «Мали и страны Африки», подслот «Противник и несостоявшееся государство Азавад». В подслоте «Франция» представлен подслот 1-го уровня «Потери», включающий компоненты значения смертельный исход, военные преступления, а также подслот 1-го уровня «Планы», включающий компоненты значения: продолжение военных действий, бесперспективность военных действий. Приведем пример: *«Autant la France était indispensable et légitime dans son action à hauteur de Konna, autant la suite de la guerre est d'abord l'affaire des Africains» (Так же, как действия Франции в Конне были важны и законны, остальная часть во-*

йны — это, прежде всего, дело африканцев) [Le Monde]. В слоте «Мали и страны Африки» выявлены также компоненты значения «Потери» (смертельный исход) и «Планы» (продолжение военных действий). В слоте «Противник и несостоявшееся государство Азавад» представлен подслот 1-го уровня «Потери» (смертельный исход).

Рассмотрим следующую анализируемую лексему. В ходе проведения анализа этимологических и исторических словарей французского языка определены следующие компоненты значения лексемы «mission»: «mission» (миссия); «frais, dépenses» (расходы, траты); «action d'envoyer» (отправить, послать); «tâche confiée à une personne» (задача, возложенная на человека); «action d'accomplir une tâche» (действия для выполнения задачи); «raison d'être, fonction (d'une chose)» (предназначение, функция); «ensemble de personnes que l'on envoie accomplir une tâche» (группа людей, посланная для выполнения задания). Далее проанализированы словарные дефиниции в 32 французских словарях, представим основные компоненты значения, которые удалось выявить:

- общее значение: tâche déterminée (поставленная задача), autorité pour s'en acquitter une tâche (полномочия для выполнения задачи), devoir (долг, обязанность), vocation (предназначение), but élevé (высокая цель);
- религиозное значение: prêcher par ordre de l'église (проповедовать по указанию церкви), locaux, où les missionnaires logent (место, где работают миссионеры), prêcher est fonctions de prêtre (обязанность священника проповедовать);
- право, дипломатия: fonction temporaire dont un gouvernement charge des agents spéciaux (временное назначение, сделанное правительством);
- военное значение: action de combat (боевые действия);
- наука: recherche scientifique (научное исследование), personnes chargées d'accomplir des recherches à caractère scientifique (ученые ответственные за исследование).

Далее обратимся к анализу текстов статей в газете Le Monde репрезентирующих макроконцепт ВОЕННОЕ СОБЫТИЕ "СЕРВАЛ" и концепт MISSION. В ходе исследования выявлены слоты «Участники», «Действия», «Цель».

В слоте «Участники» выявлен подслот «Франция» и подслот 1-го уровня «Вооруженные силы», который включает компоненты значения: войска и состав армии, военнослужащие, военная техника. В слоте «Действия» определен подслот «Франция» и компонент значения военные действия. Приведем пример: «*Des soldats français, appartenant essentiellement aux forces spéciales, ont déjà été déployés dans des zones où opèrent les groupes armés islamistes, principalement pour des missions de renseignement et de guidage lors des frappes des derniers jours*» (Французские солдаты, в основном из сил специального назначения, уже были направлены в районы, где действуют исламистские вооруженные группировки, в основном для обеспечения разведки и руководства во время ударов в последние дни) [Le Monde].

В заключительном слоте «Цель», выявлен подслот «Франция» и компонент значения указывающий на помощь Мали. Приведем пример: *«Cette guerre doit être africanisée, la France ne conserverait pas longtemps sa légitimité si elle conduisait elle-même les combats. Sa mission est, au contraire, de former avec les Européens la force africaine et, ensuite, de l'appuyer en particulier avec les moyens de troisième dimension (avions et hélicoptères), des moyens logistiques, des moyens de commandement et des moyens de renseignement» (Франция не смогла бы долго сохранять свою легитимность, если бы сама возглавила боевые действия. Напротив, ее задача - сформировать африканские силы вместе с европейцами, а затем поддержать их, в частности, ресурсами третьего измерения (самолетами и вертолетами), материально-техническими ресурсами, командными ресурсами и ресурсами разведки) [Le Monde]*.

При проведении сравнительно-сопоставительного анализа двух концептов, обращает на себя внимание, тот факт, что при описании макроконцепта ВОЕННОЕ СОБЫТИЕ «СЕРВАЛ» на материале одной газеты, оба концепта наполнены по-разному. При сопоставлении слотов анализируемых концептов можно заключить, что структура концепта GUERRE более репрезентирована, так как включает 5 слотов (Участники, Характеристика, Цель, Продолжительность, Результат), в то время как у структуры концепта MISSION только три слота (Участники, Действия, Цель). Слот «Участники» представлен у двух концептов, однако общим является лишь подслот 1-го уровня «Вооруженные силы», так как в концепте MISSION подслот 1-го уровня «Руководство» не выявлен. Слот «Действие» представлен только у концепта MISSION в анализируемой газете. С другой стороны, слот «Характеристика» представлен только у концепта GUERRE. У данных концептов представлен слот «Цель», хотя у концепта GUERRE он более репрезентирован. Интересно отметить, что слоты «Продолжительность» и «Результат» представлены только у концепта GUERRE. Можно заключить, что несмотря на относительно равную представленность, концепт GUERRE является более наполненным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа. Монография. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. –200 с.

2. Зарубежная печать: Краткий справочник. Газеты. Журналы. Информационные агентства. М.: Политиздат, 1986. – 526 с.
3. Пименова М.В. Концептология на современном этапе (способы исследования концептуальных структур) // Гуманитарный вектор.2017. Т.12, № 5. С. 13–22.
4. Пименова М.В. Типы концептов и этапы концептуального исследования // Вестник КемГУ. 2013. Т.2, № 2 (54). С. 127–131.
5. Пименова М.В., Бакирова А.А. Символический макроконцепт «вселенная» в аспекте первопризнака в русской лингвокультуре // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 1. С. 92–101.
6. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. Монография. – М.: АСТ: «Восток-Запад», 2007. – 314 с.
7. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Монография. – Воронеж: изд-во «Истоки», 2007. – 250 с.
8. Le Monde URL: https://www.lemonde.fr/ (дата обращения 11.05.2021).

© Химинец Елена Михайловна (ellen.lm@mail.ru), Мишланова Светлана Леонидовна (mishlanovas@mail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.05–2.40

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЯЗЫКА ВРАЖДЫ В ЗАГОЛОВКАХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ НОВОСТНЫХ ИНТЕРНЕТ-СТАТЕЙ

THE USE OF HATE SPEECH IN ENGLISH-LANGUAGE INTERNET NEWS ARTICLES HEADLINES

A. Chernobrov
S. Yakovleva

Summary: The article examines the definition and essence of the concept of "hate speech", as well as its use in the headlines of English-language online news articles. In this article, the authors attempt to substantiate the need to study verbalization in the online media discourse. The authors consider approaches to the interpretation of «hate speech» as a linguistic phenomenon. The research material was the headlines of news articles on migrants for 2023 and 2024, provided on Internet portals.

Keywords: internet discourse, hate speech, xenophobia, hate speech, media language, xenophobic discourse.

Чернобров Алексей Александрович
доктор филологических наук, профессор, Новосибирский государственный педагогический университет
a.chernobrov@bk.ru
Яковлева Софья Ростиславовна
аспирант, Новосибирский государственный педагогический университет
misspyromaster@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается определение и сущность понятия «язык вражды», а также его использование в заголовках англоязычных новостных интернет-статей. Авторы предпринимают попытку обоснования необходимости изучения вербализации в дискурсе интернет-СМИ, рассматривают подходы к трактовке «языка вражды» (hate speech) как лингвистического феномена. Материалом исследования послужили заголовки новостных статей на тему мигрантов за 2023 и 2024 гг., предоставленные на интернет-порталах.

Ключевые слова: интернет-дискурс, язык вражды, ксенофобия, hate speech, язык СМИ, ксенофобический дискурс.

Политические и межличностные аспекты взаимодействия в современном обществе находят свое отражение в области средств массовой информации (СМИ), которые одновременно представляют собой важнейший элемент функционирования человеческого общества и продукт, подверженный воздействию исторических изменений. Трансформации в общественно-политической жизни страны оказывают непосредственное влияние на деятельность СМИ. Одним из наиболее значительных феноменов современного медийного пространства стало увеличение негативных выражений, ассоциируемых с комплексом факторов, известным как «язык вражды». Данный термин, употребляемый в англоязычном медийном контексте, обозначает специфическую форму коммуникации, включающую высказывания, направленные против отдельных групп лиц или индивидов на основании таких характеристик, как раса, этническая принадлежность, национальность, религия, сексуальная ориентация, пол, гендерная идентичность и прочие идентифицирующие признаки. Данный феномен получил широкое освещение в ряде работ по гуманитарным дисциплинам, что обусловлено его потенциальной социальной опасностью [5, с. 164–165]. Потенциальная социальная опасность языка вражды может заключаться в следующем:

Эскалация насилия: язык вражды (открытый или завуалированный) создает благоприятную почву для дискриминации, насилия и даже геноцида. Он дегуманизирует определенные группы людей, делая насилие против них более приемлемым в глазах общества. *Влияние на социальные взаимоотношения:* подрывает доверие и солидарность в обществе, разделяя людей на «своих» и «чужих».

Дискриминация: способствует дискриминации в сфере занятости, образования, жилья и других областях.

Дестабилизация общества: язык вражды может привести к социальным беспорядкам, протестам и другим формам дестабилизации.

Радикализация: может способствовать радикализации отдельных лиц и групп, подталкивая их к экстремистским действиям.

Угроза демократии: в долгосрочной перспективе язык вражды подрывает демократические ценности, такие как равенство, толерантность и уважение к правам человека.

В настоящее время исследование языка вражды в средствах массовой информации приобретает особую значимость в связи с его все более широким распространением в медиа-текстах, как в явных, так и в скрытых проявлениях. За последние десятилетия вербальная агрессия стала более заметной как в обществе, так и в СМИ. Статья посвящена анализу методов и приемов, применяемых медиа для создания отрицательных стереотипов о группах людей, выделяемых по признакам расы, пола, этнической принадлежности и другим характеристикам (Prejudiced and Discriminatory Communication). По нашему мнению, ключевой особенностью «языка вражды» является его основа на социальных стереотипах, предрассудках и дискриминации. Он представляет собой часть

более широкого и сложного явления, которое в коммуникативных науках обозначается как коммуникация, базирующаяся на предвзятости и дискриминации.

Использование элементов hate speech варьируется в различных типах дискурса. К примеру, в политическом дискурсе, в частности в речи политической элиты вербальная агрессия в большинстве случаев имеет имплицитное выражение. Это, в свою очередь, повышает значимость исследования вербализации враждебности в контексте коннотативного аспекта семантики языковых единиц [1, с. 917–934]. В настоящее время наибольшее распространение «язык вражды» приобретает в интернет-пространстве, дискурс которого предполагает анонимность высказывающегося. Анонимность, в свою очередь, снижает ответственность за сказанное и провоцирует более откровенное проявление агрессии. В интернет-дискурсе, особенно в социальных сетях и на форумах, hate speech может проявляться в виде прямых оскорблений, унижений, угроз и подстрекательств к насилию.

Определение и границы hate speech. В широком смысле язык ненависти — это любая форма выражения, с помощью которой говорящие намереваются очернить, унизить или разжечь ненависть к группе или классу людей на основе расы, религии, цвета кожи, сексуальной идентичности, гендерной идентичности, этнической принадлежности, инвалидности, либо национального происхождения. Данное понятие является объектом интереса двух дисциплин – лингвистики и юриспруденции, таким образом, термин может трактоваться как юрислингвистический, т.е. как «слово или словосочетание юрислингвистического метаязыка, созданного для точного обозначения специальных лингвистических явлений, понятий и конструктов, относящихся к области правовой экспертизы» [10, с. 1374–1377]. В работах лингвистов, посвященных данному понятию, можно встретить следующий перевод термина hate speech: «речь ненависти», «язык ненависти», «риторика ненависти», «речь ненавидящего» [7, с. 221–227]. Мы, в свою очередь, придерживаемся традиционного и общераспространенного в русской язычной литературе термина «язык вражды». В данном случае мы понимаем враждебность, как «комплексную аффективно-когнитивную черту, или ориентацию личности», которая может проявляться, «эмоциями гнева, отвращения и презрения с присущими им экспрессией и переживаниями, приводящими к агрессивному поведению, то есть данное поведение может происходить вследствие «чувства враждебности, мотивироваться им, но само этим чувством не являться. Враждебность еще не есть агрессия» [9, с. 576]. Мы поддерживаем вышеизложенную трактовку разграничения понятий «язык вражды» и «речевая/вербальная агрессия».

Классификация языка вражды. Существует две наиболее распространенные и взаимодополняющие классификации языка вражды, предложенные Н.А. Ратиновой и А.М. Верховским.

Классификация Н.А. Ратиновой выделяет такие виды языка вражды, как:

1. Ложная идентификация – формирование и подкрепление негативного этнического стереотипа, отрицательного образа нации, расы, религии путем переноса различного рода негативных характеристик и порок отдельных представителей на всю этническую либо религиозную группу, приписывание всем представителям этнической или религиозной группы стремления следовать древним обычаям, верованиям, традициям, негативно оцениваемым современной культурой; утверждения о врожденном или историческом превосходстве одной нации, расы, религии и неполноценности, порочности других.
2. Ложная атрибуция – приписывание враждебных действий и опасных намерений представителям какой-либо нации, расы, религии по отношению к другим путем возложения вины и ответственности за деяния отдельных представителей на всю этническую, или религиозную группу; утверждения об изначальной враждебности определенной нации, расы, религии по отношению к другим; утверждения о полярной противоположности и несовместимости интересов одной религиозной или этнической группы с интересами других; утверждения о наличии заговора, тайных планов одной национальной или религиозной группы против других; объяснения бедствий и неблагополучия в прошлом, настоящем, будущем существованием и целенаправленной деятельностью определенных этнических, расовых или религиозных групп.
3. Мнимая оборона – побуждение к действиям против какой-либо нации, расы, религии путем поощрения, оправдания геноцида, депортации, репрессий в отношении представителей какой-либо нации, расы, религии; требование вытеснить из различных сфер деятельности лиц определенной национальности, расы, конфессиональной принадлежности; требование ограничить права и свободы граждан или создать привилегии по национальному, расовому, религиозному признаку; высказывания угроз и подстрекательств е насильственным действиям в отношении лиц определенной национальности, расы или по признаку религиозной принадлежности [11, с. 75–91]

Классификация А.М. Верховского для разграничения степени жесткости видов языка вражды, используемых в отношении религиозных и этнических групп [6, с 20–48] предполагает, что к жестокому языку вражды относятся прямые и непосредственные призывы к насилию; призывы к насилию в виде общих лозунгов; прямые и не-

посредственные призывы к дискриминации; призывы к дискриминации в виде общих лозунгов; завуалированные призывы к насилию и дискриминации. Средний язык вражды включает в себя оправдание исторических случаев насилия и дискриминации; публикации и высказывания, подвергающие сомнению общепризнанные исторические факты насилия и дискриминации; указания на связь группы с политическими или государственными структурами; утверждения о криминальности той или иной группы; рассуждения о непропорциональном превосходстве той или иной группы; рассуждения о непропорциональном превосходстве той или иной группы в материальном достатке; обвинение в негативном влиянии той или иной группы на общество, государство; призывы не допустить в регионе мигрантов, принадлежащих к той или иной группе. Мягкий язык вражды заключается в создании негативного образа группы; упоминании названия группы в уничижительном контексте; утверждении о неполноценности группы как таковой; утверждении о моральных недостатках той или иной группы; упоминание группы или ее представителей как таковых в унизительном или оскорбительном контексте; цитировании высказываний или текстов, имеющих явно дискриминирующий характер, без комментария.

Таким образом, язык вражды может быть условно разделен на следующие подвиды:

Мягкий язык вражды:
- Формирование негативного имиджа определённой этнической или какой-либо иной группы;
- Упоминание о группе, находящейся в уязвимом положении, в уничижительном контексте;
- Заявления о неполноценности конкретной группы и упоминание о ней в уничижительном формате;
- Цитирование ксенофобных высказываний или публикация подобных материалов без адекватного комментария, который бы отличал мнение автора от мнения журналиста, а также предоставление платформы для националистической пропаганды без редакционного обсуждения.

Средний язык вражды:
- Оправдание исторических актов дискриминации и насилия;
- Публикации и высказывания, ставящие под сомнение общепринятые исторические факты насилия и дискриминации;
- Заявления о преступлениях, совершённых определённой этнической или иной группой;
- Упоминание о связи определённой группы с иностранными политическими структурами с целью её дискредитации;
- Утверждения о криминальной природе той или иной группы;
- Размышления о несоразмерном преобладании определённой группы в финансовом благосостоянии, представительстве в органах власти и т.д.;
- Обвинения в негативном влиянии какой-либо группы на общество или государство;
- Призывы к недопущению закрепления отдельных групп в регионе или городе.

Жесткий язык вражды:
- Прямые призывы к насилию, а также к насильственным действиям с использованием общих лозунгов;
- Прямые призывы к дискриминации, а также к таким действиям с использованием общих лозунгов;
- Завуалированные призывы к насилию и дискриминации (например, пропаганда современного или исторического опыта насилия или дискриминации) [6, 20–48].

Зачастую представители СМИ прибегают к языку вражды, не осознавая, что их слова могут нести скрытый враждебный подтекст. Этническая принадлежность нередко становится мишенью для агрессивной риторики журналистов. Ниже перечислены типичные ошибки, которые допускают авторы в своих публикациях.
- *Журналистская небрежность.* Автор, не проявляя должной осмотрительности, включает излишние подробности, способные впоследствии сформировать у читателей негативное отношение к определенной социальной группе.
- *Неверные заголовки.* По мнению Г.В. Кожевниковой, заголовок служит своего рода рекламным инструментом, привлекающим внимание читателя. Если заголовок интересен, читатель, скорее всего, захочет ознакомиться с материалом. Часто журналисты используют привлекающие внимание заголовки, не подкрепленные содержанием статьи [ъъ].
- *Злоупотребление статистикой.* Журналист преувеличивает статистические данные, чтобы придать своей публикации особую важность.
- *Смешение социальных проблем и этнических вопросов.* Иными словами, проблема может обсуждаться в статье исключительно в рамках «национального» контекста, хотя на самом деле вопрос гораздо шире и не ограничивается одной социальной группой.
- *Отрицание гражданства по этническому принципу.* Например, журналист, говоря о человеке другой национальности, проживающем в стране, называет его иностранцем, игнорируя наличие у него временной регистрации или гражданства.

Пример использования языка вражды в заголовках новостных интернет-статей. Объектом данного исследования выступили заголовки новостных статей на

общеполитическую тематику за 2024 г., представленных на сайте новостной газеты The Sun (https://www.thesun.co.uk) [13] и New York Times (https://www.nytimes.com) [12]. Нами было проанализировано 367 заголовков новостных статей с портала The Sun и 277 заголовков из онлайн-газеты New York Times. В ходе исследования было установлено, что из общего новостных статьей, затрагивающих тематику мигрантов (что упомянуто в заголовке), в заголовках десяти можно обнаружить то или иное проявление языка вражды. Характерно, что в абсолютном большинстве случаев – это прямые или косвенные цитаты (три из которых связаны с одним событием):

— мягкий язык вражды – упоминание о группе, находящейся в уязвимом положении, в уничижительном контексте: *CHANNEL DEATHS – Pregnant woman and 6 kids among 12 dead as migrant boat capsizes in Channel от 03.09.2024 – ПРОЛИВ СМЕРТИ – Беременная женщина и шестеро детей среди двенадцати погибших в результате опрокидывания лодки с мигрантами в проливе Ла-Манш* [13];
— средний язык вражды – утверждение о криминальности социальной группы, заявления о преступлениях, совершённых определённой этнической или иной группой: *MIGRANT'S WIN Migrant who beat person to death in ambulance is allowed to fight deportation as he risks ill treatment от 20.09.2024 – ПОБЕДА МИГРАНТА – Мигранту, забившему человека до смерти в машине скорой помощи, разрешено бороться с депортацией, так как он рискует подвергнуться жестокому обращению*; призывы (в данном случае косвенные) к недопущению закрепления отдельных групп в регионе или городе: *EU HAVING A LAUGH? Keir Starmer leaves door open for MILLIONS of migrants to move to Britain while cosying up to EU in Berlin от 28.08.2024 - ЕС СМЕЕТСЯ? Кейр Стармер оставляет дверь открытой для МИЛЛИОНОВ мигрантов, желающих переехать в Великобританию, одновременно сближаясь с ЕС в Берлине* [12];
— жесткий язык вражды – завуалированные призывы к насилию и дискриминации (в данном случае заголовок содержит элементы пассивной агрессии) *New York Migrant Crisis Tests New Yorkers Who Thought They Supported Immigration от 22.07.2024 – Нью-Йорк. Мигрантский кризис подвергает испытанию жителей Нью-Йорка, которые думали, что поддерживают иммиграцию*; призывы к изгнанию отдельных групп в регионе или городе: *Americas A New Answer for Migrants in Central America: Bus Them North от 8.06.2024 – Новый ответ Америки мигрантам Северной Америки: автобусом на Север* [12];
— мягкий язык вражды – упоминание о группе, находящейся в уязвимом положении, в уничижительном контексте: *More Cities Feel Strain as Migrants Move In Seeking Better Prospects от 19.06.2024 – Все больше городов испытывают напряжение из-за наплыва мигрантов,* прибывших *в поисках лучших перспектив* [13];
— средний язык вражды – призывы к недопущению закрепления отдельных групп в регионе или городе: *GREAT WALLS OF FIRE Terrifying moment migrants set blazing roadblocks in front of lorries so they can sneak on... and into UK от 27.04.2024 – ВЕЛИКИЕ ОГНЕННЫЕ СТЕНЫ Ужасающий момент: мигранты поджигают блокпосты перед грузовиками, чтобы они могли пробраться... и попасть в Великобританию* [12].

Таким образом, упоминание иностранного происхождения в качестве первостепенных качеств преступника явно свидетельствует о создании журналистами негативного образа данной социальной группы. В ходе исследования было установлено, что язык вражды проявляется в 25% заголовков к статьям на тематику, связанную с мигрантами, опубликованных на интернет-порталах thesun.co.uk и nytimes.com за 2024 гг. В абсолютном большинстве случаев журналисты используют элементы мягкого и среднего языка вражды [12, 13].

Данная статья поднимает важные и актуальные вопросы использования языка вражды в англоязычных новостях и описывает различные аспекты этого феномена, включая его политические, социальные и лингвистические измерения. Таким образом, можно сделать вывод, что средства массовой информации играют ключевую роль в формировании общественного мнения и могут как способствовать, так и противодействовать распространению языка вражды. Этические стандарты и ответственность журналистов в отношении выбора слов и подачи материала в данном вопросе играют ключевую роль. Использование языка вражды в медиа может приводить к усилению социальной напряженности и дискриминации. Особенно это заметно в контексте политических дебатов и освещения вопросов миграции, этнической принадлежности и сексуальной ориентации. В таких случаях язык вражды становится инструментом манипуляции общественным мнением и подстрекательства к насилию.

Анализ англоязычных новостей позволяет выявить различные стратегии использования языка вражды, включая стереотипизацию, демонизацию, использование уничижительных терминов и создание образа «врага». Лингвистические приемы, такие как метафоры и эвфемизмы, могут быть использованы для смягчения или маскировки языка вражды, делая его более приемлемым для аудитории. Однако, необходимо отметить, что многие СМИ осознают свою ответственность в данном вопросе и принимают меры для противодействия распространению языка вражды. Это включает в себя разработку этических кодексов, обучение журналистов

и использование проверки фактов для проверки информации. Таким образом, проблема языка вражды в англоязычных новостях является сложной и многогранной. Ее решение требует совместных усилий журналистов, редакторов, политиков и общественности в целом. Критическое мышление и осознанное потребление информации являются ключевыми факторами в борьбе с этим явлением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Василенко Е.Н. Язык вражды в заголовках новостных интернет-статей (на материале белорусского сегмента всемирной сети). Могилев: Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова, 2019. С. 80–84.
2. Верховский А.М. Язык мой. Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ. М.: Букинист, 2003. 200 с.
3. Денисова А.В. Правовые основы лингвистической экспертизы «языка вражды». Барнаул: Алтайский государственный университет, 2011. С. 221–227.
4. Дзялошинский И.М. Язык вражды в российских СМИ: социальные, культурные, профессиональные факторы. М.: ННОУ «Гуманитарный институт», 2006. 133 с.
5. Ильин Е.П. Психология общения и межличностных отношений. СПб.: Питер, 2009. 926 с.
6. Ключникова Е.Л. О природе юрислингвистического термина: постановка проблемы. Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2015. С. 1374–1377.
7. Кроз М.В., Ратинов А.Р., Ратинова Н.А. Ответственность за разжигание вражды и ненависти: психолого-правовая характеристика. М.: Юрлитинформ, 2005. 256 с.
8. Bleich E. The Rise of Hate Speech and Hate Crime Laws in Liberal Democracies. Sussex: University of Sussex, 2011. С. 917–934.
9. Hare I., Weinstein J. Extreme Speech, and Democracy. Oxford: Oxford University Press, 2011. 720 с.
10. Ignatieff M. The Warrior's Honor: Ethnic War and the Modern Conscience. New York: Holt Paperbacks, 1998. 228 с.
11. The Sun. The Sun: News, sports, celebrities and gossip. [Электронный ресурс]. URL: https://www.thesun.co.uk/ (дата обращения: 21.09.2024).
12. Tsesis A. Inflammatory Speech: Offense Versus Incitement. Minneapolis: University of Minnesota, 2003. С. 1145–1196.
13. The New York Times. [Электронный ресурс]. URL: https://www.nytimes.com/ (дата обращения: 24.09.2024).

© Чернобров Алексей Александрович (a.chernobrov@bk.ru), Яковлева Софья Ростиславовна (misspyromaster@gmail.com).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.05–2.41

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ В МЕДИАРЕПРЕЗЕНТАЦИЯХ МОЛОДЕЖНЫХ ИНИЦИАТИВ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ ВОСПРИЯТИЕ

Шакалов Илья Игоревич
Кандидат социологических наук, докторант, Российский университет дружбы народов им.Патриса Лумумбы
sakalov@rund.ru
Таказов Валерий Дзантемирович
Доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
takazov@rund.ru

Аннотация: В статье исследуются аксиологические конфликты, проявляющиеся в медиарепрезентациях молодежных инициатив, и анализируется их влияние на общественное восприятие. Цель исследования заключается в определении механизмов формирования ценностных противоречий в медийном пространстве и оценке их воздействия на формирование общественного мнения относительно молодежных проектов. Введение кратко описывает актуальность темы в связи с возрастанием роли медиа в современной информационной среде, подчеркивая необходимость выявления скрытых аксиологических конфликтов, способных искажать общественную картину молодежных инициатив.

Методологическая основа работы построена на междисциплинарном подходе с использованием качественного анализа текстовых и визуальных медийных материалов. В исследовании применяются методы контент-анализа, дискурсивного анализа и сравнительного анализа, что позволяет детально проследить процессы формирования ценностных суждений в текстах и изображениях, размещаемых в популярных СМИ и социальных медиа. Особое внимание уделено анализу различий между традиционными и новыми медиа в контексте представления молодежных инициатив.

Основные результаты исследования демонстрируют, что медиарепрезентация молодежных проектов зачастую основана на существующих стереотипах, в результате чего ценностные противоречия обостряются. Выявлено, что аксиологические конфликты возникают на пересечении традиционных социальных норм и новаторских идей, прививаемых молодежью. Влияние этих конфликтов многообразно: с одной стороны, формируются эмоциональные установки аудитории, с другой – усиливаются разделения в обществе, что может препятствовать конструктивному восприятию молодежных инициатив как факторов социального прогресса.

В разделе обсуждения подчеркивается значение выявленных процессов для дальнейших исследований по теме медиа и общественного мнения. Авторы акцентируют внимание на необходимости разрабатывать стратегии коммуникации, способствующие снижению конфликтности в медиапредставлениях и формированию более сбалансированного общественного дискурса. Итогом исследования является предложение рекомендаций для журналистской практики и социальных политик, ориентированных на гармонизацию ценностных установок, что позволит создать более благоприятную среду для поддержки и развития молодежных инициатив.

Ключевые слова: аксиологические конфликты, медиарепрезентации, молодежные инициативы, влияние, общественное восприятие.

AXIOLOGICAL CONFLICTS IN MEDIA REPRESENTATIONS OF YOUTH INITIATIVES AND THEIR INFLUENCE ON PUBLIC PERCEPTION

I. Sakalov
V. Takazov

Summary: The article examines the axiological conflicts manifested in media representations of youth initiatives and analyzes their influence on public perception. The aim of the study is to determine the mechanisms of forming value contradictions in the media space and to assess their impact on shaping public opinion regarding youth projects. The introduction briefly outlines the relevance of the topic in connection with the growing role of media in the modern information environment, emphasizing the need to identify hidden axiological conflicts that can distort the public image of youth initiatives.

The methodological basis of the work is built on an interdisciplinary approach using qualitative analysis of textual and visual media materials. The study employs methods such as content analysis, discourse analysis, and comparative analysis, which allow for a detailed tracing of the processes involved in forming value judgments in texts and images published in popular media and social media. Special attention is given to analyzing the differences between traditional and new media in the context of representing youth initiatives.

The main findings of the study demonstrate that media representations of youth projects are often based on existing stereotypes, which in turn intensify value contradictions. It was found that axiological conflicts arise at the intersection of traditional social norms and the innovative ideas promoted by young people. The influence of these conflicts is multifaceted: on one hand, they shape the emotional attitudes of the audience, and on the other, they exacerbate divisions within society, potentially hindering a constructive perception of youth initiatives as drivers of social progress.

The discussion section highlights the significance of the identified processes for further research on media and public opinion. The authors stress the need to develop communication strategies that reduce conflict in media representations and contribute to the formation of a more balanced public discourse. The study concludes with recommendations for journalistic practice and social policies aimed at harmonizing value attitudes, which will help create a more favorable environment for supporting and developing youth initiatives.

Keywords: axiological conflicts, media representations, youth initiatives, influence, public perception.

Введение

Аксиологические конфликты в медиарепрезентациях молодежных инициатив проявляются в приписывании разными социальными группами определенных смыслов и ценностных коннотаций. Это явление актуализируется при рассмотрении способов освещения молодежных проектов в медиа, где каждое слово демонстрирует доминирующие ценностные установки общества [9, с. 9]. Молодежные инициативы обычно связаны с прогрессивными идеями и стремлением к изменению порядков, но в процессе их презентации через призму медианарратива возникает конфликтная зона столкновения традиционных ценностей и новых взглядов. Такой конфликт нельзя сводить лишь к политической плоскости, поскольку часто речь идет об этико-эстетических противоречиях.

Когда молодежный активизм продвигается через социальные сети, блоги или официальные СМИ, в обществе активизируются дискуссии о границах допустимого и критериях «полезности» новых идей [3, с. 10]. Одни группы поддерживают экспериментальный характер молодежных инициатив, считая новаторство необходимым для обновления общества, тогда как другие видят в этом угрозу традициям и нормам. Динамика аксиологических конфликтов усиливается, когда медиа преувеличивают или умалчивают ключевые аспекты действий молодых активистов. Если в новостях акцент делается только на сомнительных моментах, это формирует у зрителя предвзятое отношение [12, с. 99]. С другой стороны, излишне комплиментарная подача вызывает подозрения о реальной пользе проектов.

Развитие цифровых технологий открыло перед молодыми людьми новые каналы самопрезентации, позволяя напрямую взаимодействовать с аудиторией без посредничества традиционных СМИ. Это привело к росту конкурирующих медиаисточников, где каждая инициатива претендует на внимание и поддержку [5, с. 842]. В этом многообразии голосов кроется острая форма аксиологического конфликта: разные группы пытаются легитимировать свою деятельность, подчеркивая приоритетные для них ценности. Одним из ярких проявлений подобных конфликтов является вопрос интерпретации образов молодежных лидеров: медиа формируют либо героический образ активиста, либо карикатурный портрет «бунтаря» [1, с. 107]. В связи с этим общество проецирует на молодежь стереотипы, которые усиливаются или ослабляются в зависимости от редакционной политики.

Несмотря на множество исследований, посвященных молодежной культуре, вопрос о реальном положении молодых активистов в медиаполе остается открытым. Процесс медиарепрезентации неизбежно связан с селекцией информации и расстановкой акцентов, что определяет доминирующий ракурс восприятия. Это особенно заметно в конфликтах вокруг экологических, политических и социальных инициатив, где на передний план выносится эмоциональная составляющая [8, с. 250]. Одни журналисты подчеркивают патриотический настрой молодежи, другие обращают внимание на протестные настроения. В такой сложной системе аксиональных отсылок, лицо молодежных движений формируется через призму укоренившихся общественных установок.

Материалы и методы исследования

Определенные группы в обществе видят в новых инициативах угрозу для традиционных ценностей, полагая, что проекты молодых подрывают культурную идентичность. В то же время есть сторонники идеи, что именно благодаря стремлению молодых к переменам общество быстрее адаптируется к глобальным вызовам [14, с. 229]. Медиа при этом отражают не все перспективы, а лишь их фрагменты, выбирая интерпретации, привлекающие большую аудиторию. В социальной психологии установлено, что медийная подача события сильнее влияет на аудиторию, чем фактическая сторона вопроса. Поэтому для молодежных инициатив этот эффект усиливается сочетанием новизны темы и эмоциональной заряженности [6, с. 1198].

Молодые активисты порой намеренно используют шоковые методы, чтобы привлечь внимание журналистов, что подогревает аксиологические столкновения: сторонники традиций видят в этом оскорбление уклада, а либеральная часть — долгожданное обновление. Аксиологические конфликты проявляются не всегда напрямую – часто возникают скрытые формы противостояния, когда официальный дискурс поддерживает молодежные инициативы, но на уровне подтекста их дискредитирует. Такая двойственность проявляется в выборе кадров и фразеологии, формирующих впечатление, что молодежь недостаточно компетентна [2, с. 300]. В результате возникает конфликт, где социальное одобрение молодежной активности сочетается с сомнением в ее самостоятельности.

Важным аспектом является лояльность или предубежденность журналистов. Если в редакции преобладают люди, близкие по возрасту к инициаторам молодёжных проектов, то медиапрезентация будет приветствовать шаги к обновлению [10, с. 29]. Но если редакционная политика опирается на консервативные идеалы, эксперименты молодых лидеров могут преподноситься как деструктивные. Параллельно растет дистанция между молодежью и старшим поколением, усиливая конфликт ценностей. Современные медиаактивисты становятся героями локальных новостей, где представляются как символы конкретного региона. Это

способствует идеализации или стигматизации, в зависимости от аксиологических нарративов подачи.

Иногда молодёжные инициативы приобретают такой резонанс, что выходят на общенациональный уровень, становясь частью общественной дискуссии [15]. В таких случаях формируется встречный поток критики, обнажающий разные ценностные пласты и заставляющий общество пристальнее смотреть на деятельность молодых представителей. Одним из ключевых механизмов формирования отношения к молодежным инициативам является язык: подбор терминов решающим образом влияет на то, будет ли активист представлен как герой или хулиган [11, с. 319]. Когда пресса использует драматичные эпитеты, аксиологические конфликты усиливаются из-за эмоциональной реакции аудитории. Хотя публицистика должна быть объективной, на практике идеологический подтекст проникает в тексты популярных изданий.

Проблема усугубляется тем, что возрастные группы по-разному реагируют на медиаконтент. Пожилые читатели могут интерпретировать призывы к переменам как угрозу, поскольку ценность стабильности для них приоритетна [7, с. 2287]. Молодежь, напротив, с энтузиазмом отзывается на кампании своих ровесников. Таким образом, когда в медиа доносятся противоречивые сообщения, один сюжет по-разному влияет на социальные слои, усиливая или смягчая аксиологический конфликт. В отдельных случаях медиа прибегают к «персонификации» молодежных инициатив, делая акцент на личностях лидеров вместо движений в целом [4, с. 32]. Это может помочь аудитории увидеть человеческую составляющую, вызывая поддержку.

С другой стороны, персонификация способна упростить суть инициатив, сводя сложные вопросы к личным качествам одного человека. Существует и технологический фактор алгоритмических механизмов социальных сетей – медиа сегодня включают огромное пространство онлайн-платформ, где контент распространяется по принципу «рекомендательных систем» [13, с. 38]. Если пользователь смотрел контент, поддерживающий консервативные ценности, алгоритмы предлагают ему схожие материалы. Так возникает эффект «эхо-камеры», когда люди глубже погружаются в собственные убеждения и меньше готовы к диалогу. Это усиливает аксиологические конфликты, превращая молодежные инициативы в предмет острой поляризации.

Результаты и обсуждение

Общественное восприятие деятельности молодежи формируется не только отдельными журналистскими материалами, но и масштабом информационной кампании. Когда все больше СМИ обсуждают инициативу, происходит эффект самоусиления [1, с. 107]. Если присутствует открытое столкновение ценностей, публике остается занимать ту или иную сторону конфликта. При этом решения молодёжных активистов могут иметь реальные последствия, но аудитория оценивает их через призму смысловых конструкций, сформированных в медиапространстве. Существует мнение, что способом смягчения аксиологических конфликтов может стать развитие медиаграмотности у разных возрастных групп. Когда люди осознают механизмы формирования повестки, они осмотрительнее оценивают инициативы [6, с. 1200].

Молодежные инициативы апеллируют к идеалам общественного блага или справедливости, и медиа часто акцентируют эмоциональную сторону, публикуя трогательные истории [9, с. 11]. Но подобная стратегия может провоцировать противоположную реакцию, если аудитория видит в этом манипуляцию чувствами. Аксиологический конфликт становится острее, поскольку стороны не обсуждают фактические детали проекта, увязнув в дебатах о «правильном» представлении молодежных инициатив. В ряде случаев конфликты разгораются на стыке культурных и этнических различий внутри молодежных движений. Если часть активистов опирается на локальные традиции, а другая ориентируется на глобальные ценности, в медиа возникает напряжение вокруг вопроса объединяющих идеалов [2, с. 288]. Общественное восприятие эволюционирует по мере выстраивания долгосрочной повестки вокруг деятельности молодежи. Сначала общество может реагировать настороженно на новые формы протеста, однако, наблюдая успехи или промахи инициатив, зрители меняют свое отношение [7, с. 2293]. В этом процессе важна степень открытости медиа к опровержению ранних стереотипов: если издания признают неполноту первоначальной картины, аксиологические конфликты могут смягчиться. Обращаясь к примерам, можно увидеть, как инициативы по защите прав животных быстро набирают сторонников при создании позитивного информационного поля [4, с. 33]. Но появление критических заметок о том, что такие проекты не учитывают экономические последствия, приводит к мгновенному изменению общественного восприятия.

В итоге медийные конфликты переходят в пространство «визуальных войн» эмблем и символических акций, где каждая сторона пытается утвердить свои ценности как единственно верные. Иногда конфликты усугубляются политической поляризацией, когда разные партии пытаются «приватизировать» молодежные инициативы, приписывая их к своей идеологической платформе [8, с. 262]. Это вызывает враждебность оппонентов, начинающих критиковать саму идею, даже если раньше относились к ней нейтрально. Подобные ситуации разворачивают аксиологический конфликт на более высоком уровне, где молодежь оказывается втянутой в борьбу политических элит.

Преодоление аксиологической напряженности зависит от зрелости журналистского сообщества, уровня политической свободы, экономических условий и культурной гетерогенности [3, с. 14]. Возможной стратегией может стать создание дискуссионных платформ, где активисты, эксперты и представители старших поколений обсуждали бы спорные моменты без упрощений и ярлыков. Однако реализация таких проектов требует ресурсов и готовности медиа обеспечить плюралистический формат. Медиарепрезентации молодежных инициатив становятся ареной столкновения ценностей, циркулирующих в обществе. При этом молодежь выступает не только объектом, но и активным субъектом формирования медиаконтента [12, с. 102]. Аксиологические конфликты – неотъемлемая часть динамично развивающегося общества, где каждая генерация вносит идеи в дискуссию о социальном прогрессе. Глобализация накладывает отпечаток на локальные медиарепрезентации молодежных инициатив: молодежь имеет доступ к международному опыту, формируя глобальную сетевую культуру [6, с. 1196]. Однако традиционная среда может придерживаться иных ценностей, порождая противоречия. Роль медиа – обеспечить объективное освещение разнообразия позиций, но часто наблюдается односторонний акцент, углубляющий пропасть взглядов.

Роль аксиологических конфликтов в контексте медиарепрезентаций не сводится к негативным результатам. Хотя они могут вызывать раскол, конфликты способны порождать конструктивное напряжение, стимулирующее общественный мыслительный процесс [9, с. 10]. Когда возникает острое обсуждение ценностей, аудитория рефлексирует над собственными установками, сравнивая их с альтернативными точками зрения. Молодежные инициативы часто становятся катализатором институциональных изменений: когда в результате дебатов общество признает важность предложений, они могут переходить в официальную повестку государственных органов [2, с. 300]. Путь к этому пролегает через поляризацию мнений и череду информационных волн.

Медиа часто сосредотачиваются на конфликтных аспектах, упуская позитивные сценарии сотрудничества. Молодые активисты могут взаимодействовать со старшими поколениями, перенимая опыт в менеджменте или законодательстве [10, с. 34]. Но такие истории редко попадают в центр внимания, поскольку конфликтные сюжеты кажутся более «рейтинговыми». Конструктивным вектором может стать реализация совместных информационных кампаний, где молодежные лидеры и представители медиа работают над формированием контента, учитывающего разнообразие перспектив [15]. Важно, чтобы итоговый продукт не превращался в пропаганду, а сохранял баланс мнений.

Вопрос измерения общественного восприятия связан с рейтингами и опросами, но в цифровую эпоху важны реакции в социальных сетях: лайки, репосты, комментарии [11, с. 315]. В соцсетях разворачиваются «баталии комментаторов» с диаметральными точками зрения, провоцируется троллинг и дезинформация. Конструктивная часть молодежной инициативы может «затеряться» среди постов, сфокусированных на скандалах. Молодежные инициативы часто рождаются из глубоких ценностных убеждений самих молодых людей – это не просто копия глобальных трендов, а отражение насущных проблем их региона [8, с. 248]. Медиарепрезентации выявляют внутренние противоречия самого молодежного движения, где разные группы придерживаются разных ценностных ориентиров. В условиях рыночной конкуренции медиа стремятся к высокой кликабельности, смещая акценты на яркие детали, провокации или скандалы, которые привлекают внимание [3, с. 12]. Молодые активисты могут подыгрывать этим тенденциям для получения охвата. Но каждая провокация усиливает аксиологические конфликты, поскольку общество разделяется на сторонников и противников не только идеи, но и стиля подачи. Складывается цепочка взаимодействий: молодежь стремится заявить о себе провокативными методами; СМИ подхватывают конфликт для повышения рейтинга; публика погружается в ценностные споры без полной информации [14, с. 229]. Так создается почва для стереотипов и непонимания.

Важную роль в разрешении конфликтов играют платформы аналитики и фактчекинга, выводящие дискуссию на уровень ответственности [1, с. 108]. Но такие ресурсы часто не имеют возможностей противостоять мощным медиаструктурам. Аудитория не всегда готова воспринимать проверки фактов, когда «горячие новости» выглядят эмоционально вовлекающими. Историческая перспектива показывает, что каждая эпоха имела свои молодежные движения и информационные каналы [9, с. 12]. Однако в цифровом веке масштаб и скорость распространения информации выросли настолько, что конфликты становятся глобальными за часы. Молодежь, будучи самой активной группой в онлайн-пространстве, оказывается в первой линии, формируя и потребляя контент.

Выводы

Любые молодежные инициативы, выходящие в публичное поле, не могут избежать аксиологических конфликтов, так как представляют собой столкновение разных представлений о будущем [12, с. 101]. Медиарепрезентации усиливают или смягчают эти конфликты при помощи выборочных акцентов, риторических приемов и редакционной политики. Общественное восприятие отражает не только реальные события, но и процесс конструирования образа молодежи в массовом сознании. Важно, чтобы активисты понимали, как медиа могут исказить их посыл, и планировали стратегии коммуника-

ции. Если молодежное движение не готовит четкую повестку, журналисты имеют свободу интерпретации [2, с. 301]. Напротив, грамотно выстроенные публичные месседжи могут смягчить конфликт: аудитория лучше поймет суть и важность инициативы.

Сущность аксиологических столкновений проявляется в том, что молодые люди пытаются «изобрести» новые ценности или пересмотреть устоявшиеся. Когда медиа освещают это критически, кажется, что молодежь отвергает накопленное предыдущими поколениями [10, с. 32]. Однако чаще речь идет не об отвержении, а об адаптации ценностной системы к новым условиям. Если журналистские материалы ориентированы на создание образа конфронтации, общественное мнение склоняется к идее непримиримого конфликта. Часть противоречий связана с отсутствием единого «голоса молодежи» – существуют разнородные группы с собственными целями: защита прав меньшинств, технические инновации, сохранение идентичностей [5, с. 842]. Медиа, стремясь к простоте, сводят эти течения к одному «молодежному движению», создавая ложное впечатление о доминировании одних ценностей. Коллективная идентичность молодежи, формируемая медийными образами, заслуживает внимания. Под влиянием информации молодежь может восприниматься как «поколение Z» с особыми качествами или как недисциплинированная масса [4, с. 29]. Это срезы аксиологических конфликтов, поскольку каждая идентичность связана с набором ценностей. Когда идентичности сталкиваются в медиаполе, конфликты неизбежны. Ситуацию усложняет фрагментарное потребление контента молодыми людьми, выбирающими отдельные каналы и инфлюенсеров. В этом пространстве конфликты развиваются стремительно, минуя традиционные институты [2, с. 301]. Интернет-тезисы становятся мемами, упрощая сложные проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абазов И.С. Противодействие распространению радикальных идеологий в социальных медиа // Пробелы в российском законодательстве. 2022. Т. 15. № 5. С. 105–109.
2. Алейников А.В., Мальцева Д.А., Тузова П.Р. Медиатизация коммуникаций как фактор трансформации ценностных ориентаций российской молодежи: тенденции и риски (часть 1) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2022. Т. 18. № 3. С. 288–303.
3. Вартанова Е.Л. Полисубъектность медиасреды и ее потенциальное влияние на социальный конфликт // Меди@льманах. 2022. № 3 (110). С. 8–14.
4. Гаврилов А.Р., Гусев С.Н., Морозова Г.В. Роль медийной среды в формировании политических интересов студенческой молодежи (региональный аспект) // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2022. № 6 (57). С. 28–33.
5. Гуреева А.Н., Киреева П.А. Особенности медиакоммуникации молодежи с государством в социальных сетях // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 16. № 5. С. 841–857.
6. Дадаев З.А. Специфика воздействия масс-медиа на формирование политического сознания молодежи // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. Т. 14. № 4 (109). С. 1195–1202.
7. Дунас Д.В. и др. Отражение метанарративов в молодежных онлайн-сообществах (на примере VK и Telegram) // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 16. № 12. С. 2285–2297.
8. Дунас Д.В., Салихова Е.А., Бабына Д.А. Консенсус, «новый патриотизм» и эффект ностальгии в российской медиакультуре (опыт изучения молодежных сообществ в VK) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 85. С. 247–268.
9. Ерошенко Т.И., Смирнов Г.А. Влияние медиаконтента на социализацию личности // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2023. № 6 (133). С. 8–12.
10. Казаков А.А., Вилков А.А., Шестов Н.И. Потребление социально-политической информации молодежью Саратовской области как фактор формирования политических установок и предпочтений // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2022. № 3. С. 3–34.
11. Казаков А.А., Вилков А.А., Шестов Н.И. Attitude of Russian youth to the special military operation in Ukraine: impact of media practices // Izvestia of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology. 2023. Т. 23. № 3. С. 313–324.
12. Корягина С.А., Кравченко И.О., Синьков Д.В. К вопросу о воздействии средств массовой информации на преступное поведение молодого поколения // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2022. № 2 (55). С. 97–104.
13. Шакалов И.И. Аксиологемы в коммуникативно-речевом обеспечении молодежной политики // Меди@льманах. 2024. № 1 (120). С. 32–40.
14. Шамрин Я.Ю., Кошель В.А. Роль новых медиа в формировании сознания и мировоззрения поколения Z // Профессиональное образование в современном мире. 2023. Т. 13. № 2. С. 228–236.
15. Шумилина П.Д., Минасян Л.А. Детерминанты при выборе медиаконтента в интернет-пространстве у российской молодежи (на основе собственного социологического опроса) // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2024. Т. 15. № 2.

© Шакалов Илья Игоревич (sakalov@rund.ru), Таказов Валерий Дзантемирович (takazov@rund.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.05–2.42

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ СМИ В ОСВЕЩЕНИИ ВОПРОСОВ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ЦЕННОСТЕЙ

Шакалов Илья Игоревич
Кандидат социологических наук, докторант, Российский университет дружбы народов им.Патриса Лумумбы
sakalov@rund.ru
Таказов Валерий Дзантемирович
Доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
takazov@rund.ru

TRANSFORMATION OF TRADITIONAL MEDIA IN COVERING YOUTH POLICY ISSUES IN THE ERA OF GLOBALIZATION OF VALUES

I. Sakalov
V. Takazov

Summary: This study is devoted to the analysis of the transformation of traditional media in the context of covering youth policy issues under the conditions of globalization of values. The introduction defines the relevance of the problem in connection with the increasing role of information in shaping the public opinion of youth, and it emphasizes the need to adapt media platforms to new cultural and social challenges. The author sets the goal of the work – to identify the main trends in changes in traditional mass media when representing youth policy against the backdrop of globalization processes.

The methodological basis of the research includes a comprehensive analysis of publications, a comparative method, as well as qualitative interviews with experts in journalism and political science. The application of multimodal research made it possible to identify the main directions of change, characterized by a shift from traditional informational models to inclusive and multicultural approaches. Special attention is paid to methods of content analysis, which made it possible to trace the evolution of narratives and interpretations of key topics in the coverage of youth policy.

The results of the research indicate that traditional media demonstrate significant adaptability by integrating new approaches to presenting information. A shift is observed from a unified coverage of the social agenda to more differentiated formats, contributing to the expansion of youth's understanding of global values. Data analysis revealed that innovative representation methods, including the use of digital technologies and social networks, are being integrated into traditional media, which contributes to the formation of a new informational landscape. The obtained results underscore the importance of synergy between classic sources of information and modern media tools.

The discussion of the results allows for the conclusion that globalization processes have a substantial impact on the transformation of traditional media. The authors offer recommendations for further research aimed at developing strategies for effective communication with the youth audience. The study's conclusions are of interest to practitioners in the field of mass media and political scientists, contributing to the formation of more flexible and sustainable media practices in the era of globalization of values.

Keywords: transformation, traditional media, youth policy, globalization, values.

Аннотация: Настоящее исследование посвящено анализу трансформации традиционных СМИ в контексте освещения вопросов молодежной политики в условиях глобализации ценностей. Введение определяет актуальность проблемы в связи с возрастающей ролью информации в формировании общественного мнения молодежи, а также подчеркивает необходимость адаптации медийных платформ к новым культурным и социальным вызовам. Автор обозначает цель работы – выявление основных тенденций изменений в традиционных средствах массовой информации при репрезентации молодежной политики на фоне процессов глобализации.

Методологическая база исследования включает комплексный анализ публикаций, сравнительный метод, а также качественные интервью с экспертами в области журналистики и политологии. Применение мультимодального исследования позволило выявить основные направления изменений, характеризующиеся сдвигом от традиционных информационных моделей к инклюзивным и мультикультурным подходам. Особое внимание уделено методам контент-анализа, которые позволили проследить эволюцию нарративов и интерпретаций ключевых тем в освещении молодежной политики.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что традиционные СМИ демонстрируют значительную адаптивность, интегрируя новые подходы к представлению информации. Наблюдается переход от унифицированного освещения социальной повестки к более дифференцированным форматам, способствующим расширению восприятия глобальных ценностей у молодежи. Анализ данных выявил, что инновационные методы репрезентации, в том числе использование цифровых технологий и социальных сетей, интегрируются в традиционные СМИ, что способствует формированию нового информационного ландшафта. Полученные результаты подчеркивают важность синергии между классическими источниками информации и современными медиа-инструментами.

Обсуждение результатов позволяет констатировать, что процессы глобализации оказывают существенное влияние на трансформацию традиционных СМИ. Авторы приводят рекомендации для дальнейших исследований, направленных на разработку стратегий эффективной коммуникации с молодёжной аудиторией. Выводы исследования представляют интерес для практиков в области средств массовой информации и политологов, что способствует формированию более гибких и устойчивых медийных практик в эпоху глобализации ценностей.

Ключевые слова: трансформация, традиционные СМИ, молодежная политика, глобализация, ценности.

Введение

Молодежная политика в современном мире приобретает глобальный характер, с СМИ в роли формирователя повестки и образа будущего поколения. В эпоху трансформации ценностей молодежь оказывается под влиянием различных факторов, а традиционные медиа адаптируются для сохранения контакта с молодой аудиторией. Глобальные процессы стирают культурные границы, усиливается конкуренция между информационными каналами, а традиционные форматы проигрывают цифровым платформам [12, с. 177].

Глобализация ценностей – комплексное явление, охватывающее социально-политические, экономические и культурные аспекты. Молодые люди, выходя за пределы национальных контекстов, участвуют в общемировых процессах и осознают общность многих проблем [3, с. 83]. Медиапространство способствует этому объединению, позволяя подросткам из разных стран обмениваться мнениями по вопросам экологии, образования и технологий. Традиционные СМИ расширяют повестку, охватывая молодежные движения на стыке разных культур.

Адаптация традиционных СМИ требует специализированных рубрик, новых форматов и привлечения представителей молодого поколения к созданию контента. Молодые журналисты и блогеры занимают ведущие позиции в редакциях, формируя иной стиль подачи информации [10, с. 112]. Однако интеграция молодежных мнений встречает сопротивление старшего поколения журналистов, опасающихся потери влияния. Глобализация ценностей не является односторонним процессом. Молодежь не просто перенимает внешние установки, но перерабатывает их, исходя из национальных особенностей. Традиционные СМИ должны представлять разнообразие мнений и ценностей нового поколения [9, с. 12]. Это открывает пространство для творческого эксперимента и адаптации контента под запросы глобальной аудитории. Трансформация традиционных медиа сталкивается с экономическими ограничениями. Рекламные модели печатных изданий и вещательных каналов не всегда эффективны в условиях цифровой конкуренции. Молодежные программы страдают от недостатка финансирования [7, с. 152]. Однако кризис стимулирует поиск новых решений: объединение с интернет-платформами, использование социальных сетей и изменение формата подачи информации.

Актуальной становится проблема доверия к источникам информации. Молодежь получает новости из Интернета, где информация распространяется без проверки фактов. Традиционные СМИ видят в этом угрозу, но и возможность заявить о себе как о гаранте надежности. Редакции внедряют фактчекинг, привлекают экспертов и налаживают диалог с молодежными движениями [8, с. 143]. Молодежная аудитория ценит не только оперативность, но и качественный анализ, разнообразие мнений и экспертные оценки событий [2, с. 156]. Традиционные СМИ становятся образовательной площадкой, соединяющей интеллектуальный дискурс с журналистикой. В их материалах появляются комплексные исследования и взаимосвязи между политическими решениями и молодежными перспективами.

Важную роль приобретают форматы, дающие слово самой молодежи через дискуссионные площадки, токшоу и интерактивные рубрики. Это расширяет границы журналистики до диалогового формата, где участники становятся соавторами материала [14, с. 116]. Параллельно развивается медиаграмотность: молодежь учится различать факты и пропаганду.

Материалы и методы исследования

Глобализация ценностей усиливает внимание к вопросам толерантности, равенства и социальных прав. Молодежь выступает против дискриминации по различным признакам [1, с. 14]. Традиционные СМИ балансируют между нейтральной подачей и вовлеченным подходом. Контент, посвященный молодежной проблематике, отражает противоречивые взгляды на роль ценностей в информационном пространстве. Вопросы гендера и молодёжного феминизма становятся полем переосмысления редакционной политики. Молодые женщины выступают за равноправие и критикуют устаревшие стереотипы [6, с. 102]. СМИ включают в повестку темы женского лидерства, карьерных перспектив и борьбы с дискриминацией. Такая переориентация вызывает непонимание у консервативной аудитории, но подчеркивает важность плюралистической картины мира. Климатический кризис и экологические инициативы активно затрагивают молодежь. Экоактивисты требуют от правительств действий по сохранению планеты. Традиционные СМИ включают эти сюжеты в повестку [15], уравновешивая эмоциональную составляющую научными данными. Они популяризируют научные знания и показывают влияние молодежи на формирование государственных политик.

Освещая экологическое движение, медиа должны демонстрировать не только успехи, но и конфликты между активистами и властью. Молодая аудитория ждет честной информации, что заставляет редакции искать баланс, иногда противореча спонсорским интересам [5, с. 108]. Молодежь рассматривает политическую активность шире, включая волонтерство, благотворительность, социальное предпринимательство. Традиционные СМИ расширяют фокус, отражая новые форматы общественной активности [11, с. 55]. Медиа показывают реальные примеры социальных изменений, не ограничиваясь лозунгами или скандалами. Кросскультурные течения синтезируют элементы различных традиций,

создавая гибридные формы самоидентификации. Традиционные СМИ демонстрируют эти явления, рассказывая о совместных проектах молодежи разного происхождения. Синтез культур задаёт новые тренды в моде, мировоззрении и поведении [4, с. 182]. Трансформируется этика общения с аудиторией. Медиа переходят от монологичного вещания к диалогу. Молодежь требует возможности высказывать мнения, что вынуждает редакции открывать площадки для комментариев и работать с критикой [13, с. 72]. Интерактивный подход повышает доверие и улучшает понимание трендов в молодёжной среде.

Мультимедийные форматы меняют медиапространство. Традиционные СМИ развивают онлайн-версии, подкасты и прямые трансляции. Мультимедийность позволяет глубже раскрывать молодежные темы, но затрудняет конкуренцию с блогерами. Традиционные медиа делают ставку на качественный репортаж и аналитику [2, с. 156]. Критика традиционных СМИ усиливается из-за их принадлежности влиятельным владельцам с определенными интересами. Многие молодые граждане переключаются на альтернативные источники информации [12, с. 177]. Традиционным СМИ необходимо укреплять репутацию через прозрачные механизмы проверки фактов и представление разных точек зрения.

В эпоху глобализации международные корпорации формируют общий новостной фон для миллионов. Молодежная политика преподносится через призму глобальных брендов, ориентированных на гуманистические ценности. Традиционные СМИ могут становиться рупором бизнес-интересов под видом социальной ответственности [8, с. 144]. Необходимы критическая оценка информации и журналистская этика для сохранения доверия молодежи.

Результаты и обсуждение

Важным вопросом остается образование в журналистских вузах. Студенты приходят с навыками работы с новыми медиа и иным взглядом на журналистику [6, с. 103]. Для них нет жесткого разделения между форматами, они мыслят синтетически. Традиционные программы обучения отстают, недостаточно уделяя внимания социальным сетям и мультимедийному сторителлингу. Синтез старого и нового может стать фундаментом развития журналистики, говорящей с молодежью на одном языке.

Этический кодекс журналиста сталкивается с вызовами в смешанной информационной среде. Журналистам сложно сохранять профессиональную дистанцию. Освещение подростковой преступности или экстремизма требует осторожности, чтобы избежать стигматизации поколения [7, с. 153]. Возрастает спрос на журналистов, способных анализировать психологические, социальные и культурные нюансы.

Традиционные СМИ помогают упорядочить информационный хаос, предоставляя систематизированные материалы на основе проверенных источников [9, с. 21]. При этом важно оставаться доступными и разговаривать с молодежью на равных. Такой подход ценится в социальных сетях, где уважение к индивидуальности становится элементом успешной коммуникации. Изменения в технологическом плане требуют кросс-функциональных команд, включающих не только журналистов, но и программистов, дизайнеров, социологов, аналитиков данных. Для освещения молодежной политики необходимо понимание региональных особенностей и культурных традиций [14, с. 119]. Междисциплинарная модель позволяет раскрыть многогранность глобальных процессов через проекты, сочетающие аналитические статьи с интерактивными элементами.

Цифровые технологии укрепляют контакты с аудиторией. Интернациональные прямые включения, онлайн-форумы, международные проекты по обмену информацией создают мосты между странами [3, с. 85]. Традиционные СМИ становятся площадкой для глобальных дискуссий молодых лидеров, экспертов и политиков. Глобализация влияет на язык обращения к молодежи. Многие молодые люди используют несколько языков и постоянно обновляемый сленг. Редакциям приходится балансировать между нормативностью и отражением живого языка [15]. Некоторые СМИ внедряют специальные молодёжные разделы с более свободным языком, сохраняя классический формат в основных выпусках.

Исторический контекст помогает показать преемственность и развитие молодежных инициатив. Традиционные СМИ используют архивные записи и интервью с ветеранами общественных движений [4, с. 201]. Документальные форматы демонстрируют молодежи, что их проблемы имеют истоки в прошлом, расширяя горизонты восприятия. Международные коллаборации позволяют обмениваться журналистскими материалами. Крупные агентства создают отделы, где корреспонденты из разных стран рассказывают о молодежных движениях и инициативах [1, с. 16]. Формируется транскультурное пространство, где проблемы молодежи становятся общими для миллионов сверстников.

Традиционные СМИ ведут дискуссии о важности сохранения культурного разнообразия, избегая противопоставления национальной самобытности и международного сотрудничества [9, с. 21]. Баланс между уважением к традициям и открытостью к миру становится ключевой точкой глобальной молодежной политики. Алгоритмы персонализации создают риск попадания в «информационное эхо». Традиционные СМИ преодо-

левают эти фильтры через разнообразный контент [2, с. 157]. Способность работать с широкой повесткой является конкурентным преимуществом традиционных медиаструктур. Молодежь неоднородна: есть студенты престижных вузов и молодежь из сельских регионов, мигранты и представители субкультур. Редакции внедряют сегментирование контента, предлагая разные форматы и платформы [6, с. 111]. Такие инициативы устанавливают эмоциональную связь с молодежью, желающей видеть внимание к локальным проблемам.

Освещение молодежных протестов становится сложной задачей. Редакции обязаны показать происходящее, но сталкиваются с законодательными и политическими ограничениями. Часть изданий сообщает о событиях сдержанно, другие дают полную картину через интервью с очевидцами [14, с. 118]. Этот выбор определяет доверие аудитории, а замалчивание протестов подрывает репутацию СМИ.

Выводы

Трансформация традиционных СМИ в эпоху глобализации ценностей включает переосмысление редакционных политик, обновление технологий, переработку языковых норм, внедрение диалоговых форматов и реформу журналистского образования [4, с. 181]. Молодежная политика становится тестом на готовность СМИ к переменам. Глобальное и локальное, государственное и частное, технологическое и культурное переплетаются в системе факторов, влияющих на создание контента для молодой аудитории.

Медиа не существуют вне общества. Политическая конъюнктура, экономика и социальные процессы формируют рамки работы редакций. В разных странах традиционные СМИ по-разному экспериментируют с молодежной повесткой, но везде есть журналисты, стремящиеся говорить правду о проблемах нового поколения [12, с. 177]. Глобализация делает эту взаимосвязь очевиднее: инициативы в одной части мира находят отклик у молодёжи в других регионах. Перспективным направлением является взаимодействие с университетами и НКО, занимающимися молодёжными исследованиями. Журналисты получают доступ к эмпирическим данным и социологическим опросам [10, с. 114]. Без аналитической базы сложно дать адекватную картину быстро меняющегося мира. Журналистика получает импульс развития, когда редакции пополняются исследователями или журналисты осваивают политологию, социологию, демографию.

Формат потребления информации меняется: молодежь предпочитает короткие видео, подкасты, лонгриды, используя телевидение и радио эпизодически. Традиционные СМИ адаптируют контент под новые форматы [1, с. 14]. Важно сохранять журналистский стандарт, не превращаясь в популистский канал. Этот компромисс необходим для сохранения идентичности медиа, которые сегодня вынуждены походить на digital-проекты.

Глобализация ценностей воспринимается поразному: как шанс на обмен лучшими практиками или угроза национальной идентичности. Традиционные СМИ транслируют эти надежды и опасения, отражая формирование новой социальной реальности [6, с. 102]. В пространстве между исчезающими и формирующимися шаблонами возникает возможность для эксперимента. Возможно, молодое поколение станет движущей силой обновления журналистики, а готовность традиционных СМИ принять этот импульс покажет способность общества справляться с вызовами глобальных процессов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астрахан В.И., Майоров А.А. Либералы и молодежь в начале XX в.: идеализм, маниловщина или «не могу поступаться принципами» // Ученые записки Орловского государственного университета. 2023. № 4 (101). С. 13–18.
2. Демиденко С.Ю. Молодежь и общество: противоречия государственной молодежной политики в России // Социологические исследования. 2022. № 5. С. 155–158.
3. Евлоева Ф.Р., Евлоева Л.М. Социально-философский анализ трансформации духовных потребностей молодежи // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 6. С. 82–86.
4. Ильичева М.В., Лапин А.В., Рулев М.С. Анализ повесток дня СМИ и молодежных групп политических партий в социальных сетях // Власть. 2022. Т. 30. № 2. С. 180–204.
5. Каданина А.В. Целеполагание молодежи в парадигме трансформаций современного российского социума // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2024. № 3 (65). С. 106–109.
6. Карпухин О.И., Комиссаров С.Н. Молодежь России на переломе эпох // Знание. Понимание. Умение. 2023. № 4. С. 101–114.
7. Коряковцева О.А. Россия XXI века: традиционные ценности как фактор цивилизационного развития // PolitBook. 2024. № 2. С. 151–164.
8. Михайлова Н.В., Габдуллин К.А., Бельтюков Д.Е. Молодежная политика в России на пороге глобальной трансформации // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 1 (94). С. 142–148.
9. Морозова В.С., Золотарева А.А. Интернет-феномены 躺平 («лежать плашмя») и 摆烂 («опустить руки») как отражение современных ценностей китайской молодежи // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2024. № 1. С. 9–24.

10. Петрова Г.И., Пономарева С.А. Трансформационные сдвиги ценностной парадигмы российской молодежи // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 4. С. 110–115.
11. Рудакова Е.К. Поколение 5G: глобальный взгляд на проблему доверия молодежи к традиционным политическим и общественным институтам // Технологии социально-гуманитарных исследований. 2023. № 4 (4). С. 53–59.
12. Седова Н.Н. Особенности трансформации мировоззренческих установок российской молодежи в контексте геополитического конфликта // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14. № 4. С. 176–198.
13. Соболева Е.О. Деструктивные технологии воздействия на политическое сознание российской студенческой молодежи в сети интернет (2014–2023 гг.) // Власть. 2023. Т. 31. № 6. С. 70–75.
14. Хисматуллин С.А. Влияние современных социокультурных условий на политическое сознание молодежи: социально-философский анализ // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Т. 11. № 6–1. С. 115–120.
15. Xonimov Sh. The Influence of Globalization Processes on Youth Social Activity and World Attitude Formation // Scientific Journal of the Fergana State University. 2022. Т. 28. № 3.

© Шакалов Илья Игоревич (sakalov@rund.ru), Таказов Валерий Дзантемирович (takazov@rund.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.05–2.43

ОБРАЗОВАНИЕ НОВЫХ СЛОВ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ: ПРОЦЕССЫ И ТЕНДЕНЦИИ

NEW WORD-FORMATION IN CHINESE: PROCESSES AND TRENDS

Ju. Shalnova
A. Chigryaev

Summary: Language as a system is a dynamic and mobile formation, actively responding to the changing world and presenting its inhabitants with new communication tasks. The neologisms in its composition are an important part of the vocabulary, from which it is possible to draw conclusions about the current features of the development of language as a vast complex of means of communication. At present, in the period of intensification of globalization processes, migration, cultural exchange rate, volume and extent of digitalization, new word formation processes are more intensive. This article analyzes the mechanisms of word formation and adaptation of foreign loanwords, which constitute a significant share in the total layer of new vocabulary. The analysis of current journalistic publications, advertisements, and Internet discourse has allowed us to identify the leading trends that determine the traditional specifics and innovative methods of creating new words.

Keywords: modern Chinese language, neologism, methods of phonetic, semantic methods, tracing, word-education processes, word-forming device, foreign borrowings.

Шальнова Юлия Станиславовна
Специалист, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, (г. Москва)
julia-shalnova02@mail.ru
Чигряев Александр Владимирович
Старший преподаватель, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, (г. Москва)
chigryaev_av@pfur.ru

Аннотация: Язык как система является динамичным и подвижным образованием, активно реагирующим на меняющийся мир и предстающие перед его жителями новые коммуникационные задачи. Неологизмы в его составе представляют собой важную частью лексики, на основании которой можно сделать выводы об актуальных особенностях развития языка как обширного комплекса средств общения. В настоящее время, в период активизации глобализационных процессов, миграции, темпов культурного обмена, объемов и масштабов цифровизации процессы образования новых слов проходят наиболее интенсивно. В данной статье приводится анализ распространенных в современном китайском языке механизмов словообразования, а также адаптации иностранных заимствований, составляющих значительную долю в общем пласте новой лексики. Анализ актуальных журналистских публикаций, рекламных объявлений, интернет-дискурса позволил выявить ведущие тенденции, определяющие традиционную специфику и инновационные приемы создания новых слов.

Ключевые слова: современный китайский язык, неологизмы, фонетический способ, семантический способ, калькирование, процессы словообразования, механизмы словообразования, иностранные заимствования.

Обогащение языка новыми словами можно отнести к числу естественных закономерных явлений, сегодня это касается даже тех лингвистических систем, которые исторически в течение долгого времени оставались относительно неизменными благодаря культурной изоляции от запада, где интеграционные культурные процессы проходили более активно. В качестве ведущих причин резкого ускорения темпов изменения восточных языков в настоящее время можно обозначить несколько факторов. Наиболее значимыми из них специалисты считают, во-первых, нарастающую глобализацию, ускорившую процессы культурного обмена, во-вторых, стремительное развитие интернет-технологий, позволяющих людям во всех регионах земли присоединяться к единому информационному пространству, которое стало общим сетевым полем для свободной коммуникации, лишенным географических и социальных барьеров.

Наиболее ценным материалом для отслеживания процессов изменения и тенденций развития китайского языка как живой, динамичной системы являются неологизмы. Данный пласт лексики позволяет сделать выводы о типичных механизмах и способах образования новых языковых единиц. Несмотря на то, что в настоящее время накоплен значительный объем исследований по данной проблеме, остается необходимость в упорядочении и систематизации сведений о наиболее популярных процессах словообразования и выявления общих тенденций развития современного китайского языка.

Ведущим способом образования новых слов в китайском языке в настоящее время остается метод сложения. Это касается, прежде всего, лексем, образуемых для обозначения новых объектов или явлений, не существовавших прежде. Рассматривая данный прием на примере распространенных неологизмов из интернет-лексики, А.Н. Сбоев выделяет несколько используемых механизмов словосложения:

1. атрибутивная (подчинительная) модель: 菜鸟 [càiniǎo] – «новичок, салага» (菜[cài] – «неумелый» + 鸟 [niǎo] – «птица»);
2. сочинительная (копулятивная) модель: 剪切 [jiǎnqiè] – «вырезать, править электронный файл» (剪 [jiǎn] – «вырезать» + 切 [qiè] – «резать»);

3. глагольно-объектная модель: 给力 [gěilì] – «классный, крутой» (给 [gěi] – «дать» + 力 [lì] – «сила»);
4. глагольно-дополнительная (результативная) модель: 更新 [gēngxīn] – «обновлять, совершенствовать» (更 [gēng] – «более, еще больше» + 新 [xīn] – «обновлять»);
5. субъектно-предикативная модель: 网恋 [wǎngliàn] – «отношения на расстоянии», «интернет-любовь» (网 [wǎng] – «сеть, интернет» + 恋 [liàn] – «любить») [1].

Метод словосложения очень популярен в сфере создания новых наименований, терминологии. Так, во время пандемии Ковид-19 для обозначения вируса был введен термин 新型冠状病毒 [xīnxíng guānzhuàng bìngdú] – «коронавирусная инфекция нового типа», образованный путем сложения трех семантических частей: 新型 [xīnxíng] – «новый вид, тип» ; 冠状 [xīnguān] – «корона, коронарный»; 病毒 [bìngdú] – «вирусная инфекция». В качестве примера можно также привести возникший в данный период термин «инфодемия» (в прессе так обозначали массовую дезинформацию, тиражирование слухов о коронавирусной инфекции, провоцирующих беспокойство и нестабильность в обществе): в китайском языке неологизм 信息疫情 [xìnxī yìqíng] образован сложением слов 信息 [xìnxī] – «сообщения, новости, информация» и 疫情 [yìqíng] – «эпидемия» [2]. Словосочетание 战 疫 [zhànyì] – «война с эпидемией», «воевать с эпидемией» также образовано путем сложения иероглифов 战 [zhàn] – «битва», «сражение» и 疫 [yì] – эпидемия (в дословном переводе «чума»); однако в данном случае следует отметить, что 战 疫 также является омонимом к устойчивому выражению 战役 [zhànyì] – «военная операция, кампания» [3]. Явление омофонии часто наблюдается при образовании неологизмов в современном китайском языке. Так, 主页 [zhǔyè] – «главная страница» нередко заменяется на письме омофоном 竹叶 [zhúyè], в дословном переводе – «листья бамбука» [4].

Нередко в результате создания новых слов методом сложения получаются достаточно объемные словосочетания, состоящие из четырех и более иероглифов. В таком случае для удобства их использования в речи активно применяется прием сокращения (как правило, до двух-трех-слоговых структур, легких для воспроизведения и восприятия коммуникантами). Процесс образования сложносокращенных неологизмов подчинен определенным правилам: во-первых, наличие близкого к оригиналу лексического значения и стилистики, во-вторых, сохранение семантико-синтаксической связи между корнями в соответствии с языковой нормой. Приведем примеры новых слов, созданных по описанному принципу:

1. словосочетание 封锁城市 [fēngsuǒ chéngshì] – «закрыть город» (в значении «изолировать очаг эпидемии», «закрыть город на карантин») представляет собой сложную четырехслоговую синтагму, при сокращении из нее были взяты первые морфемы из каждого сегмента 封 [fēng] – «закрыть» (дословно «запечатать») и 城 [chéng] – «город», так было составлено сложносокращенное слово 封城 [fēngchéng], двухслоговой эквивалент исходного «закрыть город», более удобный для употребления на письме и в устной речи. Между компонентами сохраняется глагольно-объектная связь;
2. словосочетание 复查阳性 [fùchá yángxìng] – «положительный результат на вторичный тест» было сокращено аналогичным способом: в сложносокращенном неологизме 复阳 [fùyáng] остались первые морфемы каждого семантического сегмента 复 [fù] «перепроверить» и 阳 [yáng] «положительный», между компонентами сохраняется результативная связь [5];
3. сложносокращенные неологизмы популярны и в интернет-дискурсе, в практике неформального общения пользователей сети. Рассматривая явление морфемной контракции при образовании популярных разговорных лексических единиц, А.Н. Сбоев в качестве наиболее распространенных приемов выделяет два механизма:

— сжатие: 拼爹 [pīndiē] (в полном варианте 比拼老爹 [bǐpīn lǎodiē]) – «меряться отцами», т.е. аргументировать собственную значимость не объективными достоинствами и достижениями, а происхождением, статусом семьи, социальными связями;
— опущение: 搜狗 [sōugǒu] – Соугоу, образовано от 搜狗汉字处 理软件 [sōugǒu hànzì chǔlǐ ruǎnjiàn] – «программа для набора иероглифов Sougou» [6].

Распространенными методами словообразования в современном китайском языке остаются аффиксация и полуаффиксация, когда уже закрепившийся в речевой практике корень (основа) с устойчивым семантическим значением становится основой для новых лексем. К примеру, популярным является префикс 裸 [luǒ] – «голый, обнаженный», в переносном смысле использующийся в значении отсутствия чего-либо: 裸车 [luǒchē] – «автомобиль в базовой, минимально допустимой комплектации»; 裸 考 [luǒkǎo] – «отвечать на экзамене, проходить тестирование неподготовленным»; 裸 婚 [luǒhūn] – «жениться без организации свадебной церемонии, предварительной покупки жилья и автомобиля, других обусловленных традициями материальных затрат»; 裸奔 [luǒbēn] – «писать сообщение на интернет-форуме анонимно, без регистрации»; 裸晒 [luǒshài] – «откровенный контент в социальных сетях» (обнаженные тела) и др. В качестве другого примера может выступать часто используемый при образовании неологизмов полусуффикс 控 [kòng], обозначающий любовь, привычку, пристрастие к чему-либо (в некоторых случаях – зависимость): 高个控 [gāogèkòng] – «человек, которого привлекают высокие люди»; 微博控 [wēibókòng] – «любитель микроблогов»; 游戏控 [yóuxìkòng] – «человек, имеющий игровые зави-

симости, лудоман» и др.

Используются и безаффиксные способы словообразования, наиболее распространенным из которых является конверсия. Ее механизм заключается в сохранении морфологической и фонетической идентичности слова с изменением части речи и, соответственно, лексического значения слова. Рассмотрим данное явление на конкретных примерах: имя существительное 百度 [bǎidù] – «поисковая система Байду» послужило основой для образования глагола 百度 [bǎidù] – «искать информацию с использованием поисковой системы Байду»; аналогично в разряд других частей речи перешли омонимы от слов: 男人 [nánrén] («мужчина» – «мужественный»); 困难 [kùnnán] («сложный» – «сложность, проблема»); 丰富 [fēngfù] («богатый» – «обогатить»); 黑 [hēi] («черный» – «поместить в черный список»); 巨 [jù] («большой, мощный» – «очень, в высшей мере») и др. [7].

Анализируя популярные механизмы словообразования в современном китайском языке, следует выделить и лексико-семантический способ, при котором исходное слово проходит процесс распада многозначности с образованием неологизмов-омонимов, имеющих принципиально новое лексическое значение. Так, 楼主 [lóuzhǔ], в дословном переводе «хозяин дома», в актуальном интернет-дискурсе часто используется в значении «топикстартер, автор тематической колонки на форуме, тематического поста»; 朝阳 [cháoyáng] буквально означает «утреннее солнце», также в практике общения современных пользователей сети данная лексема используется в значении «развивающийся, перспективный» [8].

Процессы глобализации, расширение экономического сотрудничества и культурных связей между различными регионами укрепляют тенденцию влияния англицизмов на развитие языков различных народов и этносов, в том числе и китайского. Общеупотребительные иностранные заимствования, прочно вошедшие в лексику западного общества, активно внедряются в практику общения жителей Поднебесной. Если говорить о механизмах адаптации английских слов в китайском языке, стоит выделить, в первую очередь, прием фонетического заимствования, когда оригинальная лексема заменяется максимально созвучным неологизмом: modern – 摩登 [módēng] (современный); hacker – 黑客 [hēikè] (хакер); honey – 哈妮 [hānī] (обращение «дорогой, любимый»); tie – 呔 [tǎi] (галстук) и др. При анализе особенностей освоения англицизмов в китайской речи можно заметить, что полное фонетическое созвучие является редкостью. А.А. Хаматова отмечает, что гораздо чаще можно говорить о приеме неполной адаптации, когда происходит видоизменение звуков, передача одной фонемы сочетанием нескольких, близких по звучанию, «выпадение» звуков из оригинала (особенно часто конечной морфемы) и другие трансформации, помогающие сделать слово максимально удобным для носителей языка: coffee – 咖啡 [kafei] (кофе); butter – 白脱 [báituō] (масло); blog – 博客 [bókè] (блог); Google – 谷歌 [gǔgē] (Гугл); piano – 披亚诺 [pīyànuò] (пианино); pizza – 比萨 bǐsà (пицца) и др. Также автор отмечает распространенный механизм частичной адаптации английских слов, когда китайский неологизм лишь отдаленно напоминает оригинальную лексему: democracy – 德谟克拉西 [démókèlāxī] (демократия); online – 在线 [zàixiàn] (онлайн); captain – 伽必丹 [jiābìdān] (капитан) и др. [9].

В некоторых случаях в процессе адаптации англицизмов фонетическое заимствование сочетается с добавлением в состав неологизма иероглифа, обозначающего родовое понятие и выполняющего функцию классификации, облегчающую понимание семантики слов: 沙丁鱼 [shādīngyú] – «сардина», где 鱼 [yú] имеет значение «рыба»; 伦巴舞 [lúnbāwǔ] – «румба» и 芭蕾舞 [bāléiwǔ] – «балет», где 舞 [wǔ] переводится как «танец». Морфемы, обозначающие род, класс существительного, могут располагаться и в начале слова, к примеру: 酒吧 [jiǔbā] – 酒 [jiǔ] – алкоголь + 吧 [bā] (от англ. «bar»); 车胎 [chētāi] – 车 [chē] – «автомобильный» + 胎 [tāi] – «шина» (от англ. «tire»).

Важно отметить, что, если фонетическое заимствование относится к наименованиям западных брендов, получивших всемирную известность, вместе с созвучием в процессе перевода на китайский язык считается важным подобрать нужное семантическое значение иероглифов, правильные ассоциации, которые торговая марка будет вызывать у носителей языка. К примеру, 可口可乐 [kěkǒukělè] – «Кока-кола» образовано соединением двух структурных единиц: 可口 [kěkǒu] – «приятный на вкус» и 可乐 [kělè] – «радовать окружающих»; 奔驰 [bēnchí], китайское название бренда Mercedes-Benz, в дословном переводе имеет значение «быстро бежать, нестись» [10].

Семантическое калькирование также является популярным способом внедрения в китайский язык англицизмов. При таком способе перевода словообразование производится методом копирования звучания, ассоциативного значения либо структурной модели. Как отмечает А.А. Хаматова, новые китайские лексемы, образованные по обозначенному принципу, можно разделить на две категории:

1. структурные кальки в точности копируют заимствуют структуру английского лексического оригинала, новое слово в таком случае образуется путем прямого перевода каждого смыслового элемента слова (словосочетания):

— 超人 [chāorén] – «супермен, сверхчеловек» (超 [chāo] – «супер, сверх»; 人 [rén] – «человек»);
— 黑板 [hēibǎn] – «классная доска» (в дословном переводе с англ. «blackboard» – «черная доска»; 黑 [hēi] – «черный», 板 [bǎn] – «доска»);

— 月食 [yuèshí] – «лунное затмение» (月 [yuè] – луна; 食 [shí] – «затмение»);

2. этимологические кальки образованы путем смыслового перевода семантических составляющих оригинала, не принимая во внимание, и не дублируя изначальную структуру слова (словосочетания):

— 冰棒 [bīngbàng] – «эскимо», калька с англ. «popsicle» (冰 [bīng] – «лед» + 棒 [bàng] – «палочка»);
— 人本学 [rénběnxué] – «антропология» (人 [rén] – «человек» + 本 [běn] – «корень» + 学 [xué] – «наука»);
— 留声机 [liúshēngjī] – «патефон» (留 [liú] – «оставлять» + 声 [shēng] – «звук» + 机 [jī] – «аппарат») [11].

Кроме того, в процессе образования современных китайских неологизмов метод калькирования часто комбинируется с другими способами словообразования, разберем данное явление на примере фонетико-семантических заимствований из английской речи («полукальки»):

— 摩托车 [mótuōchē] – «автомобиль» (от англ. «motorcar», первая часть слова является фонетическим заимствованием 摩托 [mótuō] – «мото», вторая – буквальным переводом 车 [chē] – «повозка»);
— 绿卡 [lǜkǎ] – «грин-карта» (первая часть словосочетания образована путем дословного перевода 绿 [lǜ] – «зеленый», вторая – с помощью фонетической записи английского «card» – 卡 [kǎ]);
— 色拉油 [sèlāyóu] – «майонез» (первая часть слова образована фонетическим заимствованием из итальянского: «salato» – 色拉 [sèlā]; вторая – методом подбора семантического аналога 油 [yóu] – «масло»);
— 比特币 [bǐtèbì] – «биткойн» (совмещается фонетическая транскрипция 比特 [bǐtè] с дословным переводом англ. «coin» 币 [bì] – «монета, деньги»).

В данную категорию можно также отнести слова с английским префиксоидом «mini»: «迷你足球» [mínǐ zúqiú] – «мини-футбол», «迷你巴士» [mínǐ bāshì] – «микроавтобус», «迷你裙» [mínǐ qún] – «мини-юбка» и др. В данном случае следует отдельно отметить, что в китайском языке есть полностью идентичная семантическая единица «小» [xiǎo] и некоторые ее производные, полностью справляющиеся с задачей передачи нового смысла слова путем добавления уменьшительного префикса, однако, как видно из предыдущих примеров, западный вариант прочно закрепился в современном китайском языке в составе некоторых неологизмов.

Иностранные заимствования в китайском языке производятся не только из английского языка, хотя он на сегодняшний момент является абсолютным лидером. Также активно употребляются лексемы, пришедшие из японской речи и адаптированные методом фонетического заимствования: 民主 [mínzhǔ] – «демократия», буквально «власть народа»; 卡哇伊 [kǎwayī] – «красивый, миловидный»; 萌 [méng] – «симпатичный, милый» и др.

Видоизменения языка приобретает особые масштабы в связи с распространением практики интернет-коммуникации. Популярность персональных устройств и карманных гаджетов стали причиной появления новых слов, имеющих специфические (не буквенные и не иероглифические) символы для написания их в условиях неформального письменного общения (форумы, чаты мессенджеров). Г. Ван выделяет так называемые «цифровые неологизмы», лексемы, для передачи слогов которых используются созвучные иероглифы-названия цифр. К примеру, цифровой символ «886» [báibáile] – аналог английского «bye bye», число «521» [wǔ èr yī] – при письме в онлайн-чатах часто заменяет фонетически созвучное выражение 我爱你 [wǒ ài nǐ] – «я тебя люблю» [12], цифрами 8147 [bā yāo sì qī] обозначается фонетически схожая фраза 不要生气 [bùyào shēngqì] – «не надо злиться» [13]. Сокращение объема текста и замена иероглифов цифрами связано с удобством использования при печатании, увеличивающим скорость коммуникации.

Этой же цели, по мнению автора, служит использование различных форм сокращений как способа образования неологизмов, популярных в интернет-дискурсе. В первую очередь, краткие формы значительно облегчают употребление собственно китайских лексем, к примеру, 博斗 [bódòu] – сокращение от 博客斗争 [bókè dòuzhēng] – «спор в блоге», гораздо удобнее при употреблении на письме и в устной речи; аналогично стало популярным слово 币市 [bìshì], сокращение от 钱币市场 [qiánbì shìchǎng] – «финансовый рынок». Следует отметить, что при анализе актуального интернет-дискурса, песенных, рекламных текстов становится очевидным, что в пласт общеупотребительной лексики постепенно входят отдельные английские слова в их оригинальном написании, буквенные и буквенно-цифровые аббревиатуры, получившие международное распространение в западной культуре: style, kiss, kick, call, B2B, B2C, AAA (anytime, anyplace, anywhere), BTW (by the way), PC, MBA, EWTO и др.). Аббревиатуры, образованные латинскими символами, могут сочетаться с традиционными иероглифами, образуя новые лексемы: T恤 [ti xù] – «футболка» (от англ. T-shirt); VIP卡 [vip kǎ] – «вип-карта, карта особого клиента»; D版 (от 盗版 [dàobǎn]) – «нелегальный, пиратский»; IT 产业 [aiti chǎnyè] – «сфера информационных технологий»; H 族 [eitch zú] – «молодежь с высоким уровнем жизни»; «3F女性» [sān F nǚxìng] – «женщина среднего возраста», «3F» в данном случае указывает на возраст, телосложение и способность к деторождению (fat, fertile, forty) и др. На основании данного явления можно говорить о такой тенденции, что прямое заимствование англоязычных лексем (без изменений, в том числе с сохранением способа их написания) сегодня производится даже в языки, традиционным для которых является иероглифическое письмо. А.А. Хаматова отмечает, что в некоторых случаях общеупотребительная аббревиатура может основой для словообразования методом аффиксации по правилам

китайского языка, так образовано слово PR们 [pi a: men] – «специалисты по связям с общественностью, пиарщики», где используется формообразовательный суффикс множественного числа 们 [14].

По мнению Ю.С. Сухиной, часто наблюдается такое явление, что в виде латинских сокращений записывают не только иностранные, но также исконные китайские слова, создавая аббревиатуры по первым буквам китайских морфем в фонетической транскрипции «пиньинь». Приведем некоторые примеры: KSJ (кит. 跨世界 [kuàshìjiè]) – «всемирный, ведущий»; PF (кит. 佩服 [pèifú]) – «почитать, поклоняться»; PSC (кит. 普通话水平测试 [pǔtōnghuà shuǐpíng cèshì]) – «тест на знание путунхуа» [15]. Кроме очевидного удобства короткой формы написания лексемы, среди причин их популярности числится возможность употребления негативно окрашенных слов и слов, связанных с табуированной тематикой: «JR» – «贱人» [jiànrén] («проститутка»); «SB» – «傻比» [shǎbi] («идиотка»). Стоит отметить, что последнее слово получило широкую популярность после выхода одноименного сингла, завоевавшего известность в молодежной среде [16].

Таким образом, анализ популярных механизмов словообразования и адаптации иностранных заимствований в современном китайском языке позволил выявить следующие тенденции его развития:

1. активизация процесса образования неологизмов, отражающая интенсификацию и возрастание темпов изменений в мире и окружающем пространстве (глобализационные процессы, туризм, цифровизация, распространение массовой культуры и др.);
2. рост разнообразия, вариативности механизмов и способов словообразования;
3. усиливающееся влияние англицизмов как средства обогащения китайского языка, внедрение не только общепринятых на западе лексем как средства коммуникации, но и нового способа написания слов – с использованием буквенных символов;
4. возрастающая роль неформальной, разговорной лексики в общей массе китайских неологизмов, активное внедрение в речь носителей языка сленга и интернет-лексики, изменение норм речевого этикета и нейтрализация ранее табуированных слов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сбоев А.Н. Структурно-семантический и лингвокультурный аспекты интернет-лексики современного китайского языка: автореф. … дисс. канд. филол. наук: 10.02.22 / А.Н. Сбоев. – Владивосток, 2018. – С. 18.
2. Васина К.С., Тё О.Е. Неологизмы в общественно-политических текстах на китайском языке в период пандемии коронавируса (COVID¬19) // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2021. – №7 (4). – С. 23. – https://lingua.amursu.ru/upload/lingua/2021/4/thal_2021_4_02_016_028.pdf (дата обращения: 20.02.2025).
3. Там же, с. 20.
4. Сбоев А.Н. Структурно-семантический и лингвокультурный аспекты интернет-лексики современного китайского языка: автореф. … дисс. канд. филол. наук: 10.02.22 / А.Н. Сбоев. – Владивосток, 2018. – С. 15.
5. Ли С. Первая морфема в сложносокращенных словах современного китайского языка (лексика эпохи коронавируса) // Научный диалог. – 2022. – №3. – С. 83–84. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pervaya-morfema-v-slozhnosokraschennyh-slovah-sovremennogo-kitayskogo-yazyka-leksika-epohi-koronavirusa (дата обращения: 20.02.2025).
6. Сбоев А.Н. Структурно-семантический и лингвокультурный аспекты интернет-лексики современного китайского языка: автореф. … дисс. канд. филол. наук: 10.02.22 / А.Н. Сбоев. – Владивосток, 2018. – С. 18.
7. Хашимова С. О явлении конверсии в современном китайском языке // ORIENSS. – 2022. – № Special Issue 20. – С. 90–91. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-yavlenii-konversii-v-sovremennom-kitayskom-yazyke (дата обращения: 20.02.2025).
8. Сбоев А.Н. Структурно-семантический и лингвокультурный аспекты интернет-лексики современного китайского языка: автореф. … дисс. канд. филол. наук: 10.02.22 / А.Н. Сбоев. – Владивосток, 2018. – С. 19.
9. Хаматова А.А. Анализ иностранных заимствований в современном китайском языке // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2016. – №3 (37). – С. 15. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-inostrannyh-zaimstvovaniy-v-sovremennom-kitayskom-yazyke (дата обращения: 20.02.2025).
10. Максимова В.В., Холстинина К.А. Влияние англицизмов на лексический состав китайского языка // Universum: филология и искусствоведение. – 2023. – №6 (108). – С. 30. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-anglitsizmov-na-leksicheskiy-sostav-kitayskogo-yazyka (дата обращения: 20.02.2025).
11. Хаматова А.А. Анализ иностранных заимствований в современном китайском языке // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2016. – №3 (37). – С. 16. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-inostrannyh-zaimstvovaniy-v-sovremennom-kitayskom-yazyke (дата обращения: 20.02.2025).
12. Ван Г. Активные процессы в лексике современного китайского языка // Academy. – 2016. – №6 (9). – С. 80–81. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktivnye-protsessy-v-leksike-sovremennogo-kitayskogo-yazyka (дата обращения: 20.02.2025).
13. Сбоев А.Н. Структурно-семантический и лингвокультурный аспекты интернет-лексики современного китайского языка: автореф. … дисс. канд. филол. наук: 10.02.22 / А.Н. Сбоев. – Владивосток, 2018. – С. 15.
14. Хаматова А.А. Анализ иностранных заимствований в современном китайском языке // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем

Востоке. – 2016. – №3 (37). – С. 18. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-inostrannyh-zaimstvovaniy-v-sovremennom-kitayskom-yazyke (дата обращения: 20.02.2025).
15. Сухина Ю.С. Словообразовательные процессы в новейший период развития лексики китайского языка // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. – 2017. – №14. – С. 28. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/slovoobrazovatelnye-protsessy-v-noveyshiy-period-razvitiya-leksiki-kitayskogo-yazyka (дата обращения: 20.02.2025).
16. Ван Г. Активные процессы в лексике современного китайского языка // Academy. – 2016. – №6 (9). – С. 81. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktivnye-protsessy-v-leksike-sovremennogo-kitayskogo-yazyka (дата обращения: 20.02.2025).

© Шальнова Юлия Станиславовна (julia-shalnova02@mail.ru), Чигряев Александр Владимирович (chigryaev_av@pfur.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.05–2.44

УПОТРЕБЛЕНИЕ МОЛОДЁЖНОГО СЛЕНГА И ЖАРГОНА В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

THE USE OF YOUTH SLANG AND JARGON IN GERMAN

L. Shatilova
Ya. Zubkova
S. Orlova

Summary: This article examines the functions of youth slang and jargon, their influence on the linguistic norm in German. It also examines the use of youth slang and jargon in various contexts, such as informal communication, social media, music, and cinema. As a result of the analysis, the authors concluded that the influence of slang and jargon on the linguistic norm of the German language is an important and multifaceted process that affects both the lexical and grammatical aspects of the language. Slang and jargon contribute to the emergence of new words and expressions, often borrowed from other languages, and their integration into everyday speech, which makes the language more dynamic and reflects changes in society.

Keywords: slang, jargon, vocabulary, social networks, music, cinema.

Шатилова Любовь Михайловна
доктор филологических наук, доцент, Московский городской педагогический университет
shatilova-79@mail.ru
Зубкова Яна Владимировна
кандидат филологических наук, доцент, Московский городской педагогический университет
zubkovayav@mgpu.ru
Орлова Софья Николаевна
Государственный гуманитарно-технологический университет
japoan20032006@mail.ru

Аннотация: В данной статье изучаются функции молодежного сленга и жаргона, их влияние на языковую норму в немецком языке. Также рассматривается употребление молодёжного сленга и жаргона в различных контекстах, таких как неформальное общение, социальные сети, музыка и кино. В результате анализа авторы пришли к выводу, что влияние сленга и жаргона на языковую норму немецкого языка является важным и многогранным процессом, который затрагивает как лексический, так и грамматический аспекты языка. Сленг и жаргон способствуют появлению новых слов и выражений, часто заимствованных из других языков, и их интеграции в повседневную речь, что делает язык более динамичным и отражает изменения в обществе.

Ключевые слова: сленг, жаргон, лексика, социальные сети, музыка, кино.

Молодежный сленг и жаргон представляют собой важную часть разговорной речи, особенно среди молодых людей. В последние десятилетия влияние интернета, социальных сетей и глобализации значительно ускоряет развитие сленга. В связи с этим возникает необходимость изучения того, как молодежь использует язык в цифровую эпоху, а также какое влияние это оказывает на грамматическую и лексическую структуру языка [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7].

Актуальность данной темы вызвана тем, что молодёжь – это наиболее динамичная и активная группа населения, которая часто задает новые тенденции в языке, а также использование сленга и жаргона может оказывать как позитивное, так и негативное влияние на развитие языка в целом.

Предметом исследования выступают функции и семантическое особенности молодежного сленга и жаргона в немецком языке.

Цель работы – определить функции и влияние молодёжного сленга и жаргона на языковую норму в немецком языке.

Сленг и жаргон играют важную роль в развитии любого живого языка. Влияние, которое они оказывают на языковую норму, касается не только пополнения лексического запаса, но и изменений в грамматике, синтаксисе и даже в структуре языка в целом. В данной статье рассмотрим влияние сленга и жаргона на языковую норму немецкого языка, а также их функции.

Одной из наиболее заметных функций сленга и жаргона является способность создавать новые слова и выражения, которые затем могут быть восприняты как часть нормальной лексики. В немецком языке это явление наблюдается особенно в последние десятилетия, когда молодежь активно заимствует и адаптирует заимствования из других языков, в первую очередь из английского. Так, такие слова как «**cool**», «**chillen**», «**geek**» или «**like**» (в значении «нравится») стали неотъемлемой частью повседневной речи и перестали восприниматься как жаргонные выражения. Многие из этих слов претерпевают изменения в написании и произношении, что позволяет интегрировать их в грамматическую структуру немецкого языка. Например, английское слово «**cool**», ставшее популярным среди молодёжи, не только потеряло свой первоначальный иностранный оттенок, но и начало использоваться в разных контекстах, приобретая дополнительные значения (например, «cool» как

«классно», «прекрасно», «стильно»). Другим примером является слово «**abgehen»** (буквально «покидать, уходить»), которое в сленговом контексте стало означать «быть крутым», «восторгаться чем-то» или «экстремально развлекаться». Это слово со временем потеряло свой первоначальный смысл и приобрело новое значение, которое активно используется не только в молодежной среде, но и в повседневной речи.

Таким образом, сленг и жаргон становятся источником новообразований, которые, пройдя через социальные и культурные фильтры, входят в основной лексикон языка, иногда даже изменяя нормы и стандарты. Хотя сленг в первую очередь воздействует на лексику языка, его влияние иногда распространяется и на грамматические структуры. Одним из наиболее ярких примеров являются изменения в синтаксисе, например, частое употребление сокращённых форм и использование новых конструкций. Сленг может приводить к упрощению грамматических форм, что выражается в сокращении слов или изменении их порядка. Например, в повседневной молодежной речи часто встречаются сокращённые формы, такие как «**bin»** вместо «ich bin» (я есть), «**kann»** вместо «ich kann» (я могу). Такие сокращения становятся обычным явлением в неформальном общении, что, с одной стороны, делает речь более динамичной и быстрой, но с другой – приводит к нарушению формальных грамматических норм. Кроме того, молодежь активно использует английские конструкции, что может менять структуру немецких предложений. Например, распространение фраз типа «Ich habe keinen Plan, was ich machen will» (Я не знаю, что делать) или «**Das ist so lit»** (Это круто) свидетельствует о заимствовании английской структуры и синтаксиса, что приводит к видимым изменениям в грамматике немецкого языка.

Сленг и жаргон существенно влияют на лексику языка, создавая новые семантические поля и расширяя уже существующие. Это явление особенно заметно в немецком языке, где за последние десятилетия было заимствовано множество англоязычных выражений, а также создано много новых слов и фраз, которые активно используются в речи. Кроме заимствований из английского языка, в немецкий сленг часто включаются элементы из других языков, например французского, турецкого или арабского, что обогащает лексику и делает её более разнообразной. В некоторых случаях эти заимствования становятся неотъемлемой частью языка, а их использование становится массовым. Например, слово «**Kumpel»** (приятель), заимствованное из турецкого языка, стало широко использоваться в немецкой молодёжной среде для обозначения близкого друга или товарища. Влияние сленга на лексику также проявляется в том, что молодёжь активно вводит новые термины для обозначения актуальных социальных явлений и состояний. Например, слово «**digital detox»** (цифровой детокс), заимствованное из англоязычных стран, обозначает период отказа от использования цифровых устройств и интернета, что стало популярным в последние годы среди немецкой молодёжи.

Ещё одним примером является слово «**Influencer»** (инфлюенсер), которое пришло из английского языка, но быстро адаптировалось в немецкой лексике, обозначая человека, оказывающего влияние на общественное мнение, в частности в социальных сетях. Это слово отражает современную тенденцию развития цифровой культуры и становится всё более распространённым в различных сферах жизни. Сленг и жаргон в немецком языке также влияют на стилистические особенности речи. В повседневном общении молодежь всё чаще использует сленговые выражения, даже в ситуациях, где традиционно требуется более официальный стиль. Это может быть связано с желанием выделиться, продемонстрировать свою независимость или следовать трендам, популярным среди сверстников. Например, даже в рекламных кампаниях или в политической риторике стали появляться элементы молодежного сленга, что отражает попытку обратиться к более молодой аудитории и «приблизить» язык к её восприятию. Нередко в немецком языке появляются новые стилистические особенности, такие как использование англицизмов в сочетании с немецкими фразами. Это можно наблюдать в рекламных слоганах или в массовых медиа, где используются фразы типа «**It's your time»** или «**Let's go»**. Это приводит к неформализации языка и стирает границы между официальной и разговорной речью. Несмотря на то, что сленг и жаргон вносят разнообразие в язык и стимулируют его развитие, их влияние на языковую норму не всегда является однозначно позитивным. Одним из рисков является возможная утрата значений традиционных слов и понятий. Часто слова, заимствованные из сленга, могут быть поняты не всеми носителями языка, особенно среди старших поколений, что приводит к возникновению барьеров в общении. Кроме того, избыточное использование сленга и жаргона может привести к нарушению грамматических норм, особенно в письменной речи и формальных контекстах, что может восприниматься как языковая некорректность. Это вызывает критику со стороны сторонников «чистоты языка», которые считают, что сленг ослабляет и нарушает традиционные языковые нормы.

Молодёжный сленг и жаргон немецкого языка широко распространены в повседневной коммуникации, а также в различных формах массовой культуры, таких как музыка, кино, интернет и социальные сети. Сленг является не только способом самовыражения, но и важным инструментом для обозначения принадлежности к определённой социальной группе. Рассмотрим употребление молодёжного сленга и жаргона в различных контекстах, таких как неформальное общение, социальные сети, музыка и кино.

1. Употребление молодёжного сленга и жаргона в социальных сетях.

Молодежь в Германии постоянно придумывает новые сленговые выражения, чтобы подчеркнуть свою индивидуальность и выделиться на фоне других. Вот несколько актуальных слов и выражений, которые активно используют в социальных сетях:

«**Simp»** – заимствованное из английского, это слово обозначает человека, который чрезмерно идеализирует или угождает другому, особенно в контексте романтических отношений. Это слово стало популярным в социальных сетях, где оно часто используется для описания людей, готовых жертвовать собой ради другого человека. Пример: «Er ist so ein Simp, er tut alles für sie» (Он такой симп, он делает всё для неё) [8].

«Woke» – первоначально означавшее «бдительность» или «осведомленность» о социальных проблемах, в последние годы это слово приобрело новый оттенок. В социальных сетях его используют для того, чтобы обозначить людей, которые очень активно занимаются правозащитной деятельностью. Пример: «Sie ist total woke und kämpft für die Rechte der Minderheiten». (Она такая «вок», борется за права меньшинств) [Woke – значение слова [8].

«Bussin» – ещё одно слово, заимствованное из американского сленга, которое теперь активно используется в немецком языке. Оно означает «очень вкусно», «супер», «классно». Обычно применяется, чтобы описать вкусную еду или что-то чрезвычайно хорошее. Пример: «Das Essen war echt bussin, ich will mehr!» (Еда была реально супер, хочу больше!) [8].

«Ghosten» – заимствованное из английского «to ghost», означает «прекратить общение с кем-то, не объяснив причин и не дав никакого ответа». В немецком сленге это слово стало использоваться для описания ситуаций, когда кто-то «исчезает» из общения. Пример: «Er hat mich einfach geghostet, nachdem wir uns getroffen haben». (Он просто перестал общаться со мной, после того как мы встретились.) [8].

В интернете молодёжный сленг становится ещё более разнообразным, так как платформа позволяет активно обмениваться не только текстами, но и изображениями, видео и мемами. Молодёжь в социальных сетях и на форумах часто использует аббревиатуры, эмодзи и фразы, которые обозначают конкретные социальные явления или настроения. В этом контексте жаргон служит быстрым способом общения и выражения эмоций.

В повседневной жизни, в том числе в общении между друзьями или в школьной среде, молодёжь активно использует сленг и жаргон. Эти выражения позволяют сделать общение более живым, динамичным и приближённым к общему стилю жизни. Некоторые выражения стали настолько популярными, что перешли в повседневный лексикон, но для молодёжи они всё ещё остаются маркерами принадлежности к определённой социальной группе. Примеры употребления:

«**Chillen»** – это слово, заимствованное из английского «chill» (расслабляться), стало неотъемлемой частью разговорной речи молодёжи. Оно обозначает «расслабление, отдых в приятной атмосфере». Например: «Lass uns heute Abend einfach chillen». (Давай просто отдохнём сегодня вечером.) «Ich habe heute nichts zu tun, nur chillen!» (Сегодня у меня нет дел, просто отдыхаю) [8].

«**Geil»** – в немецком языке это слово имеет несколько значений, но в молодежном сленге оно обозначает «что-то потрясающее, крутое, удивительное». «Das Konzert gestern war echt geil!» (Концерт вчера был реально крутым!) – «Du hast einen geilen Job!» (У тебя крутая работа!) [8].

«**Krass»** – это слово используется для выражения удивления или восхищения чем-то экстраординарным. Например: «Das war krass, wie schnell du das geschafft hast!» (Это было круто, как быстро ты справился!) «Hast du das Video gesehen? Das ist echt krass!» (Ты видел это видео? Это реально круто!) [8].

«**Abgehen**» – это слово в сленговом контексте означает «быть в восторге, сильно увлекаться чем-то». Также может использоваться для описания весёлых, энергичных действий, например, на вечеринке. Пример: «Die Party gestern war der Hammer, alle sind richtig abgegangen!» (Вчерашняя вечеринка была крутой, все реально отрывались!) Молодежный сленг также активно используется в текстах песен, особенно в жанре хип-хоп, рэп и поп-музыке [8].

«**Echt**» – это слово также стало популярным в молодежной речи и часто используется для подчеркивания «настоящности», подлинности чего-либо, как аналог «реально». Например: «Das war echt cool!» (Это было реально круто!) «Echt, das hast du gemacht?» (Серьезно, ты это сделал?) [8].

«**Läuft**» – этот термин часто используется, чтобы показать, что что-то идёт хорошо, что все в порядке, и что человек доволен своей ситуацией. Например: «Alles läuft, keine Probleme!» (Всё идет как надо, нет проблем!) «Wie läuft's bei dir?» (Как у тебя дела?) [8].

«**Bock haben**» – это выражение обозначает «желание что-то делать, интерес или мотивацию». Например: «Ich habe keinen Bock auf Schule heute» (Сегодня не хочется идти в школу); «Hast du Bock, ins Kino zu gehen?» (Есть желание сходить в кино?) [8].

Сленг часто появляется как реакция на изменения в обществе и, может быть, как результатом заимствований из других языков (в том числе английского), так и креативным творчеством самой молодёжи. Это делает язык динамичным, изменчивым и открытым к новому. Важно отметить, что использование молодежного сленга в устной речи может варьироваться в зависимости от региона, круга общения и субкультуры, к которой принадлежит группа.

Не менее важным аспектом является то, что, несмо-

тря на свою популярность среди молодежи, такие слова и фразы нередко подвергаются критике со стороны старших поколений. Они считают сленг слишком неформальным и даже иногда излишне упрощённым, однако для самой молодежи это является неотъемлемой частью самовыражения.

Также стоит отметить, что молодежный сленг активно используется не только в повседневном общении, но и в цифровой среде, например, в социальных сетях, где слово «**geil**» или «**krass**» могут употребляться в комментариях и постах для выражения восхищения или одобрения чего-либо. Сленг влияет и на культурное восприятие музыки, особенно в жанрах, таких как рэп и хип-хоп, где эти слова часто становятся лейтмотивами текстов песен, что подтверждает его значимость и широту распространения в молодежной культуре.

Таким образом, молодежный сленг и жаргон – это живой, меняющийся язык, который помогает молодым людям находить общий язык друг с другом, придавая общению эмоциональную окраску, непосредственность и подлинность.

2. Употребление молодежного сленга и жаргона в текстах песен.

Артисты в своих композициях используют новые слова, чтобы быть ближе к своей аудитории и передать актуальные настроения: «**Hustlen»** – заимствованное из английского слово, которое в немецком сленге означает «работать на пределе возможностей» или «усердно работать, чтобы достичь успеха» [9]. Это выражение стало популярным в песнях рэперов и уличных музыкантов. Пример (в песне): «Ich bin am hustlen, um meinen Traum zu leben» (Я работаю на пределе, чтобы жить своей мечтой).

«**Viben**» – заимствованное из английского «vibe», это слово обозначает «настроение» или «ощущение» [9]. В песнях часто используется для описания положительных эмоций или общего настроя. Пример (в песне): «Wir sind am viben, die ganze Nacht lang» (Мы находимся в кайфе, всю ночь напролёт).

«Kicken» – в контексте песен это слово часто обозначает «развлекаться», «тусоваться». Используется для описания времени препровождения с друзьями. Пример (в песне): «Komm, lass uns kicken, bevor der Morgen kommt». (Давай потусуемся, пока не наступит утро)

«**Zocken**» – означает «играть в видеоигры», но также может использоваться в контексте «выигрывать» или «достигать чего-то» в жизни [9]. Пример (в песне): «Ich zocke das Leben, immer auf der Überholspur» (Я играю в жизни, всегда на полном ходу).

«Gönn dir» – эта фраза означает «позволь себе это», «наслаждайся», «удовлетворяй свои желания». В текстах песен она может выражать уверенность и поощрение. Пример (в песне): «Gönn dir das Leben, du hast es verdient» (Позволь себе наслаждаться жизнью, ты это заслужил).

«**Banger**» – это слово стало популярным в музыкальной индустрии и означает «классный трек» или «хит». В песнях оно может использоваться для описания музыкальных произведений, которые производят сильное впечатление на слушателей. Пример: «Dieser Track ist ein Banger, er geht direkt ins Ohr! » (Этот трек – бомба, он заходит прямо в ухо!) [9].

«**Fühlen**» – используется для выражения сильных эмоций или ощущений. В контексте песен оно может означать «чувствовать» или «переживать что-то глубоко». Пример: «Ich fühl' das, was du sagst, es geht direkt ins Herz» (Я чувствую то, что ты говоришь, это прямо в сердце) [9].

«**Leben auf der Überholspur**» – фраза, которая означает жить быстро, без оглядки, на полную катушку [9]. Часто используется в контексте песен, подчеркивая стремление к успеху и динамичную жизнь. Пример: «Ich lebe auf der Überholspur, immer schneller, immer weiter» (Я живу на полной скорости, всегда быстрее, всегда дальше).

«**Hype**» – заимствованное из английского слово, которое обозначает ажиотаж, шумиху или тренд. В песнях оно может выражать восхищение чем-то популярным или «горячим». Пример: «Der Hype ist real, alle wollen dabei sein!» (Шум вокруг этого настоящий, все хотят быть частью этого!) [9].

«**Cringe**» – заимствованное из английского, это слово используется для описания чего-то неловкого, стыдного или неудобного. В песнях оно может быть использовано для выражения неприятного ощущения или описания чего-то, что вызывает дискомфорт. Пример: «Das war so cringe, aber trotzdem geil!» (Это было так неловко, но всё равно круто!) [9].

Эти выражения помогают артистам передать атмосферу молодежной жизни, отражают динамичные и быстро меняющиеся реалии, в которых живут их слушатели.

3. Употребление молодежного сленга и жаргона в кино и телевизионных шоу.

Сленг также находит своё отражение в кино и телевидении, где он становится частью образов персонажей и их речевых стилей. Молодёжный сленг используется для усиления аутентичности образа и создания более живого общения между героями. К примеру, в немецких сериалах и фильмах для молодежной аудитории часто используются такие выражения, как «chillen», «krass», «mega» и другие. Примеры употребления**:**

1. **В популярном немецком сериале** «**How to Sell Drugs Online (Fast)»** часто используются сленговые выражения, такие как: «Das ist echt krass»! (Это реально круто!) «Mega geil, was du da machst!» (Очень круто, что ты делаешь)!
2. **В немецком фильме** «**Wir sind die Welle»**, который рассказывает о подростках и их протестах,

молодёжь активно использует такие выражения, как: «Alter, das geht gar nicht!» (Братан, это вообще не круто!) «Du bist ein echter Babo»! (Ты настоящий лидер!).

3. **В новом сезоне популярного немецкого сериала «Druck»** появились интересные сленговые и разговорные выражения, которые могут стать ценным источником для изучения молодежного жаргона. В следующем мини-разборе рассмотрены некоторые из них.

Abhängen – глагол, который может использоваться не только в значении «зависеть от кого-то/чего-то», но и как «зависать, тусить, проводить время с друзьями» [8]. Это слово в разговорной речи схоже с аналогичным выражением в русском языке.

Weggeschlossen – «запертый, взаперти». Это выражение активно используется подростками, жалующимися на жизнь взаперти, особенно в контексте пандемии [8].

Die Mucke – разговорный термин для музыки. Пример употребления: Mach mal die Mucke auf! – Включи музыку! [9].

Pass mal auf – фраза, которая может означать «осторожнее, смотри, куда идешь» или «следи за словами». Конкретное значение зависит от контекста [9].

Die Ehre nehmen – в контексте спортивной игры может означать «обесчестить». Это выражение используется для описания победы или унижения соперника [9].

Hopsnehmen – «подловить, сцапать». Используется в смысле задержания или поимки кого-либо в сложной ситуации [8].

Lästern – «обсуждать за спиной, очернять». Это слово активно используется в молодежном сленге для описания негативных разговоров о людях, когда они не присутствуют [8].

Sitzen bleiben – в контексте учебы означает «оставаться сидеть, то есть не сдать экзамены и остаться на второй год» [8].

Du musst dich ranhalten, um sie einzuholen – выражение, которое означает «тебе нужно поторопиться, чтобы догнать ее». Здесь **ranhalten** – «стараться», **einholen** – «догонять» [8].

Übertreiben – «переборщить, перепить, если речь идет о алкоголе». Например, на Halloween Party герои могли сказать это о том, кто слишком сильно увлекся [8].

Эти выражения не только помогают глубже понять современный немецкий язык, но и дают представление о языковых особенностях молодежной культуры.

Таким образом, молодёжный сленг и жаргон немецкого языка становятся важным элементом повседневной коммуникации, а также отражением культурных изменений в обществе. Использование сленговых выражений в различных контекстах – от неформальных разговоров до социальных сетей, музыки и кино – служит инструментом самовыражения и утверждения социальной идентичности. В то же время сленг активно влияет на язык, приводя к образованию новых слов и выражений, а также к изменениям в грамматике и стилистике немецкого языка. Влияние сленга и жаргона на языковую норму немецкого языка является важным и многогранным процессом, который затрагивает как лексический, так и грамматический аспекты языка. Сленг и жаргон способствуют появлению новых слов и выражений, часто заимствованных из других языков, и их интеграции в повседневную речь, что делает язык более динамичным и отражает изменения в обществе. Эти явления также приводят к упрощению грамматических форм и синтаксиса, что характерно для неформального общения среди молодежи. Однако, несмотря на свои положительные стороны, сленг и жаргон могут вызывать проблемы, такие как потеря значений традиционных слов или нарушение грамматических норм, особенно в формальной письменной речи. Избыточное использование этих элементов языка может привести к трудностям в коммуникации между поколениями и ослаблению устойчивости языковой нормы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Банщикова М.А. Особенности интеграции заимствований из англоязычного профессионального жаргона специалистов рекламы (на материале немецкого медиадискурса) / М.А. Банщикова // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2010. №126. [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-integratsii-zaimstvovaniy-iz-angloyazychnogo-professionalnogo-zhargona-spetsialistov-reklamy-na-materiale-nemetskogo (дата обращения: 04.01.2025).
2. Гусева А.Е. Метафорно-метонимические процессы при образовании молодёжного жаргона / А.Е. Гусева, К.М. Манукян // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. №1. [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metaforo-metonimicheskie-protsessy-pri-obrazovanii-molodezhnogo-zhargona-na-materiale-sovremennogo-nemetskogo-yazyka (дата обращения: 04.01.2025).
3. Соболев И.Д. Сленговые слова и выражения в текстах песен немецких рок- и лаунж-исполнителей / И.Д. Соболев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 1(79). Ч. 1. С. 168–170. ISSN 1997–2911.
4. Оберемченко Е.Ю. Молодёжное арго в функциональном и переводческих аспектах / Е.Ю. Оберемченко, А.А. Дунина // Гуманитарные и социальные науки, 2022. Т. 93. № 4. С. 73-79. [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnoe-argo-v-funktsionalnom-i-perevodcheskih-aspektah-na-materiale-angloyazychnyh-i-nemetskoyazychnyh-forumov (дата обращения: 04.01.2025).
5. Рябова М.Э. Структурно-семантическая характеристика немецкоязычного молодежного сленга / М.Э. Рябова, Л.М. Шатилова // Гуманитарные и социальные науки. – 2023. – Т. 97, № 2. – С. 104–110. – DOI 10.18522/2070–1403-2023-97-2-104-110. – EDN WTSKAU.

6. Шатилова Л.М. Сравнительная характеристика частотности употребления англоязычных заимствований в немецком и русском языках / Л.М. Шатилова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 12–1(78). – С. 182–185. – EDN ZREEOP.
7. Шатилова Л.М. Лексические особенности текстов современных немецкоязычных песен (на примере рок-исполнителей) / Л.М. Шатилова, Я.В. Зубкова, Н.М. Леонова, В.А. Борискин // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – № 10–3. – С. 225–230. – DOI 10.37882/2223–2982.2024.10–3.43. – EDN HKMBSO.
8. Duden. [Электронный ресурс] URL: https://www.duden.de/ (дата обращения: 04.01.2025).
9. Reverso. [Электронный ресурс] URL: https://context.reverso.net (дата обращения: 04.01.2025).

© Шатилова Любовь Михайловна (shatilova-79@mail.ru), Зубкова Яна Владимировна (zubkovayav@mgpu.ru), Орлова Софья Николаевна (japoan20032006@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.05–2.46

ОСОБЕННОСТИ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА ЭСКИЗОВ В СФЕРЕ РАКЕТНЫХ ДВИГАТЕЛЕЙ

FEATURES OF MACHINE TRANSLATION OF SKETCHES IN THE FIELD OF ROCKET ENGINES

O. Shestakova
E. Kataeva
N. Makarov

Summary: A sketch is considered as a special type of technical text. A quantitative and qualitative analysis of terms in the source text was carried out. The number of single-component and multi-component terms generally accepted technical and special terms was determined. With the help of specialists in the field of rocket engines, an assessment of the quality of machine translation of the Google Translate online translator was made, which amounted to slightly more than 50%. In the process of post-editing, translation errors were identified, possible causes of their occurrence were analyzed: lack of context, homonymity, polysemy of terms. Our own translation solutions were proposed, which can replenish the database of special terms.

Keywords: machine translation, post-editing, scientific and technical translation, sketch, terms.

Шестакова Ольга Валентиновна
кандидат филологических наук, доцент, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Пермский национальный исследовательский политехнический университет»
shestakova64@mail.ru
Катаева Екатерина Георгиевна
старший преподаватель, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Пермский национальный исследовательский политехнический университет»
kate_lipstick@mail.ru
Макаров Никита Михайлович
аспирант, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Пермский национальный исследовательский политехнический университет»
mir.makarov@mail.ru

Аннотация: Эскиз рассматривается как особенный вид технического текста. Проведен количественный и качественный анализ терминов в исходном тексте. Определено количество однокомпонентных и многокомпонентных терминов, общепринятых технических и специальных терминов. С помощью специалистов в сфере ракетных двигателей была произведена оценка качества машинного перевода онлайн-переводчика Google Translate, которая составила чуть более 50%. В процессе постредактирования были выявлены переводческие ошибки, проанализированы возможные причины их возникновения: отсутствие контекста, омонимичность, многозначность терминов. Предложены собственные переводческие решения, которые могут пополнить базу специальных терминов.

Ключевые слова: машинный перевод, постредактирование, научно-технический перевод, эскиз, термины.

В настоящее время системы машинного перевода (МП) активно используются как для осуществления перевода научно-технических текстов, так и для оценки его качества, что безусловно, способствует эффективности работы переводчика. Следует отметить, что качество машинного перевода в последнее время значительно возросло. Анализу существующих систем машинного перевода посвящено достаточно большое количество исследований:

— постредактирование результатов машинного перевода [1, 4];
— принципы работы двух системы машинного перевода – «ПРОМТ» и «Google Translate». возможности и сферы использования каждой из переводческих систем [7];
— выявление ошибок в машинном переводе текстов различных жанров и их типологии [6, 8, 9];
— проблема типологизации ошибок машинного перевода [3].

Проблемы машинного перевода рассматриваются на материале текстов различных жанров и направлений.

Перевод графического материала наряду с текстами является насущной необходимостью. Данная работа посвящена анализу особенностей машинного перевода научно-технических текстов по проектированию химических ракетных двигателей, а именно эскизов узлов турбонасосного агрегата и воспламенительного устройства. Как известно, техническая информация излагается не только в тексте статей, инструкций, пояснительных записок, но и на эскизах, чертежах и т.д. Особенность эскиза как формы репрезентации технического знания

заключается в том, что он содержит невербальные средства (чертежи, рисунки) и минимум вербальных средств (только названия узлов и деталей). Проверка качество перевода осуществляется визуальным сопоставлением изображённых узлов/ деталей с полученными в процессе перевода названиями.

Наименование детали, которое указывается на чертеже/эскизе, должно соответствовать принятой терминологии. Как известно, перевод терминов является главной проблемой при переводе научно-технического текста. Основные проблемы, которые возникают при переводе термина ПЯ, эквивалентного терминологической единице ИЯ: (1) отсутствия термина в лексикографических источниках; (2) отсутствие абсолютного соответствия между значениями единиц ИЯ и ПЯ, которое обусловлено такими явлениями как омонимия, полисемия, синонимия и антонимия [2, 5]. Специальные знания и грамотное использование переводческих приемов позволяют достигнуть максимальной эквивалентности при переводе терминов. Среди наиболее частых способов перевода терминов отмечаются калькирование, модуляция, конкретизация и подбор эквивалента.

Общее количество терминов на эскизах составляет 106 единиц, из них специальные термины (89 единиц) составляют 84%, общепринятые технические термины (17 единиц) - около 16%.

По формальной структуре выделяется два основных типа терминов: термины-слова (однокомпонентные термины) и термины-словосочетания (многокомпонентные термины). Для ракетно-космической отрасли характерно образование большого количества новых сложных понятий и, как следствие, многокомпонентных терминов, многие из которых уже зафиксированы в базах машинных переводчиков. Напр. *axial-flow fuel turbopump assembly* «осевой топливный турбонасос», *centrifugal-flow oxidizer turbopump* assembly «центробежный турбонасос окислителя».

На эскизах встречается 25 терминов-слов (23%) и 82 термина-словосочетания (77%). Следует отметить, что большинство общепринятых технических терминов на эскизах состоят из одного слова: *body* «корпус», *rotor* «ротор». Важной особенностью многокомпонентных терминов является то, что они содержат информацию о функции детали и/или ее расположения, которая помогает переводчику точно перевести термины. Напр. термин *torque-carrying clamping-bolt* МП перевел дословно «зажимной болт, несущий крутящий момент». В результате смыслового развития на основе сопоставления с обозначаемой деталью был подобран следующий эквивалент «установочный винт».

В половине случаев (55 названий, 52%) МП подобрал правильный экивалент для терминов. Это главным образом устоявшаяся специальная ракетная терминология: *fuel pump impeller* «крыльчатка топливного насоса», *main oxidizer valve* «главный клапан окислителя», а также общепринятые технические термины: *turbine* «турбина», *chamber* «камера». МП правильно перевел однокомпонентные термины (14 единиц): *igniter* «воспламенитель», *gimbal* «карданный подвес», а также многокомпонентных терминов (41 единица): *gas generator* «газовый генератор», *heat exchanger* «теплообменник», *thrust washer* «упорная шайба», *first-stage wheel* «колесо первой ступени», *main fuel valve* «главный топливный клапан», *first-stage nozzle* «сопло первой ступени». Следует отметить, что в число правильно переведённых терминов вошло пять названий состоят из 4–5 слов. Напр. *axial-flow fuel turbopump assembly* «осевой топливный турбонасос», *high pressure oxidizer duct* «канал окислителя высокого давления», «центробежный турбонасос окислителя». Таким образом, терминологические словарные базы МП содержат общепринятые технические и многокомпонентные специальные термины,

Однако почти в 50% случаев потребовалась переводческая коррекция. Машинный переводчик дал неправильный перевод некоторым однословным названиям на эскизе (7 ед.); *adapter* «адаптер», *cap* «кепка» *shield* «щит», *slinger* «стропальщик» *restrictor* «ограничитель», *closure* «закрытие», *inducer* «индуктор». Собственный перевод данных терминов, следующий: *adapter* «переходник», *cap* «обтекатель», *shield* «кожух» *slinger* «держатель», *restrictor* «фиксатор», *closure* «заглушка», *inducer* «лопатка».

Неправильный перевод был обусловлен многозначностью данных слов. Следует отметить, что данные англоязычные термины образованы из общеупотребительных слов путем метафорического переноса или сужения/расширения значения или являются интернациональными словами (*adapter, inducer*), что обусловливает их «ложный» перевод. Кроме того, на эскизах, как уже было отмечено, отсутствует контекст. Эквивалентный перевод названия достигнут путем смыслового развития (модуляции).

Следует отметить, МП правильно перевел на эскизе многозначный термин *spacer* «проставка», тогда как в словарях зафиксировано множество значений данного термина: *горн. промежуточный патрон; машиностр. сепаратор*; *полигр. пробельная клавиша и т.д.*

Явление омонимии вызывает трудности при переводе. Так следующие английские слова прежде всего известны как: *basket* «корзина», *cap* «кепка», *nut* «орех», *washer* «моечная машина». МП в первых двух случаях дает указанный выше перевод, что является неверным. На эскизах они обозначают: *basket* «гильза», *cap* «обтека-

тель». В двух следующих случаях эквивалент подобран правильно: *nut* «гайка», *washer* «шайба»,

Трудности для перевода представляют многословные термины. Для их эквивалентного перевода требуются переводческие преобразования. Так, *main charge-cored pyrotechnic grains* МП переводит на русский язык *пиротехнические зерна с основным зарядом*, что, на наш взгляд, является достаточно длинным сочетанием для обозначения позиций на эскизе. В результате смыслового развития получается «пиротехнические заряды». Прием модуляции использован для 29 единиц: *primary charge* «пиропатрон», ср. МП «первичный заряд»; *booster charge* «усилитель», ср. МП «дополнительный заряд», *main charge* «заряд с порохом», ср. МП «основной заряд», *fuel pump balance cavity* «демпферная камера топливного насоса, ср. МП «балансировочная полость топливного насоса»; *balance cavity return line* «обратная линия демпферной камеры», ср. МП «возвратная линия балансировочной полости».

Конкретизация была использована для перевода 15 названий. Термин *inducer* «*лопатка*» на нашем эскизе встречается в многокомпонентных терминах *oxidizer inducer* «лопатка 1 ступени», *fuel inducer* «лопатка 2 ступени».

Прием калькирования был применен для 7 единиц. Термин *radial pins for thermal growth* МП переводит дословно как «радиальные штифты для теплового роста». Посредством калькирования и опущения подобран эквивалент «радиальные штифты». Несложный термин *contact pins* МП перевел некорректно «*контактные контакты*». Прием калькирования позволил дать правильный эквивалент *соединительные штифты.*

Таким образом, корректировка перевода потребовалась 7 олнокомпонентным и 44 многокомпонентным терминам. Эквивалентный перевод был достигнут благодаря следующим преобразованиям: модуляция – 29 единиц (57%), конкретизация – 15 единиц (30%), калькирование – 7 (13%).

Большая часть переводческих преобразований (57%) приходится на смысловое развитие (модуляцию). Частое использование модуляции при переводе можно объяснить различиями логического строя мысли в английском и русском языках. Конкретизация и калькирование помогают более четко сформулировать название в соответствии с русской терминологией в данной сфере и в соотнесении с обозначаемой позицией на эскизе.

Машинный переводчик справился с переводом названий на эскизах приблизительно в половине случаев. Данный результат, разумеется, является недостаточным для перевода технических документов, которые требуют точности и однозначности. МП корректно перевел на эскизах почти все общепринятые технические термины и половину специальных терминов. Правильность перевода однокомпонентных терминами МП составляет 72% (18 единиц из 25), многокомпонентных терминов - 50% (41 единица из 82).

Особенность перевода эскизов заключается в том, что при отсутствии контекста опираться можно только на перевод названий на основе различных словарей, навыки переводческих преобразований и знания устройства ракетных двигателей, которые позволяют соотнести название с деталью/узлом на эскизе. На основе проведенного анализа машинного перевода терминов на эскизах нами выделены следующие ошибки: (1) неверный выбор соответствия омонимичного или полисемичного термина; (2) дословный перевод, так называемое «ложное» калькирование.

Установлено, что при переводе эскизов в сфере ракетных двигателей трудности МП возникают прежде всего при переводе специальных терминов, как однословных терминов, так и многокомпонентных сочетаний по следующим причинам: (1) неправильный выбора варианта перевода, обусловленного омонимией или полисемией терминов; (2) отсутствие подходящего значения в базе данных. Таким образом, при переводе эскизов невозможно обойтись без переводчика-человека, который должен обладать профессиональными знаниями в сфере ракетных двигателей или обращаться к экспертам в данной области. Данный вид перевода можно «доверить» только переводчику, который путем визуального сопоставительного анализа названий/ терминов с соответствующей позицией на рисунке и т.п. и переводческих преобразований подбирает правильный эквивалент. Были использованы следующие переводческие трансформации: модуляция, конкретизация, калькирование.

Выявление новых терминов, а также новых значений у имеющихся терминов является важным практическим вкладом переводчика в сфере профессиональной коммуникации. Конкретные примеры перевода могут пополнить словарь специальных терминов и способствовать повышению качества машинного перевода. Данное исследование может способствовать совершенствования систем машинного перевода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляева Л.Н. Машинный перевод в современной технологии процесса перевода //Известия Российского государственного педагогического университета им. АИ Герцена. – 2022. – №. 203. – С. 22–30.

2. Головин Б.Н. Лингвистические основы учения о терминах. М.: Высшая школа, 1987. 104 с Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах: Учеб. пособие для филол. спец. вузов. // М.: Высш. шк., 1987. 104 с.
3. Гребенюк А.В. Проблемы типологии ошибок машинного перевода: стремление к универсальности vs таргетированность // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2024, № 2. С. 7–25. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-2-7–25
4. Дорожкина В.А., Ивлева М.А. Постредактирование машинного перевода в обучении студентов лингвистических специальностей //Вопросы методики преподавания в вузе. – 2020. – Т. 9. – №. 33. – С. 38–45.
5. Дудочкина О.Г., Задорожная О.А. Проблема перевода терминов с английского языка на русский в научных текстах //Вестник науки и образования. – 2019. – №. 23–1 (77). – С. 43–46
6. Иванченко Т.А. Ошибки в машинном переводе с немецкого языка на русский (на материале статей немецкоязычных СМИ и текстов их переводов) //Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. – 2021. – №. 4 (76). – С. 30–41. в вузе. – 2021. – Т. 10. – №. 39. – С. 46–54.
7. Новожилова А.А. Машинные системы перевода: качество и возможности использования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2014. – № 3 (22). – С. 67–73.
8. Шевчук Е.В., Никифорова Ж.А. Постредактирование и типичные ошибки в автоматизированном переводе научно-публицистических текстов //Вопросы методики преподавания в вузе. – 2021. – Т. 10. – №. 39. – С. 46–54.
9. Шушарина Г.А., Петрунина Ж.В. Сопоставительный анализ текстов онлайн-переводов //Вестник Челябинского государственного университета. – 2021. – №. 4 (450). – С. 185–192.

© Шестакова Ольга Валентиновна (shestakova64@mail.ru), Катаева Екатерина Георгиевна (kate_lipstick@mail.ru),
Макаров Никита Михайлович (mir.makarov@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.05–2.47

СВОЕОБРАЗИЕ СТРУКТУРЫ И СЕМАНТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ КОНФИГУРАЦИЙ «УТЫКУ» (ЦЕНТР) (ПО ПРОИЗВЕДЕНИЯМ А.П. КЕШОКОВА)

THE PECULIARITY OF THE STRUCTURE AND SEMANTICS OF THE PHRASEOLOGICAL CONFIGURATIONS OF "UTYK" (CENTER) (BASED ON THE WORKS OF A.P. KESHOKOV)

D. Shugusheva
M. Kardanov

Summary: This article analyzes the representation of the concept of the «center» (utyk) using the example of phraseological expressions from the work of A.P. Keshokov. The systematic cases of the author's purposeful use of a thematic group of phraseological units are studied, with an emphasis on identifying their national and cultural uniqueness. Phraseological constructions stand out for their expressiveness and metaphor in literary and artistic works. The relevance of this study is due to the insufficient elaboration of the phraseological components in the writer's narrative prose, which arouses considerable interest in the context of the artistic and aesthetic aspects of their art. The main role of phraseological units is that they reflect the event component of the text, give psychological depth to the narrative at all its stages, and connect various storylines into a single whole. In addition, they actively participate in the construction of the spatial and temporal context of the artwork.

Keywords: concept, linguoculturology, phraseological unit, semantics, context.

Шугушева Джулета Хабасовна
кандидат филологических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
shugushd@mail.ru
Карданов Мусадин Латифович
кандидат филологических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
musadin07@mail.ru

Аннотация: В данной статье анализируется репрезентация концепта «центра» (утыку) на примере фразеологических выражений из творчества А.П. Кешокова. Изучаются систематические случаи целенаправленного применения автором тематической группы фразеологических единиц, с акцентом на выявление их национально-культурной уникальности.

Фразеологические конструкции выделяются своей выразительностью и метафоричностью в литературных и художественных произведениях. *Актуальность* данного исследования обусловлена недостаточной разработанностью фразеологических компонентов в прозе повествовательного характера у писателя, что вызывает значительный интерес в контексте художественно-эстетических аспектов их искусства. Основная роль фразеологических единиц заключается в том, что они отображают событийную составляющую текста, придают психологическую глубину повествованию на всех его этапах, а также соединяют различные сюжетные линии в единое целое. Кроме того, они активно участвуют в построении пространственно-временного контекста художественного произведения.

Ключевые слова: концепт, лингвокультурология, фразеологическая единица, семантика, контекст.

Культурологический анализ литературных произведений в первую очередь нацелен на изучение культурных концептов, основанных на архетипах, которые подчеркивают уникальные черты конкретной культуры и их изменения, вызванные мировоззрением автора и его художественными намерениями. Каждый писатель, пользуясь богатством этнического языкового фонда, эксплицирует свое видение и восприятие ключевых концептов культуры. В прозе Алима Пшемаховича Кешокова одними из ключевых концептов, презентирующих индивидуально-авторскую языковую картину мира писателя, являются, на наш взгляд, лексемы *зэман*/время, *унэ*/дом, *псэ*/душа, *гу*/сердце, *утыку*/центр занимающие центральное место во всем его творчестве. Мировидение автора, отображая его ценностные установки, дает возможность делать выводы об особенностях индивидуально-авторской картины мира [7, с. 51].

В данной статье мы стремились рассмотреть концепцию *утыку* / центр как отражение внутреннего состояния автора, которое находит свое проявление в его прозе. Особый интерес для нас представляет фразеологическое воплощение этой лексемы. Когнитивный подход предлагает широкие возможности в сфере экспликации семантических изменений, их типологии и систематизации. Также используются приемы сравнительно-исторического, семантико-мотивационных методов анализа [2, с. 150].

Связь между фразеологическими единицами и контекстом в произведениях А.П. Кешокова является многоаспектной. Контекст, который создает автор, оказывает определенное влияние на фразеологические единицы, в нем раскрываются потенциальные возможности фразеологизмов. Автор свободно применяет такие явления в области фразеологии, как полисемия, синонимия и антонимия.

Концепция *утыку* / центр был изучен как с точки зрения структуры, так и с точки зрения семантики элементов различных языковых уровней, отражающих этот концепт. Также были сделаны выводы о восприятии *середины* как личного пространства в разнообразных лингвокультурах.

Рассматривая понятие *утыку* в адыгской языковой картине писателя, мы пытались выявить как универсальные, так и специфические проявления понимания данного концепта. Репрезентантами концептосферы *утыку* / центр в текстах А.П. Кешокова являются - середина, центр, на обозрение, и т.д.

Лексема *утыку илъхьэн* автор использует в значении предать огласки что-либо. И тем самым пристыдить, и носит воспитательный характер:

утыку илъхьэн (**къилъхьэн)** - предать огласке что-то, вынести действие на обсуждение, сказать о задуманном [1, с. 257] (букв.: положить на середину площади):

Нахъуэ утыкум кърилъхьат мэжджыт Іуэхур, мэжджыт дыхуейкъым, жызыІэм фи Іэр фыІэт, жиІэри [4, с. 549]. - Нахо вынес на обсуждение дело о мечети, сказав: кто не согласен с постройкой мечети поднимите руки.

Инал къэуІэбжьащ: Степан Ильич агрогородым щызэхуэса къомым я пащхьэ къиувэрэ а къомыр утыкум кърилъхьэмэ, ди пыІэкур къриудакъэ, жиІэу. Инал ар идэнутэкъым [Там же, с. 747]. - Инал растерялся: подумал, если Степан Ильич встанет перед собравшимися в агрогороде и предаст огласке все это, то он нас опозорит. Инал этого не допустит.

Къалмыкъым Іуэхур утыкум кърелъхьэ, Бахъсэн щызэрызехьам я мурадар цІыкІуфэкІукъым, абы хэтар тезыгъэгушхуэу я гум къишхыдыкІар Къатхъэн Назирщ, колхозыр идэркъым, Совет властыр икъутэжу шэрихьэт хабзэм тету псэууэ иригъэжьэн и хьисэпщ, жиІэу [6, с. 526]. - Калмык выносит на обсуждение всем: цель учинивших беспорядки в Баксане не простое, в нем участвовал и ободрял всех Катхан Назир, он против колхоза, хочет сломать Советскую власть и начать жить по шариату.

(Степан Ильич) Къагурыуэн хуейщ цІыхум дэ зи ужь дитыр. Ди гум илъыр утыкум къитлъхьэн хуейщ. ИтІанэщ ди гъусэри ди бийри къыщытщІэнур [3, с. 194]. - (Степан Ильич) Люди должны понять, что мы делаем. Мы скажем всем что задумали. Только тогда поймем кто с нами, и кто против нас.

Персонажи автора – это чувствительные натуры, которые, сталкиваясь с критическими обстоятельствами, зачастую проявляют свои чувства, не задумываясь о возможных последствиях. В таких ситуациях А.П. Кешоков использовал лексему *утыку къимылъхьэн*:

утыку къимылъхьэн - не предавать огласке, не разглашать, скрывать (букв.: не вложить в середину площади, круга):

(Астемыр) Иджыпстуи занщІэу утыкум кърилъхьэнутэкъым и гум илъыр, жыжьэу къыщІидзащ: - Колхозыр аракъым Жыраслъэн папщІэ шэсынІэ увынур [4, с. 568]. - (Астемир) Он сразу не разгласит что задумал, начал из далека: - Не колхоз встанет горой за Жираслана.

Еджакlуэ цlыкlухэм абы хуэдэу фlэкlа ящlэнкъэ. Къуейщlеящ щlалэри, хуэфащэ иращlэнщ, ар утыку къыщlиплъхьэни щыlэкъым [Там же, с. 850]. – Ученики могут и не такое выкинуть. Мальчик баловался, и он получит по заслугам, но нельзя это предать огласке.

Общество играет ключевую роль в формировании личности индивида. Вне социальных структур человек оказывается не только изолированным, но и беззащитным:

утыку къинэн - остаться один, без помощи, оставить кого-либо в одиночестве, подвести (букв.: оставить в середине площади):

(*Дэфэрэдж) МащІэрэ си закъуэпцІий утыкум сыкъивнат?* [6, с. 16] - (Дафарадж) Не раз вы меня подводили, оставляли одной без поддержки.

Иджы хъарзынэу щІым и унафэ щыщІыпхъэ зэман ихуащи, блэбгъэкІмэ, уиІам фІэкІа уимыІэжу утыкум укъинэнщ [Там же, с. 86]. - Сейчас благоприятное время для решения вопроса с землей, поэтому не упускай случая, а то окажешься только с тем, что у тебя было.

(Долэт) А къомыр къытхуэзыщІэм зыгуэр тІухыну и мурадщ. Ди мылъкур иримыкъумэ, утыкум дыкъинакъэ! [3, с. 181] - (Долет) За все что он нам сделал, хочет что-то с нас взять. Если мы не сможем расплатиться, то остались мы с тобой одни.

А.П. Кешоков часто использует конструкцию *утыку къинэн*, употребляется она в значении «стать лидером»:

утыку къихьэн - внести предложение; поднять скандал; выйти из-за угла (букв.: внести в центр площади, круга):

(Къазбэч) Езым къызэрилъытэмкІэ, щІыр пачащ, жыпІэу, батэкъутэр бгъэшу утыку укъыщІихьэн щыІэкъым [6, с. 82]. - (Казбек) Не стоит поднимать скандал утверждая, как ему кажется, что обделили с землей.

Данизэти, Инал зыкъригъэлъагъумэ и гуапэу, нэхъ утыкум къихьэри къэпсэлъащ: – А игъуэ нэмысу дунейм ехыжа си Лъэпщыжь мыгъуэ, – жиІэу, – Инал нобэ жиІар зэхэпхатэм, уи насыпышхуэти [3, с. 445]. - Данизат хотела показаться Иналу, поэтому вышла с предложением: - Мой бедный Тлепш, ушедший скоропостижно. Как было бы большим счастьем для тебя, если бы ты услышал, что сказал Инал.

Писатель часто выбирает один из нескольких синонимичных фразеологизмов или устойчивых выражений, даже если все они подходят к ситуации. Когда такие синонимы используются в одном и том же контексте, автор избегает неоднозначности, тщательно выстраивая предложение. Это, в свою очередь, создаёт эффект языковой игры, которая помогает автору лучше передать задуманное и достичь поставленных художественных целей. То есть, умелое использование синонимичных фразеологизмов, а также точный подбор контекста, служит инструментом для создания стилистического эффекта и усиления выразительности текста. Писатель сознатель-

но играет со словами, используя синонимичные выражения для достижения определённого художественного результата, а не из-за случайности или небрежности.

Утыкум ишэн - выявить, привлечь к ответственности (букв.: вывести в центр площади, круга):

Ухеймэ, улъэщщ жаIа щхьэкIэ, мыбдежым хейм и Iуэхур къикIакъым: письмор езыгъэтхам и пщампIэр яубыдри утыкум кърашащ, къулыкъушхуэ уиIэр уфIэмащIэу нэхъ иныж зыIэщIэбгъэхьэну ара узыхуейр жаIэри [6, с. 12]. - Хотя и говорят, что ты силен если невиновен, но здесь невиновному дело не вышло: привлекли к ответственности того кто был инициатором письма, упрекая тем, что ему мало той большой должности и захотелось еще выше.

Утыкум къигъэувэн - поставить что-то перед собравшимися (букв.: поставить на середину площади, круга):

Азрэт учительскэм щIэта стIол цIыкIу гуэр къихьри утыкум къригъэуващ [5, с. 230]. - Азрет принес какой-то столик, который когда-то стоял в учительской, и поставил перед собравшимися.

Исследование выявило значительную взаимосвязь и взаимодействие между контекстом и фразеологическими единицами, особенно в тех случаях, когда для передачи семантики требуется специфическая структуризация контекста. Иногда образы, которые заключены в фразеологических выражениях, пронизывают всё литературное произведение, тесно переплетаясь с окружающим контекстом.

Утыкум къилъэдэн - выскочить; необдуманно, поспешно высказаться (букв.: забегать на середину площади, круга):

(ЛэтIифэ) Сэри сощIэ: цIыхум я лъабжьэр, я къуэпсыр хъумэн хуейщ жиIэу утыкум къилъэдэни къыфхэкIынкIэ мэхъу [6, с. 11]. - (Латифа) Я знаю: могут быть среди вас и те, кто скажет поспешно, что нужно беречь корни и ветви жизни людей.

(адакъэ Джэлил) – Тхьэджэд! – жиIэри цыджу утыкум къилъэдащ [Там же, с. 494]. - (петух Джалил) - Индюк! - выскочил, выкрикивая и пародируя его.

Утыкум къилъэфэн - вытащить насильно кого-то перед кем-то (букв.: вытащить в центр площади)

Праздникым и пэм къихуэу дезертирыр утыкум къидмылъафэмэ, нэхъыфIуи къыщIэкIынщ [5, с. 262]. - Лучше будет если перед праздником мы не втащим дезертира перед всеми.

Мыдэ щхьэ пIащIэрэ – а усакIуэри утыкум кърилъэфэнкъэ Чорэм? [Там же, с. 599] - Пусть не торопится - Чора вытащит этого писаку перед всеми.

А.П. Кешоков обладает тонким чувством семантики слов и фразеологических единиц, что позволяет ему естественно интегрировать традиционные формулы в свои тексты. Это создает заметный прагматический эффект, который усиливает воздействие его произведений. Исследуемые им фразеологизмы отражают уникальные черты адыгской лингвокультурной традиции, передавая её ментальные акценты и особенности.

В творчестве А.П. Кешокова эти этнокультурные фразеологизмы получают новое авторское прочтение, что связано с его индивидуальным стилем и художественным восприятием окружающего мира. Таким образом, он не просто использует фразеологизмы, а наполняет их новым смыслом, что делает его тексты более глубокими и выразительными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карданов Б.М. Кабардино-русский фразеологический словарь. – Нальчик: Эльбрус, 1963. – 348 с.
2. Карданов М.Л., Езаова М.Ю., Шугушева Д.Х. Трансформация корня в современном кабардино-черкесском языке. Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – М.: ООО «Научные технологии», 2023, № 6–2. – С. 149–153.
3. Кешоков А.П. Собрание сочинений: В 6 т. Т 2. – Нальчик: Эльбрус, 2007. – 488 с.
4. Кешоков А.П. Собрание сочинений: В 6 т. Т 3. – Нальчик: Эльбрус, 2005. – 752 с.
5. Кешоков А.П. Собрание сочинений: В 6 т. Т 4. – Нальчик: Эльбрус, 2006. – 688 с.
6. Кешоков А.П. Собрание сочинений: В 6 т. Т 5. – Нальчик: Эльбрус, 2006. – 552 с.
7. Шугушева Д.Х. Фразеологизмы кабардино-черкесского языка как этнокультурный феномен в художественном тексте (на материале произведений А.П. Кешокова): дисс. ... канд. филол. наук. – Нальчик: КБГУ, 2018. – 166 с.

© Шугушева Джулета Хабасовна (shugushd@mail.ru), Карданов Мусадин Латифович (musadin07@mail.ru) .

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2025.05–2.49

ПАРТИКУЛЯЦИЯ КАК ВИД КОНВЕРСИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

PARTICULATION AS A TYPE OF CONVERSION IN MODERN LINGUISTICS

L. Yusupova
I. Zaripova

Summary: The article examines the process of particulation – the transformation of significant words (having lexical meaning) into official words (particles) – in Russian and Tatar languages. Particulation implies the loss of the original lexical meaning of a word and its acquisition of grammatical function. The study examines in detail the particulation of various parts of speech. In Russian, the transformation of adverbs, verb forms, pronouns, conjunctions, introductory words, nouns, and interjections, as well as prepositions into particles is analyzed. The Tatar language focuses on the transformation of adjectives, adverbs, pronouns, and verb forms. The authors not only describe the process of transition of words into the category of particles, but also analyze the features of the use of these former significant words in the context of sentences of both languages, highlighting the specifics of particulation for each language. The focus is on the change in the meaning and function of a word because of particulation and the types of grammatical changes that occur during this process.

Keywords: linguistics, word formation, method of word formation, conversion, particulation, particle.

Юсупова Лейсан Рамзилевна
ФГБОУ «Уфимский университет науки и технологий»;
ГАПОУ «Казанский колледж технологии и дизайна»
katievaleisan@yandex.ru
Зарипова Ильмира Фаргатовна
кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ «Уфимский университет науки и технологий»
ilmira2712@yandex.ru

Аннотация: Статья изучает процесс партикуляции – превращение знаменательных слов (имеющих лексическое значение) в служебные слова (частицы) – в русском и татарском языках. Партикуляция подразумевает потерю исходного лексического значения слова и приобретение им грамматической функции. В исследовании подробно рассматривается партикуляция различных частей речи. В русском языке анализируется превращение в частицы наречий, глагольных форм, местоимений, союзов, вводных слов, существительных и междометий, а также предлогов. В татарском языке – фокус на преобразовании прилагательных, наречий, местоимений и глагольных форм. Авторы не только описывают сам процесс перехода слов в разряд частиц, но и анализируют особенности употребления этих бывших знаменательных слов в контексте предложений обоих языков, выделяя специфику партикуляции для каждого языка. В центре внимания – изменение значения и функции слова в результате партикуляции и виды грамматических изменений, происходящие при этом.

Ключевые слова: лингвистика, словообразование, способ словообразования, конверсия, партикуляция, частица.

Язык постоянно эволюционирует, и именно словарный запас, в первую очередь, демонстрирует эти изменения. В отличие от фонетических и грамматических аспектов, лексический состав языка является открытой системой, поскольку он непрерывно пополняется новыми единицами. Способность расширять свой словарный запас новыми словами является наиболее ярким доказательством динамичности языка. Среди различных способов обогащения лексического запаса, таких как семантические изменения и заимствования, словообразование является наиболее эффективным.

По мнению М.Ф. Лукина, развитие языка обусловлено коммуникативными потребностями общества, которые служат движущей силой для изменений, нововведений и инноваций в языке, включая, в частности, процесс перехода слов из одной части речи в другую [2, с. 50].

Согласно мнению В.Н. Ярцевой, основная причина перехода одной части речи в другую заключается в потребности общества в выражении своих мыслей с помощью языковых средств. В ходе транспозиции одно и то же слово способно изменять свою частеречную принадлежность, «расширяя синтаксические возможности языка, способствуя более точному формулированию мыслей и придавая выражению особую гибкость» [1, с. 65]. Популярность этого языкового явления объясняется естественным желанием говорящих упростить речь и сделать её более компактной. Это достигается путем сокращения синтаксических конструкций: «происходит синтагматическое сжатие, при котором линейная языковая структура избавляется от вспомогательных элементов, каковыми являются предлоги, аффиксы» [5, с. 18].

Отсутствие аффиксов в данном случае обусловлено тем, что транспонируемая единица сохраняет свою первоначальную форму. Процесс создания новой лексемы можно рассматривать как «механизм обмена функциями между языковыми элементами» [3, с. 5]. Производное слово используется в синтаксической функции, которая не является его изначальной, и получает грамматические категории, присущие новой части речи. Таким образом, при сохранении фонетического и графического вида конвертируемой лексемы происходит изменение её первичных (категориальных) и вторичных (синтаксических) функций [4, с. 65].

В Лингвистическом энциклопедическом словаре под редакцией В.Н. Ярцевой конверсия трактуется как «способ словообразования без использования специальных словообразовательных аффиксов; разновидность транспозиции, при которой переход слова из одной части речи в другую происходит так, что назывная форма слова одной части речи (или его основа) используется без всякого материального изменения в качестве представителя другой части речи» [1, с. 235].

По нашему мнению, в процессе конверсии слово одной части речи переходит в другую и создаётся новая производная лексема с полным сохранением формы производящей.

В русском языкознании конверсия исследована В.В. Виноградовым, Е.А. Земской, Е.С. Кубряковой, В.В. Лопатиным, М.Ф. Лукиным, И.Г. Милославским, В.М. Никитевичем, М.А. Шелякиным и другими лингвистами [7]. В языкознании татарского языка проблеме конверсии посвящены научные исследования П.М. Мелиоранского, А.А. Юлдашева, А.А. Ахундова, С.Л. Бегляровой, Ф.А. Ганиева, М.З. Закиева, Д.Г. Тумашевой, Д.А. Салимовой и др. [6].

В данной статье рассматривается один из видов конверсии – партикуляция – переход в частицы других частей речи, в результате которого происходит изменение их частеречной семантики и функции в предложении: лексическое значение знаменательного слова вытесняется их служебным (функциональным) значением.

Актуальность нашей работы определяется тем, что в современном языкознании образование частиц, особенно путём конверсии, изучено недостаточно.

Частицы представляют собой уникальный класс незнаменательных слов, которые передают смысловые и модально-экспрессивные оттенки слов и целых предложений, а также участвуют в формировании различных форм слова.

Партикуляция наблюдается исключительно в языках синтетического типа, поскольку в языках аналитического типа частицы выполняют не только функцию формирования определённых форм слов, будучи их составной частью, но и служат для связывания слов, что не характерно для слов самостоятельных частей речи.

Особенности перехода разных частей речи в разряд частиц, их употребление в литературной речи рассмотрим в следующих примерах.

В русском языке при помощи конверсии частицы образуются от:

1. наречий со значениями:

— в самом деле, действительно: *Молодица уж и **впрямь** была царица*. (А. Пушкин) → ср.: выражает уверенность; так и есть, на самом деле: *– Уже утро. – **Впрямь** светает;*

— всегда, все время, постоянно: *Не **всё** коту масленица*. (Поговорка) → ср.: в сочетании с указательно-определительными местоимениями и наречиями для усиления, подчеркивая их значения: *Левин продолжал находиться **всё** в том же состоянии сумасшествия*. (Л. Толстой);

— в действительности, подлинно, в самом деле: *Он **действительно** очень устал.* → ср.: употребляется для выражения утверждения; да, верно: *Он так сказал? – **Действительно**.*

— вполне успешно, как полагается, как нужно: *Стану я милого звать! **Ладно** ли пашню вспахала?* (Н. Некрасов) → ср.: употребляется для выражения подтверждения чего-либо, согласия с чем-либо; означает: хорошо, согласен, пусть будет так: *– Что ж, чайку можно попить, – сочувственно вздохнул о. Христофор. – Это не задержит. – Ну, **ладно**! – согласился Кузьмичов.* (А. Чехов);

— открыто, прямо: *[Шахворостов] ищет, как бы заговорить со мной **просто**, по-дружески.* (С. Сартаков) → ср.: совершенно, прямо: *[Лидия:] Наши дела очень плохи, нам **просто** жить нечем.* (А. Островский).

2. глагольных форм со значениями:

— происходить, совершаться, случаться*: – Не понимаю, что со мною **было** и каким образом мог он меня к тому принудить… но – я выстрелил* (А. Пушкин) → ср.: употребляется при прошедшем времени глагола для обозначения того, что действие началось или предполагалось, но не было закончено в силу каких-то причин: *Обломов приподнялся **было** с кресла, но не попал сразу ногой в туфлю и сел опять* (И. Гончаров);

— небрежно, в беспорядке бросать, перекладывать с места на место: *[Домна Пантелевна:] Ты подушки-то поосторожнее, там на полу не **валяйте** их!* (А. Островский) → ср.: употребляется при выражении побуждения, призыва кого-либо к какому-либо действию: *В переднем углу трактира … сидел только один человек. Ванюшка подошел к нему. – Можно присесть? – **Валяй**!* (М. Горький);

— передавать: ***Давай** сюда мои книги!* → ср.: выражает приглашение к совместному действию или побуждение к действию: ***Давай** мириться*!

— передать из рук в руки, вручить: *[Андрей:] Я пришел к тебе, **дай** мне ключ от шкафа, я затерял свой.* (А. Чехов) → ср.: выражает собственную решимость к какому-либо действию, побуждение что-либо сделать: *– Завелись лишние деньжонки – **дай** слетаю в Москву, погляжу, что за Москва белокаменная* (П. Мельников-Печерский).

3. местоимений со значениями:

— указывает на что-либо предварительно назван-

ное, упомянутое; это: *Вы будете её встречать? – Не знаю, будет ли* ***оно*** *хорошо.* → ср.: усиливает, выделяет слово или высказывание: ***Оно****, конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать?* (Н. Гоголь);

— указывает на отношение действия к самому производителю действия (подлежащему), соответствуя по смыслу личным местоимениям любого лица и числа: *Я сам расскажу о времени и о* ***себе****.* (В. Маяковский) → ср.: употребляется (обычно постпозитивно) при глаголе или местоимении, подчеркивая, что действие совершается свободно, независимо*: – Теперь мы сами доедем, – сказал Селифан, – ступай* ***себе*** *домой.* (Н. Гоголь).

4. союзов со значениями:

— тем не менее, однако, несмотря на что-либо: *Не хотела соглашаться и* ***всё-таки*** *согласилась.* → ср.: подчёркивает скрытое противопоставление: *Как* ***всё-таки*** *приятно приезжать сюда;*

— соединяет два предложения, второе из которых выражает несоответствие, противоположность тому, что ожидается на основании первого предложения; соответствует по значению словам: оказывается, а на самом деле, но вдруг и т. п.: *Воеводы не дремали, Но никак не успевали. Ждут, бывало, с юга, – глядь, –* ***Ан*** *с востока лезет рать!* (А. Пушкин) → ср.: употребляется в начале предложения (в диалоге) для усиления противоположения тому, что предполагается, утверждается; соответствует по значению словам: а вот, а все-таки, нет и т. п.: *– Ну что, проигрался? – сказал проснувшийся Тихонов. –* ***Ан*** *нет, семнадцать рублей выиграл.* (Л. Толстой);

— употребляется в начале придаточного предложения для выражения условного предположения; означает: если бы, когда бы: *–* ***Кабы*** *я была царица, – Говорит одна девица, – То на весь крещеный мир Приготовила б я пир.* (А. Пушкин) → ср.: употребляется в начале восклицательного предложения для выражения сильного желания: *[Федька:] Ох,* ***кабы*** *перекусить что-нибудь.* (А. Грибоедов);

— употребляется для выражения условно-предположительного сравнения в значении: как будто, как если бы: *Сверчок трещит однообразно,* ***словно*** *скучает.* (И. Тургенев) → ср.: указывает на неуверенность, предположительность высказывания: как будто: *– Я замечаю: он с некоторых пор* ***словно*** *не в духе. Уж не влюблен ли он!* (И. Тургенев).

5. вводных слов со значениями:

— само собой разумеется, без сомнения: *[Маша:]* ***Конечно****, много значит привычка.* (А. Чехов) → ср.: да, разумеется. *[Зобунова:] Средство это – дорогое! [Булычов:]* ***Конечно****!* (М. Горький);

— в сущности, по существу: *– А вы, молодой человек, чем же больны? – Я,* ***собственно****, ничем не болен.* (В. Вересаев) → ср.: в собственном, буквальном смысле слова: *Когда работа над авторским текстом литературного сценария закончена, начинается первый этап* ***собственно*** *режиссерской работы – создание режиссерского сценария.* (С. Герасимов);

— употребляется для подчеркивания достоверности высказывания в значении: все-таки, ведь: *– Ну, что терзаетесь? Уж говорите лучше прямо... Все легче будет.* ***Чай****, все-таки не чужой я вам человек.* (А. Куприн) → ср.: ведь, всё-таки: ***Чай*** *мы с тобой не чужие.*

6. имён существительных со значениями:

— все положительное, хорошее: *Меж ими все рождало споры И к размышлению влекло: Племен минувших договоры, Плоды наук,* ***добро*** *и зло.* (А. Пушкин) → ср.: ладно, хорошо; так, пусть будет так: *–* ***Добро****, – сказал он ей после некоторого молчания, – жди себе кого хочешь в избавители, а покамест сиди в этой комнате.* (А. Пушкин);

— истинное событие, происшествие, явление: *Происшествие, мною рассказанное, – действительный* ***факт****, случившийся неподалеку от моей деревни.* (С. Аксаков) → ср.: употребляется в значении: верно, несомненно, действительно, конечно: *– Твоя линия ошибочная, политически неправильная,* ***факт****!* (М. Шолохов)

7. междометий со значениями:

— выражает злорадство, торжество, замешательство и т. п.: *Теперь ты наш:* ***ага****, дрожишь!* (А. Пушкин) → ср.: употребляется для выражения согласия, подтверждения; соответствует по значению словам: да, хорошо, так: *– Здорово мой отец говорит, а, Пашка? – спросил Ваня. –* ***Ага****, – согласился Павлик.* (К. Федин);

— выражает удивление, восхищение или недовольство, негодование, иронию и другие чувства: *[Графиня внучка:]* ***Ну*** *бал!* ***Ну*** *Фамусов! умел гостей назвать! Какие-то уроды с того света.* (А. Грибоедов) → ср.: употребляется для выражения вопроса с оттенком недоверия, удивления и т.п.; соответствует по значению слову неужели: *[Глафира:] А вчера был слух, что ты арестован. [Лаптев:] Да* ***ну****? Это, должно быть, неверно.* (М. Горький).

8. предлогов со значениями:

— наподобие, в виде кого-, чего-либо: *Мне было лет двадцать пять, когда я начинал писать что-то* ***вроде*** *воспоминаний.* (А. Герцен) → ср.: указывает на предположительность высказывания, на сомнение в достоверности чего-либо: *[Тарас] спросил однажды жену…: – Не пойму я, мать,* ***вроде*** *наша Настька красивой стала? А?* (А. Горбатов).

В татарском языке путём конверсии частицы образуются от:

1. имён прилагательных со значениями:

— ачык, күзгә бәрелеп торган: *Күк йөзе искиткеч* ***җәте*** *йолдызлар белән тулган бу аяз апрель*

кичендә Зәйтүнә берьюлы ... ике ялгышын эшләде. (Ф. Хөсни) → чаг.: төп төсне аңлаткан сыйфатлардан алда килеп һәм басымны да үзенә алып, артыклык дәрәҗәсе ясый; бик ачык, үтә: *Илдарның башында кечкенә козырёклы кепка булыр, читеннән карга канаты кебек **җете** кара чәче чыгып торыр.* (Г. Гобәй);

— исәбе, хисабы алынмаган, исәпләп бетергесез, бик күп, чиксез күп: *Фәйрүзә перрондагы ыгы-зыгы, **исәпсез** халык арасыннан Тәһирны эзләвен күз алдына китерде.* (М.Галиев) → чаг.: бик күп, чамадан тыш, гаять, ифрат: *«Ир» дигән исемне күтәреп йөргән хәлдә үзләренең никадәр түбән җанлы икәнлекләрен аңламаучылар **исәпсез** бит.* (С .Зыялы);

2. наречий со значениями:

— тулысынча, тулысы белән, тәмам: *Безнең әниләр заманында, башта аршын ярымлык калфак иде, өстә үзләре эшләгән күлмәк иде, камзуллары **бөтенләй** көмеш тәңкә, мәрҗән белән каелып беткән иде.* (Г. Исхакый) → чаг.: инкяр җөмләләрдә юклык мәгънәсен көчәйтеп, куәтләп килә; һич тә, бер дә, һичнинди, һичбер: *Кайвакыт әйләнә-тирәгә күз салам да, шундый кешеләр күп булгач, «чын кеше» диярлекләр **бөтенләй** күренмәгәч, бик күңелсез дә, моңсу да, әшәке дә булып китә.* (Г. Бәширов);

— артык, артык дәрәҗәдә, чамадан тыш, тагын да: ***Бигрәк** тә үтә кызыл булып киттең, кордаш.* (Р. Ишморат) → чаг.: сыйфат алдында килеп, артыклык дәрәҗәсен белдерә: *Нәкъ-нәкъ әтисе тасвир иткәнчә... **бигрәк** матур, **бигрәк** ягымлы.* (Г. Гобәй);

— фикергә катгыйлык төсмерен өсти: *Көттең, **бик** рәхмәт, ләкин мин ике генә көнгә кайттым.* (Г. Ибраһимов) → чаг.: искитмәү, ризасызлык белдерү, кире кагу, мәгънәсендә: *[Сафура:] **Бик** исем китте.* (А. Әхмәт);

— тиешле вакыттан артка калып, гадәттәгедән кичегеп: ***Соң** гына уянып, ашык-пошык капкалагач, шагыйрь тагын өстәл янына утыра.* (И. Нуруллин) → чаг.: ойгылы җөмләләргә көчәйтү төсмере өсти: ***Соң** бит бу музыка сүз белән әйтеп бирелгән җырларга караганда мең-мең тапкыр көчлерәк тә, аңлаешлырак та икән ләбаса!* (М. Хәсәнов);

3. от местоимений со значениями:

— чагыштырмача иң ерак аралыкны, ерактагы берәр нәрсәне төбәп күрсәткәндә кулланыла торган күрсәтү алмашлыгы: ***Әнә** чүлмәк: аңа катык тутырылган; **Әнә** карга: мәчет өстенә кунган.* (Г.Тукай) → чаг.: берәр нәрсә турында раслау, ышандыру төсмере белән, басым ясап, ассызыклап, игътибарны юнәлтеп әйтергә теләгәндә кулланыла: ***Әнә** ич, бер килсә килә бит ул бәхет дигәнең.* (Р. Мөхәммәдиев);

— тойгылы җөмләләрдә аларның экспрессивлыгын көчәйтү өчен кулланыла: ***Менә** кемнәрдә икән әхлак, менә кемнәрдә икән намус-вөҗдан, **менә** кемнәрдә икән ул сафлык...* (Г. Ахунов) → чаг.: *бит, ичмаса, инде* һ.б.ш. кисәкчәләр белән килеп, сөйләмнең экспрессивлыгын арттыра: ***Менә** ичмаса кеше иде! Кеше түгел, алтын иде.* (М. Хәсәнов);

— сөйләүче һәм тыңлаучыдан тыш әңгәмәдә катнашмаган затны яки атамыйча нинди дә булса әйберне белдерү өчен хезмәт ит: *Гел **ул** гына кешеләргә акыл өйрәтеп йөрмәсен әле.* (Ф. Яруллин) → чаг.: үзеннән алда килгән сүз белдергән мәгънәне көчәйтү өчен кулланыла: *Ә председатель хатыннары турында чәйнәүчеләр күп була **ул**.* (В. Нуруллин);

4. от глагольных форм со значениями:

— кемнең дә булса сәламен, үтенечен, йомышын яки әмерен тәгаенләнгән иясенә икенче берәү аша тапшыру: *Гөлшатларны күреп **әйтерсең**, самавырым өлгерде, чәйгә кайтсыннар.* (Т. Гыйззәт) → чаг.: кемнең дә булса берәр нәрсә турында әйтелгән фикеренә ышанмауны яки ышанып бетмәүне, шикләнеп карауны белдерә; имеш, янәсе: ***Әйтерсең** полиция аңа хәбәр иткән дә, ул шуннан соң гына безне, килеп, куып чыгарган.* (Ә. Фәйзи);

— берәүнең милке, байлыгы саналу, аның карамагына керү, файдалануында тору: *Хөррият **булгач**, эшлисе килми, Ашыйсы килә, дустым*. (Г. Афзал) → чаг.: кабатлап әйтелгән сүзләр арасында килгәндә, көчле басым ясауны белдерә: *[Илгизәр:] Рәхәт **булгач** рәхәт инде.* (Т. Миңнуллин);

— башка формадагы фигыльләр янында хикәяләүне белдерә: *Ул [Габдулла] агач заводында кара эшче **булып** тамак туйдыра булган.* (Г. Ибраһимов) → чаг.: гадәттә кабатланган исемнәр арасында килеп, хәтта, мәгънәсен белдерә: *Мәдинә **булып** Мәдинә ... Борһанны мыскыл иткәндәй, кәкрәеп торган була бит.* (М. Хәсәнов);

— чыгыш килешендәге тәмамлыктан һәм иясез җөмләдәге -п, -рга, -са форм. соң: эшли алу, булдыру, хәлдән килү: *[Кларанының җиңгәчәсе:] Һи, мут күз, Иркә туташымны колхоз эшенә чыгарып имгәтер идеңме әллә? **Булыр** синнән, денсездән…* (Ә. Еники) → чаг.: исем, алмашлык, хәзерге заман хикәя фигыльләр янәшәсендә чамалауны, фаразлауны белдерә, *-дер/ -дыр* кисәкчәсе функциясендә кулланыла: *Белә **булыр**: бала пәйгамбәрләр Кәнтәйлеккә аннан өйрәнгән.* (А. Хәлим);

— «шулай дип фараз итсәк», «болай дип уйласак», «шулай булган очракта» кебек мәгънәләрне белдерә: *[Д. Сәфәров:] Түгәрәк өстәл, киңәшмә, семинар кебек рәсми очрашулардан чыккач, гадәттә, күңелне икеле-микеле уйлар бимазалый: очраштык, **ди**, сөйләштек, **ди** – шуннан нәрсә?* (Татарстан яшьләре) → чаг.: риторик сораулы, ирониляле җөмләләрдә инкяр итүне куәтләп килә: *Сорады, **ди**! Төнге смена туры килмәгән булса, үзе, ялынып, басуга чыгар иде әле.* (Ф. Садриев);

— нәрсәне дә булса белдерү, әйтү, сөйләү, хәбәр итү: *«Тукай» **дигәч**, уйлар әллә кая – Үткәннәргә кире йөгерә.* → чаг.: кабатлап әйтелгән сүзләр арасында килеп, катгыйлык төсмерен өсти һәм әйтелгәннәрне куәтли: *[Хәбибрахман:] «Бармыйм» **дигәч**, бармыйм инде! Иң әүвәл мин аның, ул театрның, кайда икәнен белмим.* (Г. Камал);
— нәрсәне дә булса белдерү, әйтү, сөйләү, хәбәр итү: *Чулпан Йосыпованың «Син мине әрнеми **дисеңме**» дигән җыры музыкаль мәйданчыкларга чыкты.* → чаг.: үзе караган сүзгә басым ясап, «да, дә» мәгънәсендә килә: *Таулардан ыжгыртып чабып төшүләр **дисеңме**, егылып киткәндә баш белән карга кадалулар **дисеңме**, агач араларыннан борыла-борыла төшкәндә, чаңгы астыннан кар бураннары уйнап калулар **дисеңме**!* (И. Гази);
— «теләү», «ният итү, ниятләү» кебек мәгънәләрне белдерә: *Дәрестә «Сәламәт булыйм **дисәң**...» танып-белү сәгате узды.* → чаг.: кабатлап әйтелгән сүзләр арасында килеп, эчтәлекне куәтләп, ассызыклап, басым ясап килә: *Ну, моңы **дисәң** дә моңы бу магнитофонның!* (Ф. Баттал).

Таким образом, частицы обладают особыми свойствами: вносят дополнительные смысловые оттенки и эмоциональную окраску в отдельные слова и высказывания в целом, тем самым образуя различные грамматические формы. Частицы не имеют своих словообразовательных средств, поэтому они пополняются за счёт других частей речи. Один из таких способов – распространенный вид конверсии – партикуляция, благодаря которой язык обогащается новыми частицами, а существующие слова получают новые возможности использования.

Партикуляция в русском языке наблюдается при переходе наречий, глагольных форм, местоимений, союзов, вводных слов, имён существительных, междометий и предлогов в разряд частиц, а в татарском языкознании – имён прилагательных, наречий, местоимений и глагольных форм, где самостоятельные части речи теряют свое лексическое значение и синтаксическую функцию, приобретая функциональное значение, соответственно, новые морфологические признаки. В русском языке переход наречий в разряд частиц, по нашим наблюдениям, является наиболее продуктивным явлением, а в татарском языке наибольшую активность и частотность трансформации в категорию частиц демонстрируют глагольные формы и наречия. Это показывает, что категория частиц, как специфической группы служебных слов, не имеет однозначных границ. Многие языковые единицы находятся в переходном состоянии, из-за чего в языке активно используются гибридные формы, объединяющие свойства различных частей речи, включая и частицы. Переход слова из одной части речи в другую представляет собой сложный процесс словообразования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] // Под ред. В. Ярцевой. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – 385 с.
2. Лукин М.Ф. Трансформация частей речи в современном русском языке. – Донецк: Изд-во ДГПИ, 1973. – 101 с.
3. Пешкова Л.Ф. К проблеме транспозиции (субстантивация всех частей речи и адъективация причастий во французском языке) [Текст]: автореф. дис. … канд. филол. наук / Л.Ф. Пешкова. – М., 1966. – 15 с.
4. Трамова З.Х. Словообразование имен существительных и наречий по конверсии (на материале современного карачаево-балкарского языка) [Текст]: дис. … канд. филол. наук / З.Х. Трамова. – Нальчик, 2006. – 168 с.
5. Черногорова Г.П. Модель (S1 + S2) и связанные с ней некоторые проблемы адъективации существительных [Текст] / Г.П. Черногорова // Исследование словообразовательной структуры и сочетаемости языковых элементов в романских языках. — Челябинск: ЧПИ, 1981. – С. 17–23.
6. Юсупова Л.Р., Зарипова И.Ф. Проблема адвербиализации в современном языкознании // Казанская наука. 2024. – № 11. – С. 456–458.
7. Юсупова Л.Р., Зарипова И.Ф. Субстантивация как морфолого-синтаксический способ словообразования в русском языке // Казанская наука. 2024. – № 10. – С. 323–325.

© Юсупова Лейсан Рамзилевна (katievaleisan@yandex.ru), Зарипова Ильмира Фаргатовна (ilmira2712@yandex.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

Arakelova A. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Pyatigorsk State University"

Asriev A. – Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Dean, Omsk State Pedagogical University

Avezova B. – Candidate of Philological Science, Associate Professor, The Kosygin State University of Russia, Moscow

Azmetova R. – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Federal state budgetary educational institution of higher education "Moscow state university of technology and management named after K.G. Razumovsky (PKU)"

Barcaeva E. – candidate of pedagogical sciences, associate professor, Mordovian State Pedagogical University, Saransk

Belanovskaya Yu. – Candidate of Historical Science, Associate Professor, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Bespalov A. – graduate student, Moscow City University

Bezrukova K. – Penza State University

Blokhin V. – Doctor of Historical Sciences, professor, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Bobkova O. – candidate of pedagogical sciences, associate professor, Mordovian State Pedagogical University (Saransk)

Bogatyrko A. – Teacher, Ural State University of Railway Transport (Yekaterinburg)

Burova A. – St. Petersburg Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation

Chasovskaja V. – St. Petersburg State Forestry Engineering University named after S.M. Kirov

Chernobrov A. – Doctor of Philology, Professor, Novosibirsk State Pedagogical University

Chigryaev A. – Senior lecturer, The Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

Cui Xiaolin – postgraduate student, Don State Technical University (Rostov-on-Don)

Demidova E. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Pyatigorsk State University"

Dolgopolova V. – Lecturer, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "V.I. Vernadsky Crimean Federal University"

Fedotova O. – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don)

Galdanov G. – Teacher, State Budgetary General Education Institution "Republican Mariinsky Boarding School", Ulan-Ude

Gamajunova A. – candidate of pedagogical sciences, associate professor, Mordovian State Pedagogical University (Saransk)

Glukhov G. – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Samara State University of Economics

Our authors

Gong Ming – Lomonosov Moscow State University

Grigorieva N. – Doctor of Science, Professor, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Grigorieva N. – Doctor of Science, Professor, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Gutsalyuk A. – Pacific State University

Kardanov M. – Candidate of Philology, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov"

Kataeva E. – Senior Lecturer, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Perm National Research Polytechnic University"

Katashev M. – Candidate of Historical Sciences, Budgetary Scientific Institution «Scientific Research Institute of Altaic Studies named after S.S. Surazakov»

Khiminets E. – Teacher, Perm State University

Khovyakova A. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Sochi State University

Kiryushina A. – Penza State University

Kokorina K. – Associate Professor, Prince A. Nevsky Military University Ministry of Defense of the Russian Federation (Moscow)

Kosheleva O. – Candidate of Philological Sciences, Associate professor, Astrakhan State Medical University, Astrakhan

Kosova I. – candidate of science, Luzhkov Moscow Metropolitan Governance University, Moscow

Kovaleva A. – Mordovian State Pedagogical University (Saransk)

Li Feng – Graduate student, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan

Li Han – Doctoral student, library of Heilongjiang University No. 74, Xuefu Road, Nangang District, Harbin, Heilongjiang Province, China

Li Xiaomin – Postgraduate Student, Peoples' Friendship University of Russia

Logacheva N. – Candidate of Historical Science, Assosiate Professor, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Lupina A. – Candidate of Sciences, Military University named after Prince Alexander Nevsky

Makarov N. – Postgraduate Student, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Perm National Research Polytechnic University"

Malshakova P. – Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Maslova A. – Candidate of Philological Sciences, Associate professor, Tatishchev Astrakhan State University

Medvedeva Yu. – Senior teacher, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

Mironova A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Mishlanova S. – Doctor of philology, professor, Perm State University

Moskvina Ju. – Associate Professor, Candidate of Philology, Ural State University of Railway Transport (Yekaterinburg)

Murashev M. – Senior Lecturer, Pacific National University

Ngo Xuan Bien – Institute of Foreign Languages, Hue University, Vietnam, Hue City

Nemchinov N. – Doctor of Medical Sciences, President, Russian Academy of Shotokan Karate-Do, Golden Belt of Russia, 10th Dan, Hanshi

Novikova N. – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, The Kosygin State University of Russia, Moscow

Novikova V. – Candidate of Pedagogical Sciences, Senior lecturer, Federal state budgetary educational institution of higher education "Financial University under the Government of the Russian Federation

Ondar Sh. – Omsk State Pedagogical University

Orlova S. – State Humanitarian and Technological University

Orlova V. – Lecturer, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow

Pavlenko S. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Stavropol Institute of Cooperation (branch), Belgorod University of Cooperation, Economics and Law (Stavropol)

Pechalov A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Stavropol Institute of Cooperation (branch), Belgorod University of Cooperation, Economics and Law (Stavropol)

Pechalova L. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Stavropol Institute of Cooperation (branch), Belgorod University of Cooperation, Economics and Law (Stavropol)

Perepyolkina E. – Mordovian State Pedagogical University, Saransk

Polishchuk E. – Candidate of Philological Sciences, Lomonosov Moscow State University

Sakalov I. – Candidate of Sociological Sciences, Doctoral student, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Semenchenco I. – Doctor of Historical Sciences, South Ural State University (National Research University), (Zlatoust)

Shalnova Ju. – Specialist, The Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

Shatilova L. – Doctor of Philology, Associate Professor, Moscow City University

Shcherbakova N. – candidate of pedagogical sciences, associate professor, Penza State University

Shepeleva E. – Methodologist, State Budgetary Institution of Additional Education MCSHOR "Zapad"

Shepeleva O. – Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor, A.S. Pushkin Leningrad State University (Saint Petersburg)

Shestakova O. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Perm National Research Polytechnic University"

Shindel` S. – Candidate of Cultural Studies, Associate professor, Engels technological Institute (branch) of Gagarin State Technical University

Shugusheva D. – Candidate of Philology, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov"

Simonova M. – Doctor of Science, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Smirnova Yu. – Associate professor, Moscow City University

Stepanova N. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, St. Petersburg University of Management and Economics

Suvorova A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, South Ural State University (National Research University), (Zlatoust)

Sviridov A. – Postgraduate student, Samara State University of Economics

Takazov V. – Doctor of Philological Sciences, Professor, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Tian Mengzhuм – Postgraduate student of the Department of Philologyм Moscow State Pedagogical University

Tonoyan Kh. – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Moscow State University of Technologies, and Management named after K.G. Razumovsky (PKU)

Tumina V. – Teacher, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense Russian Federation, Moscow

Vasiljev S. – A.S. Pushkin Leningrad State University (Saint Petersburg)

Vinogradova D. – Teacher, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

Wen Xiaoqing – Graduate student, Peoples' Friendship University of Russia

Xu Jing – Heihe University, Heihe City, Heilongjiang Province, China

Yakovleva E. – Doctor of Pedagogical Science, Professor, Nizhnekamsk Institute of Chemical Engineering and Technology (branch of), "Kazan National Research University of Technology"

Yakovleva S. – Graduate student, Novosibirsk State Pedagogical University

Yusupova L. – Ufa University of Science and Technology; Kazan College of Technology and Design

Zaripova I. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Ufa University of Science and Technology

Zubkova Ya. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Moscow City University

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе "Антиплагиат".

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением ".doc", или ".rtf", шрифт 14 Times New Roman.
- Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).